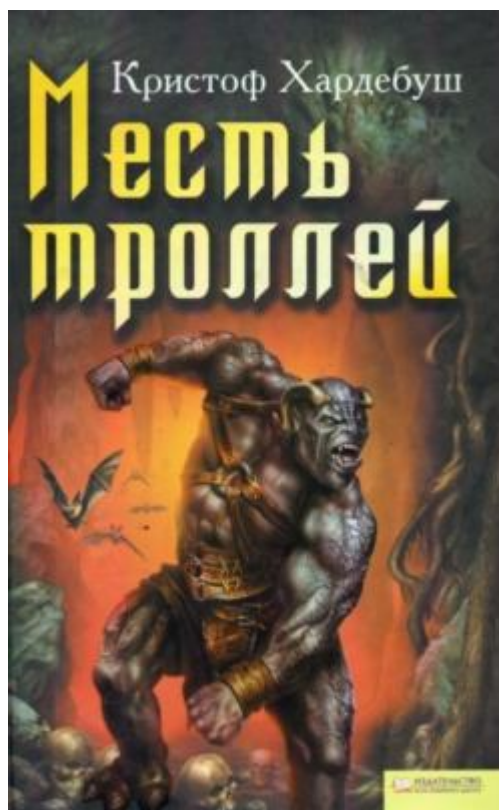

Кристоф Хардебуш Месть троллей

Тролли – 1

Юрчик Библиотека Старого Чародея
«Месть троллей»: Книжный клуб "Клуб семейного досуга"; Харьков, Белгород; 2010
ISBN 978-5-9910-1106-8, 978-966-14-0691-8, 978-3-453-53237-3

Аннотация

В вечной битве гномов с троллями победа, похоже, достанется гномам: на их сторону стали сами недра. И чтобы одолеть гномов, тролли должны объединиться с людьми. Вместе с юным воином Стеном тролли совершат невероятное: вырвут заложников из лап тирана, одержат победу в решающей битве с захватчиками, прекратят жестокие ритуалы магов Солнца. Это не по плечу и целой армии людей, но они смогут. Они — тролли!

Кристоф Хардебуш Месть троллей

*Мой путь кажется мне мрачным и одиноким,
Ведь только он знает, кто по нему идет,
Уж смерть близка, и кто будет по мне плакать?
Могильно-холодные пальцы сжимают мою душу.
Сальтатио Мортис. Тоска*

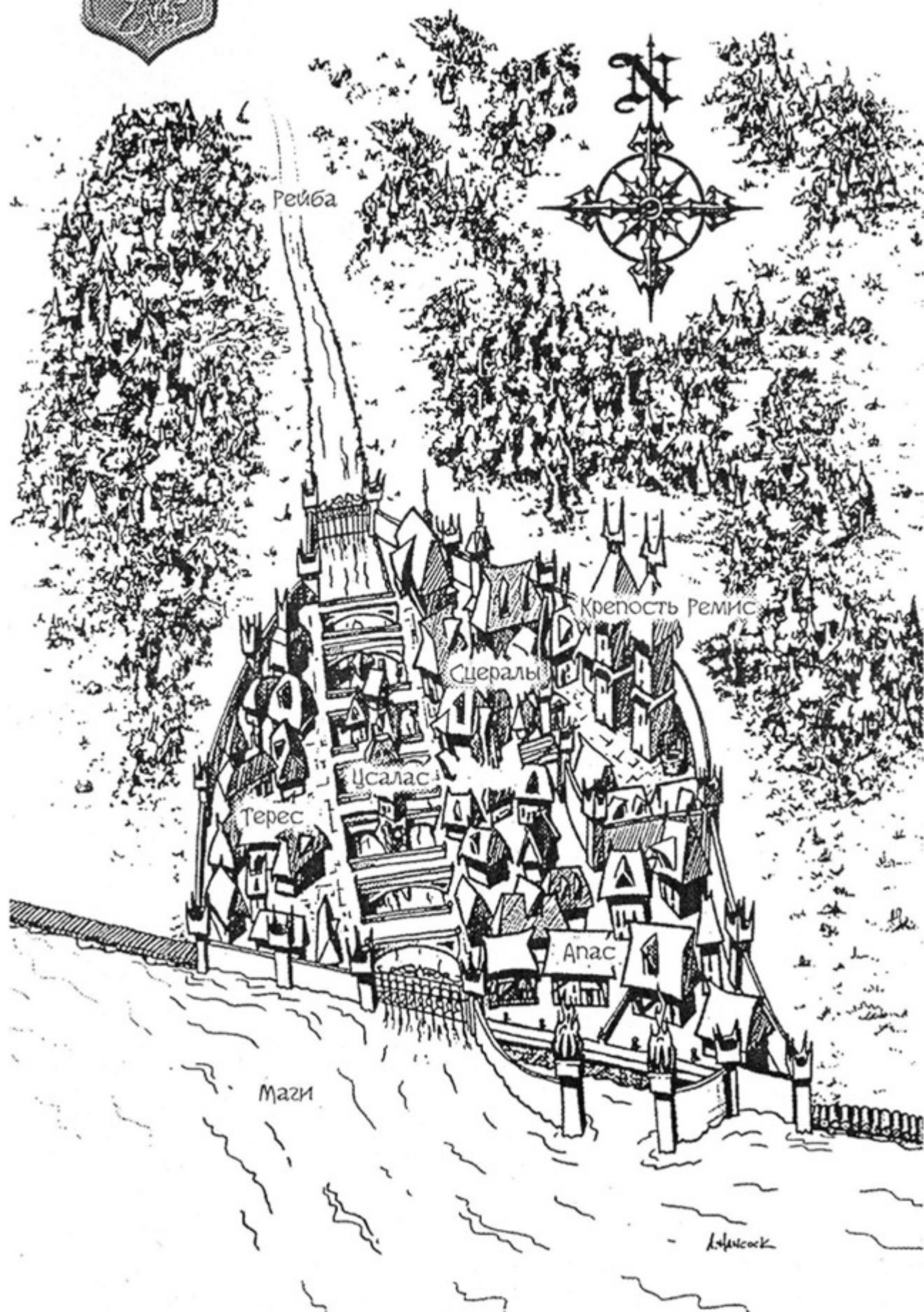

Страна Вланнис, называемая раньше

Теремия, резиденция рода Диммину

Персонажи

Тролли

Анда
Друан
Пард
Рох
Турк
Цдам

Влахаки

Вольные влахаки

Аурела Дан — служанка в трактире, мятежница из Теремии
Вангелиу — прорицатель, маг, вызывающий духов
Гиоргас — сапожник и мятежник из Теремии
Данаэ — шпионка из Мардева
Ионна сал Сарес — властительница Мардева, резиденция которой располагается в Дезе, называемая также Львицей из Дезы
Истран Оханеску — мятежник из Дезы
Картареу — целитель в Дезе, отец Ливиан
Костин Кралеа — художник, мятежник из Теремии
Крон — предводитель в Мардеве
Леанна сал Паскали — мятежница из Дезы
Ливиан — целительница в Дезе, дочь Картареу
Линорел сал Долеорман — рабочая в порту, мятежница из Теремии
Натиоле Таргузи — мятежник из Мардева
Неагас — мятежник из Мардева
Октеиу — мятежник из Теремии
Реца — управляющий в Дезе
Стен сал Дабран — мятежник, брат Флорес сал Дабран
Тамос — шпион, мятежник из Мардева
Флорес сал Дабран — наемница из Теремии, сестра Стена сал Дабрана
Эрегиу Аманас — воевода в Цальсани, отец Михалеты

Заложники в Теремии

Киприу — заложник при дворе Цорпада
Лейка сал Полеамт — заложница при дворе Цорпада
Михалета Аманас — заложница при дворе Цорпада, дочь Эрегиу Аманаса
Сухаи — заложник при дворе Цорпада
Висиния сал Сарес — заложница при дворе Цорпада, сестра Ионны сал Сарес

Исторические персонажи и другие

Ана сал Дабран — мать Стена и Флорес, погибла
Илиас — исторический герой
Карайн — майордом в Дабране, умер
Лареа — трактирщик в Теремии
Леан — историческая королева
Перес — исторический герой, называемый также Танцором
Петриу — бурлак

Раду — первый исторический король, называемый также Святым
Ситеи сал Дабран — отец Стена и Флорес, погиб
Тиреа — последний исторический король
Траиа — охотница из Теремии

Масриды

Двор Цорпада Диммину

Аврам — оружейник в Теремии
Байца — майордом в Теремии
Имрег — священник ордена Бога солнца в Стариг Яцке
Ковасц — слуга Хернада из Теремии
Лайос — священник ордена Бога солнца в Стариг Яцке, лангор
Матьяс — наемник из Теремии
Пайос — священник ордена Бога солнца в Стариг Яцке
Тамлос — священник ордена Бога солнца в Стариг Яцке
Хернад — торговец из Теремии
Цорпад Диммину — властитель Садата, резиденция располагается в Теремии

Другие дворы

Банкот — посланник из Дезы
Гиула Бекезар — властитель Сиревы, резиденция располагается в Турдуе
Ласцлар Сцилас — властитель Валедоары, резиденция располагается в Брачаце
Маиска — воительница

Исторические персонажи и другие

Аркас Диммину — исторический король
Микас — исторический священник ордена Бога солнца

Сцарки

Двор Цорпада Диммину

Мирела — горничная из Теремии
Скилои Касцон — подданная Цорпада в Теремии
Сцарбед — целительница из Бака Маре
Хази — баро Дабрана
Эиро — солдат Хернада из Теремии

Другие народы

Хесоатес — исторический поэт из Дирийской империи
Сарган Вульпон — авантюрист из Дирийской империи

Гномы

Ансранд, сын Антара — военачальник
Бодварр, сын Бальдора — исторический герой, Убийца эльфов
Гольдульф, сын Гриперта — воин, предводитель третьей роты
Гунвольф Справедливый — Король под горой, повелитель гномов
Ларнард — кузнец
Ольгинг, сын Орильда — рабочий
Реккард, сын Ротальда — посланник короля
Таинельм, сын Тимольда — воин, предводитель второй роты

Хродгард, сын Хальдигиса — полководец маленького народца
Эрко, сын Элькоина — мастер по паукам

Эльфы

Рувон — охотник на севере страны

Пролог

В самом сердце мира, глубоко под землей, царили вечные тепло и темнота. Бесконечные лабиринты туннелей и пещер пронизывали горы, образуя множество тайников.

Сюда не заглядывало жестокое обжигающее солнце, но царило тепло, изгоняющее мучительный холод, который завладел Духом темноты. Дух мог спать и видеть сны, забыв о боли. В грезах ему являлась земля, судьба которой неразделимо переплелась с его собственной. Иногда его видения были безмятежны, но затем спокойствие вновь нарушали кровавые картины, терзавшие его. Раньше люди пели для Духа, успокаивая его, смягчая музыкой боль, однако те времена давно прошли.

Проплывали годы в бесконечной и неизменной смене времен. Где-то там, на поверхности, люди жили, смеялись и плакали, проливали кровь. Дети подрастали, выросли и умирали. Гномы врубались в гранитные тела гор, прокладывая новые туннели, тролли бродили по темным лабиринтам пещер, однако избегали место, где покоился Он.

Войны врываются в сны Духа темноты, или это его сны проникали в реальность, влияя на ход войн? После предательства и бегства он был разбит и больше не мог распознать смысл в осколках бытия. Ему хотелось забыться, так как воспоминания приносили боль и печаль. Все чувства покинули его, кроме гнева и муки, только их голоса шептали в темноте его сознания.

Однако даже в грезах фрагменты реальности касались его сознания, а человеческие уста рождали новую песню. Она была подобна огненной руке, которая охватила Дух темноты и заставила его сущность содрогнуться. При этом песня, направляя его, оставляла единственный путь к бегству, вгоняя его глубже в сердце горы. От его крика пещеры и тоннели обрушивались, погребая под обломками камня десятки троллей.

Но крик затих, ушла боль, видения стали мирными, однако неудержимо Дух покидал объятия сна, влекомый в мир солнца, ветра и дождя, и его дыхание с новой силой окутало землю, леса и города, людей, эльфов и животных.

1

В вечернем лесу было очень спокойно. Не было слышно птиц и зверей. Последние лучи заходящего солнца пронизывали листву. Огромные, поросшие мхом деревья вздымались к небу, а кусты и папоротники образовывали под пологом непроходимые заросли. Затих и шум конного отряда, пробирающегося сквозь чащу, под кронами застыла тишина, возвращая Стену мысль о множестве опасностей, которые теперь угрожали его жизни.

Напрасно он тряс толстые железные прутья своей клетки. Естественно, они не поддавались. «В целом мои враги хорошо потрудились», — промелькнула у Стена мысль.

Клетка была узкой и неудобной и к тому же покачивалась при каждом движении, поэтому, даже когда он хотел сесть прямо и просунуть ноги между прутьями, легче не стало. Холодные прутья беспощадно врезались в голую кожу Стена. Расстояние между ними было слишком маленьким, чтобы можно было пролезть, но для пасти волка или лапы медведя и его было достаточно.

Воины марчега Цорпада тщательно проверили железную конструкцию. Под ударами молота тяжелый стержень вошел в крепление. Вынуть его без инструмента, а значит,

открыть маленькую дверь было просто невозможно. Цепь, при помощи которой клетка была подвешена на сук, выглядела не менее надежно. Да и дерево было... правильное — старый крепкий дуб, ствол которого порос влажным мхом. Такое дерево проживет еще много сотен лет, а тело Стена уже давно истлеет в клетке. Свобода была всего в двух шагах, внизу, она манила в вечернем свете блестящей зеленью, однако для Стена эти два шага были равны бесконечности, и земля оставалась недостижимой.

Узник подумал о том, что Цорпад перенял обычай оставлять человека в этих мрачных лесах у народа Стена, влахаков, и осознал всю иронию своего безвыходного положения. Однако идея запираť врагов именно в металлических клетках целиком и полностью принадлежала масридам. Раньше преступника просто накрепко привязывали веревкой к дереву. В древние времена это было своего рода божьим судом, и совсем не много песен рассказывали о тех, кто благодаря удаче и сноровке смог избежать смерти и вернулся, чтобы отомстить обидчикам.

Стен горько рассмеялся. Новые хозяева страны из кожи вон лезли, чтобы боги выносили удобный масридам приговор. Или, вернее говоря, исключительно их масридский бог, ведь они не признавали старых духов земли и подавляли их культ везде, где только встречали.

Без посторонней помощи Стену никак не выбраться, а так глубоко в чаще на него, на живого, вряд ли наткнется какой-нибудь шальной путник. Простая рубашка, которую оставили ему, мало защищала от холода и ветра. Да еще сказывались недавние пытки, здорово подкосившие Стена. Ему легко было представить, как он выглядит со стороны, одетый лишь в грязную льняную рубашку, с зелеными и фиолетовыми синяками от побоев, прядями длинных невымытых темных волос и лицом, искаженным от изнеможения, боли и недосыпания.

«Наверное, я уже сейчас похож на ходячего мертвеца», — подумал Стен и мрачно усмехнулся.

Оставалось лишь смириться с мыслью о смерти. Причем юному воину точно не грозила скорая смерть от жажды, так как воздух был очень влажным, в ближайшие дни наверняка будет много дождей. И если он не умрет с голоду, то его жизнь заберет нечто ужасное, подстерегающее путника в этом темном лесу.

Когда Стен спасался от сыщиков марчега масридов, он часто забирался в глухую чащу и поэтому уже достаточно знал о лесе. Конечно, большинство историй, которые рассказывают возле костра, были небылицами от первого до последнего слова, но за всеми этими рассказами скрывалась также и крупица правды. У здравомыслящего человека было полно веских оснований, чтобы избегать леса, и чем глубже кто-либо отваживался заходить под густые кроны, тем сильнее рисковал. В зарослях, куда совсем не пробивался свет, жили такие создания, с которыми лучше бы никогда и не встречаться. Волки и медведи, которые наводят такой страх на горожан и крестьян, казались по сравнению с ними совершенно безобидными. Звери и сами стараются избегать людей. А в самом сердце леса обитают создания намного худшие. И с наступлением ночи эти создания выбираются из своих нор в поисках добычи.

Остроухие *винаи*, беспощадные охотники, ради развлечения и просто из любви к убийствам могли напиговать стрелами и животное и человека. Они не прощали вторжений на свои территории. А еще проклятые *зраикас*, которые могли оборачиваться кем угодно и были непобедимы благодаря своим смертоносным когтям и клыкам. О других демонических созданиях Стен только слышал. Но в этих историях, рассказываемых шепотом, вполне могла быть частичка правды. И вероятно, уже очень скоро он познакомится со всей этой нечистью сам. Стен горько рассмеялся, когда подумал, насколько это знакомство будет коротким и неприятным.

Тем временем солнце полностью скрылось за горами, освещая лишь низко висящие облака на небе. Вместе с последним лучом растаяла последняя надежда Стена на спасение. Немногие рискнут отправиться в лес ночью, даже если будут точно знать, что Стен еще жив.

«Все-таки здесь немного уютнее, чем в подземелье Цорпада, — мрачно подумал Стен и попытался поудобнее устроиться в клетке, однако это оказалось невозможно из-за синяков, которые покрывали все его тело. — Может, сегодня я даже немного посплю, все-таки теперь его палачи больше меня не бьют».

Но о сне нельзя было и мечтать: Стен был сильно измучен допросами, а железная клетка была слишком неудобной. К тому же покоя ему не давали тревожные мысли о друзьях и опасностях, которые им угрожали.

С наступлением темноты до его ушей стало долетать все больше необычных звуков: крики животных, шелест... Краем глаза Стен замечал в лесу какие-то движения. Сгустившиеся сумерки преобразили лес: деревья напоминали высокие темные стелы, между ними царил непроглядный мрак, который мог скрывать всевозможные ужасы. Луну, показавшуюся было на небе, затянуло тучами. Теперь влахак мог видеть на расстоянии не более нескольких шагов, что делало ночной шум леса еще более зловещим. Но в конце концов Стена одолела усталость, и он погрузился в беспокойный сон, который, к сожалению, был прерван грозой.

Ледяной дождь разбудил его, Стен вздрогнул от раскатистого грома. Холодный ветер рвал рубашку, посылая струи воды почти горизонтально земле. В течение считанных мгновений он полностью промок и продрог.

Снова и снова сверкали молнии, на несколько мгновений озаряя местность, а вслед за этим гремели мощные раскаты. Стен не мог вспомнить, чтобы ему когда-либо доводилось оказаться под такой грозой. Но, возможно, все дело было в клетке, которая делала его беззащитным перед гневом стихии. Тяжелая железная конструкция качалась на ветру, сук угрожающе скрипел, и Стену на мгновение показалось, будто сук сейчас обломится. Но крепкий дуб выдержал, и, по-видимому, это место и станет последним пристанищем для Стена сал Дабрана.

Узник уныло смотрел перед собой. Чтобы хоть немного согреться, он прижал согнутые ноги к животу, обхватив руками колени. Может быть, уже в первую ночь он окоченеет, к дождю теперь присоединились и ледяные градинки, которые больно секли через решетку.

Никогда больше он не увидит своей родины, своей семьи, своих друзей... Отчаяние охватило его, отнимая последние силы. Так он и сидел, посреди бушующей стихии. Юный воин вспомнил о предостережении Флорес во время их последней встречи, которое он так легкомысленно проигнорировал. Его же последние слова, обращенные к сестре, были намеренными и ранящими. И вот теперь он умрет. Умрет, так и не загладив свою вину перед ней...

Сильный, треск, заглушивший даже шум раскачивающихся от шквального ветра деревьев, заставил его вздрогнуть. Он быстро обвел глазами небольшую поляну, однако не смог ничего разглядеть в темноте, пока кривая молния, вспоровшая небо, на мгновение не осветила лес и не выхватила несколько огромных фигур, напоминающих человеческие. От яркой вспышки Стен временно ослеп, но яркие пятна-образы, казалось, отпечатались не только на его сетчатке, но и в сознании. Прошло некоторое время, прежде чем глаза снова привыкли к темноте. И все это время он пытался уговорить себя, что это ему показалось, что на самом деле там ничего не было.

И затем он увидел их — чернильные тени на фоне темноты леса. Четыре, нет, пять фигур раза в два больше человеческих, с мощными плечами и длинными мускулистыми руками. Вне себя от страха, Стен прижался к противоположной стороне клетки. Во мраке он заметил, как к нему приближается одно из этих чудовищ. В отчаянии Стен вновь попытался вырваться из западни, но это было невозможно. Ему ничего не оставалось, кроме как беспомощно наблюдать за приближающейся тенью, которая очень скоро оказалась перед ним на расстоянии вытянутой руки. Клетка в двух шагах над землей; понятно, что это совершенно не мешает страшилищу. Небо вновь озарила вспышка, еще раз на мгновение осветив поляну.

Неизмеримый страх овладел Стеном, когда он увидел над собой огромную и

безобразную голову чудовища. Она напоминала человеческую, но черты были резкими и угловатыми: высокие скулы и прямой подбородок словно вытесаны из камня, уши несоразмерно малы, плоский лоб в каких-то странных морщинах. Надо лбом — грубые отростки толщиной в палец, которые Стен, за неимением более подходящей аналогии, определил как волосы. Два мощных длинных рога придавали облику существа нечто демоническое. Желудок Стена сжался, когда он рассмотрел глаза монстра, скрытые под выступающими надбровными дугами. Однако самым страшным оказался рот, широкий, с пухлыми губами, прикрывающими мощные клыки, подобные кабаньим.

Будучи не в состоянии двинуться или что-то сказать, Стен уставился на кошмарное создание. Его сердце забилося как сумасшедшее, когда чудовище протянуло свою огромную лапу и так стукнуло по клетке, что Стен прочувствовал силу удара до самых костей. Затем страшилище наклонилось, и Стен услышал сопение, будто оно хотело обнюхать его. Через время, которое показалось узнику вечностью, существо отвернулось и двинулось к остальным.

Дождь заглушал звуки, но Стену удалось расслышать грубую, низкую, гортанную речь. Прежде чем он успел подумать, что же все это могло означать, одно из чудовищ вернулось, без церемоний ухватило за решетку и принялось трясти клетку. Стен болтался из стороны в сторону, больно ударяясь о твердое железо. В отчаянии он из последних сил вцепился в прутья. Наконец существо отпустило клетку и стало внимательно осматривать воина.

— Ты говоришь? — неожиданно спросило оно.

Его голос был глубоким и рокошущим, но слова можно было разобрать. «Ради всего святого, это создание говорит на моем языке!»

Стен был слишком удивлен, чтобы быстро ответить, но когда существо вновь схватило клетку с явным намерением ее встряхнуть, он поспешил подтвердить:

— Да! Да! Я могу говорить.

— Хорошо. Что ты здесь делаешь? — его мощный голос громыхал на всю поляну.

— Э-э-э-э... Умираю. Меня поймали, и теперь я должен здесь сдохнуть, — ответил Стен.

— Поймали? А кто?

— Его имя — Цорпад.

— Цорпад? А кто такой Цорпад?

— Он человек. Такой же человек, как я.

— Мы знаем, что такое люди, — прогремело существо.

— Цорпад — властитель этой земли. По крайней мере, ему очень хотелось бы быть им, — быстро сказал Стен.

Его собеседник настороженно склонил голову набок.

— Не так быстро, — проворчал он. — Здесь есть еще люди? Или ты один?

— Я один.

Существо повернулось к остальным и проревело через всю поляну: «Он один», после чего те подошли и выстроились вокруг. Неожиданно Стен оказался окружен пятью мощными созданиями, с любопытством рассматривающими его. Их уродливые головы приблизились к клетке, а темные глаза осматривали Стена, словно он был скотиной на рынке. Некоторые нюхали клетку, и Стен чувствовал едкий запах их дыхания. Другие касались железных прутьев и тыкали Стена толстыми пальцами, причем ногти на них по форме были больше похожи на когти. Дождь хлестал по существам, стекая потоками, но, казалось, они не замечали ни воды, ни холода.

— Где властитель этой земли? — вновь обратилось к Стену то же создание.

— В своем замке, в Теремии. Но скажите, кто вы? — вырвалось у Стена.

— Мы — тролли! — гордо громыхнуло существо и выпрямилось во весь свой рост, в то время как Стена охватил панический ужас.

Вот уже много лет никто не видел троллей, и стали считать, будто они вымерли или вообще всегда были просто легендой. Но сейчас тролли, пугала из мрачных историй, стояли

перед ним.

Внезапно Стен вспомнил легенду о Пересе-Танцоре, который подумал, что убил огромного тролля, и только потом обнаружил, что тот не умирает даже с мечом, пронзившим голову. Так Танцор, легендарный фехтовальщик, погиб, съеденный троллем.

«Людоеды! — с ужасом подумал Стен. — Даже жестокие эльфы и то лучше... Кошмарный сон. Это, должно быть, кошмарный сон. Или мой предсмертный бред».

— Давайте убьем его, — вдруг сказал один из троллей и схватил клетку.

— Погоди, — возразил другой.

На мгновение огромные когти, словно сама смерть, промелькнули перед глазами Стена, после чего тролль опустил руки.

— Как тебя зовут? — спросил спаситель.

— Меня зовут Стен сал Дабран.

— Я — Друан. Расскажи мне о властителе, о Цоркаде.

— Цорпаде. Ну что сказать? Он не настоящий властитель, это не его земля и...

— Пойдем. Уже скоро рассвет, — прервал Стена первый тролль, не обратив ни малейшего внимания на слова юного воина.

— Мы должны узнать больше, — невозмутимо ответил Друан, прежде чем снова обратился к Стену: — Властвует ли этот человек над всем этим миром?

— Нет, только над этой землей.

— А кто властвует над этим лесом?

Стен устало пожал ноющими плечами.

— Я не знаю. Может, винаи? Эльфы?

— Он бесполезен. Давай убьем его, — вновь заговорил первый тролль, который с каждой фразой был Стену все более ненавистен.

Второе чудовище возразило:

— Пард, мы ничего не знаем об этом мире. Возможно, человек все-таки окажется полезен для нас.

— Тогда давайте я с ним поговорю, мне он расскажет все, — прорычал первый тролль, поигрывая мощными мускулами.

— Может быть, мне будет проще помочь вам, если вы скажете, что конкретно вас интересует, — вмешался Стен, пока ситуация не приняла наихудшего оборота. — Выпустите меня, и я помогу вам.

Тролль по имени Друан поколебался немного, но затем медленно кивнул.

— Мы берем тебя с собой.

— Ты с ума сошел, Друан? — прогремел один из молчавших до этого момента троллей. — Нам что, придется тащить с собой человека?

— Мы всегда сможем убить его, — спокойно ответил Друан, — если его ответы нам не понравятся.

— Да я сейчас раздавлю его!

И тут этот тролль обхватил своими длинными руками клетку и начал сжимать ее. Не веря своим глазам, Стен увидел, как под натиском тролля толстые металлические прутья решетки гнутся, еще больше ограничивая пространство внутри. Но затем последовал жесткий удар, и клетку подбросило вверх. Когда Стен снова смог разобрать, где верх и низ, то увидел, как один из троллей массивной тенью стоял над другим, лежащим на земле.

— Друан сказал, что мы берем его с собой! — прогрехотал стоящий противнику.

После этих слов наступила полная тишина, прерываемая лишь барабанившим дождем; Стен в это время в томительном ожидании смотрел на троллей. Затем лежащий на земле кивнул и сказал: «Да, Пард» — и тяжело поднялся. Значит, самого большого тролля, настоящего монстра, звали Пард.

Стен растерянно посмотрел на Друана, который безучастно скреб свою огромную голову. Прежде чем Стен успел что-то сказать, тролль спросил его:

— Ты колдун?

«Если бы я был колдуном, то вряд ли до сих пор сидел в этой вшивой клетке», — подумал Стен, но вслух сказал:

— Нет, я не колдун.

— А среди вас есть маги?

— Да, конечно...

— Тогда скажи мне, где я могу найти их?

— Ты говоришь о прорицателях или ордене Альбус Сунас масридов?

— Масридов? Что это значит?

— Люди. Цорпад — один из них. Народ, который пришел из-за гор.

— А этот Альб... Альбас... — попытался выговорить Друан.

— Альбус Сунас, — прервал его Стен. — Этот орден — священники бога масридов. Они верят в свет солнца и в огонь.

— Маги, которые служат солнцу и огню? — переспросил Друан, сощутив глаза.

— Да. Они навязывают людям свою веру, но многие продолжают почитать старых богов и духов.

— Скажи мне, где я могу найти этих магов.

В замешательстве Стен пытался понять, зачем этим существам магия, но ничего путного на ум не пришло. В то же время он уже понял, что его неведение или даже молчание может означать смерть, поэтому быстро ответил:

— Ну, в Теремии точно есть несколько.

— А где эта Тер... Тера...?

— Теремия. Отсюда на юг, в общем, несколько дней пути пешком через лес, — уточнил Стен.

В этот момент, зловеще блеснув глазами, Пард предложил следующее:

— А теперь убьем его и отправимся в путь.

Друан безучастно кивнул и отвернулся.

— Эй! Подождите! Как это? Я же вам все рассказал! — прокричал Стен.

— Вот именно. Ты нам больше не нужен, — хладнокровно ответил Пард, в то время как еще один тролль схватил клетку.

Стен в отчаянии затряс прутья.

— Нет! Я нужен вам! Я знаю дорогу! — выкрикнул молодой воин, но это, казалось, не особенно впечатлило монстров.

Мощные руки тролля обхватили клетку, которая и так уже была согнута, и принялись сдавливать решетку все больше и больше.

— Вы не знаете Цорпада! И его солдат, его воинов! Они никого не пускают в город, они убьют вас! — закричал Стен, стараясь заглушить скрежет изгибающегося металла.

— погоди, — сказал Друан и положил руку на плечо Парда. — Сколько воинов?

— Сотни! Цорпад — могущественный человек. У него много воинов — мужчин и женщин, — поторопился ответить Стен.

— Ты говоришь, что можешь нам помочь? Как? — резко спросил тролль.

— Я знаю, как можно пробраться в Теремию незамеченными. И вновь выбраться живыми.

«Хотя в последний раз у меня это получилось не совсем удачно», — мысленно добавил Стен. Но говорить такое троллям не стоило.

Друан подумал некоторое время, после чего обратился к своему могучему спутнику:

— Мы возьмем его с собой.

Среди троллей пробежал шум недовольства. Два чудовища были явно не согласны с предложением Друана и отказывались подчиняться. Их рев заглушал шум дождя, но Друану как-то удалось пробиться через эти вопли:

— Мы берем с собой клетку. Человек может понадобиться. И мы всегда легко избавимся от него, если будет нужно.

Один из троллей упрямо считал идею плохой, поэтому решил отойти на край поляны и

слегка выпустить пар. Стену не многое удалось разглядеть в темноте, но звуки мощных ударов и летящие куски дерева свидетельствовали об огромной силе монстра. Не веря своим глазам, Стен наблюдал за тем, как под этими ударами дерево застонало, а затем и вовсе с треском упало. «Наверное, все-таки неплохо, что я был в клетке», — подумал юный влахак, когда шум улегся.

— Снимай его, Пард, — приказал Друан.

Самый крупный тролль с мрачным видом приблизился к Стену, оценивающе уставился на железную клетку и, прежде чем влахак успел отреагировать, потянул конструкцию на себя. Заскрежетал металл, но первым не выдержал сук, который с оглушительным треском начал ломаться. Пард еще два раза дернул, от этого у Стена желудок подскочил к горлу. Наконец ветка отломилась и упала на мокрую землю. Тролль спокойно наблюдал, как Стен едва успел подобрать ноги, чтобы не повредить их от удара оземь. Но острые волны боли пронзили все тело юного воина.

Застыв от ужаса, Стен смотрел на прутья клетки, которые сильно покорежило. Это существо, этот тролль мог бы легко раздавить клетку вместе с находящимся в ней человеком. Но Стен, по крайней мере теперь, чувствовал через решетку влажную мягкую траву, что придавало происходящему хоть какой-то налет реальности. Стен взглянул вверх, на Парда, который теперь возвышался над ним.

— И что дальше?

— Отправляемся в путь.

С этими словами тролль обхватил рукой остаток цепи, на которой раньше висела клетка, подставил под нее плечо и забросил конструкцию на спину. Грубая кожа тролля терлась о железо, пока он не нашел более удобного положения, подкинув клетку один или два раза. Ноша, без сомнения, была очень тяжелой, масриды подняли ее на дерево с помощью коней, но для Парда, очевидно, было не трудно поднять и нести клетку вместе с содержимым.

Долгое время Стен фактически ничего не видел, кроме широких серых плеч и странных роговых отростков на голове тролля, которые он сначала принял за волосы, но при более близком изучении они казались больше похожими на тонкие прутья. Дождь продолжал поливать странную группу. Сейчас Стен находился достаточно близко к троллю и не мог не обращать внимания на его запах. Вонь, исходившая от существа, была сильной и всепроникающей, она напоминала Стену запах дикого животного.

Время от времени в поле зрения Стена попадал кто-то из группы троллей, но в основном он ничего не видел, кроме темноты и очертаний деревьев на фоне неба, угрожающе нависающих над ними. У влахака вновь возникли подозрения относительно того, не снится ли все это ему. Однако потом тролли вошли в быструю реку и ледяная вода окатила ноги Стена, словно давая понять, что это не сон, от которого можно проснуться.

2

Смрад крови и смерти наполнял пещеры, но, по крайней мере, умолкли стоны раненых. С мрачной удовлетворенностью Хродгард, сын Хальдигиса, осматривал представшее перед ним поле боя. Повсюду лежали тела троллей, убитых его храбрыми воинами. Здесь шел самый жаркий бой, в этом месте располагалась последняя линия обороны врагов, прикрывавшая отход тех троллей, кто уже не мог сражаться. Гномы, подобно оползню, накрыли немногочисленных и уже изрядно потрепанных защитников, но проклятые чудовища боролись с неубывающей выносливостью и жестокостью.

Воины народа гномов убили всех троллей в этой пещере. И лазутчики еще не доставили сообщений о том, что напали на след возможных беглецов. В противном случае они бы давно об этом доложили и войско бы отправилось преследовать и добивать... От этой мысли хорошее расположение духа Хродгарда улетучилось, он даже внутренне чертыхнулся, ведь его план не принес желанного результата.

Чтобы сломить последнее сопротивление троллей в этой пещере, потребовалось слишком много времени. Вероятно, это и дало возможность сбежать остаткам врагов. Если бы воины гномов быстрее пробились через линию обороны противников, племя троллей было бы уничтожено раз и навсегда и в этой части горы война была бы окончена.

— Командир? — прозвучал голос подошедшего гнома.

Отвлечшись от своих мыслей, Хродгард поднял голову и увидел Таинельма, предводителя второй роты и ветерана многочисленных битв.

— В чем дело, Таинельм?

— Мы отнесли раненых в верхние туннели и оказываем им помощь, как вы приказали. Однако наши лазутчики обнаружили там следы троллей. Очевидно, одна группа отделилась от остальных и движется по направлению к поверхности, — доложил старый воин.

— Сколько?

— Скорее всего, пятеро, точно сказать не могу.

— Возьми лучших воинов из своего подразделения и отправляйся за ними, Таинельм. Найди и уничтожь их всех до одного, — приказал Хродгард. — Я хочу быть уверен, что этой чуме в моих туннелях пришел конец!

— Слушаюсь, командир. И еще... — продолжил Таинельм.

— Да?

— Лазутчики первой роты обнаружили жилые пещеры. Они брошены, как и ожидалось, но мы нашли двух малышей.

— Выводок троллей?

— Да, полководец.

— Размозжите им головы и приколотите трупы к стенам нижних туннелей. Когда тролли вернутся, они должны знать, что их здесь ожидает. Что ожидает их всех!

— Слушаюсь, — ответил Таинельм и затем добавил с многозначительной улыбкой: — Это была большая победа!

Кивнув, Хродгард отпустил подчиненного и продолжил осматривать растерзанные трупы своих извечных врагов. Большинство троллей были почти в три раза крупнее, чем он. Его воины рубили противников на куски. В принципе это был единственный способ удостовериться, что тролль действительно мертв. Если упустить этот момент и вовремя не отрубить врагу голову, то нередко случалось неожиданное воскрешение тролля и он, даже умирающий, не прекращал борьбы.

«Большой победы не случилось, — подумал Хродгард при виде растерзанных трупов, — ведь нескольким противникам удалось уйти. Но мы найдем их и тогда окончательно уничтожим этот народ. Всех до единого!»

3

Через время, которое показалось Стену бесконечностью, тролли достигли цели своего пути — пещеры, скрывавшейся в склоне холма.

Очутившись внутри, тролль наконец опустил клетку на неровный пол. У Стена зуб на зуб не попадал, хотя сейчас юноша был защищен от ветра и дождя. Однако холодный пол под ногами и студеной воздух заставляли его мерзнуть.

Один из троллей приблизился к клетке и с любопытством взглянул на человека. Стен заметил, что у существа был только один рог, левый был обломан почти у самого черепа, а излом казался старым.

— Тебе холодно?

— Д-да, — сдавленным голосом промолвил Стен.

— У тебя такая тонкая кожа, — удивился тролль.

— Обычно я ношу соответствующую погоде одежду, но умирающему теплые вещи не нужны... — выдавил Стен, стуча от холода зубами.

К ним присоединился еще один тролль, который тоже принялся рассматривать Стена. В

темноте пещеры влахак сначала не мог разобрать, кто именно это был, но когда тот заговорил, Стен сразу узнал Друана.

— Нам нужен огонь, — заявил он.

— Это плохо. Нас увидят, — ответил огромный Пард.

— Тогда идем глубже в пещеру, у нас еще есть время. Мы не для того тащили с собой человека, чтобы он сейчас околел от холода.

Стен был не совсем уверен, как ему относиться к такому высказыванию, но уже скоро железную клетку вновь подняли. Тролли отнесли его подальше от входа.

— При такой погоде сложно развести огонь. Все м-мокрое, — дрожа, заметил Стен, но на него никто не обратил внимания.

Друан наклонился и занялся костром. Через короткое время во мраке стали сверкать искры, и вскоре на сухом хворосте заплесало маленькое пламя. Еще через какое-то время вернулся один из троллей с большой охапкой веток, которые Друан терпеливо рассортировал и в конце концов самые подходящие подкинул в пламя. Несмотря на все старания, почти сразу повалил едкий дым, но тепло, которое добралось наконец до Стена, чуть не заставило воина плакать.

Лишь сейчас, в мерцающем отблеске огня, Стен смог хорошо рассмотреть, в какую компанию он попал. Каждый из пяти троллей был ростом минимум три шага. Самый большой из них, Пард, превосходил своих спутников еще на несколько пядей. Существа казались невероятно огромными, с мощными мускулами под грубой серой кожей. Он уже имел возможность прочувствовать их дикую силу, и от одной только мысли об этом ему становилось нехорошо. Кое-где на их телах виднелись роговые и костяные пластинки, а если не считать тролля с одним рогом, который, очевидно, когда-то имел не очень приятную встречу с каменной стеной, лбы всех остальных украшали два гладких, изогнутых назад рога, которые протянулись через голову, за уши. Однако клыки троллей были еще страшнее, так как при их виде влахаку невольно вспоминались все те ужасные истории, которые во Влахкисе обычно рассказывают по вечерам у костра.

Ногти этих существ, длинные и крепкие, больше походили на когти, частично потрескавшиеся и грязные. А на когтях Парда виднелись остатки засохшей крови, хотя, возможно, влахаку это только показалось. Юноша быстро отвел глаза, но затем его вновь одолело любопытство, и он стал снова внимательно осматривать троллей.

Грубо сшитые кожаные одеяния обтягивали верхнюю часть туловища страшилищ, а на некоторых было что-то напоминающее пояса с притороченными простыми инструментами и мешками. Оружия Стен не заметил, но он уже убедился в их чудовищной силе и решил, что оружие троллям просто не нужно, что этим каменным монстрам не составляет труда просто убить врага кулаком, а затем растерзать мощными клыками.

Однако троллям нужна была помощь. Они знали эту страну, но не знали людей. Что могло привести их сюда? Откуда они пришли и почему оставили свою родину? На все эти вопросы Стен пока еще не знал ответа, но сейчас ему важно было срочно изменить ситуацию, если хотел остаться в живых.

Стен задумчиво посмотрел на троллей, которые стояли в стороне от огня и тихо переговаривались. Периодически то один, то другой бросали на него взгляды, в которых была видна лишь кровожадность.

— Дай мне мяса, Рох, — сказал тролль одноногому. Тот пошарил у себя в сумке и достал кусок плоти, которая уже не очень хорошо пахла.

«Значит, одноногого зовут Рох», — отметил про себя Стен.

— Скоро нам придется охотиться, — заявил Рох. — Запасы на исходе.

— Зачем? — сказал Пард и бросил быстрый взгляд в сторону Стена. — У нас есть с собой.

Стен взглянул на Парда. «Неужели они и вправду людоеды, как говорят старые истории? Неужели они взяли меня с собой только как корм?»

— Нет, Пард, Рох прав, — вмешался Друан. — Кто знает, как долго нам еще придется

искать.

— Да найдем, не думаю, что это будет так сложно, — пробурчал Пард.

— Ты имеешь в виду еду или... — переспросил Друан, не закончив предложения, так что Стену оставалось лишь догадываться, что тот имел в виду.

— Еду. Здесь бегает столько всякой живности.

— Понятно, Пард, как всегда, думает только о еде, — засмеялся один из группы, за что получил от самого огромного тролля злобный взгляд в ответ.

— Прикрой рот, Анда!

— Почему это? — продолжал дразнить его более мелкий.

— Потому что за такое можно и получить! — прорычал Пард, поиграв мощными мускулами.

— Но это не вина Анды, что ты такой прожорливый, — вмешался еще один тролль, который до сих пор молчал, и даже Рох засмеялся на это замечание.

— Я больше и сильнее всех вас, вместе взятых, — рассердился Пард. — На каждого одного гнома, которого убиваете вы, приходится трое, раздавленных мной. Конечно, мне нужно больше мяса, чем таким слабакам, как вы!

Взрыв эмоций огромного тролля вызвал приступ всеобщего веселья, и даже влахак усмехнулся. Но через секунду до него дошло, что он оказался во власти мощных, опасных, непостижимых существ. Он даже не догадывался, были ли их слова дружеской перепалкой или гигант-тролль разозлился серьезно. И когда до юного воина наконец дошел весь ужас его положения, у него даже закружилась голова.

Неужели с того времени, как он и Флорес сидели в трактире, а она называла его дураком, прошло всего несколько ночей? «Если бы она меня сейчас увидела, то сразу бы поняла, насколько была права», — подумал Стен. Пойманный сыщиками Цорпада, приговоренный к смерти, оставленный в лесу и спасенный, как нарочно, троллями. Хотя слово «спасенный» вряд ли здесь уместно. «Я должен убедить их в том, что могу помочь. И исчезнуть при первой представившейся возможности».

Он невольно содрогнулся только от мысли о том, как мощные руки Парда обхватывают его, чтобы выдавить жизнь. Бросив в последний раз взгляд на троллей, Стен присел на корточки в углу клетки, чтобы немного отдохнуть, пусть это и не просто в такой позе. Но в конце концов усталость одолела его и он провалился в беспокойный сон, полный кошмаров.

Когда он проснулся, солнце, по-видимому, стояло высоко в небе. По крайней мере, можно было разглядеть слабый свет, который с трудом пробивался сквозь серый сумрак пещеры. Прошло несколько мгновений, прежде чем Стен вспомнил, где и в каком обществе находится. В своей тесной клетке он не чувствовал особого улучшения по сравнению с темницей под крепостью Цорпада. Сейчас его не били, но тело все равно болело из-за того, что ночь он провел в очень неудобной позе. К тому же прутья были настолько согнуты троллями, что безжалостно впивались в спину, руки и ноги — неважно, как поворачиваться. А если еще учесть все синяки и раны, которые он получил за прошедшую неделю благодаря печально известному гостеприимству Цорпада, то у него было достаточно оснований, чтобы жаловаться. К тому же огонь погас, и от холодного воздуха пещеры кожа Стена покрылась пупырышками.

С другой стороны, он должен был быть благодарен судьбе, подарившей ему слабую надежду. Быстро осмотревшись, Стен обнаружил, что тролли еще спят. Нельзя было терять времени. Очень тихо он принялся проверять, насколько сильно пострадала клетка, но ее конструкция приводила в отчаяние своей прочностью. Путь прочно стояли на своих местах. Оставался только железный стержень, который запирал маленькую дверь... Хотя теперь он вроде бы сидел более свободно. Дверь слегка сдвинулась с петель, отчего стержень немного вышел из пазов. Клетка была крепко заперта, но Стен надеялся, что, поднатужившись, сможет прокрутить стержень настолько, что его можно будет достать из крепления.

Но осуществить задуманное голыми руками юному воину было не под силу, он осмотрелся вокруг и обнаружил поблизости камень. Немного поднапрягшись, Стену удалось подкатить камень ногой поближе. Теперь до него можно было дотянуться рукой. Влахах лихорадочно попытался надавить на стержень камнем, но безуспешно. В конце концов ему не оставалось ничего другого, как ударить по стержню, игнорируя опасность разбудить троллей.

У Стена бешено колотилось сердце, ведь он знал, что, если тролли проснутся и увидят, что он хочет бежать, это будет стоить ему жизни. Причем, вероятно, речь шла не только о его жизни, но, возможно, и о жизни его друзей, если он правильно понял намерения Цорпада...

Огромные существа, казалось, спали крепким сном; даже когда Стен решительно стукнул по железу, никто из них не пошевелился. Когда после нескольких ударов металлический стержень подался, Стен оставил всякую осторожность и начал бить изо всех сил, пока кусок металла не начал двигаться в нужном направлении.

Звуки удара отражались эхом в пещере, однако складывалось впечатление, что тролли не слышат их. Стен в замешательстве опустил камень и внимательно присмотрелся к огромным телам, которые неподвижно лежали на каменном полу.

У троллей не двигался ни единый мускул, Стен вообще не был уверен, дышат ли они. В тревоге он огляделся. Может, где-то поблизости притаился враг, который убил троллей во время сна. Однако в освещенной солнцем пещере было все спокойно.

В конце концов влахах пожал плечами и вновь принялся за работу. «Одной заботой меньше, — мрачно подумал он, — по крайней мере, может, мне удастся выбить этот стержень». И его усилия действительно увенчались успехом, так понемногу, удар за ударом он выбивал стержень из крепления. Наконец тот продвинулся настолько далеко, что можно было попытаться вытащить его с другой стороны руками. Стену никак не удавалось ухватиться за него ноющими холодными пальцами, пока он не додумался оторвать от рубашки полоску ткани и обмотать ею головку стержня. Так он мог расшатывать и тянуть, периодически выбивая стержень снизу камнем.

Через продолжительное время предмет его стараний с тихим звоном упал на пол. Стен послал благодарственную молитву духам и хотел уже открыть дверь. К его глубокому разочарованию, ее заклинило, и она не хотела сдвигаться ни на йоту. Рассвирепев, Стен вознамерился ударить по упрямой двери ногой, но для этого в клетке было слишком мало места. Он принялся трясти прутья, но и это не помогло. Тогда Стен несколько раз навалился всей своей массой на решетку, пока бок не скрутила резкая боль. Все было безнадежно: дверь сидела очень крепко.

В отчаянии Стен обхватил голову руками. «Какая злая ирония! Что-то убило проклятых троллей, а я буду сидеть здесь взаперти и составлять компанию их трупам до конца своих дней». А еще у него мелькнула мысль, что подумают люди, которые, возможно, найдут останки их странной группы. «Наверное, меня они сочтут за ужин в праздничной упаковке», — хихикнул про себя Стен, несмотря на трагизм ситуации, в которую он умудрился попасть.

После усилий, затраченных за последние несколько часов, у него кружилась голова, и юный влахах решил немного отдохнуть, прежде чем с новыми силами взяться за открывание заклинившей двери. Не желая того, обессиленный, уже через несколько мгновений он заснул.

Проснулся воин только тогда, когда тени в пещере стали удлиняться. Оглядевшись в сумеречном свете, он заметил, что Ничего не изменилось: тролли все так же лежали без движения в нескольких шагах от него, а дверь клетки была заперта столь же крепко. И только смерть приближалась быстро, ведь если в скором времени ему не удастся освободиться, он просто умрет от жажды: в отличие от леса, в пещере воды не было.

С этой мыслью Стен вновь исследовал клетку на возможные скрытые слабые места, но ничего найти не смог. Единственную возможность для побега оставляла дверь. «Ну что ж,

ничего не поделаешь, надо пробиваться», — подумал Стен и со вздохом вновь принялся за работу.

Неожиданно из глубины пещеры он услышал шорох, тихое царапание, за которым последовал долгий стон. В смятении Стен застыл и прислушался к темноте, которая царила в той стороне. Солнце, наверное, уже село, света почти не было. Стен прислушался. Никакого сомнения, он услышал его снова, это царапание, словно нечто тяжелое ползло по камню.

Может быть, эти звуки принадлежали существу, которое погубило троллей? В панике Стен вновь взглянул на неподвижные тела. Он боялся представить, кто мог так быстро и тихо прикончить столь мощных созданий, и ему вовсе не хотелось знакомиться с убийцей.

В спешке он продолжал стучать по прутьям, пока камень не соскользнул и не угодил ему по пальцам. Чертыхаясь, Стен выронил камень и затряс раненой кистью, бормоча проклятия. Вдруг юный влахак вновь услышал этот шорох, но уже гораздо ближе. Но как узник ни напрягал зрение, он не смог ничего разглядеть в темноте. Словно замороженный, он устался во мрак. Через какое-то время ему показалось, что он заметил движение. Может, это была всего лишь игра его воспаленного воображения? Нет, ему не показалось, к Стену приближалось какое-то тяжелое создание, которое медленно ползло по камням. Однако перед самой границей темноты и сумерек движение резко прекратилось. Утих и шорох, и как сильно Стен ни старался разглядеть хоть что-нибудь, нечто оставалось скрытым темнотой.

Мгновения текли очень медленно, в то время как Стен пытался восстановить дыхание, затем он снова схватился за камень. По крайней мере, он не собирался умирать без борьбы, даже если камень и не представлял собой надежного оружия. В конце концов в проеме входа в пещеру исчезли последние лучи света и Стен вновь оказался в крошечной тьме. Неосознанно он напрягся, так как в любое мгновение ожидал нападения. Вместо этого он услышал громкие чертыхания со стороны «мертвых» троллей:

— Вот проклятье! Я же говорил, что мы слишком близко к входу!

Стен в замешательстве присмотрелся к троллям, чьи стоны и брань недвусмысленно говорили о том, что он слишком рано их похоронил. Тут он снова вспомнил о создании, которое скрывалось в глубине пещеры, и крикнул:

— Там в пещере что-то есть!

Гиганты тут же замолкли, а Друан спросил:

— Что ты имеешь в виду, человек?

— Я слышал шорохи, царапание и увидел, как что-то ползло, — ответил Стен.

— Цдам, разведи огонь, — приказал Друан.

Наконец дрова, которые успели высохнуть, разгорелись ярко, и пещеру осветило маленькое пламя. Стен внимательно огляделся, но ничего не увидел. С неожиданной для своего размера быстротой тролли разделились на группы и тихо двинулись в глубину пещеры.

Затем раздалось рычание Друана, и все направились к нему. Тролли склонились над чем-то, вероятно над существом, которое слышал Стен. Массивные тела загораживали картину происходящего, но через несколько мгновений великаны уже подтащили находку к огню. К своему удивлению, Стен увидел еще одного тролля, толстая кожа которого была покрыта ранами, из которых на каменный пол капала темная кровь. Остальные осторожно положили его у костра, и один из них — Анда? — осмотрел раны. Сначала Стен подумал, что тролль уже мертв, но его предположение оказалось неверным. С глубоким стоном тот открыл глаза, с диким выражением осмотрелся вокруг и наконец схватил Друана за плечо.

— Они идут! Их много!

От этих слов тролли мгновенно повскакивали. Пард с однорогим Рохом и молчаливым Цдамом побежали в глубину пещеры, в то время как Анда заняла место недалеко от входа. Друан же остался стоять на коленях возле раненого и спросил:

— Что произошло?

Но раненый только хрипел, силясь произнести какие-то слова, и беспомощно хватал руками воздух, словно пытаясь поймать невидимого противника.

— Друан, что происходит? — обеспокоенно спросила тролля.

— Я не знаю. Но его раны нанесены мечами и молотами! — мрачно ответил тот.

— Гномы!

— Да. Проклятье, как они смогли... — начал было Друан, но замолк, бросив быстрый взгляд на Стена.

— Землетрясение? — предположила Анда, но Друан только пожал плечами.

— Он был с другими в большой пещере. Если он боролся, значит, и остальные боролись, — уверенно сказал Друан.

— Ты думаешь, была большая битва?

— Да. И мы проиграли. Были ли это их топоры, содрогающаяся земля или жидкий огонь, я не знаю.

— Гнев земли должен прекратиться! Иначе будет поздно! — делая ударение на каждом слове, заявила Анда.

— Нам нужно узнать больше, — согласился Друан и пристально взглянул на Стена, который не понимал, что же на самом деле могло происходить между троллями и гномами.

— Здесь опасно находиться, — заметила Анда.

— Мы были неосторожны. Расположились слишком близко к входу. Эти маленькие сволочи могут прийти и днем!

— Да, глубже в пещере безопаснее, — согласилась Анда.

Стен в замешательстве пытался понять, что все это означает. В старых легендах говорилось, что тролли ушли вглубь гор, так как они были народом темноты, жестокими, злыми и беспощадными. Тролли хотели жить в вечном мраке, ведь мрак царил в их сердцах. Но, возможно, были другие причины, по которым эти монстры покинули поверхность...

Пятеро гигантов лежали, словно мертвые, и очнулись только после того, как солнце село за горизонт. В старых песнях и сказаниях говорится, что тролли превращаются в камни. Возможно, все дело в солнечном свете, из-за которого происходит такое превращение. Хотя лежащие тролли казались не окаменевшими, а скорее... безжизненными. Да, очень неплохо обнаружить слабости у таких мощных существ.

Если днем они действительно превращаются в камень, тогда никто не сможет помешать его побегу, если он, конечно, когда-нибудь откроет эту проклятую клетку. Кроме того, ему подумалось, что стержень и камень могут ему еще очень пригодиться, если тролли снова отправятся в путь и решат взять его с собой. Поэтому он незаметно сунул камень за пазуху и постарался тихо спрятать стержень под рубашку. Это, конечно, вряд ли послужит оружием против троллей, но зато вполне может стать полезным инструментом.

Через некоторое время вернулся Пард и сообщил Друану, что преследователей они не увидели. Пока Друан находился рядом с раненым, Пард подошел к клетке и холодно посмотрел на Стена:

— Ты заплатишь за это!

В полном смятении Стен хотел спросить, что тот имел в виду. Но кулаки монстра уже метнулись в его сторону. От сильного удара по клетке Стена подбросило, словно куклу, при этом он ударился виском о железные прутья. Перед глазами затанцевали разноцветные огни, в ушах зашумело. Влаха потряс головой, зрение восстановилось. Перед клеткой друг напротив друга со сжатыми кулаками и оскаленными зубами стояли Друан и Пард. Хотя Пард, по мнению Стена, был на целую голову выше огромного Друана, меньший тролль не отступил и выдержал яростный взгляд своего противника.

— Гномы, люди — все едино! — взревел Пард.

Остальные тролли вернулись со своих постов, привлеченные шумом.

— Он нам еще нужен, — ответил Друан опасно спокойным голосом.

— Мы должны раздавить их всех! Каждого!

— Мы не можем это сделать.

— Ты просто не хочешь! Люди помогают гномам! За это они должны умирать! — прорычал Пард. — И мне будет в радость выбить из этого жизнь!

— Гномов много, людей много. Они убьют нас, если у нас не будет помощников, — ответил Друан.

— Он — человек! Он — один из них!

— Властители людей решили избавиться от него. Он обязан нам жизнью. Поэтому он поможет нам.

Друан посмотрел на Стена, Пард тоже впился глазами во влахака с лютой кровожадностью.

— Не так ли, человек?

— Меня зовут Стен, — ответил юный воин. — И вы все еще держите меня в клетке, словно я животное.

— Мы не можем верить тебе, человек, мы слишком мало знаем. Но если ты нам поможешь, мы оставим тебя в живых и отпустим, — пообещал Друан.

Пард посмотрел на пленника ненавидящим взглядом, так что Стен поспешил ответить:

— Хорошо. Я помогу.

— Вот видишь? — повернулся Друан к Парду. — Мы ничего не потеряем, если возьмем его с собой.

На какое-то мгновение показалось, что Пард хотел что-то возразить, но потом смирился и, чертыхаясь, отвернулся. И уже отходя, бросил Стену через плечо:

— Если ты нас предашь, человек, я сверну тебе голову!

И это не было пустой угрозой. Стен даже сглотнул от волнения. Тролли, как известно, были жестокими, грубыми и не отягощенными совестью, и он был всецело в их власти. Но, пока он жив, у него была надежда на спасение. Хотя сейчас ему нужно было обязательно выяснить, что, собственно, тролли ищут.

— Друан!

— Да?

— Нам обоим будет лучше, если я буду знать, чего вы от меня хотите, — осторожно начал Стен.

Друан помедлил, внимательно посмотрел на человека из-под густых бровей, затем сказал:

— Мы не знаем твоей страны. Мы ищем магов.

— Но почему?

— Мы ведем войну против гномов вот уже много поколений. Гномы — извечные искатели руды и прочего, что дарят недра. Они забираются все глубже и глубже, врываются в наши пещеры, отбирают нашу добычу, нападают. Мы боремся против них. Но до сих пор никому не удалось взять верх. Их много, но мы сильнее. Они носят металлические доспехи, но наша кожа толще. Однако с некоторых пор начали происходить странные вещи. Пещеры, в которых находятся тролли, рушатся, содрогается земля. Из глубин поднимаются раскаленные камни. Раньше мы могли без труда победить и изгнать врагов, но теперь нас убивает проклятая магия.

— Магия гномов? Это звучит как-то странно, я еще никогда не слышал о гномах, которые бы были магами, — перебил его Стен.

— О, таковых и нет. Мы поймали одного и допросили. У гномов нет колдунов. Они получают магию от вас, от людей.

Стен недоверчиво уставился на тролля. Он не был особым знатоком таинственного искусства магии, но было очевидно, что описанные Друаном случаи не могли быть делом рук какого-то одиночки. Значит, тролль говорил не об одном человеке, помогающем гномам в их войне против троллей, а о большом количестве союзников среди людей. Масридах?...

«Что это может быть за союз?» — задумался он.

В голове Стена закружились мысли, но ему было сложно сосредоточиться. Ему мешали голод, жажда и сковывающий холод. Но чем больше он думал об услышанном, тем яснее становилась для него необходимость вернуться как можно скорее к людям, чтобы выяснить, что происходит. Про себя он еще раз проклял троллей за то, что они держали его взаперти,

хотя он и был обязан им жизнью.

Погруженный в мысли, он не заметил оценивающего взгляда Друана и поэтому был обескуражен следующим его вопросом:

— Ты ничего не знал об этом, но для тебя это все-таки что-то значит, не так ли?

— Ну да. Для меня это действительно новость. Кто-то помогает гномам, но я пока не могу понять кто.

Друан прищурился, и Стен вдруг осознал, что этот тролль намного умнее, чем казалось вначале. Влахак не доверял ему, поэтому нужно было соблюдать осторожность и не выдавать сразу все свои мысли.

— Ты позже расскажешь мне больше о своем народе, Стен, — казал тролль, словно прочитав все, о чем думал Стен, затем отвернулся и подошел к лежащему на полу троллю, который больше не двигался.

— Я хочу есть и пить. Мне нужно немного воды. И одежда, — сообщил Стен.

— Мяса у нас будет скоро более чем достаточно, а воды Анда сейчас принесет. У нас нет одежды, но мы скоро отправимся путь и встретим больше людей, — ответил Друан, не оглядываясь.

Затем он подозвал к себе тролля-гиганта:

— Здесь небезопасно, Пард. Возьми других и ступай глубже пещеры. Может, вы найдете преследователей.

— Мы разотрем этих маленьких подонков в порошок, — процедил Пард сквозь стиснутые зубы.

— Возможно, за ним была погоня, — ответил Друан, взглянув на мертвого тролля. — Если так, то мы должны обнаружить гномов первыми.

— Так и будет. Я уже слишком давно не сворачивал гномам шеи! Я проломлю им черепа, оторву руки и раздавлю в кашу!

— Мы остаемся здесь, на случай если они придут. Они преследуют одного раненого, значит, не пошлют слишком много воинов. Мы отомстим за его смерть! — решил Друан.

Пард кивнул, свирепо глядя перед собой, и изо всех сил ударил кулаком по скале, отчего по ней во всех направлениях пошли трещины шириной в палец, затем резко развернулся и направился в глубину пещеры. Остальные три тролля последовали за ним, в то время как Друан вновь опустился на колени перед погибшим и вытащил костяной нож из одной из сумок на поясе. К ужасу Стена, он вонзил лезвие в серую кожу тролля и принялся ее разрезать.

— Что ты делаешь? — потрясенно закричал Стен.

Друан повернулся и ответил:

— Он мертв.

— Разве ты не должен теперь закопать его?

— Нет. Зачем?

— Чтобы его дух вернулся в землю. И чтобы он не стал добычей животных, питающихся падалью. Из уважения.

— Мы берем его лучшие части.

— Неужели вы хотите его съесть? — спросил Стен, полный отвращения.

— Естественно, — спокойно ответил Друан.

— О духи! Это же отвратительно!

— Он точно так же поступил бы со мной или с тобой. У нас сейчас нет времени охотиться. Мы не оставляем хорошего мяса, — объяснил тролль, продолжая разрезать ножом мясо мертвого тролля.

В полной растерянности Стен отвернулся, чтобы не видеть этой ужасной картины. Влахак убивал людей, пережил пытки, видел казни и другие зверства, но от того, как тролль буднично сидел над трупом своего друга и разделял его, словно зайца, Стену становилось плохо. «Как меня только угораздило оказаться здесь?» — спросил он себя, пытаясь игнорировать жуткие звуки, которые свидетельствовали о кровавой работе Друана у него за

спиной.

4

Глубоко в подземелье Сарган замер, услышав громкий топот тяжелых сапог, эхом отражающийся в туннеле. Он мгновенно вжался в нишу, прикрыв рукой крошечный потайной фонарь, и прислушался. Из-за эха было сложно определить источник шума. Но звуки, к его облегчению, становились все тише и тише; когда они полностью смолкли, Сарган выждал еще несколько мгновений и только после этого продолжил свой путь.

Света фонаря едва хватало на пять шагов вперед, но Сарган выбрал такой намеренно. Жители туннелей носили лампы побольше, поэтому их он мог заметить раньше, чем они его. С другой стороны, гномы были хитрыми, и вполне могло оказаться, что у них есть тайные неосвещенные посты, чтобы обнаруживать таких незваных гостей, как он. Тогда Саргану не поможет вся его предусмотрительность и осторожность. Хотя... пусть себе обнаруживают, он и с этой проблемой справится. Без источника света подземные туннели становились непреодолимым препятствием, так как образовывали огромный лабиринт, в котором легко заблудиться.

Стены вдоль главных маршрутов гномов были украшены рисунками, искусно вырезанными их каменотесами. Поэтому Саргану удавалось приблизительно ориентироваться здесь. Он тихо двигался через незнакомые, враждебные туннели, нервы его были напряжены до предела.

К его удивлению, здесь было относительно тепло, что полностью противоречило историям о холодных глубинах, которые рассказывали у него на родине. Это его вполне устраивало, еще бы, совсем недавно он пересек поток, в который выпадало множество прозрачных горных ручейков, и вода в речушке была ледяной; Сарган уже боялся, что после такой холодной ванны ему придется возвращаться. Но теперь можно было не разводить огонь, тем более что это был бы лишний риск; конечно, если бы он вообще нашел достаточно сухих веток, которые можно разжечь. Чем глубже он опускался в туннели, тем теплее становилось. Наверное, кузнечные горны гномов согревали и сами горы.

К сожалению, путь через реку был единственной обнаруженной Сарганом возможностью проникнуть внутрь горы. Огромные ворота, которые гномы прибили к скале и через которые можно было попасть в подземную страну, были чаще всего заперты и открывались только для того, чтобы впустить или выпустить торговые караваны гномов. После двадцатидневного наблюдения за воротами Сарган убедился, что здесь ему не пробраться: этот вход слишком хорошо охранялся, а телеги караванов проверялись гномами очень тщательно.

Но Сарган повезло; хорошо, что он обратил внимание на реку. Несколько недель назад к берегу соседнего селения Эркиры прибило обломки лодки и раздутый труп гнома, Сарган узнал об этом, когда пополнял запасы провианта.

После недолгих раздумий он решил исследовать русло. В конце лета Маги была не такой полноводной и наполнялась только осенью, с наступлением сезона дождей. Зимой вода в ней становилась слишком холодной, а по ее поверхности двигались опасные льдины, зато весной вода прибывала настолько, что река сильно разливалась, проглатывая поля и порой даже целые деревни. Только летом можно было спокойно плавать и переправляться через ее широкое русло — главную водную артерию этого региона. Сарган, воспользовавшись подходящим временем года, решил выбрать этот путь. Свои немудреные пожитки он увязал в смазанные жиром шкуры животных, в надежде, что они не пропустят воду.

Люди в Эркире шутили, будто гном утонул во время купания, ведь это было крайне необычным делом у маленького народца. Но Сарган считал, что этот случай говорит кое о чем поважнее. В окрестностях не очень-то любили гномов. Хотя те и поставляли необходимые товары в лавки торговцев, а значит, приносили деньги их владельцам, в

представлении местного люда гномы были чересчур жеманными и жадными. Именно по этой причине труп, проташенный по земле на глазах у всей деревни, вызвал скорее мрачное веселье, чем сочувствие.

Для Саргана было проще простого узнать о гномах все, что знали наивные крестьяне. Говоря по чести, знали они не очень много, но в своем теперешнем положении Сарган был рад всему. Он купил узкую и легкую лодку и двинулся вверх по реке, что оказалось довольно утомительной задачей, учитывая сильное течение. Тем не менее в конце концов он достиг места, где Маги пробивает гору, и наугад заплыл в грот, напоминающий раскрытую пасть.

Течение здесь было еще сильнее, так как скалы сжимали русло, поэтому воды реки неслись со стремительной быстротой. На обычной гребной лодке в грот было просто невозможно проникнуть, но на своей узкой байдарке Саргану удалось пройти опасное место. Глубже в горе грот расширялся, течение здесь было несколько спокойнее. А затем Сарган добрался до места, которое подтвердило его сумасшедшую идею о том, что в царство гномов можно добраться по воде.

Прямо перед ним из вод Маги вздымалась огромная металлическая решетка. Кто-то соорудил эту конструкцию, которая не пропускала корабли и лодки, но не препятствовала течению реки. Прутья решетки, выкованные из лучшей стали, были толщиной в руку Саргана, а расстояние между ними равнялось приблизительно половине шага. Вся конструкция представляла собой грандиозный шедевр инженерной мысли, поражающий воображение даже в темноте.

Высоко над Сарганом, за границей маленького круга света от его фонаря, прутья решетки наверняка входили в скалу, как это было с обеих сторон. Низ решетки, вероятно, тоже был закреплен в камне. Само собой разумеется, это соорудил маленький народец, и результат был, как всегда, внушительным. Но для Саргана, которого ремесло гномов интересовало меньше всего, эти ворота были лишь препятствием, которое предстояло преодолеть.

Он быстро привязал лодку к решетке и разделся. От ледяной воды у него даже перехватило дыхание. Затратив совсем немного усилий, он протиснулся через прутья, послав благодарную молитву богине Агдель, Властительнице Земли и Матери Мира, за свой небольшой рост и хрупкое телосложение, и поплыл вдоль стены против течения. Без лодки продвижение стало еще более трудоемким, через короткое время он уже был готов сдаться, но наконец нащупал карниз, выбитый прямо в стене. Проплыв еще чуть-чуть, он обнаружил, что этот карниз вдоль реки уходит в глубину горы. Поэтому он вернулся к решетке, привязал вещи к спине и отвязал лодку. Вполне возможно, что строители время от времени приходят к решетке, и они не должны увидеть ничего подозрительного.

В полной темноте он висел на прутьях, словно паук. На мгновение ему показалось, что он покинут всеми добрыми духами, и понял: ему придется полагаться только на удачу. Но возвращаться было слишком поздно, поэтому он спрыгнул в воду и, прилагая все усилия, вновь поплыл к карнизу, на который вскорости взобрался, задышав и кашляя.

Теперь он, словно тень, тихо крался по бесчисленным туннелям, как вор в доме жертвы.

Украшенные орнаментом стены говорили о высоком искусстве мастеров и выглядели красиво, но все же не было и намека на все те богатства, которыми, как считалось, владели гномы. Если верить историям, маленький народец прятал ценности в огромных пещерах, человек, попавший туда, мог с головой погрузиться в золото.

С другой стороны, рассказывали и об охране, ловушках и других опасностях, которые подстерегали охотников за сокровищами. Внутри горы приходилось разгадывать множество головоломок, и головоломки эти порой могли оказаться смертельными.

Легендарное богатство гномов вызывало любопытство и зависть, поэтому каждому, кто рискнул бы сунуть нос в секреты маленького народца, наверняка предложили бы за это хорошие деньги. Но гномы безжалостно преследовали и уничтожали всех, кому удавалось что-то узнать о них. Возможная прибыль была огромной, но и риск тоже был огромен.

Вновь раздались звуки шагов, Сарган снова укрылся, на этот раз в маленьком боковом проходе, и выждал, пока голоса и шаги затихнут. Между тем он убедился, что эта группа гномов двигалась в глубину горы, поэтому он осторожно последовал за ней. Никто не знал, как маленький народец обращается с незваными гостями, так как еще ни одному из них не удалось вернуться.

Через некоторое время карниз перешел в плоскую лестницу, ведущую наверх, дальше от шумных вод Маги. На верхнем участке лестницы Сарган обнаружил проход в туннель и, за неимением других путей, выбрал его. Теперь он блуждал по туннелям и пещерам и был все время начеку. Судя по ощущениям, коридор вел его вверх, но он не был полностью в этом уверен.

Единственное, что он знал наверняка, так это то, что без труда найдет дорогу назад, в таких вещах память его не подводила. Кроме того, он в любой момент мог свериться с почти незаметными отметками на стенах.

Внезапно он услышал какой-то шум и замер, но затем понял, что это всего лишь шум падающей воды. Поток, очевидно, бурлил где-то впереди. Пригнувшись, Сарган тихо двинулся вперед, причем внимательно следил, чтобы лучи лампы падали прямо перед ним и не светили вперед. Действительно, шум становился все громче, и вскоре он увидел слабый отблеск за поворотом туннеля. Сарган быстро погасил фонарь и крадучись продолжил путь. Еще на карнизе возле речки он измазал лицо пастой, состоящей из жира и пепла. Такой камуфляж в сочетании с серым платком, скрывавшим его рыжие волосы, и ниспадающей мягкими волнами темной одеждой делал его почти невидимым в мрачном подземелье.

Каждый свой инструмент по отдельности Сарган заранее тщательно упаковал в платок, чтобы они не создавали ненужного шума во время движения. Из оружия у него был только длинный кинжал, так как, если его обнаружат охранники, он все равно не успеет ничем другим воспользоваться.

Быстро выглянув из-за поворота, он рассмотрел большое помещение, на стенах которого пылали около десятка чаш-факелов размером с ладонь. Стены здесь были покрыты орнаментом, а пол украшала мозаика. Сарган не мог все подробно рассмотреть, но ему показалось, что рисунок на полу представлял собой концентрические круги, которые посередине сливались в какой-то образ.

Его внимание привлекли два гнома, которые тихо переговаривались между собой.

По всей вероятности, они не заметили Саргана, так как продолжали разговор как ни в чем не бывало.

— ...Хрольв просто остался внизу, когда войско выступило против троллей, поэтому с ним ничего и не случилось. Это мне рассказала кузина, — услышал Сарган одного из них.

— Хрольв — безбородый трус! Он ни на что не годен, кроме чистки выгребных ям. Но полководец скоро заметит это, и тогда маленький лентяй получит по самые уши, — гневно ответил другой.

— Я надеюсь, что в моем следующем отряде будут воины получше!

Вначале Сарган не понял, что имелось в виду. Он рискнул выглянуть еще раз и более внимательно присмотрелся к гномам. Несомненно, это были не простые охранники: слишком дорогие доспехи, слишком искусные узоры на щитах. Оба были на полторы-две головы ниже, чем он, а ведь Сарган среди своих соплеменников считался далеко не высоким. Один с темно-русой толстой косой, доходящей до середины спины, другой светловолосый, с короткой стрижкой, но у обоих были длинные густые бороды, перевязанные кожаными шнурами. Бороды самых разных форм и размеров были отличительным признаком маленького народа; насколько Саргану было известно, в обществе гномов борода была символом богатства и власти. К сожалению, он не смог узнать, что означала борода, перевязанная шнурами, гномы не слишком любили рассказывать о своих обычаях.

Вид беседующих свидетельствовал, что это уважаемые воины. Руки и ноги обоих защищали пластины, матово поблескивающие в свете факелов, края пластин были украшены серебром. На обоих были тонкие кольчуги, защищающие тело от плеч до бедер. Под

кольчугой виднелось мягкое темное кожаное облачение, такие же кожаные перчатки обтягивали руки. Гном с косою опирался на богато украшенный топор, щит он перебросил за спину, на поясе у второго висела короткая обоюдоострая секира.

С другой стороны пещеры Сарган разглядел еще один выход, который, однако, был закрыт. К тому же в данный момент попасть туда не было никакой возможности. Освещение пещеры было скудным, но здесь не было ни одной ниши, где бы можно было укрыться. Неожиданно один из гномов взглянул в сторону Саргана, и тот отшатнулся и прижался к стене. Сердце бешено колотилось. Лазутчик подождал, но ничего подозрительного не услышал.

Собственно, у непрошеного гостя было два варианта: либо повернуть назад и надеяться, что удастся найти другой путь, либо выжидать, но это было опасно, так как увеличивался риск, что путь назад перекроют другие гномы и он окажется в западне. Из прохода на другой стороне пещеры доносился шум реки. Сарган не испытывал особого желания возвращаться в темные туннели, поэтому крадучись двинулся вдоль стены, не спуская при этом глаз с гномов. Последние, похоже, даже не догадывались о присутствии Саргана и продолжали спокойно разговаривать.

Лазутчику показалось, что прошла целая вечность. Неожиданно проход открылся и в зал вошел еще один представитель маленького народца. На прибывшем не было доспехов, темная, богато расшитая мантия достигала пола, седая борода доходила до пояса. И хотя Сарган очень старался, ему не удалось разобрать ничего из беседы троих гномов. Слова заглушал усилившийся шум реки, который доносился из полуоткрытых ворот. Обменявшись несколькими фразами, гномы направились к выходу. Ворота за ними с грохотом закрылись. Сарган поспешил следом.

Уже находясь перед воротами, он увидел, насколько искусно они были сработаны. В мерцающем свете огней на них блестела инкрустация удивительной красоты. Сарган усилием воли заставил себя отвести глаза от этого чуда, приложил ухо к едва заметной щели между створками и прислушался.

Но он ничего не услышал, кроме шума воды. Незванный гость осторожно надавил на створку ворот, которая, однако, не поддавалась. Сарган не удержался, чтобы не чертыхнуться про себя. Без сомнения, ворота открывались изнутри, но гномы славились любовью к потайным механизмам и замкам.

Прежде чем отправиться сюда, Сарган постарался как можно лучше изучить ремесла гномов, он видел некоторые предметы, которые они изготавливали для людей. Он решил тщательно осмотреть ворота и стену. Переплетающиеся узоры на двери под определенным углом, похоже, складывались в знаки и буквы, но они казались бессмысленными и вовсе не указывали на то, как открыть ворота. Сарган снял перчатки и провел кончиками пальцев по гладкому, обработанному камню, который закрывал проход во внутренние пещеры. Но он не нащупал никакого открывающего механизма и уже почти отчаялся, как вдруг услышал тихий звук шагов с той стороны. Быстро оглянувшись, Сарган понял, что не успеет пересечь зал до того, как створки откроются. Поэтому он прижался к стене возле ворот и замер.

С тихим скрипом они открылись, и в помещение вошел давешний гном в богатой мантии. Не долго думая, Сарган прошмыгнул за его спиной и уже через два шага очутился в коридоре за воротами, которые медленно закрылись, словно по мановению невидимой руки. Очевидно, седовласый гном ничего не заметил, так как не раздалось ни одного подозрительного звука. Сарган быстро огляделся. Несомненно, это был вестибюль, который во всю свою длину в двадцать шагов хорошо освещался горящими факелами. В нише с правой стороны сидели два гнома и беседовали, однако пока они не заметили тихого вторжения лазутчика.

Бесшумно и очень медленно он сделал несколько шагов к широкой колонне, за которой и спрятался. Быстрые движения привлекли бы к себе внимание охранников, поэтому Сарган решил для начала осмотреться и распланировать свои дальнейшие действия.

Он себя чувствовал, словно в логове льва. Если в горных туннелях у него еще была

возможность сбежать к реке, быстрые воды которой отнесли бы его в надземный мир, то теперь между ним и свободой находились закрытые ворота. С этого момента любая ошибка означала верную смерть.

Сарган немного помедлил, но решил действовать, положившись на свои умения и опыт, которые не раз помогали ему в подобных ситуациях. Он решил еще раз помолиться Агдель. В принципе он не был особо верующим, но чем глубже он спускался в гору, тем больше им овладевало ощущение близкого присутствия богини. К тому же сейчас он был рад любой помощи.

Из своего укрытия за колонной лазутчик еще раз осмотрел помещение. Напротив ворот начинался коридор, ведущий из вестибюля. На потолке он заметил люки, возможно, для вентиляции или для обороны, об их назначении можно было только догадываться. На стенах располагался ряд ниш, в которых были выбиты барельефы огромных размеров, изображавшие гномов. И только две ниши возле портала пустовали; вероятно, они были предназначены для охраны. Но в настоящий момент, на счастье Саргана, занята была только одна. Лазутчик вновь осмотрел стены. На высоте шести или семи шагов он разглядел ряд небольших отверстий, вероятно бойницы. Скорее всего, вестибюль представлял собой линию обороны от возможного вторжения. Естественно, это была всего лишь вторая, а может, даже третья или четвертая линия обороны, так как на своей маленькой лодке Сарган обошел главные ворота, а значит, не пересекал оборонительных сооружений гномов.

Но от всех этих размышлений не было толку. Следовало пробираться дальше, так как рано или поздно появятся другие гномы, и тогда колонна не спасет; он окажется на виду у всех. Поэтому он начал стремительно, но бесшумно перебегать от одной колонны к другой, не выпуская при этом из виду охранников ни на мгновение. Как оказалось, лазутчик вовремя решил изменить укрытие, так как неожиданно охранники покинули нишу, остановились, осмотрели помещение и, судя по всему, приготовились совершать обход.

Сарган почти физически почувствовал взгляд воина, но незваный гость, по всей вероятности, был закрыт от гнома колонной. Когда воин отвернулся, Сарган сделал три быстрых шага в безопасный (пока!) туннель.

Здесь он замер в замешательстве: ворот, которые могли бы сдерживать врагов, не было. Когда он взглянул вверх, то прямо над собой увидел металлические шпильки длиной с руку, которые торчали из потолка. По-видимому, гномы в случае необходимости могли опускать или, вернее, сбрасывать на головы нападающих целый каменный блок. Крайне эффективный метод создать препятствие на пути, благодаря ему захватчики оказывались в смертельной ловушке вестибюля... По достоинству оценив такое инженерное решение, Сарган отправился дальше.

Туннель был настолько широк, что в нем могли разминуться сразу две телеги. Как и вестибюль, он был освещен пылающими чашами, которые размещались на стенах на равном расстоянии друг от друга. С одной стороны по освещенному коридору было гораздо легче идти, а с другой стороны, лазутчику было предельно ясно, что гномы не стали бы тратить на освещение, если бы туннелем не пользовались очень часто. И это означало, что обычно здесь было довольно активное движение.

По коридору тянуло легким сквозняком, и вскоре Сарган вновь уловил шум воды. Ускорив шаг, он пересек туннель, постоянно прислушиваясь, но пока что удача была на его стороне.

Может быть, сейчас уже наступила ночь и большинство гномов спало? Этого Сарган не мог сказать наверняка, так как внутри горы, в темноте, он потерял ощущение времени. Ему уже дважды пришлось перекусить, поэтому он мог приблизительно судить о том, сколько времени прошло с того момента, как он пробрался через решетку в царство гномов.

Неожиданно он услышал звук приближающихся шагов. Судя по звуку, по направлению к нему шел один гном. Сарган поспешно оглянулся, но не нашел места, где можно спрятаться, и не увидел возможности для побега, кроме как вернуться в вестибюль. Причем оставалось только надеяться, что ему удастся не попасться на глаза ни двум охранникам, ни

третьему гному.

И тогда Сарган хладнокровно решил, что это слишком рискованно. Поэтому он просто приблизился к повороту, из-за которого осторожно выглянул. Действительно, в его сторону шагал гном, на нем была кольчуга и шлем, он нес щит и боевой молот с широким лезвием на плече. Сарган оценил доспехи на наличие слабых мест и отметил для себя незащищенное горло и то, что кольчуга не доходит даже до колен. Позади гнома он обнаружил небольшой проход в боковой туннель и мысленно чертыхнулся, ведь если бы ему удалось добраться туда до встречи с гномом, он смог бы просто нырнуть в коридор.

Сарган притаился за углом и выпрыгнул как раз в тот момент, когда воин поворачивал за угол. Тщательно выверив удар, Сарган заехал застигнутому врасплох гному кулаком в область гортани, а ногой стукнул под правое колено. Воин, задыхаясь, повалился, при этом его металлическое снаряжение создало больше шума, чем лазутчику хотелось бы.

Сарган быстро наступил на грудь противнику, который махал руками в слабой попытке защититься, ударил гнома локтем в лицо и, для верности, еще раз кулаком. Удостоверившись в том, что в данный момент они одни, лазутчик подхватил потерявшего сознание гнома под руки и потащил в маленький боковой проход, а затем вернулся, чтобы подобрать молот.

Проход, в котором он уложил и противника и его оружие, был узким и темным, для Саргана не составило труда оттащить гнома до места, где царила кромешная тьма. Он быстро обдумал, что делать теперь, и решил, что для начала нужно найти реку. Кто знает, когда хватятся его неудачливого противника? Да и Маги казались ему в настоящий момент самым надежным путем к бегству, в случае если исчезновение гнома обнаружат слишком рано.

С кинжалом в руке он наклонился над поверженным представителем маленького народца. Но вместо того чтобы убить, Сарган связал его и заткнул кляпом рот. «Я слишком мягкосердечен», — подумал Сарган, отпустив гному еще один крепкий удар в голову, чтобы удостовериться, что тот долго будет без сознания. После этого лазутчик снова прокрался к главному туннелю и прислушался, однако не уловил никаких звуков, которые указывали бы ему на других нежелательных прохожих.

Через несколько сотен шагов туннель резко оборвался и взору Саргана предстало невероятное зрелище. Перед ним открылась огромная пещера, освещенная множеством больших факелов. На расстоянии практически двух десятков шагов текла широкая река, скорее всего Маги. Вниз по течению, с левой стороны, в стену была вмонтирована еще одна большая решетка, а по правую руку река уходила в скалу, теряясь в темноте туннеля. Сразу из коридора в пещеру вел широкий карниз, к которому поднималась лестница. У карниза были привязаны пять широких плоских барж. Значит, сооружение это было чем-то вроде причала. Здесь находились ящики, бочки, тюки с тканью, мешки... Между товарами сновали усердные гномы, которые были заняты погрузкой барж, причем они с головой ушли в работу.

С громким скрипом из входа, находящегося под туннелем, по которому прошел Сарган, выехала повозка, запряженная ослом. Гномы поспешили к ней и начали разгружать, выставляя ящики один на другой возле одной из барж. «Гномы-мореплаватели?» — с удивлением подумал Сарган. И хотя после обнаружения в Эркирах гнома-утопленника ему стало ясно, что гномы, несмотря на свою нелюбовь к воде, все же пользовались лодками, увидеть такое собственными глазами было очень уж дико.

Естественно, в такую историю мало кто поверит, но в ней был свой резон. Ведь как-то гномы должны были переправлять большие партии товаров внутри горы. С Ардолией, что располагалась по ту сторону горной цепи Соркат и была окружена со всех сторон цепью величественных гор, торговли почти не было. Немногочисленные перевалы были опасны и почти непроходимы, а долгие и суровые зимы порой полностью изолировали страну от остального мира. Если бы не гномы, монополия которых на торговлю с Ардолией была словно бельмо на глазу для некоторых торговых обществ...

Место, где находился Сарган, было недостаточно безопасным, так как в любое время

лазутчик рисковал попасться на глаза какому-нибудь гному, идущему по коридору или взбирающемуся по лестнице с подземного причала, поэтому человек начал медленно и осторожно спускаться.

Это было довольно рискованно, даже несмотря на то, что внимание рабочих было полностью сосредоточено на баржах и погрузке товаров. Однако тени на лестнице были длинными и местами довольно густыми, а Сарган был специалистом в том, как двигаться, оставаясь невидимым для окружающих. Добравшись до подножия лестницы, он укрылся за пирамидой из ящиков и внимательнее присмотрелся к тому, чем занимались гномы.

Их деловая суматоха подчинялась определенному порядку. По всей видимости, с некоторых барж товары сгружали на причал для последующей перевозки на телегах. Другая группа рабочих грузила ящики и бочки на только что разгруженные баржи. Сарган удивился, задумавшись над тем, как же они тащат эти баржи против течения, но затем заметил мощную цепь, которая была прикреплена к первой барже, она свободно свисала над водой и исчезала в темноте туннеля. Независимо от того, какой механизм приводил в движение баржи, чудом изобретательности была уже сама эта идея. Последняя баржа была, по-видимому, загружена полностью, и несколько гномов принялись крепить над товаром большой тент. Когда вошенная ткань была натянута как следует, рабочие занялись следующей баржей, но неожиданно со стороны первой баржи раздался крик. Большинство гномов сразу бросились туда, чтобы выяснить, что случилось. Судя по всему, что-то попало в тяжелые звенья цепи, и несколько гномов пытались ее очистить. Затем Сарган увидел, как из воды подняли большое скользкое тело, скорее всего какое-то животное. Гномы сразу окружили его и принялись рассматривать.

Сарган воспользовался случаем. Он бесшумно прошмыгнул к корме последней баржи и перепрыгнул через леер. Пару раз дернув за тент, ослабил узлы, которые держали его, и скользнул в трюм.

Здесь было очень тесно, но Саргану удалось слегка отодвинуть одну из бочек и вытянуться на тюках ткани. Кое-как он стянул узел и устроился поудобнее, затем закрыл глаза и напряженно прислушался к звукам снаружи.

Когда баржа резко отчалила, Сарган осторожно выглянул из-под тента. Прямо перед собой он увидел сапоги гнома, который длинным шестом отталкивал баржу от причала. Баржу снова толкнули, и после этого со стороны носовой части Сарган услышал медленное равномерное постукивание. Вероятно, это и был механизм, при помощи которого караван продвигался вперед. Все еще находясь под впечатлением от изобретательности гномов, Сарган двигался по подземной реке. Хотя течение здесь было очень сильное, баржи постепенно набирали скорость.

Периодически он слышал шаги гномов по палубе, их голоса, которые повторяли команды с первой баржи. Время от времени гномы смеялись или переговаривались. Один раз ему показалось даже, будто он услышал удары барабана, но шум воды и механизма перекрывали остальные звуки. Всплески воды и ритмичное металлическое постукивание вскоре убавляли Саргана, и, так как ему все равно нечего было делать, он закрыл глаза и заснул, продолжая, однако, крепко сжимать кинжал.

Во время пути он два раза просыпался, когда баржи останавливались и в голове каравана начиналась бурная деятельность, но в остальном путешествие по темному туннелю было спокойным. Совсем сонный, он задумался над тем, куда же в конце концов его приведет этот путь, но затем снова провалился в сон.

5

Тролли и их пленник провели еще один день в пещере, на этот раз достаточно далеко забравшись вглубь — для защиты от солнечных лучей. Гиганты не захотели продолжать путь, а вместо этого обследовали место, в котором оказались. Стену показалось, что они жаждут встречи с воинами маленького народца, но все было спокойно, тролли не нашли

никаких следов своих извечных врагов.

— Эти мелкие сволочи точно боятся отходить слишком далеко от своих дыр, — мрачно пробурчал Пард.

На его лице было видно откровенное разочарование, когда стало понятно, что раненого тролля никто не преследовал.

Однорогий Рох крепко ругнулся.

«Очевидно, тролли действительно любят битвы и сражения, — подумал Стен. — Раз они из-за слабой возможности затеять драку прервали такое важное путешествие... Задержались ради того, чтобы устроить ловушку для маленького народца».

В этот день тролли спали и вовсе не походили на мертвых. Солнце снаружи совершало свой обычный путь по небу, а их громкое храпение демонстрировало Стену, что прошлым днем с гигантами происходило что-то непонятное. И объяснений у влахака все еще не было.

Колоссы дежурили на посту, постоянно сменяясь, и следили за туннелем, который явно вел далеко в глубину горы. Сам же Стен почти не спал. И хотя он попил воды, которую ему предложил Друан, но от мяса мертвого тролля отказался, и теперь пустой желудок не давал покоя. Юный воин чувствовал себя совершенно разбитым; в голове крутилось множество мыслей, и далеко не все они были радостными. Из-за бодрствующих троллей он не мог продолжать попытки выбраться из клетки. Поэтому он погрузился в воспоминания, пытаясь найти ответы на вопросы, которые терзали его.

— Влахакское отребье, — услышал Стен голос своего мучителя. — Быстрая смерть будет слишком большим подарком для тебя. Господин прикажет отхлестать тебя, привязав к колесу! В центре Теремии, на рыночной площади, чтобы твои крики были всем хорошо слышны. Это будет наукой для твоих сообщников!

Говоривший, огромный мужик с седыми волосами и единственным глазом, правой рукой в перчатке нанес Стену удар в желудок. От резкой боли у влахака перехватило дыхание. Лишь только он успел прийти в себя, как его мучитель ударил левой рукой по ребрам. У Стена не было возможности ни обороняться, ни как-то закрыться от удара: его руки сковывали железные наручники, прикрепленные к стене. Он чувствовал, что еще чуть-чуть и он потеряет сознание.

— Скоро, уже скоро мы окончательно расправимся с тобой и тебе подобными, — мрачно сообщил одноглазый и занес кулак для нового удара. — Как только у нас будет новое железо, мы...

— Остановись! Достаточно, — приказал властный голос, который, как Стену было известно, принадлежал Цорпаду, хозяину крепости, в подвале которой он сидел.

До этого момента Цорпад молча наблюдал, как его подчиненный избивает Стена. Старый воин опустил руку.

— Да, господин, — покорно сказал он.

Стен почувствовал к масриду нечто похожее даже на благодарность, не останови он одноглазого, тот непременно переломал бы влахаку все кости. Однако его радость длилась недолго.

— Посадите его в клетку. А затем отнесите в самую чащобу и оставьте там на съедение ворон, — сказал масрид-марчег равнодушно, после чего обратился к влахаку: — Стен сал Дабран, ты сгниешь в этой клетке, и никто и никогда больше не увидит тебя. И уже очень скоро тебя никто даже не вспомнит, и это будет означать конец вашего ничтожного мятеза.

Стен слышал, как удалялись тяжелые шаги марчеге...

Лишь на пути к месту казни, когда клетку с пленником уже погрузили на телегу, Стену вспомнились слова одноглазого палача: «Как только у нас будет новое железо...»

Голос масрида был полон угрозы, и Стен многое отдал бы за то, чтобы узнать, что нового против влахаков замышляет Цорпад...

Цорпад, тролли, гномы... Цепь этих странных событий складывалась не случайно, между ними точно была какая-то связь. Но Стен сейчас был просто не в состоянии найти ее.

Ближе к вечеру его разум погрузился в беспокойный сон. Но очень скоро тролли разбудили его, они вновь развели огонь и теперь готовили на нем мясо мертвого сородича, при этом громко переговариваясь. От запаха жареного мяса у Стена потекли слюнки, но сама мысль о том, чье это было мясо, напрочь отбивала аппетит. Он вновь поклялся, что приложит все усилия, чтобы сбежать от этих чудовищ как можно скорее.

Неожиданно один из троллей поднял голову и принюхался.

— Обжора! — возбужденно прошептал он, отчего вся группа троллей сразу же пришла в движение.

Удивительно проворно для своего телосложения вскочил и Пард. Колосс прижался к скале и медленно двинулся в глубину пещеры. Другие выхватили горящие поленья из костра и рассредоточились.

— Что такое? — ничего не понимая, спросил Стен.

— Обжора, а может даже и целое стадо обжор, — прошептал тролль. — Запах крови всегда привлекает их.

Хотя Стен не знал, что такое обжора, но звучало это точно нехорошо, а влахак все так же был заперт в клетке, что делало его легкой добычей для любого хищника, пасть которого могла пролезть между прутьями. Стен судорожно сжал свое единственное оружие — камень и стержень.

Из глубины пещеры донесся тихий шорох. Пард неожиданно бросился вперед и крикнул:

— О нет, этого ты не получишь!

В ответ раздалось мощное рычание. В ответ взревел и Пард. Через мгновение тролль, шатаясь, вернулся в круг света. Колосс держал в объятиях и прижимал к себе настоящего монстра, который когтил Пардовы плечи и рвал клыками грудь.

И только когда тролль с криком отшвырнул от себя животное, которое приземлилось в освещенном месте, Стен увидел, что это была огромная темно-серая, с пятнами кошка. Ее длина от головы до хвоста составляла три или четыре шага. Стен узнал в хищнике пещерную кошку, он никогда не видел ее вживую, но ее часто изображали на гербах.

Зверь мгновенно принял позу для нападения, готовый к смертельному прыжку, с оскаленными клыками длиною в палец, которые страшно блеснули в свете костра. Кошка зашипела; словно в ответ, Пард наклонился вперед, напряг свои мощные мускулы и зарычал, также оскалившись. Стен завороченно следил за разворачивающейся сценой, которая, казалось, была выхвачена из другого, дикого, первобытного мира. Друан метнул в зверя импровизированный факел, отчего тот, фыркнув, подскочил, чем и воспользовался Пард, сразу бросившись на него. Его мощные руки обхватили мускулистое тело противника и сжали изо всех сил. Вне себя от ярости хищник стал царапать задними лапами по животу Парда, оставляя глубокие полосы, из которых стала капать темно-красная кровь. Но тролля это как будто ничуть не беспокоило.

Затем гигант с криком упал ничком, подмяв под себя кошку. В мерцающем свете костра противники словно слились в одно целое, но в конце концов Пард сел, зажав тело хищника между ногами, а пасть сдавил мощными руками. А затем, не обращая внимания на кровоточащие раны, оставленные когтями и клыками, тролль начал раскрывать пасть хищника все шире и шире. Жгуты мускулов и узлы жил выступили на его руках, и он даже застонал, пока неожиданно не раздался громкий хруст и кошка сразу обмякла.

Пард задрал голову и торжествующе прорычал о своей победе в ночь, в то время как Стену стало совсем невесело после демонстрации могучей силы тролля. Его соплеменники подошли ближе, осмотрели труп хищника и одобрительно похлопали Парда по плечу:

— Она хотела съесть наше мясо, но со мной это не пройдет!

Пока один из троллей занимался ранами Парда, Стен спросил Друана:

— А почему вы не помогли ему?

— Был всего лишь один обжора. К тому же очень маленький. Пард обиделся бы, если бы мы помогли. Он — воин, — ответил Друан, подобрал кошку и бросил ее к мертвому троллю.

Вскоре они выступили. На этот раз клетку нес другой тролль. Этот тоже вонял, как конура, полная мокрых собак, но Стен был уверен, что и сам теперь пах совсем не фиалками. Поэтому особо жаловаться не приходилось.

Когда они выбрались из пещеры, Стен увидел ясное ночное небо с большой желтоватой луной над верхушками деревьев. Непогода последних дней улеглась. Теперь воздух был прозрачен и свеж, сковывающий холод ушел.

Тролли быстро продвигались вперед; их грузные, громоздкие тела прокладывали что-то вроде просеки в густом подлеске, приминая и ломая кусты и молодые деревья. После того как они отошли на довольно приличное расстояние от пещеры, Друан подошел к троллю, тащившему Стена, и вопросительно взглянул на влахака сверху вниз. Тролль был выше шага на полтора, и Стену показалось, что он ребенок, за которым присматривают взрослые.

— Расскажи мне о своем народе.

— Что ты хочешь знать? — осторожно переспросил юный воин.

— Сколько вас?

— Ну, я не знаю, сколько людей вообще. Даже не знаю, сколько их всего живет на моей родине. Но говорят, что только в одной Теремии живет много тысяч людей. А в других странах есть такие города, в каждом из которых живут сотни тысяч людей, — сообщил Стен.

— Это много, — задумчиво признался Друан, причем Стен не совсем был уверен в том, что тролль вообще понял, что это за цифры.

— А почему ты в клетке?

— Потому что вы не выпускаете меня из нее, — рассерженно ответил Стен и в мыслях добавил: «И потому что проклятую дверь заклинило».

— Нет. Я имею в виду, почему твой народ посадил тебя в клетку? — уточнил вопрос Друан, проигнорировав упрек.

— Властитель Теремии повелевает многими землями и людьми, которые на них живут. Он и приказал закрыть меня в клетке и подвесить ее в лесу.

— Но почему? — не отставал тролль.

Стен вновь подумал, что это неуклюжее создание было вовсе не глупым, как ему казалось вначале.

— Цорпад Диммину — жестокий тиран, который подавляет и порабощает народы. Он делает все, чтобы сохранить свою власть. Я — его враг, поэтому он хотел видеть меня мертвым, — продолжил Стен, при этом он почувствовал, как глубоко внутри в нем снова начал разгораться огонь ненависти и гнева на масридов и их предводителя.

— Ты вызвал его гнев. Почему же он просто не убил тебя?

— Потому что есть такой обычай. Смерть в лесу считается такой же надежной, как кинжал в грудь, — горько ответил влахак.

— А почему ты его враг?

Это был сложный вопрос. В любом случае Стен не хотел рассказывать троллю слишком много, но, с другой стороны, он не мог также рисковать потерять благосклонность великана. Стен был абсолютно уверен в том, что Друан был единственным, кто стоял между Стеном и смертельными обьятиями остальных троллей. Поэтому он решил на полуправду:

— Мои родители погибли от руки Цорпада. Или его придворных, что, в сущности, одно и то же. Поэтому я борюсь с узурпаторами с тех пор, как могу держать меч в руках.

— С кем? — переспросил Друан.

— С захватчиками.

Друан замолчал и на некоторое время погрузился в себя, очевидно, обдумывая услышанное. Стен же, наоборот, внимательно осмотрелся вокруг, надеясь, что они добрались до знакомых мест. Но они все еще находились где-то в глухомани. Вокруг не было ничего,

кроме листвы, хвои и толстых, покрытых мхом стволов. Иногда можно было заметить движение, когда какое-то мелкое ночное животное взбиралось по дереву, но такое случалось редко. Впрочем, эта пустота леса была следствием совсем не тихого продвижения троллей. Их шаги разносились далеко, и монстры даже не старались как-то скрываться.

Через какое-то время непрерывного движения тролли остановились передохнуть и немного перекусить, клетку они поставили в центр и расселись вокруг. На этот раз Друан предложил Стену немного какой-то сероватой пасты, которая, по-видимому, была приготовлена из грибов. Сначала человек отнесся к ней недоверчиво, но затем голод пересилил остальные чувства, и он осторожно попробовал. На вкус это напоминало землю и отдавало затхлым чуланом, но потребность Стена в еде была настолько велика, что в конце концов он жадно съел все до последней крошки. Парой глотков воды влахак протолкнул в горло остатки серого месива, и постепенно к нему стали возвращаться жизненные силы. Он изрядно приободрился, и к нему вернулись мысли о том, как бы ему сбежать. Во-первых, нужно установить контакт с друзьями и княгиней Ионной... Если, конечно, между ним и свободой не будет маячить решетка и пятеро троллей.

Цорпад наверняка уже объявил, что Стен мертв. Его друзья и соратники поверят в это, ведь они видели, как его схватили в Теремии. И Висиния поверит... От одной только мысли о ней юному воину становилось больно. Кто знает, каково ей приходилось в Теремии, пока он болтался в клетке?

Словно наяву, он увидел ее перед собой. Как она прощалась с ним... Спокойно, стараясь не показать, как боится за него. А он был полным дураком, раз отпустил ее.

Прежде чем он смог продолжить свои мысли, его погнутую клетку вновь подняли и группа троллей продолжила путь. На этот раз Друан шел рядом с Пардом, несколько позади других троллей, и что-то оживленно обсуждал с ним. «Наверное, Пард опять предлагает раздавить меня», — подумал раздосадованный Стен. Но он знал, что осталось совсем недолго до того момента, как взойдет солнце, и на этот раз у троллей не будет пещеры, в которой они смогут укрыться. Возможно, тролли вновь будут лежать словно мертвые, и тогда в его распоряжении будет целый день, чтобы освободиться из плена.

Однако еще до наступления утра вернулась Анда, которая разведывала путь впереди, и сообщила:

— Дальше леса нет. Там большая плоская равнина. И запах дыма!

Между троллями сразу возник спор о том, что бы это могло быть. Пард прервал галдеж грубой фразой: «Я посмотрю» — и исчез между толстыми деревьями. Стену показалось, что прошла целая вечность, прежде чем тролль вернулся.

Другие присели на мягкую траву, уставившись в безоблачное ночное небо, и ждали, пока силуэт Парда наконец не появится из темноты. Гигант указал рукой на место по ту сторону деревьев:

— Там дома. Оттуда и несет дымом.

Друан повернулся к Стену.

— Что это? Один из ваших городов?

— Нет. Я не знаю точно, где мы. Они завязали мне глаза, когда везли в лес, но это точно не город. Скорее, деревня или хутор, — ответил Стен.

— Хорошо. Идем туда, — мрачно сказал Пард.

— Нет, мы должны спрятаться. Скоро взойдет солнце, — вмешался один из гигантов.

Это был Рох, которого Стен про себя называл однорогим.

— Чепуха! Если они найдут нас днем, то поубивают, — возразил Пард.

— Особенно когда с нами этот, — продолжил тролль, бросив злой взгляд на Стена.

— Тогда мы просто свернем ему шею, — ответил однорогий.

Так как тролли, казалось, начали серьезно обдумывать такое предложение, Стен поспешил вмешаться:

— Вы же совсем не знаете, что это за дома. Может быть, это казарма.

Когда он заметил, что тролли не поняли его, то уточнил:

— Дом для большого количества воинов.

— Он прав, — вмешался Друан, — мы должны выяснить это. Если это простой дом, то там будет не много людей.

— Давайте просто обойдем и двинемся дальше, — предложил Стен в надежде провести день вблизи от человеческого поселения.

— Нет, Пард прав. Они могут найти нас днем. Мы должны осмотреться, — решил Друан, и тролли поднялись.

Стен лихорадочно пытался придумать, какие разумные возражения он мог бы привести, но ему ничего не приходило на ум. Кто знает, что тролли могли устроить в маленькой деревне. Пард вполне мог учинить кровавую бойню, если его не остановить. Поэтому Стен поспешил позвать к себе Друана и сказал:

— Будьте осторожны. Если что, дайте мне поговорить с людьми.

— Зачем?

— Вас люди будут бояться...

— Но это хорошо, — прервал его Друан.

— Нет! Это плохо. Если они будут бояться, то могут и напасть на вас, — возразил Стен.

— Тогда мы убьем их, — невозмутимо сказал Друан.

— Разве у вас недостаточно врагов?

— Что ты имеешь в виду?

— Неужели вы хотите нажить себе еще больше врагов на поверхности? — в отчаянии спросил Стен.

Друан посмотрел юному воину прямо в глаза. Серая кожа тролля собралась складками у рогов. Очевидно, он о чем-то напряженно думал.

— Нет. Но мы не можем доверять людям.

— Ради всего святого, сдерживайте Парда. Не дайте ему устроить кровавую бойню. Я не смогу помочь, если все зайдет так далеко!

— Тогда мы убьем и тебя.

— Да я лучше умру, чем мне придется наблюдать, как вы будете убивать беззащитных людей, — категорично заявил Стен.

— Ты чувствуешь ответственность за жизни людей?... — протянул Друан и посмотрел на Стена, как показалось, с неожиданной крупницей уважения.

Все также задумчиво он направился в начало своей маленькой группы. Из своей клетки Стен не мог ни видеть, ни слышать, что там происходило, но он надеялся, что его слова произвели должное впечатление.

На краю леса тролли остановились и поставили свою ношу на землю. Стен действительно увидел перед собой небольшие поля и на расстоянии почти ста шагов темные тени домов. К большому строению, видимо хлеву, прижимался маленький домик. Рядом находился крошечный чулан, и все это было огорожено забором высотой по грудь человеку.

Значит, это действительно был один из немногих крестьянских хуторов, обитатели которых не боялись опасностей малозаселенных земель. Местность здесь была, скорее, холмистая, поэтому крестьяне вырубили часть леса, чтобы иметь возможность возделывать поля и выращивать урожай. Вероятно, они занимались даже выжиганием угля и обменивали его на товары, которые не могли изготовить самостоятельно. Без сомнения, это были влахаки, народ Стена, так как жизнь среди дикой природы была полна опасностей и лишений, а это означало, что нужно было знать и уважать старые традиции, чтобы жить в гармонии с землей. Масриды же, наоборот, хотели укротить страну огнем и мечом; и хотя ответом им были сопротивление и упадок, все равно были упорны и терзали и землю и народ.

Но даже важнее, чем тот факт, что в этом дворе жили влахаки, было то, что где-то здесь должна была быть дорога или тропинка, по которой Стен мог бы вернуться к цивилизации.

— Объясняй нам, — через несколько мгновений потребовал Друан.

— Это крестьянский двор. В меньшем доме живут люди. Справа хлев, там держат животных. Это простые люди, крестьяне. Они не представляют опасности, — ответил Стен.

— Сколько их?

— Максимум дюжина. Семья и, может быть, пара наемных работников.

— Дюжина! — пренебрежительно пробурчал Пард и встал. — Это не опасно. Пойдемте.

С этими словами он направился в сторону двора. Другие тролли беспрекословно последовали за ним, причем на этот раз клетку нес Друан. Стен осторожно обхватил дверь, чтобы проверить, не стала ли она свободнее за время последнего марша. Тогда, в случае острой необходимости, он мог бы выбраться, чтобы помочь крестьянам. Но она сидела так же прочно, как и раньше. Про себя он вновь проклял судьбу, которая «подарила» ему такое приключение. Он проклял палачей Цорпада, которые вывесили его как раз в том месте, где проходили тролли, а также самих троллей, которые тащили его, ну и, конечно, масридов, которые были виноваты вообще во всем происходящем.

Проклятия не помогали, тролли неумолимо приближались ко двору. Вскоре они подошли прямо к стене забора, которая была сложена из обычных булыжников, подогнанных один к другому. Пард, не замедляясь, легко прошел через стену, отчего та рассыпалась, образовав пролом в несколько шагов в ширину. Ухмыльнувшись, гигант переступил через остатки стены, его спутники последовали за ним. Где-то вблизи от хлева залаяла собака, почти сразу к ней присоединилось несколько других. Тролли рассыпались вокруг дома и с любопытством оглядывались.

В тот момент, когда Стен уже успел удивиться, почему жители не реагируют на шум, дверь распахнулась и во двор выскочил темноволосый мужчина в наспех накинута рубаше. В руках он сжимал длинную косу. Это был простой крестьянский инструмент, в крайнем случае он мог служить оружием; но, несмотря на это, крестьянам разрешалось иметь косы.

— Кто здесь? — прокричал мужчина уверенным голосом, но затем он увидел Парда, который как раз приближался к нему.

— О духи! — вырвалось у человека, и он побелел как мел, что было хорошо видно в ярком свете луны.

Подняв косу, мужчина отшатнулся, но на Парда это не подействовало.

— Не трогай его! — в отчаянии прокричал Стен, изо всех сил трясая дверь клетки.

С почти демонической ухмылкой Пард оскалил клыки и сжал кулаки. Тогда Друан бросил клетку и крикнул:

— Пард!

Большой тролль свирепо взревел, чем крестьянин и воспользовался, чтобы шмыгнуть в дом. Деревянная дверь с громким стуком закрылась, и Стен услышал, как тот зовет свою семью.

— Я же говорил тебе, что мы их не трогаем! — попытался вразумить Парда Друан.

— Этот человечиска хотел напасть. Да я бы поломал его! — насмешливо возразил Пард, но увидел взгляд Друана, скинул руки и воскликнул: — Это же всего лишь человек!

— Лучше следи за тем, чтобы они не сбежали, — приказал Друан и повернулся к Стену. — Скажи им, что они должны выйти. Тогда мы им ничего не сделаем.

— Ты обещаешь?

— Скажи им, иначе их достанет оттуда Пард, — жестко ответил Друан.

Стен подумал немного, но, кроме как подчиниться, других вариантов не видел. Либо он делает то, что от него требует Друан, либо тролли все сделают самостоятельно. А Стен плохо представлял себе, что произойдет, если этим займется Пард.

— Эй, вы там! — наконец закричал он. — Меня зовут Стен сал Дабран! Вам ничего не сделают, если вы выйдете сами, добровольно!

Некоторое время царило молчание, но затем мужской голос ответил:

— Стен мертв, Цорпад поймал его и повесил!

— Да, меня поймали, но я не погиб. Меня спасли вот эти... мои спутники. Они ничего

не сделают вам, если вы добровольно выйдете, — ответил влахак.

Ответ последовал не сразу.

— Заходи — потолкуем!

— Так не пойдет. Ради всего святого, выходите, иначе они сами вас оттуда достанут!

Где-то в доме заплакал ребенок, и собаки все еще лаяли в своей конуре. Стен уже подумал было, что крестьяне откажутся выходить, но через непродолжительное время дверь все же открылась. Из нее вышел мужчина, все так же с косой, и осмотрелся. Когда он заметил Стена, то настороженно нахмурился.

— Ты в клетке!

— Спасибо за напоминание, я в курсе. Дверь заклинило, нам нужен инструмент, — быстро ответил воин. — Вы выходите?

Мужчина явно растерянно кивнул и позвал семью. Медленно и нерешительно из дома вышло трое мужчин, две женщины, два мальчика и две девочки. Все испуганно жались друг к другу. Младшая девочка держалась за юбку одной из женщин, в то время как один из мальчишек громко сопел. Когда Друан поднялся и медленно подошел ближе, одна женщина вскрикнула от ужаса.

— Не забывай о своем обещании! — крикнул ему вслед Стен, однако тролль не отреагировал.

Тем временем к входу во двор подошли остальные тролли и теперь рассматривали людей, которые вышли по просьбе Стена. Друан остановился перед влахаками и сказал:

— Мы не причиним вреда, если вы будете делать только то, что мы вам скажем.

— Х-хорошо, — робко ответил мужчина. — У меня есть в доме инструмент.

— Инструмент? Нам не нужен инструмент. Просто оставайтесь здесь. И успокойтесь наконец, — грубо ответил Друан.

Одна из женщин попыталась успокоить детей. Не обращая больше внимания на людей, тролль, согнувшись, зашел в дом и осмотрел его. Через какое-то время он вышел и обратился к Парду:

— Там в стенах повсюду дыры. Это опасно.

— Проклятье! Значит, мы не можем остаться здесь, — вырвалось у большого тролля.

— Но почему? Подожди, дай подумать, — не согласился Друан, затем повернулся к Роху, одноногому. — Сделай так, чтобы это гавканье прекратилось.

Рох сразу же побежал за дом, к конуре, а Друан пошел к Стену.

— У нас проблема. Дом ненадежен. А дом рядом...

— Хлев, — уточнил Стен.

— В хлеве также полно дыр. Мы не можем провести здесь день.

— Тем лучше. Тогда просто пойдем дальше, — с облегчением сказал Стен.

— У нас мало времени. Они смогут легко найти нас днем, когда мы будем отдыхать, и убьют. Разве ты веришь в то, что они оставят нас в покое? — скептически спросил Друан.

— Нет, но я не боюсь. Друан, послушай, выпусти меня из клетки, и я буду защищать вас в течение дня. Они ничего не сделают, пока я буду здесь, — предложил он.

— Возможно. Я доверяю тебе, но Пард никогда на это не согласится. Так не пойдет, — спокойно ответил Друан и продолжил: — Тогда остается только одно. — Тут его выражение лица ожесточилось, и он посмотрел на Стена. — Мне жаль.

— Нет! *Нет!* Мы найдем решение! — вскричал Стен.

В это мгновение лай собак усилился, превратившись в бешеный хрип, затем раздался жалобный вой, который вдруг резко оборвался. Долгое поскуливание, которое издавали собаки от страха, продолжалось лишь несколько мгновений, а затем наступила тишина, прерываемая лишь сдавленным всхлипыванием испуганных детей. Стен в отчаянии прижался к двери и прокричал:

— Друан! Твое слово! Дай мне немного времени!

После нескольких мгновений, показавшихся вечностью, Друан вновь обернулся.

— Хорошо. Ищи решение. Я даю тебе время.

— Спасибо, Друан.

Стен облегченно вздохнул, посмотрел на тролля и сказал:

— Отнеси меня к ним. Мы найдем выход, — и затем тихо добавил: — А если нет, тогда вам придется убить и меня.

Стена вновь подняли вместе с клеткой и отнесли к людям. Он лихорадочно обдумывал, как бы сделать так, чтобы тролли остались довольны и при этом никто не пострадал. «Почему я все еще жив? Так как я сижу в клетке, надежно закрытый. Значит, проще всего крестьян тоже запереть на весь день, чтобы тролли не чувствовали опасности», — промелькнула у него мысль.

— Приветствую, — начал он. — Меня зовут Стен сал Дабран. Я человек из клетки, — подмигнув, сказал он детям, затем снова обратился к старшим: — Добрый человек, у тебя есть подвал?

— Нет, нет подвала.

Стен даже оторопел.

— Ну, а хотя бы кладовая?

— Нет! — нервно возразил мужчина и оглянулся на дом через плечо.

Стен недоверчиво посмотрел на него, затем махнул рукой, чтобы тот подошел. Когда мужчина нагнулся, Стен прошептал тому на ухо:

— Они убьют всю твою семью, парень! Он хотят всего лишь запереть тебя, только так они будут чувствовать себя в безопасности. Если не получится... то я не смогу вам помочь.

Крестьянин с мольбой взглянул ему в глаза.

— Господин, пожалуйста, защити нас. Моих детей, мою жену!

— Тихо! Ты напугаешь их еще сильнее. Я хочу помочь. Ну, так у вас есть подвал? — настоятельно переспросил Стен.

— Да, под домом. Маленький подвал, в котором мы храним еду, — подавленно ответил мужчина.

— Ну почему сразу не сказать правду? Неужели ты думаешь, что речь только о твоих запасах? — спросил Стен.

— Я... мы... я обещал, — запинаясь, пробормотал перепуганный крестьянин.

— Что обещал? Кому? — настаивал Стен.

— Другому человеку, — ответил крестьянин и отвел глаза.

— Батюшки мои! Слушай, перестань увиливать и говори ясно. Как я помогу, если ты так ведешь себя?

— Его зовут Натиоле Таргузи, — подавленно выдал крестьянин.

— Нати здесь? — удивился Стен.

— Да. Вы знаете его? Значит, вы на самом деле Стен сал Дабран?

— Конечно, это я! А что же ты подумал?

— Натиоле сказал, что вы мертвы, господин, — виновато ответил крестьянин.

— У нас не так много времени, — прервал Друан их разговор.

Стен кивнул и сказал:

— В доме есть еще человек. Под домом есть подвал, там вы можете запереть семью на целый день.

Цдам, тролль, который почти постоянно молчал, сжал свои мощные кулаки от гнева.

— Кто это еще в доме?

— Я знал, что люди обманут нас! — яростно заревел Пард.

— Нет! Этого человека они прячут от других людей. Он не мог знать, что сейчас придете именно вы! — рассерженно возразил Стен.

Пожав плечами, Друан махнул Парду, чтобы тот успокоился, и подошел к Стену.

— Тогда давайте осмотрим этот подвал. Кстати, что это такое?

— Подвал — это что-то типа дыры в полу с крышкой. Что-то вроде подземной комнаты.

— Комнаты? — удивленно повторил Друан. — Ладно, неважно, пойдём!

Он схватил клетку за остатки цепи. Раскачивая ее так, что Стен чувствовал себя, будто сидел верхом на маятнике, Друан направился в дом. Внутри это строение представляло собой одно большое помещение, очень темное, слабо освещенное огнем большой каменной печи в боковой стене. Пахло дымом и жильем. Везде на полу лежали спальные коврики.

Внутри помещения Друан смог выпрямиться во весь рост, хотя, проходя во входную дверь, ему пришлось сильно нагнуться. Однако троллю приходилось следить за тем, чтобы не врезаться в поперечные балки, почерневшие от сажи, но, так как в доме не было второго этажа и балки не были перекрыты досками, между балками и крышей оставалось достаточно много места.

Стен быстро осмотрелся и скоро обнаружил то, что искал. Возле очага на полу лежала большая меховая шкура. Стену довольно часто приходилось скрываться в подобных местах, поэтому он догадался, что вход в кладовую находился под изъеденным молью мехом. Стен пальцем указал на это место, и Друан послушно отнес его туда. Юный воин осторожно приподнял мех. И действительно, под ним была маленькая, грубо вытесанная дверь, а не просто утоптанная земля, как в остальном доме.

— Дай мне поговорить, Друан. Я знаю его, — попросил Стен тролля, который согласно кивнул.

— Нати! Ты слышишь меня? — крикнул Стен и прислушался.

— Стен? Ради всего святого, неужели это ты? — пришел ответ снизу. — Разве ты не мертв?

— Слухи о моей кончине сильно преувеличены, — смеясь, ответил Стен.

— Ах ты, негодяй, мы же видели, как тебя увозили! Как же тебе удалось выбраться?

— Подожди, ты не поверишь, что я тебе расскажу. Выходи. Только не пугайся!

— Я не могу, дверь слишком высоко. А лестница должна быть там у вас, наверху, — крикнул Натиоле.

Оглядевшись, Стен обнаружил не очень толстое бревно, на котором были сделаны зазубрины таким образом, что оно превратилось в примитивную лестницу. Друан без труда поднял сначала дверь и затем опустил бревно в темное отверстие под ней.

— Ты слышал? Без помощи отсюда не выбраться, — Стен поспешил сообщить об этом троллю.

Троль, буркнув, кивнул, отошел на два шага от темного провала и присел на корточки.

— А почему я не должен пугаться? — спросил Натиоле, взбираясь по лестнице вверх.

— Потому что я не один, — сухо ответил Стен, как только его собрат по оружию высунул голову из подвала.

При виде массивной фигуры сидевшего Друана Натиоле не удержался от крепкого проклятия. Он чуть не упал с лестницы, но клетка стояла довольно близко к краю, и Стен успел подать другу руку помощи.

— Из какого ада ты достал этого демона? И почему, о духи, ты сидишь в клетке? Что здесь происходит? — в полной растерянности спросил Натиоле.

— Долгая история. Это Друан. Друан, это Натиоле, — ответил, усмехнувшись, Стен, и потом уже серьезно продолжал: — Друан — тролль. Настоящий, живой чертов тролль. Снаружи еще тролли. Они хотят устроиться здесь на дневку.

Натиоле стал поспешно вылезать, но Стен махнул рукой, чтоб тот не двигался. Влаха надеялся, что его друг вооружен, и не хотел, чтобы тролли обнаружили это. Поэтому юный воин заговорщически подмигнул товарищу и сказал:

— Оставайся внизу. Все с хутора тоже будут заперты. Тролли вас боятся.

— Боятся? Нас? Боже мой, да оно же огромное! — воскликнул Натиоле, на что Друан зарычал и поднялся во весь рост.

— Точно, огромное, — сказал Натиоле, преисполненный уважительного трепета перед таким созданием.

— Да. Спускайся. Поговорим позже. Доверься мне, — заверил Стен соратника.

Немного помедлив, Натиоле спустился в подвал.

Друан позвал остальных жителей в дом, и они по очереди тоже спустились в подвал. Лишь главу семейства Стен задержал ненадолго:

— Есть ли еще кто-то во дворе? Я могу обещать безопасность только тем, кто подчинится троллям и спустится в подвал.

— Нет, господин, мы все здесь, — ответил крестьянин тихо и уныло.

— Да, места осталось маловато, — заявил Пард, когда в подвал спустился последний человек и он снова поднял лестницу, — но уж как-нибудь...

С этими словами он схватил клетку и попытался пропихнуть в проем. Но железная конструкция была слишком велика и мгновенно застряла.

— Да ладно, Пард. Он же все равно в клетке, — сказал Друан, который уже устроился на одном из ковриков.

Пард, ругаясь, бросил клетку и закрыл вход в подвал. Затем гигант сел на него, отчего доски опасно закрипели, и довольно усмехнулся.

— Посмотрим, сможет ли меня поднять человек, если, конечно, ему в голову придет такая безумная идея.

— Даже я не смог бы поднять твой жирный зад, — ответил Рох, чем вызвал приступ всеобщего веселья.

Пард зло зыркнул на Роха, но затем и сам присоединился к веселью. Незадолго перед рассветом Анда еще раз выбежала из дома. Вскоре она вернулась и радостно показала собратьям две большие тушки пушистых собак, держа их за хвосты.

— Завтрак!

Пока тролли обсуждали, насколько собаки старые и жилистые и будут ли они вкусными, Стен откинулся назад и положил руку на камень, спрятанный под рубашкой. В доме было несколько окон, которые хоть и были закрыты ставнями, но не были полностью светонепроницаемыми. И если его теория о сне троллей верна, это означает, что гиганты будут не способны даже шевельнуться в течение всего дня. И тогда у него будет время для разработки плана и освобождения из клетки. И он проверит, превращаются ли тролли при солнечном свете в камень и можно ли их запросто прикончить при помощи острого клинка. С недоброй усмешкой он сидел в своей клетке в предвкушении дня, в то время как тролли шутили и смеялись. Снизу не доносилось ни звука, но Стен был уверен, что его друг Натиоле, так же как и он, строил планы.

6

Вместе с восходом солнца тролли действительно погрузились в сон, напоминающий смерть. Как только первые тонкие лучики упали на земляной пол через ставни, они сразу обмякли, и было такое впечатление, будто они даже не дышали. Как только Стен увидел это, то сразу принялся за работу.

Еще перед рассветом Друан дал ему немного еды из запасов крестьянина и глиняный кувшин с водой. Подкрепившись, Стен еще раз внимательно осмотрел заклиненную дверь. На этот раз он ударил камнем по петлям, чтобы немного ослабить их.

Шум, который он при этом производил, не остался незамеченным в подвале, и уже скоро послышался голос Натиоле:

— Стен! Что там происходит?

— Я пытаюсь выбраться из проклятой клетки! — объяснил Стен.

— А что с троллями? — спросил его друг.

— Они спят как убитые, их сейчас ничто не сможет разбудить. Я думаю, все дело в солнечном свете.

— Ха! Тогда это ни в коем случае нельзя рассказывать священникам из Альбус Сунаса, иначе мы получим от них бесконечные молитвы о божественном свете на небе, — пошутил Натиоле.

— Дай мне немного времени. Мы поговорим чуть позже. Сначала я должен открыть эту

дверь, — сказал Стен, продолжая бить камнем по дверным петлям.

Это была тяжелая и довольно изнурительная работа, так как камень, теперь уже здорово потрескавшийся и обломанный со всех сторон, был далеко не идеальным слесарным инструментом. Он то и дело выскальзывал, оставляя царапины и порезы па руках Стена, но тот даже и не думал сдаваться.

Через некоторое время ему показалось, что этот монотонный долбеж начинает давать положительные результаты. Петли слегка выгнулись наружу, и дверь теперь сидела более свободно, чем раньше. Это буквально окрылило Стена, у которого открылось второе дыхание, и он удвоил свои усилия. Наконец влахак отклонился назад, насколько это было возможно, и изо всех сил стукнул ногами по прутьям двери. Клетка была очень тесной, но, по крайней мере, у него была опора, чтобы надавить на дверь. И когда та с грохотом распахнулась, Стен вздохнул с облегчением.

Он выполз наружу и растянулся на полу, одновременно чувствуя боль в руках и ногах, но и наслаждение от того, что наконец можно растянуться во весь рост. Однако работа была не окончена.

Стен осторожно поднялся, при этом ему пришлось держаться за клетку, так как его ноги ослабели и дрожали. На пути к окну — всего пара шагов — он чуть было не упал, но ему все же удалось добраться до стены, к которой он и прислонился. Затем юный воин открыл ставни, чтобы удостовериться в том, что солнце заливает комнату.

То же самое он проделал и с другими окнами. С каждым шагом он чувствовал себя на ногах все увереннее. Только после того, как все окна были распахнуты, Стен направился к неподвижному Парду и осмотрел его массивное тело. Рассердившись, он двинул его ногой в бок.

— Раздавить меня? Ты, проклятое чудовище, ты мне заплатишь за это!

С этими словами он попытался сдвинуть тело тролля с двери, но тот был слишком тяжел для него. Лишь с помощью лопаты, которой он воспользовался в качестве импровизированного рычага, Стену удалось откатить тушу тролля настолько, что можно было поднять дверь. Из подвала на него смотрели бледные лица, на которых легко читался страх, но Стен улыбнулся в ответ.

— Не волнуйтесь, сейчас безопасно, они крепко спят.

С этими словами он осторожно опустил лестницу в проем в полу. Сначала поднялся Натиоле, держа руку на рукояти кинжала. Он обнял Стена и быстро зыркнул в сторону неподвижных троллей.

— Батюшки мои, Стен, ты выглядишь ужасно. И воняешь, словно... куча козьего навоза!

— Только не надо мне льстить. Я знаю, знаю. Мне срочно нужно помыться, — ответил Стен, осмотрев себя. — Да и свежая одежда не помешала бы.

Натиоле, смеясь, согласился с ним. Пребывание в подвале не так сильно сказалось на нем. Его длинное худощавое лицо было грязным, а подстриженные темные локоны явно давно не расчесывали, и они спутались самым причудливым образом, но светлые глаза все так же излучали радость, как и раньше. Натиоле явно не менял одежду с того момента, как они в последний раз виделись со Стеном. На нем была все та же льняная одежда, которую обычно носят торговцы, отправляясь в дорогу, но уже довольно грязная и рваная. Но самое главное — на нем был широкий боевой ремень, на котором висели длинный кинжал и меч. Соратники принялись помогать детям вылезти из подвала, и Натиоле спросил, указав взглядом на синяки на руках и ногах Стена:

— Это сделали эти чудовища?

— Нет, что ты, — отмахнулся Стен, — это палачи Цорпада. Хотя... руки я разбил об эту трижды проклятую дверь, ну и еще парочку ран на спине я заработал, стукнувшись о прутья клетки.

— Я уже и не верил, что когда-нибудь снова увижу тебя живым. Перед тем как я сбежал, Линорел сказала, будто Цорпад объявил, будто ты мертв, — рассказал Натиоле.

— Нет. Они меня схватили. Я провел в крепости Цорпада несколько неприятных дней, ощутил на себе масридское гостеприимство, затем мне завязали глаза и отвезли в лес. На расклев воронам.

— Можно подумать, что я рассчитывал в какой-нибудь деревне в окрестностях Теремии встретить плачущую девушку, которой ты вскружил голову!

Юный воин скорчил гримасу.

— Не самое подходящее время для этого.

— Все считают тебя мертвым.

— Да. И я собираюсь воспользоваться этим неожиданным преимуществом, — заявил Стен.

— Все, — многозначительно повторил Натиоле.

— Я знаю, Нати. Мне нужно как можно скорее выбраться отсюда. Как много я пропустил? Неделю?

— Больше, — ответил Натиоле и, немного подумав, уточнил: — Сегодня пошел одиннадцатый день после нападения в Теремии.

— Ну а что тебя забросило в такую глушь? — поинтересовался Стен, после того как обдумал ответ Натиоле.

— После того как тебя схватили, в Теремии стало небезопасно для всех нас, поэтому я решил исчезнуть на время. А так как люди Цорпада рыщут повсюду, то я постарался спрятаться как можно дальше.

Пока соратники делились новостями, из подвала выбралась вся семья крестьянина. На всех, кроме главы семейства, все еще были ночные сорочки. Крестьяне боязливо оглядывались.

Стен решительно приказал:

— Одевайтесь. Быстро, быстро!

Затем обратился к старшему из мужчин:

— Отвези их отсюда как можно скорее. У тебя есть телега?

Мужчина слабо кивнул.

— Хорошо. Тогда запрягай, собери с собой немного еды и отправляйтесь. Поезжайте в соседнюю деревню, придумайте какую-нибудь историю, но о том, что на самом деле произошло, никому ни слова, — быстро инструктировал его Стен.

— Да, господин.

— Как называется ближайшая деревня? Где я вообще, о духи темноты, оказался?

При упоминании темных сил крестьянин вздрогнул, вероятно, он был суеверным и остерегался упоминать демонов, но на вопрос все же ответил:

— Орволь, господин.

Стен, хоть и смутно, помнил это название. И хотя Орволь был не более чем маленькое пятнышко на карте, раз в год здесь проходила ярмарка лошадей, которая была известна далеко за пределами деревушки.

— Очень хорошо. Не трать времени и не останавливайся, даже когда стемнеет. Только в деревне вы будете в относительной безопасности. Но не забывай: ни слова о том, что видел!

Крестьянин вновь кивнул, а Стен повернулся к Натиоле.

— Нати, расскажи поточнее, что произошло.

— Да я и сам всего не знаю. После нападения солдат Цорпада все попрятались.

— А кого еще схватили? — спросил Стен, уже готовый к плохим новостям.

— Только тебя. Остальным удалось сбежать. Очевидно, для них был важен только ты.

— Ха! Им здорово повезло, — мрачно заметил Стен.

— Ну, теперь ты стал таким популярным, — со смехом сказал Натиоле, на что Стен скорчил кислую гримасу.

— Штаны, — неожиданно сказал он и пошел к крестьянину, который собирал пожитки между спящими троллями.

Вскоре Стен облачился в полотняные штаны, а длинные волосы стянул в хвост. Куртка из сыромятной кожи дополнила гардероб. От Натиоле влахак получил кинжал, который занял место на поясе, роль которого играла веревка.

— Есть еще какие-то новости? — спросил Стен друга, склоняясь над беззащитным Друаном и внимательно осматривая его.

— Плохие, — мрачно ответил Натиоле, на что Стен вопросительно взглянул на него.

— В долине Барсаи было сражение. Боярин сал Барсаи засел со своими верноподданными в крепости над перевалом, — начал Натиоле.

— Ну, она неприступна. Лишь бы припасы не закончились, — перебил его Стен.

— Видимо, закончились. Цорпад напал кое с кем из союзников.

— Этого не может быть! — воскликнул Стен.

— Представь, может. Это правда, к сожалению... Боярин обезглавлен, а его люди либо в бегах, либо в плену.

— Предательство? — в ужасе спросил Стен.

— Никто не знает. Хотя...

— Что?

— Ходят слухи. Говорят, будто масриды пробили ворота. Уж не знаю как, но мне рассказали. Новость пришла от одной воительницы боярина.

— Это невозможно, Нати. Я знаю эту крепость, я был там. Есть только один узкий вход через ущелье, крепость находится высоко над долиной. Стены крепкие и тоже порядочной высоты. Ворота из крепчайшего дуба и обиты железом, а за ними — железная решетка, которую опускают при необходимости. Даже если кто-то и пробьет ворота, то все равно упрется в решетку.

— Да. Но все же им удалось пройти. Воительница рассказывала, что вся конструкция ворот неожиданно просто завалилась, — сообщил Натиоле.

— Но ведь крепость построена на твердой скале, — удивленно возразил Стен. — Ты думаешь, это магия?

— Кто знает...

— Проклятье! Что же, ради всего святого, происходит? Цорпад с легкостью находит место наших встреч, а его палачи болтают о предстоящих победах. Потом появляются эти вот чудовища и несут всякую чепуху о гномах, а теперь еще и это! Что-то творится неладное, и мы должны узнать, что именно, — раздраженно сказал Стен.

— Ты прав. Но для начала расскажи, что с тобой было все эти дни. Что за тюремщики у старого Цорпада? Небось, приветливые ребята? — подмигнув, спросил Натиоле.

Стен быстро рассказал обо всем, что произошло с ним с момента расставания более десяти дней назад. Хотя он говорил только о самых важных событиях, это заняло довольно много времени, так как произошло достаточно такого, о чем Натиоле должен был знать. Оба друга были единомышленны в том, что слишком уж много странных вещей случилось одновременно и это нельзя назвать простым совпадением. И похоже было, что для них просто жизненно необходимо выяснить взаимосвязь между происшедшими событиями.

Из раздумий их вывели крестьяне, которые уже собрали пожитки и были готовы отправляться. Семья собралась перед друзьями почти вся, кроме старшего мальчугана, который весь в слезах, с бледным лицом склонился над одной из мертвых собак и гладил ее окровавленный мех. Стен мягко положил пареньку руку на плечо, тому, наверное, было не больше четырнадцати или пятнадцати лет.

— Вы должны отправляться в путь.

С мрачным выражением лица мальчик выпрямился и кивнул.

Про себя Стен подумал: «Будь благодарен, что им под руку попала всего лишь собака», — но не произнес это вслух, а только кивнул в ответ. Затем Стен обратился к отцу семейства:

— Хорошо, тогда не теряйте времени. Счастливого пути вам. И не забывай мои слова, — еще раз напомнил Стен, перед тем как все взобрались на старую телегу и отец

принялся погонять волов.

Стен долго смотрел им вслед, пока Натиоле не напомнил:

— Стен, пора.

— Да, давай займемся... Нам много предстоит сделать, но сначала убьем парочку чудовищ.

— Ха! Неужели ты думаешь, что о нас будут слагать песни? Нас могут назвать убийцами троллей, — предположил Натиоле.

Друзья вернулись в дом и подошли к безжизненному телу Друана. Натиоле легко вытащил меч и передал его Стену, который на мгновение поднес клинок к лицу, а затем опустил на колени перед широкой грудью тролля и прижал острие меча к его горлу.

И хотя Друан не двигался, его огромные лапы, рога и выступающие клыки были все так же опасны. Кожа тролля, серая и грубая, оказалось еще и очень шершавой. Левой рукой Стен обхватил эфес, правой — головку эфеса. Пока он готовился перенести весь свой вес на руки, чтобы как следует ударить, он смотрел в лицо Друана. «Ты тоже хочешь спасти свой народ, — подумал юный воин. — Однако вы, мрачные создания, заслуживаете смерти». Но человек все медлил, пока Натиоле наконец не спросил:

— Что случилось?

— Я не могу, — неожиданно сказал Стен.

Он изменил позу и протянул меч Натиоле.

— Возьми его, — тихо сказал он.

— Что? Почему? Это же тролли, людоеды!

— Я знаю, — удрученно ответил Стен.

— Тогда почему ты не хочешь убить их? — ошарашенно спросил Натиоле.

— Возможно, потому, что у меня ощущение, что неправильно убивать их сейчас, — медленно ответил Стен, в то время как даже сам не мог объяснить до конца, в чем дело.

— О духи! Это чудовища! Ты сам рассказал мне об этом. Если бы не ты, они, не колеблясь, вырезали бы всю семью этого несчастного крестьянина и, может быть, даже съели!

— Возможно. Но они не сделали этого, Нати. Я думаю, что прежде всего они просто хотят защитить себя.

— Нет, они — создания тьмы, порождение кошмаров. Взгляни на них, — Натиоле указал на распростертые тела. — Они злые и ужасные.

Стен с несчастным видом смотрел на троллей. Он не мог найти, что возразить Натиоле, ведь эти существа и в самом деле были злыми и опасными. Но он не мог избавиться от гложущего ощущения, которое говорило ему, что убивать троллей сейчас было бы ошибкой.

— Послушай, — начал он, — ты сам говорил, что в этой стране творятся какие-то странные дела, что мы слишком мало знаем... Я принял решение. Я не буду убивать их сейчас, пока не узнаю, что означает их появление здесь.

Друг хотел возразить, но Стен поднял руки в предупредительном жесте.

— Дай договорить. Наши пути снова расходятся. Возвращайся в Теремию. Ты еще можешь догнать телегу, переночевать в деревне. Я остаюсь здесь, с троллями. Если что-то изменится, я... убью их.

— Ты с ума сошел? Может, тебя стукнули по башке? Ты хочешь добровольно остаться здесь, с этими... существами? — Натиоле был так взволнован, что даже перешел на крик.

— Да. В смысле нет, я не сошел с ума. Доверься мне, Натиоле. Хотя взгляд друга, исполненный сомнения, говорил о том, что он просто не в силах понять происходящее, но, чуть поколебавшись, Натиоле с глубоким вздохом пожал плечами.

— Хорошо. Думаю, ты знаешь, что делаешь. Твой череп все равно слишком толстый, чтобы его мог пробить маленький тролль. Но возьми хоть это.

С этими словами он расстегнул боевой ремень и подал его Стену.

— Он нужен тебе. Пожалуй, даже больше, чем мне. И проклятье, будь осторожен, ради всего святого. Особенно ночью, когда эти чудища бодрствуют!

— Спасибо. Думаю, что мне удастся поговорить с ними, что-то выяснить. Если нет, я постараюсь улизнуть как можно скорее. И решу эту проблему на следующий же день. — Стен мотнул головой в сторону грязно-серых тел. — Они оставляют после себя четкие следы, настоящие просеки, так что от меня им не уйти, — заверил Стен соратника.

— Конечно, ты ж у нас такой благоразумный, — кисло отреагировал Натиоле, но затем он обнял друга и выдавил: — Будь осторожен, Стен сал Дабран. Флорес оторвет мне голову, если с тобой случится что-то такое, что я мог предотвратить, но проворонил. Не то чтобы это было такой большой потерей...

— Ты имеешь в виду мою или свою голову? — пошутил Стен, но быстро посерьезнел. — Спасибо. Счастливого пути, Нати. Позаботься, пожалуйста, о том, чтобы только правильные люди узнали, что я еще жив.

— Обещаю, Стен. Доброго пути.

Не оборачиваясь, Нати покинул дом, выбравшись на залитый солнцем двор, и побежал по дороге вдогонку за телегой.

Несколько мгновений Стен просто стоял, уставившись на дверь, затем вздохнул и огляделся. Тролли будут не в восторге, когда проснутся, и будет разумно подготовиться к последствиям их гнева заранее. Когда Друан поймет, что Стен хочет предложить троллям план, вся надежда влахака была только на то, что предводитель гигантов будет вести себя благоразумно. А уж о том, какова будет реакция Парда, Стен прекрасно знал.

Искушение преподать урок мощному троллю, который сейчас беспомощно скорчился в солнечном свете, было очень велико, но Стен не поддался. Вместо этого он обошел дом и весь двор, стараясь запомнить, что и где находится, так как переговоры с троллями он будет проводить после наступления ночи.

Когда он полностью продумал план, то сразу же принялся за работу. Над стойлами для животных у крестьянина был натянут тент, на котором сушилось сено. Между хлевом и домом, в стене жилища людей, Стен при помощи деревянного держака от вил проделал небольшую дыру, достаточную, чтобы наблюдать за комнатой и при этом удобно лежать на сене. Влахака даже поухаживал за животными — положил им корм, которого должно хватить на пару дней.

Только после этого он позволил себе роскошный обед из запасов крестьянина. От запаха копченой ветчины, который доносился из кладовки, у него сразу же побежали слюнки. Он съел здоровенный ломоть вместе с ковригой свежего хлеба. И это показалось Стену самым вкусным, что ему доводилось есть за всю жизнь.

Он сидел на пороге дома, дожидая остатков, и наблюдал за солнцем, которое постепенно опускалось за горизонт, окрашивая двор в теплый красноватый цвет. Разноцветные листья слегка раскачивались на слабом ветру. Картина была такой мирной... и абсолютно невероятным казался тот факт, что за спиной влахака лежало несколько спящих монстров, достаточно было просто обернуться, чтобы увидеть очертания их огромных тел. Почему он остался? Такой поступок вдруг показался ему абсолютно неразумным. «Будь осторожен, Натиоле, — подумал он. — Тогда, по крайней мере, хоть ты сможешь рассказать историю о глупце, который якшался с троллями. В то время как этот самый глупец, вероятно, уже давно будет в желудке кого-то из его спутников...»

Стен со вздохом поднялся и смахнул крошки с рубахи. Что касается далеко не лестных замечаний Натиоле по поводу его запаха, то они были абсолютно справедливы. Взглянув на заходящее солнце, Стен решил, что у него еще есть немного времени для небольшого купания.

Вскоре влахака уже соскабливал с себя грязь прошедших дней в ледяной воде источника посреди двора. Ведро, полное чистой воды, которое он вылил себе на голову, взбодрило его и привело в порядок мысли. Может быть, его надежды были напрасны, но он действительно верил, что сможет договориться с троллями, по крайней мере с Друаном. А если нет, то он должен сбежать во что бы то ни стало и затем преследовать чудовищ, пока не найдет место их дневки. И тогда ему хватит времени, чтобы устранить эту неприятность.

Как только Стен обсох и оделся, то тут же залез в свой тайник над блеющими овцами и козами, устроился поудобнее и принялся ждать пробуждения троллей.

7

Сарган давно потерял какое-либо ощущение времени; он не мог даже оценить, сколько плыл незванным пассажиром по темному туннелю.

Движение прекращалось несколько раз, и на каждой остановке гномы производили какие-то работы, однако караван еще ни разу не причалил. Позиция Саргана на корме последней баржи не давала хорошего обзора. Он не знал, что происходит впереди, и поэтому не был уверен в том, чем занимаются гномы во время перерывов в движении. К тому же коротышки не оснастили баржи достаточным количеством ламп, чтобы можно было что-то разглядеть, даже стены туннеля терялись в темноте.

Один раз тайный пассажир позволил себе даже скромную трапезу из своих запасов; в основном он лежал неподвижно на мягких тюках ткани и дремал. Насколько он мог понять, гномы были на каждой барже. Вероятно, они отталкивали суда от стен длинными шестами, таким образом управляя движением.

Как раз в тот момент, когда Сарган вновь проголодался, путешествие закончилось. Гномы забегали, перекрикиваясь. Сарган осторожно выглянул из-под тента и обнаружил, что баржи прибыли в просторную, хорошо освещенную пещеру. Экипажи развернули лихорадочную деятельность, пока суда медленно подплывали по направлению к причалу. Гномы-матросы сбросили толстые швартовые канаты, на причале опустили мягкие, обвязанные мешками отбойники, чтобы приглушить силу удара при столкновении баржи с пирсом. Судно, на котором прятался Сарган, так же как и другие, мягко чиркнуло о причал и остановилось.

Вначале лазутчик некоторое время лежал неподвижно и выжидал, пока команда покинет баржу. После этого он выглянул из-под тента. Гномы как раз собирались ее разгрузить.

«Самое время уходить», — подумал Сарган, которого не покидало тревожное ощущение, что он и так уже слишком долго пользуется гостеприимством маленького народца. Вероятнее всего, гномы отреагируют очень неприветливо, если обнаружат его на борту, когда поднимут тент. К несчастью, на причале царила оживленная деятельность, поэтому у него оставался только один выход — спуститься с баржи в воду.

Сарган тихо ослабил узлы тента и в момент, когда в его сторону никто не смотрел, скользнул через леер в воду Маги, от холода которой у него чуть не перехватило дыхание. Всего несколько сильных гребков — и он достиг края пристани позади последней баржи и крепко ухватился за причальную конструкцию. Трап давал немного тени, поэтому Сарган был уверен, что в темной воде, с темной пастой на лице его будет трудно обнаружить.

Но очень скоро шпион понял, что проблема как раз не в том, заметят ли его гномы, а в том, что он болтается в ледяной воде. Пока загружали баржи, Сарган не мог выбраться на сушу, поэтому постепенно он перестал чувствовать конечности, так как сидел под трапом не шевелясь.

Он уже представил себе, как его понесет вниз по течению, когда холодные пальцы окончательно окоченеют и перестанут его слушаться. Вскоре его труп прибьет к берегам Эркиры, как и того несчастного гнома, смерть которого привела сюда самого Саргана.

Но затем незванный гость заметил, что гномы переместились при разгрузке, на пирсе выросли штабеля ящиков, уже скоро из них образовался целый лабиринт. Совсем окоченевший Сарган вылез на причал и укрылся за большой пирамидой из тюков ткани. Зубы его неудержимо стучали, и на секунду ему захотелось просто остаться здесь, за тюками, лечь и не двигаться. Но Сарган знал, что если немедленно не согреется, то этот маленький отдых будет означать верную смерть. Кинжалом лазутчик разрезал один из тюков, вытащил немного грубой ткани, которой попытался обтереться и промокнуть воду.

Чтобы оставлять как можно меньше следов, он затолкал ткань назад, после чего осторожно выглянул из-за своего укрытия.

На этом причале также была лестница, которая вела наверх и которой при нем никто не воспользовался. Зато через трое огромных ворот шла череда телег, запряженных ослами. Телеги сразу же загружали товарами, и они вновь скрывались за воротами. Огромные створки ворот были широко распахнуты, пройти незамеченным было невозможно. Поэтому Сарган решил рискнуть подняться по лестнице. Все еще дрожа от холода, лазутчик принялся наблюдать за работой гномов, чтобы выбрать подходящий момент. Ему очень понравилась слаженность действий маленького народца: разгрузка и погрузка происходила в четком, нерушимом порядке, чем Сарган и решил воспользоваться, чтобы в благоприятный момент проскользнуть по лестнице на верхнюю площадку и исчезнуть в освещенном туннеле.

Здесь искусные гномы-мастера также украсили рельефами стены и потолок. Пол устилала мозаика с узором в форме переплетающихся линий разных цветов. И к счастью, и здесь на стенах на одинаковом расстоянии пылали чаши с огнем.

Все еще дрожа от холода, Сарган крался по туннелю. Чем дальше он отходил от реки, тем теплее становилось, и ощущение, что он скоро совсем околеченет, постепенно пропало.

В конце концов лазутчик добрался до просторного пятиугольного помещения, из которого в разных направлениях уходили четыре коридора. В углах помещения он обнаружил статуи гномов-воинов в полном снаряжении, каждая величиной в три шага. Каменные глаза статуй мрачно взирали сверху вниз на непрошеного гостя. Сарган уверенно выбрал один из туннелей и продолжил путь в глубину горы. Вероятно, более оживленные помещения подземной крепости находились ниже, так как именно туда и переправляли товары, доставленные речным караваном. Лишенный какого-либо плана туннелей и помещений, Сарган был вынужден полагаться на удачу и на свои ощущения.

После очередного перекрестка Сарган услышал шум, на этот раз тихое бормотание нескольких голосов. Он осторожно двинулся вперед, пока не добрался до ворот, которые вели в большой зал. Его потолок терялся высоко во мраке, как и капители поддерживающих своды колонн. Но между колоннами сновала почти дюжина гномов, которые, по всей вероятности, были заняты сортировкой руды, привезенной на двух телегах, запряженных ослами. Скорее всего, добытую руду здесь изучали и распределяли по назначению в разные емкости.

Сарган немного понаблюдав за работой, пока не понял ритм действий. Он не мог понять, по каким критериям они сортируют руду, но этого и не требовалось, важно было уловить, как организована работа. Как только одну из телег полностью разгружали, она тут же исчезала в широком туннеле, вход в который находился дальше, в конце зала. Вскоре из другого входа выезжала пустая телега с группой гномов, которые с громкими криками поднимали емкости с рудой и укладывали их на свою телегу, после чего телега исчезала из поля зрения Саргана.

О том, чтобы вернуться сейчас, не могло быть и речи, в конце концов, лазутчик пришел сюда с определенной целью. Перебегая от одной колонны к другой, от тени к тени, Сарган пересек большой зал, не спуская глаз с гномов.

На рабочих была простая прочная одежда серого и коричневого цвета из толстой шерсти и кожи. По очереди, без малейшей задержки они снимали руду с телег, осматривали ее и затем бросали в одну из подготовленных емкостей.

За последней колонной Сарган задержался, чтобы перевести дух. Еще немного — и он пересек весь зал, оказавшись в туннеле, который вел прочь из сортировочного помещения. Стены здесь были не столь искусно украшены: вдоль коридора шел лишь один узор переплетающихся линий. Сарган тихо двигался вперед. Вскоре он услышал громкий стук, звук молотков. Лазутчик очутился в еще одном просторном зале.

Здесь гномы старательно занимались обработкой руды. Из нескольких входов в зал въезжали телеги и сгружали содержимое, чтобы через время вернуться со следующей порцией. Десятки рабочих разносили емкости к определенным местам или, наоборот,

грузили руду на телеги.

Сарган рядом с большими воротами для телег обнаружил небольшой проход, который не был заперт. Лазутчик осторожно прокрался вдоль стены и проскользнул за дверь. Теперь перед ним был туннель, стены которого от пола до потолка были покрыты резьбой.

Через несколько десятков шагов он заметил перед собой силуэт. Сарган мгновенно замер на месте. Это оказался гном, который возился у чаши с огнем. Рот Саргана расплылся в довольной ухмылке: одинокий гном, который занимался подливанием масла в лампы, был идеальным объектом для нападения.

Лазутчик немного отошел назад и заглянул в ближайшую лампу. Масла в ней оставалось всего четверть объема, значит, гном точно пойдет в его сторону. Сарган, бесшумно продвигаясь вдоль стены, остановился и стал ждать.

Через короткое время гном подошел поближе и занялся нужной лампой. На рабочем была простая одежда: коричневые штаны и такая же рубаша, подпоясанная широким кожаным ремнем. На ногах гнома красовались мягкие кожаные сапоги. Светлая борода была довольно короткой, голову с волнистыми волосами до плеч венчала простая круглая шапка из того же материала, что и рубаша. Время от времени гном шевелил губами, словно вел сам с собой беззвучный диалог.

Сарган напряженно следил за бормочущим гномом. Затем он бесшумно двинулся к рабочему, на ходу вытаскивая кинжал. Когда лазутчик оказался прямо за спиной гнома, который был примерно на полторы головы ниже его, то изо всей силы ударил рукояткой кинжала в висок над левым ухом.

С тихим стоном гном рухнул вперед, при этом он волосами задел лампу. Благодаря молниеносной реакции Саргану удалось удержать чашу на месте.

Светловолосый гном, постанывая, свернулся калачиком на полу. Именно такой реакции и следовало ожидать после удара такой силы и точности. Сарган давно обратил внимание, что молва не врет и что маленький народец — довольно крепкие существа и неплохо держат удар. Поэтому лазутчик склонился над рабочим и ударил еще раз. На этот раз гном обмяк и замер.

Сарган быстро огляделся. В крайнем случае он мог допросить гнома и на месте, но ему пока везло. Шпион заметил невдалеке еще один перекресток, от которого расходились два туннеля. Сарган быстро оттащил бесчувственного гнома в один из них и вернулся, чтобы устранить все следы нападения, затем шмыгнул в боковой проход и занялся рабочим. Скрытый во мраке коридора лазутчик быстро разорвал рубашу бедняги на полоски, связал ему руки и ноги, заткнул рот, затем он опрокинул ему на лицо масло для ламп, чтобы привести в сознание. Жидкость действительно произвела желаемый эффект. Гном в панике проглотил масло и, отпрянув, пополз на спине прочь от Саргана. Тот схватил гнома за ремень и притянул к себе.

— Ты когда-нибудь наблюдал, как горит масло? Ах, прости, ты же наполняешь лампы. Конечно, ты знаешь, что такое горение, — начал Сарган.

И с этими словами он достал из мешочка кремень, немного трута, свою лампу и приготовился разжечь ее. Гном растерянно огляделся и попытался что-то сказать, но не смог из-за кляпа во рту. Сарган спокойно подождал, пока искра перепрыгнет на трут, и дал жизнь маленькому пламени, поднеся к труту фитиль своей лампы.

При этом он делал вид, словно совсем не замечает испуганного гнома, который, несмотря на кляп, пытался что-то сказать. И только когда лампа достаточно разгорелась, Сарган обернулся к бедолаге, сунув ему лампу в лицо, чем заставил прикрыть глаза.

— Это масло такая опасная вещь. Огонь такой жгучий, потушить его так сложно. Вода совсем не помогает, — спокойно объяснял он гному. — Слушай, а ты меня понимаешь? Просто кивни, если знаешь мой язык.

Лихорадочное кивание в ответ показало, что тот как минимум понимает торговый диалект, что было очень хорошо для Саргана, который с трудом говорил на кхерак — языке гномов. Уж слишком трудным было их гортанное произношение.

— Ты сейчас в моей власти, мой друг, — спокойно продолжил Сарган. — Давай уясним для себя кое-какие основные вопросы. Сейчас я выну кляп. Если ты закричишь, то я просто подожгу тебя, как факел. И даже если тебя найдут до того, как ты превратишься в кучку пепла... Неужели ты жаждешь такой смерти? Это понятно?

Гном в ужасе уставился на Саргана, тот процедил:

— Просто кивай.

Пленник поспешно кивнул, после чего лазутчик вынул кляп. Гном шумно вдыхал воздух и кашлял. Сарган позволил ему отдышаться. Затем гном спросил хриплым голосом:

— Ты кто?

Сарган покачал головой и поднял палец.

— Нет, нет, нет... Вопросы здесь задаю я. Итак, кто ты и что здесь делаешь?

— Меня зовут Ольгинг, сын Орильда. Я слежу за светом в средних туннелях, — окончательно упав духом, ответил пленник.

— Ну, уже кое-что. От этого и станем отталкиваться, Ольгинг, сын Орильда. Сейчас я задам тебе пару вопросов. Если у меня возникнет ощущение, что ты врешь, то я накажу тебя. Думаю, начну с твоих ног, — тихо и медленно сказал Сарган, отчего гном вновь в ужасе отпрянул.

Слова человека внушали ужас, но бедняга гном не смог отползти от мучителя и на пару дюймов, как тот подтянул его к себе.

— Не бойся. Если будешь говорить правду, может... — человек ухмыльнулся, — тебе и повезет. — Сарган подмигнул рабочему и продолжил: — Куда ведет этот туннель?

— В жилые помещения работников средних туннелей, — сразу же ответил гном.

— Хорошо. Где выход?

— Какой?

— А что, их несколько?

— Да, три, но большие ворота только одни.

— Очень хорошо, ты думаешь как я, это мне нравится.

Сарган усмехнулся, а лицо пленника исказилось от гнева.

— Ты не уйдешь, человек, скоро здесь будет полно воинов!

Подняв брови, Сарган приложил палец к губам и многозначительно посмотрел на пламя в лампе. Ольгинг, судорожно сглотнув, последовал за его взглядом.

— Вот и правильно, вот и молодец. Продолжим. Было бы неплохо иметь план туннелей... Есть у тебя что-нибудь в этом роде, мой друг?

— Да, конечно, но не здесь.

— Так. А где я могу получить то, что ищу? — приветливо спросил Сарган.

— В общественных залах, — ответил гном.

— Где же их искать?

— Нужно идти по этому коридору, затем дальше, через жилые комнаты. Но там ты не пройдешь, человек, везде гномы, — объяснил Ольгинг.

— Ну, это уже моя проблема. Но спасибо за заботу о моем благополучии. Сейчас я развяжу тебе одну руку, и ты нарисуешь мне схему окрестных туннелей и залов. Одно неверное движение — и ты станешь факелом. Будет жалко испорченного пергамента, так что не делай глупостей.

Сарган осторожно ослабил один узел, благодаря чему Ольгинг освободил правую руку. Лазутчик протянул гному лист пергамента и угольную палочку, которые извлек из сумки. Довольный, он наблюдал за тем, как бедняга пленник рисует план. Но вдруг позади, в основном туннеле, раздались шаги. Сарган моментально прижал лезвие ножа к горлу потрясенного гнома. Странная парочка застыла, но шаги приближались, а затем раздался неуверенный голос:

— Эй! Ольг!

Широко раскрытыми глазами гном смотрел на Саргана, который кивнул, скрежеща зубами.

— Да? — крикнул Ольгинг в туннель.
— Ах вот ты где, я тебя уже обыскался. Я закончил с нижним участком.
— Мне здесь еще нужно кое-что сделать, я догоню, — ответил пленник дрожащим голосом.

— У тебя что-то не в порядке? Тебе нужна помощь?
— Нет! — почти закричал Ольгинг и затем более спокойно продолжил: — Все хорошо. Я скоро закончу. Иди уже.

— Ладно. Увидимся позже, — крикнул другой.
Услышав удаляющиеся шаги, и гном и человек облегченно выдохнули.
— Молодец. Только что ты спас жизнь своему товарищу, — заявил Сарган.
— Что тебе надо? — в отчаянии спросил Ольгинг.
— Что и обычно: богатство, власть, женщины; в мире существует множество прекрасных вещей, — с усмешкой ответил Сарган.

— В наших туннелях тебя ожидает смерть! — пригрозил гном, но Сарган лишь махнул рукой.

— Может быть. Но опять же — это моя проблема.
— Ты убьешь меня? — тихо спросил Ольгинг. Сарган посмотрел ему в глаза.
— Если ты меня вынудишь.

Про себя человек не устал смеяться над тем, какая же легкая жертва ему попала. Смотритель ламп, хвала богине, простой рабочий, а не бесстрашный гном-воин в блестящих доспехах.

Весь мир думает, что внутри гор маршируют легионы гномов в полном боевом облачении, вооруженные до зубов, готовые в любую секунду отразить нападение целой армии. Но еще перед своим походом внутрь горы Сарган убедился, что существуют и другие гномы: обычные повара, портные, резчики и, естественно, смотрители ламп. Возможно, гномы-воины действительно обладали крутым нравом, и молва, очевидно, не преувеличивает, но остальных запугать так же легко, как и простого крестьянина, и, разумеется, так же легко склонить к сотрудничеству.

— Объясни мне, пожалуйста, что ты намалевал, — вежливо попросил Сарган и наклонился к гному, который изобразил расположение окрестных туннелей.

Только он начал рассказывать о системе коридоров, которая существовала у гномов в горе, как лазутчик снова услышал шаги, но на этот раз это был топот сапог нескольких гномов. Торопливые тяжелые шаги... Прежде чем Сарган успел отреагировать, прозвучал голос:

— Это было здесь. Его голос был такой странный.

Сарган поспешно собрал вещи. Гном у его ног с мольбой в глазах смотрел на него, и Сарган, оправдываясь, поднял плечи. Прежде чем испуганный пленник успел совершить какую-нибудь глупость, Сарган ударил его металлическим носком сапога в висок. На этот раз он учел телосложение. Еще мгновение лазутчик медлил, готовый ударить еще раз, но гному хватило первого.

Если повезет, то незадачливый смотритель ламп отделается сильной головной болью. В любом случае убивать его не было смысла, поэтому Сарган быстро помчался прочь от группы гномов, которая, как было отчетливо слышно, приближалась.

Время скрытных действий под носом у гномов прошло. В туннеле прозвучал сигнал тревоги. Скоро по всей системе коридоров разнесется весть о непрошеном госте.

Проклиная всех любопытных представителей маленького народца и их вооруженных друзей, Сарган неся по туннелям, расположение которых увидел на схеме Ольгинга и запомнил. Насколько он понял, на этом участке располагались редко используемые помещения, так как рудоносные пласты и жилы здесь уже давно истощились. Через эти переходы можно было выйти к основным залам, и Сарган должен был разыскать их. Теперь он вынужден был действовать быстро и решительно. При малейшем замешательстве у гномов будет время, чтобы расставить посты и таким образом отрезать ему путь к

отступлению.

Бегом он пересек несколько сумрачных туннелей и залов и наконец нашел нужный вход, о котором упоминал Ольгинг. Затаив дыхание, он прислушался к звукам за дверью. Но по ту сторону царила тишина, и лазутчик осторожно приоткрыл дверь. Его взору предстало хорошо освещенное, но пустое помещение. Сейчас он уже не удивлялся тому, что везде сияют лампы, хотя оставалось загадкой, откуда гномы берут такое огромное количество масла, необходимого для освещения. И как они справляются с чадом и дымом, тоже было непонятно. Но для подобных размышлений сейчас едва ли подходящее время.

После того как Сарган миновал еще два небольших зала, удача окончательно отвернулась от него. Поворачивая за очередной угол, лазутчик налетел на охранника, который стоял неподвижно на посту, поэтому Сарган и не услышал его. Человек и гном с грохотом повалились на пол. Хотя Саргану и удалось первому вскочить на ноги и побежать, следом раздался пронзительный крик, который тут же был подхвачен еще несколькими голосами. Сарган в отчаянии поспешил дальше, толкнул удивленного гнома, который вышел из двери с большой корзиной, перепрыгнул через низкий стол и оказался с глазу на глаз с тремя гномами, вооруженными секирами, которые решительно приближались к непрошеному гостю. Проскользнув чуть вперед, Сарган затормозил и поспешил через дверь в другое помещение, оставляя позади преследователей. Одним духом он преодолел череду жилых помещений, не обращая внимания ни на что, пока не оказался в тупике. У последнего помещения, через дверь которого он вбежал, был только один выход, и когда Сарган, задыхаясь, обернулся, то увидел, как к нему несется целая дюжина гномов. Сарган захлопнул дверь и задвинул ее комодом, который стоял рядом.

Еле дыша, он осмотрелся. Маленькое помещение явно служило жилой комнатой для одного гнома. Кровать, стол, сундук — ничего, что могло бы помочь загнанному в угол шпиону. Судя по глухим ударам в дверь, у Саргана не было времени, чтобы разработать гениальный план, как вырваться из смертельной ловушки. И как раз в тот момент, когда сквозь двери пробился топор, блуждающий взгляд Саргана упал на узкое отверстие в потолке. Не медля ни мгновения, он подтянул под него сундук, залез на него и подпрыгнул. К счастью, потолки здесь были гораздо ниже, чем в домах людей, и Саргану удалось достать отверстия. Пальцами он крепко ухватился за край, поджал ноги и подтянул тело. Не обращая внимания на шум, крики, проклятия и ругательства преследователей, лазутчик залез в отверстие и принялся медленно карабкаться вверх. Он даже захотел крикнуть гномам, которые тем временем уже ворвались в комнату, какое-нибудь ехидное оскорбление на кхераке, как услышал снизу звук арбалета. Поэтому, не тратя драгоценного дыхания на слова, он поспешил дальше в шахту.

К его огромному облегчению, уже через несколько шагов он добрался до развилки, быстро повернул в горизонтальное ответвление налево и ушел с линии огня. Почти сразу в шахту полетела первая, а следом и вторая стрела, громко срикошетив от стены. Промахи вызвали у гномов мрачные ругательства, в то время как Сарган лежал на животе и восстанавливал дыхание.

8

Дорога назад, на обитаемые уровни, была для гномов-воинов долгой и изнурительной. Здесь, на глубине, уже велись разведывательные работы на наличие руды, но большинство туннелей и ходов еще не были объединены в систему, поэтому войско сделало немалый крюк, чтобы доложить королю о победе над троллями. Марш занял гораздо больше времени, чем этого хотелось полководцу Хродгарду. Несмотря на мрачное настроение командира, в присутствии своих подчиненных он держал себя в руках и делал вид, что доволен кампанией. Но все-таки он не мог избавиться от горького привкуса победы, ведь хоть они и убили множество вражеских воинов, небольшой группе удалось уйти, а значит, корень зла еще не вырван.

Пока существует хоть один тролль, Хродгард не устанет преследовать и разить. Его надежда уничтожить темное племя одним махом, поголовно, от младенцев до стариков, рассыпалась, когда войско его соплеменников столкнулось с упорным и ожесточенным сопротивлением двух дюжин троллей, которые ценой собственной жизни позволили уйти остальным членам племени. Про себя Хродгард чертыхался от одной только мысли об этом, но его воины были преисполнены энтузиазма после победоносной битвы, и начальник не хотел давать подчиненным причину сомневаться в себе. Когда-нибудь лазутчики обнаружат следы троллей, и тогда Хродгард сможет выступить с войском и закончить то, что было так давно начато.

Армия вошла в освещенные жилые уровни, сопровождаемая приветственными криками его народа. Весть о победе быстро распространилась в королевстве, и Реккард, сын Ротальда, посланник Короля под горой, приветствовал и поздравил их, хотя гном-сановник наверняка знал, что победа оказалась неполной.

Штаб только собрался обсудить положение дел, как по всем туннелям и залам разнесся сигнал тревоги. Хродгард, ругаясь, накинул плащ, схватил топор и побежал туда, откуда раздавался сигнал. За ним последовали его воины.

Очень скоро гномы поняли, что волнение вызвано вторжением человека, который в данный момент был окружен охранниками в одном из спальных помещений.

Как только Хродгард прибыл на место, он сразу же принял командование и отдал приказ рубить дверь. Однако, прежде чем воины оказались внутри, человек пролез в вентиляционную шахту, и его дрыгающиеся ноги исчезли в отверстии.

— Принесите арбалеты! Быстро! — зарычал полководец, однако, когда наконец подали подготовленное оружие, человека уже и след простыл.

Командир в ярости швырнул арбалет и обернулся к командиру роты.

— Найти его! Поставить посты на всех выходах в этом крыле. Я хочу, чтобы вы его взяли живым, я собственноручно сдеру с него шкуру! Выполнять!

Солдаты стремглав покинули комнату — выполнять приказ верховного командующего, гнева которого они все боялись. Человеку не удастся уйти, ведь наверху, в шахте, его ждал не один неприятный сюрприз. При этой мысли Хродгард ухмыльнулся, однако эта вспышка злобной радости тут же испарилась при воспоминании о том, что ему скоро предстоит докладывать королю. И придется признать поражение, неудачу в войне против троллей, подтвердить, что нижние уровни с необходимой им рудой все еще не настолько безопасны, чтобы посылать туда рабочих.

«Сколько же еще нам придется преследовать этих проклятых тварей, пока мы сможем овладеть богатствами горы? Нашими богатствами! — спросил себя полководец. Ответ был для него очевиден: — Пока ни одного тролля не останется в живых. Только когда последний из них захлебнется в своей крови, мы будем полностью свободны и сможем брать все, что и без того принадлежит нам по праву!»

9

Со своей позиции в хлеву Стен хорошо видел комнату крестьянского дома с неподвижными троллями. Через открытые окна в комнату вливались последние лучи солнца, но уже скоро светило сядет полностью. Тогда мощные существа проснутся и обнаружат, что как их пленник, так и другие люди ускользнули. Это их не очень обрадует, но Стен надеялся, что в конце концов победит здравый смысл. Или, точнее говоря, рассудок Друана. Других троллей он считал не особо здравомыслящими в этом отношении. Пард слишком часто настаивал на его смерти, но влахак был о нем не слишком высокого мнения. Рох, Анда и Цдам в основном отмалчивались, поэтому Стен не мог оценить их. Но, будем надеяться, это изменится, когда он начнет вести переговоры с троллями. Правда, до тех пор нужно как-то пережить их гнев.

Пройдет время, прежде чем они смогут обнаружить Стена, но если они захотят убить

его, то это будет совсем плохо. Юный воин был уверен, что ему удастся уйти со двора и спрятаться в лесу, но он сам видел, как быстро двигались тролли, которые на вид казались такими неповоротливыми и медлительными. Кроме того, он не был уверен, сможет ли оторваться от них в густом подлеске. Также человек отметил, что их обоняние гораздо чувствительнее, чем его собственное. Возможно, они будут его преследовать, словно стая легавых собак, независимо от того, насколько хорошо он будет замечать следы.

Когда Стен скрывался от врагов, ему не раз доводилось прятаться в лесу, ему удавалось сбить с толку охотников с собаками, но он не был уверен в своих способностях, когда преследовать его станут тролли — существа абсолютно бесстрашные, которые не брезговали даже поедать себе подобных.

От этой мысли Стен вновь засомневался в разумности своего плана и задумался о том, что, может, все-таки было бы лучше убить троллей, пока это было возможно. Кто мог знать, на какие еще ужасные поступки были способны существа, которым он сохранил жизнь?

С другой стороны, тролли спасли ему жизнь, хоть и колебались, но не ради него самого, а ради собственной выгоды; юный воин чувствовал себя обязанным им. «Если будет нужно, я убью их позже», — подумал Стен. И вдруг его пронзило, словно молнией, ведь сейчас он подумал о троллях точь-в-точь то же и теми же словами, что думал и говорил о нем Друан. «Проклятье, я не такой, как они!»

Наконец день угас, скрылись последние лучи солнца, тролли зашевелились.

Стен непроизвольно схватился за эфес меча, его мускулы были напряжены, воин был готов вскочить в любое мгновение. Сначала тролли лишь рассеянно оглядывались и зевали, пока взгляд Анды не упал на пустую клетку.

— Он сбежал!

Группа сразу оживилась. Чертыхаясь, Пард заглянул в открытый подвал, из которого торчала лестница. Другие осматривали все вокруг в поисках людей. Только Друан оставался более или менее спокойным и осмотрел клетку. Пард же, наоборот, дал волю своему гневу, он громко взревел и двумя кулаками ударил по стене, оштукатуренной глиной. Полетели куски, и, к ужасу Стена, стена дома содрогнулась. От следующего мощного удара часть стены вывалилась наружу, несущие балки потрескались, на пол повалились камни. Крыша дома в задней части осела и накренилась, так как система балок перекрытия без внешней стены не могла выдержать вес крыши. С оглушительным грохотом на пол стали падать балки, камни, глина и деревянная кровельная щепка. Наконец Пард, кашляя и чихая, вылез из облака пыли. Другие тролли откровенно веселились, наблюдая за тем, как гигант стирал пыль с лица и затем с отвращением смотрел на остатки крыши.

— Фу! Как они строят, если дома так легко заваливаются?

— Клетка была неплотно закрыта. Он открыл ее и выпустил остальных. Значит, твоя задница не такая уж и тяжелая, Пард, — спокойно заявил Друан.

— Ох уж этот урод! Когда я найду его, то переломаю все косточки в его тощем, мерзком теле! — свирепо поклялся Пард; правда, Стена это особо не беспокоило.

В этот момент мощный тролль двумя ударами окончательно завалил стену, которая служила опорой дома во время самых сильных бурь. На Парда полетели толстенные балки крыши, но, казалось, не принесли ему никакого вреда.

— Куда же он побежал? — зло спросил Пард, но Друан лишь махнул рукой.

— Гораздо более важный вопрос: почему мы еще живы?

Это была ключевая фраза для Стена, но Пард тут же выпалил:

— Потому что он маленький, трусливый человек!

— Нет! — крикнул Стен из своего укрытия. — Потому что я хотел поговорить с вами!

Тролли тут же отреагировали. Пард и Рох, пригнувшись, кинулись к дверям, в то время как Анда и тролль, имени которого Стен еще не знал, двинулись назад, к дыре в стене, которую проделал самый мощный из троллей. И снова только Друан казался абсолютно невозмутимым и лишь внимательно осматривался по сторонам. Прежде чем тролли смогли обнаружить Стена, тот продолжил:

— Вам нужна помощь. Я обещал помочь.

— Тогда возвращайся в свою клетку, — грубо крикнул Пард.

Но Друан примирительно поднял руки.

— Подожди, Пард, — затем обратился к Стену: — Что ты хочешь?

— Я хочу поговорить. Я не нарушил вашего доверия, поэтому прошу вас уважать меня, — ответил Стен.

— А другие люди... — начал было Друан, но Стен перебил его:

— ...в безопасности. Они никому не расскажут о вас. Так что вы тоже в безопасности.

— Откуда нам знать, что ты говоришь правду? — спросил Друан.

— Ну, вам придется доверять мне. Я протягиваю вам свою руку помощи.

— Когда я найду тебя, человек, то с радостью возьму ее. И оставлю себе, — вмешался Пард.

— Н-да, это плохой ответ, — ответил Стен, — так мы не договоримся.

— Подожди, — сказал Друан и позвал к себе других троллей.

После короткого совещания Друан взглянул вверх и сказал:

— Ты можешь вылезать, мы ничего не сделаем тебе. Нужно поговорить.

— Да, нужно, — согласился воин и медленно поднялся.

Он быстро слез вниз и открыл дверь между хлевом и домом. Шум и запах троллей напугали животных, теперь они нервно носились в своих загонах и испуганно блеяли. Стен тоже нервничал, ему пришлось даже вытереть вспотевшие ладони о штаны.

Он уже не раз смотрел в глаза смерти, пережил сражения и перестрелки. Он всегда был уверен в своих способностях и умениях. Возможно, он не был так ловок во владении мечом, как Флорес, но и его клинок был смертельно опасен. Однако здесь все это не имело никакого значения; он был абсолютно уверен, что и с одним троллем он едва бы справился. Но сейчас нельзя было выказывать страх, ведь он хотел доказать троллям, что нужен им, несмотря на их размеры и силу. Троллей было мало, и они не знали обычаев и порядков на поверхности. Поэтому Стен вошел в дом — или то, что от него осталось, — с высоко поднятой головой.

— Молодец, человечиска, — зло сказал Пард и начал разминать пальцы так, что захрустели фаланги. — Сейчас я покажу тебе, что такое боль!

Стен плавно достал меч и кинжал и занял оборонительную позицию. Но Пард не стал приближаться, а только широко ухмыльнулся.

— Боишься?

— Оставь, Пард. Я хочу поговорить с ним, — вмешался Друан, и Стен выдохнул.

Он быстро спрятал меч и кинжал в ножны.

— Ты, человек, — начал Друан, — свободен, и у тебя есть оружие из металла.

— Которое не поможет тебе... — перебил того Пард, но замолчал, перехватив мрачный взгляд Друана.

— Что ты хочешь?

— Я помогаю вам, как и обещал. Но я буду сопровождать вас добровольно и своим ходом, не в клетке. Вы должны обещать, нет, поклясться всем, что вам ценно, что будете прислушиваться к моим советам, когда речь пойдет о людях. Никаких убийств, кровопролития, разве что вам придется защищаться. Или если я скажу, что это правильно.

— Очень благородно с твоей стороны, — сощурившись, ответил Друан. — Но в чем твоя выгода?

Стен подумал.

— Во-первых, вы не будете бессмысленно убивать моих соплеменников только потому, что они встретились на вашем пути. Я смогу найти для вас другой, лучший путь для достижения цели.

Он помедлил в нерешительности, мог ли он доверять троллям все свои мысли? Но затем продолжил:

— Во-вторых, в нашей стране происходят странные вещи. Я думаю, что эти события как-то связаны с вашими проблемами. Я должен выяснить как. Поэтому, если вы согласитесь

с моим предложением, мы сможем помочь друг другу.

— Я ему не доверяю, — недвусмысленно заявил Пард и сжал кулаки. — Вот мое предложение: мы разбиваем ему голову и ищем нового человека, который будет говорить только тогда, когда я буду задавать вопросы.

— Боишься, Пард? — холодно бросил Стен и заставил себя небрежно улыбнуться.

Последовала такая реакция, какая и ожидалась: Пард взревел и двинулся на него. Однако Друан, на вмешательство которого Стен рассчитывал, лишь безучастно смотрел на происходящее. Тогда воин, чертыхаясь, вытащил оружие и уклонился от первого удара Парда. В прыжке, согнув ноги, он нанес троллю сильный удар в живот, но острый клинок вошел всего на несколько пальцев. Ошеломленный Стен обнаружил, насколько жесткой и прочной была кожа тролля, настолько прочной, что удар, смертельный для человека, для тролля покажется лишь легкой царапиной. «Как же гномы сражаются против таких существ?» — потрясенный, задался вопросом Стен, но монстр быстро наседавал, и Стену пришлось в отчаянном кувырке уйти в безопасное место. С оружием наизготовку, пригнувшись, юный воин вскочил, однако его противник не преследовал его, а только повернулся и провел рукой по животу, после чего посмотрел на темную кровь на пальцах. Глядя на Стена, Пард слизал кровь с кончиков пальцев.

— Хватит уже, — приказал Друан, на что Пард дико замотал головой.

— Нет! Он должен заплатить!

— Подумай, он нам нужен! А мы ему. Было бы глупо доводить дело до конца, — уговаривал Друан мощного тролля.

Хотя тот не собирался нападать, влахак не спускал с противника глаз.

— Возможно, ты прав, — наконец неохотно признал Пард и опустил кулаки.

— Может, да, а может, и нет, но у нас едва ли есть другой выбор, — ответил Друан.

Стен поспешил вмешаться:

— Если бы я хотел этого, то вы бы уже все сейчас были мертвы. Не забывайте. Вы можете доверять мне. Разве я не доказал это сегодня?

Презрительно буркнув, Пард присоединился к остальным троллям.

— Никакого доверия, человек. Но ты нам помогаешь, и этого достаточно для Друана. Но если предашь нас, — пригрозил он, — я сотру тебя в порошок.

— Хорошо, — ответил влахак, больше не поддаваясь на провокации. — Тогда мы должны собрать запасы и исчезнуть отсюда. Теперь я знаю, где мы находимся и какой дорогой лучше идти.

— А куда мы пойдем, чтобы найти волшебников? — спросил Друан.

— Мы пойдем в Теремию. Отсюда дорога ведет в следующую деревню, Орволь. Будем придерживаться главной дороги.

Все тролли, кроме Парда, который все еще бросал на влахака злые взгляды, казалось, были согласны с предложением. Они быстро собрали нехитрые запасы и уложили их в мешки. Стен смастерил себе из покрывала и веревки сумку и сложил туда немного сушеных фруктов, ковригу хлеба, сыр и кольцо острой салями, которая пахла просто божественно.

Когда он увидел, как Анда собирается заняться тушками собак, он остановил ее.

— Оставь их. В хлеве есть овцы и козы. Убей одну или парочку, если нужно мясо.

Наморщив лоб, Анда взглянула на Друана. Тот кивнул. Как только Стен установит контакт с товарищами, ему придется беспокоиться о том, чтобы крестьянам возместили нанесенный ущерб. Возможно, дом и удастся быстро отстроить, но вот нехватка поголовья скота и порча запасов, причиной которых стали пять голодных троллей и такой же голодный человек, будет довольно ощутима, особенно зимой. Эти огромные существа без всякого смущения наполняли свои сумки и мешки продуктами. Вскоре Анда вернулась с двумя овцами и козами, при виде тушек ее соплеменники выразили одобрение восторженными криками и приняли их у нее. Всего за несколько минут они вырезали самые нежные части мяса, завернули их в куски ткани и спрятали в глубинах своих мешков.

Пожав плечами, Стен обратился к Друану:

— Нужно отправляться. Крестьяне никому не расскажут о происшедшем, но здесь вполне может оказаться какой-нибудь случайный прохожий. Не стоит рисковать.

Тролль кивнул и поторопил остальных. Те поспешно забросили за плечи свои сумки и приготавились идти. Стен весело наблюдал за группой, он уже не в первый раз спрашивал себя, как его угораздило попасть в такую ситуацию. Но его веселье мгновенно улетучилось, как только он натолкнулся на мрачный взгляд Парда. Без сомнения, этому громиле было бы приятнее видеть его мертвым, чем живым. Но на некоторое время между человеком и троллем возник слабенький союз, и Стен надеялся, что он продержится как можно дольше. И именно влахак будет тем, кто первым разорвет союз, и лишь тогда, когда это будет выгодно для него. С этой мыслью Стен поднялся и прошел через дыру в стене в ночь.

Сначала они шли по дороге по направлению к соседней деревне, но затем Стен свернул в лес, и теперь человек и тролли двигались параллельно дороге, чтобы случайно не натолкнуться на людей.

— А что с гномами? — неожиданно спросил Друан, оторвав Стена от мыслей.

— А что с ними?

— Среди людей живет много гномов?

— Нет. Они очень редко встречаются. Большую часть времени они проводят в своих подземных крепостях. Иногда их торговые караваны посещают города, но никогда не остаются там надолго, — ответил Стен.

Так же, как и Друан, влахак хотел бы больше узнать о бородатых воинах, поэтому он задал встречный вопрос:

— А почему вы воюете с маленьким народцем?

— Они врываются в наши туннели... Не знаю... они ненавидят нас, а мы — их. Так было всегда.

— Всегда?

— Сколько мы помним, — ответил тролль. — Гномов много, — продолжил Друан, — гораздо больше, чем нашего племени. Они роются в земле, копают и прорубают туннели в скалах. Они буравят скалы, кости этого мира, словно червяки мясо. Они всегда в поиске ценной руды и минералов.

— Да, такими и мы их знаем, — произнес Стен. Про себя юный воин удивился, ведь в его народе гномы славились вовсе не численностью. Наоборот, говорили, что их немного. Стен растерянно подумал, неужели тролли действительно столь малочисленны? Может, под поверхностью живет гораздо больше гномов, которых люди никогда и не видели.

— Это жадные маленькие сволочи, — Друан презрительно сплюнул, — и они ненавидят нас. Что в принципе неважно, так как мы их тоже ненавидим.

— Но почему вы ищете волшебников среди людей?

— Гном, которого мы поймали, многое рассказал, — процедил Друан, и глаза его недобро блеснули.

Стен почувствовал, как по спине побежали мурашки. Не нужно было спрашивать, и так все понятно: тот, кого станет допрашивать Пард, расскажет многое...

— Он сообщил, что есть люди, которые помогают маленькому народцу. Люди, которые почитают солнце как бога...

Это могла быть единственная магическая организация во всей стране Влахкис.

— Альбус Сунас, — решительно заявил Стен, — маги ордена Бога солнца.

«А следовательно, масриды, — продолжил он про себя, — так как орден вряд ли осмелился бы по собственной инициативе заниматься этим без приказа властителей». А вслух произнес:

— В Теремии вы найдете таких священников. Там их более чем достаточно. Почти все масриды верят в этих богов.

Влахака слегка мучила совесть из-за того, что он не мог сказать троллям всей правды, но он был вынужден промолчать. После нападения масридов Альбус Сунас распространился по стране, число монастырей ордена росло, словно грибы после дождя. Почти в каждой

деревне было святилище, а в городах даже по несколько храмов. Информацию об ордене тролли могли бы получить в любом месте, но после некоторых размышлений Стен решил, что они должны идти именно в Теремию.

— Там находится большой храм. Этот город — центр Альбус Сунаса. Если мы и сможем выяснить что-то важное, то только там.

Друан кивнул, а затем осторожно спросил:

— А ты не масрид?

— Нет. Я — влахак! — ответил Стен и посмотрел троллю прямо в глаза.

— А какая разница?

— Вот это наша страна. Влахкис. Так было испокон веков. Масриды пришли всего несколько поколений назад. Они напали на нас, убили наших детей, сломили сопротивление воинов, убили короля, нашего короля. Они разорили наши земли, сожгли города, опустошили деревни. Их проклятая кавалерия травила всех и каждого, кто им противостоял. С тех пор они правят частью земель моей родины, живут в наших городах и крепостях. Они даже дали нашей стране другое название — Ардолия, земля леса. И лишь немногие старые теры остались во владении своих исконных владельцев, — говорил Стен, чувствуя, как начинает выходить из себя при одной только мысли о масридах.

— Теры? — переспросил Друан.

— Это значит провинции. Наши провинции, наша территория. Когда-то их была почти дюжина. Властитель или властительница теры заседали в совете краля. Сейчас влахаки контролируют лишь четыре теры. Остальные оказались в руках этих трижды проклятых масридов.

— И Цорпад — один из них?

— Да, Цорпад — один из них, самый могущественный. Его предки прибрали к рукам самый огромный кусок земли, когда масриды делили добычу.

— Похоже на Парда, он всегда берет самый жирный кусок, — засмеялся Друан, и гигант мгновенно обернулся к ним.

— Что?

— Все нормально, мы просто говорим о еде, — ответил Друан, затем продолжил расспрашивать Стена: — Ты воин? Ты можешь обращаться с этим металлическим оружием, да?

— Да. Моей семье раньше принадлежала одна тера, меня с детства обучали боевому искусству, — при этом он нежно притронулся к эфесу меча. — Однажды наши мечи выгонят масридов из нашей страны, и мы снова будем сами определять свою судьбу. А до тех пор мы будем бороться.

— Хорошо. Это означает, что я могу доверять тебе, пока у нас общие враги, — довольным тоном сказал Друан.

Стен кивнул и снова вернулся к своим мрачным мыслям — воспоминаниям о бесконечных днях войны, страданиях и смерти, обо всех тех, кого он потерял, в первую очередь о своих родителях. Его мать погибла при обороне крепости Рабенштайн, а отец, Ситеи сал Дабран, был казнен как мятежник и государственный изменник. Когда Стен достаточно подрос, чтобы продолжить борьбу против циро Хази, человека, который предал его родителей, он отправился на свою родину, на север. Вместе с единомышленниками он пробрался через леса, укрываясь в одиноких крестьянских поселениях и на грязных задворках. Они делали все, чтобы навредить масридам и их проклятым помощникам. Уже скоро люди начали рассказывать об их деяниях, а однажды в убогом кабаке они услышали даже песню о себе.

Когда-нибудь он найдет покой, но этот день наступит только тогда, когда все масриды до единого заплатят за свои преступления. До тех пор он будет бороться. Если, конечно, смерть не настигнет его раньше, как это произошло со многими его друзьями и родственниками.

— Расскажи мне еще о магах солнца, — попросил Друан, оторвав тем самым Стена от

невеселых размышлений.

— Я не многое знаю о них. Они пришли вместе с масридами, с огнем и мечом. Они сказали, что духи, которым мы поклоняемся, на самом деле демоны, не более чем темные порождения ада и что все должны поклоняться солнцу, дарителю божественного света и огня. В то время по всей стране полыхали костры, на которых сжигали «неверных», то есть тех, кто был не готов отказаться от старых культов. Члены ордена принимают в свои ряды только мужчин, и все они маги. Их власть и влияние велики. С теми, кто почитает старые традиции, обращаются как с преступниками. В живых осталось совсем немного старых прорицателей, и им приходится прятаться, — объяснил Стен.

— Ты знаешь кого-нибудь из этих магов?

— Конечно, при дворе в Дабране у нас есть один священник, а в соседнем городе выстроен храм. Этот священник стар и закоснел, он должен был обучать меня и мою сестру, он всегда бил нас своей тростью, если мы не знали ответа на его вопросы. Пока отец однажды не сказал ему, что даст почувствовать ему каждый удар, который он отвесит нам. Этот форбс не поверил ему, и тогда отец выпорол его на глазах всех придворных, — улыбнувшись, рассказал Стен.

— Форбс? Так его звали? — переспросил Друан.

— Нет. Так мы называем всех священников ордена Бога солнца. Это старое название, раньше мы так называли только того, кто говорит слишком много чепухи, пустомелю. Но затем пришли эти священники и начали читать проповеди о святом солнечном свете. Они очень много болтали, вот мы их и называем форбсами. Но не открыто, иначе можно навлечь на себя гнев масридов.

— А что с солнечным светом? Почему они служат ему? — не унимался Друан.

— Они говорят, что солнечный свет — даритель и источник жизни. Божественное проявляется только в чистоте горного солнечного света. Возможно, вам это неизвестно, так как вы этого не можете увидеть, но на солнце нельзя смотреть долго, можно запросто ослепнуть. Можно лишь совсем недолго. Это признак божественности, так считают священники масридов; она ослепляет нас, несовершенных созданий. Я не знаю, правы ли они, так как я следую старым учениям нашего народа. Но одно точно: Альбус Сунас — могуществен, его последователи тоже. Они могут вызывать силу света и огня. Их вера очень мощная.

— Многие ли из твоего народа верят в солнце?

— По крайней мере, так утверждают многие. В противном случае они бы были уничтожены. А во что верят тролли? — неожиданно спросил Стен.

— Мы верим в кости мира, в которых живем, — резко ответил Друан.

— Это все? — недоверчиво поинтересовался Стен.

— Да, — грубо отрезал Друан, так что влахак сразу понял, что будет лучше не развивать эту тему, даже если он и не поверил Друану.

Однако, прежде чем он успел задать предводителю монстров еще один вопрос, впереди прошипел Цдам:

— Здесь что-то есть. Что-то странно пахнет.

Только Стен хотел уточнить, как из подлеска раздался мелодичный голос:

— Единственное, что здесь странно пахнет, — это ты, тролль!

Стен тревожно осмотрелся. Не хватало им еще нарваться на эльфов!

10

Немного отдохнув, Сарган попытался сориентироваться в окружающем его сумраке. Без сомнения, он попал в вентиляционную систему гномов, что было в принципе очень даже неплохо, эти шахты должны обязательно выходить на поверхность, на свежий воздух. Лазутчик вновь поблагодарил свою богиню за подходящее телосложение, так как, будь он хоть немного пошире, обязательно бы застрял. Уже не в первый раз ему приходилось

забираться в помещения с очень ограниченным пространством, потому Сарган стал уверенно пробираться вперед. Вероятно, гномы не могли преследовать его, так как, несмотря на свой небольшой рост, у них были довольно широкие плечи и грудная клетка. «Хорошо, что у них нет собак или других подобных животных», — подумал Сарган, при этом в нем всколыхнулись неприятные воспоминания о своих менее удачных и значительно более болезненных приключениях.

После того как шпион некоторое время полз вперед, он добрался до следующей шахты, ведущей вверх, и начал трудный подъем. Пока он взбирался вверх, то едва ли мог выбрать неверный путь. Рано или поздно вентиляционные шахты должны выходить на поверхность. Оставаться под землей было нецелесообразно, пока гномы были начеку и знали, что в их владениях находится чужак. Поэтому сначала нужно выбраться из туннелей, а уж затем он решит, что делать дальше. Легкая постоянная тяга указывала дорогу, и чем выше Сарган поднимался, тем прохладнее становилось.

Подъем было очень утомительным, но, на счастье Саргана, в шахте через равные промежутки имелись перпендикулярные ответвления, в которых он мог немного отдохнуть. Эта вентиляционная система была еще одним гениальным изобретением гномов, хоть сейчас она и помогала одному из их врагов.

Из-за тесноты незваный гость не мог выпрямиться, ему приходилось постоянно удерживаться за счет плеч, подтягивая ноги и медленно отталкиваясь, при этом каждый раз он рисковал: ведь расслабь он плечи хоть на миг, мог сразу рухнуть вниз. Поэтому уже скоро у него болело все тело, но он не сдавался, а пробирался вперед рывок за рывком, шаг за шагом, наверх, на свободу.

Через время, которое показалось Саргану вечностью, он заметил над собой слабый проблеск света, который с каждым его рывком становился все ярче. Подбодренный таким многообещающим видом, он собрал все силы и, воодушевленный, продолжил путь. Свет становился все ярче, и уже скоро шпион смог разглядеть кусочек неба, по которому плыли облака. Тем временем сквозняк в шахте настолько усилился, что теперь Саргана обдувал мощный восходящий поток.

Здесь царил полумрак, в котором Сарган в нескольких шагах до конца шахты распознал еще одну нишу, в которой решил немного отдохнуть, прежде чем преодолеть последний отрезок пути.

Однако когда пальцами он нащупал на краю ниши странную липкую массу, то изменил свой план. «О великая богиня, что это?» — с отвращением задался вопросом Сарган и очень осторожно подтянулся. Свет еще не был достаточно ярким, чтобы можно было разглядеть все подробно, но было видно, что стены покрыты тонким слоем такого же клейкого вещества. Сарган растерянно огляделся и подумал, что это наверняка было делом рук гномов, возможно, для недопущения живности и грязи в шахту. Пол в нише тоже был покрыт этим веществом; хотя оно не полностью сковывало движения, тем не менее подошвы сапог отрывались неохотно. Если это была ловушка для вредных насекомых и животных, то она работала довольно хорошо, так как Сарган разглядел несколько трупов небольших животных на стенах. Только он хотел продолжить путь, как тихое царапанье заставило его вновь оглянуться. Он лихорадочно всматривался в сумрак.

Быстрое движение — и что-то стремительно исчезло в тени. Сарган медленно извлек кинжал, не спуская глаз с противоположного угла ниши. Он был застигнут врасплох существом, которое приближалось к нему по потолку вниз головой. Чертыхаясь, шпион дернулся в сторону и махнул кинжалом, но не попал. Из-за слабого освещения и огромной скорости нападавшего человек смог лишь бегло рассмотреть противника, у которого точно было слишком много ног, что совсем не обрадовало Саргана. Существо поспешило в тень, а человек медленно попятился спиной.

Только он нащупал ногой край вентиляционной шахты, как на него вновь прыгнуло это существо, и лишь резкий уход в сторону спас Саргана от крупного паука, который изучал его восемью холодными, застывшими глазами, медленно кружа по потолку. Сарган в ужасе

установился на животное, тело которого, покрытое черными волосами, в диаметре составляло целый аршин, если не больше. У гигантского членистоногого были также покрытые волосами сильные лапы и крупные хелицеры. Во время движения паук тихо царапал по поверхности шахты. Неожиданно тварь вновь прыгнула вперед, и, хотя Сарган смог увернуться от укуса паука, твердая лапа все же зацепила лицо и оцарапала щеку. Было такое ощущение, словно по коже прошлись дюжиной гвоздей, и человек вскрикнул от боли и отвращения. Но времени заняться раной не было, так как паук зацепил за рубашку и потянул вперед, прямо к своим блестящим от слюны хелицерам.

Лишь отчаянный удар кинжалом, который хотя и не достиг цели, заставил паука отскочить, спас Саргана от укуса, который, как пить дать, был ядовитым. Однако Сарган потерял опору. И прежде чем он смог вновь обрести равновесие, тут же споткнулся о край шахты и сорвался в темноту.

В отчаянии он пытался затормозить падение о грубые стены шахты и закричал от боли, когда камень истер сначала одежду, а затем и кожу, разорвав в кровь плечи и бедра. Наконец лазутчик завис посередине шахты, кашляя и постанывая. «Нет, Сарган, — саркастически подумал он. — У них нет собак. Естественно, нет, зачем? Они им не нужны, ведь у них есть проклятые монстры-пауки, ты, идиот!»

Он осторожно ощупал раны и поморщился, обнаружив кровь. Он мрачно взглянул вверх, и тут неожиданно ему в голову пришла ужасная мысль: а не могли ли эти твари ползать по всей вентиляционной системе?

Он напряженно прислушался, но не уловил никакого движения и звуков. На мгновение он всерьез задумался, не следует ли ему слезть вниз, чтобы найти другой выход из вентиляционной системы, но потом передумал. В его состоянии любой долгий подъем мог превратиться в мучение, да и не мог он знать, какие опасности скрывают другие выходы. Поэтому ему придется пройти мимо паука и его паутины. К счастью, паутина казалась не настолько липкой, чтобы удержать человека, иначе дела обстояли бы совсем безнадежно.

Пока он думал об этом, ему неожиданно вспомнилась картинка из детства: его мать зажигала драгоценный огарок свечи, чтобы сжечь паутину в углах их крошечной комнаты. И на губах лазутчика заиграла коварная улыбка. Он решительно начал карабкаться вверх, пока ниша с пауком не оказалась в поле видимости. Тогда он уперся плечами и ногами в стены шахты и достал из сумки лампу, кремь и трут. Затем старательно поработал кремнем, пока трут не загорелся, а потом загорелся и фитиль лампы. При этом человек слегка обжег кончики пальцев и, тихо ругаясь, выронил тлеющий трут. Затем он сложил все вещи в сумку, кроме лампы, которую он бережно удерживал в руке.

Оставшаяся часть пути была невероятно трудна, но Сарган, сжав волю в кулак, шаг за шагом взбирался вверх, к свободе. Когда лазутчик оказался под самым отверстием, он открыл лампу и поднес полыхающее пламя к липкой массе паутины. Огонь мгновенно перебежал на стену, и скоро тесную шахту осветило яркое пламя.

Сарган немного подтянулся и выждал мгновение. Над ним потрескивал огонь, а затем он услышал еще один звук, похожий на дикий скрип, который, однако, затих вместе с пламенем; оно тоже вскоре совсем затухло, столь же быстро, как и разгорелось. Шахту наполнил едкий дым, и Сарган закашлялся, задыхаясь, но сквозняк здесь был такой сильный, что очень скоро дым вытянуло.

Человек осторожно полез вверх, пока не поравнялся с нишей. Здесь он присмотрелся. Стены ниши были черными от сажи, а везде на стенах висели обгоревшие кости и прочие останки добычи паука.

В углу лежало большое, жалобно подергивающееся существо, которое когда-то было безжалостным хищником.

— Что, ты был слишком жирным, чтобы выбраться, а? Думаю, ты съел слишком много беззащитных существ, попавших в шахту, — язвительно процедил Сарган и продолжил карабкаться.

Когда он наконец выбрался на свет божий, то, несмотря на холод, который здесь царил,

некоторое время просто лежал, тяжело дыша. Лишь через время он привстал и осмотрел себя. Одежда была изорвана в клочья. Те остатки костюма, которые как-то пережили подъем, были окончательно изорваны во время падения. На руках и ногах сочились болезненные раны, напоминающие ожоги, они были покрыты грязью. Повсюду на него налипли противные нити паутины, грязь вообще покрывала его с ног до головы, да и чувствовал он себя так, словно попал под мощные жернова мельницы. «В общем и целом тебя довольно хорошо потрепали. Собственно, ты уже слишком стар для таких приключений», — насмешливо подумал Сарган.

Затем он огляделся по сторонам, чтобы понять, где оказался. Очевидно, он был где-то в Ардолии, высоко в горах. В тени выступа все еще лежал снег, а из растительности был только мох и редкие кустики, которые отчаянно цеплялись за твердую скалу. В долине, в нескольких сотнях шагов ниже, в солнечных лучах кристальным блеском сверкало озеро.

В такой местности почти негде укрыться, а маленький народец наверняка захочет выслать патрули на поверхность, чтобы изловить шпиона.

Несмотря на свои раны и незавидное положение, Сарган улыбался. Он занялся обработкой ран, намереваясь как можно скорее отправиться в путь, чтобы у него было преимущество в случае возможной погони.

11

С обнаженным оружием Стен осматривал лес, но в темноте ему почти ничего не удалось разглядеть. Рядом возвышался Друан, который, слегка нахмутив брови, также вглядывался в ночь. Впереди послышался голос Парда:

— Ба! Эльфы!

В качестве ответа слева раздался звонкий смех, а следом просвистела стрела, она вонзилась в землю прямо перед Пардом.

Здоровяк остановился и презрительно плюнул на стрелу.

— Покажись, эльф! — вызывающе прокричал он.

Снова раздался смех, но на этот раз справа. Стен ошеломленно обернулся на звук, подняв оружие для защиты, но эльфов все равно не заметил. Уголком рта он спросил Друана:

— Что будем делать?

— Он один, — тихо ответил тролль, — подождем, послушаем, чего он хочет.

— Чего я хочу, тролль? — спросил эльф.

На этот раз его голос, казалось, прозвучал где-то позади группы, в густом подлеске. Стен знал много невероятных историй об этом таинственном народе, но все равно был удивлен: эльф услышал слабый шепот Друана, значит, его уши должны быть удивительно чувствительными.

— Это наша земля и наш лес, тролль. И вопрос не в том, чего хочу я, а в том, чего хотят чужаки, которые отравляют мой лес своей вонью, — снова прозвучал голос эльфа.

— Мы хотим попасть в город людей, — спокойно ответил Друан, и Пард мрачно добавил:

— И ничто нас не остановит!

Вновь раздался этот презрительный смех.

— Большие слова из большого рта!

— Я слышу твой запах, эльф, — погрозили Пард. — А если я слышу твой запах, значит, я могу тебя найти!

— Да, да, тролль, а если ты меня можешь найти, значит, ты сможешь меня съесть, так? — ответил эльф. — Но ты действительно уверен в этом?

Неожиданно рядом с Пардом из кустов возник силуэт, и Стен обернулся. Но, прежде чем он успел вообще отреагировать, существо описало вокруг Парда круг и снова исчезло в темноте.

— Он чертовски быстр, — прошипел Стен, и Друан согласно кивнул.

Впереди Пард всю ругался и подробно описывал родословное древо эльфов, в котором, по его мнению, был много собак, червяков и тому подобных созданий.

Тогда Друан со вздохом снова повысил голос:

— Я спрашиваю еще раз: чего ты хочешь от нас? Мы тебе ничего не сделали.

— И я спрашиваю еще раз: что вам здесь нужно? Пять троллей и один человек? Настали какие-то странные времена, на своей земле я встречаю такую пеструю компанию.

— Нам нужно попасть в город людей, — ответил Друан и тихо спросил Стена: — Как там он называется?

— Э, Теремия, — ответил тот слегка озадаченно.

— В Теремию, — громко сказал тролль.

— Так, так, Теремия. Это не место для троллей, — прозвучал голос слева.

— Ты прав. Но все равно нам нужно туда, — ответил Друан. — Ты позволишь нам мирно идти своей дорогой?

Стен озадаченно взглянул на тролля. Он еще не видел этих огромных существ такими... покладистыми. Обычно они не слишком интересовались мнением и желаниями других.

— Не знаю, тролль. Много недомолвок с вашей стороны. Много вопросов с моей. Кто знает, какое несчастье можно накликать на себя, если отпустить вас, — ответил невидимый эльф.

— Я могу точно сказать, что ты на себя накличешь, если будешь стоять у меня на пути, — прорычал Пард, который все еще бесился. — Сначала я разломаю твои тонкие палочки, которые ты называешь ногами, и ты будешь ползать передо мной! Потом...

— Такой злой тролль! — продолжал насмехаться над ним голос эльфа. — Я требую от вас не больше того, что требовали бы вы, если бы я попал в ваш холодный подземный мир.

— У нас тепло, — сухо ответил Друан.

— Тролль, я имею столь же малое отношение к вам, как и вы ко мне и моему миру. Что вы будете делать, когда солнце взойдет?

— Мы спрячемся. Нам нужно в Теремию. Только там мы сможем найти ответы! — объяснил Друан, он был почти в отчаянии.

— И какие же вопросы так важны для троллей?

— Покажись и поговорим. Лицом к лицу, — потребовал Друан.

— Сейчас это, к сожалению, невозможно. Но скоро я вернусь, чтобы задавать вопросы и требовать ответы!

С этими словами наступила тишина, и Стену стало любопытно, куда же подевался эльф, если он вообще куда-то подевался, а не болтается за деревьями и наблюдает.

Но Друан прошептал:

— Он ушел. Скорее всего, собирается привести сородичей. Стен, что ты знаешь об эльфах. Мой народ уже очень давно не... общался с ними.

— Я не много знаю о винаи, охотниках, так мы их называем. Они населяют непроходимые чащи лесов и не терпят чужаков. Они быстры, беззвучны, их стрелы смертоносны. Иногда они приходят в деревни, чтобы обменять мех на другие товары, но в основном они скрываются от людей. Эльфы могут говорить с духами леса и защищать себя от вторжений. Или лес их защищает... Кто знает? Некоторые люди, живущие близко к лесу, приносят им подношения, устраивают жертвоприношения, чтобы задобрить. Так поступают угольщики и лесорубы, они боятся стрел и костяных ножей винаи. Но предположительно этот народ убивает только преступников, слишком жадных и причиняющих лесу вред. Я не знаю... Много из того, что я рассказал, мы знаем только по сказкам и легендам. Но одно точно: они очень опасны! — заявил Стен.

— И говорят слишком много! — вмешался Пард.

Стен покачал головой.

— Вообще-то нет. По крайней мере, я о таком не слышал.

— Неважно, — сказал Друан, — нам нужно идти. И еще нужно надежное укрытие на

день. Эльф знает о солнечном свете.

Согласно проворчав что-то в ответ, Пард возглавил их маленькую группу и повел дальше. Без сомнения, эльфы будут дожидаться утра, если они замыслили недоброе, так как днем даже единственный враг становился большой опасностью для троллей. А после этого маленького представления Стен уже не был уверен, сможет ли защитить обездвиженных троллей, если нападет эльф. Тот появляется и исчезает слишком быстро и тихо, Стен не сможет его остановить.

Двигались молча. Казалось, все погружены в собственные мысли. И только когда ночь перевалила далеко за середину, Цдам, который двигался на некотором расстоянии впереди, прокричал:

— Здесь река.

— Это, должно быть, Рейба, которая течет вблизи Орволя, — сообщил Стен. — Где-то ниже по течению реки должен быть маленький водопад, но я там никогда не был. Мы можем пойти по течению и подыскать место для дневки.

Действительно, вскоре группа приблизилась к реке, которая перерезала лес. В этом месте русло было шириной почти с дюжину шагов, и это подсказывало Стену, что очень близко отсюда она должна впадать в Маги, мощную, полноводную реку, делившую страну на две неравные части, словно ударом меча. Когда они доберутся до Маги, то будут почти у цели, так как Теремия раскинулась на берегу, как раз там, где Рейба сливается с Маги.

Рейба была довольно глубокой, а спуск к воде был невозможен, так как берега были крутыми. Но параллельно реке тролли быстро обнаружили дорогу, которой группа и воспользовалась.

По Рейбе иногда проходили рыбацкие суда, поэтому Стен посоветовал троллям держаться несколько в стороне от реки. Однако незадолго до рассвета Рох в поисках подходящего укрытия отыскал пещеру прямо над водой, в поросшей мхом скале, которую змеей огибала река.

После недолгого обследования выяснилось, что пещера достаточно глубока, чтобы служить надежной защитой для троллей, в первую очередь потому, что русло прорезало в этом месте очень глубокий каньон и на воду между скалами попадало мало света. Спуск к пещере в темноте был трудным, но тролли оказались на удивление проворными и ловкими, они хорошо цеплялись за камень своими острыми и твердыми когтями и удерживались на сильных руках.

Стен же с детства привык лазить по камням и скалам своей горной родины, и ему тоже удалось спуститься без особых трудностей.

Пробравшись в пещеру, тролли разложили немного дров, которые Пард прихватил из леса, привязав к спине. Затем они развели маленький огонь, чтобы согреться. Стен с благодарностью присоединился к ним, наслаждаясь жаром, пока от его одежды не повалил пар. Когда тролли начали есть козье мясо, Стен отрезал и себе небольшую полоску от доли Друана и принялся обжаривать мясо на огне. При виде хрустящей корочки у него потекли слюнки, хотя тролли и устроили целый бедлам по поводу неподобающего, с их точки зрения, обращения с мясом.

Стен ошарашенно попытался возразить:

— Но вы же сами жарили мясо, мясо...

— Да, жесткое мясо тролля нужно было обжарить! Но нежную козлятину? Некоторые вещи можно улучшить при помощи огня, другие нет, — спокойно возразил Рох.

Покачивая головой, Стен продолжил аккуратно готовить над огнем свой кусок, не обращая больше внимания на троллей, которые беспрерывно отпускали шуточки о слабых желудках людей.

На самом деле воину казалось, будто он уже целую вечность не ел горячей еды. Его желудок разразился громким урчанием. Вместе с горстью сушеных фруктов и куском хлеба козлятина стала для влахака поистине королевской трапезой.

Затем он завернулся в покрывало, которое прихватил на крестьянском дворе, и вытянул

уставшие ноги и руки. На жестком полу пещеры его быстро сморило, ведь из страха проспать заход солнца Стен в последние дни не часто позволял себе смыкать глаза. Поэтому сейчас его тело требовало реванша, и очень скоро Стен провалился в глубокий сон без сновидений. Влаха́к проснулся свежим и отдохнувшим уже ранним вечером.

Еще в полудреме он огляделся по сторонам и увидел троллей, которые отодвинулись в самую глубь пещеры и спали у костра. Только Цдам не спал и кивнул Стену, когда тот приветственно поднял руку. Затем юный воин вышел из пещеры и осмотрелся. В самом деле, расщелина между камнями почти тонула во мраке, хотя высоко на верхушке скалы еще царил яркий свет солнца.

Хотя река почти полностью погрузилась в темноту, Стен разделся у входа в пещеру, чтобы искупаться. Вода была прозрачной и прохладной, но не ледяной. Поэтому мощными рывками он поплыл к скале посередине реки, которую вода гладко отшлифовала со всех сторон. Течение тянуло его, но он удержался, упершись ногами в основу скалы, всю поросшую водорослями. Влаха́к потряс головой, разбрызгивая воду, и выпрямился, наслаждаясь последними теплыми лучами солнца.

Стен взглянул на свои руки и ноги, на которых синяки, оставленные на память о гостеприимстве Цорпада, уже окрасились в желтоватый цвет. Скоро его тело будет пятнистым — блекнущее воспоминание о жестокости его мучителей.

Он до сих пор ломал голову над тем, что могла означать неоконченная фраза одноглазого: «Как только у нас будет новое железо, мы...» Цорпад не захотел, чтобы его подчиненный закончил ее, это было ясно. «Хотя после этого он приказал посадить меня в клетку».

Когда-нибудь синяки и ссадины полностью сойдут, но длинный белый шрам на ребрах с левой стороны отчетливо проступал на загорелой коже. Это воспоминание о масридах он сохранит на всю жизнь. Вообще было чудом то, что он выжил после такой раны. По крайней мере, так позже утверждала Висиния, которая в течение нескольких недель выхаживала его. Но она также заявила, что целитель сказал, будто он самый трудный пациент из всех, что у него были. Она, ясное дело, несколько преувеличила серьезность его тогдашнего положения. Воспоминание о наигранном гневе Висинии и ее неподдельной заботе о нем вызвали улыбку.

Лес на берегах реки казался спокойным и мирным, пение птиц разносилось в теплом вечернем небе ранней осени, между утесами первые летучие мыши охотились над слегка бурлящей водой. Некоторое время Стен наблюдал за их привычным занятием и позволил себе на мгновение позабыть обо всех заботах и тревогах. Однако, вернувшись к реальности, он задумался над тем, как лучше и незаметнее провести троллей в Теремию.

За последние десятилетия масриды расширили завоеванный город, и теперь большую часть Теремии окружала оборонительная стена. Провести троллей тайком через ворота было, пожалуй, слишком опасной затеей. Как бы там ни было, им нужно пересечь Маги, так как в столице Цорпада имелся порт, в котором швартовалось множество кораблей и лодок. Такой путь для троллей был наиболее приемлемым. Выше Теремии река разливалась широким потоком по равнине и в периоды засухи настолько мельчала, что ее можно было запросто перейти вброд, но после дождей последних недель уровень воды как в Рейбе, так и в Маги сильно поднялся.

Оставались паромы... Но как на них проскользнуть, да еще вместе с троллями? Везти этих скалообразных существ открыто — исключено, это привлечет слишком много внимания. Есть еще речные баржи и рыбацкие лодки; можно купить одну или, в крайнем случае, украсть, ведь денег у них с собой нет.

А может быть, он должен оставить троллей в каком-нибудь укрытии и отправиться в Теремию одному? Однако Стен был уверен, что тролли отвергнут такой план, насколько разумным бы он ни был.

Он был погружен в свои мысли, как вдруг рядом с ним в реку плюхнулся камень, окатив его брызгами.

Чертыхаясь, юный воин приподнялся на пятках и потом осторожно взглянул вверх. На

скалах напротив росло дерево, старая ива, которая вцепилась корнями в скудную почву на скале. И между свисающими ветками ивы Стен заметил неясный силуэт, наполовину скрытый ветками.

— Скажи своим большим немытым друзьям, что мы будем ждать здесь, наверху, как только солнце зайдет, — прозвучал голос эльфа.

Уже через мгновение он исчез, как будто его и не было. Вначале Стен еще напрягал глаза, а когда убедился, что ничего не разглядит, поплыл назад к пещере.

Когда он одевался, то сказал Цдаму:

— Там винак. Говорит, что нас будут ждать, когда солнце зайдет.

Ответом послужило лишь неопределенное бурчание. Раздраженный Стен подумал: может, Цдам так молчалив только потому, что знает еще меньше слов, чем его спутники?

Подъем по скале на берег, который группа совершила сразу же, как только тролли проснулись, дался Стену легче, чем спуск, так как каждая возможность выспаться и каждая трапеза постепенно возвращали ему силы и выносливость. Тролли без труда вскарабкались на край скалы, где еще раз осторожно осмотрелись. Винак говорил о нескольких эльфах, и, даже если это была ложь, все равно нужно было быть начеку и рассчитывать на нескольких остроухих. Пард потянул воздух носом и, соглашаясь со своими мыслями, кивнул.

— Они были здесь, но сколько — непонятно.

— Ты можешь пойти по следу? — тихо спросил Стен. Почти оскорблено здоровяк взглянул на него.

— А ты можешь испражняться в лесу?

— Ну, ладно, ладно, — кисло ответил Стен, но тролль уже отвернулся и повел группу прочь от реки, в глубь леса.

Через несколько десятков шагов они заметили невдалеке маленький слабый свет, похожий на низкое пламя. И действительно, когда они осторожно приблизились, то обнаружили на поляне небольшой костер без дыма. Спутники подошли к огню, оставаясь начеку, пока из леса не раздался голос эльфа:

— Насколько я слышал, вашему человеку нравится жареное мясо, для этого и огонь. А это у меня для вас.

С этими словами на поляну в круг света упало пять кроличьих тушек, тщательно ошкуренных и выпотрошенных. Следом вышел эльф, на этот раз медленно, и остановился у костра.

Стен впервые видел эльфа и поэтому во все глаза смотрел на это странное существо. На первый взгляд тот не очень отличался от людей, хотя был меньше, чем большинство сородичей Стена, и более стройный. Одет был незнакомец лишь в свободные, чуть ниже колен кожаные штаны. В мерцающем свете огня влахак смог разглядеть, что штаны были сшиты из нескольких кусков кожи, а по шву шла неширокая полоса узорной вышивки.

Еще более примечательным, чем одежда — или, вернее, почти полное ее отсутствие, — был торс эльфа, так как на коже его груди и плеч красовался крупный рисунок. Хотя Стен постарался разглядеть переплетающиеся линии, ему не удалось выделить основной мотив. Скорее, это были большие темные пятна и контуры, которые шли по коже странными дугами и завитками, следуя линиям мышц. В целом складывалась запутанная, странным образом завораживающая картина, которая странным образом притягивала взгляд смотрящего. Стен часто видел различные нательные рисунки, изготовленные татуировщиками масридов, которые за последнее время стали популярны также и среди влахак, но здесь было нечто иное, не такое темное и искусственное, а скорее, нечто гармонирующее с кожей эльфа, поэтому рисунок казался естественной частью незнакомца. Узор тянулся от живота через грудь и плечи до самых локтей, и Стен был абсолютно уверен, что спина эльфа также была украшена подобным образом.

К тому же у эльфа были длинные черные волосы, которые блестели даже в таком слабом свете костра, в волосах виднелось несколько небольших косичек.

Но самым необычным у пришедшего было лицо, остро очерченные черты которого выражали очевидное любопытство. Под тонкими бровями поблескивали миндалевидные глаза. Уши были длинные и острые и немного оттопыривались, что в сочетании с высокими скулами создавало ощущение хищности. Кожа лица, как и остального тела, была загорелой, но при этом казалась очень тонкой и гладкой. Кроме бровей и смоляной копны на голове, Стен не заметил ни волосинки на теле или подбородке.

Очевидно, эльф заметил его беззастенчивое разглядывание, так как спросил с язвительной усмешкой: — Я оправдал твои ожидания, человек?

Так как Стен уже немного оправился от шока, оказавшись так близко к эльфу, то спокойно ответил:

— Я представлял тебя более высоким.

На это эльф рассмеялся мелодичным смехом и поднял вверх руки.

— Разочарования — часть нашей жизни, — затем обернулся к троллям. — Посмотрите, я пришел без оружия и с подарками, — он показал на кроликов, которые лежали на траве. — Будете ли вы соблюдать мир, пока едите?

— Да, — коротко ответил Друан и уселся у костра.

Остальные последовали его примеру, кроме Роха, который схватил кроликов и распределил между соплеменниками. Эльф подождал, пока все займут места у костра, а затем уселся и сам. Сел и Стен, скрестив ноги. Он подобрал острый прут, чтобы нанизать на него кролика и поджарить его.

— Меня зовут Рувон, — после этих слов эльф слегка приподнялся и кивал при каждом имени, которое называл Друан, представляя членов своей маленькой группы.

— Это земля моего племени, за границу которой вы зашли без нашего согласия.

— Мы не знали, — ответил Друан, — Мы хотели всего лишь убраться с дороги, по которой ходят люди.

— Очень похвально, — хмыкнул Рувон. — Но почему вы вообще поднялись из своего мира?

— Мы ищем магов, — ответил Друан.

— Магов? Вы имеете в виду новых людей, которые пришли с той стороны гор?

— Возможно. Настолько точно я не знаю, поэтому мы ищем.

— Они принесут вам лишь несчастья. Они прогнали тех немногих людей, которые уважали мир. Остались лишь носящие железо, оружие и такие инструменты, которые наносят неизлечимые раны горам и земле.

— Ты имеешь в виду масридов, — вмешался Стен, но эльф лишь пожал плечами.

— Это слово мне ничего не говорит. Но, — он повернулся к троллям, — эти маги почитают вечное солнце как бога. Вы думаете, что найдете там друзей?

— Мы не ищем друзей, мы ищем тех, кого мы можем раздавить, — фыркнул Пард.

— Мы ищем магов, которые являются нашими врагами, — сказал Друан, метнув злой взгляд в сторону здоровья.

— Значит, вы ищете врагов, которых не знаете, — подытожил эльф.

— Да. Кто-то нападает на нас и использует магию. Мы хотим знать, кто и почему, — объяснил Друан.

— А потом? — с любопытством спросил Рувон, и Стену показалось даже, что у того немного приподнялись уши.

— Затем мы позаботимся о том, чтобы это прекратилось, — ответил Друан на вопрос, и все тролли мрачно кивнули.

— Ну да, найти этих почитателей солнца будет не так сложно, ведь их дома растут повсюду, словно грибы после дождя, — сухо сообщил Рувон.

— Повсюду? — переспросил Друан, и Стену стало немного не по себе, когда он услышал тон подозрительности в его голосе.

Однако Рувон просто кивнул, и Друан больше не выспрашивал.

— А этот человек здесь? — неожиданно поинтересовался эльф.

— Он помогает нам, он наш проводник.

— Люди помогают троллям? Вот уж, действительно, странные времена наступили. Земля меняется, — задумчиво заявил эльф.

Затем он улыбнулся, показав ряд ровных красивых зубов.

— Но сначала вам нужно поесть.

Трапеза завершилась в молчании. Стен во время разговора почти не следил за мясом и теперь искал куски, которые не обуглились. А вот тролли, наоборот, проглотили сырую крольчатину с видимым удовольствием. Эльф ничего не ел, а лишь наблюдал за своими гостями. Время от времени Стену казалось, будто краем глаза он замечал какое-то движение в лесу, но когда присматривался, то ничего не мог разглядеть. Скорее всего, племя винаи болталось неподалеку, но оставалось в укрытии. «Интересно, сколько их может быть, — подумал Стен, — и почему тролли остаются спокойными перед лицом такой опасности?»

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что земля меняется? — переспросил Стен, чтобы отвлечься от блуждающих теней, которые мерещились ему между деревьями.

— Разве ты этого не чувствуешь, человек? Здесь, в лесу? Или на ваших лугах и полях? — он пристально посмотрел на Стена и затем покачал головой. — Нет, наверное, нет.

— Жизнь изменилась, — констатировал Стен. — Сейчас царят война и смерть.

Рувон кивнул.

— Все стало другим. Мы изменяемся вместе с землей. Некоторые больше, другие меньше.

Также кивнув, Стен подумал о том, что действительно настало время прогнать масридов и освободить землю.

Однако эльф поднялся и заговорил:

— Вы можете идти, куда вам нужно. Мы мало знаем о цели ваших поисков, но если вы сможете остановить новых людей, то это точно не повредит.

С этими словами он развернулся и молча исчез в густом кустарнике.

Тролли также начали готовиться к походу, Стен последовал за ними. Выпив глоток воды, он присоединился к Друану и спросил:

— Твой народ знает эльфов?

— Конечно, — односложно ответил он.

Однако юный воин не отставал:

— Но вы не враги?

— Нет. Мы уже давно не видели остроухих. Но даже в старые времена, когда мы жили на поверхности, они оставались в лесу, а мы — в горах и пещерах.

— А почему вы опустились в глубины?

В качестве ответа Друан указал на небо.

— Солнце... Мой народ еще помнит легенды о вас, но вы ушли очень-очень давно, — задумчиво сказал Стен.

— Да, возможно, — грубо отрезал Друан, что Стен расценил как требование больше не обременять тролля подобными вопросами.

Вместо этого он стал размышлять над тем, как когда-то смог возникнуть этот напряженный мир между троллями и эльфами. Обе расы были безжалостными охотниками, в определенном отношении они больше походили на диких животных, чем на цивилизованных существ. Возможно, именно поэтому они понимали друг друга, хотя, по мнению Стена, едва ли можно найти два более разных народа, чем эти.

Кроме, конечно, гномов и эльфов, но их взаимная антипатия уже давно вошла в поговорки. К счастью, их жизненное пространство фактически не имело точек соприкосновения, поэтому дело очень редко доходило до столкновений или войн. Один из товаров, которые гномы покупали у людей, было дерево. Говорили, что они не осмеливаются заходить в лес из страха перед гневом эльфов. И людям это было выгодно, так как древесина требовалась гномам в больших количествах, вероятно, для обустройства рудников и строительства инженерных сооружений, которые были такими огромными и красивыми, что

было сложно и представить даже в самых смелых мечтах.

Но, несмотря на все свои богатства, гномы хотели их все больше, по этой причине они вели войну против троллей. Эльфы, гномы, тролли... Будто Стену недостаточно собственных проблем. Так нет же, в его жизнь вошли эти странные, загадочные существа и запутали и усложнили все окончательно. Покачав головой, влахак двинулся за широкой спиной Друана через ночной лес.

12

— Какое паскудство! — орал Хродгард на трех гномов, стоявших перед ним на коленях. — Как это возможно? Как человеку удалось уйти?

— Господин, — начал было Гольдильф, сын Гриперта, предводитель третьей роты, но Хродгард прервал его:

— Никаких оправданий, командир! Так отвратительно воняет лишь дерьмо троллей, в *моих* туннелях несет дерьмом троллей! Этого не может быть!

— Очевидно, на том выходе не было решетки, господин. Мы проверили другие вентиляционные шахты, почти у половины отсутствуют решетки, господин!

— Да это просто невероятное свинство! — загремел полководец.

Он сурово взглянул на своих подчиненных и указал на выход из шахты. Из нее все еще несло горелыми волосами и мясом.

— Позаботьтесь о том, чтобы устранить это недопустимое нарушение! Приведите мастеров, чтобы они вновь укрепили вентиляцию! А этот ход надо закрыть, его расположение рассекречено.

— Слушаюсь! — одновременно прокричали три командира.

— Выясните, кто отвечает за решетки. Заковать его в цепи и отвести в зал для жертвоприношений! Я собственноручно вырву его сердце, чтобы вновь получить благосклонность богов скал и камней, которых мы рассердили своей небрежностью, — жестко процедил Хродгард и увидел, как подчиненные вскочили и помчались ко входу в туннели.

На горе остался лишь полководец и двенадцать воинов его лейб-гвардии, которые со стоическим выражением лица следили за разговором. В последний раз глянув на хорошо замаскированное отверстие вентиляционной шахты, Хродгард отвернулся и приказал воинам следовать за ним.

— Мы возвращаемся.

На пути к верхним воротам подземного города Тешарак Хродгард задумался над тем, что могли бы значить последние события. «Человек проникает в туннель, всюду сует свой нос. Он пришел с востока или с запада? Его послал этот Цорпад? Люди! Послать шпиона — это так на них похоже!»

Хродгард мечтал о том моменте, когда племя гномов раз и навсегда сотрет троллей в порошок и прекратит любые дела с людьми. Но, к сожалению, король решил, что союз с людьми был единственно возможным решением для победы в войне против уродливых гигантов, и первые успехи подтвердили его правоту, пусть Хродгарду это было и не по вкусу — полагаться на помощь *людей*. «Погодите, вот мы разделаемся с троллями, — думал гном, — тогда мы займемся вами и вашими безбородыми, жалкими воинами». Слишком многие существа алкали богатств его народа, слишком многих сжигала зависть. Задачей Хродгарда как полководца была защита от всех врагов, а его целью было полное их уничтожение.

Не удостоив охраны на входе и взгляда, полководец вошел в залы подземного города. Охрана в дорогих доспехах с гордо поднятыми знаменами позаботилась о том, чтобы обычный люд не толпился на пути, когда в туннель входит верховный военачальник. Хродгард обдумывал различные пути решения, но пришел только к одному выводу.

— Сообщи обо мне королю и попроси аудиенции с советом, — приказал он королевскому охраннику, затем повернулся к командиру своей личной охраны. — Мы должны подготовиться. Возможно, этот непрощенный гость был лишь вором, но может быть и лазутчиком армии. Подтяните отряды из нижних туннелей, позаботьтесь об охране входов в нижние уровни. И скажите солдатам, что, возможно, придется сражаться на поверхности. Приведите мне мастера по катапультам и мастера по баллистам.

Без лишних вопросов солдаты помчались исполнять его приказы, а Хродгард уселся на твердую каменную скамью в ожидании ответа короля на просьбу об аудиенции. Если его враги хотят войны, значит, они ее получают. «Даже если для этого придется сжечь каждое человеческое поселение. Он не допустит, чтобы эти жалкие создания касались своими грязными руками богатств моего народа!»

13

Затаив дыхание, Сарган наблюдал, как воины маленького народца прошагали мимо его укрытия. Когда он заметил своих преследователей, идущих по тропинке ниже по склону, то успел всего за несколько мгновений сдвинуть несколько камней, чтобы укрыться от их взглядов.

Гномы искали не слишком уж внимательно, но они в буквальном смысле решили доказать свои выносливость и упорство. Сарган уже давно покинул вершину горы, а гномы все еще следовали за ним по пятам.

Группа из шести гномов поднималась ему навстречу по извилистой тропинке. Все они были в доспехах, в обычных, по меркам маленького народца: кольчуги, деревянные, окованные железом щиты, секиры или топоры. Шума от них было столько, как от целой дюжины, но опасность состояла не в этом патруле, а в том, что таких патрулей рыскало по горе слишком много и Саргану все время приходилось быть начеку. После того как группа воинов скрылась, Сарган, отметив, что солнце склоняется к горизонту, решил провести ночь под выступом, который немного защищал от ветра и холода. Поэтому он еще глубже забрался между камней и настроился на несколько холодных, неприятных часов. Его собственное снаряжение было, скорее, скудным, ведь он взял в дорогу лишь самое необходимое. Съестные припасы должны были рано или поздно закончиться, хотя твердый черный хлеб, завернутый в вощеную бумагу, на удивление хорошо перенес его плавание, почти не намок, и перипетии в вентиляционной системе. Однако даже очень голодному человеку он вряд ли показался бы вкусным, и ужин Саргана в последних лучах заходящего солнца едва ли походил на праздничный банкет.

Затем шпион постарался устроиться как можно удобнее и закрыл глаза. Напряжение последних дней сразу же дало о себе знать, и скоро он заснул.

Поздней ночью Сарган проснулся от воя, который, как он надеялся, принадлежал волку. Перед тем как отправиться в путь, он собрал всю доступную информацию об Ардолии, поэтому шпион знал, что здесь в лесах водились гораздо более опасные существа, чем дикие звери. Но сейчас времени на раздумья не было. Нужно было спускаться, несмотря на то что склон освещало лишь неверное сияние звезд; тогда он сможет успеть добраться до безопасной границы лесов еще до наступления дня. А как только он исчезнет в непроходимых лесах Ардолии, маленький народец ни за что не найдет его.

В темноте спуск в горах, пусть днем он и был бы легким, становился трудным и опасным. Сарган избегал выходить на тропинку, петляющую по склону, а стремился придерживаться прямого пути, чтобы не наткнуться на патрули гномов.

Местность здесь больше подходила для горных козочек, чем для людей, но Саргану все же удалось добраться до первых кривых деревьев, которые стояли в некотором отдалении от непроходимого лесного массива. На секунду шпион почувствовал облегчение. Он беззвучно крался между деревьями в направлении долины, пока не обнаружил тропинку.

Сарган был уверен, что в лесу сможет легко уйти от погони, даже если его будут преследовать очень долго, и он упорно продолжал идти, стараясь оторваться от патрулей как можно дальше. Вот уже первые лучи солнца добрались сквозь листву до лесной подстилки, окрасив лес в золотые тона. Эти лучи, словно тонкие золотые струны, сияли между деревьями, прорывая мягкую пелену тумана. Проснулись птицы, то тут, то там можно было заметить движение — маленькие шмыгающие тени, которые исчезали так же быстро, как и появлялись. Однако спокойствие и умиротворение окружающего пейзажа не трогали Саргана, он быстро пробирался через лес, спасаясь от врагов, которые хотели его смерти, к тому же Ардолия была полна древних тайн и неизвестных опасностей.

Хотя сведения о стране масридов и влахаков, которые ему удалось раздобыть, были неполными и частично устаревшими, но все до одного рассказы сводились к тому, что Ардолия была мрачной страной, отличающейся от цивилизованных государств востока, откуда родом был Сарган. Здесь время, казалось, остановилось, что, возможно, объяснялось тем, что Ардолия почти не поддерживала контактов с соседями. Даже в лучшие времена перевалы были опасны и труднопроходимы, а суровые снежные зимы полностью изолировали Ардолию от внешнего мира.

Лишь гномы знали путь через горы, по которому доставляли товары и сообщения, но Сарган раскрыл эту тайну. Только вот незадача: одного лишь знания для его заказчиков будет недостаточно, следовало больше разузнать о взаимоотношениях гномов с властителями, торговцами, богатыми и могущественными представителями этой страны. А значит, предстояло обдумать дальнейшие действия. Пришло время передохнуть и составить план, подумать о том, как добыть больше информации.

Несмотря на первоначальные опасения, Сарган легко продвигался вперед, не плутая и не путаясь в подлеске. Что касалось преследователей, то либо гномы не искали его так далеко в долине, либо он успел от них оторваться. Повсюду на тропинке можно было увидеть результаты стараний маленького народца расчистить дорогу. Кустарник был подстрижен, подлесок вырублен.

Дорога была чересчур широка для обычной крестьянской телеги, но Сарган предположил, что здесь ездили такие же караваны, как и в королевстве гномов под землей. К тому же рано или поздно дорога должна выйти на основной тракт или, по крайней мере, к селению, а уже оттуда двигаться будет намного легче. Сарган ни разу не слышал, чтобы гномы в Ардолии селились за границами гор, поэтому, скорее всего, в ближайшей деревне жили люди. Там, при соответствующей маскировке и наличии убедительной легенды, он не будет привлекать к себе повышенное внимание и сможет купить кое-что из вещей и еды. А если повезет, разузнает, с кем маленький народец поддерживает в Ардолии связи. Оставалось лишь преодолеть дремучий лес со всеми его опасностями.

На берегу Маги, где ширина ее русла достигала около сотни шагов, недалеко от того места, где река ныряла в ущелья восточных Соркат, раскинулся порт. Со своего наблюдательного пункта Сарган наблюдал жизнь города, вытянувшегося дугой вдоль северного берега. Он заметил, как крупная баржа движется вниз по течению, медленно поворачивает к одному из пирсов, причаливает, как рабочие приступают к разгрузке. Это напоминало сцены, которые он наблюдал внутри горы, на тайных причалах гномов, только здесь трудились не гномы, а люди. Шпиона волновал вопрос, почему бы гномам попросту не продолжать путь на баржах, зачем на территории людей переходить на более тяжелый и дорогостоящий способ перевозки телегами. Не найдя разумного объяснения, Сарган вновь углубился в изучение портовой жизни.

Если память не изменяла лазутчику, этот город, вероятно Турдуй, один из самых крупных населенных пунктов страны и резиденция Гиулы Бекезара, могущественного князя восточной части Ардолии. В Дирии неоднократно докладывали о том, что у масридов возникают постоянные проблемы из-за междоусобной борьбы за корону. Властитель Турдуя входил в так называемый триумвират, члены которого делили страны между собой, за

исключением небольшого числа неприглядных с экономической точки зрения областей, где все еще заправляли влахаки. Самым могущественным князем был Цорпад Диммину, под рукой которого находился почти весь запад страны. Оба соперника Цорпада, Гиула Бекезар и Ласцлар Сцилас, правили востоком, каждый своей частью. Насколько было известно Саргану, Ласцлар и Гиула заключили довольно шаткий союз, так как поодиночке им было не выстоять против сильного соседа — Цорпада. Однако этот союз мог существовать только до тех пор, пока Цорпад был опасен, ведь каждый из трех князей претендовал на верховный трон, потому что все трое были сыновьями единственного короля-масрида, который когда-то властвовал в Ардолии.

Такое непрочное равновесие царило вот уже два столетия, но несколько лет назад победоносные походы Цорпада начали склонять весы в его сторону. А еще в стране существовали вольные влахаки, которые после их покорения в 732 году только и ждали момента, чтобы изгнать узурпаторов из страны. В общем, очень сложное политическое положение вытягивало последние соки из и без того страдавшей земли.

Саргану предстояло выполнить задание заказчиков, что вряд ли удастся при одном только наблюдении. Поэтому он продолжил путь и сделал большой крюк вокруг города, чтобы войти в западные ворота.

— Стоять! — как и ожидалось, прокричал караул у ворот.

Сарган остановился, разглядывая молодую женщину-привратника, которая с недоверием осматривала его. На ее добротных кожаных доспехах поблескивали металлические пластины. Кожаный же шлем почти полностью скрывал ее светлые волосы. Воительница сжимала копье, а на щите, тоже обтянутом кожей, лазутчик разглядел изображение грифа, геральдического животного дома Бекезаров. В отличие от империи, где искусство геральдики было очень высоко развито, символы домов и княжеств Ардолии представляли собой всего лишь грубые рисунки, главной задачей которых было показать солдатам на поле сражения, кто неприятель, а кто свой. Однако Сарган ни жестом, ни взглядом не показал своего слегка пренебрежительного отношения к здешним людям и к стране в целом и улыбнулся воительнице.

— Кто ты и что тебе здесь нужно? — спросила женщина, которой откровенно не нравился его потрепанный вид.

Сарган ответил заготовленной фразой:

— Меня зовут Сарган, странствующий ученый и писарь. Я из Маси.

— Так-так, писарь. Из Мاستи? Никогда не слышала...

— Из Маси. Это на восток отсюда. В Дирийской империи, — многозначительно добавил Сарган.

— Из империи? Вот это да! — воскликнула стражница и взглянула на Саргана с некоторым уважением, затем, обдумав слова незнакомца, задала еще вопрос:

— Есть ли у вас товары на продажу, господин?

— Нет, мой единственный товар — это мой трактат, мне ведь не нужно платить за него пошлину. Или все-таки нужно? — спроосил Сарган с обезоруживающей улыбкой и развел руками.

— Нет, конечно, не нужно. А как вы попали в Ардолию, господин? — почтительно спросила воительница.

— Через перевал Еркель. Это было настоящим мучением, должен сказать вам. Мой неподобающий вид — результат перехода. К тому же отсюда недалеко я свалился со скалы, и теперь мне нужно переодеться... — ответил Сарган со смехом, к которому женщина сразу же присоединилась.

— Да, перевалы опасны! — согласилась она. — Добро пожаловать в Турдуй!

— Благодарю. Может быть, вы посоветуете мне подходящее место, где бы я мог остановиться и немного отдохнуть?

— Лучшие постоялые дворы находятся на рыночной площади. Там вы сможете снять

любое жилье.

— А где странствующий может утолить жажду? Куда, к примеру, вы ходите после того, как сменяетесь на своем ответственном посту? Я так думаю, что такая дама, как вы, знает лучшие места для приятного общения, — подмигнув, пошутил Сарган, отчего стражница, к его радости, сразу покраснелась.

— «Белый Медведь». Его невозможно пропустить, идите от рыночной площади по направлению к причалу и заметите вывеску, — быстро сообщила она.

— Наверное, с нарисованным белым медведем на ней? Очень хорошо, огромное спасибо, мадам. Возможно, встретимся там.

— Ах, вероятно, вам следовало бы зайти в крепость. Ведь вы прибыли из империи, — посоветовала воительница, и Сарган согласно кивнул, хотя определенно не собирался афишировать свое присутствие.

Тем не менее он еще раз улыбнулся стражнице, когда проходил через ворота в город, где царили деловой шум и суета.

На его родине такой портовый город скорее считался бы городишком: совсем мало многоэтажных строений, в основном одноэтажные домики, большей частью простые каркасные конструкции. Широкие, но грязные немощеные улицы и отсутствие канализации придавали Турдую затрапезный провинциальный вид. Отыскать дорогу к рыночной площади не составило труда, и там действительно стояло несколько постоянных дворов, один из которых Сарган выбрал для ночлега.

Шпион, прежде чем отправиться в Ардолию, помимо других приготовлений, предусмотрительно вшил в одежду несколько монет. Это сослужило хорошую службу, хотя он и потратил много времени на то, чтобы убедить недоверчивого хозяина в ценности чужеземной валюты. В конце концов Сарган, хоть и переплатил, но, по крайней мере, получил крышу над головой.

После необычного и рискованного путешествия внутри горы шпион вовсю наслаждался человеческим обществом и дарами цивилизации, точнее, тем, что здесь считалось цивилизацией. Горячая ванна и горячий обед несколько изменили его мнение о жителях Ардолии, теперь они казались ему просто отсталыми и нецивилизованными, а не абсолютно отсталыми и совершенно нецивилизованными, как он считал раньше.

Во время еды он постоянно следил за разговорами за соседними столами, но о гномах никто не говорил. Сарган решил выйти и купить одежду, так как те лохмотья, которые сейчас на нем висели, ремонту не подлежали, назвать это вообще одеждой могло лишь существо с очень развитым воображением.

В простом дорожном костюме лазутчик привлекал внимание гораздо меньше, в первую очередь потому, что спрятал под кожаную шапочку свои непривычные для здешних жителей рыжие волосы. Наконец он привел себя в порядок и направился к «Белому Медведю». Вино, кружку которого он заказал, даже на его вкус оказалось вполне сносным. Сарган неприметно наблюдал за посетителями, которые большей частью были влахаками, и ожидал, когда семена, которые он посеял у городских ворот, дадут всходы.

Как раз в тот момент, когда он уже был готов разочароваться и собирался поискать себе новую жертву, дверь открылась, и вошла давешняя стражница, на этот раз без доспехов, с одним лишь длинным кинжалом на поясе. Широко улыбнувшись, Сарган махнул ей и пригласил к своему столу.

— Вы и в самом деле последовали моему совету? — шутливо спросила молодая женщина, и Сарган кивнул.

— Естественно. Я понял, что вы хорошо разбираетесь в том, что такое приличное заведение и приличные напитки. К тому же я надеялся... хотя нет, это неуместно.

— Что? — поинтересовалась блондинка, заказав кружку крепкого пива, которое пили в этой местности.

— Я надеялся снова увидеть вас, — заявил Сарган, опуская глаза. — Хотя я даже не знаю вашего имени!

— Маиска.

— Маиска. Красиво, — прошептал Сарган и снова улыбнулся.

Его собеседница также улыбнулась, и лазутчик подумал, что ему могла встретиться женщина и похуже. Хотя Маиска и была несколько крупновата на его вкус, но у нее были красивые длинные руки и ноги и милое, приветливое лицо. Белокурые волосы были коротко острижены, кроме нескольких локонов сзади. Возможно, нос был немного широковат, а зубы чересчур мелкие, но все же она была довольно красива. Хотя, конечно, и не смогла бы сравниться с благородными дамами, которых Сарган знал при дворе Дирии. Однако ее облик не был отталкивающим, что значительно облегчало задачу, которую он перед собой поставил.

Поэтому он снова улыбнулся ей и стал осторожно расспрашивать, при этом он все время следил, чтобы кружка дамы был наполнена и у нее не возникло никаких подозрений. Довольно быстро стражница опьянела от густого терпкого пива, а Сарган старательно делал вид, будто тоже подвыпивший, хотя он и отпивал из кружки лишь по небольшому глоточку. Большинство вещей, о которых рассказывала Маиска, были скучны и не представляли интереса, но кое-что из того, что она выболтала о своей службе у ворот, вселяло некую надежду.

В подходящий момент шпион схватил ее за руку и прочувствованно продекламировал классическое стихотворение великого поэта Хезоата, в котором воспевалась красота императрицы. Естественно, масридка не знала ни поэта, ни его произведения и была просто потрясена силой слов своего обожателя.

Она не вполне уверенным движением дотронулась до его волос.

— А у многих мужчин в Дирии такие волосы? — спросила она.

— Нет, я особенный на своей родине, — усмехнувшись, ответил он и поймал ее руку своей. — Но ты на своей родине настоящая красавица, — пробормотал дириец, томно заглядывая ей в глаза. — В твоих глазах мужчина может утонуть навсегда.

Когда она тихо рассмеялась, Сарган поднес ее руку к губам и нежно поцеловал пальцы. Он искусно перевернул руку и стал медленно водить губами по ладонке. Затем нежно поцеловал ладонь у основания пальцев и быстро провел языком между большим и указательным, что вызвало у женщины стон возбуждения. После этого ему потребовалось всего лишь прошептать ей на ухо несколько слов, чтобы убедить проводить его на постоянный двор.

Смеясь, они брели по темным улицам, пока не добрались до нужного здания. Он быстро провел ее в свою комнату. Только он зажег небольшую масляную лампу и обернулся к ней, как она сама стала страстно целовать его. От возбуждения ей никак не удавалось справиться с пуговицами на его одежде, но он помог ей и застонал от удовольствия, когда ее губы заскользили по его груди и животу. Рывком он лишил ее блузы и провел языком по обнаженной коже. Его губы нашли ее грудь, а она зарылась пальцами в его волосы. Он мягко развернул ее и повел к кровати, где они, сплетясь в объятиях, начали ласкать друг друга. Наконец она сняла с себя штаны и нижнее белье, и Сарган привлек ее к себе. В полумраке он рассматривал ее упругое тело, целуя шею и наслаждаясь ее шумным дыханием. «Иногда работа имеет и хорошие стороны», — подумал Сарган, когда вошел в нее.

Маиска все еще лежала в его объятиях; во сне ее дыхание было спокойным и ровным. Сарган отвлеченно гладил спину женщины, обдумывая свои дальнейшие действия. После любовных утех Сарган, накинув одежду, прокрался в трактир при постоялом дворе и стащил немного вина. Пиво уже выветрилось из головы стражницы, но крепленое красное вино развязало язык Маиски, и она добровольно рассказала ему все, что знала. Конечно, она даже не подозревала, что эта информация была очень ценна для него; женщине караульная служба у городских ворот казалась очень скучной.

Насколько Сарган понял, в город регулярно заходили караваны маленького народца.

Гномы торговали тем, что изготавливали сами, либо тем, что привозили из других стран. Их интересовал местный товар, в основном дерево и продукты сельского хозяйства. Город представлял собой транспортный узел, и большая часть торговых путей в Ардолии были водными, причем главной артерией являлась Маги, которая пересекала всю страну и была полностью судоходной.

Все это не было новостью для Саргана, за последнее время он пополнил свои знания о гномах. Но стражница продолжала болтать и неожиданно упомянула нечто странное: в последнее время торговля затормозилась. Это заставило Саргана встрепнуться, ведь гномам приходилось вести торговлю лишь в те немногие месяцы года, когда путешествиям благоприятствовала погода. Отсюда вопрос, почему маленький народец не использовал свой шанс?

Сидя в комнате, ответа на этот вопрос не найти, но в настоящее мгновение Сарган просто наслаждался близостью и теплом масридки, которая мирно уснула в его объятиях, даже не догадываясь о намерениях мужчины.

Несколько дней спустя Сарган неспешно прогуливался по улицам и переулкам, граничащим с портом. Прямо на самом большом пирсе стояло строение, которое гномы использовали в качестве склада. Это шпион выяснил из разговора с хозяином постоянного двора. Не выказывая своего интереса к зданию, которое казалось настоящей крепостью, Сарган зашел на пирс и принялся расспрашивать одного из работников о кораблях, которые шли по Маги в сторону Теремии. Краем глаза Сарган наблюдал за складом, толстые серые стены которого были выше дюжины шагов, и только в верхней трети здания по стенам имелись отверстия, больше напоминающие бойницы, чем окна, к тому же они были забраны решетками. Со стороны порта лазутчик заметил в стене большие двустворчатые ворота, такие же ворота были с противоположной стороны здания. Рядом с портовыми воротами обнаружилась маленькая дверь, обитая железом. Даже обученные солдаты с трудом смогли бы ворваться в это строение, но, к счастью, Сарган и не собирался врываться.

Его опыт подсказывал, что даже у самой мощной крепости есть слабые места. Оставалось только найти их и использовать в своих целях. Задача тоже, в общем, не из легких, учитывая, что ему нельзя выделяться и привлекать внимание. Поэтому Сарган поблагодарил работника порта за сведения, которые даже не запомнил, и отправился на поиски какого-нибудь трактира поблизости от склада. Очень скоро он обнаружил кабак, из которого мог легко наблюдать за нужным зданием. Заказав дешевого кислого вина, он вздохнул и настроился на долгое ожидание.

«По крайней мере, хоть ночи приятные», — подумал он, так как Маиска посещала его так часто, как только позволяла ее служба.

Прошло три дня, прежде чем Саргану наконец повезло. Судно, которое спускалось по течению Маги, причалило к нужному пирсу. Рабочие сразу же принялись разгружать его. Однако, в отличие от предыдущего судна, на этом были кое-какие товары, которые следовало поместить на склад маленького народца. Портовый чиновник с важным выражением лица открыл ворота и наблюдал за складированием ящиков и бочек. Заторопившись, Сарган расплатился за вино, покинул кабак и незаметно приблизился к складу. Выгружаемого товара было мало, поэтому у него оставалось не так уж много времени. Шпион дождался первого удобного случая и проскользнул через ворота в сумрак здания. Он быстро пригнулся за штабелем ящиков, затем перебежал дальше внутрь помещения, пока не удостоверился, что не попадает в поле зрения портовых рабочих.

О том, как он выберется, Сарган не волновался, в крайнем случае дверь или окно можно открыть и силой, после чего скрыться в городе. Но сначала он рассчитывал приблизиться еще хоть на шаг к тайне гномов.

После окончания работы управляющий сделал обход, но Саргану не составило труда скрыться от него. Лазутчик притаился в полумраке, так как через узкие окна под самым

потолком в помещение попадало совсем мало света. Сарган с любопытством осмотрел внутренности склада. Как он и предполагал, здесь в основном было дерево самых разных видов, от досок до целых бревен, а также продукты сельского хозяйства, тем или иным способом обработанные для длительного хранения. «По крайней мере, не придется голодать», — усмехнулся Сарган, проходя мимо полных рыбы бочек. К его разочарованию, на этом тайны заканчивались, он не обнаружил ничего секретнее копченых рыбьих хвостов. Никаких жилых помещений и никаких признаков того, что в здании имеются другие помещения.

А ведь Маиска рассказывала, что, когда гномы приезжали в их город, они ночевали не в постоянных дворах, а на складе. Но он не смог обнаружить ничего подходящего для ночевки и отдыха, и этот факт приводил его в замешательство. Возможно, гномы спали на полу, завернувшись в покрывала, которые привозили с собой. Но это казалось Саргану слишком невероятным для гномов. Все же шпион был уверен: в здании нет потайных комнат; хотя стены и были толстыми, в них были окна, которые пропускали свет, а значит, двойные стены исключались. Сарган осмотрел балки над головой, на которых держалась крыша, но и там укрытия не обнаружил.

И тут у него словно пелена с глаз спала. Так близко от берега ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову строить подвал, но ведь гномы думали не так, как люди.

Тщательный осмотр пола дал долгожданный результат, в незанятом углу он обнаружил откидную плиту с кольцом. С его помощью можно было поднимать неприметный люк. Сарган осторожно дернул за кольцо, поднял дверь и взглянул в темноту. На этот раз у него не было лампы, поэтому он изготовил небольшой факел из тонкой доски и нескольких тряпок, пропитав их ламповым маслом, которым были полны несколько бочек. Мысленно поблагодарив гномов за предусмотрительность, Сарган постучал себя пальцем по лбу и стал спускаться по лестнице.

Подвал не был особо примечателен. Очевидно, гномы соорудили здесь несколько комнат для ночлега. Еще была комната со столами и скамьями и рабочая комната. Все.

Очень осторожно Сарган обследовал спальные помещения, но ничего из ряда вон выходящего не обнаружил. Он был начеку, так как о гномах повсеместно ходила слава как о любителях опасных ловушек.

Самая большая комната подвала могла вместить, наверное, дюжину гномов, и здесь был такой же низкий потолок, как в остальных помещениях. Человек более высокого роста, чем Сарган, уже давно украсил бы свой лоб парой-другой шишек. Здесь тоже не было ничего интересного, все чисто убрано и аккуратно, ничего таинственного. Лишь в небольшой рабочей комнате Сарган наткнулся на то, что хоть как-то оправдывало его вторжение. На столе лежала большая черновая тетрадь, в которой было много старательно исписанных листов. Сарган с любопытством пролистал страницы и обнаружил, что записи вели, бесспорно, разные гномы, которые составляли списки поставок в Турдуй. Мелкий, нечеткий почерк гномов, множество букв их письменности, похожих друг на друга, затрудняли чтение. Но через какое-то время шпион все-таки смог составить приблизительную картину объема торговли между гномами и людьми. Действительно, в этом году поставки сократились по сравнению с прошлогодними, но удовлетворенный Сарган констатировал, что есть еще одно место, куда гномы поставляли материалы, — Теремия. По всей видимости, для Турдуя предназначалась лишь незначительная часть поставок. А когда Сарган прочитал, о каком товаре для Теремии шла речь, то невольно наморщил лоб.

Судя по всему, маленький народец предлагал властителю Теремии самые разные вещи, у которых, однако, было одно общее предназначение — война.

Сарган быстро пролистал пергаменты, но не нашел никаких записей об ответных услугах. К тому же, как подтверждали две записи на полях последней таблицы, большая часть торговли с Теремией шла напрямую, причем караваны двигались по одному маршруту — из королевства гномов непосредственно в город. И только товары из стран по ту сторону

Соркат попадали в страну через Турдуй.

В замешательстве Сарган задумался над тем, что мог означать это факт. С одной стороны, торговля гномов с Турдую и со всем востоком пошла на спад, одновременно маленький народец стал поставлять больше товаров из империи на запад, в Теремию. Ко всему этому напрямую из Соркат в Теремию шли также изделия из кузниц гномов, в основном оружие и доспехи. Это подтверждало известные Саргану сведения о том, что гномы скупали больше стратегических товаров в Дирии. Но то, что они перепродавали их в Ардолию, стало для него новостью.

Такое впечатление, будто Цорпад, властитель из Теремии, готовился к военному походу, что, учитывая историю страны, не было чем-то необычным. Но то, что гномы продавали в Теремию так много изделий собственного производства, было странно. Маленький народец славился недоверием к чужакам и замкнутостью. Гномы стремились продавать свои товары и изделия очень небольшими партиями. Кроме того, записи гномов не давали ответа на вопрос, чем Цорпад расплачивался. В других записях педантично указывалась сумма или вид и количество обменных товаров, а вот в поставках в Теремию такие записи отсутствовали.

Быстрый обзор книги показал, что перемены начались всего несколько месяцев назад. До тех пор Цорпад покупал все за золото или обменивал на другие товары, как это делали остальные. «Чем же ты оплачиваешь свою будущую корону?» — задался вопросом Сарган, прихватывая черновую книгу и поднимаясь из подвала в складское помещение. В то, что стратегические поставки были нужны для оборонительных целей, он ни секунды не верил. Нет, Цорпад попытается при помощи военных захватить власть над всей Ардолией и короновать себя полновластным правителем.

При помощи инструментов, которые Сарган обнаружил в одном из ящиков, он легко открыл дверь, выкрутив петли. Вторжение не удастся скрыть, но Саргану было безразлично, маленький народец и без того знал о шпионе, который посмел сунуть нос в их тайные дела.

Медленно пробираясь по ночному Турдую к себе, Сарган обдумывал планы дальнейших действий. Скоро ему придется покинуть город и отправиться на запад. «Настало время попрощаться с Маиской. Возможно, я буду скучать по ней, — тоскливо подумал коротышка. — Хотя... Разве только в Турдую есть такие прелестные стражницы?» — усмехнувшись, напомнил он себе.

14

Стен решил, что пора уводить троллей глубже в лес. Если они будут так сильно забираться в сторону Рейбы, то скоро окажутся чересчур близко к Орволлю, а такая перспектива совсем не радовала влахака.

Провести троллей в Теремию и без того будет довольно сложно, но там у него, по крайней мере, есть союзники, и он не был бы в западной столице совершенно одинок. А в Орволе он не знал ни единой души, к тому же плохо там ориентировался. Положение осложнялось тем, что Стен не знал, удастся ли ему контролировать троллей в присутствии других людей. Значит, гораздо безопаснее дать широкий круг и обойти проблему.

Однако у Друана, казалось, были другие планы.

— Это правда, что маги солнца везде? — спросил он, когда группа добралась до лесного оврага, по которому они решили двигаться дальше.

Неожиданный вопрос застал Стена врасплох, и он не сразу ответил:

— Ну да, они пытаются контролировать всю страну. Они строят святилища и храмы везде, где хотят.

— Зачем тогда нам нужно в Теремию? Есть ли какое-нибудь место поближе?

— Есть, Орволь. Эта деревня недалеко отсюда. Там не происходит никаких важных событий.

Друан, побурчав что-то себе под нос, обдумал его слова, и некоторое время они шли

молча. Наконец тролль, казалось, принял решение.

— Я хочу посмотреть на эту деревню.

— Зачем? Это подвергает нас ненужной опасности! — быстро возразил Стен.

— Мы так мало знаем о вас, людях. Я хочу составить себе картину.

— Ты можешь сделать это и в Теремии, не рискуя понапрасну своей головой, — предложил Стен.

— Но ведь в Теремии нам тоже будут не рады? Или нет? — спросил Друан.

Про себя Стен проклинал упрямство тролля, равно как и его отличную память. Ни в одной из старых историй об этих громах не упоминалось об их упорстве. И о том, что были такие тролли, как Друан, рассудительные, хитрые и разумные.

Остальные тролли тоже по-своему были неглупы, но Друан все схватывал на лету и осваивался без труда, а его способность быстро делать выводы затрудняла Стену задачу, не позволяя влиять на решения тролля.

— Ты не хочешь в Орволя? А почему? — невинно спросил тролль.

Юный воин решил сказать правду.

— Там слишком опасно для меня. Для вас, ясное дело, тоже. Но и для тамошних людей, и для меня. Может, ты и благоразумный, но... как насчет других? Если люди обнаружат вас, то они испугаются. А тогда...

Стен не окончил предложения, но Друан понял.

— Ты думаешь, что мои спутники нападут на твоих собратьев.

— Да. И тогда мне тоже придется выступить против вас, ты это знаешь, — тихо сказал Стен.

К его удивлению, Друан широко улыбнулся.

— Я это знаю. И мы уважаем это, даже Пард, хотя он и не признается.

Здоровяк тролль, чья спина маячила перед ними, обернулся при упоминании своего имени и хмуро глянул на них.

— Что?

— Ничего, — ответил Друан, а Стен добавил:

— Мы как раз говорили об уважении, которое мы к тебе испытываем.

Пард с подозрением зыркнул на собеседников, но выражение их лиц ничего ему не говорило, тогда он сказал:

— Люди — проклятые болтуны. Однажды вы сможете завязать свои длинные языки узлом и сделать из них веревку. Ты уже прямо наполовину человеком сделался, Друан, все время болтаешь!

Друан со смехом отмахнулся, зато настроение Стена после этой небольшой перепалки с гигантом совсем не улучшилось.

— Ты много беспокоишься, Стен, — сказал Друан. — Может, слишком много?

Стен вопросительно посмотрел на тролля.

— Все идет так, как идет, — спокойно заявил Друан.

— Только если пустить все на самотек. Мне больше нравится, когда я сам контролирую события.

— Поэтому ты и был в клетке? — хитро поинтересовался Друан.

— Я не понимаю, что происходит, — ответил Стен, почувствовав внезапное раздражение. — Я считаю посещение Орволя опасным. Что я могу еще сказать?

— А я хочу посмотреть на село. Я, на худой конец, могу отправиться туда и без тебя, — сварливо заявил Друан.

Стен сердито уставился на него и подумал, что, прежде чем они доберутся до Орволя, им придется еще один раз останавливаться на дневку. Поэтому у него будет достаточно времени, чтобы покинуть эту странную компанию раз и навсегда. Однако Друан вновь удивил его.

— А что, если мы пойдем одни?

— Вы хотите идти без меня? И кому от этого станет лучше? Мне, которому больше не

придется видеть ваши неприглядные поступки? — резко отреагировал Стен.

— Нет, я имею в виду мы, ты и я, — возразил Друан, не реагируя на оскорбление.

Стен удивленно вскинул брови. Затем юный воин обдумал предложение. Из всей пятерки троллей Друан, без сомнения, был самым рассудительным. Конечно, он был упрям, но не стоило забывать, что тролли находились на чужой, опасной территории и нуждались в помощи. Вероятно, предводитель маленького отряда монстров все-таки будет слушать его, а один-единственный тролль в принципе не так опасен, как вся эта компания вместе, особенно здоровяк, который загорается как спичка.

— Ладно, — сдался Стен, — если ты хочешь только взглянуть на деревню, мы можем обследовать это место вдвоем. Но ты должен будешь прислушиваться к моим словам. И мы будем держать дистанцию.

— Понятно, — пожав плечами, ответил Друан и отвернулся.

Стен шел, и в голове у него крутилось множество вопросов, среди них был один очень неприятный: а кто тут кем, собственно говоря, манипулирует?

На этот раз путникам не удалось найти подходящего укрытия на день, что вызвало у троллей бурное недовольство. Между Пардом и Друаном возникла долгая дискуссия, причем Пард упорно настаивал на том, что полезность Стена закончилась, следовательно, от него нужно избавиться.

Влахах прекрасно представлял, что именно понимал под этим гигант, и единственным аргументом в защиту Стена оставалось лишь то, что человек однажды пощадил троллей. Пард и другие были недовольны тем, что вынуждены доверять влахаку. Стен не мог на них за это обижаться, ведь в принципе он был абсолютно чуждым им существом. Но в конце концов авторитет Друана победил.

В густом подлеске тролли попытались найти укромное место, защищающее их от непогоды и возможных любопытных взглядов, и устроились прямо на земле. Лес здесь был более редкий, но, к счастью, сюда почти не заходили люди, живущие неподалеку.

На этот раз Стен наблюдал за троллями более внимательно, так как хотел выяснить, что происходит с ними во время восхода солнца. Но ничего из ряда вон выходящего не произошло: как только первые лучи солнца коснулись монстров, их тела обмякли, а черты лица расслабились. Они казались совершенно безжизненными, впечатление усиливала их серая грубая кожа. Стена теперь не удивляло, что в старых легендах говорилось о том, что тролли при свете дня превращались в камни. Сейчас они лежали неподвижные, массивные, без каких-либо признаков жизни... Статуи или причудливые валуны, а вовсе не живые существа!

Однако такие размышления не особенно бодрили, да и слишком уж напряженной была ночь. Юного воина одолела усталость, мысли смешались, и он быстро заснул, несмотря на то что корни и всякие сучки и веточки немилосердно давили в спину.

Сны были мрачными: насилие, кровь и людские крики посреди ночной тьмы, освещенной лишь мерцающими факелами. Сам влахах сражался в кромешном мраке против врагов без лиц, когти которых наполняли его тело холодом в тех местах, где прикасались к коже. Наконец он был повержен наземь, а толпа нападающих рассыпалась над ним ледяной волной, грозя утопить. В отчаянии он пытался вдохнуть, но в легкие попадал лишь холод.

Тут Стен проснулся и вскочил с дико бьющимся сердцем. Прошло несколько мгновений, прежде чем он вновь осознал, где находится. Тролли все так же лежали в тени раскидистого бука. Солнце уже поплыло к закату, дело близилось к вечеру. На севере, над Соркатами, громоздились облака, предвестники надвигающегося дождя.

На юге небо было чистым и сияло глубокой, загадочной голубизной. Где-то там была родина Стена — Дабран, когда-то зажиточный маленький город, застроенный белыми домами, острые крыши которых выдерживали снег даже в самые суровые зимы. Над долиной возвышалась крепость Рабенштайн, где родились Стен и Флорес.

А теперь в маленькой баронии железной рукой правит один из подданных Цорпада. При одной мысли о циро Хази в душе Стена разгорался гнев, и это преследовало его уже

много лет. Но он еще доживет до того дня, когда этот пес будет изгнан из владений, которые он присвоил себе предательством и ложью. На руках сцарка Хази была кровь, и только кровью он сможет заплатить за свои преступления.

Мысли Стена полетели еще дальше на юг. В Мардеве, высокогорье, примыкающем к Южным Соркатам, Ионна сал Сарес, властительница последней свободной части Влаккиса, сейчас, наверное, сидела со своими советниками и размышляла над картами. Возможно, весть о смерти Стена уже дошла до нее, а может, и нет, но ее руки однозначно были связаны до тех пор, пока Цорпад удерживал у себя заложников.

После знаменитой осенней битвы, когда Ионна, хотя и разбила войска Цорпада, но тем не менее была вынуждена покориться властителю Теремии, чтобы ее народ не умер с голоду зимой, Цорпад в качестве гарантии прихватил с собой в Теремию заложников — сестру своего самого опасного врага и родственников других мятежников. Тогда это было единственно возможным решением, так как ни у Цорпада не было шанса быстро одолеть своих врагов в высокогорье, ни у влахаков не было достаточно запасов, чтобы выдержать продолжительную войну.

Не заключи мятежники перемирия, болезни и смерть неминуемо собрали бы свой ужасный урожай в рядах измученного и обескровленного войска. И тогда влахаки приняли предложение Цорпада. С тех пор в стране царит хрупкий мир, который нарушают только отдельные бунтовщики, подобные Стену, оставшиеся без семьи, благополучие и жизнь которой можно было бы поставить на кон. Официально Ионна сал Сарес осуждала действия влахаков, при этом, не подвергая опасности свою сестру и других заложников, она тайно поддерживала повстанцев всеми силами и средствами.

Многие говорили, что Ионна и Висиния абсолютно непохожи, одна — суровая и жесткая, другая — мягкая и нежная. Однако те, кто так говорил, просто не знали сестер. Стену же было отлично известно, что Висиния непреклонна и преисполнена истинной силы и мужества, которые, однако, в отличие от Ионны, демонстрировала на людях очень редко. Ионна же, облеченная властью, вынуждена была публично проявлять силу духа и жесткость, тогда как ее сестра могла позволить себе быть приветливой.

С улыбкой юный воин вспомнил, как хорошо эти на первый взгляд непохожие сестры дополняли друг друга. Редко кто мог сравниться с ними в искусстве полемики. Будучи самой близкой доверенной особой своей сестры и парламентаром при различных дворах влахаков и масридов, Висиния сделала для успеха движения сопротивления гораздо больше, чем многие и многие другие. Во время осенней битвы она вместе с остальными облачилась в доспехи и отправилась в поход, чтобы бороться за каждую пядь земли и, если потребуется, погибнуть ради общего дела. «Цорпад сделал правильный шаг, — подумал Стен. — Он нанес Ионне и всему движению мощнейший удар, отобрав у нас Висинию». Но прежде всего масрид угодил в самое сердце юного воина, ведь с того самого первого мгновения, как юноша увидел Висинию сал Сарес, заглянул в ее темные очи и заплутал там, опьяненный блеском ее развевающихся медно-рыжих волос, он пропал навсегда.

Осиротевший Стен провел в Дезе несколько лет, ему никогда не давали почувствовать свою никчемность и одиночество. Постоянно вблизи нее, постоянно осознавая, сколь мало он достоин ее... Различные обязанности отвлекали, много времени отнимало обучение, но все равно он никогда не переставал тосковать о Висинии. А когда ему удавалось случайно ее встретить, улыбка целый день озаряла его лицо.

Когда он избрал для себя путь мятежника, то часто бывал при дворе Ионны. Тайно, конечно. Агенты Цорпада не должны были знать о деятельности мятежников, чтобы не давать властителю Теремии повод вновь развязать войну. И каждый раз, когда Стен приезжал в Дезу, он встречался с Висинией. Его положение при дворе постепенно укреплялось, он возвысился, его дела возвысили юного влахака. Вскоре он стал близким советником Львицы из Дезы и одним из самых надежных лазутчиков. Росло доверие Ионны, а в далекой Теремии Цорпад пропорционально увеличивал награду за его голову.

Через какое-то время марчег почувствовал себя достаточно сильным, чтобы дерзнуть

завладеть остальной частью страны Влахкис. На исходе прошлого лета он собрал войска и напал на Мардев. Стен вместе со своим отрядом участвовал в этой отчаянной битве. Ему повезло, посреди сражения он встретился со своим извечным врагом циро Хази. Однако сцарк был окружен хорошо вооруженными лейб-гвардейцами, и лишь благодаря отчаянной силе духа Стену и его соратникам удалось пробиться через них. Когда юный воин наконец оказался с Хази один на один и занес меч для удара, тот обманным движением вонзил клинок в бок противнику. Если бы друзья не поспешили ему на помощь, то там бы Стену и пришел конец.

Именно Натиоле вытащил его из самого ада битвы, а после ее окончания тяжелораненого, в лихорадке привез в Дезу. У Стена не сохранилось воспоминаний ни о поездке, ни о том, как он прибыл в крепость: в себя он пришел уже внутри нее.

Тихий разговор, треск огня и даже боль в боку — все было приглушенным и словно пробиралось к нему издалека. Целитель, угрюмый старик-молчун, влил ему в рот горький травяной настой, от которого даже мысли стали тяжелыми. Но, прежде чем вновь провалиться в тяжелый сон, он увидел Висинию, которая улыбалась ему.

За несколько последующих недель, проведенных в постели, он еще сильнее полюбил Висинию. Он узнал, насколько она упорна, насколько сильна, узнал, что эта удивительная женщина обладает тонким умом, что она блистательно иронична. И когда Стен долго смотрел в темные омуты ее глаз, ему казалось, что он видит отражение своих собственных чувств. А потом он узнал, что ей придется отправиться в Теремию в качестве заложницы...

Взгляд Стена скользнул вдоль горизонта. Скоро сядет солнце. Воспоминание о прощании с Висинией было так свежо, словно это произошло вчера... Тогда первые лучи окрасили зубцы крепостной стены кроваво-красным цветом. Пахло мокрой листвой, укрывшей за ночь каменистую дорогу, дымом натопленных очагов. В том году очень рано выпал снег; белые хлопья кружились в холодном воздухе над крепостной стеной, на которой стояли Стен и Висиния.

— Надеюсь, что на севере не будет холоднее, чем здесь, — дрожа прошептала она.

Широкий плащ из тяжелой синей ткани окутывал ее плечи, и Стен едва мог разглядеть лицо под широким капюшоном. У него было мало времени, чтобы выразить словами то, что ему так хотелось сказать ей. Во дворе ее уже ждал эскорт, чтобы сопроводить в Теремию. Стен мысленно проклинал воинов, которые глазели ему в спину. И себя — за то, что нужные слова никак не находились. Проще было бы сразиться с дюжиной масридов.

— Ты хотел поговорить со мной? — мягко спросила она, когда он простоял некоторое время молча.

Он сглотнул.

— Я... Я не поблагодарил тебя за то, что ты спасла меня, — осторожно начал он.

Висиния улыбнулась.

— Если ты хочешь непременно отблагодарить кого-то, так лучше Картареу. Это он спас тебя при помощи своих микстур.

При упоминании о микстурах Стен скривил гримасу отвращения.

— Время от времени я сомневался в том, стоит ли моя жизнь таких мучений и нужно ли пить всю эту гадость... — пробормотал он.

Висиния не удержалась от смеха и сдвинула капюшон со лба. Теперь Стен мог смотреть в ее темные глаза, но от этого легче не становилось.

— Мне будет не хватать тебя, когда... — начал было он, но она подняла руку.

— Нет, Стен. Прошу тебя, не веди себя так, словно мы больше никогда не увидимся, — настойчиво сказала она.

— Я еще увижу тебя, — быстро поправился он. — Ты же не останешься в Теремии навсегда. Я побеспокоюсь об этом.

От этих слов она вновь улыбнулась.

— Хорошо. Сейчас ты нужен моей сестре как никогда. Весной вы должны быть готовы

для нового нападения. Вас не должно останавливать то, что будет происходить во дворе Цорпада. Не забывай.

Он кивнул, хотя и не был согласен с ней.

— Прощай, Стен.

С этими словами она развернулась и двинулась со стены вниз. Только во дворе она еще раз обернулась и помахала ему своей тонкой белой рукой.

Он стащил с рук кожаные перчатки и бросил ей вниз.

— Вдруг на севере все-таки холоднее.

Он не мог разглядеть ее лица, но она ловко поймала перчатки.

— Доброго пути, Висиния! — прокричал он вслед, но не был уверен, слышала ли она его.

Стен взглянул на небо. Облака надвигались темной пеленой. Он проклинал себя за то, что ему не хватило духу упасть перед ней на колени и признаться в своих чувствах. И теперь она в руках Цорпада. Месяцы после их расставания обернулись мучением для него, он наконец понял, что должен поговорить с ней, освободить ее, если это вообще возможно.

Вместе с Натиоле он отправился в Теремию, напрямик в логово льва. Там он встретился с другими влахаками-мятежниками. Они разработали план, как пробраться в крепость Цорпада, однако, прежде чем они смогли осуществить задуманное, их сходка была обнаружена солдатами. Большинству удалось сбежать, но Стен остался сражаться. Он дрался как взбесившийся кот, но в конце концов у него не осталось ничего другого, кроме как признать превосходство противника. В крепость он попал, но только в качестве пленника, приговоренного к смерти. «Н-да, Цорпад, я снова здесь, вернулся из ада, в который ты купил мне билет, — подумал Стен, зло улыбаясь. — Я здесь, чтобы уничтожить тебя! Я привел с собой демонов!»

Когда солнце почти скрылось за горизонтом, тролли зашевелились. Несмотря на то что Стен ничего плохого против них не предпринимал, Пард злобно зыркал на него. Остальные казались выспавшимися и довольными, и после небольшой трапезы компания продолжила путь. Друан вернулся к расспросам.

— Расскажи о своих врагах, Стен.

— Что ты хочешь знать?

— Откуда они пришли?

— Я не знаю точно. Однажды они явились двумя колоннами, преодолев оба восточных перевала Соркат. Целое войско вместе со слугами, проклятыми сцарками, которые оказались искусными стрелками из лука и наездниками. Даже летом преодолеть перевалы — это совсем не шутка, хотя в это время они открыты и не такие коварные, как в остальные времена года. Масриды вторглись в восточные теры, и их тяжелая кавалерия скоро показала себя, они были непобедимы. Наш король в Теремии призвал всех дворян и их солдат. Каждый, кто мог держать оружие, последовал за королем, — Стен пересказывал историю, которую так часто слышал в своей юности.

— Они просто перешли через горы? — удивленно переспросил Друан.

— Да, просто перешли. Как я уже говорил, точно не знаю, откуда они явились. Их войско продвигалось вдоль Маги все глубже на запад, опустошая все вокруг. На полях восточнее Теремии, которые сегодня называются *Полями костей*, король Тиреа I выступил против масридов. Сражение длилось целый день. Влахаки защищали брод через Иамес. Масриды использовали свою знаменитую тяжелую кавалерию. В конце концов они прорвали нашу оборону на левом фланге, и король со своей личной охраной бросился прикрыть брешь.

Тут Стен замолчал на мгновение, представляя себе битву, которая произошла задолго до его рождения и изменила жизнь стольких людей. У него перед глазами стояла легендарная картина, как Тиреа противостоит целой лавине масридов. Но Друан вывел его из этого состояния.

— А что произошло потом?

— Тиреа был убит. Согласно легенде самым предводителем масридов — Аркасом Диммину, потомком которого является Цорпад. Наш король утонул в водах Иамеса, и его страна погибла вместе с ним. Масриды обратили нас в бегство. Когда упало знамя короля, моральный дух воинов был разбит. Теремия капитулировала без борьбы и была сожжена почти дотла. Пережившие битву бежали на юго-запад и засели в высокогорье, — продолжал Стен.

— И теперь Цорпад ваш король? — продолжал пытать Друан.

— Нет. Вскоре, после того как Аркас провозгласил себя королем Ардолии — так они назвали нашу страну, его отравили. Трое его сыновей, один из которых был дедом Цорпада, стали спорить за наследство, и между масридами завязалась междоусобица. Мы тогда были слишком слабы, чтобы использовать благоприятную ситуацию. Но масриды не смогли объединиться, никто из сыновей не был достаточно силен, чтобы в одиночку отстоять свое притязание на корону. Так что короля в этой стране нет и по сей день. Сейчас Цорпад самый сильный из правителей. Есть два других дома, которые вместе с домом Диммину властвуют над большей частью страны, но Цорпад умудрился отхватить себе больше власти, чем другие двое, вместе взятые. Вместе они противостоят ему, но если Цорпаду удастся рассорить их, то он, как пить дать, станет королем, — Друан молча кивнул, а Стен продолжил: — Еще между Цорпадом и короной стоим мы. Пока существует опасность мятежа, он не может позволить себе разжечь новую междоусобицу. И наступит такой день, когда он сдохнет от своей собственной жадности!

— А если Цорпад победит, то он убьет вас всех?

— Скорее всего, нет. Только меня и некоторых других. Но мы же его особые «друзья». А почему ты спрашиваешь?

— Нас гномы убьют всех, всех до единого, если победят, — объяснил Друан.

— Тогда вы должны помешать этому, правда? — подмигнув, спросил Стен.

— А вы — чтобы этот Цорпад стал королем, — ответил тролль.

— Мне, по крайней мере, не придется увидеть это, хотя, думаю, подонок обязательно продлит мне немного жизнь — до своей коронации, — сострил Стен.

Прежде чем Друан смог ответить, он вдруг поднял голову и принялся.

— Да, люди, — вмешался Рох. — Не очень далеко. Много.

Потрясенный, Стен посмотрел на Друана, который кивнул.

— Запах большого количества людей в одном месте. Ветер поменял направление, и теперь их вонь несет к нам.

Только Стен хотел отпустить язвительное замечание по поводу запаха самих троллей, как Друан сказал:

— Я и Стен пойдем глянем. А вы лучше укройтесь где-нибудь неподалеку. Будьте осторожны.

Мгновенно поднялся шум. Остальные тролли горячо возражали. Особенно сопротивлялся Пард.

— Это глупо, Друан! Либо мы идем все, либо никто!

— Нет. Опасность слишком велика. Глупо рисковать всеми и сразу, — спокойно возразил Друан.

— Зачем тогда ты хочешь пойти, если опасность велика? — горячился Пард.

— Потому что я хочу посмотреть на людей. Я хочу увидеть их дома, хочу понюхать их и понять.

— А мы должны торчать здесь, как грибы в лесу?

— Мы ненадолго, — ответил Друан.

— Мы обязательно вернемся до рассвета, — добавил Стен.

— А ты заткнись, человек! — закричал Пард на юного влахака. — Когда разговаривают тролли!

— Пард, я иду к людям, — сухо констатировал Друан.

— Тогда я с тобой! Ты не пойдешь один, — возразил Пард, и остальные закивали.

Друан вздохнул.

— Нет. Стен говорит, что это небезопасно. Я пойду с ним один, тогда вы сможете продолжить поиски, если что-то пойдет не так.

— Да он просто хочет убить тебя сзади! — почти в отчаянии проревел Пард.

— Он мог сделать это сегодня днем, если бы действительно хотел, — вразумлял его Друан.

Стен удивился сначала, почему Пард так завелся, но затем его осенило: огромный Пард боялся! Без Друана их положение значительно ухудшалось, так как он казался единственным, кто хоть немного освоился на поверхности, понял ее жителей. Наверное, без него тролли чувствовали себя еще более потерянными и одинокими.

Пард гневно фыркнул, затем холодно взглянул на Друана.

— Хорошо, иди. Но это плохая идея. Об этом ты еще пожалеешь.

— Я найду вас здесь? — невозмутимо спросил Друан. Тролли закивали и стали устраиваться поудобнее. Друан молча двинулся вперед, по направлению к деревне, которую унюхал на таком расстоянии.

Однако уже скоро человек взял на себя роль руководителя. Они старались выйти как можно ближе к деревне, оставаясь при этом под защитой деревьев. С трех сторон поселение было окружено полями. На западе спокойно текла Рейба, которая обычно вращала жернова большой мельницы, однако в настоящий момент мельница не работала. Троль и человек решили подобраться к деревне с юга, там лес подходил к строениям совсем близко. Пришлось сделать большой крюк, так как первоначально они вышли с севера. В конце концов путники очутились у края леса, всего в пятидесяти шагах от деревни, и Друан рассматривал округлившимися глазами скопление маленьких, сгорбленных домиков, которые, наверное, казались ему очень большими. Стен же совсем не был впечатлен, более того, он пытался уговорить тролля отправиться в обратный путь как можно скорее.

Неожиданно раздался собачий лай, показалась небольшая группа всадников, возможно пятеро или шестеро. Они скакали галопом в сторону Орволя. Факел освещал путь, но все равно опасно было так стремительно скакать в темноте. Для Стена было ясно, что только одни люди могут мчаться открыто. «Масриды», — мрачно подумал он.

15

Крепость Ремис возвышалась над городом и, несмотря на свое массивное основание, казалось, стремилась достать до облаков. Много лет назад бесчисленное множество рабочих насыпали этот холм, на котором затем была возведена крепость. Мощные стены цитадели окружали холм, образуя вытянутый овал, над стенами вздымались лишь башни. Детинец, самое высокое сооружение, придавал крепости устрашающий вид. Башни цитадели, в которых могли укрываться гарнизоны защитников во время осады, казались по сравнению с ним крохотными, хотя они поднимались над стеной на пару добрых дюжин шагов.

Темный камень придавал крепости мрачный и грозный вид даже в солнечные и ясные дни, такой как этот. Знамена на башнях ворот трепетали так же, как и длинные рыжие волосы Висинии, ее темная накидка также развевалась на северном ветру, который нес холод с гор. Несмотря на толстый бархат одежды молодая женщина мерзла, но изо всех сил пыталась не показывать этого окружающим и молча разглядывала раскинувшийся внизу город.

К подножью насыпного холма шел канал, по которому строители крепости отвели воды Рейбы ко рву вокруг цитадели. Со стороны города, стена которого поднималась к холму и соединялась со стеной цитадели, рва не было. С течением времени город разросся почти до самого подножья холма, а когда воздвигались оборонительные сооружения, строители использовали цитадель, включив ее в систему защиты города. Масриды, вторгшиеся в эту

страну, не были хорошими архитекторами, но они быстро освоились в городах и крепостях Влахкиса и заставили работать на себя местных архитекторов и каменотесов. Обычные для влахаков округлые сооружения теперь уступили место угловатым строениям масридов, а на шпилях и крышах развевались знамена этого народа наездников и демонстрировали их господство.

Из двора цитадели до Висинии доносился шум. Девушка наблюдала за тем, как нескольких молодых людей обучали военному ремеслу. Юноши, наверное, ужасно потели в своих тяжелых доспехах, так как их учитель беспрестанно подгонял их, а затем ходил меж рядов и критиковал за ошибки. Кроме некоторых обрывков фраз, Висинии больше ничего не удалось расслышать, но она столь часто наблюдала за подобными учениями, что и без того знала: Аврам, оружейник «гостеприимного» хозяина, обычно осыпал своих учеников саркастическими замечаниями и страшными ругательствами. Язык старого рубаки был таким же острым, как и его клинок, которым он частенько пользовался, если ученики плохо понимали его приказы.

Старый ветеран бесчисленных битв и стычек был рядом с хозяином и во время осенней битвы. Именно тогда рубака потерял левый глаз от удара секирой. Ненависть Аврама к врагам уже стала легендарной, он не упускал ни одного случая, чтобы не продемонстрировать презрение к влахакам, которые были вынуждены находиться здесь. Если бы не статус заложников Цорпада, они уже давно стали бы жертвами оружейника или его единомышленников, хотя жертв здесь и так было слишком много. «Сколько еще, Цорпад? Сколько ты еще будешь держать меня здесь?» — подумала Висиния, но тут ход ее мыслей был неожиданно прерван.

— Прекрасный день, не правда ли?

Расстроенная, Висиния оглянулась и увидела Скилои Касцон, которая незаметно приблизилась к ней. Скилои, которую считали правой рукой Цорпада, несмотря на то что она не занимала никакой официальной должности, имела неприятную особенность всегда появляться там, где этого не желали. Так произошло и сейчас. Сначала Висиния решила проигнорировать замечание, но затем передумала.

— Чистый и прохладный, госпожа Скилои, — ответила она, подчеркивая слово «госпожа», обязательное при обращении к даме.

Черноволосая сцарка не обладала никаким титулом, но она постоянно услаждала своими речами уши хозяина, а уж его слово было законом, поэтому не стоило настраивать ее против себя.

— Вы наслаждаетесь видом? — выпытывала эта невысокая худая женщина.

Висиния взглянула на нее сверху вниз, рассматривая тонкие черты лица. Несмотря на то что на губах сцарки играла приветливая улыбка, глаза оставались холодными и жестокими.

— Я наслаждаюсь ветром и солнцем, — ответила рыжеволосая и отвернулась, демонстрируя, что разговор окончен, но Скилои не унималась.

— Вы часто бываете на крепостной стене. Я понимаю...

Висиния в замешательстве обернулась к Скилои. Действительно, рыжеволосая проводила много часов на крепостной стене: давящая теснота крепости гнала ее на свежий воздух. Кроме того, в цитадели влахаки неизбежно сталкивались с масридами — с господами. Зато на стенах было совсем мало патрулей, ведь опасность нападения была смехотворно мала, поэтому Висиния могла побыть одна.

К тому же со стены открывался чудесный вид на Теремию и могучую Маги. Река, пересекающая весь Влахкис, в этом месте даже летом была шириной во много дюжин шагов, весной же, когда таял снег, она разливалась вдвое. У подножия холма, в некотором отдалении, текла Рейба, которая пересекала город и, подобно большинству рек страны, впадала в Маги.

Когда-то Теремия представляла собой две деревни, стоящие по обеим берегам Рейбы, но уже давно они слились в единое поселение, и сейчас над рекой висело семь широких

мостов, демонстрирующих единство двух частей города; мосты носили имена своих создателей и были настоящими шедеврами архитектуры.

Здесь, на крепостной стене, вдали от всего мира, Висиния чувствовала себя свободной хотя бы на короткое, но такое ценное время. Как только она спускалась внутрь крепости, то снова становилась пленницей, заложницей при дворе своего врага.

Но Висинию интересовало другое: действительно ли Скилои понимает и сочувствует? Рыжеволосая пристально всмотрелась в худощавые черты, но через миг обозвала себя глупой и легковерной. Скилои — доверенное лицо Цорпада, она понимала Висинию столь же мало, как и сама рыжеволосая понимала хитрую сцарку, которая просто искала слабые места в обороне Висинии, чтобы отравлять ее душу ложью. Никогда влахака не сможет доверять Скилои и никогда не откроет сердца этой гадюке, как бы остро ни нуждалась пленница в собеседнике, с которым можно поделиться своими мыслями.

Заложникам было запрещено общаться друг с другом, они встречались только на официальных мероприятиях под бдительными взглядами охранников. Иногда им удавалось обменяться сообщениями, но из боязни, что послания обнаружат враги, письма в основном были короткими и обезличенными. Висиния могла рассчитывать лишь на себя. Рыжеволосая привыкла во всем советоваться с сестрой, одиночество стало для нее болезненным опытом. Кажется, это поняла тощая сцарка и, очевидно, хотела этим воспользоваться. Висиния, поняв намерения Скилои, рассердилась.

— Вы понимаете меня? А-а-а! Вероятно, сегодня у вас задание быть понимающей... — отреагировала влахака.

Лицо Скилои омрачилось, но затем вновь быстро приняло отсутствующее выражение, и черноволосая поспешила откланяться.

— Простите, если я была слишком навязчивой. Я хотела лишь завязать беседу, чтобы отвлечь вас от адского шума, который устроил Аврам внизу.

После этих слов волей-неволей пришлось извиняться Висинии.

— О, этот шум испортил мне настроение. Надеюсь, вы простите мне мои резкие слова?

После того как обе женщины обменялись формальными и абсолютно неискренними извинениями, Скилои сообщила о причине, приведшей ее на крепостную стену.

— Мой господин желает насладиться вашим обществом. Он будет заседать в суде.

— В суде? — удивилась Висиния. — А вам известно, зачем ему понадобилось мое присутствие?

— Присутствие всех его гостей, дорогая Висиния сал Сарес. Всех, без исключения. Вы можете не торопиться, времени для приготовлений достаточно. А сейчас прошу извинить, но я должна передать послание другим... гостям, — заявила сцарка с поклоном, развернулась и двинулась прочь.

Нахмурившись, Висиния смотрела ей вслед, пока та спускалась по деревянной лестнице во двор цитадели. Быстрым движением Скилои пригладила свои короткие волосы и кивнула Авраму, после чего скользнула в узкую боковую дверь в восточном крыле основного здания, где располагались комнаты заложников. Висиния еще несколько мгновений наслаждалась прохладным ветром, а затем последовала за сцаркой.

Охранник в кожаных доспехах и с мечом стоял в сумраке коридора, который вел в комнаты влахаки. Он быстро кивнул молодой женщине, когда та проходила мимо. Вскоре Висиния открыла дверь отведенной ей темной горницы с камином.

К рыжеволосой поспешила Мирела, которая одновременно была и служанкой и охранницей. Висиния не сомневалась, что сцарка шпионит для Цорпада и сделает все, что тот потребует.

Висиния сняла одежду, скользнула в приготовленное платье из тяжелой зеленой ткани, соответствующее случаю, и замерла, ожидая, пока служанка зашнурует ее.

Цорпад неплохо обращался с Висинией, по крайней мере лучше, чем с другими заложниками, это было очевидно. Влахаке не нужно было делить комнату ни с кем, кроме Мирелы, и она часто могла совершать длительные прогулки на свежем воздухе. Естественно,

такие условия предоставлялись в обмен на то, что сестра не нарушает условий мира.

Но Висиния тосковала по свободе. Особенно сейчас, осенью, когда ветер становился все холоднее, а помещения старой цитадели никогда по-настоящему не прогревались. Она так скучала по Мардеву и Дезе. К тому же она слишком хорошо осознавала тот факт, что милости Цорпада могут закончиться в любое время. Как только марчег найдет способ одолеть ее сестру, он не будет медлить ни мгновения, чтобы отдать приказ об уничтожении заложников. «Нет, скорее всего, он даже не будет отдавать приказ, а убьет нас своими руками», — мрачно подумала влахака.

Тем важнее было выяснить, что замышлял Цорпад. А в том, что затевалась новая война, Висиния была уверена. В течение прошедших недель ей почти не разрешали покидать комнаты, а охранники следили зорче, чем обычно, чтобы заложница ни с кем не общалась. «Нет дыма без огня, — подумала она. — Мне нужно обязательно выяснить, что все это значит». Возможно, на кону была не только ее жизнь, но и жизнь ее родных и друзей.

Пока Мирела расчесывала длинные волосы Висинии и заплетала их в толстую косу, рыжеволосая думала, как бы ей хоть на время ускользнуть от ищеек и вывести тайны Цорпада.

Но пока не оставалось ничего другого, кроме как ждать, пока за ней пришлют. Висиния услышала во дворе топот лошадиных копыт и грохот повозки, однако узкое окно маленькой комнаты выходило на такой же маленький дворик, и она не могла выяснить, кто же приехал в крепость.

Ее взгляд упал на пару изношенных кожаных перчаток, лежавших в открытом сундуке с одеждой, — напоминание о Стене сал Дабране, с которым она почти год назад рассталась на крепостной стене в Дезе. С тех пор она довольно часто задавалась вопросом, как ему живется.

Она познакомилась со Стеном, когда он со своей сестрой-близнецом прибыл в Мардев, худой мальчик с темными глазами, спасающийся бегством от человека, который убил его родителей и лишил земли.

Тогда она была еще наполовину ребенком, которого Ионна по возможности пыталась оградить от ужасов войны. А застенчивый мальчик с севера часто приносил ей маленькие подарки — цветы, причудливой формы камни, вырезанных из дерева птичек.

Когда Стен подрос, он вернулся в Дабран, чтобы бороться против циро Хази, лишившего парня всего. Висиния видела, как со временем его лицо стало более суровым, а взгляд тревожным, доверие Ионны к молодому человеку росло с каждым разом, когда он возвращался с севера.

Натиоле Таргузи часто очень красочно описывал их деяния. Нати любил драматические преувеличения, поэтому Стен в его рассказах разбивал не только множество масридских голов, но и столько же сердец юных дев.

Висиния по мере своих возможностей тоже участвовала в борьбе, которую вела ее сестра. Часто там, где Ионна ничего не могла поделать с помощью меча, спокойные слова и доводы Висинии давали желаемый результат.

Когда рыжеволосой сестре почти исполнилось двадцать лет, Ионна однажды пришла к ней и спросила, хочет ли она выйти замуж за одного из молодых дворян, которые явно ухаживали за ней, но Висиния только рассмеялась.

— У меня так же мало желания выходить замуж, как и у тебя.

А затем состоялась осенняя битва, которую они выиграли, но проиграли войну. Рыжеволосая очень хорошо помнила тот миг, когда увидела Натиоле, который внес в зал крепости Стена без сознания. Тогда в ней будто что-то надломилось. Картареу, целитель, лишь с сожалением покачал головой.

— Я не думаю, что этот выживет.

Но Висиния не сдалась. С таким же упорством, с каким ее сестра сражалась, девушка заботилась о Стене, меняла повязки, вливала в него каждые два часа настой целителя, меняла компрессы, снимающие жар. И ее старания были вознаграждены. В конце концов целителю

пришлось признать, что он ошибся.

Пока Стен потихоньку выздоравливал, Висиния поняла, что этот юноша не только борец, не только безземельный мятежник, на которого надеялись его люди...

Стук в дверь прервал ее мысли, и она вышла в коридор, где ее ждал солдат в доспехах. Даже не взглянув на него, она с высоко поднятой головой двинулась по коридору, который вел из крыла, где помещались пленники, в главное здание.

В тех частях крепости Ремис, где жили масриды, еще предки Цорпада закрыли древние фрески влахаков гобеленами, на которых были изображены деяния из истории захватчиков. Однако здесь, в редко используемом восточном крыле, в котором раньше жила прислуга из простонародья, никто не стал морочиться. Новые хозяева пренебрежительно относились к наследию влахаков, изображения потрескались, краски поблекли, здесь и там можно было заметить вывалившуюся штукатурку фресок, прорехи в мозаике, но искусство мастеров, создавших эти картины на стенах и потолках, все еще поражало воображение.

Висиния шла рядом с охранником, сопровождаемая взглядами древних влахацких королей и героев. По правую руку Раду Святой бился с Духом темноты, спасая от этого демона Белого медведя. На следующей фреске Раду, в соответствии с легендой, был изображен с головой поверженного духа перед предводителями кланов, распри и войны которых истощали землю. После благословения Белого медведя Раду потребовал от собравшихся объединить кланы влахаков, он швырнул в центр окровавленную голову побежденного демона, и никто не осмелился противоречить герою, который создал Влахкис и стал первым кралем — первым королем.

На следующей фреске, изображавшей Раду на троне из дуба, кто-то соскреб изображение головы героя и на ее месте грубо намалевал голову свиньи. Осквернение отзывалось болью в сердце Висинии каждый раз, когда она проходила мимо. Однако деяния легендарного первого короля никогда не забудутся, и неважно, как ведут себя масриды-поработители.

Слева стена представляла длинный ряд портретов королей Влахкиса; их изображения также были изуродованы и обесчещены тем или иным способом. «Они убивают нас, наши тела, но хуже всего то, что они убивают наши души и лишают нас истории», — сердито подумала молодая женщина. В песнях и сказаниях Раду будет жив всегда, но все те короли, деяния которых были не столь легендарны и почитаемы, будут постепенно преданы забвению.

Именно этого масриды и добивались, это было их целью. Орден Альбус Сунас уничтожал старые культы, искоренял старые верования, безжалостно преследовал влахацких прорицателей и святых, травил их и сжигал. Захватчики запрещали петь народные песни и пересказывать сказания и легенды. Тех, кто почитал свое наследие и дорожил им, ожидала смерть. Множество влахаков из-за этого публично казнили.

Священники Альбус Сунаса непрестанно талдычили о своем боге, о великой истории и деяниях масридов и их помощников сцарков.

С горечью Висиния вспоминала день прибытия в Теремию. Ей была неприятна сама мысль покинуть Дезу, и она боялась неопределенности положения заложника в руках Цорпада, но, тем не менее, ее переполняло предвкушение увидеть Теремию, древнюю столицу своего народа. И конечно, Ремис, резиденцию королей рода Раду.

В тот день, когда она въезжала в город, зима ледяным дыханием выстудила небо и землю, сковала льдом реки.

Заснеженный город показался Висинии таким мирным... Дым растопленных каминов, люди, снующие на фоне ослепительной белизны снега маленькими разноцветными точками. Влахака была буквально заморожена видом города, старалась рассмотреть и запомнить как можно больше, пока они на санях приближались к северным воротам цитадели, где она была грубо возвращена в суровую реальность: над воротами, прямо возле темно-красного знамени с гербом Цорпада — черным орлом с золотым диском солнца, на копьях были выставлены просмоленные головы пятерых мужчин и женщин. Позже ей стало известно, что эти люди

просто пели в одном из постоянных дворов Теремии старую влахакскую песню о королеве Леане, которая, чтобы спасти своего любимого из плена у эльфов, отправилась в темный лес и преодолела тысячи опасностей. «В Ардолии легенды влахаков приносят смерть», — подумала тогда Висиния сал Сарес.

С тех пор она больше никогда не забывала о том, что находится не во Влахкисе, а в Ардолии, на территории, подвластной Цорпаду Диммину, потомку убийцы их короля.

Не обращая внимания на охранника, она толкнула двустворчатую дверь, которая отделяла восточное крыло от главного здания, и вошла. Солдат старался не отставать от девушки.

Они вступили в вестибюль с гобеленами, изображающими сцены из истории масридов. Прямо напротив главного входа на огромном гобелене можно было видеть, как от удара Аркаса Диммину падал в волны Иамеса король Тиреа. Картина изображала победу масридов над объединенной армией влахаков.

Два стражника в доспехах молча пропустили Висинию. Она не удостоила их и взглядом, свернула направо, в небольшой коридор, ведущий в зал.

Перед входом замерли еще два охранника, которые преградили ей дорогу. Один из них немного приоткрыл дверь и перебросился парой слов с Байца, дворецким Цорпада. Сановник был при полном параде: черные штаны, темно-красная рубаха, сверху парчовый камзол в геральдических цветах Цорпада, отделанный золотым шитьем. С безупречной вежливостью седовласый мужчина склонился перед Висинией.

— Приветствую вас, госпожа Висиния сал Сарес. Вас ждут. Окажите мне честь доложить о вас.

Висиния благосклонно кивнула, хотя оба знали, что сказанное дворецким и гроша ломаного не стоило, а истинного уважения и преклонения в его словах было меньше, чем шерстинок на коже лягушки. Будучи заложницей, Висиния делала то, что ей велели. Однако такие масриды, как Байца, сохраняли видимость этикета, что, конечно, мгновенно прекратится, как только Цорпаду это надоест.

Элегантно повернувшись, дворецкий вошел в большой зал и сообщил о прибывшей:

— Висиния, принцесса Сарес, воевода Оласа, воевода объединенных воеводств Альбиу и Иасу, властительница Арадеи и боярыня Корсута!

Когда Висиния, после того как был назван ее полный титул, с поднятой головой вошла в зал, большинство разговоров смолкли, многие взгляды устремились к ней.

Своды тронного зала, поддерживаемые двумя рядами богато украшенных колонн, возвышались почти на двадцать шагов, помещение было поистине огромным. Между колоннами толпились придворные вельможи и высокопоставленные чиновники города, у стен выстроились в ряд стражники, облаченные в полные доспехи. Но Висиния видела лишь того, кто сидел на дубовом троне.

Цорпад Диммину, потомок Аркаса и властитель Ардолии, облаченный в цвета своего дома, занимал древнее династическое кресло влахакских владык. Его одеяния были изготовлены из самых изысканных тканей лучшими портными страны. Однако вовсе не роскошные одежды и не корона, венчавшая голову правителя, показывали, что этот человек является полновластным, единоличным хозяином. Цорпад буквально излучал власть. Его осанка, лицо просто кричали: «Я — король!» Его взгляд заставлял людей сгибать колени, аура беспощадной жестокости окутывала его словно плащ. Несмотря на то, что Висиния имела статус заложницы, ее место, в соответствии с титулом, находилось рядом с тронном. Поэтому она пересекла зал, изо всех сил сохраняя спокойствие. Но она скорее даст отрезать себе пальцы, чем выкажет перед масридами свои настоящие чувства. Она приближалась к трону и, не отрываясь, смотрела в лицо Цорпаду, который улыбался в ответ.

Его светло-голубые глаза пристально смотрели на молодую женщину, следили за каждым ее движением, подобно тому, как хищник следит за своей добычей. При других обстоятельствах Висиния сказала бы даже, что масрид выглядит очень неплохо, но от холода его глаз девушку знобило. Однако она не отвела глаза и выдержала его взгляд, отчего

Цорпад улыбнулся еще шире.

Лишь когда Висиния замерла на положенном этикетом месте, она наконец отвела взгляд от Цорпада и огляделась. Позади трона, почти полностью скрытая от всех, стояла Скилои, но в этом не было ничего необычного. Другие влахакские заложники собрались в другой части зала, окруженные солдатами, которые пресекали малейшие попытки разговоров между ними.

Висиния внимательно осмотрела собравшихся и с удивлением констатировала, что присутствуют почти все вельможи и высокопоставленные лица, которых она знала, а также военачальники армии Цорпада и зажиточные горожане Теремии. Она бросила удивленный взгляд на Цорпада, который как раз в этот момент подозвал к себе дворецкого и шепотом переговаривался с ним. Висиния стала изучать солдат, светлые волосы которых, у некоторых посеребренные сединой, были коротко острижены в соответствии модой масридов, лишь на затылке оставался один локон. Дорогие одежды скрывали сильные мускулистые тела. Было известно, что Цорпад — могучий воин; в легендарной осенней битве он сам вел свои отряды в бой и собрал кровавую жатву в рядах противника.

Рассказывали, что он периодически ездит в лес охотиться на существ, которых боятся простые люди — зраикас и других монстров. Влахаки называли Цорпада черным князем. О владельце Теремии ходило множество легенд, и Висиния не могла утверждать уверенно, что было правдой, а что вымыслом.

Раздался призыв дворецкого к тишине, и суд начался. Когда в зале воцарилась полная тишина, Цорпад возвысил голос:

— Мой народ, любимые подданные, уважаемые гости, — начал он, бросив взгляд на Висинию, что развеселило присутствующих, и по залу прошелестел смехок, который быстро стих, когда Цорпад продолжил ледяным тоном. — Я позвал всех, чтобы вы стали свидетелями моей справедливости, которая сегодня воссияет здесь. Введите его!

Высокие двустворчатые двери немедленно распахнулись, и двое солдат буквально вволокли в зал мужчину, который бессильно висел на их руках. Когда до подножия трона оставалось несколько шагов, они отступили от пленника, и тот рухнул на пол. На каждом суде Цорпада сердце Висинии замирало, ожидая, что подсудимым окажется Стен, который попал в когти масридов. Но сегодня масридскую справедливость получит влахак, которого рыжеволосая не знала.

— Тудас из Теремии. Он и его сообщники планировали заговор против короны. Несколько дней назад мятеж был раскрыт. Большинство преступников нашли быстрый и справедливый конец, а Тудаса схватили мои верные подданные. А теперь я хочу объявить приговор, — гремел густой низкий голос Цорпада.

По залу пробежало оживление. В ожидании приговора присутствующие подались вперед, а некоторые даже попытались поближе придвинуться к трону, не нарушая при этом иерархии.

«Стервятники!» — с отвращением подумала Висиния и взглянула на мятежника, который был почти без сознания. Его судьба была уже решена, девушка знала, что пощады ему не будет.

— На рыночной площади Теремии его привяжут к хвостам четырех лошадей, и он будет четвертован, — продолжил Цорпад. — Его голова будет выставлена на всеобщее обозрение над городскими воротами, чтобы напоминать жителям о верности короне. Другие части его тела будут возить по городам и селам империи, чтобы остальные подданные, живущие далеко от Теремии, не забывали о том, что лишь моя милость и благосклонность защищает их жизни. Такова моя воля и...

Неожиданно он умолк. Пока все глаза были устремлены на Цорпада, Тудас, который внезапно пришел в себя, ударил стражника слева под колени, отчего тот взвизгнул и зашатался. Прежде чем второй стражник отреагировал, молодой человек выхватил невесть откуда взявшийся кинжал и вонзил короткий клинок солдату в горло. Хрипя и захлебываясь кровью, тот повалился на пол, в то время как Тудас метнулся к трону.

Присутствующие начали кричать, охрана бросилась вперед, но толпа расфуфыренных вельмож мешала быстро добраться до повелителя. Краем глаза Висиния заметила Скилои, которая вытащила короткий меч и приготовилась защищать своего господина. С диким криком мятежник ринулся на Цорпада, который поднялся с трона. «Умри», — взмолилась Висиния, не думая о последствиях для себя. Однако Цорпад хладнокровно перехватил летящий в него кинжал правой рукой в перчатке и кулаком левой ударил противника в предплечье. С криком Тудас выронил кинжал, а Цорпад вцепился в горло молодого мужчины. Железные пальцы масрида заставили влахака, задышавшись, упасть на колени. Скилои замерла рядом с повелителем, но не нападала, а только глядела, гнусно ухмыляясь, то на Тудаса, то на Висинию, которая находилась всего в нескольких шагах от трона. Когда сцарка увидела порыв Висинии приблизиться, то почти незаметно покачала головой и слегка приподняла меч. Влахака в отчаянии смотрела мимо нее на Цорпада и мятежника.

— Хочешь убить меня? Ты, бесполезный кусок мяса? — ледяной голос Цорпада разносился по залу, в то время как Тудас пытался вдохнуть воздух и в отчаянии колотил по рукам своего учителя.

— Должен ли я тебя убить здесь и сейчас? — Цорпад, казалось, немного ослабил хватку.

Из сдавленной глотки мятежника вырвались нечленораздельные звуки. С выражением отвращения масрид отбросил противника, тот скатился вниз по каменным ступеням и замер, с трудом переводя дыхание.

— Уберите отсюда эту падаль и исполните приговор! — приказал Цорпад солдатам. — И прихватите этих двоих. Отведите в темницу, я потом решу, что с ними делать.

Взглянув на стражника, который лежал в луже собственной крови с судорожно подрагивающими ногами и руками, он добавил:

— Если это «потом» будет.

Затем он недовольно глянул на кровоточащую рану на своем правом предплечье и левой рукой прижал к ней край мантии. Лишь после этого он вновь удостоил внимания собравшихся, которые застыли в гробовой тишине, словно оглушенные происходящим.

— Мое объявление было прервано. Жаль. Но в любом случае так будет с каждым, кто замышляет против меня. Есть еще одна радостная новость: негодяй, разбойник, убийца и насильник Стен сал Дабран, которого мы так долго разыскивали, был недавно пойман и несколько дней назад отвезен в лес. В клетке. За это время его тело уже точно стало кормом для воронья.

Висиния в ужасе слушала эти слова, хотя сознание отказывалось их понимать. Неожиданно весь мир отдалился от нее, вся кровь отлила от сердца. Голова закружилась, в ушах зашумело так, что она уже не слышала возбужденный шепот в зале.

Единственное, что она еще была в силах понять, — это последние слова Цорпада, которые он произнес перед тем, как покинуть зал.

— Приведите даму Висинию ко мне, как только мне обработают эту царапину.

16

Огромный королевский зал сиял в свете бесчисленного множества ламп, пламя которых нагревало воздух, отчего Хродгард даже начал потеть. Слуги зажгли тысячи металлических масляных ламп, отблески которых играли на отполированных до блеска доспехах и оружии искусной работы, уходом за которыми у гномов постоянно занимались специальные слуги. Причем доспехов, которые были выставлены здесь, в королевском зале Ледмагхерс, вполне достаточно, чтобы вооружить целое войско. «И какое войско!» — благоговейно подумал Хродгард.

По левую сторону от него висели щиты и топоры пятерых братьев, которые защищали вход в Кровавый зал от атакующих орд остроухих в течение двенадцати дней и двенадцати ночей.

Справа стояли доспехи Бодварра, сына Бальдора, которого скальды до сих пор называли *Убийцей эльфов*. Считается, что на его молоте, пропавшем при битве у Тешвейга, к моменту смерти героя было уже девятьсот двенадцать насечек, каждая означала убитого эльфа. Остальные предметы также символизировали славное военное прошлое гномов; каждый доспех, каждый клинок являлся знаком их силы и триумфа, каждый представлял собой изделие безупречной красоты и наивысшего качества их искусства. Даже самые древние реликвии его народа выглядели так, словно их вынули из горнов всего несколько часов назад, дабы сеять смерть и разрушение врагам гномов.

С самого младенчества Хродгарду рассказывали о деяниях предков, и сейчас он знал истории и легенды о каждой секире или молоте, о каждом нагруднике или шлеме, выставленном в зале Ледмагхерс. Словно во сне, он медленно шагал между этими молчаливыми свидетельствами великих свершений его народа, приближаясь к огромному позолоченному гранитному трону, на котором восседал Король под горой. Как и Хродгард, сын Хальдигиса, потомок древнейшего рода полководцев и военачальников, Гунвольф Справедливый завершал длинную череду предков, сидевших в этом зале испокон веков и решавших судьбы гномов из гор Теш, которые люди называли Соркатами. С поникшей головой верховный полководец приблизился к своему господину и опустился на колени у подножия трона, который был в два раза выше, чем гном.

Когда-то давно трон был вытесан из огромного гранитного монолита, а затем, когда богатство и могущество гномов возросли, гранит покрыли слоем чистого золота. Рельефы на спинке и подлокотниках изображали исход гномов и их вступление в пещеры в горах Теш. Трон был отполирован до блеска, изображения на нем свидетельствовали о высоком мастерстве, как и богатые доспехи короля, по темному металлу которых змеились серебряные руны, поблескивающие в свете ламп.

— Поднимись, Хродгард, сын Хальдигиса, — промолвил король, в длинную темную бороду которого было вплетено множество серебряных нитей, и полководец исполнил приказ. — Твой поход против чумы в нижних штольнях увенчался большим успехом, как мне доложили. Я доволен тобой, полководец.

— Благодарю, мой король, — смиренно ответил Хродгард. — К сожалению, победа была неполной. Части троллей удалось скрыться и бежать в глубины земли.

— Прискорбно, но ничего не поделаешь. Мои советники и посланники... — сказал король, махнув рукой в сторону челнов совета, которые сгрудились у трона, — уверяют, что люди выполняют свою часть договоренности. По словам князя Цорпада, уже довольно скоро их старания принесут плоды, и тогда оставшиеся тролли будут уничтожены в их убежищах.

— Можем ли мы доверять людям, мой король? Вероятно, до вашего сведения уже довели, что в наши пещеры вторгся чужак, — гневно заявил полководец. — Человек!

— Да, мне сообщили об этом. Но я также слышал, что ты принял все меры, чтобы укрепить защиту туннелей.

— Я отозвал воинов, чтобы мы были готовы к нападению. Нижние уровни запечатаны, чтобы тролли не могли в них пробраться. Пещеры безопасны, — подтвердил Хродгард.

— Я доверяю тебе, полководец. Тебе лучше знать, как защитить наши владения. Даю тебе здесь полную свободу действий. Не разочаруй меня!

— О нет, мой король, — заверил полководец, опустив голову, и затем добавил: — Если люди действительно уничтожат троллей также и в глубинах земли, то мы сможем сконцентрироваться на других врагах.

Король под горой согласно кивнул, затем перевел взгляд на членов совета, и Хродгард понял, что он свободен, аудиенция окончена. Когда он, окончательно взмокший в своих доспехах, шагал по залу мимо сокровищ своего народа, злая улыбка играла на его губах. «Что бы ни случилось, мы будем готовы. Если тролли погибнут в темных глубинах и их племя будет искоренено раз и навсегда, — подумал полководец, — недра гор станут нашими!»

Королевский зал вмещал в себя самые ценные сокровища гномов, и благодаря доверию

короля у полководца были полностью развязаны руки, что было необходимо для обороны этих богатств.

«И лучше я, Хродгард, сын Хальдигиса, залью все туннели кровью, чем проиграю эту войну!»

17

Под защитой деревьев Стен наблюдал, как всадники остановились между деревянных домов деревни и спешили. То тут, то там за ставнями появлялся свет, тонкие лучики которого, словно пальцами, разрывали ночь, но двери оставались заперты, никто не принял всадников. Это не удивило Стена. За несколько столетий гнета люди прекрасно выучили урок: лучше молчать, закрывать глаза, не выделяться. Однако шестерых чужаков это не тронуло, они подвели лошадей к самому большому дому деревни, привязали животных и замолотили кулаками в дверь.

— Что там происходит? — шепотом спросил Друан.

Стен так же тихо ответил:

— Точно не знаю. Всадниками должны быть масриды или, возможно, сцарки. Но что им здесь надо, не могу тебе сказать.

— Сцарки? Ты уже однажды упоминал это имя. Объясни, что оно значит.

— Сцарки пришли вместе с масридами. Другой народ. Они служат масридам. Они — кнут в руках хозяев, — угрюмо ответил Стен.

В этот момент дверь отворилась, всадников пригласили в дом. Там что-то происходит. У Стена прямо пятки чесались прокрасться в деревню и выяснить, что происходило. Но это означало оставить тролля одного.

Поэтому влахак довольствовался тем, что продолжал наблюдать. Через время какой-то мальчишка вышел из-за дома и подвел к остальным лошадям еще одну.

Затем дверь большого дома открылась, показалась группа людей. На фоне света, падающего изнутри, Стен смог рассмотреть лишь силуэты. Больше семи человек, он был уверен. Однако затем к ним присоединился еще один с лампой в руке, и Стен приглушенно чертыхнулся, когда свет упал на ночных путешественников: он смог разглядеть лицо человека посередине.

— Что такое? — удивленно спросил Друан.

— Это Нати! Эти свиньи обнаружили его, — сдавленно ответил Стен.

— Нати?

— Человек из подвала тех крестьян... Мой друг, — объяснил Стен и осмотрелся.

Широкая дорога, ведущая из деревни на юг, справа от них сворачивала в лес. В нескольких десятках шагов слева тихо журчала Рейба. Действовать нужно быстро или вообще ничего не предпринимать. Однако, прежде чем он мог продумать план, Друан спросил:

— И что теперь?

— Я должен вытащить его. Подожди здесь, — сказал Стен и хотел уже подняться, как тяжелая рука тролля легла ему на плечо.

— Нет, я пойду с тобой, — спокойно заявил Друан, отчего Стен снова чертыхнулся.

Время шло, и он не мог затевать спор с троллем, который был столь же упрям, сколь и огромен. Поэтому юный воин вскочил на ноги и, пригнувшись, помчался по направлению к дороге. Кроме меча и кинжала при нем не было никакого оружия. Будь у него лук, он мог бы сократить группу на два или три человека, но сейчас он мог надеяться лишь на то, что сработает эффект неожиданности. Не было времени устраивать засаду, так как всадники уже собирались в путь, забираясь на лошадей и усаживая связанного пленника. По крайней мере, сейчас они ехали медленнее, вероятно из-за того, что с ними был Нати, которому в таком положении трудно было держаться на лошади. Быстро оглядевшись, Стен выбрал дерево, стоящее близко к дороге, и с мечом наизготовку спрятался за ним. Острием он показал

Друану, чтобы тот тоже укрылся, но такому здоровяку это было не так-то легко. В конце концов Друан пригнулся в густом подлеске чуть дальше, с другой стороны дороги.

Стен замер и следил за тем, как приближается дрожащий свет ламп. Разобрать что-то в ночи было трудно; вероятно, лампы были наполовину затемнены, чтобы не слепить всадников и лошадей, но Стен как-то умудрился сориентироваться.

Влахак мог надеяться лишь на то, что они удерживали пленника в центре, и приготовился напасть, как только мимо него проедут последние всадники. Когда группа была от него за дюжину шагов, лошадь, идущая впереди, неожиданно шарахнулась и нервно затанцевала на месте. Всадники насторожились. Пока их предводитель пытался успокоить животное, другие пристально всматривались в темноту леса.

«Проклятый запах троллей», — подумал Стен и в тени за деревом пригнулся ниже.

Прорывав приказ, предводитель отправил двух воинов вперед; прихватив лампы, они двинулись по дороге, уходящей в лес. Стен пропустил их, стараясь оставаться максимально неподвижным. На его счастье, его не заметили, хотя лошади отчаянно фыркали от страха.

Всадники осматривали край леса, но ствол дерева, за которым засел Стен, был достаточно мощным, чтобы легко скрыть юного воина. Прежде чем они пропали из поля зрения влахака, остальная группа медленно последовала за ними. «Лучше вам вернуться в деревню, — думал Стен, — это не ваша земля, вы не знаете, какие опасности подстерегают вас за поворотом, не лезли бы вы на рожон, не искали бы гибели на свои головы...»

Затаив дыхание, он пропустил предводителя группы и его соседа. За ними действительно ехал на лошади одинокий связанный человек. Юный воин очень хотел, дать Натиоле о себе знать, но нападение должно быть неожиданным, поэтому он пропустил и своего друга, который, понунив голову, трясся в седле. И вот настала очередь замыкающих, которые следовали сразу за пленником. Как только группа оказалась впереди, Стен ринулся на первого противника, прежде чем тот успел отреагировать.

С криком он вонзил ошарашенному воину меч в живот ниже доспехов и одновременно ударил рукоятью кинжала по поводьям. С приглушенным хрипом, когда поводья вырвали у него из рук, враг завалился вперед а Стен подскочил ко второму противнику.

— К деревне, Нати, к деревне! — кричал он, подступая ко второму всаднику, который уже достал свое оружие — длинный и тяжелый молот.

В темноте Стен бросился сначала влево, чтобы затем в последнее мгновение отклониться слегка вправо и избежать таким образом смертельного удара. Пригнувшись, влаhak прыгнул вперед и ударил кинжалом в бедро противника, однако лезвие лишь скользнуло по доспехам и вонзилось немного ниже. Всадник взвыл от боли, в то время как Стен упал, причем, к несчастью, выпустил кинжал, который остался торчать из раны всадника. У самого уха влахака просвистел молот, но юный воин перекатился из опасной зоны и заметил краем глаза, как Натиоле несется мимо двух раненых всадников в сторону деревни.

Рядом со Стеном с лошади свалился масрид, которого тот ранил мечом, в то время как другой пытался успокоить животное и извлечь кинжал. Влахак быстро вскочил и хотел было бежать к лесу, когда позади раздался топот копыт. В отчаянном прыжке юноша попытался уйти с дороги, но врезался прямо в широкую грудь лошади и был отброшен наземь. Корни и камни вонзились в кожу, когда его протащило по земле. Ему удалось как-то откатиться в сторону, чтобы избежать худшего, но, тем не менее, какое-то мгновение он был оглушен и не мог подняться.

Тряхнув головой, Стен все же встал и попытался оценить обстановку. Его первый противник, лошади которого уже не было видно, неподвижно лежал на земле. Второй еще держался в седле, но заехал глубже в лес, то ли намеренно, то ли потому что не мог справиться с животным, Стен не понял. Предводитель группы, сбивший Стена конем, как раз в этот момент разворачивался на краю леса, в то время как его спутник приближался к влахаку. Стен не медлил, он помчался по дороге и рванул в кусты по направлению к Друану. Позади он слышал проклятия и звук копыт, впереди из кустов поднялся тролль. Огромный

силуэт Друана! Извергающий демонический рев тролль с поднятыми кулаками двинулся вперед. От дикого воя монстра Стен зашатался, но тролль совсем не обращал на него внимания, а с раскинутыми руками проломился мимо.

Он сметал все, что попадалось на пути. Лошади в испуге шарахнулись, когда Друан издал новый оглушительный рык. Оба рядовых солдата неслись галопом прочь от чудовища, в то время как их предводитель тоже разворачивал лошадь, чтобы побыстрее убраться отсюда.

— Ты остаешься в лесу! — крикнул Стен Друану и помчался в направлении деревни, где-то там был Натиоле, не просто связанный, а еще и привязанный к седлу, он снова мог стать легкой добычей воинов.

Однако через несколько шагов юный воин услышал за собой тяжелое сопение, одного взгляда назад было достаточно, чтобы подтвердить худшее опасение: Друан последовал за ним.

— Нет! В лес! В открытом поле они легко попадут в тебя! — закричал он троллю, но тот пропустил приказ мимо ушей.

— Остаемся вместе! — прохрипел тролль. — Осторожно!

Стен как раз вовремя успел оглянуться и заметил предводителя, несущегося из темноты. Однако, вместо того чтобы нападать на них, он далеко обогнул Стена и тролля и помчался что есть духу по дороге в лес. Чертыхаясь, Стен побежал дальше и через несколько мгновений добрался до крайних домов.

— Нати! — громко закричал он.

Он несясь дальше и, как только оказался на рыночной площади, обнаружил друга, отчаянно пытающегося разорвать путы, которыми был привязан к лошади. Всего несколько шагов — и Стен стоял рядом с другом, еще миг — и меч влахака разрубил кожаные шнуры.

— Ах ты, плут! — вырвалось у Натиоле. — Ты что здесь делаешь?

— Я подумал, может, тебе понадобится моя помощь, и, как вижу, был прав!

К ним присоединился Друан, как раз в тот момент, как открылась дверь дома и на пороге появился человек. С обнаженным мечом в руке Стен обернулся и увидел лысого священника Альбус Сунаса, который дико тарасился на него.

— Этот человек — пленник! — злобно вскричал лысый, указывая на Натиоле, но затем его взгляд упал на Друана, и священник побледнел. — Порождение тьмы!

Его крик прокатился эхом между домами, и Стен, чертыхнувшись, с угрожающим видом начал приближаться к священнику, который явно второпях набросил свою богато расшитую светлую мантию на ночную сорочку.

— Исчезни, форбс! — приказал Стен священнику, обзывая его тем самым словом, которое влахаки «прикрепили» к священникам Альбус Сунаса.

— Порождение тьмы! — снова пронзительно заверещал тот и отшатнулся от Стена, который зло ухмыльнулся в ответ.

— Ты не знаешь, о чем говоришь!

Однако крики лысого масрида возымели действие: в некоторых домов раздался шум, открылось окно, раздался женский крик. Вконец перепуганный священник совсем потерял голову и решил спастись от зла, заскочив в дом и захлопнув дверь.

— Хорошо сыграно. Нужно торопиться, Стен, — напомнил Натиоле.

Стен согласно кивнул.

— На север. Быстро!

Однако, прежде чем они достигли края деревни, вновь раздался стук копыт.

— Проклятье! Эти идиоты возвращаются! — вырвалось у Стена.

— Эта кляча не вынесет двоих. Не говоря уже об этом, — Нати мотнул головой в сторону Друана, который свирепо скалил зубы. — Они пытаются отрезать нам дорогу, — констатировал бывший пленник масридов.

— Нужно заманить их в деревню, к тому же между домами мы сможем хотя бы найти укрытие, — предложил Стен.

Тем временем всполошилась уже вся деревня, свет загорелся во множестве окон, в ночи разносились возбужденные голоса.

— Именно поэтому я не хотел вести тебя сюда, — отчаянно крикнул Стен Друану.

— Вот так, значит? Тогда твой человек был бы в плену у этих! — сухо констатировал Друан, подражая критической манере Натиоле и указывая головой в сторону приближающихся всадников.

— Нет времени на споры! Прячься! Я отвлеку внимание! Попытайся пробиться на юг, если сможешь! — крикнул Стен троллю, который свернул в темный переулок и исчез из поля зрения влахака.

— У тебя есть еще оружие? Кинжал? — настойчиво спросил Натиоле, но Стен покачал головой. — К сожалению, пришлось оставить его в ноге одного из твоих новых друзей.

— Прекрасно. Тогда у нас получается один всадник и один вооруженный. Вместе мы как раз составляем целого воина, — простонал его соратник, прислушиваясь к топоту копыт; враги, очевидно, объезжали деревню, отрезая тем самым влахакам путь к отступлению.

— Ты успел рассказать кому-нибудь о том, что происходит? — настойчиво спросил Стен, но Натиоле лишь покачал головой.

Рейба, которая огибала деревню, оставляла для бегства совсем мало путей. На юге лес был ближе всего, на севере и востоке до него было более двухсот шагов, которые нужно было преодолеть наперегонки с лошадьми преследователей. Поэтому попытка уйти от всадников в тех направлениях была чистым самоубийством. Стен осторожно выглянул из-за угла и заметил в поле двух солдат. Дальше на юг стоял еще один, с лампой. С перекошенным от гнева лицом влахак обернулся к другу.

— Послушай, если меня поймут, постарайся исчезнуть! Я их отвлеку, а ты должен пробиться! Расскажи остальным то, что мы выяснили!

— Я не оставлю тебя! — запротестовал Натиоле, но Стен закричал на него:

— Ты должен! Со мной ничего не произойдет. Но наших друзей нужно предупредить. Ионне необходимо знать, что, скорее всего, готовится новая война. Давай!

С этими словами он развернулся и помчался по окраине деревни в сторону севера. Враги тут же прищипорили лошадей и поспешили отрезать ему путь. Позади он сначала слышал страшные ругательства Натиоле, но затем удаляющийся стук копыт подсказал ему, что друг все-таки послушался его приказа. Дико скалясь, Стен обернулся к врагам и поднял меч, выкрикнув боевой клич мятежников.

— Тиреа! — орал он что есть мочи. — Смерть масридам!

Эти слова возымели желаемое действие. Оба воина решительно направили своих лошадей к нему. Все еще ухмыляясь, влахак резко развернулся и побежал в сторону деревни, по пути подыскивая подходящее место для поединка. Когда он пересекал рыночную площадь, священник снова показался из дверей своего дома и в иступлении закричал:

— Прихвостень демона! Мятежник! Неверный!

— Закрой рот, форбс, — сдавленно ответил Стен и перепрыгнул через низкий забор.

Там он остановился и сориентировался. Ни Натиоле, ни Друана не было видно, но зато между домами уже гремели копыта лошадей троих всадников, которых Стен всего несколько мгновений назад оставил позади. Двое скакали впереди, а третий следовал за ними на расстоянии нескольких десятков шагов. Стен надеялся, что это был солдат, который поджидал на юге, а значит, Натиоле будет легче убежать. Его же собственное положение было безвыходным. В отчаянии он осмотрелся в поисках пути к отступлению, но трое всадников легко окружили его. А битва против троих обученных кавалеристов продлится недолго, и понятно, в чью пользу завершится.

Стен перескочил через забор на рыночную площадь в полной решимости отвоевать для своих обоих спутников как можно больше времени, пусть даже ценой собственной жизни. Пока он поднимал меч, приветствуя своих врагов и приглашая на бой, краем глаза он заметил Друана, несущегося на них.

— Нет! — крикнул он, однако тролль уже выскочил на дорогу перед всадниками.

Стен в ужасе бросился вперед и хотел оттащить тролля, но всадники были слишком близко.

Внезапно лошадь одного из них со всего размаху налетела на грудь Друана, и Стен, который уже не раз видел последствия подобного столкновения во время атаки кавалерии, рассчитывал на то, что тролль будет попросту сметен. Но вместо этого Друан по инерции лишь на несколько шагов отошел назад, размахивая руками, животное же с жалобным ржанием рухнуло вместе с всадником. Второй противник уклонился от Друана и успел ударить мечом, однако этот удар в затылок, нанесенный, без сомнения, изо всех сил, отрубил только несколько странных волос тролля, но в остальном не навредил громиле.

Затем Стен выскочил вперед и нанес удар всаднику, напавшему на Друана, но его меч лишь скользнул по металлическим доспехам, которые защищали масрида. Ответный удар воина справа откинул влахака назад, и Стен быстро пригнулся слева от лошади, используя животное как прикрытие, чтобы всаднику было сложнее наносить удары, хотя это затрудняло задачу и влахаку, так как с этой стороны масрид прикрывался щитом.

Но всадник оказался опытным воином. Он умело отвел лошадь на несколько шагов и повернул ее к Стену правым боком. Рядом с влахаком материализовался Друан. Он схватил бедное животное за голову и резко ее повернул. Раздался отвратительный громкий хруст, когда шея лошади сломалась.

Стен подскочил к троллю, но тот грубо схватил его за плечо и повалил на землю. Падая, Стен заметил третьего всадника, который с поднятым молотом налетел на монстра. Не обращая внимания на оружие, которое со всего маху угодило в плечо, Друан схватил лошадь нападающего за шею и швырнул оземь. Юный воин ошарашенно наблюдал, как масрид вывалился из седла и кубарем выкатился на рыночную площадь. Из раны в плече Друана текла темная и вязкая кровь, но это был пустяк по сравнению с увечьем, которое такой удар мог бы причинить человеку.

Однако опасность еще не миновала. В это время на него уже напирал последний солдат. Стен вскочил, уворачиваясь от копыт лошади, которыми она, пытаясь обрести опору, отчаянно молотила в воздухе. Позади Стен увидел, как Друан с поднятым кулаком склонился над первым упавшим масридом, но подступающий противник не дал ему возможности наблюдать за сражением тролля и человека.

Мощными ударами масрид гнал перед собой Стена, который еле успевал отбиваться от тяжелого меча воина. Два раза он оказался недостаточно быстр, за что получил две неглубокие, но кровавые раны на плече и руке. Затем, ловко уклонившись от следующего удара, Стен замахнулся мечом, но меч наткнулся на доспехи врага. Сдавлив бока лошади, масрид заставил животное развернуться и снова ударил. Влахака парировал удар и притворился, будто собирается метнуться на другую сторону от всадника. Однако вместо этого перехватил меч левой, которая хоть и была слабее, но была достаточно натренирована, и одновременно ударил лошадь кулаком в ноздри.

Этот маневр ненадолго сбил масрида с толку, и Стен легко парировал его ответный удар, довольно слабый, в основном из-за того, что беснующаяся лошадь мешала нападающему. Не оставляя врагу времени для восстановления контроля над животным, Стен схватил меч двумя руками, рванулся вперед и ударил масрида мечом по руке. Тот не успел защититься, и сталь вонзилась в руку, скользнув в просвет между пластинами доспехов.

Противник со стоном выронил свое оружие, но и не думал сдаваться, а вместо этого яростно вонзил шпоры в бока лошади. Стен отреагировал быстрее животного, он подскочил к противнику, острое его меча вошло в подмышку масрида, и горячая кровь залила руки Стена. Лошадь взбрыкнула и понеслась прочь, отчего Стена отбросило на землю. Когда он вновь поднялся с мечом в руке, то увидел, как лошадь через пару шагов замедлила бег, в то время как масрид медленно соскользнул из седла и свалился на землю.

Быстрый взгляд назад подтвердил, что Друан вполне владеет ситуацией. И тогда Стен подбежал к поверженному противнику и склонился над ним. Волосы врага были белокурыми, коротко подстриженными, за исключением одного небольшого локона на

затылке, как это принято у масридов, руки и ноги защищали металлические пластины, тело покрывала кольчуга. Он был еще молод, возможно, лишь немного старше Стена, но он больше не проживет ни дня: его светлые глаза помутнели и были уже обращены в другой мир. Рот масрида открылся, словно он хотел что-то сказать, но из него хлынула кровь, затем по телу пробежала последняя конвульсия, и он замер. Нахмурившись, Стен огляделся, но нигде не увидел второго всадника. Тролль верно истолковал его взгляд и указал на дом священника:

— Он там. Сбежал, пока я позаботился об этом.

Свернутая шея лежащего масрида, придавленного телом мертвой лошади, говорила о том, что Друан не сильно заботился о разнообразии и убил человека таким же образом, каким и животное.

Покачав головой, влахак отвернулся, его волновал вопрос, что теперь делать. Без сомнения, люди в деревне проснулись, и за это время, вероятно, уже достаточно жителей заметили тролля. Сейчас бы самое время незаметно улизнуть, но перед этим нужно было выяснить, есть ли поблизости враги. Где-то должен находиться как минимум еще один всадник, а может, даже два, в зависимости от того, преследовали ли Натиоле или нет. Однако, прежде чем он успел что-нибудь сделать, позади него снова раздался безумный вопль священника:

— Порождение ада! Дух тьмы! Убирайся отсюда!

Грязно ругаясь, влахак обернулся, и слова замерли на его губах, когда он увидел приближающегося к нему священника, возглавлявшего группу людей с факелами. Жители боязливо жались позади священника, но сам он шагал к Стену и Друану с высоко поднятой головой.

— Дети Ардолии! Не бойтесь! Выходите из домов и прогоните порождение темноты!

Стен в бессильной ярости поднял меч, угрожая священнику, который уже успел натянуть полное облачение: белая тога, светящаяся даже в ночи, на груди золотыми нитками вышит диск солнца с расходящимися лучами. В руках у лысого отполированный медный диск диаметром, наверное, в две пяди, который он торжествующе держал над головой. Его тонкие губы кривились в презрительной ухмылке. Повсюду в деревне открывались двери, и на улицы выходили люди с факелами и разными предметами, которые могли служить оружием.

Стен поспешно отступил на несколько шагов и осмотрелся. Почти из каждого дома на ночные улицы выходили жители, и рыночную площадь осветили десятки огней. Вокруг священника быстро образовывалась толпа людей, которую он вел на священную войну против тролля и человека.

— Дети Орволя! Здесь находится чудовище, монстр, ночное существо! Мы направим на него справедливый гнев света! — истошно закричал священник.

Позади священника Стен увидел прихрамывающую масридку с оружием. Стен медленно вложил меч в ножны, поднял руки и прокричал:

— Это существо ничего не сделает вам, если вы не будете нападать!

— Нет! — горячился священник. — Это порождение темноты, чуждое всему светлому! Оно должно быть уничтожено во славу света!

Лысый неуклонно подступал, жители следовали за ним. Казалось, уверенность священника передавалась и селянам, которые теперь махали прихваченными из сеней и хлевов цепями, вилами и косами и смотрели на тролля со смесью ненависти и страха.

— Я — Стен сал Дабран! Послушайте меня... — начал влахак, но его грубо прервала масридка, которая закричала:

— Ложь! Стен сал Дабран мертв!

— Привидение! — почти восторженно прокричал священник.

— Чепуха! Я... — хотел объясниться Стен, но из толпы на него, словно огненный снаряд, полетел факел, угодил в плечо, скрикошетил и упал на землю.

Рядом с ним грозно зарычал Друан (хотя перед этим дернулся, как и влахак). Тролль

поиграл мощными мускулами. В них полетел еще один факел, однако тролль легко сбил его еще в воздухе, затем задрал голову и страшно заревел.

Жители в ужасе отпрянули, однако священник пронзительно взвизгнул:

— Да, выкрикивай свой страх в темноту. Тьма снова поглотит тебя, чудовище! Убейте их, убейте!

Прежде чем Стен успел что-то сделать, на него и Друана посыпался целый дождь камней и факелов. Чертыхаясь, он уклонялся от них и достал оружие. Тут в висок ему угодил камень, и на мгновение Стен мог наблюдать лишь светлые огоньки в глазах, затем зрение вернулось, причем очень вовремя: юноша смог уклониться еще от одного камня. Тем временем толпа почти вытеснила их с рыночной площади, но Стен не осмеливался повернуться спиной к разбушевавшемуся скоплению людей. Он опасался, что, как только перестанет на них смотреть, они нападут. Краем глаза он увидел, как Друан своими мощными руками поднимает повозку, стоящую перед одним из домов.

— Нет! — громко вскрикнул Стен, но тролль уже размахнулся и швырнул ее в нападавших.

Тяжелая телега покатила по площади, людям каким-то чудом удалось избежать удара. К облегчению Стена, никто не пострадал. Тролль снова взревел, и снова эта демонстрация дикой силы оказала устрашающее воздействие на толпу.

— По моему знаку бежим, — прошептал Стен, и тролль кивнул.

Вдруг священник что-то пробормотал, а затем поднял медный диск к небу. Ослепительная вспышка вырвалась из диска и обожгла Стену глаза. Вскрикнув, влахак выпустил меч и закрыл лицо руками. Рядом заревел Друан. Рев тролля был столь оглушителен, что на миг для Стена исчезли вообще все звуки, остался только этот безумный, невероятной силы вой.

Когда влахак опустил руки, он увидел лишь мелькающие всеми цветами радуги пятна в виде молний, которые танцевали у него перед глазами. Друан снова взревел, и Стен почувствовал, как тролль ринулся вперед. Юноша отчаянно заморгал, пытаясь разглядеть, что происходит, но был все еще ослеплен. Где-то впереди раздался шум, люди кричали, но все это перекрывал рев тролля.

Постепенно слух к Стену вернулся, но в ушах еще продолжало шуметь, словно где-то неподалеку грохочет мощное течение. Юный воин нащупал под ногами свой меч и помчался в направлении криков. Однако через несколько шагов он за что-то зацепился и упал.

— Друан! Нет, Друан! Ты же поклялся! — кричал Стен, ползком продвигаясь вперед.

Наконец огоньки перестали плясать перед глазами, и он смог различать светлые и темные силуэты. На некотором расстоянии впереди он увидел очертания Друана. Тролль сидел на корточках.

Только когда влахак почти вплотную подошел к монстру, то увидел лежащего у его ног священника с широко раскрытыми глазами, безжизненно смотрящими в никуда. Солнечный диск валялся в нескольких шагах, запятнанный кровью, которая медленно стекала с его края в пыль. Друан вонзил клыки в тело священника и при этом издавал ужасные звуки. Других людей нигде не было видно; по-видимому, они сбежали в страхе перед силой бушующего тролля. Правда, кое-где из-за дома или из окна выглядывали бледные лица. К своему бесконечному облегчению, Стен не обнаружил поблизости других раненых или убитых.

Потирая виски, влахак пытался избавиться от оцепенения, которое охватило его после ослепительной вспышки. Затем он схватил Друана за плечо.

— Пошли! Нужно уходить!

Тролль обернул к нему лицо, запачканное кровью. В глазах чудовища горел кровавый огонь, но затем разум победил, Друан поднялся. Влахак молча указал на дорогу.

Проходя по площади, Стен заметил то препятствие, о которое споткнулся, и узнал масридку. Женщина лежала на земле с гротескно вывернутыми конечностями. Вместо правой руки, в которой она раньше сжимала меч, осталась лишь небольшая кровавая культия.

— Она напала, — объяснил Друан, когда они пробежали мимо. Очень скоро деревня осталась позади.

«И поэтому ты сожрал ее руку?» — угрюмо подумал Стен. По всей вероятности, после вспышки Друан убил лысого и масридку, отчего жители деревни мигом протрезвели от священного опьянения и сбежали, пока Стен, наполовину оглушенный и ослепленный, ползал по земле. А затем тролль запустил свои лапы в тела убитых. Об этом Стен даже не хотел думать, но картина залитого кровью лица тролля все еще стояла перед глазами, и влахак подумал, что Друан действительно чудовище тьмы, которое неожиданно вернулось к жизни.

Стен и Друан беспрепятственно добрались до края леса, они ломились через кустарник на север. Какое-то время они молчали, но потом Друан неожиданно сказал:

— Мне жаль. Но этот свет... Он так ужасно жег!

Не глядя на тролля, Стен отмахнулся.

— Сейчас не место и не время обсуждать это. Сначала нужно добраться до безопасного места.

А в мыслях добавил: «И тогда я еще смогу все закончить». Возможно, все-таки с его стороны было ошибкой считать, будто он сможет контролировать троллей. Наверное, было бы лучше убить их и защитить от них людей. Но из-за странного онемения в голове и шума в ушах он не мог ясно мыслить. Одно лишь засело в его мозгу: им очень нужно укрыться понадежнее, люди из Орволя вполне могут захотеть поискать их днем.

18

Путь через анфиладу комнат, которая начиналась за большим залом, Висиния преодолела словно оглушенная. Она была не готова к тому, что Стен сал Дабран уже, быть может, мертв, и все еще была слишком ошарашена, чтобы вообще осознать эту ужасную новость. Через несколько мгновений она предстанет перед Цорпадом и должна выглядеть достойно, спокойной, сохранять самообладание во что бы то ни стало. Без сомнения, масрид почувствует и использует любую ее слабость.

Этого она не могла допустить, поэтому сделала несколько глубоких вдохов и попыталась сконцентрироваться на предстоящей встрече.

Маленький зал, в который она вошла, обычно служил для совещаний и встреч Цорпада с немногими избранными гостями. В центре помещения стоял тяжелый круглый дубовый стол, ножки которого имитировали львиные лапы. Стол был завален картами и какими-то документами. Вокруг располагались кресла, обитые красным бархатом, и один стул с высокой спинкой, покрытый богатой резьбой. Свечи в двух позолоченных канделябрах, украшавших стол, не горели, так как пока достаточно было и дневного света.

Стены зала были увешаны плотными гобеленами, изображавшими исторические и легендарные события. Особое внимание обращал на себя гобелен, на котором невероятно красочно и реалистично была представлена битва при Хаккаре, в которой масриды разбили войско дирийского императора. Кульминацией полотна было изображение Аркаса Диммину на жеребце, выделявшееся среди тяжелых кавалеристов, прорывающих линию обороны имперской гвардии.

Висиния с прямой спиной замерла у входа в помещение и молча разглядывала гобелен, не обращая ни малейшего внимания на мужчину, стоявшего спиной к гостье и лицом к высокому окну.

Рядом с рыжеволосой прокашлялся Байца, чтобы таким деликатным способом напомнить о прибытии посетительницы, но Цорпад, не оглядываясь, процедил:

— Я знаю о приходе дамы Висинии, Байца.

— Да, господин, — покорно ответил старик и покинул зал.

Висиния, казалось, была поглощена изучением гобелена. Время будто растянулось до бесконечности. Продолжительное молчание действовало на нервы. «Он этого и

добивается, — думала девушка. — Я не должна дать ему запугать меня». Она изо всех сил сохраняла бесстрастное выражение лица и продолжала изучать гобелен.

После битвы, изображение которой она так тщательно изучала, войска империи отступили за городские стены... Они пытались просто отсидеться под защитой толстых укреплений. В течение нескольких месяцев Аркас удерживал осаду столицы, пока император не заплатил колоссальную, почти невероятную контрибуцию, лишь бы войска масридов отступили. Даже сегодня, по прошествии двухсот лет, Аркас оставался в памяти поколений зловещим символом того, как слава считавшихся непобедимыми отборных войск была втоптана в грязь кавалеристами захватчиков. «И тогда Аркас с повозками, груженными добычей, перешел Соркаты и напал на Влахкис», — горько подумала Висиния.

Через некоторое время девушке наскучил гобелен, и она стала осматривать помещение. Окна здесь были застеклены, в отличие от остальных помещений, где использовались бычьи пузыри. Стекло считалось невиданной роскошью, и Цорпад использовал его, чтобы произвести впечатление на гостей. Висиния впервые имела возможность поближе рассмотреть этот прохладный, гладкий и прозрачный материал, осторожно коснуться его поверхности. Однако сейчас ее гораздо больше занимал широкоплечий мужчина, который стоял перед окном и продолжал ее упорно игнорировать.

На нем все еще была парадная одежда цветов его дома, хотя он и снял камзол, пропитавшийся кровью. Темно-красная ткань одеяния сильно натянулась на спине Цорпада, готовая треснуть в любое мгновение.

Как раз в тот момент, когда Висиния решила прекратить эту смехотворную игру в молчанку и начать разговор, он повернулся к гостье и улыбнулся ей, хотя глаза при этом оставались холодными.

— Думаю, вам интересно, зачем я вас пригласил, — начал Цорпад.

Утвердительным кивком Висиния подтвердила предположение хозяина крепости. Девушка взглянула на рукав, под которым бугрилась повязка. Однако казалось, что ранение совершенно не мешало масриду.

— Новость о том, что опасный преступник Стен сал Дабран пойман и предан справедливому суду, как мне показалось, удивила вас, — констатировал Цорпад, перехватив ее взгляд, но Висиния была готова к вопросу и осталась бесстрашна, тщательно скрывая свои чувства под маской безразличия.

— Немного.

— Вы были знакомы, не так ли? Он довольно долго жил при дворе вашей сестры.

— Да, мы встречались несколько раз. Несколько лет назад, — спокойно ответила Висиния.

— Конечно. Теперь опасность, исходившая от этого человека, устранена, и жизнь в Ардолии станет немного спокойнее, — заявил Цорпад.

— Возможно, — внешне бесстрастно сказала Висиния.

— Тем не менее мы живем в беспокойное время, — продолжил правитель, при этом он медленно, словно хищник, стал обходить большой круглый стол, приближаясь к гостье. — Я беспокоюсь о вашей безопасности.

— Моей безопасности? Разве я не нахожусь под вашей защитой, господин?

— Да, да. Но... — начал было Цорпад, остановился и пристально посмотрел ей в глаза, отчего Висиния удивленно вскинула брови.

— Но, господин?

— Времена меняются. Страна ослабла. Нужна сильная рука, чтобы руководить ею и восстановить былую мощь. Рука, которая способна на такой поступок.

— Ваша рука, я так полагаю? — спросила Висиния с легкой издевкой, но тут же замолкла, поймав убийственный взгляд Цорпада.

Однако огонь, вспыхнувший в глазах масрида, мгновенно угас, он овладел собой и, снисходительно улыбнувшись, кивнул ей.

— А чья же еще? Кто, кроме меня, обладает силой и волей объединить Ардолию? Это

мое предназначение, мое наследство, завещание моего предка Аркаса, кровь которого течет в моих жилах, — продолжал Цорпад твердо.

— Вероятно, найдется несколько человек, у которых будет другое мнение, господин, — осторожно предположила Висиния, на что Цорпад лишь махнул рукой.

— Конечно, — спокойно сказал он. — Родная плоть и кровь. И... ваша сестра.

Висиния молча ждала, когда Цорпад продолжит, но могучий масрид лишь смотрел ей в глаза, отчего мороз прошел по коже гостыи. Наверное, зраикас так же смотрит на свою жертву, прежде чем растерзать ее клыками и когтями.

— Но я готов оставить эти мелочные распри. Готов сделать первый шаг. Я отправляю вас назад. К сестре.

Заявление огорошило Висинию, у нее просто не находилось слов, однако за годы службы при дворе Ионны в качестве посла она хорошо выучила правила политических баталий, поэтому сумела скрыть свое замешательство и выждала немного, склонив голову, пока не удостоверилась, что полностью овладела собой. Только когда она почувствовала, что голос не подведет ее, Висиния спросила:

— Вы хотите меня отпустить? А что с другими заложниками?

— Их тоже освободят. Если...

— Если?

— Если вы согласитесь передать сестре некое послание от меня, — сообщил Цорпад молодой женщине, — от моего имени.

— Послание от вашего имени? — повторила Висиния. — И что это за послание?

— Предложение мира. Конец войне, убийствам, страданиям, — ответил Цорпад с широкой улыбкой.

Висиния недоверчиво взглянула на собеседника.

— Конечно, необходимо будет пойти на некоторые уступки, — заявил масрид.

— И каковы же эти уступки?

— Ваша сестра признает меня своим сюзереном и поддержит мои притязания на корону Ардолии. Ваши воины будут сражаться на моей стороне, если я захочу выступить против кого-то. В ответ я гарантирую мир вам и вашим подданным.

— Я не знаю, что сказать, — ответила Висиния, на что Цорпад вновь улыбнулся, и девушка язвительно добавила: — кроме того, что вы, должно быть, сошли с ума!

Цорпад бросил на гостью сердитый взгляд и прошипел:

— Попридержите язык!

— Неужели вы действительно думаете, что она сможет принять такое предложение? — спросила влахака, растерянно качая головой. — Неважно, кто передаст такое сообщение. Она отклонит его.

— Это единственное, что я могу предложить, дама Висиния. Либо будет принято мое предложение, либо будет война!

Висиния задумалась. Мир на таких условиях невозможен. Очевидно, что Ионна никогда не пойдет на это. С другой стороны, у нее возникала возможность вырваться отсюда. Если война действительно разразится, Цорпад убьет заложников, в этом Висиния была уверена. Поэтому нужно было убираться из когтей масрида, пока это было возможно. И в первую очередь потому, что открытая война неизбежна, в чем влахака не сомневалась. Поэтому она произнесла:

— Хорошо, я передам ваше предложение, если вы желаете.

— О да, желаю.

— И когда мы выезжаем?

— Мы?

— Я и остальные заложники, — уточнила Висиния.

— Вы неправильно меня поняли. Остальные будут отправлены к своим семьям лишь в том случае, если ваша сестра примет мои условия, — с улыбкой ответил Цорпад.

— А если она этого не сделает?

— Я уверен, что вы — глаза и уши своей сестры, дорогая Висиния. И очень-очень постараетесь. Ведь если вам не удастся убедить Ионну, быть войне, жестокой и кровопролитной. Войне с большим количеством жертв.

Два быстрых шага — и масрид оказался прямо перед девушкой. Он возвышался над ней, огромный, мощный. Его близость была ей почти невыносима, и она отпрянула, когда он протянул руку и провел пальцами по ее щеке.

— Я боюсь, вы меня не понимаете. Вы отправитесь к сестре и посоветуете ей подчиниться. Это не вопрос и не просьба. Это приказ.

Закрыв глаза, Висиния отвернулась от масрида, но Цорпад медленно обошел девушку, касаясь при этом кончиками пальцев ее шеи, и снова оказался перед ее лицом.

— В крайнем случае я взойду на трон по трупам ваших соотечественников, если вы меня принудите к этому, — прошептал масрид ей на ухо.

Висиния гордо подняла голову, отступила на шаг и смерила Цорпада холодным взглядом.

— Когда-нибудь ваше войско будет побеждено. И вы сполна испытаете горечь поражения!

Вместо ожидаемого припадка ярости масрид запрокинул голову и засмеялся.

— Один раз вам уже удалась ваша хитрость, влахака. На проклятой болотистой земле Мардева вы смогли разбить наше войско. Это в самом деле было довольно ловко придумано: выбрать место, на котором моя кавалерия грузла. Поздравляю! Только в следующий раз сражение с моими войсками сотрет вас с лица земли. Вы ничего не знаете, Висиния. Мои солдаты сейчас непобедимы!

— Наглая заносчивость всегда приносит захватчикам горькие плоды, — возразила Висиния, отчего Цорпад на мгновение даже потерял дар речи.

Он снова подступил к ней вплотную, крепко сжал ее шею, не позволяя вдохнуть.

— Или вы едете добровольно, или я велю отрубить вам голову, засуну послание в ваш злоречивый ротик и вышлю ее Ионне хорошо просмоленной, а тело швырну свиньям на съедение, — взревел Цорпад, в то время как девушка отчаянно пыталась глотнуть хоть немного воздуха.

Хватка была железной, Висиния не сомневалась, что он выполнит свою угрозу. Его перекошенное от гнева лицо плыло у нее перед глазами, и она уже подумала, что пробил ее смертный час, как он разжал пальцы и широким размеренным шагом вернулся назад, к окну. Рыжеволосая, с трудом переводя дыхание, облокотилась о тяжелый дубовый стол.

— Это ваш выбор, дама Висиния. Не нужно сразу давать ответ. Скоро я устрою вам демонстрацию того, что обеспечит мне подобающее место в истории этой убогой страны. Вы можете удалиться, — процедил он, не повышая голоса.

Потирая шею, Висиния покинула зал и в сопровождении стражника направилась в свои комнаты. На этот раз ей совершенно не хотелось разглядывать фрески предков, слишком сильно ее взбудоражили плохие новости и заявление Цорпада. Она пыталась думать о сестре и угрозе войны, но мысли постоянно возвращались к Стену.

Все знали, что Стен и его соратники страшно рисковали, буквально ходили по лезвию ножа, им угрожала смертельная опасность. Но их дела, их сопротивление давали надежду влахакам и не позволяли масридам спокойно спать в домах поработанного народа. Каждый раз выезжая из Дезы, Стен отправлялся в неизвестность, и Висиния всегда это знала. Для мятежников пощады не было: для острастки населения их жестоко казнили, а головы насаживали на копья над городскими воротами.

Однако Стену Цорпад уготовил смерть в соответствии со старым обычаем влахаков. «Возможно, это ложь; возможно, Стен еще жив!» — подумала Висиния, и на мгновение в ней зародилась искра надежды. Но разум тут же вмешался, и чем дольше она думала, тем больше понимала, что Цорпад не будет врать. Более того, он, вероятно, хотел помешать тому, чтобы посмертно юноша обрел ореол мученика, поэтому влахака казнили тайно. В противном случае, естественно, соратники попытались бы спасти юного мятежника, а его

могила стала бы местом паломничества.

Но масрид не позволил этому случиться, он отнял у мятежников лидера, а у народа воина, который неумолимо боролся за свободу, и Стен просто исчез без следа в темных лесах.

Висиния резко распахнула дверь в свои покои, позвала Мирелу. Не обращая внимания на протесты молодой женщины, она просто вытолкала ее из комнаты и уселась на кровать.

Стен был мертв, а Цорпад готовил последний удар против влахаков. Конечно, для правителя было бы лучше, если она примет его предложение. Тогда он сможет полностью посвятить себя борьбе с двумя другими соперниками за наследие Аркаса, не беспокоясь о соседях под боком, которые наверняка нанесут удар в спину, воспользовавшись его войной с другими масридскими правителями. Против всех врагов сразу Цорпад не выстоит, хотя, возможно, он достаточно силен, чтобы разгромить их поодиночке, если, конечно, они будут столь неосмотрительны и допустят это. Однако оставался еще вопрос, что имел в виду масрид, когда сказал, что его войско теперь непобедимо. «И о какой демонстрации говорил этот безумец?» — спрашивала себя Висиния, однако ей ничего не приходило на ум. Тем быстрее нужно было разузнать тайны цитадели Ремис. «Неужели здесь был Стен, а я даже не знала об этом?» — мелькнула мысль, и острая боль пронзила грудь девушки.

«Прошу тебя, не веди себя так, словно ты больше никогда не увидишь меня». Это были ее последние слова, обращенные к нему, и он обещал, что... не будет.

Ей всегда нравился Стен сал Дабран, они были знакомы с юности, боролись за общее дело. Но что бы она ни чувствовала к молодому воину, это было так неясно и неопределенно, и она не старалась разобраться в своих чувствах, возможно, из страха. По крайней мере, так было в то утро в Дезе, когда она прощалась со Стеном. И теперь она больше никогда не увидит его...

Висиния почувствовала, как сжимается горло и глаза наполняются слезами.

С наступлением ночи Мирела вернулась и принялась убирать в комнате, периодически бросая на Висинию осторожные взгляды. Та все еще сидела на кровати с окаменевшим лицом в тяжелых раздумьях. Девушка не удостоивала служанку даже взглядом. В настоящий момент Мирела была всего лишь пылью на ее пути, которую влахака должна устранить. Висиния приказала помочь ей раздеться и, дунув на маленькую свечу, юркнула под одеяло. В темноте она прислушалась, как горничная наполняет жаровню углем, устраивается на своей кровати. Через некоторое время влахака услышала, как дыхание Мирелы стало ровным.

Но Висиния еще долго лежала в темноте с открытыми глазами и ждала. Без сомнения, Цорпад предполагал, что она может предпринять что-либо в ближайшее время, и поэтому приказал особенно внимательно следить за своим главным заложником. Но масрид и его слуги считали Висинию изнеженной придворной дамой, и она намеревалась воспользоваться этим заблуждением.

Как только она окончательно удостоверилась в том, что Мирела спит, влахака выскользнула из постели и прокралась к окну. Бесконечно медленно, чтобы не производить лишнего шума, она подняла высушенный бычий пузырь и открыла ставни. Путь через коридор был закрыт, так как там обязательно присутствовал как минимум один охранник, но Висиния выросла в Мардеве, среди величественных гор и дремучих лесов, и с самого раннего детства привыкла лазить по скалам и деревьям.

Одного взгляда вниз, во двор крепости, было достаточно, чтобы у нее похолодело в груди, но, может быть, это просто прохладный ночной воздух, пробравшийся сквозь ее тонкую ночную сорочку.

Ее окна выходили в маленький внутренний дворик, а береза, стоявшая там, почти доросла до подоконника. Отважившись на отчаянный шаг, она вполне могла допрыгнуть до дерева. Комнаты остальных заложников в основном занимали нижний этаж, и только Висинии, благодаря ее статусу, было отведено помещение выше.

Не раздумывая, Висиния оттолкнулась от подоконника, прыгнула и ухватилась за

тонкие ветки, которые хлестнули ее по лицу. Одно ужасное мгновение руки хватали лишь пустоту, но теперь она крепко сжимала толстый сук, который надежно держал ее вес. Девушка осторожно спускалась, пока ее босые ноги не коснулись прохладных камней двора. Задержав дыхание, она прислушалась и, не обнаружив ничего подозрительного, метнулась к одному из окон на первом этаже и постучала в ставни, выкрашенные красной и черной краской. Прошло время, пока ставни осторожно открыл заспанный молодой мужчина. Висиния произнесла про себя короткую молитву с благодарностью, что это был не слуга, а сам влахак.

Окно за ставнями было забрано кованой железной решеткой, иначе сбежать отсюда не составляло бы труда. Когда бледный темноволосый влахак узнал Висинию, его глаза расширились от удивления.

— Дама Висиния! Что вы здесь делаете? — спросил он, но Висиния прижала палец к губам, чтобы тот говорил потише.

— Сухай, мне нужна ваша помощь.

— Моя помощь? Посреди ночи? А в чем дело?

— Нужно передать новости. Есть кое-что, что необходимо знать нашим, — шепотом заявила Висиния.

— Новости? Я не совсем понимаю, — беспомощно ответил Сухай.

— Я знаю, что у вас был контакт с другими влахаками в Теремии, до того как вы здесь очутились. С вольными влахаками! — уточнила Висиния.

— Что? Вы имеете в виду наших борцов в городе?

— Да!

— Это так. Но почему... — начала было он, но Висиния перебила его:

— Мне нужно имя, Сухай. Мы должны тайно передать информацию из цитадели.

— Тайно? Это невозможно, дама Висиния! Как вы себе это представляете?

— Это уже моя забота, Сухай. Мне нужно имя того, кому бы я могла доверять в городе.

— Вы хотите сбежать? Тогда Цорпад убьет нас всех! — зашипел Сухай, причем его голос становился все громче, пока Висиния не бросила на него грозный взгляд.

— Нет, я не хочу сбежать. И Цорпад все равно скоро убьет нас всех. Он планирует войну, Сухай! — жестко и с нажимом прошипела она.

— Войну... Тогда мы ему без надобности, — залепетал Сухай.

— Да. Но дело еще не зашло так далеко. Необходимо предупредить остальных, а главное — мою сестру!

— О духи, а мы сидим в ловушке. Мы все должны бежать!

— Не получится, Сухай, вам это известно. Мы никогда все сразу не выходим из крепости, я молчу уже о том, чтобы пройти через гарнизон Цорпада и пересечь полстраны. Нет, я должна поговорить с вольными влахаками в Теремии и затем вернуться. Это единственный способ предупредить Ионну. Ну а если мы попытаемся сбежать, то уже очень скоро все собаки и все масриды будут гнаться за нами. И уйти от них будет невозможно, — виновато объяснила Висиния, однако она увидела, что Сухай все еще переполнял страх.

— Стен сал Дабран мертв. Мы умрем. Цорпад убьет нас, он нападет на вашу сестру. Мы все пропали! — застонал молодой мужчина и прислонил лоб к холодным прутьям решетки на окне, через которую не мог выбраться на свободу.

Его слова отозвались болью в сердце Висинии, она и сама уже почти готова была предаться отчаянию, но девушка отказывалась сдаваться, пока была жива. Она *не могла* сдаться и предать все то, за что боролась Ионна.

— Еще не все потеряно! Мы передадим наружу весточку о планах Цорпада, и наши семьи и друзья смогут подготовиться и вооружиться, если Цорпад нападет... Мы нужны им, Сухай! — призвала Висиния к лояльности дворянина.

Однако Сухай не смотрел на нее, а только тихо сказал:

— А вы не видели, как он сегодня одолел воина? Его нельзя победить, он не человек, он — дух темноты, который уничтожит всех нас!

— Возьмите себя в руки, Сухай! — Висиния пыталась привести в чувство отчаявшегося мужчину. — Бедный мальчик был едва жив, когда его притащили в зал. Это был его последний протест против неизбежного. Цорпада можно победить, и он будет побежден! Или вы уже забыли осеннюю битву?

— Нет, нет. Вы правы. Простите.

— Ничего. Мы все боимся, все в ужасном положении. Но мы должны быть сильными. Остальные полагаются на нас, Сухай. Мы не можем разочаровывать их. Итак, скажите, где и кого искать в Теремии?

— Вам нужно идти в сторону порта. Там живет человек по имени Гиоргас...

Висиния внимательно слушала описание человека, она очень старалась запомнить имя и место, затем попрощалась и снова вошла на березу. С тонкой верхушки дерева прыжок был еще более рискованным, но она осторожно раскачалась и, когда верхние ветки уже царапали стену, собрав все мужество в кулак, прыгнула.

Девушка больно ударилась, но ей удалось схватиться за подоконник и перелезть в комнату.

Она переводила дух, как вдруг раздался сонный голос горничной.

— Госпожа?

— Все хорошо, Мирела. Я хотела ненадолго открыть окно, чтобы впустить немного свежего воздуха, — ответила Висиния, направляясь к кровати. — Жаровня просто ужасно чадит.

Горничная ничего не ответила. Кажется, ночные события прошли незамеченными.

Утром, как можно раньше, ей нужно будет тщательно замести все следы своих акробатических упражнений, прежде чем служанка обнаружит их. А сейчас она забралась под одеяло и попыталась согреть застывшие ноги. Во время своей отчаянной вылазки от возбуждения она не заметила, как сильно продрогла в тонкой сорочке.

Холод постепенно покидал ее тело, и Висиния думала, что скоро ей нужно будет попасть не просто во внутренний двор, а в город. Для этого придется проскользнуть мимо стражников и перебраться через стены цитадели. Тогда она сможет передать сообщение о том, что мир с Цорпадом Диммину продлится совсем недолго. «И поговорить с тем, кто последним видел Стена живым», — подумала она и снова ощутила холод в груди, который не могло уничтожить ни одеяло, ни тепло от жаровни.

Она выяснит, зачем Стен приезжал сюда и отважился оказаться прямо под носом у Цорпада.

«Ты заплатишь за это, Цорпад. Ты будешь наказан за кровь и слезы каждого человека, который погиб из-за тебя, ты будешь наказан теми, у кого ты все отнял!»

19

Тролли продолжали поиски надежного укрытия на день, при этом Стен пресекал любые попытки Друана заговорить с ним. Пард отреагировал на рассказ о событиях в деревне язвительной ухмылкой. Здоровяк неоднократно вставлял фразу: «Я же говорил», пока слушал Стена. Но, к чести гиганта, следовало отметить, что, за исключением этой иронической фразы, он не позволил себе ничего экстраординарного, а просто занялся ранами Друана.

При близком рассмотрении рана, которую в плече Друана пробил молот врага, оказалась довольно глубокой. Стен удивился тому, насколько выносливыми были тролли. Подобное ранение сделало бы человека абсолютно небоеспособным, а такая потеря крови, возможно, была бы фатальной. Однако у тролля кровотечение прекратилось само собой, поэтому единственное, что Парду оставалось сделать для Друана, — обработать рану дурно пахнущей пастой. Возможно, дело было в толстой коже тролля, о прочности которой Стен узнал еще во время небольшой стычки с Пардом.

В другое время Стен с удовольствием расспросил бы об этих природных «доспехах»

троллей, но сейчас ему было не до того. Сейчас ему хотелось иметь как можно меньше общих дел с этими чудовищами. Он время от времени возвращался к мысли о том, что, возможно, сотрудничество с троллями нужно прекратить, причем прекратить радикально. Позволить этим мощным и жестоким существам брести через всю страну — это слишком большой риск для людей, ее населяющих. Стен не мог на это пойти, хотя мародерствующие тролли в крепости Цорпада — это очень заманчиво. Но юный влахак в первую очередь думал о крестьянах и горожанах, которые неизбежно попадутся под руку звероподобным троллям.

Подобная встреча в этот раз чуть не закончилась катастрофой; если рядом не окажется никого, способного сдержать этих чудовищ, будет очень много раненых и убитых. Поэтому оставался лишь один выход — быстрая и неожиданная расправа с ними днем. Но воину претило такое решение, он не желал становиться трусливым убийцей. А перерезать глотки беспомощным троллям... Это совсем худо.

Всю свою жизнь Стен боролся против масридов и ссарков, которые жаждали его смерти столь же сильно, сколь сильно он желал их гибели. Конечно, он использовал хитрость и нападал из засады, когда это было возможно. Он не выступал в открытую, ведь в большинстве случаев противники превосходили вольных влахаков по численности. Но враги никогда ему не доверяли и не находились под его защитой, как тролли, которые были днем в полной власти Стена.

Раздираемый такими мрачными размышлениями, он следовал за троллями по ночному лесу. Ранним утром упал легкий туман, где-то издалека доносился волчий вой. Стен, во всяком случае, надеялся, что это был волк. Когда перед восходом солнца стало ясно, что надежного места для дневки не найти, тролли просто устроились в небольшой ложбине, чтобы их хотя бы не было видно. Естественно, троллей беспокоила близость людских поселений, но влахак считал, что селяне не рискнут выслать за ними поисковую группу. А пока кто-то из уцелевших масридов доставит на юг известие о нападении тролля и сюда будет откомандирован отряд, лес вновь накроет ночь.

В настоящий момент опасность была невелика, так как по ночам тролли были могучими бойцами, которым не страшны даже закованные в доспехи всадники. Это блестяще продемонстрировал Друан. «Какой же разгром такие существа могут учинить во время битвы?» — спрашивал себя Стен. Подобные союзники могли бы быть чрезвычайно полезны. И он снова засомневался в своем намерении покончить с троллями раз и навсегда.

Посреди его размышлений к нему неожиданно обратился Друан:

— О чем задумался?

— Думаю о том, что сейчас в Орволе творится, — раздраженно ответил воин.

— Мы должны были защищаться, — оправдывался Друан.

— Возможно. Но все зашло слишком далеко! А ты должен был меня слушаться! —

Стен почти кричал, но тролль невозмутимо произнес:

— Я не хотел оставлять тебя один на один с врагами. Нужно держаться вместе, если хочешь выжить.

Стен не знал, что ответить. Конечно, Друан отчасти был прав, ведь без вмешательства тролля влахак едва ли смог бы одолеть вооруженных всадников. И Натиоле вряд ли удалось бы уйти. Тем не менее ситуация вышла из-под контроля, к тому же жертв вполне могло быть больше.

Если быть совсем уж честным, то Стен с трудом воспринимал лысого священника как жертву. Но не это главное. Стен вообще не был уверен в том, что тролли не станут убивать людей, и в том, что он сможет удержать их от этого.

Возможно, Друан действительно хотел помочь ему. Однако, прежде чем Стен успел обсудить это с предводителем чудовищ, солнце залило небо золотистым светом, и сквозь листву пробились первые лучи. Стен бросил быстрый взгляд на Друана: тролль и его собраты впали в это странное, похоже на смерть состояние. Влахак громко вздохнул. Что ж, у него теперь есть время, чтобы привести в порядок запутанные мысли, до захода солнца он должен принять решение.

Медленно и размеренно Стен водил оселком по металлу. Эти громкие и резкие звуки пугали лесных обитателей, однако Стену было наплевать. Он был полностью погружен в свои мысли. Его руки точили клинок, а душа витала где-то далеко. Влахаки вспоминали, какое впечатление в детстве на него производил меч, это была удивительная и запретная вещь. Свой первый кованый клинок он получил в возрасте десяти лет, одновременно с Флорес, которая тоже всегда с удовольствием вспоминала этот день. Близнецы к этому времени уже овладели основными боевыми стойками и приемами с учебными деревянными мечами. Но когда Ситеи сал Дабран вложил им в руки по настоящему мечу, это стало особенным событием — первым шагом на долгом пути во взрослую жизнь, знаком благородного происхождения и высокого статуса.

В те времена носить меч означало для Стена больше, чем просто владеть этим куском металла. Меч был символом гордости и чести. Сегодня мечи для него были просто оружием, с которым выступают против врагов. Уже давно у него не было собственного меча, он сражался тем, что в данный момент попадало под руку. Мечи, да и вообще оружие, были запрещены для влахаков, и Стен, жизнь которого часто зависела от того, насколько долго он мог оставаться неузнанным и незамеченным, был редко вооружен во время своих путешествий. У мятежников повсюду были тайники с запасами и снаряжением, где также хранилось и оружие. Простое оружие, вроде обычного меча, который он сейчас точил, без украшений, зато хорошего качества. Меч для боя, совсем не подходящий для церемониальных выходов в свет, когда владелец таким способом демонстрирует свое богатство и власть. Меч, утрата которого не была тяжелой потерей. Меч, который можно просто заменить другим.

Возможно, думал Стен, тролли — это тоже оружие, которым можно управлять, используя его во имя добра или зла. Юный воин видел неистовую мощь троллей, наблюдал масштабы разрушений, которые они могут учинить. Одно лишь их появление на поле боя наверняка парализует противника, а их невероятная сила сметет все, что станет у них на пути.

Подобные размышления были очень соблазнительны, ведь, по его прикидкам, войско масридов значительно превышает по численности объединенные силы влахаков. Нанести хотя бы один удар по их твердыням, смести их там, где они правят столь жестоко, показать людям, что масридов можно победить, — эти мечты юного воина до сих пор казались недостижимыми. Возможно, появление троллей позволит им стать реальностью, освободить страну.

Но кто сможет контролировать этих существ? Кто сможет удерживать эти силы, когда они вырвутся на свободу? Уже дважды они с трудом избежали катастрофы. Стен понимал, что оба раза могли закончиться кровавой резней. Это была большая удача, что на крестьянском дворе оказалось надежное место, где могла укрыться семья, иначе тролли убили бы всех: мужчин, женщин и детей. А то, что в Орволе все как-то обошлось, влахаку вообще казалось маленьким чудом.

Тролли были далеко не простым оружием. Ими нельзя было управлять, как мечом. Они не были чьей-либо собственностью. Тролли опасны, в какой-то мере непредсказуемы, грубы. Это людоеды, воины, которых невозможно остановить. И ко всему прочему этим существам был присущ страх, даже если они и не признавались в этом. Но они находились в незнакомой враждебной местности, полной опасностей, абсолютно беззащитные днем.

Стен испытывал к троллям смешанные чувства, и они тоже ощущали нечто подобное по отношению к человеку. К тому же монстры не знали обычаев и традиций этого мира, у них совсем не было опыта общения с его обитателями.

Они положились на милость Стена, потому что у них просто не было другого выбора. Друан понимал, что это единственно возможный путь. Они верили свои жизни человеку, который стоял сейчас над ними с остро заточенным клинком и раздумывал, не снести ли им головы. Они были совершенно беззащитны. Стен коснулся груди Парда острием меча,

лезвие замерло над глоткой. Здоровяк не медлил бы и мгновения, если бы перед ним встал такой же выбор, как сейчас перед влахаком.

Юный воин задумчиво изучал неподвижное тело. Слегка выпирающие клыки, мощные когти — знаки зверя, которым и являлся тролль. Но Стен никак не мог нанести удар, не мог покончить с этим. Тролли вели войну, сражались с могущественным противником. Так же, как и влахаки, эти существа боролись всеми доступными средствами. Как Стен мог осуждать их за это?

Вздыхнув, он вложил меч в ножны и взглянул на солнце, которое медленно плыло по небу и еще даже не достигло зенита. Закат еще не скоро.

«Как поступали герои в древности?» — в отчаянии спрашивал себя юный воин, однако не знал ответа. Никому из персонажей влахакских сказаний не приходилось выбирать, убивать ли тролля или оставить в живых. Почти семьсот лет назад полуполюгендарный Радуга объединил земли влахаков. Жизнь короля полна взлетов и падений, триумфов и поражений, он испытал дружбу и предательство, однако всегда принимал правильные решения и оставался верен себе. По крайней мере, если верить историям о нем. Ион Мастер Меча боролся против злого Духа темноты. Но в конце концов Ион сложил оружие, проявив к мощному демону уважение, влахак почитил Духа, и Дух пощадил героя и исчез в темноту.

«Что-то плоховато у меня получается проявлять уважение к троллям, — с горькой усмешкой подумал Стен, — а с почитанием у меня, кажется, еще хуже, чем с уважением. Да и вряд ли они исчезнут в темноту».

Легенды, истории и сказки не подскажут ему решение. Собственно, и вопрос-то был прост: может ли Стен рискнуть жизнью людей и использовать троллей? Хочет ли он вообще их использовать?

За такими мыслями незаметно прошел день. Медленно, но неуклонно небо окрасилось в пурпур. Исполненный сомнений, Стен сидел на поваленном дереве и наблюдал за спящими троллями. Наконец, он принял решение и поднялся.

— Хочешь есть? — спросил Дуган влахака, который молча наблюдал за пробуждающимися троллями.

Человек резко покачал головой и отвернулся.

— Ты сердишься? — не унимался тролль.

— Да, — односложно ответил Стен.

— Почему? Из-за того священника?

— Нет. Из-за того что я не смог убить вас, пока мог! — рявкнул Стен на тролля, который, сдвинув брови, бросил осторожный взгляд в сторону Парда, но здоровяк шумно жевал сочный кусок мяса и ничего не услышал.

— Давай поговорим, — предложил Дуган. И они отошли в лес, чтобы остальные не слышали их беседы.

— Ты хотел нас убить? — удивленно спросил Дуган.

— Я должен был. Вы опасны. Но я оставил вам жизнь. И теперь буду виноват во всех злодеяниях, которые вы совершите.

Дуган задумчиво посмотрел на человека.

— Ты знаешь, что Пард потребует твою голову, если услышит такое?

— Очередная угроза? — презрительно спросил Стен.

— Нет. Предупреждение. Ты помог нам, мне будет жаль убивать тебя. Наверное, ты думаешь, что было бы лучше нас уничтожить. Но ты этого не сделал. Почему?

Стен оглянулся и злобно прошипел:

— Потому что я дурак!

— В это я не верю.

Юный воин посмотрел в глаза троллю.

— Вы доверяете мне. Я дал слово. Но я же уже сказал и повторю: я дурак!

— Мы доверяем тебе и имеем на это основания, — почти смеясь, сказал Дуган. — Но

ты печален. Чего ты боишься?

— Что вы будете убивать. Что вы будете убивать людей, много людей, тех, кого я, собственно, и хочу защитить. Даже ты... — начал было влахак, но запнулся.

— Даже я? Но ты тоже убиваешь.

— Сейчас речь не обо мне! Возможно, даже не о тебе! А как с Пардом и остальными? Будут ли они слушать меня? — Стен совершенно перестал сдерживаться.

— Возможно. А возможно, и нет, — допустил Друан. — Но ты помогаешь нам. И ты воин.

— И что это должно значить?

— Что они будут считаться с твоим словом, — ответил тролль.

— Наши пути расходятся, Друан, — сказал Стен и поднял руку, когда тролль хотел перебить его. — Нет, выслушай. Я не могу больше идти с вами. Вы должны вернуться на свою родину.

— Назад? Под землю?

— Да! — решительно сказал Стен.

— Так не пойдет! Мой народ гибнет, Стен! Мы не можем вернуться с пустыми руками!

— Я обещаю, нет, я клянусь, что сделаю все, чтобы помочь вам.

— Этого недостаточно. — нервно ответил Друан. — Если ты больше не будешь помогать, мы пойдем без тебя!

— Тогда мне придется считать вас врагами, выследить и убить, — холодно констатировал Стен.

— Чушь! У нас общие враги!

— Это ваше решение.

Сопя, Друан зашагал взад и вперед, бросая в сторону Стена мрачные взгляды. Наконец массивный тролль глубоко вздохнул и выдал:

— Стен, подумай еще раз.

— Не вижу оснований, — возразил влахак, но тролль прервал его:

— Пард давно бы убил тебя, и мы бы просто пошли дальше. Давай поговорим. Пожалуйста.

Стен растерянно взглянул на тролля, в словах которого слышалась мольба. Он рассчитывал, что дело дойдет до драки, и все это время готовился к этому. Но сейчас, услышав просьбу Друана, его голос, снял руку с рукояти меча и вопросительно уставился на собеседника.

— Мы не можем вернуться, — начал Друан, — и нам нужна помощь, чтобы ориентироваться на поверхности.

— Вы можете вернуться. Я помогу, сказал же... продолжу миссию.

— Что продолжишь?

— Вашу... задачу.

— Мой народ доверяет мне. Мы должны победить. Или гномы сотрут нас, уничтожат!

— Я понимаю. Но я же сказал, что сам сделаю все, что в моих силах, чтобы помешать этому, — обессиленно ответил воин.

— А если бы речь шла о людях? О твоих соотечественниках? Доверишь ли ты кому-нибудь их судьбу? Нам, например? — спросил Друан.

Стен бессильно покачал головой:

— Нет, никогда. Но что же мне делать?

— Помогать нам и дальше. Мы будем слушать тебя. Я позабочусь, — пообещал Друан.

— Ага. Перед тем как отправиться в Орволь, ты тоже что-то такое обещал, — горько бросил Стен.

— Мы никогда не бросаем своих, мы помогаем друг другу, — возразил Друан.

— Кто — мы? — запутавшись, переспросил Стен.

— Мы, тролли, — гордо ответил Друан.

— Я не тролль! — раздраженно возразил влахак.

— Ты из нашей группы, Стен. Мы держимся вместе, мы должны держаться вместе. Нас мало, а врагов много.

— И что? Теперь я должен приклеиться к вам и смотреть, как вы убиваете людей?

— Нет. Помоги нам. Когда мы получим то, что хотим, и исчезнем во тьме глубоких туннелей, тогда ты от нас избавишься, — спокойно заявил тролль.

— Тогда лучше поспешить.

Друан усмехнулся и кивнул.

— Значит, ты с нами?

Стен смиренно кивнул, и оба двинулись назад, где их ждали остальные тролли. Очень скоро они продолжили свой путь в сторону Теремии.

Хотя влахак все еще сомневался в своем решении, но Друан убедил его, по крайней мере в одном пункте. Стен был уверен, что тролли продолжают путь, с ним либо без него. И этот путь завершится кровью и смертью, в этом юный воин тоже не сомневался. Возможно, человеку удастся как-то влиять на этих существ, если он станет помогать им. «И я в любое время смогу уничтожить их», — мысленно, словно заклинание, повторял влахак.

— Что ты ищешь? — неожиданно спросил Рох, чем вывел Стена из задумчивости.

— Что? — удивленно воскликнул тот.

— Что ты ищешь? Куда ты идешь? — терпеливо повторил тролль.

— Я думаю, Цорпад что-то планирует. Что-то ужасное. Я иду в Теремию, чтобы узнать об этом, — ответил Стен. «И освободить Висинию», — мысленно добавил он.

— Ты будешь сражаться один? — поинтересовался Рох.

— Нет. У меня в Теремии друзья, союзники. Они мне помогут, то есть я имею в виду — нам.

— Когда ты узнаешь все, что хочешь знать, что ты будешь делать? — продолжал выпытывать тролль.

К этому времени остальные притихли и внимательно смотрели на Стена и Роха.

— Я пойду на юг, к своему народу. Если Цорпад что-то планирует, то и другие должны узнать об этом. Мы вооружимся для войны, которая, очевидно, скоро разразится, — заявил Стен.

— Я думал, вы уже боретесь.

— Нет, в настоящее время у нас перемирие, — угрюмо ответил влахак.

— У вас перемирие? — озадаченно переспросил тролль.

— Да. Это установленный по договоренности промежуток времени, когда никто не воюет, — попытался объяснить Стен, о его прервал громкий смех Парда.

— Что за бред! Воины либо воюют, либо не воюют! Иметь врагов и не побеждать их... Люди! — презрительно фыркнул огромный тролль.

— Мы не можем сейчас продолжать войну! Мы проиграем! — вспыхнул Стен.

— Такова война. Убивать или быть убитым, — холодно сказал Пард.

— Нет. Я ненавижу масридов. Но я сражаюсь за свой народ. Ради того, чтобы он жил! И если я буду повинен в чем-то, что будет иметь худшие последствия, чем действия масридов, то какой смысл в моей борьбе?

— Уничтожить врага! Выжить!

— Но может стать так, что не выживет никто!

— Ваши враги такие же слабые, как и вы. Поэтому вы не сражаетесь, — сказал Пард.

— Мы сражаемся! Когда приходит подходящее время, тогда... — Стен только хотел продолжить, как Пард снова перебил его:

— Бред! Война — или не война. Сражаться — или убегать. Вы, люди, такие слабые!

Стен сердито отвернулся, но Друан сказал:

— Гномы сражаются всегда. И мы тоже. У нас никогда нет перемирия.

— А что с вашими детьми? Стариками? — спросил Стен.

— Они гибнут, если мы не можем защитить их...

— И мы убиваем врагов, всех! — закричал Пард. — Мертвый маленький выродок

никогда не станет воином!

— Никакой пощады? Никакого сочувствия?

— Война, — самодовольно констатировал Пард.

Стен в ужасе замолчал. Глубоко под землей шли кровопролитные сражения, воины не останавливались ни перед чем и ни перед кем. Неукротимая ненависть вела троллей и гномов на бой и принуждала к ужасным поступкам. Это до глубины души поразило юного воина, хотя его сложно было назвать новичком в военных делах, у него был, пожалуй, чересчур богатый опыт. Неудивительно, что гномы, да и тролли, без колебаний искали любой способ, чтобы взять верх. «Чем же мы лучше? Что отличает нас от этих созданий тьмы?» — задумался Стен, однако, похоже, ответа не было. Масриды тоже казались ему беспощадными, но, по крайней мере, они не стремились полностью уничтожить народ, который угнетали. И Стен также ни в коей мере не желал смерти им всем поголовно. Если бы масриды вдруг на следующий день покинули страну, тогда бы он ликовал, сложил бы оружие и больше не тратил на них свою жизнь. За исключением, конечно, Цорпада и Хази, смерти которых он жаждал в любом случае. Охваченный противоречивыми мыслями, молодой человек продолжил путь вместе с троллями, чьи массивные силуэты мелькали на фоне деревьев.

20

Сарган и раньше не раз ходил на речных судах, в том числе и против течения. Но за границами этой отсталой страны для этих целей использовали выючных животных, а не людей.

В Ардолии животные, очевидно, ценились выше, поэтому против течения переполненные баржи тащили так называемые бурлаки. Эти несчастные в рваной одежде выполняли эту тяжелую, и опасную работу за нищенскую плату, их обычно набирали в портах за пару монет и еду сомнительного качества; эти рабочие нужны были лишь при движении против течения, вниз по течению суда несла река, причем совершенно бесплатно, а движением управляли с помощью небольшого прямоугольного паруса.

Конечно, при попутном ветре парус ставили даже тогда, когда баржу тащили бурлаки, но даже в этом случае тянуть тяжелогруженные суда было нелегко. Капитан судна, на котором путешествовал Сарган, нанял три группы бурлаков, которые трудились с раннего утра и до поздней ночи. Одна смена обычно тащила баржу, в то время как две другие либо отдыхали на корабле, либо плелись рядом по берегу.

Бурлаки были из простого народа, все влахаки. Сарган наслаждался их грубыми шутками и песнями, которые они пели во время работы, чтобы выдерживать темп. Вот уже два вечера он присоединялся к бурлакам, когда поздним вечером они ужинали у костра.

Один из бурлаков, крупный крепкий мужчина, с большими, словно весла, руками, вручил Саргану глиняную кружку с прозрачной жидкостью с резким запахом.

— Драконья моча, — усмехаясь, буркнул он, и остальные засмеялись.

Сарган осторожно принялся к напитку. Затем пожал плечами и сделал большой глоток. Водка прожгла путь до самого желудка, но Сарган привык к крепким напиткам, и следующую кружку он запросто опрокинул в горло, что вызвало еще один взрыв смеха, но в смехе сквозило уважение.

— Ты, оказывается, крепче, чем выглядишь, коротышка, — засмеялся бурлак, похлопав Саргана по плечу. — Меня зовут Петриу, а если ты назовешь мне свое имя, то у нас появится причина, чтобы выпить еще по кружке!

Весь вечер дириец осторожно расспрашивал речной люд о стране, при этом он старательно изображал ученого, но нерасторопного чужеземца, так же он поступал и в Турдуе. Этот образ позволял Саргану быстро завоевывать доверие, так как в глазах окружающих он не представлял никакой опасности. Симуляция опьянения и несколько анекдотов скоро завоевали доверие бурлаков. Петриу, который вроде был предводителем

группы, охотно рассказал ему о трудной жизни в Ардолии.

— Бурлакам совсем непросто выживать, брат, — сказал мужчина исполинского телосложения. — Оплата низкая, а работа трудная.

Словно в доказательство он поднял свои ручки, покрытые мозолями, и продемонстрировал их чужеземцу.

— А если ты больше не можешь тащить проклятую баржу из-за болезни, нагрывавшей старости или просто от полного изнеможения, тебя просто бросают.

Сарган кивнул, соглашаясь, а про себя удивился, как же при этом бурлакам удается сохранять веселое расположение духа.

Маги пересекала всю Ардолию, представляя собой крупнейшую водную артерию в стране и самый популярный торговый путь. Лесные дороги использовались с гораздо меньшей охотой, так как они все еще были небезопасны. Вполне реальные банды грабителей и мятежников и рассказы о невиданных чудовищах, которые нападали на незащищенных путников, не добавляли желания путешествовать посуху. Реку и тропу бурлаков масриды охраняли, поэтому маршрут считался надежным. На равных промежутках были выстроены укрепления, где баржи могли причалить, чтобы путники проводили ночь под защитой.

Как-то на одном из таких постоянных дворов, в пивной, Сарган провел вечер вместе с владельцем баржи, в то время как бурлаки расположились во дворе, так как хозяин заведения не хотел пускать внутрь всякий сброд.

Владельцу баржи Сарган сразу понравился, и тот решил поболтать с иностранцем. Лазутчик разговорился с пожилым масридом, а в это время со двора через открытое окно до них доносились песни бурлаков о жизни, любви и смерти на реке.

Сарган не услышал от хозяина баржи ничего нового, кроме того, что тот посоветовал не водиться с бурлаками — грубым, неотесанным народом, находящимся в плену суеверий и странных традиций. «Во всяком случае, они умеют веселиться», — зевая, подумал Сарган, слушая длинную скучную тираду владельца о ленивых и жадных влахаках, которые сдерут последнюю рубаху с честного, упорного трудяги. Все, что Сарган выяснил в тот вечер, — это то, что пропасть между масридами и влахаками действительно глубока и полна предубеждений.

В общем, дни на Маги пролетели довольно быстро, они мелькали так же стремительно, как и пейзажи страны, через которую они плыли, бесконечные темные леса которой Сарган наблюдал с борта судна. В Теремию он прибыл даже раньше, чем ожидал.

Наконец судно медленно проползло вдоль стены порта — последний отрезок пути, причем бурлаки взойшли на борт и двигали баржу с помощью канатов, закрепленных на металлических кольцах стены порта. Так, от одного кольца к другому, они спокойно зашли в тихий порт и, отталкиваясь от дна шестами, причалили.

На пирсе Сарган задобрил чиновника парой монет, и тот не задавал ему слишком много вопросов. Бросив последний взгляд на порт и махнув на прощание бурлакам, он отправился в город, который очень напоминал Турдуй. И хотя столица была значительно больше, ее нельзя было даже сравнить с городами его родины.

Над крышами Теремии царила огромная, выстроенная из темного камня цитадель, на стенах которой развевались длинные красно-черно-золотые полотнища. Крепость настолько преобладала в общей картине города, что казалось, будто маленькие фахверковые дома и даже большие каменные сооружения склоняются перед ней. На крепостной стене Сарган разглядел людей, скорее всего это были стражники, которые несли караульную службу.

Прежде чем разрабатывать план дальнейших действий, нужно найти жилье и раздобыть как можно больше информации.

А потом уж можно было расследовать, что творится за толстыми стенами. Возможно, ему удастся узнать достаточно, не устраивая опасных игр с охранниками.

Однако через два дня, которые Сарган провел, наблюдая и опрашивая людей, лазутчик констатировал для себя, что его перспективы не слишком радужные. Очевидно, гномы,

посещавшие Теремию, в сам город заходили редко, зато периодически гостили в замке марчега, крепости Ремис.

Наверное, караваны гномов из северных гор доставляли товары прямо в крепость, и выяснить это было непросто, так как поставки эти производились тайно.

Сарган решил понаблюдать за крепостью. Он нашел подходящее укрытие в каком-то амбаре за пределами города. Отсюда можно было наблюдать за воротами цитадели. В первую же ночь он увидел, как из леса показалась повозка, которая двигалась по направлению к крепости, причем очень скрытно и в полной темноте.

Сарган тихо прокрался через поле поближе к дороге, чтобы хорошенько рассмотреть транспорт. Повозку тащили выносливые пони, которых Сарган уже видел здесь днем. Воины маленького народца бесшумно шагали позади. Этот странный эскорт беспрепятственно пропустили через главные ворота в крепость.

Остаток ночи прошел без событий, и следующий день Сарган использовал для того, чтобы, во-первых, немного отоспаться и, во-вторых, подготовиться. Если он не ошибается в своих наблюдениях, гномы не будут долго гостить среди людей, маленький народец всегда стремится побыстрее вернуться домой. Лазутчик вновь обзавелся снаряжением, часть которого он растерял в пути, а часть просто израсходовал. Таким образом, он тщательно подготовился к очередной ночной вылазке.

Крепость всегда хорошо охраняли, но не столько от одиноких воров, сколько от крупных отрядов, которые могли ворваться в нее. Вопреки расхожим байкам, убийце обычно крайне редко удастся проникнуть за толстые стены и заколоть владельца замка во сне, Саргану это было прекрасно известно. Тем более это было редкостью для Ардолии, где междоусобные распри обычно заканчивались на поле боя, лицом к лицу, с мечом в руках. Но все же на стенах цитадели несли службу патрули, также охранялись и другие важные объекты внутри крепости. Но всегда существовали и существуют две вещи, которые помогают тайно проникнуть в любое место: темнота и однообразие. Даже самый сознательный стражник когда-нибудь устанет, чередой спокойных и однообразных ночей не способствует укреплению бдительности. «А зря, так как этой ночью произойдут интересные события», — с холодной улыбкой подумал Сарган, осторожно пробираясь через поле. Лазутчик тщательно подобрал одежду — темно-серую, свободную. Волосы он спрятал под темно-коричневую шапку, лицо старательно вымазал черной пастой. За спиной болталась залатанная сумка, в которой шпион нес снаряжение, упакованное так, чтобы любую вещь можно было вытащить быстро и бесшумно.

К счастью, за день ветер нагнал немного облаков, и луна светила не очень ярко. «Наверное, сейчас у меня полоса удач», — усмехнулся про себя Сарган, добравшись до стены и взглянув наверх. Как и ожидалось, камень был гладким, но Сарган был готов к этому. Веревка с крюком была бы слишком заметна, поэтому он предпочел более сложный, но более скрытный способ взобраться на крепостную стену. Лазутчик извлек из сумки три плоских широких и острых клинка из нешлифованной стали и принялся за работу. В борьбе с противником такое оружие едва ли было бы полезно, но для проникновения в цитадель оно незаменимо.

Сарган в течение прошлой ночи изучил время смены караула. До следующей смены оставалось еще немного времени. По опыту Сарган знал, что в конце патрулирования внимание солдат ослабевает, и решил воспользоваться этим обстоятельством.

Огромные тесаные темные камни внешней стены были просто подогнаны друг к другу, без использования какого-либо раствора. Наверное, наружная стена цитадели была двойной: внешний слой из крупных валунов, внутренний — из более мелкого камня. Пустоту между этими двумя слоями, по-видимому, заполнял гравий, песок или что-то подобное. Такой способ делал сооружение очень прочным. Несмотря на то, что блоки внешней стены были довольно крупными и хорошо обтесанными и между ними почти не было щелей, Сарган все же мог просовывать между ними плоские клинки кинжалов. Один из трех он заткнул за

кожаный пояс, а два других использовал как своеобразную лестницу. Каждый раз, надежно закрепляя одно лезвие между камней, он подтягивался на руке, одновременно вынимая из щели нижний клинок. Так как блоки были достаточно крупными, ему нередко приходилось выполнять сложные трюки. Но опыт и сноровка помогали ему все выше взбираться по стене почти в полной темноте.

Подобравшись к зубцам на самом верху, Сарган осторожно выглянул над бойницами и быстро пригнулся, увидев медленно идущего мимо охранника.

Шпион терпеливо дождался, пока шаги стихнут, затем вскарабкался на бойницу и вытащил из стены последний широкий клинок. Быстро оглядевшись, он убедился, что поблизости никого нет, метнулся к одной из деревянных лестниц, ведущих во двор, и спустился по ступеням.

На задней стороне двора он заметил конюшни — деревянные строения, перед которыми стояли поилки и ясли с кормом. В центре двора догорал костер, он почти совсем потух, но поседевшие дрова еще слабо тлели. Возле костра скрючившись сидел еще один охранник, заснувший, наверное, или как минимум уже дремлющий.

Сарган не торопился и медленно, пядь за пядью, пробирался к большому зданию в центре двора. Он ни в коем случае не хотел в спешке совершить ошибку.

Когда он добрался до середины двора, внезапно позади себя услышал голос:

— Хеда, что это значит?

Сарган замер, он на какую-то долю мгновения решил, что его обнаружили. Но затем заметил, как справа к кострищу приближается еще один охранник с явным намерением разбудить спящего товарища. Мысленно чертыхаясь, Сарган пригнулся в тени.

Солдат у костра поспешно подскочил.

— Все хорошо, Миклос. Я только хотел немножко согреться. Чертовски холодно, а когда я попадаю домой, то дети кричат так, что я и глаз не могу сомкнуть.

Его товарищ не то сердито, не то сочувственно что-то пробурчал — Сарган не разобрал.

— Если тебя застукают, когда ты дрыхнешь на посту, то окажешься в медвежьей яме. Это как пить дать.

— Если ты не побежишь докладывать госпоже Скилои, меня не застукают.

Второй охранник пожал плечами.

— Делай как знаешь. Но я предупредил.

С этими словами он развернулся и отправился на свой пост.

Мужчина у костра зевнул и мгновение нерешительно смотрел в костер. Затем, наплевав, очевидно, на риск быть застуканным, снова прикорнул на скамейке.

Все это время Сарган сидел на корточках. Какое-то время он не осмеливался двигаться дальше. Он напряженно всматривался и вслушивался, чувствуя, как мышцы постепенно сводит.

Наконец, убедившись, что охранник снова задремал, бесшумно поднялся и продолжил путь, максимально забирая в тень, стараясь держаться подальше от света.

Когда он достиг входа в здание, то снова пристально изучил силуэт у костра и осторожно открыл дверь. Она не была заперта, изнутри на ней была лишь задвижка, которой, к счастью, не воспользовались.

В холле горели две небольшие масляные лампы, которые давали совсем мало света. Поэтому высокий потолок и стены, украшенные огромными гобеленами, изображавшими какие-то сражения, утопали во тьме. Наверх вели две широкие лестницы. Еще Сарган заметил несколько дверей впереди, слева и справа. Как он и предполагал, главные помещения располагались выше. Поэтому Сарган шмыгнул вверх по лестнице, которая была слева от него, и принялся наблюдать за коридором, который начинался на верхней площадке. Он был темным и пустым, с несколькими дверями по обе стороны. Сама же лестница делала крутой поворот и уходила наверх. Сарган решил подняться. На втором этаже из коридора лился яркий свет, и когда шпион осторожно заглянул в коридор, то заметил двух стражников

в полных доспехах и вооруженных до зубов.

Про себя дириец проклял трусость масридов, которые даже в цитадели выставляли охрану у своих покоев. Однако он не видел никакой возможности незаметно проскользнуть мимо охраны. Поэтому медленно двинулся назад.

Придется выбрать более сложный путь на третий этаж. Сарган тихо пробрался в коридор второго этажа и прислушался к шуму за дверью.

За ней царил тишина. Он осторожно открыл ее и заглянул в помещение. На счастье, здесь действительно никого не было, поэтому лазутчик зашел и прикрыл за собой дверь. Тремя быстрыми шагами он оказался у окна, поднял деревянную раму, на которую был натянут высушенный бычий пузырь, затем открыл ставни и украдкой выглянул наружу. Небо все еще скрывали облака, что было вполне на руку Саргану. Он ловко выбрался через окно и поискал пальцами щель между камнями, чтобы залезть на следующий этаж по наружной стене.

Пядь за пядью он карабкался — наверх и влево, так как в одном из окон заметил слабый луч света. Через некоторое время шпион оказался под этим окном. Ставни были закрыты, а рама опущена, но шпион смог расслышать голоса. Кто-то беседовал внутри. Окно и ставни немного приглушали звуки, но Сарган отчетливо различал женский голос:

— ...Господин выполнит свою часть договоренности. Но если ваши старания требуют больше времени, то и наше бремя становится тяжелее. Наши ресурсы безграничны, вы это хорошо понимаете.

Затем Сарган услышал бормотание, словно кто-то что-то шептал, после этого раздался низкий мужской голос:

— Наш уговор не предполагал никаких ограничений во времени, Скилои Касцон. Мы поставляем все так, как и договаривались, и не видим причины давать вам больше, чем было договорено.

Мужчина говорил медленно и без акцента, но так, как говорят те, кто, хоть и владеет чужим языком, использует его не часто.

— Безусловно. Но, в то время как ваша часть договоренности — это товар, который вы поставляете, наша часть — это нечто большее. Вы попросили о помощи. И вы говорили, что вашу проблему можно быстро устранить, если мы поможем. Теперь вы говорите, что ваши враги доставляют вам больше трудностей, чем ожидалось. Время, которое вы называли, давно истекло, а наши подчиненные все еще работают на вас. Нам очень не нравится, когда нас используют! — резко ответила, женщина.

Снова возникла короткая пауза, затем Сарган мог слышать лишь тихий неразборчивый шепот. Владелец низкого голоса беседовал еще с кем-то, очевидно с мужчиной, но Сарган ничего не мог разобрать.

— Допустим, мы продолжим поставки все семнадцать дней, пока не перестанем нуждаться в вас, — пошел собеседник на уступки, и Сарган широко улыбнулся.

Семнадцать дней — это одна неделя у гномов, один из временных промежутков, которые использовал маленький народец. А это означало, что он сейчас стал свидетелем очень интересных дополнительных переговоров.

— Мы отправляемся назад завтра перед рассветом и все подготовим, если вы принимаете наше предложение, — продолжил гном.

— Предложение приемлемо.

— Значит, будет так. Будьте здоровы, Скилои Касцон.

— Удачного пути, — ответила женщина, и Сарган услышал, как закрылась дверь.

Несмотря на это, Сарган все еще оставался под окном, так как надеялся узнать больше. Однако неожиданно он услышал какое-то царапанье и понял, что кто-то поднимает раму. Он быстро переместился ниже, надеясь спуститься на этаж, пока из окна не высунулась чья-нибудь голова.

Однако спешка обернулась неудачей. Он почти достиг открытого окна внизу, но поскользнулся, и его нога стала медленно сползать с широкого клинка. Он сразу же

наклонился и попытался в отчаянии ухватиться за что-нибудь, руки нащупали открытую ставню, и он крепко вцепился в нее, затем смог подтянуть ноги и забраться в окно. Там он быстро вскочил на ноги и прислушался. Но, судя по всему, его маленькое приключение осталось незамеченным, не слышно было ни криков тревоги, ни шума, никаких других признаков беспокойства. Очень осторожно он выглянул из окна и вытащил свой клинок, который все еще торчал из стены, словно Сарган и не совершал только что смертельный танец на нем.

И только когда вновь закрыл ставни и поставил назад раму, он перевел дух и присел на маленькую табуретку. Новости, о которых он только что услышал, давали богатую пищу для размышлений.

У гномов и Цорпада была договоренность. Марчег-масрид не поставлял товары, а оказывал какую-то непонятного рода помощь. В чем? Сарган мог только предполагать. Очевидно, у гномов были враги, и масриды или, вернее, Цорпад поддерживали маленький народец в борьбе против них. Эта информация была очень ценной, так как враги гномов, естественно, становились потенциальными союзниками для их соперников.

«Каждая дверь, которую я открываю, ведет к целому ряду других дверей, — вздохнув, подумал Сарган. — Об этом я тоже должен узнать побольше». Однако здесь ему вряд ли еще раз так невероятно повезет и он сможет подслушать такой же важный разговор.

Настало время вновь сконцентрировать усилия и переключиться на маленький народец. Уже этой ночью караван покинет город и отправится к северным горам. И теперь шпиону нужно во что бы то ни стало выяснить, о чем же договорились марчег и гномы. Караван прибыл в Теремию в сопровождении примерно дюжины гномов, и прямо спросить у кого-то из них, в чем, собственно, дело, не было возможности.

Сарган осторожно приблизился к конюшням и огляделся. Обе большие деревянные постройки были сооружены у самой крепостной стены, чуть в стороне от остальных зданий. К его счастью, в этой несколько уединенной части внутреннего двора цитадели, наполовину скрытой восточным крылом главного здания, патрулей не было.

Через небольшую щель в досках Сарган заглянул в конюшню, но там было так темно, что он ничего не смог разглядеть. Шпион даже рискнул пройти через двери, которые были слегка приоткрыты. Вообще-то обычно конюхи не спали в конюшнях, поэтому Сарган тихо проскользнул внутрь. Масриды слыли лихими наездниками, а их лошади были главной гордостью этого народа, поэтому с животными обращались лучше, чем с некоторыми подданными. Так, по крайней мере, утверждал предводитель бурлаков, описывая эту страсть масридов.

Однако здесь все выглядело так же, как и в других конюшнях, которых Сарган немало повидал в своей жизни: несколько стойл для животных, второй этаж, на котором хранили сено и солому. Перед дверью много свободного места, повсюду инструменты. Тут царило приятное тепло, пахло свежим сеном и навозом. После короткого осмотра Сарган установил, что, кроме единственного экипажа, здесь не было других повозок, тем более похожих на ту, на которой гномы прибыли в крепость. Поэтому он выскользнул из первой конюшни и шмыгнул во вторую, где сразу обнаружил то, что искал. Рядом с открытым экипажем стояла повозка, подобная тем, какие Сарган видел в горе. Она была уже наполовину пуста. Сзади оставались два ящика с продуктами, бочонок и еще несколько тюков ткани. Не долго думая, Сарган залез в повозку и устроился между ними. Скорее всего, гномы не станут осматривать повозку, пока не доберутся до цели, поэтому он в безопасности, если будет очень осторожен. Тюки были тяжелыми и давили на него своим весом, но бывало и похуже, поэтому Сарган не слишком ворчал. Гномы обязательно сделают привал, и тогда он придумает, что делать дальше.

К сожалению, гномы были невероятно выносливыми. Они продвигались целый день и добрую часть ночи. К несчастью, вымотавшийся Сарган заснул во время их привала и проснулся лишь под утро, когда путники уже готовили завтрак. Тихо проклиная себя, шпион

прислушался к разговорам, но они вертелись в основном вокруг их повседневных дел.

Когда до Саргановых ноздрей долетел запах жареной грудинки, у него потекли слюнки, но он не решался нашарить что-нибудь съестное в своей сумке из боязни пошевелить тюки.

Поэтому лазутчик просто лежал и ждал. Рано или поздно будет еще один привал. Очень скоро повозка с непрошеным пассажиром снова загрохотала по тракту, во всяком случае так это называли здешние жители, хотя, по мнению дирийца, это была не более чем захудалая тропинка. Между тюками с тканью воздух был затхлый, Саргану в нос постоянно сыпалась пыль, но он не позволял себе чихать. Во время поездки гномы почти не разговаривали. Как Сарган ни старался осторожно выглянуть наружу, он замечал лишь молчаливых солдат рядом с повозкой. Так прошел еще один день, а пустой желудок Саргана все сильнее негодовал по поводу такого скверного обращения с ним.

Лишь с наступлением ночи солдаты остановились, чтобы поужинать, но после снова продолжили путь, что чуть не вызвало у Саргана тихий стон. «Неужели эти сволочи никогда не устают?» — раздраженно подумал он. Выглянув из-за тюков, он обнаружил, что находится в лесу. Пока они ехали по Теремии, их окружали бесконечные поля, но, судя по всему, они уже оставили обработанные пашни позади и теперь ехали через чащобу.

Неожиданно повозка подпрыгнула, вероятно, наткнулась на какую-то помеху на дороге. Сарган почувствовал, как тюки с тканями над ними сползают, один из них откатился в сторону, и между верхушками деревьев, нависающих над тропой слева и справа, Сарган увидел клочок неба, затянутого облаками. С закрытыми глазами Сарган произнес короткую молитву к Агдель, однако, очевидно, полосу везения шпиона прервал крик одного гнома.

— Ткани! Подождите, я их сейчас поправлю.

Сарган все еще был скрыт от глаз солдат, но когда гном займется тюком, то, без сомнения, обнаружит его. Сарган осторожно положил руку на рукоять кинжала, который торчал за поясом. Он все еще надеялся, что гном, возможно, просто бросит тюки один на другой, но тщательность маленького народца была притчей во языцех совсем не просто так. И этот гном тоже стремился выполнить работу хорошо. Сарган увидел широкое бородатое лицо и не медлил ни мгновения. Лазутчик резко приподнялся и вогнал кинжал солдату в горло. Тот опрокинулся, издавая страшные, булькающие звуки, Сарган столкнул его с повозки и вскочил во весь рост. Раздался крик, но дириец, не обращая на него внимания, прыгнул на землю позади повозки, между двумя все еще пребывающими в растерянности воинами. Не тратя времени и сил на атаку, он помчался прочь, оттолкнув при этом еще одного гнома. Он несся по тропинке так стремительно, как только мог. Темнота ему была только на руку, он скроется, если ему удастся оторваться от них на достаточное расстояние.

Вслед неслись крики и чертыхания, но его это не заботило до тех пор, пока не раздалось звонкое жужжание и ему в ногу не вонзилась стрела, пронзив ее огненной болью. Вскрикнув, шпион упал, при этом в его голове мелькнула мысль: «Кто бы мог подумать, что меня схватят на грязной дороге в Ардолии?»

21

Ночь была трудной, утро не обещало быть лучше. После вчерашней сильной бури погода резко изменилась, и теперь на небе ярко светило солнце.

Бормоча что-то себе под нос, Флорес сал Дабран перевернулась на другой бок и накрылась одеялом с головой, когда один из лучей добрался до ее лица; от этого головная боль только усилилась. Ее нога соскользнула с кровати и зацепила глиняный кувшин, который опрокинулся с невыносимым грохотом. Ругаясь, влахака поднялась и глянула на черепки, при этом ей показалось, что в лоб ей вонзились раскаленные копья. По крайней мере, она себя так чувствовала.

Застонав, она закрыла глаза руками. «Никогда, — поклялась она себе, — никогда больше не буду пить свекольный самогон, который продает Лареа. Пусть он расхваливает его как особо популярный напиток, но никогда!» Флорес осторожно тронула куски кувшина

и уже хотела опуститься на соломенный матрац, как раздался громкий стук в дверь. Каждый удар отдавался громом в ее ушах, посылая новую волну боли в голову. Девушка раздраженно закричала:

— Да! Да! Проклятье, я иду!

Она осторожно пересекла небольшую комнату, в которой жила уже несколько месяцев, и глянула на разбросанную одежду. Она не могла вспомнить, чтобы у нее была такая шляпа, и в панике глянула на кровать. Но там никого не было, она спала одна, хотя воспоминания о последней части вечера были очень размытыми. Вздохнув с облегчением, она открыла дверь и с трудом успела увернуться от кулака неуклюжего мужика. Удар сопровождался руганью:

— Потаскуха! Распутница! Шулерка! Я выбью тебе зубы, сверну шею, ты, проклятая баба!

Флорес в замешательстве увернулась от неумелого и медленного удара правой и заблокировала левую, поспешно выставив руку. Однако здоровый как бык мужик не унимался. Он попытался схватить девушку за ворот рубахи, которую она, очевидно, не сняла вчера ночью. Или просто не в силах была снять, так вернее. Скорее автоматически, чем намеренно, Флорес отпрыгнула, оттолкнула руки нападающего и крикнула:

— О духи темноты, чего ты хочешь? Кто ты вообще?

— Кто я? Кто я? — ошарашенно закричал мужик. — Я — тот, кого ты вчера обманула! Ты украла все мои деньги, стерва!

— Деньги? — удивленно переспросила Флорес, в голове заплясали обрывки воспоминаний.

Она увидела себя в большой широкополой шляпе, с картами в руках, хлещущей стакан за стаканом этот треклятый самогон.

— Да, деньги! Всю оплату за двенадцать дней, ты, дрянь! Я сделаю из твоей милой мордашки кашу, тебя родная мать не узнает! — орал мужик, надвигаясь на нее.

На этот раз Флорес была готова. Вчерашняя попойка еще не выветрилась, но девушкой управляли инстинкты и годы тренировок. Она ухватила правую руку нападавшего, которую он неосторожно выбросил вперед, стараясь нанести удар, пригнулась и перекинула мужика через плечо. Мужик с криком полетел на пыльный деревянный пол. Прежде чем он смог снова подняться, Флорес оказалась над ним, врезала ему правым локтем в область желудка и зажала горло.

— Послушай, ты, остряк, я тебя не обманывала. Я этого не умею. Кроме того, вчера я была слишком пьяной, чтобы такое сделать, понятно? — прошипела Флорес ему прямо в ухо.

— Мои деньги, на что мне теперь жить? — жалобно простонал мужик, но Флорес была непреклонной.

— Карточный долг — долг чести, мой друг!

Неожиданно мужик взревел, взвился и ударил ее кулаком в лицо. Хотя девушка и выдержала удар, но перед глазами затанцевали звездочки, а ее головная боль стала просто невыносимой. Стиснув зубы, она почти вслепую с трудом успела увернуться от удара по коленям. Вконец рассвирепев, Флорес ринулась вперед, как только зрение восстановилось, и обрушила на нападающего череду беспощадных ударов. Мужик устоять не смог, только защищать лицо.

Любую попытку нанести ответный удар она заблокировала, пока мужик снова не грохнулся на пол. Она сразу же запрыгнула на него и продолжила сыпать ударами, пока не услышала, как он взмолился:

— Нет, пожалуйста, нет, нет!

Только тогда, тяжело дыша, Флорес остановилась, но коленом она все еще упиралась в его грудь. Когда она заметила, что мужик всхлипывает, девушка опустила руку и прикрикнула на него:

— Соберись, ты, тряпка!

— Моя жена, мои дети, на что нам жить?

— Об этом ты должен был спрашивать себя вчера, перед тем как все продул! А теперь выметайся, пока я не переломала тебе руки!

— Прекратите! — неожиданно из-за двери раздался низкий голос, и Флорес удивленно выглянула в коридор.

В проеме входной двери она разглядела чей-то силуэт. Стоявший был худ, лицо скрывал капюшон.

Флорес медленно поднялась и оглянулась в поисках оружия. Меч оказался за кроватью, да и к тому же в кожаных ножнах. «Правило первое: всегда знай, где твое оружие», — с горечью вспомнила она одно из правил.

— Что происходит? — спросил незнакомец.

Мужик невнятно залепетал:

— Она обманщица, господин! Она обокрала меня! Все мои деньги, господин!

— Действительно? Вот как! И сколько же их было?

— Проклятье, этот пьяница врет, — вырвалось у Флорес, и она была готова убить негодного мужика, однако незнакомец предостерегающе поднял руку:

— Итак, сколько?

— Три сребреника, господин, — поспешил заявить побитый мужик.

— Вот, — крикнул мужчина, все еще скрывавшийся в темноте, и бросил ему небольшой мешочек, который, звякнув, упал на пол.

— Смотри, не пропей и это!

— Да, господин. Спасибо, господин! — ответил тот, прижимая мешочек к груди и протискиваясь в дверь мимо незнакомца.

Бросив на Флорес язвительный взгляд из-под опухших век, мужик убежал. Девушка устало осматривала комнату в поисках своих штанов. Мужчина все еще стоял в дверях.

— Доволен, Нати? Снова сделал доброе дело?

— Тихо, проклятье, — ответил Натиоле, быстро оглянувшись и зашел в комнату.

— Что? Путешествуешь инкогнито?

— Ин... что?

— Хочешь, чтобы тебя не узнали? — пояснила Флорес.

Натиоле кивнул, закрывая за собой дверь.

— Разве я тебя пригласила? — сердито спросила Флорес, обнаружившая наконец в хаосе вещей свои кожаные штаны.

Натиоле откинул капюшон и хмуро глянул на девушку. Влахах был на целую голову выше, но такой же худой, как и она. Очень много врагов купились на эту удобу...

Но Флорес знала силу Нати, его ловкость и выносливость. Ей потребовалось несколько месяцев упорных тренировок, прежде чем она смогла регулярно побеждать его в поединках. Даже сейчас, когда она стала зарабатывать себе на жизнь мечом, Флорес не была уверена в исходе возможной дуэли с мятежником. Нати был намного опытнее и хладнокровнее, чем она.

— Ладно. Заходи, — пригласила Флорес своего старого друга, приседая в шутливом поклоне.

Девушка смахнула с лица несколько черных прядей и обнаружила, что на некоторые налипла какая-то вязкая субстанция, исследовать которую ей совсем не хотелось.

— Не очень хорошо выглядишь, — сухо констатировал Натиоле.

Флорес в целом была согласна с другом: длинные волосы спутаны, и, принимая во внимание ощущения в желудке, цвет лица был соответствующий — зеленый, наверное.

— Вчера было много влаги, Нати.

— Определенно. Ты на самом деле сломала бы руку этому несчастному мужику?

— Не будь смешным! Конечно, нет. Но он заслужил взбучку. Он ни с того ни с сего кинулся на меня с кулаками, — возразила Флорес.

— Он здорово разозлился. Проиграть три сребреника! Это же целое состояние, — объяснил Натиоле, но Флорес отмахнулась.

— Если бы я выиграла три сребреника, то точно прекратила бы пить свекольную сивуху. И моей голове было бы полегче. Он обманул тебя!

— Я дал ему двадцать, — невозмутимо бросил Натиоле.

— Что? Ты с ума сошел? — в отчаянии простонала Флорес.

— Нет. Я только что продал лошадь, которая... не принадлежала мне. Давай поедим. Я приглашаю. Я ужасно голоден, — предложил Нати, и Флорес согласно кивнула.

Однако сначала нужно было одеться.

Чтобы добраться до пояса с ножнами, ей пришлось лезть за кровать, и когда она обнаружила свой клинок, то сразу вспомнила, почему она вчера начала пить. Девушка опустилась на матрац, застонала и закрыла руками лицо.

— Он мертв, Нати, — сдавленным голосом сказала она.

— Нет, он совершенно сбрендил, но он не мертв, — с улыбкой возразил Натиоле.

Флорес подняла голову и удивленно взглянула на него.

— Мне рассказали, что его арестовали! И Цорпад точно не оставит его в живых!

— Ты знаешь, что в таких случаях говорят: собаки лают — ветер носит, — с усмешкой заметил Натиоле.

— Ясно, не слушай болтовню людей, я знаю! Но...

— Я встретил его, свободного и на диво живого, — продолжил воин, однако Флорес прервала его гневной тирадой:

— Это так похоже на него! Дурак! Ну попадись он мне! Он пожалеет, что его не сцапали ищейки Цорпада! Глупый, дурацкий, непостижимый осел... — сказала Флорес, подыскивая слова, при этом на глаза наворачивались слезы.

— Да. Именно так подумал и я, — смеясь, ответил Натиоле. — Пойдем. Я расскажу все по порядку за завтраком. И надень штаны как следует, что люди подумают?

Флорес ошарашенно посмотрела на себя и обнаружила, что и в самом деле натянула их задом наперед. После того как девушка привела себя в порядок, они отправились в трактир Лареа. Здесь у Флорес возникли смутные подозрения, что часть обстановки не пережила ее вчерашнюю попойку.

Натиоле жадно глотал яичницу с беконом и горячий хлеб, словно неделю сидел на голодном пайке, Флорес ограничилась кружкой воды. Сердитый трактирщик потребовал с нее деньги на новый стол и три стула, которые были вчера разбиты. Натиоле с усмешкой оплатил все.

Флорес осторожно глотала воду, но даже воду желудок принимал неохотно и возмущался. В конце концов девушка отставила кружку. Она изо всех сил пыталась игнорировать запах яичницы с беконом. Натиоле жевал и при этом тихо рассказывал:

— Я встретил его чуть севернее Орволя. Я прятался там у знакомых крестьян, после того как ищейки Цорпада неожиданно нагрянули во все наши надежные места. Меня преследовали до самого леса, но перед Орволем я смог оторваться и спрятался. И что ты думаешь, кто там объявился?

— Стен?

— Правильно. Но не один. Он был... с друзьями.

— Друзьями? — с сомнением переспросила Флорес.

— С троллями, — прошептал Натиоле, окинув взглядом пустой в этот час трактир.

Казалось, что Нати боится, будто стены подслушивают его слова.

«Вот таким человек становится, когда вынужден постоянно скрываться», — сочувственно подумала Флорес. Прошло несколько мгновений, прежде чем до нее дошел смысл того, что она только что услышала.

— Тролли? Ты надо мной смеешься, Нати?

— Нет! Стал бы я такое говорить? Огромные монстры, темные, с вот такими клыками и когтями! — описывал влахак и при этом размахивал деревянной ложкой, видимо, чтобы усилить впечатление.

— Тролли? Настоящие тролли? Большие злые людоеды? — недоверчиво уточнила Флорес.

— Да! Они хотели съесть крестьян, но Стен остановил их.

— Если ты меня дуришь, Нати, то я не только руку тебе сломаю, — пригрозила Флорес, хотя была уверена, что в настоящий момент он легко бы справился с ней, учитывая ее похмелье.

— Ну, я же тебе говорю! Итак, Цорпад приказал отвезти Стена в лес... — снова начал Натиоле, но Флорес перебила его:

— Этот трижды проклятый чертов подлец, с него надо кожу содрать!

Затем она заметила взгляд Натиоле и успокоилась.

— Да, надо, — ответил ей друг. — Почему бы тебе не заняться на досуге?

— Прекрати, Нати, я не о мятеже. Я имела в виду Стена, этого глупца. Я сто раз говорила ему, что если он не возьмется за ум, то поплатится своей жизнью.

— Ум. Значит, позволить извести народ — это умно? — горько возразил Натиоле и показал на убогий, пустой трактир. Флорес подняла руку, как бы защищаясь.

— Я не имела в виду прекратить мятеж! Я имела в виду, что ты должен прекратить дурить меня!

Расстроенный Натиоле снова вернулся к своему завтраку, не удостоивая Флорес больше и взглядом. Ее решение не участвовать в борьбе брата-близнеца ни Натиоле, ни Стен принять не могли. А Флорес не понимала, чего они стремятся достичь своими глупыми вылазками в укрепления Цорпада.

Масриды правили страной более двухсот лет, их воины прекрасно обучены и вооружены. Ни одному влахаку не удавалось даже на шаг приблизиться к тому, чтобы пошатнуть их владычество. Даже великую, воспеваемую влахаками на каждом углу осеннюю битву едва ли можно считать победоносной. Влахаки, конечно, выиграли на поле сражения, но им все равно навязали мир на условиях Цорпада. А мятеж — это безнадежная борьба, которую ведут упрямые люди с перекрученными идеалами, и эти люди рано или поздно гибнут.

И Стен, который снова — уже в который раз! — заглянул смерти в глаза, из их числа. Флорес знала, что он не образумится. Нет, ее брат будет бороться, пока не будут изгнаны масриды либо пока не погибнет он, и Флорес не сомневалась, что последнее — гораздо более вероятный исход событий.

Она сердито уставилась на Натиоле, которого знала с тех пор, как они со Стеном прибыли в Дезу, и который уже тогда боролся за свободу влахаков. В отличие от своего брата, Флорес, повзрослев, рассталась с мечтами и иллюзиями Натиоле. Она быстро поняла, что дело влахакских мятежников проиграно изначально. Смерть родителей была хорошим доказательством того, насколько бесперспективна борьба. И девушка решила жить в стране под властью масридов, устроившись так хорошо, как это только возможно.

— Кровь — не вода. Вы — семья. Ты можешь убеждать себя, но не меня, что ненавидишь его, — Натиоле прервал ход ее мыслей.

Флорес угрюмо глянула на него и устало возразила:

— Кровь точно не вода, Нати! Она льется из ран. Вся, до капли. И наступает смерть. И так каждый день. Каждый день, каждую ночь. Если не умер сегодня, умрешь завтра или послезавтра. Я устала ждать вести о его смерти. Или о твоей.

Нати долго пристально смотрел ей в лицо, однако она выдержала взгляд. Он пробормотал, уткнувшись в тарелку:

— Мне жаль, Флорес.

— Ладно. Вы выбрали свою жизнь, а я свою. Рассказывай дальше.

— Итак, Стен был в той клетке... — продолжил мятежник, но Флорес снова прервала.

— Клетке?

— Да, они подвесили его в клетке в лесу, а тролли нашли нашу птичку и прихватили с собой. Видела бы ты его!

Флорес громко рассмеялась и попросила продолжать.

— Ну да. Но Стен днем освободился. Эти чудовища закрыли в подвале меня и всю семью, но днем они... как мертвые. Ты же знаешь, говорят, будто тролли на солнце превращаются в камень, — объяснил Натиоле, и Флорес кивнула.

— Но это не так. Они просто спят, только очень крепко, и их невозможно разбудить. Стен освободился из клетки и выпустил нас из подвала. А потом отослал меня и крестьян. Он захотел остаться и поговорить с троллями.

— Что? Поговорить с троллями? Так похоже на Стена! Что за очередное безумие?

— И я так сказал! Но разубедить его не смог. Как оказалось, что ни делается, все к лучшему. Когда я пришел в Орволь, один форбс узнал меня. Он натравил жителей деревни, и селяне не смогли сопротивляться священнику. Не успел я опомниться, как снова оказался в подвале, только на этот раз связанный.

— Столько усилий ради простых людей, которых вы хотите освободить! — язвительно вставила Флорес, но Натиоле покачал головой.

— Они боятся. И кто может винить их в этом? Я их не упрекаю. Это крестьяне, Флорес, не воины, у них семьи и земля. Ты хочешь поспорить?

— Нет, нет, рассказывай дальше.

— Форбс отправил гонца, и ночью за мной приехали солдаты. Они хотели забрать меня в Теремию, но, по счастливой случайности, снова появился Стен.

— Что, в Орволе?

— Да! Он и один тролль. Они напали на солдат в лесу и освободили меня. Я скакал как сумасшедший на лошади, к которой, кстати, был привязан. Стен меня перехватил, приказал уходить в лес. Я спрятался в подлеске и ждал.

— А Стен?

— Я точно не знаю. Когда я ускакал, в деревне оставались воины. Я следил за дорогой из Орволя в Теремию, но по ней никто не проезжал, кроме тех, кто преследовал меня. Если бы Стена поймали, то провезли бы мимо. Я прятался очень долго.

— То есть ты не знаешь, жив ли он? — разочарованно спросила Флорес.

— Точно не знаю, но я верю.

— Ты просто *веришь*?

— Вспомни историю в Дабране, тогда мы все тоже думали, что он мертв.

— И был бы мертв! Пробраться в замок! Он сумасшедший!

— Да, но он тогда почистил ползамка, не так ли? Забрал вещи — ваши, по праву наследования. А если бы Хази в тот день э-э-э... случайно не уехал в Теремию... То тогда бы он отомстил и за смерть ваших родителей!

— Возможно. Но все-таки это было чистое самоубийство, даже несмотря на то, что он хорошо ориентируется в крепости, — заявила Флорес.

— Наверное. Но циро Хази был вне себя от ярости, люди в Дабране смеялись над ним. Стен даже поднял проклятое знамя.

При воспоминании о том, как в первый раз она услышала эту историю от странствующего поденщика, Флорес не удержалась от улыбки. Стену тогда удалось тайно проникнуть в замок Рабенштайн и украсть кое-что из того, что раньше принадлежало их семье, прямо из-под носа охраны. К тому же он взял часть денег и украшений и напоследок на флагштоке самой высокой башни вывесил старое знамя с их гербом, чтобы вся округа видела. Однако его обнаружили, когда он спускался с башни, и гонялись за ним по всей крепости. В конце концов охрана окружила его на крепостной стене, но ему удалось уйти, совершив отчаянный прыжок в ров.

Весть о его выходе и бегстве распространилась по стране с быстротой молнии, даже появилась песня, которую влахаки пели, когда поблизости не было масридов. А циро Хази стал объектом шуток, хотя баро жестоко отомстил своим подданным за потерянную честь.

Но Флорес также помнила о другом. О том, как ждала брата, а он все не появлялся после своего дикого прыжка в ров. Все считали его мертвым, потом выяснилось, что в это

время он скрывался в лесах от преследователей. Стен раздал добычу крестьянам, своим соратникам и их семьям. Неудивительно, что простой люд любил Стена сал Дарбана. Он давал им надежду. Ложную надежду, считала Флорес, так как, за исключением маленьких неприятностей, мятежники не наносили масридам никакого особого вреда.

Это не удалось даже Ионне сал Сарес с ее войском.

Стен и Флорес не раз ссорились по этому поводу, даже их последняя встреча закончилась спором, и Стен ушел сердитым и оскорбленным. Ему вслед она произнесла слова, которые не имела права произносить. Наверное, у нее все-таки будет возможность попросить у брата прощения...

«Ну почему этот проклятый упрямый дурак направляется в Теремию? — мучилась Флорес. — Ведь ясно же, что для него это самое опасное в мире место!»

— Мне нужна твоя помощь, — неожиданно произнес Натиоле, и Флорес вопросительно посмотрела на него. — Здесь что-то происходит, но мы точно не знаем что. Надо связаться с некоторыми людьми, но я не представляю, какие тайники еще надежны.

— И ты сразу же подумал обо мне, своей старой подруге, которой снова можно нанести визит, — язвительно прокомментировала Флорес.

— Нет. Я не просил бы тебя, если бы это не было так важно. Вообще, я пришел, чтобы сказать, что вести о смерти твоего брата не соответствуют действительности.

Некоторое время Флорес смотрела в светлые глаза Нати, но не смогла разглядеть ничего, кроме искренней заботы. Поэтому девушка кивнула. Натиоле всегда был словно старший брат для близнецов, с тех пор как они прибыли в Дезу, одинокие и напуганные. Верные подданные их родителей помогли им тогда выскользнуть из Дабрана. О самом бегстве у Флорес сохранились лишь смутные воспоминания — длинный туннель, освещенный мерцающими факелами, и бешеный галоп по темному ночному лесу.

Зато она очень хорошо помнила отца, который, стоя перед ней и Стеном на коленях и прижимая их к себе, говорил, что теперь они должны быть сильными и храбрыми. Их мама готовилась к побегу, она послала слуг в город, чтобы достать лошадей; масриды были уже во дворе крепости, и ворота уже трещали от их ударов. Затем она со слезами на глазах попрощалась с ними, и Карайн, их старый майордом, вывел близнецов из замка через подземный ход.

Только после того, как дети прибыли в Дезу, они узнали всю правду. Как Хази, которого Цорпад отправил в Дабран в качестве гонца, сообщил масриду о крамольных планах влахака, Дабран должен был платить лен за свою верность и преданность масридскому властителю. Как их отец и мать сражались, чтобы позволить детям скрыться. Их мама, гордая и красивая Ана сал Дабран, погибла с мечом в руке на сторожевой башне крепости Рабенштайн, когда масриды взяли ворота и ворвались во внутренний двор, а отец был сильно ранен и на следующее утро казнен на рыночной площади как преступник.

Когда Флорес услышала о том, что ее отец погиб на костре, в ней что-то сломалось, а в сердце поселилась боль. Она чувствовала, что такая же боль живет в сердце брата.

По ночам близнецы спали обнявшись, напуганные тем, что оказались в незнакомой обстановке, а еще сильнее страшной потерей, свалившейся на них. Хотя к ним все окружающие были дружелюбны и щедры, особенно Ионна сал Сарес, правительница Дезы.

Многие влахаки, которые скрывались в Мардеве, потерявшие друзей и семьи в сражениях с масридами, также заботились о близнецах. Тем не менее поначалу Стен и Флорес чувствовали себя одинокими и потерянными, пока не познакомились с Натиоле Таргузи, его шутки всегда вызывали у них смех.

Хотя молодой человек и был всего на несколько лет старше близнецов, он вроде как усыновил их, стал их другом, примером для подражания.

Но если Стен восхищался своими кумирами — Ионной и Натиоле — и решительно заявил сестре, что однажды отомстит за родителей, Флорес считала, что это бессмысленное решение. Тайно она поклялась себе, что никогда не закончит так, как ее родители, не станет еще одной жертвой борьбы за свободу.

Стен, как только стал достаточно взрослым, чтобы сражаться, вместе с Натиоле и другими отправился бороться с масридами. Флорес же осталась в Мардеве, однако в какой-то момент двор в Дезе стал ей просто невыносим: гнетущая атмосфера осадного положения, отсутствие каких бы то ни было других тем, кроме обсуждения войны и достижения желанной свободы, тягостное ощущение смерти — постоянного спутника влахаков. Преисполненный ненависти к мятежникам, которые отчаянно сопротивлялись его господству, Цорпад устраивал каждый раз все более ужасные казни тех, кого удавалось поймать. Поэтому список молодых людей, которые больше никогда не увидят родину, неуклонно пополнялся.

Однажды Флорес молча собрала свои вещи и оставила Дезу, а значит, и войну за спиной. С тех пор она пробивалась в этой жизни самостоятельно, зарабатывая в качестве наемницы. Она неплохо жила: в смутные времена торговцы и богатые путешественники нуждались в охране.

Она отказалась от своего имени и происхождения, и единственными ниточками, связывающими ее с прошлым, были брат и Натиоле, которые периодически навещали ее, когда оказывались поблизости. В Мардев Флорес не возвращалась, как-то не тянуло...

Накануне, когда она от влахаков в таверне узнала об аресте Стена, то почувствовала даже что-то вроде облегчения: ужасное время ожидания смерти прошло, и она дико и необузданно, по старой традиции влахаков, отметила прощание со своим любимым братом-близнецом. Флорес заливала горе реками алкоголя и пела песни с незнакомцами, — песни, которые стоили бы ей головы, если бы их слышали масриды. Она знала, что Стену бы понравилось, если бы он узнал, что она ценит старые традиции, но в это мгновение она была скорее сердита на своего упрямого братца и всю компанию мятежников, которая его окружала.

— Ну как, ты pomoжешь мне? Ради старых добрых времен? — в отчаянии спросил Натиоле.

— Да, Нати, ради старых времен. Но не впутывай меня в свои истории.

— Нет, не беспокойся, это не долго. Мне нужно только найти того, кому я мог бы сообщить, а потом я снова исчезну, — заверил ее Нати, и Флорес вздохнула.

— Кто сможет сопротивляться таким прекрасным голубым глазам? — сказала она с наигранной серьезностью, и мятежник громко рассмеялся.

— Ха, и это говоришь ты! Боюсь, что во время всех наших походов я всегда был на втором месте в том, что касается внешности! И неважно, был рядом Стен или ты, моя дорогая!

— Ты обходителен, как всегда, Нати, — ответила Флорес. — Особенно если учесть, что ты только что из лесу и выглядишь соответствующим образом. Пойдем.

Бросив последний взгляд на Лареа, который подошел, чтобы убрать посуду и вытереть стол, они покинули трактир.

22

Их странная маленькая группа молча двигалась через ночной лес. После разговора с троллем Стен надолго задумался. К тому же чудовища явно не были сейчас настроены на беседу. Хотя небо было ясным и звездным, между деревьями царил мрак. Мощные стволы вздымались подобно колоннам величественного зала, а кроны образовывали зеленый свод. Из подлеска доносились шорохи, иногда раздавался одинокий крик сыча. В темноте казалось, что лес таит угрозу, но влахак не чувствовал страха. Во-первых, путники уже покинули опасные чащобы, а во-вторых, кто в здравом уме осмелится напасть на группу троллей. К тому же это далеко не первая ночь в лесу. На губах Стена мелькнула улыбка, когда он вспомнил о том, как он с Флорес в первый раз сбежал из Дезы в Дабран. Это было в такую же ясную ночь, как эта...

Была почти полночь, когда Флорес и Стен добрались до опушки и смотрели поверх городских стен Дабрана на город, который лежал на плоской равнине между двух холмов. Пять башен городских укреплений, а также стена крепости Рабенштайн, которая гордо возвышалась над городом, были освещены огнями. Стен вопросительно глянул на сестру, тогда еще шестнадцатилетнюю девчонку, черноволосую, стриженую.

— О чем думаешь?

Сердитый взгляд заставил его замолчать. Она указала на замок.

— Все выглядит так, как раньше, Стен.

— Ну и что? Внешность обманчива, сейчас в наших кроватях спит этот пес баро Хази.

— А люди Дабрана мирно спят в своих... — сухо ответила Флорес.

— Что ты хочешь сказать, сестричка? Пусть так все и остается? И неважно, что наши родители мертвы? — яростно прошипел Стен.

— Нет. Я хочу сказать... — начала Флорес, явно пытаясь подобрать подходящие слова. — Я не знаю. Я просто не верю, что мы сможем что-то изменить, Стен.

— Когда я притяну баро Хази на костер и услышу его крики, значит, я что-то изменил! — вырвалось у совсем еще юного влахака. — За то, что случилось с нашими родителями, нужно отомстить!

— Ты злишься, когда видишь Дабран, — заявила Флорес, — а я — нет.

Стен хотел запротестовать, но она подняла руки.

— Да, я скорблю о маме и отце точно так же, как и ты. Но мы не можем оживить их. Даже если будем вести бессмысленную войну и сами умрем. Неужели ты веришь, что они хотели бы нашей смерти?

— Но мы можем отомстить за них! — возразил Стен. — Неужели этой свинье Хази все сойдет с рук? Он отнял у нас все...

— Не все. У нас есть мы. Давай не будем спорить, ладно? — попросила Флорес, и Стен кивнул.

После бегства из Дабрана связь между братом и сестрой стала еще теснее. И в некотором роде Флорес была права: она единственная, кто остался у Стена из прошлой жизни.

Уговорить Флорес совершить вылазку в Дабран было легко, девушке тоже хотелось увидеть место, где они выросли. Однако, казалось, ей было достаточно просто убедиться, что замок и дома все такие же стоят на своих местах, в то время как Стен не мог дожидаться момента, когда сможет взять в руки меч и отправиться на битву с несправедливостью.

«Теперь у меня есть меч, который мне так хотелось иметь тогда, и я иду с троллями по нашей земле. Возможно, Флорес все-таки была права: оттого что я убиваю врагов, легче не становится. И мира нам еще долго не видать», — подумал Стен, мрачно глядя на широкую спину Парда.

Остальная часть ночи прошла без происшествий, и перед рассветом они обнаружили старый, буйно заросший лесной растительностью амбар, который мог хорошо защитить троллей от дневного света. Стен всю дорогу молчал. Он вел внутренний диалог со своей совестью и смог убедить себя, что просто необходимо найти способ контролировать троллей.

Эти огромные монстры, за исключением Друана, ничего не подозревали о терзаниях Стена и не обращали внимания на молчаливого влахака. И хотя Стен намеренно вел их все глубже в чащу, они неуклонно приближались к самой заселенной части страны — территории вокруг Теремии. Здесь почти забылись старые обычаи и традиции и люди беспощадно отнимали у леса все, что считали нужным. Время от времени попадались участки, где вековые деревья были полностью вырублены. Группа все еще двигалась параллельно Рейбе и дороге, которая вела вдоль берега от Орволя к Теремии. Хотя она использовалась редко, лучше было держаться в стороне, тем более нельзя было упускать то обстоятельство, что рано или поздно новость о стычке в Орволе дойдет до масридов. После этого патрули будут усилены; возможно, устроят пару облав с собаками. Влахаку не

хотелось быть обнаруженным, хотя он и не считал, что облава будет представлять реальную угрозу для троллей.

Вернулся взволнованный разведчик, это был Цдам, который двигался на некотором расстоянии впереди остальных, Стен отвлекся от своих мыслей.

— Гномы! — сообщил запыхавшийся тролль и, с трудом переводя дыхание, прислонился к дереву, которое опасно закрипело под его весом.

— Где?

— Сколько?

Остальные засыпали его вопросами, однако громкий возглас Парда: «Тихо!» — позволил Цдаму сообщить подробности.

— Я бежал на юг, как вдруг унюхал их. Я очень осторожно подкрался и увидел гномов. Они там, на дороге, с повозкой.

— Они едут ночью? — удивился Стен, но через миг ему стало ясно, что в темноте гномы, очевидно, ориентируются лучше, чем люди.

Маленький народец чувствовал себя неуютно на поверхности. Они наверняка не делали привалов, чтобы побыстрее оказаться в безопасности своих подземных городов и крепостей.

— Возможно, они ищут нас. Возможно, они услышали от людей, что здесь тролли! — заявил Пард.

— Откуда они двигаются? — спокойно спросил Друан.

— С юга, — ответил Цдам.

— Из Теремии, — констатировал Стен. — Гномы торгуют со столицей. А в повозке у них, наверное, товар.

Пард, усмехнувшись, спросил:

— Торговцы? Сколько?

— Я не знаю точно, но не две руки, — ответил Цдам, который уже немного отдышался.

— Этих мы догоним! — приказал Пард и засмеялся, потирая руки, остальные тролли присоединились к его смеху.

Стен обеспокоенно взглянул на Цдама:

— С ними были люди?

— Я не видел.

— Я хочу выяснить. Ты со мной? — определился Стен и вопросительно посмотрел на Друана, который молча кивнул.

— Не наделайте глупостей, — крикнул им вслед Пард. — Чтобы эти маленькие сволочи не заметили вас!

— Да, да! — ответил Друан, но Пард не унимался.

— Мы за вами! Если вам вдруг потребуется помощь.

Эта реплика не понравилась Стену, но он знал, что вряд ли сможет остановить Парда. Когда человек и тролль отошли от остальных на достаточное расстояние, Стен спросил Друана:

— Ты считаешь это хорошей идеей?

— Поймать гномов? Да, конечно.

— Это может привлечь внимание, — возразил влахак.

— Ах вот ты о чем... Да, это так. Но я не думаю, что мы можем все изменить, — лаконично заявил тролль.

— Ты о чем? О привлечении внимания?

— Нет. О нашем нападении на гномов.

— Да, — задумчиво согласился Стен с троллем. — Тем не менее следует быть осторожнее. А потом замести следы.

— Ты поможешь? Будешь сражаться с нами? — обеспокоенно спросил Друан.

— Поглядим, — успокоил Стен тролля.

Собственно, он не хотел бы ссориться с гномами, однако был убежден, что маленький народец получает помощь от масридов в борьбе против троллей. А захватчики наверняка

как-то ее оплачивают. С другой стороны, юный воин чувствовал себя неуютно от мысли, что нужно нападать на гномов, не имея веских причин. Вначале он хотел взглянуть на эту повозку, а уж затем принимать решение. Возможно, он смог бы уговорить Друана найти причину, по которой тролли должны пропустить гномов без драки. Это не понравится гигантам, но после проблем в Орволе Друан, возможно, стал больше понимать, что к чему.

У дороги лес немного редел, тролль и человек двигались очень осторожно. Стен все еще удивлялся тому, насколько тролли неслышно двигаются, когда, конечно, хотят этого. У него тоже было достаточно опыта в тайных операциях. Довольно часто он подкрадывался к своим врагам. Но он — человек, а гигантский тролль... Вскоре Друан поднял голову и принохался, затем кивнул и указал в южном направлении.

— Я чувую их. Скорее всего, они скоро проедут прямо здесь, и они точно движутся с юга.

— Что же они забыли в Орволе, о духи темноты? — тихо удивился Стен.

— Там дальше на севере есть вход в гору, — объяснил Друан. — Возможно, они направляются туда, мимо деревни.

— Возможно, — согласился влахак и осмотрелся в поисках подходящего укрытия. — Насколько хорошо гномы видят в темноте? И слышат ли они запахи так же хорошо, как вы? — спросил он.

— Запахи — нет, но видят лучше, чем мы. Хотя и им нужен хоть слабый свет, в полной темноте они тоже слепы, — пояснил Друан.

— Хорошо. Тогда я устроюсь там, в подлеске. Подыщи и себе место, чтобы спрятаться, — сказал Стен.

Тролль кивнул и согнувшись побрел в сторону глухих кустов.

Прошло некоторое время, прежде чем Стен нашел удачное место, где он был полностью скрыт от дороги и при этом видел все, что творится на ней. Вздыхнув, он устроился на мягкой траве и стал ждать, пока не услышал громохание повозки. Через некоторое время между деревьями замерцал небольшой огонь, который при ближайшем рассмотрении оказался лампой, закрепленной на низкой повозке. На облучке сидели два гнома, закутанные в плащи. Впереди двигались четыре вооруженных солдата, их доспехи тихо дребезжали. Небольшая процессия прошла мимо, но Стен почти ничего не смог разглядеть, кроме того, что повозка была фактически пуста, за исключением нескольких тюков.

За повозкой влахак заметил еще четыре или пять темных силуэтов, света лампы было недостаточно. По контурам Стен смог определить, что эти тоже были из маленького народца. Когда юный воин хотел было разворачиваться назад, повозка неожиданно подпрыгнула, и он заметил какое-то движение. Однако, как он ни напрягал зрение, разглядеть ничего не мог.

Неожиданно резкий крик разорвал тишину ночи. Влахак замер. Прозвучали гортанные фразы, очевидно, на языке маленького народца. Один из возниц схватил лампу и поднял над головой. Повозка остановилась, и гномы помчались куда-то назад. Оказалось, что они бежали к своему собрату, который лежит на земле. Двое склонились над ним и принялись крутить ручки на каких-то приспособлениях, которые были у них с собой.

В мерцающем свете лампы влахак смог рассмотреть невысокий темный силуэт. Кто-то бежал по дороге по направлению к Стену, его преследовали два гнома с поднятым оружием. Озадаченно Стен наблюдал за происходящим, но, прежде чем беглец достиг кустов, раздался еще один гортанный крик и преследователи расступились. Послышался жужжащий звук, когда гномы у повозки выстрелили из арбалетов, незнакомец с криком упал. Ловко, словно кошка, он перекатился и вновь подскочил. Но, очевидно, он поймал стрелу, так как захромал, расстояние между ним и преследователями стало быстро сокращаться.

Стен все еще был ошеломлен сценой, которая разворачивалась перед ним, чтобы сообразить, что предпринять. Если это какие-то внутренние дела гномов, тогда это его никак не касалось. Но, когда раненый доковылял до кустов, Стен понял, что перед ним мужчина, человек с искаженным от боли лицом, который пытается спастись от преследователей. Не долго думая, Стен обнажил меч, выскочил на дорогу и поспешил навстречу раненому. Тот

при виде вооруженного влахака отпрянул, но затем поднял руки и крикнул:

— Помогите! Помогите!

— Прячьтесь за меня! — коротко приказал Стен и выступил навстречу гномам, которые при его неожиданном появлении замедлили бег.

Удерживая меч перед собой за клинок и рукоять, он поднял его над головой, показывая, что не хочет сражаться, но гномов, однако, это не остановило.

— Никакой борьбы! — крикнул им Стен, но затем, чертыхаясь, опустил меч, парируя удар, который мог разрубить его пополам.

Воины маленького народца явно не были склонны к переговорам и яростно ринулись на Стена. Их удары сыпались на влахака, и ему с трудом удавалось отбиваться. Широкими ударами он держал их на расстоянии, время от времени выкрикивая:

— Проклятье! Выслушайте!

Однако воины не обращали на это внимания или не придавали значения, они теснили Стена все сильнее, пока один из топоров не достиг цели — Стен получил болезненный порез на плече.

Со стоном влахак увернулся от следующего удара и изо всей силы ударил гнома в лицо. Тот пошатнулся, и это дало Стену короткую передышку.

Как раз в тот момент, когда Стен снова хотел попытаться объяснить гномам, что он им не враг, один из бородатых воинов указал в лес и закричал что есть мочи. Стен увидел силуэт тролля. Гигант приближался к гномам.

Солдаты всполошились, крик был подхвачен другими и прокатился эхом в ночь. Трое гномов, преследовавших человека, быстро помчались назад, к повозке.

— Батюшки мои, это что такое? — спросил тихий голос прямо над ухом Стена, который от неожиданности вздрогнул и развернулся с поднятым мечом.

Рядом стоял невысокий человек, тот самый незнакомец, который убегал от гномов, и с любопытством таращился в темноту, при этом ловко перевязывая себе куском ткани ногу поверх торчащей в бедре стрелы.

— Проклятье! — вырвалось у влахака. — Я же мог вас убить!

— Простите, — ответил мужчина и в извинительном жесте поднял руки, — я не хотел пугать вас.

— Ну, ладно-ладно. Нужно уходить отсюда. А это, — Стен мотнул головой в сторону Друана, который ждал в лесу на расстоянии двадцати шагов, — это тролль. Держитесь меня, и тогда он вам ничего не сделает.

Однако, прежде чем Стен двинулся к троллю, в лесу раздался низкий нечеловеческий рев, на который гномы ответили громкими боевыми криками.

— А это что? — вежливо поинтересовался человек, в то время как Стен устало провел рукой по лицу.

— Это Пард, — смиренно ответил влахак.

Не оглядываясь на незнакомца, Стен начал пробираться в подлесок к Друану, который приветствовал его пожиманием плеч.

— Они заметили меня.

— Да, да. А где остальные? — поинтересовался Стен.

— Пард здесь, остальные с противоположной стороны. Я чую их, — объяснил Друан.

Словно в подтверждение слов Друана, Пард снова взревел, и с противоположной стороны дороги к нему присоединились остальные тролли. Гномы снова закричали и заколотили своим оружием по щитам, производя при этом адский шум.

— Пойдем! — приказал Друан и повел Стена и незнакомца назад, на дорогу.

Где-то на расстоянии пятидесяти шагов от них гномы сгрудились вокруг повозки, выстроившись в каре. В слабом свете стоящей на земле лампы Стен разглядел их доспехи и оружие. У всех были щиты, секиры или молоты. Если они и боялись троллей, то не показывали этого, напротив, они издали длинный боевой клич. На него тролли ответили ревом, к которому на этот раз присоединился и Друан. Услышав крик вожака, гномы

обнаружили, где он находится, неожиданно два солдата пригнулись, а позади них, в центре импровизированного боевого порядка, раздался звук натягиваемых арбалетов. Стен мгновенно упал на землю и краем глаза заметил, как то же самое сделал незнакомец. Попала ли в него стрела или он тоже искал защиты, Стен не мог утверждать.

Друан снова взревел, и гномы презрительно заулюлюкали. Серdito чертыхаясь, влахак поднялся на ноги и взглянул на тролля. В его широкой груди торчала стрела с темным оперением. Не обращая на нее внимания, Друан побежал. Сначала медленно, но затем постепенно увеличивая скорость. Когда тролль уже несся во весь опор на гномов, Стен с поднятым мечом последовал за ним и заметил, как справа из лесу вывалился Пард и тоже помчался в сторону гномов. Снова двое солдат пригнулись, и арбалеты выстрелили. На этот раз стрелы с мягким шорохом вошли в торс Парда, после чего вновь раздался торжествующий вопль гномов. Однако массивный тролль на бегу схватил стрелы за древка, вырвал и пренебрежительно отбросил в сторону.

Если тролли и хотели взять гномов в «клещи», то этот план им не удался. Когда Пард и Друан уже подбегали к гномам, остальные тролли лишь виднелись вдалеке. С невероятной силой оба монстра накинулись на воинов маленького народца, которые ждали их, закрывшись щитами, с поднятым оружием.

От первого удара Парда один из солдат кубарем подлетел в воздух. В то же мгновение Друан споткнулся, подмяв под себя второго противника, в то время как в его бок вонзилось лезвие топора, а в бедро Парда угодила тяжелая секира.

В отчаянии Стен наблюдал за бойней, которая разворачивалась на его глазах. Гномы не причинили ему вреда, поэтому он не спешил ввязываться в бой. Однако через миг он увидел, как на расстоянии дюжины шагов Друан, очевидно оглушенный падением, валяется на спине и отчаянно трясет головой. Прежде чем сбитый с ног тролль смог отреагировать, один из гномов снова вонзил ему топор в бок и вспрыгнул на грудь, тролль взревел от боли.

В ужасе Стен понял, что Пард не может помочь другу, так как здоровяк и сам застрял в смертельной схватке с четырьмя оставшимися солдатами, которые, к их чести, стойко выдерживали его дикий напор. Не раздумывая больше, влахак помчался вперед и поднял меч. На какое-то ужасное мгновение Стену показалось, что он опоздает, не успеет спасти Друана. Гном, стоя над головой раненого тролля с широко расставленными ногами, высоко занес свой топор.

Но юный мятежник подскочил как раз вовремя и отразил удар, который грозил раскрыть Друану череп. Острием меча Стен захватил рукоять топора, скорректировав его смертельную траекторию, отчего тот вонзился в мягкую землю рядом с головой Друана. Гном в ярости развернулся и ударил Стена, но тот парировал удар. По-видимому, забыв о тролле, гном сконцентрировался на человеке и ринулся на него. Стену пришлось немного отступить. Чтобы выиграть время, он ударил гнома по голове. Широкий щит коротышки полностью закрывал его. Гном отскочил назад и таким образом ушел от удара, но влахак сделал шаг вперед, чтобы не дать бородатому воину времени на защиту.

Инстинктивно Стен пригнулся и избежал удара; движение он скорее почувствовал, чем увидел. Друан как раз в этот момент поднялся на ноги, несмотря на неистовые удары, которые сыпались на него со всех сторон. Пард, просто игнорируя нападавших, принимая их удары и даже не реагируя, неожиданно двинул голым кулаком с ужасающей силой, разбил надвое щит одного из солдат и отбросил того с поломанной рукой в сторону.

Уклоняясь от медленных, но невероятно мощных взмахов топора и время от времени нанося удары мечом и совершая выпады в сторону противника, Стен наконец заметил арбалетчиков, которые как раз натягивали тетивы, вкладывая в них болты с железными наконечниками. Неожиданно откуда-то сбоку вылетело что-то и вонзилось в висок одного из солдат прямо под шлемом, отчего тот, хрюкнув, завалился на бок.

Животные, которые были запряжены в повозку, в панике стремглав понесли по дороге, но никто не обратил на них внимания.

Стен не мог нанести особый урон своему сопернику из-за его щита и при этом не

раскрыться для топора гнома. Поэтому он выждал очередной удар, а затем резко, изо всех сил ударил по щиту противника. Гном попытался поймать утраченное равновесие, но Стен всем своим весом толкнул щит, отчего противник рухнул. Быстро орудуя мечом, влахак успел нанести точный удар в шею гнома.

Не проверяя результата своей атаки, Стен осмотрелся. Второй арбалетный стрелок тоже лежал на земле, схватившись двумя руками за шею, из которой торчал кинжал.

Пард, казалось, хорошо справлялся со своими противниками, но у Друана были проблемы: кровь хлестала из доброй дюжины ран на ногах и торсе, и он с трудом сдерживал атаку двух солдат. Как раз в тот момент, когда Стен ринулся на помощь вожаку, из подлеска с диким ревом вырвались остальные тролли.

Словно дикая природная стихия, Анда, Цдам и Рох прорвались сквозь поредевших противников и просто снесли первых из них на землю. В отчаянии гномы попытались вновь сомкнуть строй, но Пард воспользовался замешательством и прыгнул прямо в центр, рассыпая смертельные удары направо и налево.

Друан поймал одного из своих противников, когда тот хотел сбежать, в то время как Стен изо всей силы ударил второго из них по шлему, ухватив меч двумя руками, отчего оглушенный коротышка отшатнулся назад.

Друан схватил оглушенного гнома и, не церемонясь, отшвырнул в кусты, в то время как Пард, схватив щит одного из солдат, отбросил его хозяина на землю, а затем вонзил острие меча прямо ему в грудь. Другие тролли тоже пожинали кровавый урожай в рядах своих врагов, выкрикивая в ночь возгласы ненависти и ликования и разбивая или просто отрывая части тел своих противников.

Стен, с трудом переводя дыхание, остановился, следя за бойней. Резерв из трех троллей, вступивших в схватку, дал громилам преимущество, хотя Стен и вынужден был признать, что гномы на удивление выносливы. Однако линия защиты, которую они пытались держать в обороне против троллей, была сломлена, и теперь монстры бушевали среди коротышек.

Стен был уверен, что его помощь больше не понадобится гигантам, поэтому отвернулся и осмотрелся в поисках незнакомца, которого нигде не обнаружил. Однако с такими ранами ему не удастся далеко уйти, даже если он попытается сбежать от троллей. Успокоившись, Стен обернулся к троллям, которые остались посреди маленького поля боя и занимались своими ранами.

— Все в порядке? Вы оставили хоть одного живым?

— Что? Нет. Зачем? — удивленно спросил Пард, ковыряя при этом своим длинным когтем рану на плече.

— Чтобы мы могли его допросить, — объяснил влахак, хотя еще во время сражения понял, что вероятность заполучить пленников была очень низкой.

Гномы, как и тролли, были преисполнены ненависти к врагам, они бились насмерть.

Стен прошелся между поверженными гномами, а затем, вытирая кровь с меча лоскутом плаща одного из солдат и вкладывая его в ножны, направился к троллям. Кроме Друана и Парда, у троллей не было раненых. Здоровяк отделался лишь несколькими царапинами, но, казалось, особого вреда они ему не причинили. Зато Друан выглядел сильно потрепанным. Он сидел на земле, и Анда обрабатывала его раны. На ноге у вожака было два глубоких и очень опасных пореза, рваные края которых говорили, что они очень болезненные. К тому же у Друана было несколько ран на теле, из которых на дорогу текла темная кровь.

Однако он не подавал виду, что ему больно, когда Стен подошел к нему со словами:

— Нужно уничтожить следы побоища. Насколько это возможно. Когда-нибудь здесь кто-нибудь проедет. Например, солдаты, высланные расследовать события в Орволе.

Стиснув зубы, Друан кивнул и приказал Цдаму и Роху позаботиться о повозке, которая исчезла в темноте.

— Стен... — начал было Друан, но затем замолчал. Молодой влахак вопросительно посмотрел на него.

— Спасибо, — пробурчал тролль.

— Мне лучше было держаться в стороне, если честно, — ответил влахак.

— Я знаю, — подтвердил тролль и застонал, когда Анда взялась за его бедро, осматривая раны.

Покачив головой, Стен отвернулся и принялся наблюдать за Пардом, который методично обходил всех поверженных гномов и ударом в голову удостоверился, что все они действительно мертвы.

Стен хорошо знал жестокое лицо этого воина, но даже оно было гораздо менее жестоким, чем то, что здесь произошло. Тролли, да и гномы, действовали в точности так, как в старых мрачных рассказах и легендах о начале мира.

Неожиданно за спиной Стена кто-то откашлялся, и влахак резко обернулся.

— Простите, но боюсь, что я ранен, — извиняющимся тоном сказал коротышка.

Стен поднял с земли лампу, которая, несмотря ни на что, продолжала гореть, и осмотрел незнакомца. Он был на голову или полторы ниже его и очень худой. Его волнистые, рыжие, коротко подстриженные волосы наполовину скрывала простая кожаная шапка. Четко очерченные черты лица, высокие скулы и острый подбородок делали мужчину похожим на лису, впечатление, однако, смягчала широкая извиняющаяся улыбка. Одежда незнакомца была простой и самой обыкновенной: темные шерстяные штаны и такая же рубаша простого покроя. За спиной болталась грубая кожаная сумка. И только сапоги, мягкой кожи, хорошего качества и прекрасно сшитые, выбивались из общей картины.

— Покажите свои раны, господин... — вежливо сказал Стен.

— Сарган, просто Сарган. А с кем я имею честь? — ответил человек, выполнив небольшой поклон.

— Стен. Вы не здешний, не так ли? — констатировал влахак.

— Нет, господин Стен, я из-за гор, из страны, что далеко на востоке.

Нахмурившись, Стен осмотрел стрелу, которая все еще торчала в бедре мужчины. Он осторожно ухватился за нее, что вызвало у Саргана стон.

— Сядьте. На наконечнике может быть крюк, и тогда нам, возможно, придется проткнуть ногу.

— Проткнуть? Вы имеете в виду насквозь? — в ужасе спросил Сарган.

— Да. К сожалению, я не могу вырезать стрелу, у меня нет подходящего инструмента. И целителя под рукой тоже нет, — с сарказмом ответил Стен.

— Ладно, раз так нужно, — храбро заявил рыжий и обхватил ногу двумя руками, чтобы она не двигалась.

Однако при ближайшем рассмотрении, Стен обнаружил, что стрела сидит свободно, поэтому просто вырвал ее быстрым движением и прижал к ране кусок ткани, который сразу же пропитался кровью.

— Я не целитель, но надеюсь, что мы сможем остановить кровотечение. Я видел солдат, которые в течение короткого времени умирали от такой раны на ноге. Просто от потери крови, — объяснил Стен, отчего раненый сильно побледнел.

— И что теперь делать? — тихо спросил Сарган.

— Ждать и молиться, — объяснил Стен и обернулся к Друану, который сидел на земле и отдыхал, в то время как Анда и Пард убирали кровавые следы боя с дороги в лес.

— Кто твой новый друг, Стен? — слабым голосом спросил Друан.

— Это Сарган с востока. И он мне не друг, — сухо ответил Стен.

Услышав это, Пард выпустил труп гнома, который нес, и приблизился с угрожающим видом.

— Человека нужно тоже?... В лес?

— Подожди, — поспешил сказать Стен, и Друан кивнул Парду, который, чертыхаясь, вновь занялся очисткой дороги.

После этого Друан бросил многозначительный взгляд на Стена, влахак обернулся к Саргану.

— Вы были в повозке. Пленник? Мне не удалось рассмотреть, что произошло.

— Да, что-то в этом роде. Я пишу книгу, путевые заметки. Мне захотелось что-нибудь написать и о гномах, но мои вопросы обеспокоили их. В какой-то момент они просто оглушили меня и прихватили с собой. Один сказал, что я слишком много знаю, — сообщил рыжий.

Указав пальцем на погибшего арбалетчика, Стен спросил:

— Ваш кинжал?

— Да-да. У нас на родине существуют такие соревнования. Я никогда не думал, что придется бросить кинжал в живое существо.

— Вы чертовски ловко владеете этим искусством, — медленно промолвил Стен с сомнением в голосе, оба броска незнакомца оказались смертельными.

Едва ли тот, кто ни разу не проделывал подобного раньше, смог бы столь хладнокровно и метко бросить в неразберихе сражения кинжал в такую маленькую цель.

— Я выиграл два турнира! — гордо ответил Сарган и посмотрел на окровавленный лоскут, который все еще прижимал к ноге. — Я все еще жив. Значит, крупная артерия не задета, да?

— Что? — переспросил Стен.

— Моя рана не смертельна?

— О нет, судя по всему, нет. Чтобы убить вас, стрела должна была бы сидеть глубже. Давайте я перевяжу...

Сарган терпеливо перенес процедуру. Стен туго перебинтовал рану, соорудив повязку из куска ткани. Не впервые юному воину приходилось заботиться о своих или чужих ранах, некоторый опыт имелся. Он, конечно, не был целителем, но знал строение человеческого тела и, в первую очередь, его уязвимые точки. Стрела вонзилась глубоко, но ничего важного не задела. Скорее всего, рана заживет, если ее обработать и почистить, чего здесь он сделать не мог. Рана была болезненной, но неопасной.

Стена больше волновал Друан, который выглядел совсем худо, в то время как другие тролли казались абсолютно спокойными.

— Как так вышло, что человек сражается плечом к плечу с троллями? Я думал, что они все исчезли, — неожиданно спросил Сарган.

— Эти спасли меня, — кратко ответил Стен.

— В книгах написано, что троллей больше не существует, — продолжил Сарган, отчего Друан громко рассмеялся.

— Нет-нет, мы пока еще существуем, человек!

Глянув на огромного тролля, Сарган наклонился и прошептал на ухо Стену:

— Но они не опасны?

— Ну почему же, опасны.

— А они едят людей?

— Наверное, — ответил Стен.

— Почему вы тогда помогаете им, Стен?

— Они мне тоже помогают, — резко ответил Стен, и Сарган нахмурился.

— Помогают вам? Как?

— Не позволяем любопытным людям задавать ему глупые вопросы, — вмешался Друан.

— Ладно-ладно, — рыжий примирительно поднял руки. — А вы враги гномов? — незнакомец тут же переключился на Друана.

— Да, смертельные враги!

— Это просто невероятно! Я должен побольше узнать о вас!

— Может, вы просто потуже завяжете свою дорожную сумку и вернетесь туда, откуда пришли? — угрюмо предложил Стен, но Сарган поспешно затряс головой.

— Нет, нет! Все известные писатели пишут, что троллей больше нет. Никто никогда не писал о них особенно много. Мое имя станет бессмертным!

— Вы имеете в виду, если когда-нибудь найдут ваши обглоданные кости? — съязвил Стен, но незнакомец, видимо, уже загорелся идеей и не желал от нее отказываться.

— Я буду сопровождать вас, тролли, расскажу о вашей культуре и вашем народе, я запишу все.

Друан с сомнением уставился на Стена, который только плечами пожал. Тогда тролль с трудом поднялся, подошел к рыжему, навис над ним и зарычал:

— Нам не нужны сопровождающие! Тролли ходят одни! Исчезни!

Сарган торопливо зашарил в сумке, пока не выудил перо и тонкую книгу, которую он торжественно раскрыл. Затем он быстро начал писать, тихо бормоча:

— Тролли... ходят... одни. Это хорошо, очень хорошо.

Друан снова глянул на Стена. Вид у тролля был измученный, и влахак решил вмешаться.

— Все равно скоро день, который нам еще предстоит пережить, Друан. Отсюда до Теремии уже совсем недалеко, путь не займет много времени. Мы не можем рисковать, чтобы кто-то нашел Саргана и выбил из него сведения о нас.

Друан задумчиво кивнул и сжал кулаки.

— Но мы еще можем принять предложение Парда.

— Нет! Больше никаких смертей! Помни о своем обещании, — запротестовал влахак.

Тролль неохотно кивнул.

— Я попробую объяснить все Парду. Но ему это не понравится.

Сарган, который с любопытством прислушивался к их диалогу, спросил:

— Так что, я иду с вами?

Стен молча кивнул, что вызвало на лице Саргана широкую улыбку.

«Он даже не представляет, во что ввязался», — подумал влахак, наполовину злясь и наполовину забавляясь, глядя на радость рыжего.

23

Висиния проснулась ранним утром. В комнату проникал бледный свет.

Прошло несколько мгновений, пока она, сонно моргая, пыталась прийти в себя, однако очень быстро она вспомнила события прошлого дня. И прошлой ночи! Она откинула одеяло и обнаружила в постели и на ночной сорочке несколько березовых листочков, которые, очевидно, пристали во время ее акробатических трюков на дереве. Девушка поднялась с постели и, стараясь вести себя как можно тише, занялась ликвидацией следов ночного похождения. Для начала она вымыла ноги в миске с водой, чтобы не вызвать никаких подозрений у Мирелы, которая еще спала. Вода показалась ей холодной, словно из горного ручья, холод взбодрил девушку, сонливость как рукой сняло. Висиния оделась и принялась ждать.

Обычно Висиния была не очень занята. За прошедшие месяцы заложница приспособилась к рутине. Однако сегодня Висиния была чересчур невнимательной ко всему, что делала, и нервной. У девушки появилась цель, для осуществления которой действовать нужно было незамедлительно, чтобы предвосхитить следующие шаги Цорпада. Единственное, в чем влахака была уверена, так это в том, что масрид пока не усилил охрану, которая следила за ней. Тем не менее более продолжительная вылазка заложницы представляла собой более сложную задачу, прежде всего потому, что Висиния хотела не только незаметно покинуть крепость, но и так же незаметно вернуться сюда. Влахака была уверена, что, соверши она побег, другие заложники заплатят за это своими жизнями. Поэтому ей не оставалось ничего другого, как проделать путь «туда и обратно».

Вечером девушка вышла на крепостную стену, наслаждаясь ветром и украдкой наблюдая за солдатами и охраной. Планы бегства Висиния начала строить с первых дней пребывания в цитадели в качестве заложницы. Но самой большой проблемой было то, что побег сразу всех влахаков, оказавшихся в плену у Цорпада, был невозможен. Подобную

аферу мог проверить только один человек или небольшая группа, но сразу все — ни за что на свете. Однако, пока сохранялся мир, бегство заложников могло стать причиной расторжения договоренности и начала новой войны. Но способ незаметно покинуть цитадель Ремис существовал.

Пока девушка была погружена в эти мысли, к ней приблизилась Скилои, но на этот раз Висиния заметила сцарку только тогда, когда та заговорила к ней.

— Приветствую вас, госпожа.

— Приветствую, госпожа Скилои. Что сегодня стало причиной вашего визита?

— О, это всего лишь маленькая прогулка, чтобы размять ноги, — вежливо ответила Скилои.

— Та же причина привела сюда и меня, — вежливо сказала Висиния.

— Вчерашний день, наверное, был напряженным и волнительным для вас, не так ли?

— Несомненно. Как и для большинства присутствующих на суде, я полагаю, — холодно ответила влахака.

— О да, и это тоже. Но я имела в виду аудиенцию у марчега Цорпада. И те новости, которые он вчера сообщил.

Висиния недоверчиво вскинула брови.

— Что конкретно вы имеете в виду?

— Стен сал Дабран был близок вам? — поинтересовалась сцарка невинным тоном, но Висиния не дала заманить себя.

— Да, мы были знакомы. Он жил в Дезе, пока не оказался вне закона.

Скилои молча подошла к Висинии и замерла рядом, глядя вдаль. Потом неожиданно промолвила:

— Так больно терять человека, который много значил...

Висиния уже готова была дать резкий отпор, но сцарка не позволила. Не глядя на собеседницу, она тут же добавила:

— Я наблюдала за вами, Висиния. Видела ваше лицо, когда наш господин говорил об аресте, осуждении и смерти Стена сал Дабрана. Вас, несомненно, это глубоко задело.

Однако влахака уже давно научилась скрывать свои чувства, поэтому холодно процедила:

— Я выросла вместе со Стеном сал Дабраном. Естественно, мне больно слышать о смерти друга детства. Какова цель и смысл этого разговора о сал Дабране?

Скилои наконец обернулась и многозначительно посмотрела в глаза влахаке.

— Простите, госпожа, я не хотела напоминать вам о потере. Хотела лишь немного смягчить ваши страдания. Многие из нас потеряли друзей или родных.

Висиния была слегка сбита с толку: какую игру затеяла сцарка? Цорпад точно не был приятным хозяином, так как масрид даже по отношению к верным подданным и солдатам фактически не проявлял особой милости и уж точно не был приветливым.

Однако Висиния не стремилась ввязываться в полемику или выяснять истинные намерения сцарки, поэтому она извинилась и отправилась к себе в комнаты. Девушка выпроводила Мирелу под предлогом, что ее одежда требует безотлагательной стирки. Ей нужно было время на некоторые приготовления для реализации задуманного плана. И любопытная прислуга ей бы сильно мешала.

Остаток дня Висиния выдумывала для Мирелы различные поручения, чтобы к вечеру та наверняка свалилась от усталости. Лежа в своей кровати, влахака в темноте прислушивалась к дыханию служанки, пока не удостоверилась, что та крепко спит. Только после этого она тихо поднялась, схватила узел, который подготовила днем, подсунула под одеяло две подушки, чтобы создать видимость спящего человека. Конечно, при более пристальном осмотре это не поможет, но в темноте Мирела скорее всего поверит, что Висиния спокойно спит в своей кровати.

Довольная результатом, Висиния подняла деревянную раму, бросила узел во двор. Прodelать вчерашний трюк было гораздо легче. Девушка быстро спустилась, отыскала

небольшое укрытие и развязала узел с простой одеждой, которую она стащила из сундука Мирелы. Неприметное коричневое платье и такой же чепец составляли ее одяние, когда она кралась из внутреннего двора. В этот поздний час в крепости было тихо, так что влахака быстро прошмыгнула к конюшням, чтобы завершить переодевание.

С двумя тяжелыми, наполненными водой ведрами в руках Висиния шла через большой двор. При этом ее сердце бешено колотилось. В свете догорающего костра она была как на ладони, но девушка надеялась, что стражники увидят лишь служанку, которую послали к источнику. Один солдат на стене даже махнул ей рукой, и она приветственно кивнула в ответ, хотя сердце у нее почти остановилось от страха. Но патрульный просто отвернулся и продолжил движение. Никто не закричал, вообще никто больше не обратил на нее внимания, пока она пересекала двор. Наконец она добралась до ворот.

Ночью широкие главные ворота были закрыты на два больших засова, однако сбоку оставалась узкая дверь. Она тоже была закрыта, но открыть ее было значительно легче, это привлекло бы гораздо меньше внимания. Висиния быстро поставила ведра в небольшую нишу в стене. Влажной от пота ладонью влахака убрала с лица две рыжие пряди и двинулась к двери, она была снабжена тяжелым висячим замком и вдобавок металлическим засовом, но охрана закрыла дверь только на засов. Висиния едва удержалась от громкого вздоха облегчения, так как замок был слабым местом в ее плане. Раньше влахаке доводилось открывать висячие замки, но дверь в кладовую в Дезе и дверь в цитадель — очень большая разница.

Очень медленно Висиния вынула засов и чуть приоткрыла дверь. Широкая площадь перед крепостью была пуста. Девушка прошмыгнула наружу и осторожно закрыла дверь. Нужно было спешить, ведь в любой момент могли заметить, что засов отодвинут. Все-таки Висиния, прижавшись к стене, выждала некоторое время.

Она слышала над собой тихий разговор двух охранников. Лишь когда их голоса смолкли, она решилась оторваться от стены. После нескольких глубоких вдохов девушка ступила на камни широкой площади перед цитаделью. Впереди маячил темный узкий переулок, который казался безопасным.

Каждое мгновение Висиния ожидала услышать позади себя крики или звуки звенящих в полете стрел, которые вонзаются ей в спину. Однако никто не кричал и стрелы не пронзали тишину ночи.

Все-таки ей пришлось остановиться ненадолго, когда она добралась до фахверковых домов и оставила крепость позади, потому что ноги у девушки дрожали, сердце выскакивало из груди. Влахаке нужно было немного времени, чтобы успокоиться. Затем она попыталась сориентироваться.

По словам Сухай, ей следовало двигаться от крепости на юг, к порту. Подобрал юбку, Висиния пустилась бежать.

С момента прибытия в Теремию девушка не покидала крепость Ремис. Ее знание города основывалось на разных историях и разговорах, которые она подслушала, а также на собственных наблюдениях с высоты крепостной стены. Ближе к порту городские кварталы становились все беднее, зажиточные горожане покупали дома ближе к цитадели, которая возвышалась в северной части города. Беднота, мелкие торговцы, портовые рабочие и поденщики, в основном, конечно, влахаки, жили дальше от крепости.

Вначале Висиния запуталась в незнакомом сплетении улиц, но потом услышала шум Маги и пошла на звук. Два раза ей приходилось прятаться, когда она слышала топот тяжелых сапог городских патрулей, которые в темноте обходили северные кварталы города. И оба раза караул проходил мимо, не обнаружив девушку, которая всерьез опасалась, что ее может выдать громкий стук сердца. У цитадели дома были высокими и ухоженными, с белеными стенами, украшенными резьбой, но чем дальше Висиния уходила на юг, тем беднее и проще становились дома. Очень скоро девушка оказалась среди кварталов ветхих хижин и бараков. Кое-где через прорехи в ставнях падал свет. Иногда до беглянки доносился собачий лай. Но в основном в Теремии царили покой и тишина, словно все жители вымерли.

Однако портовый квартал, Апас, как его называли местные жители, встретил ее громким смехом и гулом голосов. В Теремии был введен комендантский час, в соответствии с которым жителям с наступлением темноты было запрещено покидать свои дома. Но здесь, в порту, очевидно, была пивная или трактир, посетители которого плевали на запрет. В Апасе царили крутые нравы, поэтому солдаты Цорпада редко посещали порт ночью. Говорили даже, что они вообще не рискуют заходить сюда после наступления темноты.

Висиния не очень-то верила подобным слухам, хотя ей бы очень хотелось, чтобы охрана Цорпада действительно боялась припортового района. Девушка приблизилась к источнику шума, она остановилась у небольшой двери, которая вела в подвал.

Быстро оглядевшись, она толкнула дверь плечом и вошла.

Ее ослепил яркий свет, а когда ее глаза привыкли к освещению, она поняла, что оказалась в низком помещении, битком набитом посетителями — мужчинами и женщинами, которые сидели у грубо сколоченных столов, говорили, пили и смеялись. Потупившись, влахака подошла к стойке и подождала немного, пока хозяин заметит ее.

— Чего надо?

— Я ищу дом сапожника Гиоргаса. Он должен быть где-то недалеко от порта. Ты можешь мне помочь? — тихо спросила она, стараясь, чтобы никто больше ее не услышал.

— Гиоргас, Гиоргас. Может быть, я и знаю его. Но ему точно не понравится, если кто-то станет беспокоить его так поздно ночью. Разве что он захочет такой симпатичной бабенкой, как ты... согреть свою постель?

— Ты поможешь мне? Пожалуйста, он ждет, — с мольбой солгала Висиния.

— А что я за это получу?

— У меня не много такого, что я могла бы тебе дать, — ответила влахака, но хозяин подмигнул ей.

— Ой, не говори. Ты точно можешь дать много. Что, если для начала это будет поцелуй? Уже это чего-то стоит!

Висиния удивленно подняла брови, однако, прежде чем она успела ответить, рядом с ней раздался голос:

— Ах ты, старый похотливый развратник! Сейчас же прекрати и помоги девочке. Если это проститутка, тогда я императрица Дирийской империи!

Рядом с Висинией у стойки оказалась женщина, которая с ног до головы была затянута в прочную толстую кожу с меховыми вставками. Темные волосы были заплетены в косы, которые упали ей на лицо, когда она кивнула Висинии.

— Не переживай. Он просто ходит быстрее, чем думает!

— Ха, вот это да! — рассмеялся хозяин и схватился руками между ног, в то время как незнакомка закатила глаза и покачала головой.

Окинув хозяина, которому, очевидно, нравилось то, что он нащупал рукой, уничижительным взглядом, женщина подхватила Висинию под руку и увела от стойки.

— Жалкий дурак, он даже не замечает, когда его оскорбляют, — зашептала незнакомка Висинии на ухо, подводя к столу.

— Ты можешь мне помочь? — с наигранной стеснительностью спросила Висиния.

— Я не знаю имени Гиоргаса, но в порту есть только один сапожник. Я объясню, как его найти. Ты не местная, да? — спросила женщина, и Висиния покачала головой, опустив взгляд, пытаясь сыграть наивность и испуг.

— Меня зовут Траиа, малышка. Не бойся. Как тебя зовут?

— Ирес, — быстро ответила Висиния. — Гиоргас — мой дядя.

— Итак, запоминай: отсюда по дороге, пока не доберешься до большого белого дома. Не беспокойся, не пропустишь его. Тогда сворачивай в переулок перед самым домом. Иди до самого конца, затем повернешь налево, на другую улицу, там по правой стороне ты скоро увидишь вывеску сапожника. Я никогда не была там, шью себе обувь сама, — усмехаясь, объяснила Траиа и подняла ногу, продемонстрировав Висинии действительно очень красивый сапог мягкой кожи.

— Спасибо, Траиа.

— Проводить тебя? — предложила женщина, но Висиния покачала головой.

— Нет, спасибо, я найду. Это же недалеко отсюда, правда?

— Недалеко, — согласилась Траиа и пожала плечами. — Счастливо.

Поблагодарив еще раз, Висиния поднялась и вышла из трактира. Оказавшись на улице, она сначала шла медленно, но потом снова пустилась бежать. Траиа описала все очень точно, влахака сразу нашла большое белое здание, у которого свернула в нужный переулок. Там она ненадолго остановилась и прислушалась, не идет ли кто следом.

Когда она удостоверилась, что все тихо, то помчалась дальше, пока не оказалась перед домом сапожника. Девушка не хотела разбудить громким стуком всю округу, поэтому подобрала несколько камешков и принялась бросать в ставни, пока одно из окон не открылось. Показалось заспанное лицо.

— Кто там? — неохотно крикнул мужчина.

Бросив быстрые взгляды в обе стороны переулка, влахака ответила:

— Друг. Пустите меня, у меня есть новости! — И очень тихо она добавила пароль, который ей назвал Сухай: — Во имя Тиреа!

Голова мгновенно исчезла, ставни закрылись. Через несколько мгновений Висиния услышала, как внутри отодвинули засов. Дверь открылась. В щель выглянул мужчина средних лет, поредевшие черные волосы всклокочены, у него был заспанный вид, на нем ночная сорочка, на которую он впопыхах набросил потертое серое пальто.

— Кто там? — неожиданно спросил он и указал вниз по улице, однако когда Висиния обернулась, то ничего не заметила.

— Где? — обеспокоенно спросила она.

— Вроде мелькнула тень, — сказал он, напряженно всматриваясь в темноту, но, так ничего и не обнаружив, добавил: — Должно быть, показалось. Заходи.

Висиния проворно шмыгнула в дом. Первый этаж занимали мастерская и лавка. На станке лежали разные инструменты, выкройки из кожи разных форм и размеров. Несколько пар наполовину готовых туфель и сапог стояло на полке рядом. Свечной огарок скудно освещал помещение. Влахака повернулась к сапожнику.

Гиоргас был мускулистым мужчиной, широкоплечим, с сильными ногами. Круглые щеки делали его похожим на благополучного торговца, однако глаза выдавали, что он многое повидал и пережил на своем веку. Сапожник растерянно теребил свою коротко подстриженную бороду.

— Кто ты? — спросил он, после того как, очевидно, не узнал даже после близкого рассмотрения.

— Висиния сал Сарес, — ответила влахака, и сапожник от удивления широко раскрыл глаза.

Однако, прежде чем он успел бухнуться перед ней на колени, она успела схватить его за плечо.

— Нет. Послушай меня, Гиоргас, я должна кое-что сообщить тебе.

— Госпожа, опасно приходить сюда! Что, если вас обнаружат? — залепетал Гиоргас.

— Я должна была пойти на этот риск. Новости, которые я принесла, очень важны. Будет война, Гиоргас. Цорпад вооружается, и я боюсь, что первый удар будет быстрым и жестоким...

И Висиния быстро сообщила мужчине все, что знала.

— Война, — в ужасе тихо прошептал сапожник. — Но что будет с вами и другими заложниками? Вы должны уходить из города...

— Нет, — перебила его Висиния, — мы должны делать вид, что нам ничего не известно. Я пришла одна. Если я сбегу, то Цорпад убьет остальных.

— Ваша сестра должна узнать об этом, госпожа, — констатировал Гиоргас, и Висиния согласно кивнула.

— Да. Ионна должна обязательно как можно скорее получить весточку о планах

Цорпада. Я полагаюсь на тебя, Гиоргас, мы все полагаемся на тебя. Если Цорпад нанесет удар, мы должны быть готовы и вооружены! Иначе тиран легко разобьет нашу защиту и уничтожит все наши надежды!

— Но что будет с вами, госпожа? Если начнется война... — снова заговорил Гиоргас, но не закончил фразы, так как они оба знали, что он подумал.

— Я не могу оставить других в беде, Гиоргас. Мы должны найти способ вместе сбежать из лап Цорпада. Я не оставлю влахаков заложниками его гнева! — твердо ответила Висиния.

— Я передам известие нашим друзьям в городе, — пообещал сапожник, и его ночная гостья кивнула.

— Вышлите гонца в Дезу. Кого-нибудь надежного. Послание должно обязательно дойти до моей сестры!

— Конечно, госпожа, — заверил Гиоргас. — Я найду гонца. Может быть, Октеиу...

Но Висиния подняла руку.

— Чем меньше я знаю, тем лучше, Гиоргас. Мне нужно быстрее вернуться в крепость. Мое отсутствие не должны заметить.

Мужчина молча кивнул и провел Висинию к двери. Прежде чем он успел отодвинуть засов, девушка спросила:

— Еще одно. Это правда, что Стен сал Дабран?...

Сапожник помрачнел.

— Он был в городе, его схватили. Я был там, когда они пришли. Нас было семеро, но солдаты набросились сразу на него. Это было безнадежно, госпожа. Нам удалось уйти и спрятаться, но Стен не вышел на связь ни с кем ни после ареста, ни через время, — качая головой, сапожник отворил дверь, затем продолжил: — Откуда солдаты знали место нашего собрания, неизвестно. С тех пор ни у кого не было весточек от Стена, а позавчера Цорпад объявил...

— Я знаю, — отмахнувшись, перебила его Висиния, словно она не хотела еще раз услышать эту плохую новость. — Значит, это правда. Спасибо, Гиоргас.

Крошечная частичка ее души все еще надеялась, что Цорпад соврал, однако теперь угасла и эта последняя искра. «Зачем ты приехал в Теремию? — думала влахака, выходя в ночь. — И как Цорпаду удалось быстро найти тебя? А на моем месте ты сделал бы то же самое: предупредить Ионну и попытаться расстроить проклятые планы Цорпада». Это пока главное, а когда ей удастся предупредить Ионну, тогда она сможет оплакать Стена сал Дабрана.

— С тех пор большинство вольных скрывается, очевидно, масриды узнали о некоторых наших местах встреч. Из города сбежало много влахаков, — рассказывал Гиоргас, стоя в проеме двери и прощаясь со своей необычной гостьей.

— А ты нет, Гиоргас?

— Нет, госпожа. Мне нечего терять — ни жены, ни детей. Да и кто заподозрит старого сапожника? — подмигнув, спросил он.

— Спасибо, Гиоргас, я не забуду о твоём мужестве. Спокойной ночи, — попрощалась влахака и повернулась идти.

— Удачного пути вам, госпожа, — пожелал ей мятежник, и Висиния скрылась в темноте.

Висинию просто лихорадило, когда она приблизилась к небольшой двери, ведущей в цитадель. К ее облегчению, она осталась открытой, и девушка толкнула ее. Дверь тихонько скрипнула, и у влахаки мороз прошел по коже от страха. Но удача все еще была на ее стороне: казалось, никто не услышал шума. Девушка быстро прошмыгнула во внутренний двор, но, перед тем как закрыть дверь, на мгновение замерла.

Это ее последняя возможность сбежать. Если она сейчас задвинет засов, то вполне возможно, что среди этих толстых враждебных стен она найдет свой конец и ее убьют — сам

Цорпад или его палачи.

На миг она почувствовала себя потерянной и бесконечно одинокой. Затем глубоко вдохнула и задвинула засов. «Другие заложники полагаются на меня. Я — сестра Ионны сал Сарес, Львицы из Дезы. Я должна найти способ освободить их, — сердито подумала она. — Или умереть вместе со своими земляками».

На этот раз Висиния выбрала путь не через двор, а вдоль стены. Костер почти погас, слабо тлели прогоревшие уголья, почти не давая света. Временами девушка слышала шаги солдат, однако никто из них не заметил ее.

Таким же путем, как и накануне, она взобралась в свою комнату. Мирела крепко спала. Влахака быстро переоделась и скользнула в кровать. Только когда она спрятала платье и чепец в сундук, ее дыхание успокоилось, она наконец почувствовала, как напряжение постепенно покидает ее тело. Но, несмотря на это, она еще долго не могла заснуть, строила дальнейшие планы, в конце концов мысли ее спутались и она погрузилась в тревожный сон.

24

Пард был недоволен, это было очевидно, и он дал выход гневу. Здоровяк бесновался, вопрошая громоподобным голосом:

— Еще один? Да еще и какой-то полугном!

— Да, Пард, — терпеливо ответил Друан.

— Вот дерьмо! Пусть нам приходится доверять вот этому, — Пард мотнул головой в сторону Стена, — но чужаку?

— Нет другой возможности, — объяснил Друан, но Пард злобно рассмеялся, поигрывая мускулами.

— Ну почему же, есть!

— Стен доверяет другому человеку, а он лучше знает людей, чем мы.

«Слова о доверии — это явное преувеличение, — подумал Стен, — да и не влаhak он, но я готов проигнорировать все это во избежание кровопролития». Он перевел взгляд на рыжего незнакомца, который внимательно следил за разговором между троллями. «Он не так прост, как кажется. Чтобы вмешаться в драку, надо быть чертовски хладнокровным и мужественным».

— Наплевать на Стена! Я не доверяю ни одному из них. Для меня и *одного* человека слишком много!

— Мы делаем то, что я говорю, Пард! — повторил Друан, но на этот раз в его голосе прозвучали стальные нотки.

— Рох! Что ты думаешь по этому поводу? — Пард в поисках поддержки обратился к другому троллю, но тот только пожал плечами.

— Друан, думаю, прав.

— Так же, как был прав в деревне? — зло уточнил Пард.

— Он убил пару людей, — невозмутимо ответил Рох. — Ну и что? Что в этом плохого?

При упоминании Орволя Стен почувствовал горький привкус во рту. Хотя юный воин был почти уверен в том, что Друан в конце концов убедит всех, эта перепалка снова напомнила ему, как быстро тролли превращаются в кровожадных монстров.

— А вы как? — спросил Пард Андугу и Цама. — Поддерживаете сумасбродное решение Друана?

Очевидно, троллям не очень нравилось спорить с Пардом, но, помедлив, они тоже кивнули, хотя и не смотрели при этом ему в глаза.

— Фу! — сплюнул Пард. — Вы все размякли. У вас от солнца мозги сварились! Посмотрите на него! Он точно наполовину гном!

— Я точно никакой не гном, даже наполовину, — вмешался Сарган, и Стен закрыл глаза, так как ожидал дикую вспышку со стороны Парда, однако ничего не произошло.

Когда влаhak снова их открыл, то увидел, что Пард злобно пожирает глазами остальных

троллей, но потом он устало поднял руки и крикнул:

— Прекрасно! Но не обвиняйте меня потом! Завтра! Когда эти два человечка будут утром есть троллятину!

— Я не ем троллятины, — заявил Сарган, за что заработал еще один мрачный взгляд Парда.

— Кто с тобой говорит, полугном?

— Я не... — начал было человек.

Но Пард прокричал ему прямо в лицо:

— Заткни глотку!

Сарган с огорченным видом вытер со щеки брызги слюны тролля, но, к облегчению Стена, промолчал. Пард пробурчал парочку ругательств в адрес товарищей и зашагал в лес, что-то бормоча.

— Это было серьезно? — прошептал Сарган Стену, и тот кивнул.

— Да, а теперь быстро за ними. Они совершенно точно не будут нас ждать. Скорее наоборот, — сказал Стен, который знал, что злой Пард идет вдвое быстрее, чем... не злой.

Все спешно похватили пожитки и последовали за огромным троллем в лес.

— Он очень... вспыльчивый, — констатировал Сарган, отчего Стен рассмеялся.

Но от мысли о мощных ручищах тролля, как они обхватывают его тело и выжимают жизнь, его смех быстро стих.

— Он опасен. Как дикий зверь. Было бы хорошо, если бы вы всегда помнили об этом. Он не будет медлить и секунды, если перед ним возникнет вопрос, убить вас или не убивать. Никто из них не будет, — серьезно заверил Стен.

— Как же так получилось, что вы путешествуете с ними? — с любопытством поинтересовался коротышка у Стена.

— Это долгая история.

— Ну, у нас же есть время, правда?

— Да, есть, — нерешительно ответил влахак. — Ладно. Я болтался здесь же в лесу, только севернее, пойманный и...

Сарган переспросил:

— Пойманный в лесу?

— Ловушка. Я... охотник. Не смог освободиться сам, но тролли помогли мне. Вот с тех пор мы как-то и остались вместе.

— Это был не очень долгий рассказ, — прокомментировал Сарган.

— Да, это была короткая версия. А откуда вы? — Стен поспешил сменить тему.

— Я родом из прекрасной Маси, жемчужины востока. Знаменитой своим базаром, самым крупным центром торговли пряностями, которые везут со всех стран мира!

— Хм, никогда не слышал о такой. Это часть империи? — спросил Стен, что вызвало у его собеседника стон и взгляд, полный ужаса.

— Никогда не слышали? Как же может человек... Это же... Вы смеетесь? — Сарган, казалось, был ошеломлен.

— Нет, — честно ответил Стен.

— Невероятно! Конечно, Маси — часть Дирийской империи. Она находится в самой Дирии, далеко на востоке, где пересекаются торговые пути. Это огромный город, полный красот и чудес!

— Вам там хорошо?

Рыжеволосый помолчал немного, словно подыскивал на вопрос ответ, который был и без того очевиден.

— А вы откуда, мой господин, я могу поинтересоваться? — спросил он тогда.

— Дабран, — просто ответил Стен.

— Дабран, Дабран. Стен из Дабрана, как-то... конечно! Вы — Стен сал Дабран! *Тот самый* Стен! Вы — настоящий герой — радостно воскликнул Сарган. — Легенда!

Очевидно, он уже забыл о том, как возмущался невежеством попутчика.

— Я не герой и точно не легенда! — быстро запротестовал Стен.
— Нет! Я даже слышал о вас песню. У бурлаков на Маги. Подождите, как там было?
Ах да! *Через мрачные стены негодяев...* — начал не совсем правильно петь Сарган.

Стен громко застонал:

— О нет, пожалуйста, нет! Пощадите!

— Вам не нравится? — с удивлением спросил Сарган.

— Нет, абсолютно.

— Но она воспеваает ваши деяния и ваш героизм!

Стен сердито возразил:

— Я делаю то, что должно делать. Я не герой!

— Но... Вы же...

— Прекратите! Иначе... мнение Парда становится мне все ближе, — Стен резко прервал Саргана, который ошарашенно замолчал.

Юный воин посмотрел на него, а потом на Друана и заметил, что тот внимательно слушает их разговор.

— Что? — бесцеремонно спросил влахак, но Друан лишь широко усмехнулся, оскалив при этом клыки.

Цдам наклонился к Анде и сказал:

— Я тоже знаю песенку о Стене: *В одной клетке сидел...*

Но, прежде чем тролль запел дальше, Анда и Друан залились громким смехом, который прервал грозный окрик Парда спереди: «Тихо! Проклятье!»

— Не знаете вы никаких песен, — раздраженно крикнул Стен.

Но Друан ответил:

— Почему же, знаем. Но у нас очень редко появляется причина спеть.

При этом казалось, будто его взгляд устремлен в неизмеримое далеко, словно тролль смотрел в другой мир. И Стен задумался над тем, какой же трудной, наверное, была жизнь троллей в глубинах земли.

Задолго до рассвета дорога вывела из лесной глуши, все чаще стали попадаться проплешины. Стен понял, что они приближаются к Теремии. Его все сильнее мучил вопрос, как действовать дальше. Ему и без этого клыкастого эскорта будет не так-то просто пробраться в город тайком, а как это проделать в компании существ в три шага ростом, громких и к тому же невероятно вонючих? Для начала следовало найти укрытие на день. В этой густо заселенной области люди не боялись ходить в лес, поэтому с каждым шагом все больше росла опасность того, что их обнаружат. Поэтому путники решили пораньше заняться поиском убежища, через некоторое время им посчастливилось: Рох наткнулся на закопченные стены, остатки лесного хутора, который, судя по всему, был покинут после пожара.

Лес присвоил себе то, что раньше отобрал человек. Двор зарос выющимися растениями и низким кустарником, образовав надежную защиту от людских взглядов. Тролли, игнорируя комментарии Парда, просто попадали на землю, в то время как Сарган стал обстоятельно готовить себе место для ночлега, очищая землю от камней и сучьев. Стен с усмешкой следил за манипуляциями горожанина.

— Вы не часто спите под открытым небом?

— Нет, не часто. Я предпочитаю места, в которых имеются кровати. И термы.

— Термы? Вы имеете в виду бани? — поинтересовался Стен.

— Да. Здесь есть такое?

— На юге есть горячие источники, но в Теремии в основном купаются в Маги, если купаются, — объяснил Стен.

— Ага. Этого я и опасался, — вздохнул Сарган, на что Анда и Рох засмеялись.

— А что плохого в купании в реке? — с любопытством поинтересовался Рох, и Сарган поспешил заверить:

— Ничего, ничего.

Но потом он взглянул на Стена, который уставился на него, сморщив нос, и сказал:

— Возможно, нам всем не мешало бы, ну, я имею в виду...

— Через пару дней будет уже не так заметно, — беззаботно ответил Стен.

Рох озадаченно смотрел то на одного, то на другого человека. Наконец тролль спросил:

— Что?

— Ничего, — одновременно ответили Стен и Сарган.

— Вы пишете книги? — поинтересовался Стен и, когда дириец кивнул, уточнил: — А какие?

— О, обо всем, что мне нравится. В основном история и путевые заметки.

— Значит, вы образованный человек?

— Ну да, образованный, — скромно сказал Сарган, — я знаю классиков, изучал их крупные произведения, образованный...

— А там, откуда вы приехали, много книг?

— Да, можно так сказать. В библиотеке храма богини Агдель в Маси девятьсот рукописей, из них почти треть в переплете, остальное — свитки, — объяснил Сарган.

— Девятьсот! — восхищенно вырвалось у Стена.

— Как я уже сказал, только триста из них представляют собой то, что вы называете книгами. Но в Колхасе, Золотом городе, хранятся тысячи трудов.

— Столица Дирийской империи, — благоговейно сказал Стен. — Вы хорошо знаете ее?

— Я бывал там два или три раза, — признался Сарган.

— И она действительно такая большая, как рассказывают? И все крыши покрыты золотом? И там есть башня высотой сто шагов?

— Я не знаю, что рассказывают здесь, в Ардолии, — смеясь, ответил дириец. — Но говорят, что в Колхасе живет более двухсот тысяч человек. Есть дворцы, крыши которых покрыты золотом, а также у большого храма Матери Земли крыша золотая, да еще украшенная рисунком и инкрустирована драгоценными камнями, от этого крыша так блестит на солнце, что приходится отводить глаза, что очень нравится богине. Башня Отца Небесного настолько высока, что с ее верхушки можно коснуться облаков.

— Хотел бы я увидеть это хоть один разок, — мечтательно произнес Стен.

— А почему бы и нет? Ваша страна когда-то была провинцией империи, и ее жители не являются нашими врагами. Конечно, путь будет тяжелым и опасным, но для такого человека, как вы, который на крепостной стене против...

— Хватит! — перебил его Стен. — Просто забудьте эту песню. Моя жизнь не песня, и я сражаюсь не ради почестей и славы.

— Мне жаль. Я ни в коем случае не хотел вас обидеть, — извинился Сарган. — На моей родине люди радуются, когда их деяния воспевают.

— Я не переношу этого, — объяснил Стен.

Ему не хватало слов, чтобы объяснить свои чувства. Эта песня и парочка других рассказывали о нем, но Стен не гордился многими своими поступками, он считал их необходимыми и правильными. От некоторых из них зависела его жизнь. Иногда было и то, и другое вместе. Почему-то ему казалось, будто песни и сказания делают войны с масридами чем-то ненастоящим, легендой, которая давным-давно покрылась пылью. А эта борьба была настоящей, она была еще более жестокой, чем в любом сказании. Жестокой и отвратительной. «Сколько людей я лишил жизни? — спросил себя Стен. — Сколько мне еще придется убить, пока Влахкис наконец станет свободной? Вам кажется, что знаете меня, но знаете ли вы меня на самом деле?»

Сарган прервал его мрачные мысли.

— Вы очень скромны, — с уважением признал он, но Стен лишь пожал плечами.

— Я мало знаю об этой стране, — продолжил Сарган, — но хочу посвятить ей главу в моих заметках.

— А что такое, собственно, книги? — неожиданно спросил Рох.

— Ты не знаешь, что такое книга? — в ужасе переспросил дириец.

— Нет.

— Книга — это наивысшая ценность, оплот знаний, источник мудрости. В ней умные люди излагают свои знания, и они становятся доступны любому человеку, — с воодушевлением пояснил Сарган.

— Что? Как это, излагают свои знания? — Рох озадаченно почесал голову.

— Очень просто. Они их записывают. На бумаге или на пергаменте, — продолжил Сарган и принялся рыться в сумке. — Подожди, я покажу.

Вскоре он нашел книгу, обернутую в кусок вощенной ткани и таким же образом защищенную небольшую чернильницу и перо. Рыжий осторожно, даже благоговейно развернул свои сокровища. Скорее случайно, чем намеренно, Стен бросил взгляд в сумку дирийца и с удивлением обнаружил, что все предметы, которые там находились, были так или иначе защищены от непогоды и влаги. Однако, прежде чем он успел что-либо сказать по этому поводу, Сарган уселся возле Роха и обмакнул кончик пера в чернила.

— Посмотри, это книга. А теперь я что-нибудь запишу в нее. Что записать? Например, тролли — это крупные человекообразные существа с кожей серого цвета.

— Эй, мы не человекообразные, или как там? — запротестовал Рох.

К Саргану и Роху присоединились другие тролли, которые смотрели с любопытством.

Все, кроме Парда, который все еще лежал в стороне, демонстративно отвернувшись, что Стен для себя отметил.

— Человекообразные, — поправил Сарган тролля. — Это означает лишь «похожие на человека».

Но теперь уже вмешался Пард:

— Мы не похожи на маленьких, слабых, розовых человечков, понятно?

Но Сарган не дал себя запугать и возразил:

— Две руки, две ноги, одна голова. Совсем иначе, чем, например, у собаки или коровы.

— Я могу легко сделать так, что у тебя будет меньше рук и ног, если ты не прекратишь рассказывать чепуху... — угрюмо заявил Пард и встал.

Однако Друан прервал его и попросил Саргана:

— Покажи, как это выглядит.

— Конечно. Итак, сейчас я это запишу, — продолжил рыжий коротышка, но, перехватив убийственный взгляд Парда, поспешил добавить: — Естественно, без слова «чело-векообразный». Я сейчас пишу: «Тролли — это большие существа с двумя руками, двумя ногами и одной головой, покрытые серой кожей».

Тролли заворуженно смотрели маленькому человеку через плечо, наблюдая, как он большими переплетающимися буквами записывает предложение в книгу.

— Теперь каждый, кто умеет читать, поймет, что я написал. Я записал свои знания в этой книге. Даже после моей смерти еще можно будет узнать о троллях, если книга сохранится! — торжествующе заявил Сарган.

— Как это происходит? — озадаченно спросил Друан. — Как ты получаешь слова на бумаге? Ты можешь рисовать звуки?

— Да, могу. Слово разбивают на кусочки, их называют буквами. Каждое слово состоит из букв, их всего две пары дюжин. Если знать их, то можно услышать, из чего состоит слово.

«Это, наверное, в империи, но у нас их более двух пар дюжин», — подумал Стен, но промолчал, увидев, как тролли озадаченно морщат лбы. Им явно и без того тяжело было понять правила письма, поэтому он решил не усложнять все еще больше. Его откровенно забавляло, как тролли передавали друг другу книгу и пытались разгадать смысл знаков.

— Это колдовство! — пораженно воскликнула Анда. — Он — колдун!

— Нет, нет, — успокоил Сарган троллю. — Этому может научиться каждый. Это не колдовство.

— Этому может научиться каждый? — резко переспросил Друан.

— Каждый, — подтвердил дириец.

— И я тоже? Или Пард?

— Я не буду учиться этому дерьму, — послышался голос Парда.

На что Сарган, усмехнувшись, ответил:

— Каждый. Ты, Пард — все, кто хочет. А как же вы сохраняете свои знания, если не записываете?

— У нас кто-то рассказывает остальным все, что знает. У костра или когда мы переходим из одной пещеры в другую. Молодые тролли всегда рядом, им объясняют разные вещи, рассказывают, как охотиться, бороться, какой лишайник хороший, а какой плохой. Как прятаться, когда это необходимо. Все, что нужно знать для выживания.

— У тебя есть дети? — поинтересовался Сарган.

Друан покачал головой.

— Нет. Но свои знания мы передаем всем молодым троллям. Молодежь принадлежит всему племени.

— Понимаю. Ты хочешь научиться писать? Я мог бы показать тебе, как пишется твое имя.

— Мое имя? Ты можешь написать мое имя? В книге? Палочкой?

— Пером, чернилами и буквами. Конечно. Но лучше я покажу тебе это здесь, на земле. Смотри внимательно, вот так берем палочку, а затем рисуем буквы. Д Р У А Н, — по буквам медленно произнес рыжий дириец, выводя каждую букву на мягкой земле. — Так, а теперь просто попробуй сделать то же самое.

Друан сразу же взял палочку и написал свое имя или, по крайней мере, попытался это сделать. Трое остальных троллей обступили дирия, возбужденно лопоча, чтобы он написал на земле и их имена, все, кроме Парда, который, казалось, все еще сердился на всех, но при этом Стен заметил, что он очень внимательно прислушивается к беседе.

Несколько мгновений спустя четыре тролля сидели на земле и учились писать свои имена, словно прилежные ученики, а Сарган был их учителем.

— Уже совсем скоро четверо троллей из пяти будут уметь писать свои имена, — сострил Сарган, — это намного больше, чем у меня на родине!

— Да, — согласился Стен и подумал о Влакхисе, но затем, бросив взгляд на медленно светлеющее небо, крикнул: — Скоро рассвет!

Тролли прервали обучение и осмотрелись. Затем устроились на земле для сна, в то время как Сарган недоуменно наблюдал за ними. Та перемена, которая произошла с троллями, когда солнце наконец полностью появилось над горизонтом, поразила его.

Стен за время путешествия уже успел привыкнуть к превращению, и оно не казалось ему чему-то особенным. Стену казалось, что сейчас они выглядят более миролюбиво, но, скорее всего, это было лишь игрой его воображения. Он со вздохом повернулся к Саргану.

— Так кто вы и откуда?

— Что? — смущенно переспросил рыжий, оторвав взгляд от троллей. — Они спят?

— Что-то в этом роде. Я задал вопрос.

— Сарган. Я из Маси, я уже рассказывал вам об этом.

Стен недоверчиво взглянул на мужчину и заявил:

— Вполне возможно, что вы соврали. Из-за троллей.

— Никогда, — негодуя возразил Сарган. — Правда — это самое дорогое, что есть у писателя.

— Возможно, — ответил Стен, продолжая сомневаться. — Расскажите, пожалуйста, еще раз, как вы попали в руки гномов.

— Ну, я решил написать и о маленьком народце. Я перебрался в Ардолию через перевал Еркель, сначала добрался до Турдуй, а потом оттуда на лодке по Маги в Теремию. Совершенно случайно я заметил этот караван гномов, с которыми я, естественно, сразу же завязал разговор. Встретиться с гномами не так-то просто, разве только у вас с ними налажены прочные контакты.

— Гномы были в Теремии? Где конкретно? — поинтересовался Стен.

— Ну, в этой мрачной крепости, как там она называется.

— В крепости Цорпада!

— Да, точно, так зовут хозяина крепости.

— И что гномы там делали? Вы знаете?

— Нет, но думаю, что вели переговоры. В любом случае их телега была полна, когда они прибыли в Теремию. Гномы беседовали друг с другом об этом. Я немного знаю язык гномов, — с гордостью заметил Сарган.

— Когда мы на вас наткнулись, в телеге не было ценных товаров, — размышлял вслух Стен, — немного тканей, запасы, ничего такого, из-за чего стоило бы покидать горы и тащиться в Теремию.

— Это так. Возвращаясь к моей истории... Я говорю на языке гномов. Рассказал им о своем народе, немного порасспросил их... В какой-то момент один из них спросил, что именно мне о них известно, а когда я им все рассказал, они стали вдруг очень недовольны — и бац! — Сарган симитировал быстрый удар. — Они свалили меня с ног и уложили на свою повозку, словно кусок мяса! Можете себе представить?

— И не связали? — уточнил Стен.

— Нет, но стражники не спускали с меня глаз. Очень неприятно!

— Охотно верю. А в последнюю ночь?

— В какой-то момент они отвлеклись. Я подумал, сейчас или никогда, так как боялся, что они притащат меня в свои горы, и не знал, как долго продлится путешествие. Затем стрела, ваше появление и эти вот примечательные создания, — добавил Сарган, указав взглядом на троллей.

— Да, крайне примечательные, — согласился с ним Стен, — и теперь вам нужно поторопиться.

— Поторопиться? Мы отправляемся в путь? Но ведь они еще спят? Их нужно разбудить? — растерянно спросил маленький дириец.

— Нет. В путь отправляетесь только вы. Будет лучше, если вы пойдете на восток, пока снова не окажетесь на главной дороге, а затем сворачивайте на юг, в Теремию. Оттуда я бы на вашем месте продолжил путешествие. Теремия — очень ненадежное место, — уточнил Стен и подумал: «По крайней мере, скоро станет очень ненадежным».

— Никогда! — тотчас же откликнулся Сарган. — Такой шанс бывает раз в жизни. Уже очень давно никто не встречал троллей. Написав об этих существах, я стану бессмертным!

— Вы отправляетесь в путь, — с угрозой сказал Стен. — Вы что, не понимаете? Это не сказочные существа из древних легенд. Сейчас, может, они и хотят рисовать палочками, но, возможно, уже завтра ночью они съедят вас!

— Чепуха!

— Я знаю! Они — дикие, они — опасные. Они едят людей, — продолжал настаивать Стен.

— Но... все знания... — попытался возразить Сарган, однако Стен был непоколебим.

— ...мертвому они не понадобятся. У вас есть целый день времени, достаточно для того, чтобы существенно опередить нас.

— А что с вами?

— Я уже научился общаться с ними, они слушают меня, так как я им нужен. Или, по крайней мере, я очень верю, что это так, — честно сказал юный влахак. — Они не обрадуются тому, что вы ушли, совсем не обрадуются, особенно Пард, но я как-нибудь справлюсь, — добавил он.

— Вы тоже отправляетесь в Теремию? А зачем вы нужны троллям?

— Это касается только их и меня. Чем меньше вы об этом знаете, тем лучше. И не так опасно для вас. А теперь уходите! — поторопил Стен рыжего дирийца.

— Признаюсь, все это очень странно. Тролли — враги гномов, да? — поинтересовался Сарган, складывая вещи.

— Да, смертельные враги.

— Что они здесь делают? Они уже целую вечность как исчезли, все ученые корифеи считают, что они вымерли.

— Даже они иногда ошибаются. Они живут в недрах земли, переселившись глубоко в горы, — объяснил Стен.

— Где также обитают и гномы.

— Да. Готовы? — спросил Стен, когда Сарган накинуд сумку па плечо.

— Да. Но я крайне неохотно покидаю вас, — заявил дириец. — Можно было так много узнать...

— В другой раз. Возможно, мы снова как-нибудь встретимся. А сейчас я должен поторопить вас.

Сарган коротко кивнул, выбрался из руин и направился в лес. Стен хмуро наблюдал за дирийцем, пока тот не исчез в густом подлеске.

Что-то в этом человеке казалось ему странным, но только он не мог понять, что конкретно. Возможно, его поведение во время сражения или то, что он ни разу не пожаловался на рану в ногу. «Такой изнеженный ученый, домосед, который не может спать в лесу на земле, но стойко переносит болезненное ранение. Странно...» — подумал Стен, но его мысли были заняты более важными вещами. Во-первых, вечером ему придется объяснить троллям, что их неожиданный попутчик ушел, а затем пережить гнев Парда, а во-вторых, следовало разработать план проникновения в город. «И самое главное — нужно придумать, как провести своих... огромных спутников!»

25

— Введите его, — приказал Хродгард, и подчиненные поспешили выполнить приказ.

Через несколько мгновений большие, богато украшенные каменные ворота открылись и двое солдат из личной гвардии самого верховного полководца ввели гнома, руки и ноги которого были закованы в цепи. В зале заседаний уже собрались высокопоставленные гномы. Полководец мрачно усмехнулся и подумал, что наконец появилась возможность продемонстрировать всем, чем чревато проявление слабости перед лицом врага.

— Имя? — резко спросил он, когда пленника поставили перед ним на колени.

— Ларнард, сын... — начал было тот, но Хродгард перебил его ледяным голосом:

— Твой отец отказался от тебя. Теперь у него нет сына.

Эта новость явно сильно поразила гнома, его лицо стало белым как мел. Солдаты в соответствии с приказом сбрили ему бороду, что уже было огромным позором, однако потеря семьи означала по сути изгнание гнома из общества. Гному без отца никто не доверял, теперь никто не предложит ему ни крова, ни еды, ни работы. Даже гномы из самых низов смотрели на безотцовщину сверху вниз и плевали на него. Теперь пленнику предстояла жизнь нищего попрошайки, вынужденного перебиваться подачками, которые он сможет выпросить, жизнь в грязи и позоре.

— Ты был кузнецом? — жестко продолжил Хродгард.

— Да, господин, — совсем поникнув, ответил гном.

— Ответственный за запечатывание решетками верхних шахт, в частности, вновь проложенного туннеля?

— Да, господин.

— Тогда как ты объяснишь, что почти половина вентиляционных шахт не имеет надлежащей защиты? — Хродгард продолжил допрос.

— Сырью было недостаточно, господин. Руда пошла на другие нужды. Поэтому я решил запечатать отверстия, которые находятся выше всего, через некоторое время сами выходы были тщательно замаскированы. Я подумал...

— Ты подумал! — сердито воскликнул Хродгард. — Что ты подумал? Что ты можешь подвергнуть опасности наши с таким трудом завоеванные территории? Что ты будешь решать, как нам защищать наше имущество и наш народ?

— Нет, господин! Я же сказал, не было достаточно... — хотел хоть как-то оправдаться Ларнард, но Хродгард не мог больше выносить скулеж униженного гнома.

— Молчи! — прогремел он. — Ты должен был сообщить о недостатке материала. В крайнем случае ты должен был обратиться к солдатам, ко мне лично. Вместо этого ты открываешь нашим врагам все пути! Человек смог пробраться в туннели и беспрепятственно покинуть их. Человек!

Гном не нашелся что возразить и, совершенно пав духом, повесил голову.

Хродгард кивнул приземистому, как-то странно скрюченному гному, который до сих пор стоял немного в стороне.

— Это Эрко, сын Элькоина, мастер по паукам.

Гном, к которому обратились, склонил голову. Вероятно, он просто не мог поклониться как следует, так как правая половина его тела казалась парализованной. Кожа правой руки, которую он удерживал полусогнутой, была покрыта огромными шрамами и узловатыми шишками, они, очевидно, покрывали все тело. Но самым неприятным было лицо, половина которого превратилась в ужасную, застывшую маску, с пустой глазницей и жуткими рубцами. Эрко, по-видимому, укусил один из крупных бурых пауков, которых гномы называли *коричневой гнилью*. Их яд считался смертельным, при укусе у жертв начинает гнить кожа и мышцы. Однако мастер выжил, даже если на теле у него и остались чудовищные следы этого укуса.

— Мастер, как вы привлекаете нового стража? Нам ведь все равно придется проделать новую шахту и защитить ее.

— Ну, господин, — ответил обезображенный гном задыхающимся шепотом, — мы подкладываем мешок с яйцами какому-нибудь связанному животному и ждем, когда вылупятся малыши. Сначала они съедают это животное, затем друг друга, пока не остается один, самый большой и сильный паук.

— Животное должно быть живое? — спросил Хродгард, бросив быстрый взгляд на Ларнарда.

— Вначале да. От яда животное, естественно, коченеет, но потом, через время, умирает от ран.

— Ты в последний раз послужишь своему народу, Ларнард! — резко выкрикнул приговор Хродгард, сын Хальдигиса.

— Нет! Пощадите, господин, пощадите! — в ужасе стал умолять Ларнард, когда понял намерение Хродгарда.

Бедолага как сумасшедший стал вырываться из цепей. Однако во взгляде полководца читалось лишь презрение.

— Пощадить? Ты жалкий червь, ты не гном! — прошипел Хродгард. — Ну да ладно. Труп будет достаточно, мастер?

— Пока он будет свежим, господин, — тихо прохрипел Эрко.

— Пусть будет так. Дайте ему в камеру нож. Твой удел, Ларнард, — пища для пауков.

После этих слов солдаты вывели из зала осужденного, который уже перестал сопротивляться и бессильно повис между ними. Полководец удовлетворенно кивнул мастеру по паукам, и тот поковылял к своим любимцам.

«Пусть судьба бывшего кузнеца будет наукой для всех! предавший наш народ не останется безнаказанным!» — думал он.

Неожиданно дверь в покои Висинии резко распахнулась, в комнату вошла Скилои Касцон в сопровождении двух стражников, вооруженных с головы до ног. Через окно пробивались первые лучи солнца. Висинии, которую разбудили столь грубым образом, потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, где она, но затем ее взгляд скользнул по мечам в руках обоих солдат и их мрачным лицам, отчего она сразу почувствовала, как

подступает слабость.

Скилои по всей форме склонилась в поклоне перед влахакой, которая успела сесть на кровати. Это несоответствующее ситуации проявление вежливости смутило Висинию еще сильнее, чем суровые лица стражников. Тем не менее она не подарила им удовольствие видеть, что испугалась.

— Что это значит? — воскликнула она с наигранным гневом. — Госпожа Скилои, это неслыханно!

Коротышка склонилась в еще одном поклоне и подняла руки в извинительном жесте.

— Госпожа, мне жаль беспокоить вас в такой ранний час, но мой господин желает видеть вас. Проследуйте, пожалуйста, за нами.

— Что? Подождите за дверью, пока я переоденусь! — приказала Висиния.

Скилои покачала головой.

— Я очень сожалею, но приказ однозначен: сейчас же и без малейшего промедления.

— Значит ли это, что вы собираетесь вести меня по коридорам цитадели в ночной сорочке? — спросила Висиния, преисполненная на этот раз уже неподдельного гнева.

Прежде чем Скилои успела ответить, один из стражников, воин с белыми волосами и бородой, выступил вперед, схватил одеяло и сорвал его с кровати с яростным выражением лица. Вне себя влахака подняла руку, чтобы ударить бородатого воина, но тот направил острие меча прямо ей в горло. С кровати Мирелы раздался вопль ужаса.

Но, прежде чем ситуация накалилась еще сильнее, вмешалась Скилои:

— Остановись! Назад! Я сказала: назад!

Только когда воин, мечущий в Висинию яростные взгляды, отступил на шаг, Скилои обратилась к влахаке.

— Набросьте свой плащ, но быстро, — приказала она. — Мой господин будет недоволен, если мы задержимся, — тихо добавила она.

— Благодарю вас, госпожа Скилои, — ответила Висиния, поднялась с кровати и с максимально возможным в такой ситуации достоинством, открыла свой сундук с одеждой.

Взгляд в сторону Мирелы подтвердил, что от служанки она не дожидается никакой помощи, так как та в ужасе натянула на себя одеяло до подбородка и широко раскрытыми глазами следила за солдатами. Висиния быстро нашла простую длинную накидку из толстой шерсти и набросила ее на плечи. Королевским жестом она откинула волосы назад и кивнула Скилои.

— Я готова насладиться еще одним проявлением гостеприимства вашего хозяина!

С вымученной улыбкой темноволосая сцарка пропустила ее вперед. Солдаты шли справа и слева от Висинии. Несмотря на неподобающий рангу вид — голые ноги и нечесанные волосы девушка гордо подняла голову и с вызовом взглянула в глаза охраннику у двери, когда проходила мимо. Никто не проронил ни слова, пока они пересекали вестибюль, но на этот раз ее повели не направо, в зал или комнату заседаний Цорпада, а напрямик в западное крыло цитадели, в котором Висиния еще ни разу не была.

По лестнице они спустились в большой подвал, свод которого был высотой шесть или семь шагов. «Неужели он хочет бросить меня в темницу?» — подумала Висиния, с трудом подавляя дрожь.

Однако ее мучители, по всей вероятности, задумали нечто иное. В ближайшем зале впечатляющих размеров ее уже ждал Цорпад в окружении нескольких воинов.

Эта часть крепости была очень древней, стены были сложены из грубо обтесанных камней, а раствор между ними уже давно рассыпался в труху. Сюда не проникал солнечный свет, поэтому в помещении горело множество коптящих факелов в железных настенных держаклах.

Сфокусировав взгляд на лице Цорпада, Висиния направилась к нему, стараясь максимально спокойно смотреть ему в глаза. На масриде снова была одежда цветов его дома. Его массивное, мускулистое телосложение подчеркивали темно-красные оттенки и черная меховая опушка.

С опасно холодной улыбкой он поклонился Висинии и заговорил с наигранной вежливостью:

— Добро пожаловать в мою комнату для игр, благородная Висиния.

— Итак, вы решили больше не прятаться за маской цивилизованного человека, которую раньше надевали, и показать наконец свое истинное лицо. Маска слетела, и теперь вы стали таким, какой вы на самом деле. Поэтому избавьте меня от своего лицемерия.

На мгновение на лице масрида появилось веселое выражение, но затем с наигранной вежливостью он ответил:

— Как желаете, влахака. Я обещал вам продемонстрировать свою силу. Прошу, смотрите!

Последовав взглядом за его рукой, Висиния увидела глубокую яму в полу, которую она заметила только сейчас, так как до этого все ее внимание было приковано к масриду. Естественно, Висиния знала о медвежьих ямах. Медвежьи бои были любимой забавой масридов, такие маленькие арены можно было встретить по всей стране. Обычно в ямах глубиной четыре-пять шагов пойманных медведей травили собаками, иногда против них выступали смельчаки и силачи, иногда проводились другие бои, но в основном на животных выпускали огромных враси, собак масридов, которые нападали целой сворой.

Висиния также слышала истории о существах из глубин лесов, которых Цорпаду удалось изловить и которых он ради забавы заставлял сражаться в этих ямах. Существовало много историй и легенд о марчеге Теремии, все они свидетельствовали о его жестокости.

Эта яма была очень глубокой и большой. Ее диаметр составлял не менее десяти шагов, а по верхнему краю шел ряд страшных, загнутых книзу металлических стержней, целью которых было не позволить выбраться из ямы, хотя Висиния даже не могла себе представить, какое существо смогло бы подняться по вертикальным гладким стенам высотой семь шагов.

В стене у самого пола ямы виднелась мощная железная дверь, которая в этот момент со скрипом распахнулась. К своему ужасу, Висиния увидела, как из темного отверстия вытолкнули мужчину, в котором она, несмотря на шлем, покрывавший его голову, узнала Гиоргаса, сапожника. Ошеломленно она взглянула на Цорпада, который, однако, пристально смотрел в яму, а затем на Скилои, которая едва заметно покачала головой.

— Неужели вы действительно думали, что ваша маленькая вылазка останется незамеченной? Что вы можете перехитрить меня? — злобно спросил Цорпад и через несколько мгновений сам ответил на свои вопросы: — Да, так вы на самом деле и думали. Но вместо этого, дорогая дама, вы привели нас прямо к своим друзьям в городе. И в это мгновение мои солдаты уже арестовывают других предателей и заговорщиков. Так что должен поблагодарить вас, Висиния, без вашей помощи мне, возможно, значительно больше времени понадобилось бы на искоренение этих злокачественных ростков!

Чувствуя, что смысл слов постепенно уходит от нее, Висиния уставилась на масрида, даже не видя его на самом деле. «Я принесла всем смерть!» — пронеслось у нее в голове. Но неожиданно внутри нее вспыхнула холодная ярость, которая вытеснила испуг и печаль. «Ты, трижды проклятое чудовище! Как бы я хотела, чтобы у меня было оружие! Я бы прямо сейчас положила всему конец!»

— Вы довольны своим оружием? Хороши ли доспехи? — крикнул Цорпад сапожнику, который растерянно глядел на зрителей и затем резко обернулся, услышав позади себя звук закрывающейся двери.

— Эй, ты меня не слышишь или просто слишком глуп, чтобы понять мои слова? — язвительно бросил Цорпад, игнорируя при этом Висинию, которая закричала:

— Прекратите, Цорпад! Что вам нужно?

— Никаких игр, влахака, помните свои слова? — тихо ответил масрид и кивнул обоим стражникам, которые сопровождали Висинию и Скилои. — Держите ее, я не хочу никаких неожиданностей.

Солдаты мгновенно подступили к Висинии и схватили ее за руки. Понимая, что сопротивление бесполезно, Висиния позволила им такое обращение с собой, хотя и бросала

испепеляющие взгляды в сторону Цорпада. Он же бесстрастно посмотрел на рыжеволосую и крикнул в яму:

— Ну так как доспехи? Тебе по вкусу? Отвечай, иначе я прикажу сейчас сбросить к тебе и твою хозяйку!

За этими словами сразу последовала желаемая реакция, так как Гиоргас ответил:

— Меч и доспехи хороши, господин! Мне позволили выбрать их самому!

— Вот видите, Висиния? Никакого обмана и игры, его оружие взято из моей собственной оружейной комнаты, и у него был выбор.

Усмехнувшись, он показал на сапожника так, словно это был рабочий конь, которого он хотел продать на скотном рынке. Но затем черты его лица ожесточились.

— Выпускайте Аврама! — громко приказал он, и внизу открылась еще одна дверь.

Оружейник вышел в круг и решительным шагом направился к Гиоргасу. На опытном воине были металлические доспехи, которые закрывали все его тело с головы до ног. Сапоги масрида со звоном вздымали фонтанчики опилок, которыми был усыпан пол арены.

Висиния никогда не видела таких доспехов: темно-серый металл слегка светился. Торс Аврама прикрывала кожаная рубаха, на которую были нашиты внахлест металлические пластины шириной в ладонь. На бедрах доспехи делились на две части, защищая ноги до самых колен. Картину дополняли металлические поножи и наручи и пластины на шее и плечах, от которых вниз, до локтей, спускалась кольчуга. Завершал доспехи тяжелый шлем с узкой щелью забрала. Правой рукой воин-ветеран сжимал тяжелую булаву с острыми шипами, которые опасно поблескивали в свете факелов. В левой руке был тяжелый длинный металлический щит, который он нес без видимых усилий.

— Впечатляет, не правда ли? — прошептал Цорпад Висинии, внимательно наблюдая за ее реакцией.

— Что, духи темноты, все это значит? — ядовито спросила в ответ влахака.

— Это, дорогая Висиния, будущее. С сегодняшнего дня мои солдаты пойдут в бой с самыми лучшими доспехами и оружием.

А теперь помолчим и насладимся зрелищем! — приказал Цорпад и кивнул Авраму, который в знак приветствия поднял булаву и приготовился к бою.

Гиоргас тоже поднял меч, однако противник, казалось, выжидал. Он медленно двигался вокруг влахака, пока тот наконец не потерял самообладание и не набросился первым на масрида. Хотя Гиоргас и был сапожником, но у него явно имелся опыт в обращении с оружием, это Висиния поняла сразу же, ведь ее тоже обучали обращению с мечом. Влахака бил твердо и целенаправленно, заставляя Аврама отходить, однако масрид парировал щитом все удары. Гиоргас дважды обходил защиту оружейника, однако оба раза меч отскакивал от прочных доспехов масрида.

Цорпад восхищенно улыбнулся и подмигнул Висинии.

— Вы видели? Отличное попадание, но без особого эффекта!

Однако влахака не обратила на него никакого внимания, ее взгляд был прикован к происходящему внизу.

— Левый глаз, — крикнула она Гиоргасу, — он слеп на левый глаз!

Влахака вроде услышал ее слова, так как мгновенно обошел врага и старался держаться слева, несмотря на то что в этом положении из-за тяжелого щита масрида было тяжелее пробить оборону. Один из стражников схватил Висинию за волосы и больно дернул назад. Стиснув зубы, Висиния подавила крик боли. Скилои прошипела:

— Отпусти ее!

Однако воин ослабил хватку лишь после того, как увидел милостивый кивок своего хозяина. Висиния бросила на солдата уничтожительный взгляд. Затем снова наклонилась над ямой, в которой Гиоргас, используя дефект оружейника, наступал на его левый фланг и сыпал быстрыми ударами. Удары все чаще достигали цели, но не приносили особого вреда ветерану, Висиния не видела следов крови у масрида. Да и металлические доспехи, казалось, были совсем не повреждены.

— Довольно любезностей, Аврам! — неожиданно прокричал Цорпад, и оружейник перестал защищаться, резко перейдя в наступление.

Сапожник все еще держался с левой стороны, но теперь он уклонялся от тяжелых ударов или отражал их щитом. Три удара быстрой чередой пришлись в его деревянный щит, обитый металлом. От третьего щит раскололся, и Гиоргаса отбросило назад. Влаха в отчаянии совершил выпад в сторону противника, но тот отклонил его щитом и снова замахнулся. С оглушительным грохотом тяжелая металлическая булава опустилась на остатки щита, который Гиоргас поспешно выставил перед собой, и окончательно разбила его.

Влаха с криком повалился на пол, и Висиния увидела, что его рука повисла под неестественным углом. Гиоргас на спине отползал от противника, который, несмотря на металлические доспехи, двигался довольно легко. Он обезоружил сапожника ударом по мечу, который влаха поднял в безнадежной попытке защититься. Булава вновь опустилась и угодила в правую руку Гиоргаса, при этом пальцы лежащего на полу мужчины оказались полностью разможены. Гиоргас в ужасе взглянул на кровавые остатки руки, совершенно не замечая угрозы, которая нависла над ним: оружейник медленно поднимал оружие.

— Нет! — закричала Висиния. — Цорпад, прекрати это безумие!

— Аврам! — рявкнул масрид, и воин немного отошел и опустил оружие.

— Ну, Висиния, полагаю, вы согласны со мной, не правда ли? Войско с такой защитой и таким оружием непобедимо, — констатировал довольный Цорпад и улыбнулся Висинии.

Проигнорировав издевку масрида, Висиния лишь сглотнула и кивнула в ответ.

— Я мог бы раздавить ваш маленький бунт, словно гнилое яблоко, но мне гораздо приятнее заниматься более важными делами. Поэтому я делаю даме Ионне следующее предложение: она склоняет передо мной колени, признает мои притязания на землю и трон. В ответ я принимаю ее ленную клятву и даю клятву ей как ее феодал. Будучи моей подданной, она получает все земли в Мардеве и земли на запад от реки Сиреу, до города Бака Маре. Точные границы можно обсудить после. Это более чем щедро, вы не находите?

Все еще под воздействием ужасного зрелища в яме Висиния не смогла ничего вымолвить и вновь только кивнула.

— Я очень надеюсь, что ваша сестра согласится с вами. Так как иначе я пойду с войском на юг, и мои солдаты сожгут каждую деревню и убьют каждого мужчину, каждую женщину и каждого ребенка. Я ясно выражаюсь, Висиния? Вы меня понимаете?

На этот раз к влахаке уже вернулся голос:

— Вы безумец!

Однако Цорпад лишь расхохотался.

— Можете сколько угодно называть безумием мои планы на эту страну. Ваш собственный взгляд столь ограничен! Хотя может ли быть иначе? Бедная, маленькая девочка из маленькой грязной крепости в грязной маленькой провинции. Вы, влахаки, не можете даже представить себе ничего великого, потому что горы загораживают вам вид. Я буду править Ардолией как король. И никто больше не подвергнет сомнению мое право. А с помощью оружия, которое вы видели здесь, внизу, я добуду себе корону!

Висиния в бессильной ярости выдернула правую руку из руки стражника, зашипев на того:

— Отпусти меня!

После кивка Цорпада оба воина отпустили влахаку, и она подняла голову. Прежде чем она успела ответить, из медвежьей ямы донесся крик:

— Нет, госпожа! Вы не можете принять это! Мы должны бороться!

Висиния в ужасе взглянула вниз. Гиоргас вскочил на ноги и без оружия бросился к Авраму. Ветеран нагнулся, уходя от удара кровавым кулаком, и выкинул вперед булаву, чтобы удержать сапожника на расстоянии. Но, вместо того чтобы отклониться от удара, Гиоргас прыгнул на оружейника и кинулся прямо на булаву. Раздался ужасный звук, когда острые шипы прошли через кожаные латы влахака и пробили ребра. На глазах потрясенной

Висинии Гиоргас со стоном упал на колени. Из рта полилась кровь. Казалось, он хотел еще что-то сказать, но бессильно рухнул вперед и остался неподвижно лежать, а под ним расплзлось темное пятно, опилки окрашивались красным цветом.

— Проклятое отребье! — чертыхнулся Цорпад и накинудся на Висинию: — Вы, влахаки, просто не понимаете, когда вас побеждают!

И тогда девушка глухим голосом повторила слова, которые она уже сто раз слышала от Стена, от Натиоле, от своей сестры:

— Вы не можете нас победить!

— Это мы еще посмотрим! — холодно парировал Цорпад.

Висиния ничего не ответила, она думала: «Гиоргас пожертвовал собой, хотя я принесла ему смерть. Для него было лучше умереть, чем быть поверженным. Его жертва не должна стать напрасной!»

— Уберите ее с моих глаз. Удвойте охрану! Никому из заложников не покидать своих комнат! — Масрид отдал приказ своим подданным и, повернувшись к Висинии, добавил: — Я даю вам еще немного времени на размышления. Подумайте о том, что я вам здесь показал. Судьба вашего народа, вашей сестры и ваших друзей зависит сейчас только от вас. Вы можете спасти свою маленькую грязную дыру на юго-западе и ее жителей, если примете мое предложение. Если вы этого не сделаете, то я пропитаю почву этой земли кровью влахаков. Вы вынудите меня это сделать!

После этого солдаты грубо схватили Висинию и вывели из подвала. Она не знала, как поступить. «Это не пустые угрозы. Цорпад говорил серьезно. Должна ли я принять его предложение и попытаться сохранить мир? Могу ли я спасти хотя бы Зардев? Или мы должны бороться? Можем ли мы вообще его победить? Он непредсказуем и ко всему прочему абсолютно безумен. Как можно противостоять такому человеку?»

Висинии стоило невероятных усилий сохранять самообладание на пути в свои комнаты. В душе ее бушевала буря самых противоречивых чувств: гнев и страх, сменяя друг друга, захлестывали ее, глубочайшее отчаяние, вызванное собственной беспомощностью, болезненное чувство вины и скорби от смерти Гиоргаса. Затем ею снова овладевало неукротимое желание отплатить Цорпаду и его палачам за их деяния.

Ее сердце отчаянно билось в груди, кончики пальцев дрожали, но выражение лица оставалось спокойным и замкнутым. Путь назад был мучением, но Висиния выдержала. Наконец они добрались до ее покоев, и один из стражников настолько грубо толкнул ее к двери, что девушка зашаталась. Она обернулась, сверкнув глазами на воина, но тот лишь злорадно ухмыльнулся. Влахака быстро овладела собой и одарила юного светловолосого воина, которому не было еще и двадцати лет, высокомерной улыбкой.

— Твоей матери следовало бы научить тебя лучшим манерам.

— Скоро вам будет не до смеха, грязная баба! — прошипел юноша, положив руку на эфес меча.

Висиния с насмешкой отметила, что, несмотря на оскорбление, завершившее фразу, он все еще обращался к ней как к высокопоставленной особе.

— В этой стране будут править влахаки, а от вас, масридов, останется лишь пыль. А сейчас беги домой и вытри нос! — ответила Висиния.

Щеки солдата пошли красными пятнами, он злобно зарычал и извлек меч. На мгновение девушка подумала, что поплатится жизнью, и ее неожиданно охватило странное спокойствие. «Убей меня и положи конец всему этому ужасу», — подумала она.

Но вдруг раздался резкий крик:

— Прочь оружие!

Из-за спины светловолосого воина выскочила Скилои, которая мрачно уставилась на юношу. Солдат помедлил, но затем вложил меч в ножны и, прежде чем уйти, потупив взгляд, и пробормотал что-то неразборчивое, что можно было понимать и как извинение, и как угрозу.

Скилои подошла ближе к Висинии и покачала головой.

— У вас удивительный талант выводить мужчин из себя быстро и надолго, — констатировала Скилои.

— Вы имеете в виду мою женскую привлекательность? Обычно она действовала иначе, но в Теремии, видимо, несколько другие критерии, — с иронией ответила Висиния.

Скилои сначала улыбнулась, но затем быстро посерьезнела.

— Примите это во внимание, госпожа. Я не всегда буду поблизости. А удар мечом можно нанести так же быстро, как и произнести необдуманное слово... — предупредила она Висинию.

— Это еще одна угроза, госпожа Скилои? — спросила Висиния, однако сцарка покачала головой.

— Нет, госпожа, искреннее предупреждение. Мой хозяин не привык, чтобы перечили его воле. И некоторым его слугам может показаться, что они смогут заслужить его благосклонность, убив вас.

— Я полностью осознаю свое положение, госпожа Скилои, — ответила юная влахака. — Но я не потерплю дерзости молодого глупца только потому, что у него есть меч!

— Вы мужественны, и я восхищаюсь этим. Но вы доставили бы мне радость, если бы были немного посдержаннее и больше задумывались о себе и своем благополучии.

Слегка растерянно Висиния кивнула и ответила более миролюбиво:

— Ваша забота делает честь вам, госпожа Скилои. Я подумаю над вашими словами.

— Большого я и не прошу, госпожа Висиния. Будьте здоровы, — с поклоном попрощалась сцарка, повернулась и ушла.

Как только Скилои закрыла за собой дверь, влахака услышала, как щелкнул замок, окончательно превращая ее в пленницу. Теперь она могла беспрепятственно дать волю своему гневу.

— Проклятая тварь!

Она жаждала разбить стены своей темницы. Неожиданно слабый звук привлек ее внимание. Мирела сидела на своей кровати и смотрела на нее широко раскрытыми глазами.

— Вы имеете в виду меня, госпожа?

— Что? Ах нет, я имела в виду Скилои, — сердито ответила Висиния.

— Но госпожа Скилои была добра, к вам она значительно лучше относится, чем к другим, — возразила Мирела и заработала еще один мрачный взгляд влахаки.

«Ты, маленькая змея», — с досадой подумала Висиния.

— А к тебе? Она тоже добра? — горько спросила она, на что Мирела старательно закивала.

— Да, это так, госпожа. Другие бьют меня иногда и говорят гадости, но этого не происходит никогда, если Скилои рядом.

— Ты сцарка, как и она, правда? — уточнила Висиния.

— Да, госпожа. Но другие слуги тоже говорят о ней только хорошее, — ответила горничная.

— Ну, ко мне она тоже относится с уважением, — признала Висиния.

Мирела робко улыбнулась Висинии, которая в ответ выдала лишь вымученную улыбку.

— Мне кажется, что она заботится обо мне, — сказала влахака горничной.

— Да, — просто ответила та.

— И ей не нравятся игры своего хозяина. Даже в такой ужасной игре, как... — начала было Висиния, но не стала заканчивать предложение.

— Говорят, ей не нравятся бои в медвежьих ямах, — заявила Мирела, и Висиния задумалась: «Откуда ты знаешь, что я была у медвежьих ям? Неужели слухи в этой крепости так быстро расходятся?»

— Это было ужасно, Мирела, они просто убили его, — глухо сказала Висиния, причем сама точно не знала, почему все это рассказывает прислуге.

— Бедный сапожник, — вырвалось у Мирелы, и Висиния кивнула.

— Его звали Гиоргас. Он был хороший человек, — сказала она.

Мирела поддакнула:

— Это правда, госпожа.

Мысли о Гиоргасе, Стене и планах Цорпада были невыносимы. Висиния в отчаянии упала на свою кровать и расплакалась бы, если бы не покашливание Мирелы. Поэтому она снова встала.

— Мирела, подойди сюда, пожалуйста, — попросила она горничную, которая тут же покорно подошла. — Ты можешь выходить отсюда или ты взаперти, как и я? Я немного... проголодалась... я бы с удовольствием позавтракала, — соврала Висиния, которая искала какой-нибудь предлог, чтобы отослать горничную.

Робко кивнув, Мирела пошла к двери и постучала, в ответ на это дверь отворил воин в одежде цветов дома Цорпада и выпустил ее.

В сумеречном утреннем свете Висиния лежала на своей кровати, уставившись в потолок. «Сапожник. Откуда ты знаешь о сапожнике?» — думала влахака. Даже если слухи и достигли ее комнаты с такой скоростью, то кто из прислуги мог знать, что человек в яме был сапожником? «Разве что, да, разве что ты раньше знала его имя и профессию. Но откуда?» — удивилась влахака, продолжая обдумывать ситуацию дальше.

Мирела была определена ей в горничные не просто так, скорее всего, она сообщала Скилои Касцон все, что узнавала о Висинии. Скилои также была сцаркой, о ней говорили, что она является ушами и глазами своего хозяина. Но то обстоятельство, что Мирела не могла никак встретиться со Скилои этим утром, ставило Висинию в тупик. Ведь Скилои все это время не отходила от нее!

А это означало, что служанка до этого знала его имя и профессию. «Но как такое возможно?» — растерянно думала Висиния. Ответ нашелся очень быстро, и девушка поняла всю ужасную правду, которая открылась перед ней как озарение: среди влахаков есть предатель. Ее никто не преследовал, ее просто выдали.

Видимо, так же Цорпаду удалось схватить и Стена. Гиоргас говорил, что солдаты сразу узнали Стена и набросились именно на него, будто лишь его и искали. И это несмотря на то, что его почти никто не знал в Теремии, ведь он занимался своей деятельностью в основном на юге, в землях Дабрана. «Но моя вина от этого не становится меньше, они убили Гиоргаса, так как я ходила к нему». Висиния невольно сжала кулаки, ногти больно вонзились в ладони. «Я должна предупредить остальных, они все подвергаются такой опасности!» — неожиданно поняла она и подскочила с кровати, чтобы обследовать окно. Она быстро подняла раму, но на ставнях висел замок.

Девушка осторожно выглянула во двор через щель между ставнями и заметила стражника, который, откровенно скучая, стоял, прислонившись к березе. Ставни можно было бы открыть, замок — это чепуха, да и дерево не устоит перед хорошим ударом. Тем не менее этот путь был для Висинии закрыт, несмотря на то что стражник не казался особенно усердным. Ей пришлось признать: Цорпад не оставил никакой возможности выбраться. Но она должна была найти способ предупредить вольных влахаков в Теремии о предателе в собственных рядах. И еще ей нужно было сообщить сестре о том, что затевает Цорпад.

Если она сейчас для вида примет предложение Цорпада, то он все равно будет удерживать в Теремии остальных заложников, которых ждет жестокое наказание за любое неверное действие. «Ионна никогда не подчинится тирану, да и никто из наших союзников не поддержит эту ленную клятву. Я могла бы освободиться, но другие... — раздумывала Висиния и вспомнила о Гиоргасе. — Их смерть будет еще ужаснее».

Цорпад был способен на бесчеловечные поступки, которые вызывали ужас даже у влахаков, прошедших жестокие битвы. Многие предпочли бы умереть, чем попасть к нему в плен. «Точно так же, как и Стен, если бы у него был выбор». Она надеялась, что ему не пришлось долго мучиться.

Со смертью Стена сал Дабрана умерла надежда влахаков на свободу. Что почувствует Флорес, когда узнает? А Натиоле? Смерть Стена будет тяжелым ударом для них обоих. «Его смерть парализовала меня, от скорби мое сердце превратилось в лед», — поняла влахака,

почувствовав, как сжалось горло от неожиданно резкого чувства утраты, которое острым кинжалом врезалось в грудь. Она пыталась побороть эти чувства, но мрачное сознание того, что она больше никогда не увидит Стена, захлестнуло ее, и на этот раз ей уже не удалось сдержать слезы.

Все то время, когда она жила в Теремии в качестве заложницы, в ее душе теплился огонек надежды на будущее, однако сейчас ее надежды прямо на глазах рассыпались в пыль. Ее народу угрожала война, которая отберет много жизней ее соотечественников, сестра противостоит мощному врагу, который не гнушается использовать любые средства для достижения своей цели. Все, кто сопротивлялся ему, умирали мучительно и долго, как Стен, беженец из Дабрана, символ движения сопротивления. Тот, кого она... любила. Понимание того, в чем она раньше не решалась признаться даже себе, пока Стен был жив, поразило ее, и она плакала, больше не обращая внимания на происходящее вокруг.

Когда Мирела пришла с подносом, Висиния даже не взглянула на нее. Служанка поставила еду на стол и поспешила удалиться, увидев госпожу в таком состоянии.

27

Как Стен и ожидал, Пард не очень обрадовался исчезновению Саргана.

— Ты, маленький, проклятый человечешко... сейчас ты узнаешь, что такое боль!

Пард поднялся и угрожающе медленно стал приближаться к Стену. «Сейчас мог бы вмешаться Друан», — подумал влахак, с виноватым видом пожимая плечами, однако между ним и Пардом неожиданно появился Цдам. Стен удивленно поднял брови. До сих пор Цдам вел себя очень тихо и крайне редко что-нибудь говорил.

— Спокойно, Пард, — начал тролль. — Он же нам помогает.

— Помогает? Нам не нужна помощь от такого! Нам нужен кто-то, кому мы могли бы доверять! — гневно возразил огромный тролль.

— Я ему доверяю, — сухо парировал Цдам.

— Не пори чушь! — презрительно заявил Пард. — Он позволил человеку убежать! Да он даже признался в этом!

— Ну и что? Тот человек нам был не нужен.

— Но он может предупредить солдат в городе!

— Стен говорит, что этот человек не имеет с ними ничего общего, — снова возразил Цдам.

— Точно! — Стен с облегчением подтвердил слова тролля. — Забудь о Саргане. У нас есть гораздо более важные дела. И писатель из Дирийской империи только мешал бы.

— Заткнись, человек, сейчас разговаривают тролли! — накинулся Пард на влахака.

— Успокойся, — наконец вмешался Друан, — это не имеет смысла. Этого не изменишь. Лично мне тот человек тоже был не нужен.

— Ах, неужели? Разве ты не хотел научиться этому бреду с буквами? — язвительно поинтересовался Пард.

— Я тоже умею писать, — вмешался Стен и заработал еще один мрачный взгляд Парда.

— Есть нечто более важное, Пард, — спокойно ответил Друан. — Сначала маги. Или нет?

— Да, конечно, я и сам об этом говорил!

— И одним нам не справиться, — продолжал Друан, — нам нужен Стен и его друзья.

Казалось, что Пард хочет что-то возразить, но он лишь поднял руки и пробормотал:

— Эх, делайте что хотите, вы, жалкие, легковверные...

— Тролли? — перебил его Цдам, отчего другие сразу рассмеялись.

— Нет, куски дерьма! — фыркнул Пард.

— Не волнуйся, Пард. Даже если Стен предаст наши задницы, твоя слишком велика, чтобы какой-то человек мог нанести ей какой-то вред! — крикнул Рох, захлебываясь смехом от собственных слов.

Остальные присоединились к его веселью, Стен тоже не удержался от улыбки. Только Пард смотрел угрюмо.

— Да-да, смешно. Но вы еще удивитесь! Прежде чем все это закончится, моя задница еще спасет ваши! — сообщил огромный тролль, чем вызвал еще один взрыв хохота.

На этот раз ухмылялся и Пард, по крайней мере до тех пор, пока его взгляд вновь не упал на Стена. В тот же миг выражение его лица помрачнело и он сжал кулаки. Не сказав больше ни слова, он схватил свой мешок и принялся рыться в нем в поисках куска мяса, который тут же жадно проглотил.

— Что теперь будем делать? — спросил Рох, адресуя, очевидно, вопрос Стену, который в задумчивости ковырял палкой землю.

— У меня есть друзья в Теремии. Я свяжусь с ними. Нам нужно найти способ провести вас в город. Это непросто, — сказал юный воин.

— Почему?

— Вокруг города стена, по крайней мере вокруг большей его части. В этой стене есть всего несколько ворот, и они охраняются. Так что внутрь попасть нелегко. Особенно вам.

— Стены? Ой-ой! Да их мы просто ломаем! — вмешался Пард.

— Не получится. Это крепостные стены, высокие и толстые. Они построены так, чтобы их не могли разрушить враги, — объяснил Стен.

— А залезть на них? Или у города есть крыша? — спросил Рох.

— Крыши нет, — усмехнулся Стен. — На них можно залезть, но только стены крутые и высокие. К тому же по верху ходит стража. Нет, боюсь, нужно будет придумать другой способ.

— И какой?

— У меня есть одна идея, но нам понадобится помощь. Для этого мне нужно встретиться со своими друзьями.

— Посмотри! — неожиданно восторженно воскликнул Рох и указал на землю у своих ног. — Ты это понимаешь?

Приблизившись к однороговому троллю, Стен увидел, что тот на мягкой земле веткой нацарапал свое имя.

— Здесь написано «Рох», — удивленно констатировал Стен.

— Мое имя, — гордо заявил тролль, но замолчал, когда послышался стон Парда.

— Когда ты хочешь встретиться с этими людьми? — спросил Друан.

— Я предлагаю подойти немного ближе к городу, затем найдем для вас надежное укрытие, а я попытаюсь днем пробраться внутрь. На ночь ворота закрывают. Конечно, все равно остаются способы проникнуть в город ночью, но днем мне все-таки будет легче, — заявил Стен, на что Друан согласно буркнул.

— Ты идешь один, без Друана? — поинтересовался Рох, и влахак кивнул.

— Я должен пойти один.

При этом Стен мысленно вздохнул. Пройти в город с троллями будет тяжело, а без помощи это представлялось вообще невозможным. К тому же он был уверен, что этим огромным созданиям в Теремии придется туго, они слишком заметны, да и беспомощны днем, что очень опасно при обнаружении их укрытия.

Но тролли не допустят того, чтобы он один шел в Теремию. Друан ясно дал ему это понять. Так что сейчас их целью было как-то пробраться в город и отыскать надежное убежище, а Стен должен позаботиться об остальном, то есть будет решать их проблемы. А ведь у него и без того дел по горло. Пока он еще не обдумал план... Неожиданно раздался грубый голос Парда:

— Мне не нравится.

— Но у нас нет другой возможности, — терпеливо объяснил Стен. — Вы не сможете просто так войти в город. И если вас обнаружат...

— Тогда мы пробьемся!

— У Цорпада много солдат. И в Теремии много магов. Вы погибнете.

Огромный тролль гневно сощурил глаза.

— Это они погибнут!

— Некоторые точно. Но где много гончих, там зайцу и смерть, — сухо констатировал Стен.

Другие тролли уже собрали свои вещи и ждали только влахака и Парда, которые стояли напротив друг друга и смотрели друг другу в глаза. Хотя Стену и становилось не по себе под исполненным ненависти взглядом Парда, он выдержал. «Если бы здесь не было других, он убил бы меня, — подумал Стен, — сразу и без малейшей тени сожаления». Время шло, пока наконец Рох не крикнул:

— Ну, вы идете? Ночь не длится вечно!

Только после этого противники перестали есть друг друга взглядами и присоединились к остальным троллям, которые медленно брели через лес.

Спустя время Стен в который раз отметил, что тролли на удивление выносливы, особенно если учесть драку с гномами, после которой монстры получили несколько глубоких ран. Влахака растерянно посматривал на Друана, который пострадал сильнее всех, но двигался впереди, будто не произошло ничего особенного.

Стена одолело любопытство, и он спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

Друан с удивлением посмотрел на него.

— Хорошо. А что?

— Ну, в прошлую ночь я подумал, что тебе сильно досталось, — объяснил влахака.

— Ты имеешь в виду драку? — уточнил Друан и, когда Стен кивнул, ответил: — Царапины.

— Это были не царапины, у тебя было несколько глубоких ран!

— Да. Но такое заживает быстро, — ответил тролль, пожав плечами.

— Правда? Человек с такими ранами очень долго был бы не в состоянии что-либо делать. Если бы вообще выжил.

— Такое заживает быстро, обычно за день. Вот, посмотри, — сказал Друан и показал Стену шрам на своей широкой груди.

Широко раскрыв глаза, Стен уставился на шрам, который выглядел так, словно ему было много лет.

— Это вчерашний? — спросил он, совершенно сбитый с толку.

— Да, — подтвердил Друан и добавил: — Это был топор.

— Святые духи! — вырвалось у Стена. — Ваши раны заживают действительно быстро!

Друан снова пожал плечами.

— Может, просто у вас, людей, заживает медленно?

В ответ Стен лишь рассмеялся. Но это обстоятельство вновь напомнило ему, насколько странными созданиями были эти огромные существа, с которыми его так тесно связала судьба.

К следующему утру путники подыскивали сравнительно надежное укрытие. Стен собрался в Теремию. Он взглянул в последний раз на троллей и стал пробираться сквозь густой подлесок. «Возможно, мне следовало бы убить Парда, — подумал влахака, — я мог бы сказать, что произошла нелепая случайность, что у меня выскользнул меч».

Влахака двигался на юг, где за небольшими холмами уже должны были начаться поля Теремии.

Взобравшись на старую липу, Стен осматривал окрестности. Перед ним открылся вид на столицу Цорпада. Было видно, где Рейба впадает в Маги. Мастера-фортификаторы отвели воды Рейбы по искусственному каналу, соединяющему ров вокруг цитадели Ремис с рекой. Вода во рву была свежая, проточная. На башнях крепости развевались знамена Цорпада, возвещающая всему миру, что их хозяин сейчас находится в своей резиденции.

При виде красных знамен с золотым диском и черным орлом Стен заскрежетал зубами.

Однако в данный момент пылать благородным гневом по отношению к хозяину Теремии было занятием абсолютно бесполезным, поэтому юный воин постарался справиться с обуревавшими его чувствами и вернулся к изучению крепости и города. На стенах Ремис влахак заметил патрули, их вроде не стало больше по сравнению с прошлым разом.

Городские ворота были открыты, и через них в город вливался оживленный поток телег, пешеходов и всадников. Тут и там из дымовых труб беленых домов в небо поднимался дымок, горожане жили обычной повседневной жизнью, некоторые просто слонялись без дела. Маги вальяжно несла свои спокойные воды, а в порту рабочие суеились вокруг нескольких барж. Словом, ничего необычного. Стен проторчал на липе довольно долго, но признаков волнения в городе не обнаружил. Теремия мирно раскинулась между двух рек.

«Цорпад мог бы, по крайней мере, объявить праздничный день, когда приказал отвезти меня в лес, — с иронией подумал Стен, — или устроить недельное гулянье». Но затем его мысли помрачнели. «Висиния сейчас где-то в цитадели, нас разделяют только эти стены», — подумал влахак, слезая с дерева и отправляясь по дороге в сторону города.

Незаметно проскочить мимо стражи у городских ворот всегда было очень непросто. Одиноким путник, особенно вооруженный, сразу вызывал подозрение. За редким исключением влахакам было запрещено ношение любых видов оружия, а спрятать меч под одеждой было почти невозможно.

Поэтому Стен спрятал оружие в лесу и принялся ждать подходящую группу влахаков-путников, к которой он мог бы присоединиться.

Очень скоро он заметил троих крестьян, видимо жителей окрестных сел, которые пришли на столичный базар. Обычно они объединялись для защиты от опасностей, которые подстерегали во время путешествий.

Стен был одет как крестьянин, поэтому он наверняка не вызовет подозрения у охраны. Селяне не стали возражать и приняли юношу, даже угостили его хлебом и сыром из своих запасов. И если они и заметили в новом попутчике что-то необычное, то виду не подали. Юный воин очень аккуратно расспросил их о последних новостях. Однако ничего интересного не услышал.

Наконец они подъехали к городу и остановились у ворот на заставе. Стен немедленно взмок. Но солдаты, кажется, не обратили на них внимания. Они быстро и привычно исполнили свои обязанности: осмотрели телегу, задали пару вопросов путникам и сообщили, что можно проезжать. Стен облегченно вздохнул... но начальник стражи с недовольным видом несколько мгновений изучал юношу, и Стен уже испугался, что его узнали, но, вероятно, это просто шалили нервы.

В городе воин попрощался со своими спутниками. Самый старший из группы, неуклюжий мужик с неухоженной бородой, потрепал его по плечу.

— Ну, бывай! Доброго пути и успехов тебе в делах, чем бы ты там ни занимался!

Стен вежливо поблагодарил и пожелал крестьянам всего хорошего. Троица направилась в сторону рынка, и он спросил себя, догадались ли селяне о том, кто навязался им в попутчики. В любом случае для них надежнее было сыграть полное неведение.

Не задерживаясь, Стен направился вдоль берега в сторону порта, выискивая среди рабочих знакомое лицо. В порту было множество людей, и все они невероятно суеились. Среди этого хаоса было легко оставаться незаметным, но, с другой стороны, это усложняло мятежнику задачу поиска. Потребовалось довольно много времени, прежде чем он заметил нужного человека.

Женщина сидела на ящике в компании других портовых рабочих и играла в мору. Стен тихо подошел и прислушался к их шуткам и подколкам. Он надеялся, что она заметит его и узнает.

— Лино, ты, глупая корова! Зачем ты сказала «пять»? Это же чепуха!

— Заткнись, — ответила та, которую называли Лино и чей взгляд безуспешно пытался поймать Стен. — Кто кому должен три медяка, а?

— Подумаешь! Это из-за того, что твои пальцы такие толстые, что не всегда поймешь, сколько ты на самом деле показываешь!

Когда массивного телосложения женщина намеревалась ответить, она заметила Стена, который кивнул ей, после чего исчез в тени переулка. Вскоре послышались осторожные шаги, и он увидел Линорел, которая нырнула в тот же переулок.

— Лино, — прошептал Стен и позвал ее к себе, где тень была гуще.

— Стен! Батюшки мои! Ты жив! Что за чертовщина? — спросила Линорел, его появление явно потрясло ее до глубины души.

Стен не смог удержаться от смеха при виде ее открытого рта и отвисшего подбородка.

— Ты выглядишь так, словно увидела привидение.

— А я и вижу привидение! — возразила женщина. — Мы думали — ты мертв!

— Знаю, — признал Стен.

В этот момент мимо входа в переулок прогрохотала телега, отчего оба вздрогнули.

— Здесь не лучшее место для разговора, — констатировала Линорел, и Стен кивнул.

— Мы можем встретиться в другом месте?

— Старые явки стали ненадежны. В последнее время много арестов. Такое впечатление, что шпионы Цорпада повсюду, — объяснила Линорел.

— Я до захода солнца должен покинуть город. Но очень скоро мне понадобится жилье. Для меня и... еще пятерых товарищей.

— По правую руку в порту есть большой склад, в который можно войти. Хозяин сейчас на пути в Турдуй. Ты узнаешь нужное здание по красной крыше, такая только у него. Вот, возьми ключ, — она протянула маленький железный ключ, который достала из мешочка на поясе. — От задней двери. Оставь ее незапертой, я приду, как смогу, хорошо?

Стен кивнул, попрощался и двинулся по переулку прочь из порта, а Линорел вернулась к своим товарищам.

Он и вправду быстро обнаружил склад, ключ подошел, и юноша отпер висячий замок. «Работа гномов, — отметил Стен, осмотрев механизм, — в последнее время что-то они часто попадаются».

Двухэтажное здание почти наполовину было забито товарами, ящиками, сундуками и бочками с неизвестным содержимым. Через грязные верхние окна в помещение падал сумеречный свет, в лучах которого танцевала пыль.

Стен не хотел привлекать к себе внимания и принялся ждать, укрывшись в тени между товарами. Время шло, и ему стало казаться, что прошла уже целая вечность, когда наконец задняя дверь с тихим скрипом отворилась и внутрь прошмыгнула Линорел.

С широкой улыбкой она схватила Стена за плечо и покачала головой.

— Можно подумать, что ты просто любимчик духов!

— Ерунда. Просто я хороший, — смеясь, возразил Стен, но затем вновь посерьезнел. — Что происходило, пока меня не было, Лино? Ты сказала, что были еще аресты?

— Да, — ответила предводительница вольных влахаков в Теремии. — Гиоргаса забрали посреди ночи прямо из дому, Костину с трудом удалось уйти. Он пытался на одном из наших складов спрятать оружие, и вдруг его окружили солдаты. Мы подумали... — начала было она, но затем резко замолчала, опустив глаза.

Сначала Стен не понял, что она имеет в виду, и собрался переспросить, но затем до него дошло.

— Вы подумали, что я вас предал.

— пытки! — глухим голосом пояснила Линорел. — Они ломают каждого рано или поздно.

Хотя Стена и задело подозрение в том, что он мог предать своих соратников, но все же их можно было понять. Уже не один выдавал тайны, убеждаемый раскаленными инструментами палачей Цорпада. Поэтому мятежники, которым постоянно грозили смерть или арест, старались, чтобы членам организации было известно как можно меньше имен соратников. В случае ареста было меньше шансов, что бедняга выдаст всех и вся.

— Они узнали об этом не от меня, — констатировал Стен. — Никаких пыток, почти никаких расспросов.

— Никаких пыток? — растерянно переспросила Линорел. — Странно.

Тогда Стен не задумывался об этом. Его пребывание в подземелье Цорпада было достаточно неприятным, его били, но не пытали, что сейчас казалось очень необычным. Стена не стали всерьез допрашивать. «Вероятно, Цорпад уверен в своих силах, особенно с тех пор, как имеет дело с гномами», — сделал вывод Стен.

— Что с Гиоргасом? — поинтересовался он. — Вы знаете, что с ним произошло?

— Нет. Ничего неслышно. Абсолютно никакой информации, мы даже не решаемся встречаться. Несколько наших исчезли, сбежали из города. Другие скрываются. Плохие времена.

— Проклятье! — чертыхнулся Стен. — И это тогда, когда мне срочно нужна помощь!

— А в чем дело? И как тебе вообще жилось? — с любопытством спросила Линорел. — Как ты освободился?

Рассказывая о своих приключениях после ареста, Стен исподтишка разглядывал свою собеседницу. Никто не мог бы даже предположить, что эта широкоплечая, грубоватая тетка на самом деле была дамой благородных кровей. Но это было так, Линорел — боярыня из Долеормана, после нападения масридов ее семья потеряла богатства и угодья. Долеорманы стали одними из первых зачинщиков мятежа и всегда боролись в самых первых рядах, они стали заклятыми врагами масридов. Линорел сал Долеорман пошла по стопам своих предков. Одета как простая влахака, она пришла в Теремию, собрала круг единомышленников, и вместе они начали действовать против Цорпада и его палачей.

Простая одежда, грязные руки, коротко стриженные волосы... Улыбка на широком, открытом лице... Линорел без труда удавалось войти в доверие к людям, многие считали, что за этим лицом скрывается простая душа.

Но Стен знал, что влахака была опасной воительницей, которая не только быстро принимала решения, но и так же быстро извлекала оружие. Немало масридов и сцарков встретили смерть от ее руки.

Женщина особенно сильно ненавидела людей из ордена Альбус Сунас и боролась с ними всеми силами и средствами. После поражения на Полях костей, после гибели Тиреа и утраты влахаками свободы земли Долеормана оказались во владении ордена Альбус Сунас, который соорудил там один из храмов...

Когда Стен дошел в рассказе до описания своих необычных освободителей, Линорел насторожилась.

— Тролли? Что ты городишь? — недоверчиво перебила она.

Но Стен, который предвидел такой вопрос, лишь вздохнул и заявил:

— То же самое сказал и Нати.

— Нати? Ты встретил Нати? Где?

— Вблизи от Орволя. Он должен был уже прибыть сюда. Разве он не связывался с тобой? — растерянно спросил Стен.

— Нет, нам удалось помочь ему выбраться из города после тех фатальных событий. Он сказал, что знает место, где безопасно.

— Это плохие новости. Он должен был уже давно быть в Теремии. Разве что... — пробормотал Стен и продолжил про себя: «Разве что он стал искать помощь в другом месте».

Это напомнило Стену о том, что ему предстояло еще одно дело. Но на этот раз он не спешил разыскивать Флорес и втягивать ее в историю. Кроме того, он хотел, чтобы рядом с троллями болталось как можно меньше людей. «Хотя, если бы у меня был выбор, даже не знаю, что бы я предпочел — гнев Парда или гнев Флорес», — невесело подумал он.

— И что ты теперь собираешься делать? — прервала Линорел ход его мыслей.

— Мне нужно как-то провести троллей в город, выяснить, что происходит в цитадели и что за дела у Цорпада с маленьким народцем. Мне нужно помочь заложникам. И я должен предупредить Ионну. Я должен...

— Ты должен много, Стен, слишком много. Тебе потребуется помощь.

— Поэтому я здесь. Но если у вас такие трудности... — многозначительно сказал Стен, оставив предложение незаконченным.

— Чепуха. Если твои опасения верны и возможна война, тогда мы должны действовать в любом случае, — твердо заявила Линорел. — Но неужели ты в самом деле хочешь, чтобы тролли оказались в городе? Здесь, среди людей?

С виноватой улыбкой Стен кивнул.

— Честно говоря, это не совсем от меня зависит. Очень сложно препятствовать им, если они решили что-то предпринять. Если даже пытаться остановить их силой, они все равно постараются пройти в город.

— Да, тролли — чертовски опасные спутники. Зачем, о духи темноты, ты вообще с ними связался?

— У людей в клетке не такой уж большой выбор спасителей, — попытался оправдаться Стен, а когда Линорел хотела было возразить, поднял руку. — Знаю, знаю. Но они тоже борются против своих врагов. Они доверились мне. Что мне еще оставалось делать?

— Тролли — чудовища. У нас и так достаточно проблем, — категорично заявила влахака.

— У нас одинаковые враги. Возможно, мы сможем помочь друг другу.

— С такими существами союз не заключают, Стен. Ты должен убить их!

— Я дал им слово, — тихо возразил Стен, и лицо Линорел исказила гримаса.

— Ты сумасшедший, Стен, это я всегда говорила. Что означает слово, данное чудовищу?

На это Стен не знал, что ответить, но Линорел уже переключилась на другую тему.

— Может быть, вам и удастся пробраться в крепость, но что дальше? Как незаметно освободить заложников? И как ты собираешься выяснять, что планирует Цорпад?

— Еще не знаю. Но в крепости точно должны быть хоть какие-то намеки на его планы. А что касается заложников, ты же знаешь, что если Цорпад снова начнет войну...

— Тогда заложники все равно что мертвы. Это мне известно, — ответила Линорел.

— Должен быть способ. Должен, — почти с мольбой сказал Стен.

— Но сначала нужно провести твоих больших друзей в город, не так ли?

— Да.

— Это будет непросто. По ночам ворота закрыты.

— Но порт-то нет, — заявил Стен с заговорщической ухмылкой.

— По ночам корабли не причаливают. Запрещено, — ответила Линорел, нахмурившись.

— Кораблям запрещено, но ведь можно вплавь? Или нет?

— Почему же, можно. Но есть две сторожевые башни, на которых есть люди, днем и ночью, насколько тебе известно. Если они заметят в воде что-нибудь подозрительное, то сразу же поднимут тревогу, — ответила Линорел.

— Но это единственное препятствие. Цепь не натянута, и в самом порту по ночам почти ничего не происходит. Если мы найдем укрытие недалеко от воды, — заявил Стен и многозначительно огляделся вокруг себя в магазине, — тогда все может получиться.

— Если вы пройдете мимо башен, — скептически возразила женщина.

— Если пройдем мимо башен, — согласился с ней Стен. — Для этого нам и нужна помощь.

— У тебя есть план?

— Их можно отвлечь. Я не очень-то представляю, что нужно сделать, чтобы привлечь внимание охраны. Но это не должно занимать много времени, мы быстро проскочим.

— Я позабочусь об этом, — предложила наконец Линорел. — Единственное, будет лучше, если об этом будет знать как можно меньше людей.

— Конечно, — согласился с ней Стен. — Если солдаты схватят хоть кого-нибудь, то Цорпад сразу же узнает о нашем деле.

— Когда вы планируете начать? — спросила Линорел.
— В самый темный час ночи, час охотников, — предложил Стен, и Линорел согласилась.
— Мне нужно идти, пока никто не хватился. Ты выйдешь из города один?
— Стен сал Дабран мертв, забыла? Я всего лишь простой крестьянин, — улыбаясь, ответил Стен.
— Нет, ты — бешеный пес.
— Гав! — Стен подмигнул, отчего Линорел залилась смехом.
— Ты ведь понимаешь, какое безумие затеваешь? — неожиданно серьезно спросила она, и Стен кивнул, соглашаясь.
— Удачного пути, Стен, — пожелала она и покинула склад.
Конечно, Лино была права. Проводить троллей в город было полным безумием, но он должен попытаться сделать это. Пробраться через порт — реальный шанс.
Еще можно было бы бросить троллей и улизнуть по-тихому. Но они все равно будут ломиться в город, и у Стена не будет возможности предотвратить ужасные последствия их пребывания среди людей. «Я обречен, сделаю я это или нет», — подумал влахак и выбрался на яркий свет из сумеречного склада.

28

Хотя до начала зимы оставалось еще несколько недель, вода в Маги была ощутимо холодной. Большинство ручейков и речушек, которые впадали в нее, имели истоки в Соркатах, где снег никогда не таял. Они несли свои воды вниз, в долины, где сливались с могучей Маги, которая чуть выше Теремии разливалась в несколько дюжин шагов. Весной, когда начинали таять снега, река выходила из берегов, затопляя окрестные луга. Даже в Теремии, которая большей частью была на возвышении, некоторые части города оказывались затоплены, поэтому в кварталах, находившихся близко к реке, жили беднейшие горожане.

Но сейчас Стена мало заботила судьба соотечественников во время наводнения, его мысли были полностью сконцентрированы на предстоящем плавании. Оставшись только в нательном белье, он зашел в воду. Тело сразу же охватил озноб. Тихо чертыхаясь, Стен кинул перед собой вязанку сучьев, на которой планировал удерживаться.

У троллей же, наоборот, казалось, не было никаких проблем с температурой, они зашли в воду без малейшего промедления.

— Что за дурацкий план! — заявил Пард, стоя в воде по грудь.

— Не волнуйся, твоя задница будет удерживать тебя на поверхности, — пошутил Рох, в ответ на что Пард прыгнул к однокорому и макнул его в воду.

Когда здоровяк отпустил шутника, тот всплыл, кашляя и отплеываясь. Тогда Пард, смеясь, заявил:

— Если нет, тогда я возьму твою задницу и поплыву на ней, как на лодке!

Рох лишь мрачно сверкнул глазами, но Пард, не обращая больше ни на кого внимания, повернулся к Стену.

— Итак, человек, почему в этот город можно заплывать, но нельзя войти?

— Я уже объяснял. Порт имеет большое значение, так как по реке идет много торговых судов. Крепостные стены обеспечивают надежную гавань. В том месте, где в город заходят корабли и баржи, можно проплыть. С древних времен сохранилась большая цепь, которую натягивают между сторожевыми башнями на конце мола, но она — препятствие только для лодок. Кроме того, ее используют только в военное время.

— Люди построили стены вокруг города, но любой в него может заплывать?

— На башнях охрана, которая наблюдает за рекой и может в случае чего стрелять из луков. Кроме того, там есть еще машины, сконструированные гномами. С их помощью топят вражеские корабли, правда, я до сих пор ни одной из них не видел. Порт хорошо охраняют,

армия не сможет пробраться в город незамеченной. И потом, мы же не армия, — закончил свои рассуждения Стен и усмехнулся Парду.

— Ты — нет, я — да! — возразил тот и предостерегающе поднял палец, когда Рох собрался что-то сказать. — Лучше молчи!

Движение Парда вызвало на воде волны, от них закачался импровизированный плот Стена. На этот раз тролли хотя бы не дрались в воде, они лишь рассмеялись в ответ на слова Парда.

— Тихо! — зашипел Стен. — Мы недалеко от города. Здесь могут быть люди.

Тролли тут же замолчали и осмотрелись. Подняв голову, Друан принялся, после чего заявил:

— Здесь нет никого, кроме нас.

— Хорошо. Тогда нужно отправляться, иначе опоздаем, — приказал Стен и медленно поплыл вниз по течению.

В эту ночь небо затянули густые тяжелые облака, скрыв все ночные светила, отчего вода в реке напоминала чернила. И только огни города, мигавшие в некотором отдалении, отражались в волнах.

Стен уже давно плыл, а большие и тяжелые тролли все еще брели по дну. Чудища заверили юношу, что умеют плавать, хотя им было бы значительно приятнее бежать вдоль русла. Поэтому маленькая группа старалась держаться ближе к берегу, не подвергая себя опасности быть подхваченной сильным течением Маги.

Через некоторое время в темноте показалась городская стена Теремии, сначала она больше походила на тень, но затем постепенно обрела четкие контуры. Со стороны реки стена казалась очень мощной, а небольшая сторожевая башня на краю выглядела гораздо внушительнее, чем при наблюдении с берега.

Городские укрепления были сложены из массивных каменных блоков, вытесанных из темного камня, добытого на севере Соркат. Башня была прямоугольной, и один из углов выдавался в реку.

Накануне днем, перед тем как покинуть город, Стен еще раз оглядел башню и обнаружил, что внизу в нее вставлены длинные металлические стержни. Такие же стержни торчали и из стены порта. Они были предназначены для того, чтобы пробить днища судна, которое попытается к ним швартоваться. Над стержнями имелся еще ряд загнутых вниз крюков, которые не позволяли вскарабкаться по стене. К счастью, Стен решил пробраться в город иначе. Наверху башни горел огонь, на фоне которого четко выделялись силуэты солдат, наблюдавших за входом в порт. Огонь горел на возвышении и светил вверх зубцов на воду, обеспечивая охране хороший обзор.

Течение гнало Стена все ближе к городу, и даже троллям становилось все труднее удерживаться на месте. Но слишком рано появляться у подножия башни было опасно, так как без обещанной помощи вероятность, что их обнаружат, была слишком высока.

Стена надвигалась, башня казалась все выше. Стен наблюдал, как охрана спокойно стоит на посту. Очень скоро они попадут в круг света, и его лицо и руки будут отчетливо выделяться на фоне темной воды, не говоря уже о троллях, массивные головы и плечи которых едва ли можно не заметить. Стен отчаянно попытался грести против течения, как вдруг с башни донесся крик. Несколько мгновений Стен думал, что их обнаружили, и нырнул под плот, который, если повезет, смогут принять за случайно сбившиеся в кучу ветки. Но когда он осторожно выглянул, то заметил, что очертаний охранников на фоне огня он больше не видит. Он прошептал троллям:

— Давайте! Быстро!

Стен изо всех сил принялся грести, мысленно благодаря своего отца, который настаивал на том, чтобы его дети научились плавать. К счастью, Стен быстро достиг устья Рейбы, ледяное течение которой, выбивая из него дыхание, понесло его на середину Маги. Но Стен напрягся и несколькими сильными рывками подплыл ближе к берегу, подальше от опасной стремнины, ведь люди, подхваченные ею, исчезали навсегда. Позади он услышал

пыхтение одного из троллей, но у него не было возможности оглянуться, чтобы посмотреть, как у них обстояли дела.

Еще два сильных рывка — и Стен добрался до стены башни, он стал двигаться вдоль нее. Темные мокрые камни заросли скользкими водорослями, поэтому за них почти невозможно было ухватиться, но течение помогало Стену обогнуть башню. Его импровизированный плот два раза чиркнул по металлическим стержням, но он не обращал на это особого внимания, стараясь как можно скорее пройти опасное место, пока наконец не добрался до спокойных вод порта, тихого в это время суток.

Троллям пришлось обогнуть башню по большему радиусу, чем Стен, металлические стержни мешали им держаться вплотную к спасительной стене. Но Пард умело провел троллей вокруг башни дальше, вниз по течению, пока группа не оказалась почти по центру входа в порт. В том месте свет, отбрасываемый огнями с башен, сильно слабел.

Оглянувшись, Стен удостоверился, что тролли следуют за ним. Он медленно поплыл по направлению к торговым зданиям на северной стороне большого причала.

Здесь царил полная темнота. Стен наконец разглядел, что стало причиной сигнала тревоги: в южной части порта горело какое-то судно, а лихорадочно суетящиеся рабочие отталкивали его от причала. «Отличный план, Лино, — про себя похвалил Стен, — все смотрят на юг, в то время как мы выбираемся на севере».

Акватория порта была разделена надвое большим молотом. До того как возвели обе сторожевые башни, мол был единственной защитой от течения, а когда Теремия разрослась, эту задачу стали решать городские укрепления. Однако сейчас мол прекрасно защищал Стена и троллей. Все внимание стражи и портовых рабочих было приковано к пылающему кораблю, в то время как незваные гости могли беспрепятственно выбраться из воды.

Пока Стен выходил первым, скрытый тенью одной из барж, тролли оставались в воде. Влахах осмотрелся. Сюда доносились звуки суматохи вокруг горящего корабля на другом конце порта, но в этой части было спокойно. Комендантский час с наступлением темноты «выметал» с улиц всех жителей Теремии, и столица встретила их абсолютным спокойствием.

Склады в порту поднимались мрачными громадами. По городу ходили ночные патрули, но они редко добирались до Апаса, портового квартала Теремии. Богатые торговцы, владельцы складов и вельможи нанимали воинов, которые охраняли их и их товары в порту. «Продажные мечи, которые борются, убивают и гибнут за презренный металл. Как Флорес», — мрачно подумал Стен, но его мысль прервал тихий свист.

В узком переулке между двумя складами замаячила тень. В закутанном в черное человеке Стен с трудом узнал Костина Кралеа, маленького худого влаха, также входившего в тайное общество вольных. Стен приблизился к юноше с коротко стриженными волосами, который хитро улыбался. У Костина была маленькая эспаньолка, такая же светлая, как и волосы, которая делала мятежника постоянным объектом насмешек со стороны окружающих, они в шутку приписывали ему самое невероятное родство. Но Стен знал, что Костин спокойно переносит подобные насмешки и сам остер на язык. Однако сейчас Кралеа лишь прошептал короткое приветствие:

— Стен, рад видеть тебя.

— Костин, замечательно, что у Лино еще остались надежные люди в этом городе!

— Уже не так много, Стен, не так много, — ответил юный мятежник. — Нам нужно уходить отсюда. Лино сказала, что ты не один.

Стен кивнул в ответ и скользнул к берегу. Головы троллей торчали из водной глади, словно огромные буи. Стен прошептал:

— Выходите. Только тихо!

Тролли вылезли из реки, и Костин при виде их невольно чертыхнулся.

— О духи, Стен! Лино рассказала, в какой компании ты путешествуешь, но это...

— Тихо! — зашипел на него Стен. — Да, я знаю. Поговорим об этом позже.

С этими словами он вынул из-под рубашки маленький ключ, висевший на шее на веревке, и спросил Костина:

— Где этот склад? В темноте они все выглядят одинаково.

— Дуйте за мной, — ответил тот, хмуро оглядывая темные силуэты мокрых троллей, и поспешил назад, в переулок, из которого появился.

Стараясь передвигаться как можно тише, Стен со своими огромными спутниками последовал за товарищем, причем троллям пришлось буквально протискиваться между строениями. Пард задевал стены домов, даже продвигаясь боком, он явно боялся что-нибудь разрушить. Особенно мешали длинные, загнутые рога, было слышно, как он бормочет что-то о «дурацких людях с их дурацкими стенами». Но, по крайней мере, он сдерживался и не сыпал громкими проклятиями, как обычно.

Зато неожиданно выдал:

— Столько запахов!

— Ты хочешь сказать, что здесь воняет? — удивленно уточнил Стен, который хоть и немного привык к сильному запаху троллей, но, хоть убей, не представлял, как тролль в состоянии что-либо унюхать, кроме себя самого.

— Нет, — ответила Анда. — Но здесь так много самых разных запахов.

— Тихо там! — прошипел Пард, протискиваясь через узкий переулок.

На перекрестке Костин остановился и огляделся, а затем повел маленькую группу налево по более широкой улице. А через несколько десятков шагов они снова свернули налево, в переулок, который сразу показался Стену знакомым. Кажется, именно здесь был черный вход в склад, от двери которого у него был ключ.

Внезапно позади них раздался крик:

— Стойте!

Стен в ужасе обернулся и увидел лучик света, который приближался к ним с улицы, с которой они только что свернули. Скоро свет доберется до переулочка, а потом... будет большой шум. Стен слишком хорошо представлял реакцию человека при виде троллей. Даже если они легко справятся с любым, кто вздумает на них напасть, все равно слишком много людей их увидит.

Стен помнил события в Орволе. Поэтому он протиснулся мимо троллей к двери склада, быстро открыл ее и прошипел:

— Быстрее, заходите, давайте!

Он взглянул на Костина, который нервно провел рукой по лицу и потом мрачно кивнул Стену.

— Ну все, удачного пути!

Прежде чем Стен успел что-то сказать, мятежник помчался прочь из переулочка на улицу. Сразу же раздались крики и топот бегущих ног. Пока тролли заползали в маленькие двери, Стен смотрел, как удирает Костин. Вскоре влахак увидел, что за мятежником мимо переулочка пробежали три человека. В слабом свете их лампы он смог разглядеть лишь то, что они были вооружены и в доспехах.

— Удачного пути, Костин, — прошептал Стен, забираясь на склад вслед за Цдамом и закрывая дверь.

Рядом с ним встал Пард, сжал кулаки, готовый уничтожить любого, кто войдет в эту дверь, однако шаги и крики затихли, и снова воцарилась тишина.

— Кто это был? — спросил Друан. — Солдаты Цорпада?

— Вряд ли, — ответил Стен и прислонился к стене, пытаясь отдышаться. — Скорее наемники.

— Кто? — с любопытством переспросил Рох.

— Наемники. Продажные мечи, — объяснил Стен.

Заметив непонимающий взгляд на лице тролля, добавил:

— Люди, которые воюют за деньги. Им платят за это.

— А за что они воюют? — беспомощно переспросил Рох, почесав затылок.

— Деньги. Монеты. Боже мой, за ценные вещи. За вещи, которые важны и за которые можно купить другие вещи. Золото.

— Золото, да, — ответил Друан. — Гномы постоянно ищут его.

— Оно ценно. За него можно все купить, то есть поменять на все, что хочешь, — попытался объяснить Стен. — Как это происходит у вас? У вас нет денег?

— Нет, — ответил Рох.

— А как же вы договариваетесь? — удивленно спросил Стен.

— Если кто-то хочет получить что-нибудь, то он просто дает за это что-нибудь другое, — терпеливо объяснял Рох, словно он говорил со слабоумным. — Но у нас не так много вещей, которые нужны.

Тролль осмотрел склад.

— У вас очень много вещей в домах и за стенами. Такого мы не знаем.

— Да нам и не нужно это! — мрачно заявил Пард.

— Понимаю, — ответил Стен. — Но у нас иначе. И деньги, ну да, золото и другие металлы ценятся. Но менять товары на них сложно. Поэтому из них делают маленькие, круглые пластинки, которые называют монетами. И так как монеты делают одинакового размера, то они имеют одинаковую ценность. Монета из золота стоит очень дорого. У многих людей за всю жизнь не было ни одной.

— Но металл нельзя есть. Да из него и сделать ничего нельзя, — вмешался Рох почти возмущенно.

— Оружие из металла, — напомнил Друан.

Однорогий тролль переспросил:

— Из золота?

— Нет, — сказал Стен. — Из золота не делают оружия, оно слишком мягкое. Но за золото можно купить оружие.

— Но почему тогда золото так ценно, если из него ничего нельзя сделать?

— Так уж сложилось, — констатировал Стен, который раньше об этом никогда не задумывался. — Золото имеет значение для людей.

— И для гномов тоже, — мрачно сказал Друан, на что Стен кивнул.

Юный воин смущенно огляделся, так как в словах Друана ему послышался упрек, и, похоже, тролль был прав. Жажда золота маленького народца была легендарной, а, по словам троллей, алчность была основной причиной войн между ними и гномами. Потом Стен вспомнил, как Пард сжимал его клетку, когда он находился внутри, и чувство вины испарилось. «Они сами не лучше маленького народца».

Тихий стук в дверь заставил всех настороженно встрепенуться, влахак тихо подошел к двери, в то время как Пард и Цдам заняли позиции справа и слева от нее. Но когда Стен приоткрыл створку и выглянул, то обнаружил Линорел и дал сигнал к отбою.

Женщина вошла и содрогнулась при виде троллей.

— Раду, охрани нас!

Покачав головой, она бросила Стену узел с одеждой, после чего зажгла лампу. Пока Стен распаковывал узел и переодевался, Линорел рассматривала его спутников, после чего заявила:

— Костин не соврал. Это уму непостижимо, Стен!

— Ты встретила его? Он...

— Да, ему удалось уйти. Он хороший бегун, — ухмыльнулась влахака. — Во всяком случае, он быстрее людей в доспехах.

— Ну и живописец! — рассмеялся Стен. — Всегда готов удивить нас.

— А по нему и не скажешь, да? — улыбнувшись, сказала Линорел, но подскочила от неожиданности, когда Рох подключился к разговору.

— Этот человек рисует звуки?

Мятежница растерянно посмотрела на Стена, когда тот ответил троллю:

— И это тоже. Собственно, Костин — художник. Он рисует картины, красит стены, специалист по краскам. Но он может также читать и писать и зарабатывает себе на жизнь иногда как писарь. Так что да, он рисует картины и звуки.

— Рисует звуки? — тихонько прошептала ему Линорел. — Что, святые духи, это значит?

— Так они называют письмо, — объяснил Стен, на что влахака все еще растерянно кивнула.

— Мы можем поговорить, Стен? Я имею в виду наедине, — спросила она.

— Конечно, — ответил воин и повел ее в глубину склада, пока они не оказались вне зоны слышимости троллей.

— Все еще ужаснее, чем я думала! — сразу же напала на него Линорел.

— Что? — спросил Стен.

— Как что? Ты только посмотри на них! Это чудовища. Создания ночи. Ты видел их когти? А клыки?

— Да, конечно, — немного рассерженно отозвался Стен. — Проклятье, я уже какое-то время путешествую с ними. Я в курсе, как они выглядят.

Он поднял руки, пытаясь успокоить ее.

— Послушай меня, — начал он и повторил, когда она попыталась перебить его: — Послушай меня, пожалуйста!

Линорел нерешительно глянула в потолок, после чего, однако, сдалась и кивнула.

— Это чудовища, я согласен. Но они нужны нам.

— Что? Зачем они нужны нам?

— Цорпад заключил союз с гномами. Будет война, насколько я понимаю. И мы должны остановить Цорпада.

— Правильно. Но какое отношение к этому имеют тролли? — раздраженно спросила Линорел.

— Они знают гномов. И после всего, что я услышал, думаю, что именно тролли и являются причиной, из-за которой гномы начали переговоры с Цорпадом. Если мы поможем троллям, если мы поможем решить их проблему, тогда Цорпад потеряет важных союзников.

— Возможно, — помедлив, признала мятежница.

— Мы не готовы к полномасштабной войне. Ты участвовала в осенней битве. Ты знаешь, как близки мы были к поражению!

— Мы победили, Стен! Мы, влахаки, победили масридов! И без помощи чудовищ! — горячо возразила Линорел.

— Да. Но будет ли на этот раз так же? Когда у Цорпада новые союзники?

На это женщина ничего не возразила, в сомнении поджав нижнюю губу, что Стен расценил как хороший знак.

— Мы должны помешать этому союзу, — продолжил он. — Иначе быть войне. А если она развяжется сейчас, то кто будет обрабатывать поля? Кто будет собирать урожай?

Стен вопросительно смотрел на Линорел, но она не знала ответов на эти вопросы, так же как и он... как и многие тогда, год назад, когда влахакам, которые были в шаге от победы над Цорпадом, пришлось заключить с ним мир, чтобы не умереть с голоду.

— Я хочу свободы так же сильно, как и ты. Ты знаешь это, Лино. Подумай. Мы не должны сидеть как мыши и дрожать от имени Цорпада. Мы должны действовать. У него есть преимущества, огромные преимущества. Поэтому мы должны ударить там, где он не ожидает.

Нахмутив брови, Линорел смотрела ему в глаза, пытаясь разглядеть там что-то, но ей это, видимо, никак не удавалось. Затем она вздохнула.

— Ты прав. Но, Стен, — тролли?

— Спроси меня о чем-нибудь полегче. Я не искал их, но теперь я должен пройти этот путь до конца, каким бы сложным он ни был.

— Батюшки мои, да ты прямо поэт! — смеясь, заявила Линорел, отчего Стен застонал.

— Я прошу тебя, только не это!

— Что? — озадаченно переспросила она.

— Я встретил одного человечка, который подробно объяснил мне, что я — герой. Это

было... — хотел было продолжить Стен, но его прервал смех мятежницы.

— Ты? Герой? Я сейчас умру со смеху!

Стен был очень скромным юношей, но сейчас он неожиданно почувствовал, словно задели его честь.

— Ну да, я же уже...

Но он не закончил, так как Линорел тряслась от нового приступа смеха. Стен угрюмо смотрел на нее, пока она не успокоилась.

— Ты — сумасшедший, Стен сал Дабран. Ты совершил немало. Но обычно герои не сидят в клетках и не знают с троллями! — все еще хихикая, подытожила Линорел.

— Хорошо, — кисло ответил Стен. — Как раз это я и сказал парню.

— А кто это был? — поинтересовалась Линорел.

— Да какой-то рыжий из империи. То ли поэт, то ли писатель, в общем, что-то в этом роде. Довольно странный субъект, но у меня тогда были другие проблемы.

— Кстати о проблемах, что теперь будем делать с ними? — спросила влахака, кивнув головой в сторону троллей.

— Склад не пропускает солнечный свет? — спросил Стен.

— Есть только одно окно под крышей, но его можно закрыть ставнями. Будет довольно темно.

— Если солнечный свет не мешает им, они прекрасно смогут сами позаботиться о себе. Завтра утром я пойду в город и попытаюсь прояснить кое-какие вещи. Сколько времени мы можем здесь оставаться?

— Баржи придут нескоро, через три или четыре дня, а может, и позже. До тех пор склад будет заперт, и здесь вы в безопасности, — объяснила Линорел.

— Хорошо. Тогда мы можем рассчитывать максимум еще на две ночи.

— Будет лучше, если уже завтра вы исчезнете, — сухо заявила влахака.

— Это будет не просто. Мы как минимум должны решить проблему троллей, иначе они никуда не уйдут. Они очень упрямы, — заявил Стен и в мыслях продолжил: «И еще мы должны освободить Висинию, пока не стало слишком поздно».

— Такие же упрямые, как и ты? Что-то с трудом верится.

— Что ты сказала? Прости, я задумался.

— Забудь, — бросила Линорел. — У нас много работы. Нужно время, чтобы я могла собрать остальных. По крайней мере тех, что еще остались.

— А кого?

— Ты имеешь в виду людей, кому бы я могла доверять? — спросила мятежница и, когда Стен кивнул, продолжила: — Костин, Аурела Дан, Октеиу, я. Это все.

— Так мало? — в ужасе переспросил Стен.

— Остальные сбежали или прячутся, я не могу обижаться на них за это.

— Да, ты права. Просто я надеялся, что людей будет больше. Значит, нас... пятеро?

— И твои друзья там внизу, — добавила Линорел, но Стен лишь в сомнении глянул на нее.

Было бы хорошо, если бы они все провернули без участия троллей. Чудища слишком заметны в городе, и если их обнаружат, то внимания со стороны горожан просто не избежать.

— Собирай всех. Нужно разработать план. Каждая из предстоящих задач...

— Настоящее самоубийство, — продолжила его слова Линорел. — Но разве у нас есть выбор?

— Нет, думаю, нет, — улыбнувшись, согласился с ней Стен.

— Это точно. Удачи тебе, Стен, — попрощалась влахака, кивнула троллям и покинула склад.

Стен вернулся к своим соратникам, которые сразу завалили его вопросами о городе. Он постарался ответить на все, но при этом его мысли крутились вокруг Висинии. «Так близка и в то же время так недостижима», — горько подумал влахак.

Найти подходящего целителя в городе оказалось на удивление сложно. Точнее говоря, целителя, способностям и умениям которого Сарган мог бы доверять. Обратный путь в Теремию был настоящим мучением, так как рана от стрелы из арбалета вспыхивала болью при каждом шаге. Настроение Саргана, когда он вновь проходил через городские ворота, было мрачным.

После того как шпион проковылял через полгорода, он наконец нашел пожилого целителя, который заявлял, что научился искусству врачевания за пределами Ардолии. Целитель жил в доме, который напоминал Саргану заброшенный чулан. К тому же куриные лапы и перья, висевшие под крышей, не внушали особого доверия.

— Садитесь, господин. Позвольте осмотреть вашу ногу, — приветствовал целитель, лысая голова которого была покрыта множеством старческих пятен.

Он повел Саргана к табуретке, которая стояла посреди помещения.

Балки чулана были черны от сажи, Сарган, по крайней мере, надеялся, что этот черный слой был сажей. В воздухе висел едкий дым, от которого на глаза наворачивались слезы. «Поддержи меня, Агдель, — в отчаянии подумал Сарган, — но это лучшее, что я смог найти здесь. Скорее всего, он обольет меня куриной кровью и объявит исцеленным!»

Пока Сарган разматывал лоскуты ткани, демонстрируя рану, старик бодро продолжил:

— Я часто видел подобные раны, господин. Выглядит как от арбалетной стрелы или как если бы вас из лука подстрелили винаи. Хотя в последнем случае рана, скорее всего, находилась бы в вашем сердце, хе-хе, — при этих словах старик глупо захихикал.

Сарганом овладело беспокойство. Простые жители Ардолии были довольно болтливы и наверняка делились с целителем своими историями о дальних странствиях. Шпион очень сильно сомневался в том, что старик хотя бы однажды видел винаи, а также другие страны, в которых он якобы учился. Однако, за неимением лучшего варианта, приходилось довольствоваться тем, что есть.

Старик давил и мял ногу вокруг раны до тех пор, пока у Саргана не потемнело в глазах от боли. И когда он подумал, что терпеть уже не в силах, старик смазал рану щедрым слоем какой-то прохладной мази и ловкими движениями перевязал ее. Саргану даже показалось, будто боль немного утихла, он удивленно встал и осторожно оперся на раненую ногу.

— Господин, пройдет еще некоторое время, пока рана заживет окончательно, — сообщил ему тем временем целитель, — но если вы будете осторожны, то кровотечение не откроется. А мазь позаботится о том, чтобы рана не загноилась.

— Загноилась? — с отвращением переспросил Сарган.

— Гноящаяся рана будет нарываться, покраснеет и станет горячей, господин, у вас начнется лихорадка и вы будете видеть... э-э-э... нереальные вещи. В этом городе вам не смогут ампутировать ногу. Поэтому, если рана загноится, то вы, вероятнее всего, умрете.

— Спасибо. Но мазь...

— ...будет препятствовать этому, господин, — ответил целитель и расплылся в беззубой улыбке, которая не особенно подбодрила Саргана.

Сам того не желая, шпион вспомнил историю об императоре Лорасе Первом, который сломал ногу при езде на лошади. Его врачам не удалось предотвратить нагноение раны, хотя они все же спасли его от смерти. Только после этого он до конца своей жизни все время страдал невыносимыми болями, даже самые сильные микстуры не могли облегчить их. Поэтому Лорас Первый правил меньше девяти месяцев; по рассказам, им постепенно овладевало безумие, пока однажды ночью он не выпрыгнул из окна своей комнаты. Злые языки утверждали, будто к этому решению его слегка подтолкнула сестра Мидара, а дворцовая охрана, сбита с толку бессмысленными решениями и странными указами императора, не остановила ее. «А через два года та же охрана задушила Мидару Первую Жестокую во сне и посадила на трон своего коменданта, — вспомнил Сарган. — К счастью,

у меня нет ни сестер, ни охраны. Но мне приходится мучиться здесь, с этими отсталыми людьми».

Естественно, он не подал вида, что его одолевают сомнения, и, дружелюбно улыбаясь, поблагодарил старика, вознаградив его за усилия, после чего покинул душную хижину и глубоко вдохнул свежий воздух.

Настало время обдумать свое положение и определить новый план действий, ведь после неожиданного возникновения этих существ из кошмарных сказок и легенд его прежний план перестал быть актуальным. Тролли явно были живыми, из плоти и крови, а не бестелесными сказочными существами. «И к тому же они — враги гномов, — подумал Сарган. — Скорее всего, им известно очень много интересного о маленьком народце».

Насвистывая себе под нос веселую мелодию, дириец двинулся вниз по улице в поисках пристанища на ближайшее будущее. Теперь, когда он чувствовал себя лучше, а беленые дома освещало яркое солнце, город выглядел более приветливым. После разговора со Стеном Сарган понял, что влахак и тролли, скорее всего, заявятся в Теремию, значит, он может подождать их здесь. Неважно, что молодой упрямец говорил об опасности, которую несут тролли, но возможность поговорить с этими чудищами и узнать их тайны была столь заманчива, что он, Сарган, просто не мог упустить ее. Он не чувствовал страха перед этими мощными существами, хотя все-таки следовало вести себя с ними осторожно и всегда иметь путь к отступлению.

Вероятно, выведать какую-либо информацию о троллях не составит особого труда, так как эти существа не представлялись ему особенно умными. Но для начала их нужно было найти. Конечно, Стен не мог открыто притащить их в Теремию, не мог подвести даже близко к городу, тем более что днем они были беспомощны и уязвимы. Поэтому, вероятнее всего, влахак попытается пробраться с ними в город под покровом ночи.

Влахак в принципе подтвердил, что был тем самым воспетым в песнях мятежником из Дабрана. Значит, у него должны быть налажены нужные связи в городе, хотя, естественно, все ворота Теремии ночью закрыты. Без вариантов. «Как же Стен проведет троллей в город? — обдумывал Сарган. — Или он планирует напасть на Теремию? Может, эти огромные существа — резерв или авангард армии?»

Эта мысль охладила пыл дириейца, ведь он ни в коем случае не хотел оказаться в осажденном городе. Однако затем он подумал, что едва ли это может быть авангард. Авангард, который выходит из строя во время светлой части суток? «Да и ни одна армия не может скрытно передвигаться по стране; значит, если бы к Теремии приближались значительные силы, я бы уже наверняка об этом от кого-нибудь услышал».

Гораздо вероятнее, что, кроме маленького отряда Стена, больше никого не было. К тому же и сам влахак, казалось, не совсем добровольно сопровождал их.

Дириец пока еще не смог разгадать всей ситуации, одно ему было ясно — он должен узнать об этом как можно больше. И так как предупреждение Стена держаться подальше от Теремии было единственным указанием на то, куда направится странная компания, Сарган будет оставаться именно здесь. Он постарается найти способ вновь встретиться с троллями и выведать все, что они знают о гномах. «Как же, стану я слушаться какого-то немытого крестьянина с мечом только потому, что эти невежды считают его героем!»

— Достаточно ли горяча вода, господин? Всем ли вы довольны?

— Вода достаточно горячая, но я буду еще более доволен, если ты вымоешь мне волосы.

Усмехнувшись, Сарган заметил, как юная служанка покраснела, когда он ей подмигнул. Она сконфуженно опустила взгляд и поправила чепчик, который немного наискось сидел на ее темных локонах. Сарган со знанием дела осмотрел девушку с головы до ног, ладные округлости ее тела не могло скрыть даже бесформенное коричневое одеяние. «Я слишком давно не видел своих жен», — про себя констатировал он и почувствовал, как взбудоражилось его мужское естество. Вздохнув, Сарган поглубже погрузился в деревянный

чан, наполненный горячей водой.

Шпион не планировал задерживаться в Ардолии, поэтому взял не очень много денег. Его запасы таяли, но, тем не менее, он остановился в одной из самых дорогих гостиниц Теремии. «Здесь даже прослеживается слабое сходство с какой-нибудь захудалой провинцией империи, — рассуждал дириец, — хотя больше грязи и меньше цивилизации». Но ванна, которой он сейчас наслаждался, хотя бы частично компенсировала остальные неудобства, которые преследовали его в этой стране.

«Они могут нагреть воду, это уже кое-что», — с сарказмом подумал Сарган и стал размышлять над тем, сможет ли он убедить темноволосую служанку согреть ему постель сегодня ночью. Но потом решил все-таки не делать этого, так как, если троллей действительно интересовала Теремия, он сможет получить подтверждение этому только ночью, а значит, он должен быть все время начеку. Поэтому он решил просто насладиться приятным теплом ванны и больше не глядел на привлекательную попку юной девицы.

Комендантский час и патрулирование улиц солдатами Цорпада были для Саргана определенным неудобством, затрудняя передвижение по улицам. Но, с другой стороны, это, конечно, представляло собой еще большее неудобство для Стена и троллей.

Периодически прячась от солдат, дириец попытался максимально изучить город, чтобы суметь сориентироваться в нужный момент. В результате разведывательных вылазок Сарган выяснил, что наиболее тщательно патрулируются ближайшие к цитадели части города, в то время как более бедные районы, особенно портовый квартал, солдаты посещали гораздо реже. И неудивительно, так как большинство масридов селились на возвышении, а влахаки, в основном бедняки, жили ближе к Маги. Часть города, называемую *Терес*, в основном заселяли сцарки; ее тоже охраняли довольно добросовестно, и там вероятность остаться незамеченным была очень мала, тем более что вход со стороны реки преграждала высокая крепостная стена.

По всей вероятности, Стену все это было прекрасно известно, поэтому он попытается использовать преимущества портового района. Сарган принялся обдумывать маршрут, по которому небольшая группа ночью могла бы проникнуть в город, и ему пришли на ум только две возможности: через стену или по реке.

Сарган предпочел бы стену, но для Стена с его клыкастой компанией дириец бы выбрал порт. Вследствие этого Сарган решил более тщательно обследовать район вблизи реки и направился к Апасу.

Единственная широкая и мощеная дорога, по которой периодически ходил патруль, вела к складам. А вообще портовый квартал представлял собой лабиринт кривых переулков и узких улочек, причем дома здесь располагались так близко друг к другу, что, наверное, даже в полдень солнечные лучи не достигали земли.

В хаосе переулков, дворов и тупиков Сарган почувствовал себя почти как дома. Он не обнаружил здесь ничего необычного, кроме, пожалуй, полчищ крыс.

Время шло, но, кроме пары отважных ночных гуляк, ему больше никто не встретился. «Наверное, я попусту трачу время, — подумал дириец, — вполне возможно, что я просто неправильно понял влахака». Однако неожиданно он услышал крики со стороны порта, и на его губах промелькнула довольная улыбка.

Пригнувшись, дириец шмыгнул в переулок, ведущий к реке. Вскоре он разглядел красное зарево над домами, и его подозрение о пожаре подтвердилось, как только он добрался до порта. Укрывшись в тени между двумя складами, он наблюдал, как солдаты и люди, живущие неподалеку, пытались оттолкнуть пылающую баржу от причальной стены. Даже Сарган, который мало разбирался в кораблях, смог понять, что судно уже не спасти: языки пламени достигали в высоту уже четырех, а то и пяти шагов. К счастью, причал был достаточно широким, чтобы пламя могло перекинуться на один из складов. Рядом со злосчастной баржей не было других кораблей, но работникам порта нужно было избавиться от нее, чтобы полностью ликвидировать опасность.

«Это могло бы быть великолепным отвлекающим маневром, — пронеслось вдруг у Саргана в голове. — Значит, интересующие меня существа должны появиться где-то в другом месте. Но где?»

Он внимательно осмотрел порт и темную реку. Южная часть акватории была ярко освещена пожаром, там царили хаос и суматоха. Если тролли появятся из воды в этой части порта, то их немедленно обнаружат, ведь в операции тушения пожара участвовало слишком много людей. Оставалась северная сторона, которая была погружена во тьму, там царило спокойствие.

Сарган исчез в переулке и обошел район, чтобы пробраться в северную часть порта. Ему оченьгодились знания о планировке города, и он быстро отыскал маленький переулок, который шел позади складов прямо к нужному месту. Подобравшись поближе, Сарган убавил шаг и внимательно осмотрелся. «Сейчас увидим, не подвело ли меня чутье», — подумал дириец, чувствуя себя охотником, выслеживающим дичь. И действительно, он заметил темный силуэт. Кто-то притаился в тени у фасада какого-то склада. Довольно усмехаясь, Сарган отыскал подходящее укрытие и удобно устроился в ожидании дальнейших событий. Ему не пришлось слишком долго ждать, так как уже скоро из воды выбрался человек, который стал оглядываться по сторонам, пока его не позвал тихим свистом тот, кто скрывался в тени склада.

Как сильно Сарган ни напрягал слух, он не смог расслышать, о чем шептались эти двое. Однако вскоре из реки поднялись массивные громадины. Очевидно, тролли отсиживались в реке, пока люди разговаривали. Сарган уже почти забыл, насколько колоссальны эти существа. Он также был поражен, насколько бесшумно группа скрылась в одном из переулков.

С такими мыслями Сарган выбрался из своего укрытия и максимально осторожно последовал за троллями. Он просто не мог предположить, на какие еще сюрпризы способны эти существа. Шпиону удавалось не упускать маленькую группу из виду и при этом оставаться необнаруженным.

Однако троллям везло меньше, чем ему. Неожиданно на улице, где двигалась серокожая компания, появился патруль. Сарган умудрился быстро и незаметно нырнуть в один из ближайших переулков. Но тролли были не столь быстры. С металлическим лязганьем мимо Саргана промчались воины. Разношерстные доспехи и униформа... Сарган понял, что это не солдаты, а всего лишь наемники, охраняющие по ночам набитые товарами склады.

Однако неожиданно из переулка, в котором миг назад исчезли тролли, выскочил человек и помчался прочь от наемников, которые бросились за ним в погоню. Не обращая внимания на этот спектакль, Сарган последовал в переулок, куда свернули громадины. Когда вдалеке замерли звуки преследования, он украдкой выглянул из-за угла одного из складов, но все было тихо и пусто. Про себя дириец проклял чертов патруль, который испортил ему охоту. Шпион вошел в переулок, в котором исчезли тролли. Существа такого размера не могли нырнуть в щель между досками или растаять в воздухе. «Так ведь?» — спросил себя Сарган и продолжил осмотр.

С противоположной стороны переулок выходил на причал, где укрыться было негде. Пересечений с другими улицами здесь не было. Как вариант оставались склады. Только у одного из них задняя дверь выходила на эту сторону. «Значит, тролли там, — резюмировал Сарган, довольный собой, — железная логика!» Утром он придумает причину, по которой ему обязательно понадобится посетить этот склад, но сейчас ему следовало вернуться в гостиницу, так как он сомневался в том, что Стен и тролли будут приветливы при его появлении.

В ближайшие дни ему еще представится возможность пообщаться с громадинами. Сарган был уверен, что в данном случае очень важен первый шаг. Остальное — дело техники, а уж в этом ему не было равных; говорить с людьми и убеждать их — один из его несомненных талантов.

«Будем надеяться, что сработает и с троллями», — думал он на обратном пути в гостиницу.

30

После ухода Линорел Стен попытался немного поспать. Из нескольких мешков он устроил себе постель и улегся, однако сон не шел, даже несмотря на усталость.

За последние дни он привык спать днем и бодрствовать ночью. К тому же тролли постоянно о чем-то болтали, исследуя склад, и их тихое бормотание мешало Стену. Наконец он со вздохом поднялся и присоединился к своим спутникам.

— Стен, вот это все сделали люди? — с любопытством спросил у влахака Рох.

— Ты имеешь в виду склад? — уточнил влахак и, когда тот кивнул в ответ, сказал: — Да, конечно.

— Он большой, — констатировал однорогий тролль.

— Есть пещеры гораздо больше, — вмешался хмурый Пард.

— Да, но они просто есть. А этот дом построен. Это по-другому, — возразил Рох.

— Ну да, — рассмеялся Стен. — Склад большой, но он простой, без затей. В городе есть строения побольше, например крепость.

— Крепость? — встрепенулся Друан. — Какая крепость?

— Цитадель Ремис. Когда-то там была резиденция короля моего народа, а теперь резиденция Цорпада, — объяснил воин.

— Расскажи о городе, — попросил Друан. — Он намного больше, чем я себе представлял.

— А что вы хотите знать?

— Сколько людей живет здесь?

— Я не знаю, никто не считал. Но точно несколько тысяч.

— Так много! — прорычал пораженный Рох.

— Пожалуй, стоит описать город, ведь вы еще никогда не были в таком месте. Это важно, — предложил Стен, и Друан согласно кивнул.

— Итак, река Рейба разделяет город на две части, — сказал Стен и посмотрел на троллей. — Испокон веков это были две деревни, Ремис и Терес, которые лежали по обе стороны Рейбы, где она впадает в Маги. Деревни разрастались. Раду, первый король моего народа, объединивший племена, объединил и деревни, превратив их в свою резиденцию. Он заявил, что слияние этих двух деревень символизирует объединение разобщенного Влахкиса. Столицу он назвал Теремия и на восточном берегу Рейбы построил цитадель Ремис, — объяснил Стен.

— У твоего народа были племена? — поинтересовался Друан.

— Да, много. А предводители разных племен вели между собой постоянные войны. И только Раду Святой смог покончить с этим и объединить влахаков.

— Как?

— Ну, согласно легенде, Раду был простым воином, он не был ни полководцем, ни вождем. И он стал отверженным, так как мечтал о мире и стремился к объединению королевства. Его с позором изгнали из деревни, потому что он больше не хотел сражаться. В то время страна была бедной, и он бродил от одной деревни к другой, от одного поселения к другому, пытаясь донести до влахаков идею мира. Однако никто не слушал его, над ним издевались и высмеивали его, — продолжал Стен.

Тут Пард перебил юношу, презрительно хмыкнув:

— Неудивительно!

Не обращая внимания на здоровяка, Стен продолжил:

— Когда он уже почти отчаялся, ему встретила мудрая женщина, прорицательница, которая сообщила, что Белого Медведя, могучего духа, покровителя этой земли, захватил Дух темноты. Она поведала, что влахаки никогда не смогут обрести мир, пока он в плену, а

Дух темноты может беспрепятственно нести раздор и войны. Тогда Раду опоясался мечом и в самом густом дремучем лесу сразился с Духом темноты. Битва была долгой и часто казалась безнадежной для человека. Но в конце концов благодаря одной уловке Раду удалось отвлечь Духа и освободить Белого Медведя. Воин ощутил в себе силу спасенного духа и одолел Духа темноты. Покрытый ранами после жестокой битвы, он предстал перед собранием предводителей племен и швырнул к их ногам окровавленную голову поверженного врага. И на его челе все увидели благословение Белого Медведя, вожди преклонили перед ним колени и признали его кралем, то есть королем. Он правил мудро, прекратил распри и междоусобицы и объединил народ. Он вершил суд во время споров между предводителями, его слово было обязательным для всех, — закончил Стен рассказ, который каждый влахак слышал в своей жизни хотя бы один раз.

Он глянул на троллей, которые заворуженно его слушали.

— Ну, такова легенда, — слегка смущенно пояснил Стен. — Скорее всего, Раду Святой был великим воином, который подчинил остальные племена. Никто точно не знает.

— Как давно это было? — спросил Друан.

Стен очень удивился интересу, который тролль проявил к истории его страны.

— В империи время отсчитывают от Темного года и Угасания луны, и масриды делают так же. А мы, влахаки, отсчитываем от года вступления Раду на трон. Сейчас по нашему летоисчислению 683 год, — заявил Стен.

— Это много? — поинтересовался Рох.

— Очень. За это время прожило и умерло много поколений людей.

— А ваши враги уже долго здесь? Ты рассказывал, что масриды пришли из-за гор, не так ли? — спросил Друан.

— Да, правильно. Год, когда Аркас короновался в Теремии, 454-й. Двести лет гнета и беззакония для моего народа.

— Ваш король не борется, поэтому вы и проигрываете сражения, — презрительным тоном заявил Пард.

— Что? Тиреа боролся, но он был убит! — взволнованно возразил Стен.

— Не этот. А другой, Роду, — злобно скалясь, уточнил Пард.

— Его звали Раду. И он боролся. Он был великим воином. Его меч был мощным оружием, в котором жила душа Белого Медведя. Она вела этот меч во многих битвах против наших врагов.

— Ваши предводители слабые, они не борются! — гневно выкрикнул Пард.

— Пард, ты будешь бороться против троллей? — неожиданно спросил Друан здоровяка, который растерянно обернулся.

— Тролли не борются против троллей, — ответил он, нахмурившись.

— Но люди борются против людей. Их король хотел это изменить. Ты тоже не будешь убивать троллей, Пард, — спокойно сказал Друан.

Пард хмуро оглядел остальных троллей, но ничего не ответил и только покачал головой.

— Стен, расскажи больше о городе, — напомнил Друан влахаку, который напряженно следил за их диалогом.

— Как я уже говорил, город разделен на две большие части: Ремис и Терес. Мы сейчас в Ремисе, который расположен на восточном берегу. Точнее говоря, мы в Апасе, новом порту. Вокруг города сооружено укрепление — широкая крепостная стена. Рейба, протекающая с севера на юг, разрывает линию укреплений. Масриды построили на Маги новый порт с мощными укреплениями, вы их видели. В Тересе порта нет, там вдоль реки возвели защитные сооружения. Город превратился в настоящую крепость.

— Стена проходит над рекой?

— Да, над Рейбой. Ее соорудили гномы, а также мощную решетку, сквозь которую течет сама река, — сообщил Стен.

— Но как переходят через реку? — спросил Друан.

— По мостам, всего их семь.

— А через Маги?

— Ну, есть много рыбацких и других лодок. А еще несколько паромов для перевозки животных или телег. Самые большие паромы курсируют дальше на запад, там, где к Маги подходят тракты. Там течение спокойнее, чем здесь, у города.

— Раньше мне все казалось не таким внушительным, — потрясение констатировал Рох. Стен рассмеялся.

— Естественно, было же темно, и вы едва смогли увидеть лишь небольшую часть города. Днем все будет выглядеть еще удивительнее!

— Мы никогда не увидим город днем, — сухо перебил Друан, и смех Стена затих.

— Что это такое? — спросил тролль и указал на всевозможные товары, которыми был забит склад.

— Это товары. Склад принадлежит торговцу, который хранит здесь свои товары, он переправляет их дальше или продает здесь.

— За деньги? — спросил Рох.

Стен кивнул.

— Разве торговец не придет сюда, раз ему принадлежит все это?

— Нет. Линорел сказала, что его нет в городе. Мы спокойно можем находиться здесь до завтра, а может, и дольше, но все равно лучше решить свои дела как можно скорее и исчезнуть.

— Город не очень хорошее место для троллей, — подытожил Друан, и Стен согласился.

— Да, слишком много ненужных глаз и ушей. Слишком много вооруженных людей.

— Мы не знали, какой город. Как же мы сможем что-то здесь предпринять? — обеспокоенно спросил Друан.

Но Стен успокоил его.

— Я уже подумал об этом. Пока вам лучше оставаться здесь. А я выйду в город и попытаюсь что-нибудь разузнать. Получим сведения — сможем разработать план.

— Что? Мы должны будем сидеть здесь и грызть себе ногти? — возмутился Пард.

— Нет. Всего лишь немного подождать. Я со своими друзьями разведую, что и как. А что бы ты хотел сделать? Выступить против войска Цорпада? — язвительно спросил Стен.

— Войско... это люди, которых Роду научил не сражаться?

— Они сражаются, не волнуйся, Пард, они сражаются. И их много.

— Друан, это плохая идея. Мы сидим здесь в западне, — обратился Пард к предводителю троллей.

— Если произойдет что-нибудь непредвиденное, если вас обнаружат, тогда вам нужно прорываться к порту и попытаться уйти по воде. В темноте вас не будут преследовать на реке, — предложил Стен, но не стал говорить о том, что на сторожевых башнях в порту наверняка есть лучники, которые обязательно будут стрелять, даже если тролли будут плыть глубокой ночью. Скорее всего, на башнях быстро разведут огонь, чтобы полностью осветить подход к порту. Тем не менее ночной порт был единственно возможным путем к отступлению, когда мощные городские ворота закрыты. Конечно, тролли могут попытаться уйти через стену, и при этом дело может дойти до драки, но от этой мысли у Стена буквально волосы шевелились на голове. Он слишком хорошо представлял себе кровавую бойню, которую могут устроить тролли при встрече с неподготовленными солдатами, а он не мог и не хотел отвечать за это. «Тогда уж лучше лучники охраны в порту, — подумал Стен. — По пути от склада до порта ночью троллям не должны встретиться люди».

— Мы можем закрыть ставни, тогда в помещение не попадет дневной свет. И если вы будете держаться подальше от дверей... — начал Стен.

Друан тут же отправил Парда и Цдама закрывать ставни, в то время как Рох с любопытством осматривал товары и не уставал почти о каждом предмете спрашивать Стена, для чего он, кто им пользуется и тому подобное.

О сне нечего было и думать. Стен смирился со своей участью и терпеливо объяснял Роху преимущества глиняного кувшина по сравнению с обычным бурдюком для воды. Когда он в очередной раз выглянул наружу, небо на востоке уже посветлело и стало медленно окрашиваться розоватым цветом.

— Я уйду, — сообщил воин. — На восходе орден Альбус Сунас обычно призывает прихожан. Я затеряюсь в толпе верующих и постараюсь что-нибудь выведать.

— Где это? — спросил Друан.

— Не в порту. Дальше на север в городе есть большой храм. Я туда и обратно, — объяснил влахак и покинул склад.

Стен надел длинный плащ с капюшоном, который принесла Линорел вместе с остальной одеждой. С натянутым на самые глаза капюшоном он почувствовал себя немного увереннее, а широкий кинжал, спрятанный в складках плаща, действовал успокаивающе. К тому же у него было одно преимущество: Стена сал Дабрана считали мертвым, официально казненным по приказу Цорпада.

«Я вернулся и буду говорить от имени всех мертвых влахаков, которых ты, Цорпад, лишил голоса», — с мрачной улыбкой подумал Стен, направляясь в центр города.

Храм ордена Альбус Сунас представлял собой огромное здание, значительно превосходящее по размеру окружающие дома. Сооруженное на прямоугольном фундаменте трехэтажное здание венчала огромная куполообразная крыша, сверкавшая белым в лучах восходящего солнца. Белыми были и стены, которые даже при близком рассмотрении казались абсолютно чистыми и безупречными. Многие во Влахкисе белили свои дома, но балки оставляли нетронутыми. Храмы же и монастыри ордена Альбус Сунас обычно были поистине снежной белизны, а члены ордена педантично поддерживали их чистоту, поэтому в лучах солнца здания почти сверкали.

Вокруг храма было открытое пространство. Было запрещено строить дома ближе двадцати шагов от базилики, чтобы ничто земное не касалось божественного, чьим представителем был орден Альбус Сунас. Поэтому храм, обнесенный оградой, стоял на рыночной площади обособленно.

В детстве Стен нередко бывал в храмах Альбус Сунас и видел членов этого ордена. Все покоренные масридами народы должны были принять веру завоевателей и отказаться от старых богов и духов земли.

Семья Стена официально придерживалась веры масридов, хотя мать часто рассказывала близнецам легенды о старых богах.

Стен с улыбкой вспомнил о том, как сильно его впечатляли походы в храм в Дабране. Огромный зал с высоким куполом, сквозь окна проникают солнечные лучи, освещая весь зал ярким светом. Гремит голос священника, который, кажется, исходит одновременно со всех сторон. Прихожане повторяют слова молитвы...

Но Стена изгнали из его вотчины, землю отобрали, родителей убили. Священник из Альбус Сунаса на рыночной площади Теремии прочитал проповедь о справедливом порядке и о смирении перед Божественным Светом. Как рассказывали Стену, барон Хази и его подельники привязали Ситея сал Дабрана к столбу и предали огню за преступления, которых он никогда не совершал. Горькие воспоминания тяжким грузом легли на сердце Стена, когда его взгляд упал на темные пятна перед храмом, на покрытую копотью брусчатку, молчаливого свидетеля сотен жертвенных костров, которые полыхали и в Теремии.

Храм в Теремии впечатлял. Стен еще ни разу здесь не был. Здание было в два раза больше храма в Дабране, а его стены высились на несколько десятков шагов. Внутри тоже царил белый цвет, а сотня белых свечей и золотых ламп, которые горели днем и ночью, подчеркивали эту нестерпимую белизну. В центре куполообразного потолка висел огромный золотой диск, который, казалось, не имел никакой опоры и парил в воздухе каким-то волшебным образом. На самом верху имелись отверстия, расположенные столь искусно, что с рассветом храм заливало светом.

Под огромным диском стояли священники ордена Альбус Сунас, которые пели на несколько голосов, звуки заполняли весь зал. Прихожане на коленях, с опущенными головами смиренно склонялись перед Божественным Светом.

Стен быстро вошел и опустился на колени в самом последнем ряду верующих. При этом он не спускал глаз со священников. Их было девять, больше половины масриды, хотя он заметил нескольких влахаков, которых распознал по темным волосам. В соответствии с уставом ордена лица священников были чисто выбриты, а длинные волосы заплетены в косу. Одежды членов ордена были белее снега. Облачение дополняли золотые ленты на поясе и большие золотые диски на груди.

Во время песнопения в зал начали проникать первые лучи солнца, заливая священников поистине неземным сиянием. Их одежды слепили, Стен даже заморгал, а на глазах у него выступили слезы, отчего пришлось на миг отвернуться.

Он тут же вспомнил священника в Орволе, которого растерзал Друан. Сердце влахака бешено заколотилось, возможно, идти в храм было ошибкой, ведь масридский бог силен, а священники творят чудеса, и Божественный Свет, разгневанный из-за смерти своего слуги, накажет Стена. В любой момент с неба мог сойти огонь и уничтожить его. Мятежник был готов вскочить и бежать прочь из храма, однако панический страх перед божественным приговором постепенно прошел и дыхание Стена успокоилось.

Стен осторожно поднял взгляд и принялся изучать священников, хотя ему время от времени приходилось моргать, чтобы защитить глаза от слепящего света. Если не обращать внимания на блеск их одежд и сияние золотых дисков, священники ордена были обычными людьми, которые с поднятыми руками восхваляли своего бога и зывали к его милости по отношению к собравшимся в храме людям. Стен уважал чувства верующих, хотя и не почитал их бога.

Но в храме были также люди, которые добровольно пошли на службу к масридам, которые подавляли свой народ, навязывая ему масридского бога. Сжигание еретиков — так орден Альбус Сунас наказывал почитателей старых богов — было широко распространено. Поэтому многие из так называемых еретиков либо бежали на юг, где все еще правили влахаки и где Альбус Сунас обладал меньшим влиянием, либо скрывались, пытаясь не попасться в лапы могучего ордена.

Альбус Сунас был силен там, где правили масриды. Таким образом, старые боги и старый уклад медленно, но верно отходили в прошлое и заменялись Божественным Светом.

Естественно, при дворе Ионны тоже был священник ордена Альбус Сунас, ведь княгиня не могла позволить себе оскорбить влиятельную организацию, при этом она защищала тех, кто следовал старым обычаям, что, конечно, иногда приводило к конфликтам.

Хвалебная песнь священников медленно затихла, и напряженная тишина охватила толпу собравшихся. И несмотря на то что в храме присутствовали десятки людей, не было слышно ни звука; казалось, будто все вдруг задержали дыхание.

Затем священники вновь возвысили голоса в утренней молитве:

— Узрите Божественный Свет, который дарит нам в своей милости новый день! Ощутите тепло Божественного Света, который окружает нас и изгоняет страх ночи! Познайте милость Божественного Света, который защищает нас от ужасов темноты и изгоняет тьму из наших сердец! Поднимите лица и узрите Божественный Свет!

После этих слов присутствующие все как один подняли глаза к потолку, залитому сверкающим сиянием, пока на их глазах не выступили слезы и не пришлось отворачиваться.

— Тот, кто сам не наполнен божественностью, не может переносить взгляд Божественного Света! Нам, детям земли, которым приходится жить в темноте, не дано смотреть на него! Но, несмотря на наши слабости и ошибки, Божественный Свет посылает нам еще один новый день! — провозглашали священники мощными голосами.

У Стена по спине побежали мурашки. И хотя он не поклонялся этому богу, демонстрация силы и веры внушала благоговение.

Священники благословили толпу прихожан, которая вскоре рассеялась и покинула

храм. Осталось несколько человек, чтобы помолиться.

Стен тоже взял одну из белых свечей из подставки, опустил на колени, старательно делая вид, что смотрит на свечу и молится. На самом деле он изучал храм и следил за священниками. Двое из них занялись заменой сгоревших свечей и наполнением маслом потухших ламп. Остальные о чем-то недолго поговорили, после чего скрылись за белым занавесом из тяжелого толстого полотна с золотой вышивкой, висящим в задней части храма, куда могли заходить только члены ордена.

Стен терпеливо ждал, пока оба священника прекратят заниматься свечами и уйдут в задние покои.

Кроме него в зале оставались еще двое верующих, которые держали перед собой свечи, но для защиты от Божественного Света глаза прихожан оставались закрытыми, как предписывали правила ордена при смиренной молитве.

«Сейчас или никогда», — подумал влахак, поставил свечу на место и поднялся. Стараясь передвигаться максимально тихо, он прокрался к занавесу и огляделся. Никто из молящихся не открыл глаз, вероятно, они были слишком погружены в свои молитвы и не слышали его шагов.

Стен осторожно отодвинул тяжелую ткань и заглянул в маленькое помещение, освещенное висящей под потолком масляной лампой. Показное великолепие храма заканчивалось за этим занавесом, это помещение тоже было выкрашено в белый цвет, но на стенах виднелись обычные пятна и потеки, к тому же здесь стояла обычная мебель, сколоченная из обычного дерева. Контраст с главным залом храма, его ослепительными стенами и золотыми подсвечниками был разительным, но у Стена не было времени задумываться над этим, он проскользнул в помещение и прислушался. Из комнаты вели два выхода, они тоже были завешены. За занавесом с левой стороны было слышно тихое бормотание. Стен медленно подкрался ближе и смог разобрать слова.

— ...все еще, что это ошибка! — как раз в этот момент заканчивал фразу молодой голос.

— Значит ли это, что ты сомневаешься в знаниях и решениях твоего ордена, мальчик мой? — резко ответил другой голос.

— Конечно, нет! Ваш дух проникнут божественностью, и мне еще далеко до этого. Но вы ведь тоже слышали, что говорила старая женщина! — ответил первый голос почти с мольбой.

— Невразумительные проклятья и угрозы колдуньи перед ее справедливой казнью на костре! Едва ли у нас есть причина для волнений, — успокоил его второй.

— Возможно, — неуверенно ответил первый. — Но она казалась убежденной. Она говорила о том, что наши братья разбудят это существо...

— Его не существует, мой мальчик, — прервал его другой. — Темнота расставляет свои сети повсюду, нужно постоянно быть начеку. Тебе не хватает опыта и света, но мы укажем тебе дорогу. Наши братья в монастыре знают, что делают. И лангор Просвещенный не допустит, чтобы произошло нечто, что служит темноте. Вера, мой мальчик, вера, вот чего тебе не хватает. Или...

— Что? — с тревогой в голосе спросил первый.

— Или ты все еще идешь темными путями? — неприязненно спросил второй.

— Нет, никогда! — прозвучал испуганный протест.

— Ты должен отринуть пути своего народа, мой мальчик. Он темен и полон опасных суеверий; следуя этим путем, ты отдаляешься от света. Из уст такой ведьмы никогда не будет исходить правда и свет, так как ее дух пребывает в темноте, холоде и лжи!

— Простите меня, — смиренно попросил молодой голос, и второй мягко ответил:

— Конечно. Дорогой света не так легко идти, и никто не упрекнет тебя, если ты споткнешься или остановишься. Мы укажем тебе путь к освещению духа и тела. Думаю, сейчас мы должны изгнать темноту из твоего духа, не так ли?

— Да, — покорно ответил первый, и Стен услышал приближающиеся шаги.

Он стремглав обежал стол, откинув занавес, выскочил в главный зал и попытался максимально бесшумно покинуть храм. Прихожане все еще держали свечи, с которых капал воск, и не обратили на него никакого внимания. Стен очутился на улице и направился в сторону Апаса.

Ему не удалось узнать что-то существенное, слишком непонятным был предмет разговора форбсов. Очевидно, более молодой из них, влахак, беспокоился касательно действий своих братьев в одном из монастырей. «Лангор Просвещенный, — стал размышлять Стен, — непонятно. Лангор — титул в Альбус Сунасе. Насколько я знаю, это настоятель монастыря, но какого монастыря?»

По всей вероятности, влахакский священник стал свидетелем сожжения прорицательницы, которая вещала о каком-то существе. «Этим глупцам стоило бы прислушаться к предостережениям, — сердито подумал Стен, — вместо того чтобы сжигать мудрых людей». Он в гневе закричал зубами, вспомнив, что испытал в храме благоговение. «Я должен был испытать гнев, гнев и презрение, а не страх и смирение!»

Но в данный момент в первую очередь нужно было выяснить, была ли связь между историей троллей и только что услышанным в храме. Стен напряженно пытался вспомнить, что именно ему говорили тролли о связи между войной с маленьким народцем и масридами. Каким-то образом гномы, которые вели постоянные битвы с троллями, начали использовать магию. Магию, которая заваливала туннели и вызывала землетрясения. Благодаря сведениям, полученным от пойманного гнома, тролли проследили связь между людьми и гномами. «Может ли быть, что магию творят в том монастыре, о котором говорил священник? — стал размышлять Стен. — Но Альбус Сунас служит Божественному Свету на небе. Какая тут связь с землей, с царствами гномов и троллей?»

Теперь, когда он более детально обдумал все это, то обнаружил слабые места в своих предыдущих размышлениях. Конечно, он мог поверить в любые подлости, совершенные масридами и их сообщниками, но, хотя Альбус Сунас и совершал ужасные вещи, Стен не верил, что священники могут обладать такой властью над недрами. С другой стороны, Цорпад, без сомнения, заключил союз с маленьким народцем и явно затеял что-то совсем недоброе, в этом Стен был абсолютно уверен. «Нужно раздобыть больше информации, нужно название монастыря, о котором говорили священники, — решил Стен, — и нам нужно знать, что именно затевают братья из ордена».

Если прорицательница прокричала предостережение священникам Альбус Сунаса незадолго до своей кончины в огне, значит, возможно, она считала это невероятно важным, и именно здесь был ключ к разгадке. Следовательно, нужно отыскать этот ключ. «Если бы можно было поговорить с каким-нибудь прорицателем, — с тоской подумал влахак, — тогда мы больше бы узнали».

Погруженный в свои мысли, Стен быстро шагал через город. «Наверное, стоит умолчать о некоторых вещах, иначе тролли, чего доброго, сегодня ночью нанесут визит в храм, а это может закончиться совсем печально. Хотя я бы с удовольствием посмотрел на лица отважных братьев при этом...»

Однако, прежде чем влахак добрался до Апаса, его вдруг кинуло в жар, потому что он подумал еще об одном обязательстве. Он в нерешительности остановился. Стремление немедленно бежать к Флорес было почти неодолимым. «Она уж точно задаст мне перцу, вне всяких сомнений, но сестра должна знать, что я жив».

Стен повернулся и помчался назад, по направлению к центру города, где его сестра-близнец снимала комнату. «Может быть, ее даже и нет сейчас в Теремии, — думал Стен, но затем ему пришла в голову другая мысль: — Тогда у нее будет очень много времени, чтобы еще больше разозлиться на меня!»

Натиоле, разлегшийся на полу, дышал тихо и равномерно. Мятажник покидал комнату очень редко, чтобы лишний раз не попадаться на глаза масридам. Друзья часто засиживались допоздна, болтая обо всем на свете.

К счастью, Натиоле сдался и перестал убеждать ее в необходимости борьбы за свободу, теперь они почти не спорили. Поначалу влахак был очень упрям, но она просто отказывалась его слушать.

Флорес, улыбаясь, села на край кровати. Она нащупала кружку, сделала глоток. Холодная вода потекла в горло словно лучшее вино. Девушка брызнула водой себе в лицо, чтобы прогнать сон.

Их вечера воспоминаний всегда заканчивались вином. Натиоле очень любил некоторые сорта, да и Флорес с удовольствием его поддерживала. Но вчера она отказалась пить, хотя и вызвала волну насмешек со стороны друга. Ее ждала работа, поэтому девушка хотела быть свежей и выспавшейся.

В этот момент Натиоле с вздохом повернулся на импровизированной постели. Флорес вгляделась в лицо старого друга, он полностью завернулся в грубое шерстяное одеяло, торчала только голова. Во сне черты его лица расслабились, он казался спокойным, более доверчивым, что ли. На его щеках появилась темная щетина. Лицо было молодое, без морщин. Белый, едва заметный шрам пересекал бровь над левым глазом. Но Флорес знала, что на его худом теле был не один шрам. «Шрамы — это напоминания об ошибках, которые мы совершили, — философски отметила влахака, — чтобы мы не забыли о них и больше не повторяли». Она была благодарна духам за то, что сама, несмотря на свою небезопасную профессию, до сих пор получила лишь два ранения, которые оставили заметные следы. «Вот если бы не делать ошибок...» — усмехнувшись, подумала она, по тут ее мысли прервал стук в дверь.

— Я сейчас! — крикнула она, быстро подскочила, пытаясь по струящемуся в комнату солнечному свету определить, который час. Она-то была уверена, что у нее еще достаточно времени, чтобы собраться.

«Неужели я так долго спала?» — удивилась она, лихорадочно набрасывая на себя одежду.

От стука проснулся Натиоле. Он сонно заморгал, но затем, быстро придя в себя, кое-как собрал свои вещи в кучу и забросил за кровать Флорес. Через миг мятежник замер рядом с дверью так, чтобы та закрыла его от глаз посетителя. Флорес, которая ожидала увидеть рассерженное лицо нанимателя, вместо этого обнаружила за дверью человека в плотном плаще с капюшоном, опущенным до бровей. «Что-то закутанные в плащи посетители зачастили», — сердито подумала она.

— Да, — настороженно сказала девушка. Торговец Хернад, который нанял ее, был пониже, потолще и не такой широкоплечий, как этот неизвестный посетитель. — Чего надо?

— Прекрати спрашивать ерунду и впусти! — ответил незнакомец голосом ее негодного брата.

Флорес с силой захлопнула дверь прямо перед носом близнеца и поплелась назад к кровати. Позади нее Натиоле вновь распахнул дверь и кивнул надутому Стену, чтобы тот заходил.

— Милости прошу и давай праздновать, — рассмеялся Натиоле, тепло обнимая друга. — У нас еще осталось немного красного с южных виноградников.

Стен молча переступил порог и осмотрел комнату.

— Неужели вы живете здесь во грехе? Вот если бы об этом узнал орден Альбус Сунас...

Флорес обернулась, гневно сверкнув глазами.

— У тебя нет ни малейшего права говорить что-либо о моей жизни, Стен! Или, может, это за мной гонятся все собаки страны?

— Теперь уже не гонятся, — смеясь, сказал Стен, откидывая капюшон и подмигивая ей, что еще сильнее вывело ее из равновесия. — В настоящее время враги считают меня

мертвым.

— Не только враги, брат, не только они, — мрачно ответила Флорес и с удовлетворением отметила, как угасла улыбка Стена.

Несмотря на лишения, которые, по словам Натиоле, Стен пережил за последнее время, выглядел он исполненным энтузиазма, как, впрочем, и всегда. Его красивое, благородное, с темными глазами лицо, которое так походило на ее собственное, но при этом все же было немного другим, покрывала легкая бледность, но в остальном Стен вовсе не напоминал жертву палачей Цорпада.

— Я знаю. Мне жаль, Флорес. Я пришел так быстро, как только смог. Разве Нати не рассказал тебе?... — начал было он, но Флорес пылко перебила его:

— Ну почему же, рассказал. Он сообщил мне о твоих приключениях и о твоих новых союзниках. А также о том, где и при каких обстоятельствах ему пришлось тебя оставить. Кажется, на тебя устремилось полдюжины всадников Цорпада... Что-то такое... Он рассказал мне все!

Бросив гневный взгляд на Натиоле, который тут же поднял руки, как бы защищаясь, Стен прошипел:

— Наверное, лучше ему было придержать язык. Все было не так уж плохо...

— Вот именно, — поддакнул Натиоле, однако замолчал под пылающим гневом взором Флорес.

— Стен, я уже выпила за твою смерть. Так что теперь она — факт, для меня ты умер!

— Я же сказал: мне жаль, — с мольбой сказал ей брат, но Флорес продолжала бушевать.

— Мне тоже, Стен, мне тоже жаль. Но было бы лучше, если бы ты сейчас ушел. Я жду человека, и тебе лучше с ним не встречаться.

— Флорес... — начал Натиоле, но влахака перебила.

— Сейчас, когда вы вновь объединились, ты можешь пойти с ним, не так ли, Нати? У вас же наверняка есть еще пара важных дел, которые нужно уладить и спасти несколько беззащитных девиц.

Старый друг оскорбленно посмотрел на нее, но затем молча сложил пожитки. Под холодным взглядом Флорес брат молчал, хотя и пытался поймать ее взгляд.

«Если он будет продолжать в том же духе, то погибнет, рано или поздно, — подумала Флорес, — а я не хочу пережить это снова». Она избегала взгляда брата и даже не моргнула, пока Натиоле не собрался и не присоединился к нему.

— Спасибо за гостеприимство, — сказал влахак, с которым она еще накануне вечером шутила и смеялась, и отвернулся.

— Сестра... — начал было Стен, но Флорес накинулась на него.

— Мой брат умер от рук Цорпада. Ты — не мой брат, ты всего лишь мятежник без имени. Лучше держись от меня подальше!

— Если ты изменишь вдруг свое мнение, то ты можешь найти меня на складе в порту, он принадлежит...

— Это меня не интересует! — сердито крикнула она.

Не говоря больше ни слова, оба мужчины вышли. Когда дверь закрылась, ноги Флорес неожиданно подкосились и она села. Горло сжалось в конвульсиях, а на глазах выступили слезы. Все ее напряжение неожиданно разрядилось громкими всхлипами. Она повалилась на кровать и расплакалась. «Возможно, когда-нибудь мой брат вернется, — подумала она, — но этого не случится, пока жив этот народный герой!»

После завтрака она наконец успокоилась, ее пальцы перестали дрожать. Гнев на брата, так неожиданно появившегося, сменился печалью, но затем она вновь почувствовала злобу. «Как он посмел, — зло думала Флорес, — вот так просто прийти ко мне, будто ничего не было! Неужели он никогда не думает о других?»

И хотя тоненький голос внутри нее говорил, что Стен постоянно думает о других и

ставит благополучие влахаков выше своего, она отказывалась простить его. Непонятным образом ей почему-то хотелось его ненавидеть. Может, потому, что новость о его смерти очень сильно поразила ее, она очень боялась еще раз пережить такое. Было бы лучше порвать с ним все отношения, тогда будет проще перенести неизбежную новость о том, что его казнили или убили уже на самом деле.

С такими мрачными мыслями Флорес облачилась в кожаные доспехи и накинула на плечи серую накидку. Опоясавшись мечом, она вышла под утреннее солнце и направилась к своему заказчику. После нескольких дней отдыха и безделья кожаные доспехи немного жали, но она уже давно привыкла к ним, и это ей совсем не мешало. Нагрудники из плотной кожи, на которые были нашиты металлические пластины, защищали ее торс до самых бедер, на предплечьях и голених были наручи и поножи. В целом ее доспехи были довольно надежны и при этом не очень тяжелы, они вполне устраивали Флорес, учитывая ее стиль фехтования, быстрый и подвижный, с легким и узким мечом.

Масриды сражались иначе, у них были широкие и тяжелые мечи, так как они в основном бились на лошадях и при атаке все мог решить единственный удар. К тому же они предпочитали тяжелые доспехи, защищавшие от мощных прямых ударов. «Они просто лупят в лоб, не обращая внимания на слабые места противника и не пользуясь этим», — злорадно думала Флорес, лаская гарду своего меча.

В это время суток улицы Теремии были полны народа. Горожане направлялись по своим делам, спешили на рынок, толкались в лавках и палатках. Флорес ловко лавировала в толпе прохожих.

Два раза патрули из крепости недоверчиво посматривали на нее, но никто не остановил девушку, когда она вошла в Сцералы, самый богатый квартал города, где жили дворяне и торговцы Теремии, которые, естественно, большей частью были масридами и сцарками.

Сцералы находился почти у самой цитадели Ремис, на небольшой возвышенности, поэтому не страдал от частых наводнений и пользовался полной защитой крепости.

Мощеные улицы здесь были чище, а дома богаче и больше, чем в остальной части города. Многие строения украшали разноцветные фрески, они изображали гербы или геральдические символы владельцев. Деревянные балки были украшены резьбой. Здесь было даже несколько настоящих дворцов, окруженных садами. Разумеется, Флорес еще никогда не бывала ни в одном из них.

Дом ее заказчика не выделялся на фоне остальных. Стены слева и справа от входной двери украшали изображения горных вершин в белой гряде облаков. Эти картины служили намеком на прозвище Хернада, которого многие часто называли Гора, что ему очень нравилось и что он поощрял. А так как торговец был на целую голову ниже Флорес, этот факт всегда очень смешил ее. Хернад был богат и известен своим влиянием при дворе, поэтому никто ему не перечил.

После настойчивого стука дверь открыла служанка, которая уже знала Флорес и без лишних вопросов пропустила ее на задний двор, где готовили карету. Двое слуг запрягали больших темных лошадей, темноволосый мальчик щеткой чистил сиденья.

Флорес, скучая, прислонилась к стене, наблюдая за работой прислуги. Часть внутреннего двора была вымощена брусчаткой. Неожиданно одно из животных задрало хвост, и на камни посыпались конские яблоки. Один из слуг, отчаянно ругаясь, принялся убирать навоз лопатой.

Карета была просто шикарной: открытый экипаж темного дерева, внутри выкрашенный в светло-серый цвет, металлические части позолочены и отполированы до блеска. Флорес спокойно наблюдала за происходящим, пока во дворе не появился Эцро, один из телохранителей Хернада. Девушка оторвалась от стены и постаралась отойти, чтобы не привлекать к себе внимание.

Сцарк и влахака постоянно соперничали, это всегда создавало напряжение. Флорес не переносила Эцро, поэтому сейчас лишь сдержанно кивнула и медленно зашагала по двору. Однако воин либо не понял, что девушка не желает общаться с ним, либо проигнорировал ее

намек и подошел. На ссарке тоже были доспехи, но поверх них Эцро надел серый камзол с гербом сеньора. Накидка Флорес тоже была светло-серой, ее девушке вручил Хернад, который всех своих подчиненных и слуг обряжал в этот цвет.

Будучи масридом, Хернад, естественно, принадлежал к высшему слою общества. Захватчики занимали привилегированное положение, даже не имея в собственности земли и слуг. При этом каждый масрид считал само собой разумеющимся тот факт, что он выше влахаков.

— Тебе еще нужен камзол, — быстро начал Эцро, и Флорес удивленно посмотрела на него.

— Камзол? И что мне делать в нем, танцевать? — ядовито спросила она.

— Нет, нет, гербовый камзол. У господина сегодня аудиенция в крепости.

— Сейчас, в полдень?

— Ближе к вечеру, но перед этим он хочет нанести несколько визитов. Так что радуйся, наемница, получишь много денег за простую работу! — съязвил ссарк.

— Ты меня порадовал, Эцро. Эй, подожди, ты слышишь? — неожиданно спросила Флорес и нарочито комичным жестом приложила руку к уху. — Не зовет ли тебя твой господин? Разве ты не должен, поджав хвост, бежать к нему?

Ссарк свирепо зыркнул на девушку, но та выдержала его взгляд и с вызовом улыбнулась в ответ. Сейчас у нее был подходящий настрой, чтобы преподать достойный урок этому заносчивому вояке, внутри все просто бурлило после посещения брата-близнеца.

Автоматически оба воина напряглись, оценивая друг друга, готовые в любой момент отразить нападение. Однако дело до рукоприкладства не дошло. Резко распахнулась дверь, и во двор вышел Хернад. Эцро сразу же подскочил к своему господину, отчего Флорес лишь закатила глаза. Про себя она сравнила ссарка с врасей, большим короткошерстным псом, излюбленной породой масридов, хотя, возможно, такое сравнение было несправедливо по отношению к благородному животному.

Казалось, что с их последней встречи торговец еще больше округлился. На свое роскошное серебристо-серое одеяние, покрытое искусной вышивкой, он накинул темный мягкий плащ с широкой оторочкой из темного меха. На голове у масрида была плоская круглая темно-коричневая меховая шапка. Такие обычно носили масриды и ссарки для защиты от холода.

Не теряя ни мгновения, Хернад принялся гонять слуг, проверяя карету. Своим гнусавым голосом он указал на ошибку, которую, по его мнению, допустили при чистке обивки сидений. В следующее мгновение он обозвал мальчика глупцом, не способным даже на элементарную работу. Тот с покрасневшим лицом стоял потупившись, а Хернад все не унимался, и Флорес заметила, что мальчишка уже недалеко от того, чтобы расплакаться.

Поэтому, прежде чем масрид успел довести несчастного ребенка до слез, она подошла к нему и склонила голову.

— Приветствую вас, господин! Как вы и желали, я прибыла, чтобы сопровождать вас.

— Что? — Хернад отвлекся от слуги, но быстро переключился на нее. — О да. Почему на тебе нет камзола с гербом?

— Мы как раз хотели... — начал было Эцро, но Хернад не дал ему вымолвить больше ни слова.

— Я же сказал, что хочу видеть всех солдат в камзолах, Эцро!

Предупреждая любые возражения и протесты подчиненного, масрид указал на дверь.

— Иди и принеси наемнице камзол с гербом!

Не обращая больше внимания на воина, Хернад позвал камердинера Ковасца, пожилого масрида.

О мальчике торговец уже, по всей видимости, позабыл, поэтому тот потихоньку улизнул. Но, прежде чем прошмыгнуть в конюшню, он послал Флорес благодарный взгляд, а девушка подмигнула и улыбнулась. Но затем ее взгляд упал на Эцро, который стоял у двери и свирепо глядел на нее. Девушка широко улыбнулась ссарку, а потом беззвучно гавкнула. С

перекошенным от ярости лицом сцарк исчез в господском доме, а Флорес подошла к карете.

Злость на Стена и Натиоле Флорес выместила на Эцро, и теперь она терпеливо ходила за Хернадом, который обошел карету, внимательно проверяя каждую деталь. Очевидно, торговцу был очень важен безупречный вид, неудивительно, раз он получил аудиенцию у самого хозяина Теремии.

Вскоре вернулся Эцро с камзолом, бросил его Флорес, которая сразу же его надела.

— Тебе следует прикусить язык, баба! — прошипел сцарк, когда его господин оказался по другую сторону кареты и разговаривал со слугами.

— Почему это? — с невинным видом спросила влахака.

— Кое-кто может и поколотить тебя!

— И кто же? — спросила Флорес с наигранным удивлением. — Неужели ты говоришь о себе?

И когда воин кивнул с мрачным видом, Флорес рассмеялась и обронила:

— Если бы ты был таким хорошим воином, то стал бы твой господин тратить на меня свое серебро, как думаешь?

На что сцарк зло возразил:

— На тебя меня хватит, баба.

Шаг — и Флорес очутилась рядом и холодно прошипела:

— Оставь при себе слово «баба», пока не победил ни словом, ни делом, Эцро. А тот день, когда ты в драке одолеешь меня и о котором ты можешь только мечтать, станет днем, когда я повешу свой меч над камином!

Прежде чем ситуация успела накалиться до предела, из-за кареты появился Хернад и крикнул:

— Мы отправляемся! Эцро, ты садись рядом с Ковасцем сзади, Флорес со мной в карете. Остальные маршируют позади. Ну, пошли, давайте, давайте, побыстрее!

Пока вокруг суетились люди, Флорес и Эцро еще несколько мгновений пожирали друг друга глазами, затем влахака улыбнулась, прикоснулась двумя пальцами ко лбу, после чего залезла к Хернаду в карету, больше не удостоив сцарка и взглядом. Тяжелый экипаж тронулся, порядком встряхнув пассажиров. К счастью, на сиденьях была мягкая обивка.

По пути Хернад молчал, поэтому Флорес предалась собственным мыслям. Девушка неохотно бралась за работу в Теремии, о иногда этого было просто не избежать, ведь нужно же было на что-то существовать. Влахака жила инкогнито, отказавшись от фамилии, для окружающих она была просто Флорес, наемница, никто даже не предполагал, что она сестра мятежника, разыскиваемого по всей стране. Это устраивало Флорес. С одной стороны, она не хотела иметь ничего общего с вольными влахаками, а с другой — враги ее брата не преминули бы разыграть такую козырную карту, чтобы выманить его. Первоначально она направилась из Дезы в Турдуй, там она была дальше всего от родного Дабрана и чувствовала себя в большей безопасности.

Однако после нескольких поездок в Теремию вместе с торговцами ей стало ясно, что и в Теремии ее никто не узнает. «Если только солдаты не проследуют за этим болваном, моим братцем, прямехонько к моей двери!»

Возможно, сейчас было бы неплохо переселиться куда-нибудь, например в Турдуй или Брацац — резиденцию Ласцлара Сциласа, третий по величине город страны. Пока Стен находится в Теремии и, очевидно, готовит беспорядки, никто не может чувствовать себя в полной безопасности.

За всеми этими мыслями она скоротала дорогу, и уже скоро они добрались до первой цели своего путешествия, усадьбы масридского дворянина низкого ранга, имя которого было влахаке неизвестно.

Натиоле Таргузи. В ушах еще звенели слова сестры, которые глубоко ранили сердце. Он хотел бы рассердиться на Флорес, которая оттолкнула его от себя (настоящая эгоистка!), но у него не было на это сил, он чувствовал лишь печаль и отчаяние.

— Ты думаешь, она говорила серьезно, Нати? — осторожно спросил юноша.

— Чепуха! Просто она такая же, как и ты, упрямый козел. Или нет. Она, скорее, упрямая ослица. Скоро она перебесится, — попытался утешить друга Натиоле.

— Ее голос был такой... сердитый, — возразил Стен.

— Да. Но таковы все авантюристы из Дабрана: быстро впадают в ярость, но так же быстро прощают.

— Авантюристы? — переспросил с улыбкой Стен.

— Авантюристы, — решительно подтвердил Натиоле. — Другие люди действуют, прислушиваясь к голосу разума, вы же думаете сердцем. И ты, Стен, не лучше ее, старик.

— Как-как, старик? — наигранно сердито переспросил Стен.

— Она уже схоронила тебя, Стен, — неожиданно серьезно сказал Натиоле. — Она считала тебя мертвым. Это ранит душу очень глубоко, залечить такую рану непросто.

— Я знаю. Но ее слова звучали так... однозначно.

— Поговори с ней через какое-то время, когда она немного придет в себя. У нас сейчас и без этого полно дел, сам подумай. Иначе зачем бы ты очутился в Теремии?

— По многим причинам, — признался Стен. — И все они из разряда тех, что так ненавидит Флорес.

— Что ты имеешь в виду? — в замешательстве переспросил Натиоле.

— Что всегда есть более важные вещи. Важнее, чем семья. Чем кровные узы. Важнее, чем моя сестра, — задумчиво заявил Стен.

— Я не знаю, — признался Натиоле. — Но я верю: то, что мы делаем, правильно. И Флорес когда-нибудь поймет это, Стен. Поверь мне. Сейчас она сердита и обижена, но она — твоя сестра. И она любит своего брата.

— Ты знаешь, как нам тогда было в Дезе, — начал Стен. — У нас больше никого не осталось. Мы потеряли все: семью, будущее — все, что имело для нас значение.

— Я знаю, — тихо сказал Натиоле.

— Конечно, мы и раньше были близки, но только в Дезе мы по-настоящему почувствовали, что... мы вместе. Я не хочу потерять ее.

— Ты не потеряешь. Просто на нее твоя мужская привлекательность совсем не действует. Другие женщины смотрят в твои глаза и прощают любые прегрешения, но Флорес... она... влепит тебе синяк! — неудачно сострил Натиоле.

Однако Стену, казалось, было не до смеха, он стал неожиданно очень обеспокоенным.

— Эй, что случилось, Стен? Ведь уже не в первый раз она выгоняет тебя с треском, — спросил Натиоле.

— А ты никогда не спрашивал себя, какой в этом прок? — спросил Стен и внимательно посмотрел на друга.

По всей вероятности, Натиоле еще никогда не задавался этим вопросом и лишь наморщил лоб.

— В чем, в этом?

— Война. Сражения, кровопролитие, жизнь в бегах, риск...

— Мы боремся за свободу, Стен. Что с тобой? — обескураженно спросил Натиоле.

— Свободу, да. Но от чего мы при этом отрекаемся, что мы крадем у себя самих? Разве мы не могли бы просто жить где-нибудь с семьей, обрабатывать свое маленькое поле? Просто жить?... В мире с собой и со всем светом...

— Под гнетом Цорпада? Ты что, спятил? — возмутился Натиоле.

— Я не знаю. Иногда я чувствую, что безумно, дико устал, что просто не могу все это больше выносить...

— Такое иногда случается со всеми нами, Стен. С каждым из нас. Но подумай только... У тебя и твоей сестры было все это — земля и мир... и у вас все это отобрали. Не за какую-

то провинность, а просто так. Цорпад и его слуги. Ты борешься против несправедливости, мы все боремся против нее.

— Я боюсь, что мы станем такими, как они, — прошептал Стен.

— Как кто? Как масриды?

— Нет, как тролли. Полны ненависти. Для них все в мире — борьба, все — война!

— Ну что такое? Мы не тролли! Но это... — запнулся Натиоле, не закончив предложения.

— Ты прав, Нати, — сказал Стен без особого энтузиазма. — Только у меня появились сомнения. В чем смысл? И по какому праву мы делаем то, что делаем? Разве ты иногда не тоскуешь по обычной, простой, мирной жизни?

Посреди улицы Натиоле резко остановился, схватил Стена за плечи и заглянул прямо в лицо.

— Ну почему же, каждый день, каждый трижды проклятый чертов день я не желаю ничего сильнее, чем наконец закинуть подальше меч. Ты думаешь, у меня нет других мечтаний, кроме как прятаться по затхлым погребам? Знаешь, чем бы я занимался гораздо охотнее? Подыскал бы себе небольшой клочок земли, выращивал бы на нем виноградную лозу, каждый день пил по паре стаканов своего вина и... спросил бы обязательно твою упрямую сестру, не хочет ли она составить мне компанию... Но я знаю, что это не так просто. Мы не обречем мир, Стен, возможно, даже тогда, когда все закончится и кости Цорпада сгниют в холодной земле. Мы слишком много пережили, слишком много повидали. Но другие смогут жить в мире, если мы победим. Наши дети смогут вырасти в мире. За что борюсь я, Стен? Чтобы у страны было будущее!

Некоторое время старые друзья смотрели друг другу в глаза, после чего Стен опустил взгляд.

— Прости меня. Ты прав. Это просто... — начал он. — Тролли показались мне нашим отражением. Ненависть к врагам... Я вижу в этих чудовищах нас: горстка отчаянных и отчаявшихся, бредущих по чужой земле среди незнакомых, людей. Мы станем такими, если не будем осторожны. И я спрашиваю себя, к такому ли будущему мы стремимся? Нельзя потерять в этой войне самих себя, Нати. Иначе мы будем не лучше троллей или даже Цорпада и его палачей!

Натиоле задумчиво покусывал нижнюю губу.

— Наверное, ты прав. Но мы не как тролли, и мы не станем такими же, как они, поверь мне.

Стен с благодарностью посмотрел на друга. Слова Флорес заронили в его душу сомнения, которые попали на благодатную почву. Юношу одолевало гнетущее опасение, что в конце пути не останется ничего, что бы отличало их от масридов. Мятежники нападали на угнетателей, ведомые высокими целями. И они убивали. «Но у нас есть принципы, и мы не отступаем от них. Мы воюем не как тролли, гномы или даже Цорпад, для которых на пути к победе все средства хороши. Мы другие», — мысленно успокаивал себя Стен догоняя Натиоле, который медленно брел по улице. Этот долговязый влахак всегда был настоящей поддержкой для Стена. Вот и сейчас слова Нати вырвали его из темной пучины сомнений, придали ему новые силы и возродили надежды.

— В будущем мы должны быть намного осторожнее, иначе ты снова окажешься подвешенным в клетке в лесу и встретишь еще каких-нибудь монстров, — заявил Натиоле, кивнув в сторону двух солдат Цорпада, которые тащились по улице им навстречу.

Пробормотав что-то в знак согласия, Стен последовал за своим другом в сторону порта, пониже натянув капюшон.

— А скажи мне, почему ты вообще еще здесь? Ты предупредил Ионну? — неожиданно поинтересовался Стен, когда его мысли наконец упорядочились и он овладел собой.

— Не беспокойся, — усмехнувшись, ответил Натиоле. — Я не забыл об этом. Я встретил Октеиу, как только прибыл сюда. И он отправил гонца. Так что все улажено.

Стен улыбнулся и похлопал друга по плечу.

— Тогда нам остается только освободить заложников, низложить Цорпада и изгнать масридов из Влахкиса! До ужина успеем?

Натиоле с усмешкой пожал плечами, когда Стен взглянул на него в поисках поддержки. В сумеречном свете помещения Стен едва мог разглядеть своего друга, за толстыми стенами склада едва начинался вечер, и сюда не падало ни одного луча солнца, лишь маленький простой фонарь дарил немного света.

— Зачем мы вообще сюда пришли? — Пард свирепо повторил свой вопрос.

— Чтобы получить информацию. Только... — начал было Стен, но Пард перебил его.

— Да! Но, к сожалению, мы должны сидеть здесь, пока ты что-то делаешь и рассказываешь нам небылицы!

— Я не рассказываю небылиц, — возмущенно возразил Стен. — Я сообщаю о том, что узнал. Я все-таки смог пробраться в проклятый храм и отыскать там кое-что интересное!

— Замечательно, — сердито рявкнул Пард, однако в этот момент Друан положил руку на плечо здоровяку.

— Мы уже говорили об этом, Пард. Иначе не получается. Мы все охотно делали бы больше, но сейчас нужно довериться Стену, — спокойно объяснил тролль, и остальные согласно закивали.

— Да, да, давайте спокойно поговорим! — презрительно прошипел Пард. — Говорить, говорить, говорить! Мы здесь, чтобы действовать! Чтобы спасти свой народ!

— Но я кое-что обнаружил, — вмешался Стен. — Разговор, который я подслушал...

— Что-то перебор по разговорам! Я говорю: мы должны схватить одного из этих магов солнца. И когда я вырву ему руки, тогда можно и послушать, что он скажет! Такие разговоры гораздо интереснее! — выпалил Пард с демонической ухмылкой.

— Нет! — сказал Стен. — Я узнаю, о каком монастыре они говорили.

Сначала казалось, что Пард хотел что-то возразить, но потом он оглянулся на остальных троллей, которые сейчас были на стороне Стена, и покачал головой.

— Как люди. Если бы, до того как мы пришли сюда, кто-нибудь сказал, что так будет, я бы рассмеялся!

— Это слишком опасно, Пард. Чего ты хочешь добиться? Если придут солдаты, тогда придется бежать или умереть. Здесь негде прятаться, а их слишком много, — заявила Анда.

— Когда мы доберемся до этого монастыря, тогда уж они не смогут так просто от нас отделаться, тогда мы все сделаем по-нашему, как тролли, — заявил Пард Стену, стукнув кулаком, отчего тот только устало закатил глаза.

— Я ни от кого не отделяюсь. Я пытаюсь помочь. Почему это не помещается в твоей твердолобой башке?

В два шага Пард очутился перед Стеном и склонился над человеком, причем казался поистине гигантом.

— Следи за словами, малыш!

— Ну, ладно, ладно, мне жаль, — извинился Стен, уворачиваясь от тролля. — Но научись доверять мне. Разве я до сих пор не помогал вам?

— Ты позволил сбежать полугному, — ответил Пард с мрачным удовольствием от того, что ему удалось поймать Стена на лжи.

— Он не полугном, и он неопасен, он бы только задерживал нас.

— Если он был неопасен, тогда мы могли его завалить, — сразу нашелся Пард. — Ой, я ж забыл. Мы же все милые... люди!

— Да нет. Это просто не имело смысла, — окончательно потерял терпение Стен и обернулся к Друану. — Мне с Натиоле нужно уйти. Мы встретимся с нашими друзьями. Готовьтесь выбираться из города, скорее всего, мы исчезнем уже сегодня ночью, в крайнем случае завтра.

— Хорошо, — ответил Друан, — мы подождем. А затем, обернувшись к Парду, тролль добавил: — Нам всем это не нравится. Но, тем не менее, мы сделаем так, как он хочет.

Стен, бросив последний взгляд на здоровяка, мрачно озиравшегося вокруг, наконец покинул темный склад и вышел в гаснущий день, который скоро должен был уступить место ночи. Заходящее солнце залило порт Теремии жидкой медью лучей.

Вслед за Натиоле Стен брел по направлению к явке, местоположение которой им сообщила Линорел через Костина. Там должны были собраться все оставшиеся в Теремии мятежники и обсудить дальнейшие планы. Для Стена все было однозначно: заложников нужно обязательно освободить из рук Цорпада, потому что с началом войны они потеряют свою ценность как средство политического давления. Князь масридов, вероятно, казнит их в назидание другим и попытается сломать тем самым моральный дух влахаков. «Цорпад точно знает, насколько Висиния дорога своей сестре и всем вольным влахакам», — подумал юный воин. Он не решался даже подумать о возможной потере. Цорпад не подозревал, что его планы раскрыты, и у мятежников пока была возможность освободить заложников.

Стен сделает все, чтобы спасти Висинию и... сказать ей то, что не смог произнести год назад. Погруженный в такие размышления, влахак спешил за другом, не замечая, как на небе появились первые облака.

Подвал был маленький и пыльный, заваленный всякой рухлядью. Немногие мятежники, пришедшие на встречу, разместились в ужасной тесноте. Стен и Натиоле устроились на старой бочке, и, кажется, оба уже загнали себе по паре неприятных заноз. Напротив них у стены стояла Линорел сал Долеорман, перепачканная побелкой и пылью. Костин Краlea примостился на изломанном табурете с двумя ножками. Отважный художник, всегда готовый пошутить, грыз яблоко и, казалось, прекрасно себя чувствовал среди мусора и хлама; единственное, что его заботило, — это как бы удержать равновесие. Прямо на полу расположилась Аурела Дан, маленькая и изящная, с темными волосами, собранными в высокий пучок, в простом синем платье. Она была служанкой в каком-то трактире, ее муж даже не подозревал об ее участии в организации мятежников. Аурела вежливо отклонила любезное предложение художника поменяться местами и теперь сидела у ног Костина и то и дело смахивала с лица выбившиеся пряди. По словам Линорел, женщина на удивление ловко обращалась с отмычками и могла передвигаться почти бесшумно.

«Пятеро против армии Цорпада, — подумал Стен. — Скажем прямо — плохая перспектива», но он оставил эти мысли при себе и лишь широко улыбнулся.

— Рад вас видеть в этом уютном подвале! — начал он, но его тут же засыпали вопросами.

— Как тебе удалось уйти? Что было в крепости Ремис? Почему они тебя не убили?

— Ну, Цорпад в своей неизменной мудрости и доброте перепоручил мятежника милости леса, но лес не захотел принять меня, — с усмешкой ответил Стен.

— Он — бешеный пес, у него больше везения, чем разума, — перебила Линорел. — Поэтому он еще и жив.

— Чепуха, — заявил Натиоле. — Он просто упрямее смерти!

Последние слова вызвали взрыв смеха, который, однако, немедленно стих.

— Вообще-то я сейчас был бы мертв, если бы не встретил кое-кого, кто спас меня. В общем, это довольно странная история.

И влахак вкратце рассказал собравшимся, как он попал в руки троллей и что узнал от них. Когда Стен описывал Ауреле, что представляют собой тролли, Линорел и Натиоле участвовали, подкрепляя рассказ красочными словами и жестами.

— Проблема в том, что кто-то помогает маленькому народцу уничтожать троллей. Я предполагаю, что это Цорпад, и делает он это при помощи ордена Альбус Сунас. Гномы оказывают ответную услугу, но, к сожалению, мы точно не знаем, в чем она состоит, — сообщил Стен.

— По всей видимости, это означает, что будет война, — констатировала Аурела, и Стен с Линорелой согласно кивнули.

— Да. Он хотел бы напасть неожиданно, и тогда мы едва ли сможем дать достойный

отпор. Быстрый жесткий удар по Дезе, в сердце мятежа, и сопротивление перестанет существовать. И тогда Цорпад сможет основательно заняться остальными претендентами на трон Аркаса Диммину, в войну будет втянута вся страна.

В этот момент мятежники услышали шорох на верхней лестничной площадке, тихий скрип, словно кто-то очень тихо открывает дверь. «Ищейки Цорпада!» — подумал Стен, и ему вспомнилась ночь, когда его схватили.

Не мешкая, все обнажили оружие. У Линорел, Стена и Натиоле были короткие мечи, а у Костина и Аурелы — тяжелые кинжалы. Стен и Линорел прижались к стене слева и справа от двери, готовые в любое момент нанести удар. С отчаянно бьющимся сердцем Стен ждал услышать крик стражников, однако вместо этого прозвучало тихое: «Тиреа!»

— Отбой. Это Октеиу, — с облегчением прошептала Линорел и спрятала оружие.

На лестнице действительно появился еще один влахак и осмотрелся. Стену мало что было известно об этом человеке с каштановыми волосами, за исключением того, что он уже давно сотрудничает с мятежниками в Теремии. Заметив Стена, Октеиу вздрогнул и даже отступил на шаг назад.

— Не волнуйся, я не дух! — рассмеялся Стен и похлопал мужчину по плечу.

— В за... в записке Линорел говорилось, что будет какой-то сюрприз, — запинаясь, заговорил Октеиу, одетый как обычный ремесленник. — Но это... это скорее чудо!

— Иногда судьба выкидывает и не такие фортели, Октеиу, — заявил Натиоле, и влахак резко обернулся.

— Что это значит?

— Ничего, ничего. Да успокойся ты.

— Как дела? — спросил Октеиу у Стена. — Тебя пытали? Что-то рассказал?

— Нет, настоящих пыток не было. Есть новости. Но нет времени все повторять. Я расскажу позже. Сейчас могу сказать только одно: Цорпад планирует войну. К счастью, — сказал Стен и кивнул на Октеиу, — Натиоле уже побеспокоился о том, чтобы предупредить Ионну. Ты уже получил весточку от своего гонца, Октеиу?

— Нет, еще нет, — ответил Октеиу. — Но для этого нужно время. В Мардев путь длинный.

— Да, это так. По крайней мере, наши воины встретят Цорпада подготовленными. Но нас ждет еще одна работенка, — продолжил Стен, но Линорел перебила:

— Как только начнется война, заложники потеряют свое значение для масридов. Вы можете себе представить, что это значит.

Каждый из присутствующих знал о жестокости Цорпада. Все хорошо понимали, что произойдет с влахаками, которые оказались в его власти.

— Мы должны выволить их. И нужно побольше узнать о совместных делах Цорпада и маленького народца, — попыток Натиоле.

— К сожалению, это едва ли возможно, Нати, — заявила Линорел. — Их держат в крепости, а она охраняется лучше, чем что-либо в Теремии. Повсюду солдаты. И потом, как мы попадем внутрь?

— А не могли бы мы как-нибудь их выманить? Под каким-нибудь выдуманным предлогом... я даже не знаю, — предложил Костин, но Линорел покачала головой.

— Нет. Цорпада можно считать кем угодно, но только не дураком. Он знает так же хорошо, как и мы, что заложники закрыты в его крепости очень надежно.

— Я не оставляю их! — гневно выкрикнул Стен.

Линорел выдержала его пламенный взгляд, в то время как другие сконфуженно изучали пол и стены.

— Должен быть способ. Должен!

— Возможно... возможно, есть один, — нерешительно произнес Октеиу, после чего все сразу посмотрели на него, и тот нервно сглотнул.

— Что? — удивленно переспросила Линорел.

— Я знаю кое-кого. Служанку из крепости.

— И что? Чем нам может помочь служанка? Постирает нашу одежду? — поинтересовалась Линорел с саркастической усмешкой.

— Нет. Но, вдруг, она сможет открыть нам дверь. Мы же знаем, где держат заложников, да? — спросил Октеиу и, после того как Стен кивнул, продолжил: — Мы должны лишь быстренько проникнуть внутрь, утихомирить стражу и снова выбраться из крепости.

— Это безумие! — констатировала Линорел. — Даже в самый поздний час на стене есть охрана. И если хотя бы один из них подаст сигнал тревоги, то мы все окажемся в ловушке!

— Значит, никому нельзя позволить подать этот чертов сигнал, — мрачно констатировал Стен. — Но ты права, это слишком рискованно. Поэтому я попробую повернуть это дельце самостоятельно. Если что-то пойдет не так...

Натиоле, смеясь, перебил:

— Едва ли, Стен, едва ли. Я в сопротивлении намного дольше тебя, и если кто-то из присутствующих и имеет право бессмысленно отдать свою жизнь, то это, безусловно, я!

— Я серьезно, — заявил Стен с решительным выражением лица.

— Я тоже!

Оба влахака смотрели друг на друга некоторое время. Никто не желал сдаваться.

— Батюшки мои, — вздохнула Линорел. — Будто вас можно отпустить куда-то одних. Если мы и решимся на это самоубийственное мероприятие, то только вместе. Или кто-то хочет выйти из игры? Тогда лучше отказаться сразу.

Но струсивших не нашлось, и Линорел, улыбнувшись, кивнула.

— Сборище чокнутых. Цорпад точно на такое не рассчитывал!

— Только для начала пусть Октеиу выяснит, сможем ли мы пробраться в крепость. Если нет, то все разговоры ни к чему, — заметил Костин, пожав плечами.

— Правильно. Только времени в обрез, поэтому пусть выясняет быстро, сегодня ночью, — заявил Стен. — Тут же провернем аферу и сразу исчезаем из города. Представляю, как будет бушевать Цорпад, когда мы уведем заложников у него из-под носа!

За этой тирадой последовал общий смех. Хотя сказанное, по сути, означало, что собравшимся очень скоро придется рискнуть своей жизнью и вывести заложников из цитадели, а потом умудриться живыми добраться до Мардева.

— Если разразится война, тут станет небезопасно для любого влахака. А Ионне понадобится каждый меч, — решительно заявил Натиоле.

— Договорились, — подытожил Стен. — Октеиу выясняет, сможет ли нам помочь его подруга. Если нет, то я найду другой способ.

— Назначим еще одну встречу? Или вы подождете, пока я все разузнаю, в этом подвале? — спросил Октеиу и стер со лба выступивший пот.

— Нет. Оставаться здесь слишком опасно. Как поговоришь со служанкой, сообщи Линорел, и она вновь соберет нас. Чем меньше каждый будет знать друг о друге, тем лучше, — распорядился Стен, и все закивали.

— Но это не займет много времени, — возразил Октеиу. — Я скоро.

— Нет, нам всем предстоит подготовиться. Поступим так, как предложил Стен, — с нажимом сказала Линорел, и по ее выражению лица стало понятно, что она не потерпит никаких возражений.

— Хорошо, хорошо, — сдался Октеиу и побежал выполнять поручение.

Почти сразу маленькая группа тоже разошлась, попрощавшись друг с другом.

Стен вместе с Натиоле возвращались к порту. Небо потемнело. Над городом повисли густые темные тучи. Было душно. Низкое солнце окрашивало тучи в багровые тона. Скоро солнце окончательно скроется за горизонтом, и теплый, светлый день сменится мрачной ночью. «И тогда наступит время троллей, — подумал воин, — но город не место для троллей. Исчезнут ли и наши надежды вместе с последним лучом?»

День тянулся невероятно медленно, один визит следовал за другим. Иногда охрана сопровождала Хернада в покои, а иногда они оставалась внизу вместе с челядью. Флорес не могла запомнить имена всех, кого посетил Хернад перед высочайшей аудиенцией у Цорпада Диммину. Очевидно, масрид хотел произвести на марчега благоприятное впечатление и снискать особую милость повелителя. Вероятно, в последнее время Хернаду здорово везло в его делишках, раз он так страстно жаждет утвердиться в высшем обществе. «Или же он рассердил Цорпада и тот грозился кастрировать его, если тот немедленно не явится», — злобно подумала Флорес, что, однако, казалось ей наименее вероятным. Хернад был, по большому счету и с сильной поправкой на его масридское происхождение, славным малым. Он даже не гнушался беседой с Флорес во время переездов с места на место и охотно общался с наемницей.

Пока торговец был поблизости, все было спокойно и тихо. Все были вежливы по отношению друг к другу. Но стоило хозяину отлучиться, как Эцро начинал поносить всех влахаков, особенно Флорес. Но девушка игнорировала его пустую болтовню. Ее мысли были заняты братом и своим поведением по отношению к нему. А Эцро не осмеливался затеять настоящую заварушку, ограничиваясь пустыми угрозами.

Излюбленное словечко телохранителя «аферисты» пробудило в ней воспоминания детства, когда они вместе с братом и Висинией вывалили в постель масридскому посланнику целый мешок слизняков. Тот масрид в ярости кричал: «Аферисты!» — и его истошный крик сполна компенсировал последовавшее наказание...

Тем временем наступил вечер. Карета запрыгала по мосту Астони, а потом по булыжникам острова Ксалас, который не принадлежал ни Тересу, ни Ремису. На острове обосновались ремесленники, среди которых были знаменитые резчики по дереву, чьи работы ценились во всем Влахкисе. Когда-то остров Ксалас был освобожден от обязательных налогов, так как ремесленники и художники создавали предметы, которые прорицатели и простые верующие использовали для общения с духами. Но после завоевания масридов эта привилегия была отменена. Каждому, кто изготавливал предметы старых культов, грозило сожжение на костре Альбус Сунаса. Поэтому перед мастерскими были выставлены лишь светские резные работы: детали фронтонов, статуи, посуда, разные сундуки и шкапулки.

Но Флорес не хотелось смотреть на произведения мастеров. Она задумчиво рассматривала вышивку на обивке спинки, когда Хернад неожиданно обратился к ней:

— Сейчас мы направляемся в крепость. Я бы с удовольствием предложил марчегу Цорпаду насладиться сражением в яме. Тебе, наверное, известно, насколько популярны медвежьи бои при дворе? Как ты относишься к тому, чтобы поучаствовать? Я заплачу бы тебе приличную сумму.

Флорес отрицательно покачала головой.

— Нет, господин. Вы же заранее знаете мой ответ.

— Я заплачу в три раза больше обычной цены. А если тебя ранят, то оплачу лучших целителей!

— Тем не менее я отказываюсь, хотя ваше предложение и делает мне честь. Но у вас и без того много слуг, которые умеют сражаться. Например, Эцро, — сказала Флорес, почти не задумываясь, при этом ей сразу же представилась картина того, как сцарк, дрожа от страха, выступает против медведя, и она не удержалась от улыбки.

— Он может держать меч, это бесспорно, но я бы хотел предложить Цорпаду красивое представление, чтобы оставить хорошее впечатление. И твое искусство владения мечом — как раз то, что нужно.

— Боюсь, вам придется обойтись без меня, господин, — Флорес ответила вежливо, но решительно, и торговец, вздохнув, откинулся на сиденье, теребя себя за рукав.

Остаток пути в крепость Ремис прошел в глубоком молчании. Предложение торговца

было щедрым и не имело дурных намерений, но оно тем не менее возмутило ее, так как девушка вспомнила все упреки, которые Натиоле еще совсем недавно швырял ей в лицо. Хотя Флорес и была наемницей, но она была очень разборчива. Влахака охотно нанималась в охранники к торговцам. Но спускаться в медвежьи ямы для увеселения масридов — нет уж! Флорес отклоняла каждое предложение по найму, когда дело касалось налетов или увеселительных боев. А ведь некоторые думали, что продажный меч сделает все за соответствующую сумму денег, любую подлость и любое преступление, но Флорес и, кстати, многие другие наемники, кого она знала, следовали правилам и принципам, не допускающим такого применения их умений.

Карета с грохотом въехала в ворота крепости, и влахака отвлеклась от своих мыслей. Она редко бывала в крепости и поэтому немного нервничала. Вероятно, это была лишь игра воображения, но почему-то она чувствовала себя так, словно попала в ловушку. «Стену с таким трудом удалось уйти отсюда. А я добровольно позволяю привести себя сюда, — подумала юная воительница, но мгновение спустя отбросила эту мысль. — Никто не знает, кто я, здесь я такая же простая наемница, как и в городе».

И все равно под ложечкой неприятно сосало. А когда карета остановилась и они вышли на камни главного двора, стало совсем худо.

Перед ними появился пожилой масрид. Он склонился в глубоком поклоне перед торговцем.

— Благородный Хернад, для меня радость приветствовать вас от имени своего господина.

— Нет, это для меня большая честь, благородный Байца, — церемонно ответил торговец.

— Следуйте за мной, пожалуйста, — пригласил майордом замка и повел Хернада через большие дубовые двери в главное здание крепости, при этом охрана торговца держалась позади на почтительном расстоянии.

Слуги из крепости отвели карету к конюшням, а к эскорту Хернада присоединилось полдюжины вооруженных солдат, облаченных в цвета Цорпада. Кроме Флорес и Эцро, Хернада сопровождали еще два охранника и старый Ковасц. Вероятно, церемониал требовал продемонстрировать необходимое количество слуг, чтобы подтвердить свое богатство, но при этом не превзойти хозяина цитадели.

Дворецкий провел их через помпезный вестибюль крепости, все стены которого были украшены огромными гобеленами. Затем через широкие ворота они попали в большой зал, где Байца оставил их, поклонившись.

В зале уже находилось несколько групп, ожидающих аудиенции, поэтому свита Хернада старалась обратить на себя внимание и произвести впечатление, пока следовала за торговцем через зал. Хернад, казалось, знал каждого из присутствующих и вежливо приветствовал их. В основном в зале собрались масриды, хотя Флорес успела заметить также несколько сцарков и влахаков. Все были одеты с иголочки и тихо шушукались, соблюдая строгий придворный этикет.

Периодически на противоположной стороне зала открывалась маленькая дверь, и человек или группа выходили, в то время как вызывали следующего. «Очевидно, сегодня у Цорпада приемный день. Наверное, его хотят поздравить с успешным проведением казни Стена», — подумала Флорес. Но при мысли о том, как позеленеют лица масридов, когда они узнают о бегстве Стена и его невероятных приключениях, Флорес не смогла удержаться от улыбки. «Насколько я знаю своего братца, пройдет очень мало времени, прежде чем он совершит очередную глупость, которую снова станут воспевать в песнях».

Уже начало темнеть. Охране почти ничего не приходилось делать, просто следовать за Хернадом и делать вид, что ты до чертиков восхищен происходящим вокруг, но Флорес чувствовала себя уставшей и обессиленной. У нее болели ноги, она мечтала о глотке вина. Пустые разговоры, анекдоты, которые, несмотря на полное отсутствие в них юмора, встречались угодливым смешком, все это раздражало. Наконец вызвали Хернада, и торговец

прошел через дверь в покои Цорпада. Слуг, включая даже старого Ковасца, не пропустили, хотя Флорес другого и не ожидала.

Улучив момент, когда на нее никто не смотрит, Флорес подошла к столу с напитками и наполнила кубок крепким красным вином из винограда, который выращивали в Валеодаре. Это вино называли кровью дракона, по названию животного на гербе Ласцлара Сциласа, властителя тех земель и одного из соперников Цорпада в борьбе за трон Ардолии.

Флорес с наслаждением отпила несколько глотков. Девушка подумала, что Брачац, резиденция марчега Ласцлара, пожалуй, вполне достоин стать целью ее следующего путешествия. Погруженная в эти мысли, Флорес сначала не заметила, как среди собравшихся поднялось волнение. И только когда кто-то выругался, она обернулась и обнаружила, что в зале появилась дюжина солдат, которые хоть и вежливо, но настойчиво просят присутствующих проследовать на улицу. Некоторые протестовали, но солдаты Цорпада были непреклонны. Солдатами командовала Скилои Касцон, сцарка, которую очень боялись в городе, так как считалось, что у нее повсюду есть глаза и уши.

Очевидно, никто из солдат не заметил Флорес, которая стояла немного в стороне, поэтому влахака отступила еще на шаг в сторону и укрылась за одной из толстых колонн, которые подпирали высокий потолок зала. С кубком вина в руке девушка обдумывала, что бы это все могло значить, но ничего толкового в голову не приходило.

Предпринимать что-либо было поздно, так как девушка боялась наказания за то, что спряталась. Поэтому влахака прижалась к колонне и стала ждать, надеясь, что скоро ей представится возможность незаметно покинуть зал.

Вскоре после того, как помещение опустело, распахнулась большая дверь, и Флорес услышала шаги. Вначале она тихо сидела в своем укрытии, но потом ее одолело любопытство, и она украдкой выглянула из-за колонны. К маленькой двери в комнату для аудиенций стремительно шагали двое, сцарка Скилои и еще один мужчина. Длинные темные волосы выдавали в нем влахака. Мужчина нервно оглянулся, и, хотя Флорес отпрянула назад за колонну, она все же успела разглядеть его бледное лицо, которое странным образом показалось ей знакомым.

Испугавшись, что ее обнаружили, он затаила дыхание, но звуки шагов все так же звенели под высоким сводом. Наконец посетители достигли противоположной стены, и влахака услышала звук открывающейся двери. На этот раз Флорес не решилась выглядывать из-за колонны, зато она услышала чей-то резкий низкий голос, которому ответил женский. «Цорпад?» — предположила влахака и рискнула выглянуть.

Из комнаты и в самом деле вышел хозяин крепости и подошел к двум странным посетителям. Хернада нигде не было видно. Разговор Цорпада с прибывшими был довольно коротким. Неожиданно Цорпад громко воскликнул: «Нет!» Затем последовало громкое проклятие и марчег вновь успокоился. Люди обменялись еще парой фраз, расслышать которые Флорес, однако, не удалось. В заключение сцарка кивнула, и Цорпад властным жестом отослал прибывших.

Вскоре Скилои и влахак покинули зал, а Цорпад вернулся в комнату для аудиенций. Флорес растерялась. Она пыталась понять смысл того, чему стала свидетелем, но информации явно не хватало. Пока она гадала, распахнулись широкие двери, и в зал снова пропустили гостей. Через некоторое время Флорес покинула укрытие и медленно подошла к эскورتу Хернада.

— Где ты была? — с подозрением спросил Эцро, когда она появилась рядом с ним.

— Я наливала себе вина, — ответила Флорес и подняла кубок в руке.

— Я имею в виду, когда нам пришлось выйти отсюда, — резко спросил сцарк.

— Я выходила. С тебя достаточно, Эцро? Может, в следующий раз ты захочешь сопровождать меня? — ехидно спросила Флорес и посмотрела на воина, который продолжал недоверчиво рассматривать ее, но ничего не ответил.

Флорес отпила еще глоток, однако вкус напитка показался ей каким-то водянистым. «Кто тот влахак? Что он хотел от Цорпада? Почему все должны были выйти из зала?» —

раздумывала она. Имя влахака так и вертелось у нее на языке, но она никак не могла вспомнить.

— Вы, влахаки, все одинаковые, — стал ругаться Эцро. — Сброд проклятых мятежников!

От этих слов Флорес неожиданно бросило в жар, она почувствовала, как на лбу выступил пот. Эцро продолжал ругаться, но Флорес не обращала на него внимания.

— Октеиу, — прошептала она имя человека, которое вспомнила при упоминании сцарком мятежников.

«Конечно, ведь Нати упоминал его, когда рассказывал об аресте Стена, и я даже не подумала о том, что знаю этого Октеиу, — промелькнула у нее в голове. — Но какая причина у него могла быть для такой срочной встречи с Цорпадом?... Проклятье, да он же предатель! Конечно! Так они и поймали Стена! — в отчаянии подумала Флорес. — А теперь этот дурак снова вернулся в город! И Цорпад знает о его возвращении. О духи, Стен в смертельной опасности!»

34

Со своего места в галерее довольный Хродгард, полководец, обозревал войско. Рядом с ним стоял командир рангом пониже, но верховный не обращал на подчиненного внимания, его взор был прикован к солдатам.

Отряды выстроились в зале огромных размеров, вырубленном в естественной гигантской пещере, которую расширили и искусно отделали мастера-гномы. Между ровными шеренгами сияли дюжины ламп, но даже их не хватало для того, чтобы полностью осветить зал. Стены, украшенные фресками, уходили высоко вверх. Хродгард, который стоял на целых двадцать шагов выше собравшихся воинов, не мог разглядеть потолка, скрытого в полумраке.

Хродгард вызвал всех, от основных частей, которые несли службу на воротах, до отрядов из самых нижних туннелей. Настало время обратиться к воинам, внушить им уверенность. Перед каждым подразделением стоял знаменосец. У стены, прямо под галереей, были выставлены трофеи былых сражений с троллями: десятки черепов, измазанные смолой, пустые глазницы слепо смотрят на собравшееся воинство.

По знаку Хродгарда зазвучали трубы, наполнив зал низким вибрирующим звуком, который можно было не только услышать, но и почувствовать. Ударили мощные барабаны, отчего содрогнулись стены. Девять ударов прогремели в зале, заглушая трубы. В нужный момент Хродгард, сын Хальдигиса, поднял руки, и наступила тишина. Полководец вышел вперед.

Он зычно начал речь:

— Воины! Я горжусь вами! Я рад, что я ваш командир! Никому из великих полководцев прошлого не посчастливилось так, как мне, никто из них не вел в бой столь славных воинов!

В ответ на эти слова раздался ликующий рев. Тысячи глоток выкрикивали имя Хродгарда, тысячи секир грохотали по щитам. Но шум, возникший так быстро, мгновенно утих, стоило лишь Хродгарду вновь поднять руки.

— Мы прошли сквозь сотни сражений, мы добились славных побед! Враги трепещут при виде наших щитов и в панике бегут!

Снова тысячи глоток оглушительно взревели, но на этот раз полководец быстро заставил воинов умолкнуть.

— Но этот сброд еще жив! Они множатся, подстерегают нас в темноте, уповая на то, что наша бдительность ослабнет, что мы устанем держать свои славные топоры!

По шеренгам пробежал глухой ропот.

— Но мы никогда не устанем! Мы не утратим бдительности! Мы — гномы! Мы преследуем своих врагов! Мы будем гнать их в темноту! Мы... — продолжал кричать

Хродгард, но финал его речи потонул в оглушительном вопле.

На этот раз воины не желали умолкать, они кричали даже после того, как Хродгард поднял руку, призывая к порядку. И тогда он, улыбнувшись, предоставил им свободу излить в этих криках свое стремление к победе. Когда шум утих, он продолжил:

— Мудрость нашего короля поможет нам вытеснить троллей, уничтожить их! Взгляните на черепа! Очень скоро их число пополнится, и здесь перед нами будет лежать целая армия! Но сначала мы должны направить свой взор на другую опасность!

Воздух сразу наполнился недоверчивым ропотом.

— В наши глубокие подземелья проникли враги! Многие жаждут сокровищ, которые мы по праву считаем своими! Многие завидуют нам! Мы должны быть готовы дать решительный отпор и этой угрозе! Мы — гномы! Да прольется кровь наших врагов! Мы перемелем их кости! Мы победим! — прогремел Хродгард и потряс сжатыми кулаками в воздухе.

На этот раз он больше не сдерживал воинов, и казалось, что многоголосому рокоту и звону оружия не будет конца. Слушая этот оглушительный шум, верховному показалось, будто он летит над ликующими воинами, несомый голосами, которые снова и снова выкрикивали его имя.

«Мои воины, — гордо подумал Хродгард, — и каждый из них готов бороться за меня, проливать свою кровь за меня, умереть за меня. Вот это настоящая власть!»

35

Несмотря на то что наступила осень, солнце пекло нещадно. Сарган, который не мог укрыться в тени, сильно взмок. Крыша была покрыта темно-серым кровельным сланцем и на ярком солнце нагревалась все сильнее и сильнее. Сарган покорно вознес короткую молитву Агдель с просьбой о прохладном ветерке и отпил глоток из бурдюка с водой.

Здесь, наверху, на самой крыше склада, воздух был просто раскаленным. Пахло надвигающейся грозой, и Сарган подумал, что дождь и туман соответствуют духу Ардолии гораздо больше, чем радостный солнечный свет. Внезапно дверь склада, в котором, по предположению Саргана, находились тролли, открылась и показалось двое мужчин. Один из них действительно был влахак Стен. Второго, темноволосого, Сарган еще никогда не видел. Шпион внимательно наблюдал за ними, пока они двигались вдоль переулка и в конце концов не исчезли за поворотом.

Днем тролли наверняка будут спать, поэтому Сарган устроился поудобнее и настроился на долгое ожидание. Его предположение о том, что мятежник вместе с троллями нашел пристанище именно на этом складе, вроде как подтвердилось, к радости дирийца, и пусть на этой крыше ему придется свариться. Все эти неудобства вознаграждались тем, что теперь он знал, где скрываются тролли.

«Лучше всего было бы поговорить с чудовищами без Стена», — подумал Сарган, влахак показался ему чересчур любопытным и, возможно, даже не очень-то поверил в его легенду о дирийском ученом.

Разговор с троллями, со Стеном или без него, был очень важен для Саргана, ведь если эти могучие создания обладали достаточными знаниями о маленьком народце, то задание самого шпиона можно было бы считать выполненным, и в ближайшем будущем можно будет возвращаться на родину и некоторое время наслаждаться плодами своей работы.

Без сомнения, рано или поздно его вновь пошлют в далекие земли, но обычно его хозяева позволяли ему немного отсидеться дома и насладиться прелестями жизни. Сарган редко признавался себе в этом, но он с предвкушением ждал встречи со своими женами и детьми. Возможно, за это время у него появился еще один ангелочек, крики которого хоть и будут надоедать, но отец, без сомнения, будет им гордиться. По крайней мере, он мог быть уверен, что в его отсутствие семья жила в богатстве и ни в чем не нуждалась. Поэтому овчинка стоила выделки: терпеливо ждать на твердой раскаленной крыше до самого вечера,

когда спадет жара и тролли выйдут из своего странного дневного оцепенения.

Стен один раз вернулся на склад, но затем снова покинул его незадолго до наступления ночи. Тем временем небо уже потемнело, над городом нависли тяжелые тучи, предвещая грозу. Сарган задумчиво рассматривал грозные, почти черные тучи. Он был одет очень легко, для дождя костюм явно не подходил, но в данный момент с этим уже ничего нельзя было поделать. Сарган прождал еще какое-то время, но Стен не появлялся. Тогда шпион переполз ближе к краю и украдкой выглянул в маленький переулок. Обнаружив, что он пуст, дириец перекатился через край крыши и осторожно спустился вниз. Оказавшись на земле, он направился к задней двери склада и приник ухом к двери, прислушиваясь. Не уловив ни единого шороха, он все же мягко постучал по толстому дереву и стал ждать. Вначале внутри было тихо, но затем Сарган услышал тихий скрип и немного отступил назад.

— Кто там? — прозвучал низкий голос, и Сарган усмехнулся.

— Сарган. Вы еще помните меня? — тихо ответил он, после чего дверь немного приоткрылась.

Дириец осторожно прошел в темное помещение, где был немедленно схвачен двумя огромными ручищами и прижат спиной к стене.

— Так! — рявкнул один из троллей, и его горячее, дурно пахнущее дыхание ударило шпиону в нос. — Сарган, да?

— Да, да, Сарган. Вы же знаете меня, я учил вас писать, — поспешил объяснить дириец. — Вы же еще помните... написанные звуки?

— Это он, — сказал кто-то из темноты. — Он пахнет точно так же.

— Ну и?... — ответил тролль, сжимающий Саргана железной хваткой. — Я все равно раздавлю его!

Тролль сжал Саргана сильнее, и шпион застонал. Преисполненному ужаса дирийцу показалось, будто его кости и суставы не выдерживают и гнутся. Неожиданно заговорил кто-то третий:

— Оставь его ненадолго, Пард, я хочу поговорить.

В ответ на это тролль немного ослабил хватку, и Саргану удалось вдохнуть.

— С-с-спасибо, спасибо, — пролепетал он между двумя глубокими вдохами. — Я не задумал ничего дурного.

— Что? — переспросил один из троллей, в то время как кто-то в глубине склада высекал искры, пытаясь зажечь огонь.

— Я не хочу вам причинить ничего плохого, — заявил дириец, на что Пард громко расхохотался.

— Ты? Что-то причинить нам?

— Нет, точно нет.

— Да ты вообще ничего не можешь нам сделать, ты, червяк, — прошипел Пард, но Сарган покачал головой.

— Я мог бы сообщить о вас солдатам марчега.

За эти слова Пард встряхнул его, как куклу.

— Я разорву тебя на две части, человечешко! Ты угрожаешь нам? — яростно заревел тролль.

К счастью, вмешался еще один монстр.

— Пард, он сказал, что он этого не сделает.

— Откуда нам знать, что он не врет? — спросил Пард. — Он может рассказывать нам все, что угодно, в то время как снаружи уже поджидают люди с их металлическим оружием!

— Я хочу знать, как он нашел нас, — заявил тролль, в котором при свете все более разгорающейся лампы Сарган узнал Друана.

— Правильно! — выкрикнул Пард. — Стен предал нас!

— Нет, — быстро возразил дириец. — Я увидел, как он покидает этот переулок, но, прежде чем успел догнать его, он уже скрылся. Из-за раны я не могу быстро бегать...

— Люди такие слабые... — презрительно сплюнул Пард.

— А потом я заметил эти двери и подумал, что такой большой склад как раз подходящее место для троллей, — продолжил Сарган, не обращая внимания на Парда.

— Это правда? — спросил Друан, и Сарган увидел в свете лампы, как все тролли собрались вокруг и пристально смотрят на него.

При виде этих мощных созданий Сарган вдруг засомневался, сможет ли он выпросить все о гномах. «И не окажусь ли разорванным на маленькие кусочки?» — подумал дириец и невольно сглотнул, увидев напряженные мускулы Парда.

— Да, правда, — ответил Сарган, преодолевая страх.

— А мне он нравится, он показал мне, как рисовать мое имя, — заявил тролль с одним рогом, имя которого Сарган забыл.

— А почему ты вернулся? Чего ты хочешь от нас? — поинтересовался Друан, прищурившись и глядя в лицо Саргана, который задался вопросом, насколько хороши органы чувств троллей.

«Могут ли они уловить мой страх по запаху?»

— Я хочу побольше узнать о вас! Вы — необыкновенные существа! Я могу стать бессмертным, если напишу о вас!

— Ты можешь стать мертвым, это точно, — пробормотал Пард, но при этом медленно выпустил дирийца.

— Ради этого стоило рисковать, — констатировал Сарган и заметил с радостью, что Рох широко улыбнулся, да и Друан смотрел уже не так враждебно.

Только Пард со вздохом отвернулся и отошел.

— А вы знаете, куда пошел Стен? — осторожно поинтересовался Сарган, для него было лучше не встречаться с влахаком.

— Нет. Он сказал лишь, что мы должны быть готовы исчезнуть из города, так как, возможно, дела быстро решатся, — спокойно ответил Друан.

— Правда? А почему? — с невинным видом спросил Сарган и задумался, что же мог планировать мятежник.

— Мы не знаем. Возможно, он пошел к магам солнца.

— Магам солнца? — переспросил дириец, знания которого об Ардолии ограничивались в основном тем, что он прочел в старых книгах. — Ты имеешь в виду Альбус Сунас?

— Да, точно, их. Ты их знаешь? — поинтересовался Друан.

Остальным троллям этот разговор наскучил. Пард исчез в глубине склада, а Цдам и Анда уселись на пол за ящиками. Рядом с Сарганом у двери остались лишь Друан и Рох. В случае чего у дирийца имелся какой-то путь к отступлению, что немного успокаивало.

— Не совсем. На моей родине мы молимся Агдель, Матери Мира, а не какому-то богу рассеянного света. Но есть люди, которые говорят, что Мать Мира и Отец Неба составляют одно целое.

— Я не понимаю этого. Мы мало знаем о магах солнца. Они молятся отцу неба? — растерянно переспросил Друан.

— В некотором роде — да. Они почитают Божественный Свет — солнце, которое дарит жизнь и тепло. Некоторые называют его челом Отца Неба. А Агдель — Властительница Земли и Мать Мира. Но жрецы так не считают.

— Ваши жрецы?

— Да, жрецы богини Агдель. В империи тоже есть храмы и монастыри ордена Альбус Сунас, но сам орден столь силен лишь в Ардолии, ведь он поддерживается масридами. Их воины прошли и по Дирийской империи, моей родине, но, хотя вера в Божественный Свет и оставила свои следы и у нас, вера в Агдель гораздо более распространена, — объяснил Сарган.

— Твоя мать земли нас не интересует, — сказал Друан, отчаянно пытаясь поспевать за сложными словами рыжего дирийца. — Мы говорим о магах солнца!

— А зачем Стен пошел к ним?

— Это наши враги! — резко бросил Рох, и Друан метнул в него яростный взгляд.

«Интересно, — подумал Сарган, — тролль хочет утаить от меня что-то». А вслух он спросил:

— Правда? А почему? Из-за солнца?

— Нет, они помогают нашим врагам, — ответил Друан.

— И каким же образом? — улыбнувшись, действительно пытался Сарган, что, однако, казалось, не произвело желаемого эффекта на Друана.

— Мы не знаем, — коротко ответил тролль. — А почему это интересует тебя, человек?

— Для моих заметок, только для моих заметок, — успокоил его дириец и улыбнулся еще шире.

— Что ты еще знаешь о магах солнца? — спросил Друан.

— Как я уже говорил, они пришли с масридами, захватившими цивилизованные, — Сарган огляделся и добавил, хмыкнув, — и нецивилизованные страны. Орден, в который принимают только мужчин, проповедует, что нет других богов, кроме Божественного Света, поэтому они не слишком популярны среди тех, кто верит в других богов.

— Они могущественны?

— Могущественны? На моей родине — нет. А здесь, в Ардолии... Наверное, да, ведь властители этой страны поддерживают орден, — предположил Сарган. — Но подробностей я не знаю.

Дириец с любопытством посмотрел на тролля и спросил:

— Но я думал, что вы ведете войну против гномов. Какое отношение к этому имеет Альбус Сунас?

По всей вероятности, Друану не хотелось говорить об этих вещах, так как он почесал голову и коротко ответил:

— Мы не знаем.

— Но Стен пытается это выяснить?

— Точно, — коротко ответил тролль.

«Возможно, у меня еще есть время выудить побольше информации», — подумал Сарган и сказал:

— А знаете ли вы, что у гномов есть договоренности с Цорпадом?

Друан прищурился.

— Неужели?

— Да, они же напали на меня и похитили, помните? — спросил Сарган и продолжил после утвердительно бурчания Друана: — Мне удалось немного подслушать их разговоры. Они были в замке у Цорпада.

— Они говорили на твоём языке? — удивленно спросил тролль.

Сарган покачал головой и скромно сказал:

— Я немного говорю на их языке.

— Что они сказали? Какие у них с людьми планы? — настойчиво стал расспрашивать Друан.

— Ну, речь шла о каких-то поставках. И о том, что люди должны помочь им при решении какой-то проблемы. Более точно я не знаю, — соврал Сарган, привлекая тролля полуправдой.

— Проклятые маленькие сволочи, — вмешался Пард, который вновь присоединился к ним, — и проклятые люди!

— Стен предполагал нечто подобное, — признался Друан. — Но он тоже не знает, что именно затевают гномы с Цорпадом.

— Этот же сказал — люди помогают гномам. Люди! — горячился Пард.

— Нет, гномы говорили о Цорпаде, в этом я уверен, — сообщил Сарган здоровяку, хотя мрачный взгляд Парда и не располагал к возражениям.

— А больше ты ничего не слышал? — настойчиво выпрашивал Друан. — Что-нибудь...

— Мне жаль, — извиняющимся тоном ответил Сарган. — Но я был испуган и не знал,

о чем, собственно, они говорили. Я просто слишком мало знаю...

Пард фыркнул, отвернулся и слегка приоткрыл дверь, чтобы выглянуть наружу, Друан продолжал задумчиво смотреть на дирийца. Про себя Сарган улыбнулся, но не подал и виду, а лишь печально пожал плечами, что должно было означать, мол, он охотно бы помог, но не обладает достаточной информацией.

Однако, к его удивлению, Друан сказал:

— Я тебе не верю.

Пард сразу же закрыл дверь и грозно навис над шпионом, перекрыв тем самым единственный путь к отступлению. Сарган был слишком шокирован, чтобы как-то отреагировать, но затем быстро заговорил:

— Нет, нет, это правда! Зачем мне врать?

— Я не знаю, человек. Возможно, потому, что ты думаешь, что мы этого не заметим. Либо ты все же задумал нечто... глупое.

— Что? — в замешательстве переспросил Сарган, но потом понял. — Надо говорить «дурное», а не «глупое». Но я...

Продолжить он не смог, так как Друан схватил его и поднял, словно беззащитного котенка. Остальные тролли тоже подошли и окружили Друана и Саргана. Лица их были мрачны, кулаки сжаты.

— Зачем ты здесь? — проревел тролль прямо в лицо шпиону и потряс его так, что у дирийца временно отказали слух и зрение.

«Наверное, Стен был все же прав, когда говорил, что мне лучше держаться от троллей подальше», — подумал оглушенный Сарган.

— Я хотел больше узнать о вас, — в отчаянии прокричал Сарган, все еще не готовый открыть полную правду.

— Зачем? Ты из людей Цорпада? — прогремел Друан и сжал сильнее.

— Нет!

— Из магов солнца?

— Нет! Нет, я не враг вам! — с мольбой прокричал Сарган.

— А кто ты тогда? — прорычал Друан и клацнул клыками.

— Враг гномов! — сдался наконец Сарган, представив себе, как тролль вгрызается в его тело своими ужасными клыками.

«Людоеды», — промелькнуло у него в голове, и он в ужасе содрогнулся, но Друан просто опустил его и упер руки в бока.

— Враг гномов? — спросил Друан. — Почему?

Сарган осторожно поднялся и потер ушибленные места. Зажатый между Пардом и Друаном, он огляделся. Другого выхода, кроме как рассказать хотя бы часть правды, он не видел. Даже Рох, который еще недавно дружелюбно отнесся к человеку, и пальцем не пошевелил, чтобы помочь, и теперь лишь с подозрением смотрел на Саргана.

— Я прибыл из империи, — начал дириец. — Там есть враги гномов, на которых я работаю.

— Кто эти враги? — пожелал знать Друан.

— Люди, приближенные ко двору императора, — попытался объяснить Сарган, уверенный, что тролли не имели никакого представления о сложной политике в Дирийской империи.

— Но ведь Стен сказал, что люди не враги маленьким сволочам, — растерянно вмешалась Анда.

— Я, конечно, не хочу обижать Стена, — начал Сарган, — но, к сожалению, должен сказать, что его знания ограничиваются лишь этой захудалой и отсталой страной. По ту сторону гор есть гораздо больше вещей, чем он может себе представить.

— Почему эти люди враги гномов? — снова спросил Друан.

Дириец оказался в тяжелом положении. По всей видимости, Друан обладал некоторой способностью распознавать ложь, и Сарган не был уверен, сколько он сможет утаить, ведь

вполне могло случиться, что информация от троллей попадет в третьи руки, через Стена к влахакским мятежникам например. «Неужели тролли все же чувствуют ложь по запаху?» — попытался анализировать Сарган, отменный и опытный лгун. Он не знал ответа на этот вопрос, поэтому решил лучше не рисковать.

— Это касается торговли и золота. Маленький народец держит монополию на торговлю в горах и диктует цены. Я должен выяснить, как они это делают и какие у них есть слабости.

— Золото. Постоянно золото, — презрительно фыркнул Друан. — Вы, люди, как гномы.

— Нет. Гномы — жадные и вероломные, — возразил Сарган.

— А твоя ложь лучше? — холодно спросил Друан, и Пард кивнул в знак согласия.

— Мне жаль, я не знал, как к вам относиться. Вы такие... такие... другие, — объяснил Сарган, но его слова не убедили даже его самого.

— Почему мы должны верить тебе?

— Я говорю правду! Ты же можешь это распознать! — отчаянно крикнул Сарган, когда Пард придвинулся ближе к нему.

— Нет, не могу, — сухо констатировал Друан.

А Пард добавил:

— Он человек. А люди все лживые. Мы все равно должны были убить его, и неважно, что говорит Стен!

Совсем упав духом, Сарган отшатнулся и, будто защищаясь, поднял руки.

— Я клянусь, что говорю правду, — прокричал он.

Но Парда эти слова не тронули.

— Скоро ты вообще ничего не будешь говорить!

— Подожди, Пард, — вмешался вдруг Друан и затем повернулся к Саргану. — Что ты знаешь о магах солнца?

— Ненамного больше того, что уже рассказал. В империи они не представляют собой ничего особенного, и я не знал, что они в союзе с гномами, — поспешил объяснить Сарган.

— Он бесполезен, — мрачно объявил Пард, но Друан продолжил расспросы.

— Что с Цорпадом?

— Я подслушал один разговор. Гномам нужна помощь от масридов, и за это они что-то поставляют им. Возможно, золото или оружие, маленький народец знаменит своим мастерством в обработке руды и металлов. Но, по всей вероятности, гномам потребовалось больше времени для решения их проблем, поэтому Цорпад тоже захотел получить больше.

— В чем Цорпад помогает маленьким сволочам?

— Этого я не знаю, об этом не было сказано ни слова. Честное слово, это — правда! — с мольбой ответил Сарган, посмотрев на Парда.

Тот, зарывав, наклонился над ним, но тут Друан положил руку на плечо здоровяка.

— Ладно, Пард, — тихо сказал он. — Я верю, что теперь он не лжет.

— Так и есть, — подтвердил Сарган. — У нас общий враг.

— Ты не понимаешь, человек, — заявил на это Друан. — Ты борешься за металл. Мы боремся за себя. Если мы не победим, то потеряем все. Гномы не успокоятся, пока не убьют нас всех до одного.

— Мне жаль. Но каким боком здесь Альбус Сунас?

Пард вопросительно посмотрел на Друана, который пожал плечами. После этого здоровяк со вздохом ответил:

— Это началось некоторое время назад. Сами скалы, казалось, стали бороться с нами. Туннели обрушивались, погребая наших воинов, мир содрогался, словно от боли, кипящий пар вырывался из недр, лишая нас воздуха. Куда бы мы ни шли, везде происходили такие вещи.

— Вы считаете, что Альбус Сунас при помощи магии... — начал было Сарган, но запнулся.

— Мы не знаем, — ответил Друан. — Одновременно с этими событиями начались

атаки гномов. Мы отбивали атаки, убивали их воинов, но не могли избавиться от них окончательно. Иногда мы не сражались, скрывались в глубинах, но сами глубины земли сопротивлялись нам.

— Мы часто побеждали маленьких сволочей, но когда мы возвращались с поля боя, наши воины гибли в туннелях и пещерах, — добавил Пард. — Нас становилось все меньше и меньше.

— После нашей последней битвы мы нашли среди убитых одного раненого гнома. Мы пытали его, и он выдал, что им помогают люди. Так что мы всемером отправились в путь, чтобы разыскать этих людей и остановить их, — продолжил Друан.

— Всемером? Но вас же только...

— Пятеро, да. Двое погибли от топоров гномов. Когда мы поднялись на поверхность, то обнаружили, что мир людей большой и странный и что мы ничего не знаем о вас. Из старых историй было известно, что люди слабы и их легко убить, у них мягкие тела и тонкая кожа. Но их так много, — удрученно сказал Друан.

— Стен помогает нам, — заявил Рох. — Но, с тех пор как мы здесь, он все время отсутствует.

— В Теремии так много людей, — удивленно сказал Друан.

Сарган, будучи дирижером, привык к гораздо большим и более удивительным городам, но он понимал смятение троллей.

«Они совсем не знают этот мир, да и откуда им? — подумал дирижер. — И я понимаю, что они боятся! Интересно...»

— Ну да, Теремия — большой город, это точно. Но вы думаете, что Стен поможет?

— У нас нет другого выбора, — смущенно констатировал Друан. — Я думал, что мы сможем здесь больше узнать о магах солнца, но как? Если люди увидят нас, то нам придется сражаться. Так же, как в Орволе.

— Где?

— Неважно, — ответил Друан.

Остальные тоже, казалось, были озадачены и явно недовольны таким положением вещей.

— И Стен сейчас пытается разузнать об этом ордене и его делишках с гномами?

— Да. Он уже услышал кое-что о них. Есть один монастырь, но мы не знаем где.

— Я не очень хорошо знаю Альбус Сунас, но они почитают Божественный Свет... Я полагаю, что они рассматривают вас как врагов, потому что вы живете под землей, далеко от солнца, которому они поклоняются. Но для меня все же удивительно, чтобы священники обладали такой властью над недрами, как вы описываете, — задумчиво сказал Сарган.

— Так и Стен сказал. Но гном сказал, и он не врет, и в этом я уверен, — возразил Пард с демонической ухмылкой.

— А что слышал Стен? Что там с этим монастырем?

Друан покачал своей большой головой, показывая, что подробностей не знает.

— Маги солнца сказали, что они там что-то делают, и одному из магов это не понравилось. Большого Стен не сказал, — добавил он потом.

— Как запутанно. У Цорпада какие-то дела с гномами, это точно. Возможно, он обладает также достаточным влиянием на Альбус Сунас. Я не очень хорошо разбираюсь в магии; возможно, у ордена больше возможностей, чем думают другие. Но далеко не в первый раз кто-то предает свою веру или принципы за деньги и власть, — мрачно сказал Сарган.

— Люди... — начал было Пард, но как раз в этот момент раздался громкий стук в дверь, прервав огромного тролля.

Все обернулись на дверь и уставились на нее. Сарган быстро шмыгнул за ящик и пригнулся.

Друан погасил маленький мерцающий огонек лампы, склад накрыла крошечная темнота. Пока тролли, за исключением Парда и Роха, прятались в глубине склада, рыжий

дириец с иронией подумал: «Теперь я не узнаю, что такое тролли».

Пард и Рох встали по обе стороны двери, и Пард осторожно приоткрыл ее. Саргану теперь было совсем не до шуток. Он напряженно пытался понять, что происходит. «Неужели нас обнаружили солдаты? Но как?» — гадал дириец, сжимая кинжал.

36

Мужчина угодил кулаком в плечо Флорес, но ее доспехи вместе с подстежкой из ватина приняли и погасили удар. Ее противнику повезло меньше, так как Флорес, воспользовавшись тем, что он открылся при ударе, схватила его за руку, развернула и затем изо всех сил ударила в нижнюю часть живота. Воин, охнув, опустился на пол, поэтому Флорес смогла отреагировать на движение его спутника, который ногой нацелился на девушку. Наемница ловко увернулась, поэтому его нога лишь скользнула по ее бедру, отчего солдат потерял равновесие. Когда он качнулся к ней, она завела ему локоть за спину, отчего тот тоже повалился на пол. Прежде чем нападавший смог подняться, она подскочила, схватила его за затылок и резким движением ударила мужчину лицом о мостовую, чем прекратила любые его попытки нанести удар.

Метнув быстрый взгляд на другого нападающего, влахака убедилась в том, что солдат, которого она ударила в пах, еще некоторое время не будет способен драться. Поэтому она опустилась на колено возле мужчины, который левой рукой прикрывал разбитый нос. Из носа хлынула кровь.

— Что ты хочешь мне показать? — холодно спросила она.

— Ничего, ничего! — прохрипел раненый.

Но Флорес не отступила.

— Ну почему же? Нечто, что доставит мне настоящее удовольствие. Что бы это могло быть?

Масрид не ответил и лишь с мольбой смотрел на нее. Флорес сплюнула с презрением.

— В следующий раз, когда будете раскрывать свои рты, будьте осторожнее. Не все женщины такие милые, как я, и не так легко прощают.

После этих слов она поддала ему ногой в бок, правда не сильно, и помчалась дальше. «Прекрасно, — гневно подумала влахака. — Теперь я еще и отделала двух солдат Цорпада. Скоро и на меня будут охотиться. Неважно. Все равно я собираюсь отсюда уехать».

На бегу она трясла правой рукой. Плечо все еще болело из-за пропущенного удара. Разумеется, во всем было виновато ее треклятое везение. Именно сегодня вечером надо было натолкнуться на один из патрулей. Собственно, для нее не составляло проблемы просто пройти мимо, ведь по роду ее профессии девушке разрешалось находиться на улице и после наступления комендантского часа. Но Флорес очень спешила, поэтому отреагировала на рутинные вопросы стражников несколько нервно.

«Эти два болвана только задержали меня», — сердито думала она. После нескольких колких замечаний, которые, в сущности, и спровоцировали ее, наемница не удержалась и врезала. В любом случае это будет иметь последствия. И все же хорошо, что она сорвала злость на двух дураках, которые думали, что безнаказанно могут задирать влахаку.

Сейчас перед девушкой стояла более важная задача, а потому думать о последствиях драки с патрулем было недосуг. «Склад, он сказал, склад, — повторяла влахака слова своего брата-близнеца, — но где? Я не дала ему договорить, проклятье!»

В порту стоял целый ряд больших и маленьких магазинов и складов, в которых хранились товары, переправляемые по Маги. Большая часть этих складов принадлежала отдельным торговцам или семьям торговцев. Флорес несколько раз даже нанималась в охранники для них. Оплата за такую работу была низкой, но она была простой и почти безопасной. Солдаты не решались заходить в припортовый квартал Апас, поэтому охрана здесь в основном осуществлялась наемниками. У крепостной стены порта стояли бараки, в которых размещался личный состав портовых сторожевых башен. Поэтому в порту почти не

случалось ничего экстраординарного, охранники быстро реагировали на крупные беспорядки.

Флорес быстро бежала мимо построек, которые по мере ее продвижения к порту становились все беднее. Скоро девушка очутилась в окружении одноэтажных строений. Света почти нигде не было, слишком дорогими были свечи и лампы, но Флорес прекрасно знала дорогу.

Небо совершенно неожиданно затянуло тучами, но Флорес заметила это, лишь когда покинула крепость. Воздух был очень тяжелым. Влахака опасалась самого худшего и волновалась за брата, поэтому не стала тратить времени на то, чтобы переодеться.

Все оставшееся время, пока она сопровождала Хернада, Флорес едва ли прожила осознанно. Всей душой девушка стремилась прочь из крепости, чтобы предупредить Стена о предателе. К счастью, аудиенция завершилась быстро. Вместо того чтобы проследовать с толстым торговцем до его дома и получить оплату за труд, Флорес помчалась прочь, успев лишь крикнуть, что придет за оплатой утром.

Не представляя, в каком именно складе укрывается Стен, ей оставалось одно — обыскать их все. Флорес помчалась в южную часть порта и принялась стучать во все двери в надежде, что какую-то откроет Стен.

Два раза она натыкалась на наемных охранников, но они знали ее и поэтому просто приветствовали, предполагая, видимо, что Флорес находится в порту с каким-то заданием.

Когда она безрезультатно обежала полдюжины складов, ее неожиданно осенило. Флорес вернулась назад к складу, охраняемому знакомыми наемниками.

— Спокойный вечерок, да?

Трое мужчин ничего не заподозрили, и главный ответил:

— Ага. Ничего особенного. Ты здесь по делам Хернада?

Флорес в замешательстве покачала головой, но затем вспомнила, что все еще была в плаще и камзоле с гербом Хернада.

— Вы так решили из-за одежды? — переспросила она, и наемник кивнул. — Нет, я просто сопровождала сегодня Хернада. Не было времени переодеться. Небо выглядит угрожающе...

Взгляды охраны устремились на низко висящие тучи.

— Ночь будет та еще, — констатировал наемник. — Мы все промокнем до нитки.

— А вы охраняете давно? — невинным тоном спросила Флорес, нервно покусывая ноготь. — Проблем не было?

— Все спокойно, — ответил предводитель. — А что, ты соскучилась по неприятностям?

Однако, прежде чем Флорес успела ответить, один из наемников, маленький, с жиденькими волосами и близко посаженными глазками, пискнул:

— Да, была одна заварушка, этот мелкий бегун!

— Точно, Матъяс, — согласился главный. — Вчера ночью был тут один на северной стороне, но он бежал слишком быстро. Ну и смылся.

— Ясно. А где это было? — с надеждой спросила Флорес. — Ну, на случай если мне придется сегодня побывать в том районе, — уточнила она для ясности.

— У большого склада в северной части, который с красной крышей.

Флорес лихорадочно соображала, пока не поняла, какое строение имел в виду наемник.

— Спасибо. Ладно, мне пора, всем удачного вечера! — попрощалась она.

В северной части порта действительно был единственный склад с красной крышей, она быстро нашла дорогу к нему. Сначала она осторожно обошла здание по периметру, но не заметила ничего подозрительного. Тогда она замолотила кулаком в заднюю дверь.

Вначале изнутри не доносилось ни звука, и она уже подумала, что ошиблась. Но, когда она вновь подняла руку, чтобы постучать, дверь, слегка поскрипывая, приоткрылась. Юная влахака осторожно ступила в темноту и хотела уже было спросить о своем брате, как вдруг из темноты склада к ней протянулась ужасная лапища с когтями. Проклиная все на свете,

Флорес хотела отскочить, но рука успела сцапать ее за проклятый гербовый камзол и затащила внутрь.

— Еще один человек, — прозвучал низкий голос прямо над ней, и она почувствовала смрадное дыхание.

Флорес отчаянно пыталась вытащить меч, но две мощные руки обхватили ее за плечи и сжали так сильно, что она не могла пошевелить и пальцем.

— Посвети, Друан, — приказал голос позади нее, Флорес резко откинулась и ударила ногой.

Было впечатление, будто она угодила сапогом в каменную стену, таким твердым оказался противник, да и не достигла она ничего. Державший лишь слегка запыхтел, поднял ее и стал сильно трясти.

— Проклятье! — закричала Флорес. — Стен? Это я, Стен!

Тряска прекратилась и девушка вновь почувствовала пол под ногами, хотя ноги у нее подкосились.

— Он только что сказал — Стен? — спросил другой голос из темноты, Флорес выругалась.

— Да, сказал! И он это она! — сердито закричала девушка.

Кто-то зажег огонь от искры, и в мерцании маленькой лампы она наконец рассмотрела, с какими существами разговаривает. У нее чуть глаза не вылезли на лоб от изумления.

Безмолвно она уставилась на огромных серых монстров, которые окружали ее. Первый шок прошел, и Флорес стала отчаянно вырываться, но хватка, казалось, никогда не ослабеет.

— Он дергается! — сообщило существо позади нее и снова подняло девушку, которая больше не касалась ногами пола.

— Оторви ему голову! — посоветовало другое существо прямо перед ней и наклонилось к Флорес, чтобы повнимательнее рассмотреть ее своими черными блестящими глазами.

Затем оно потянуло носом воздух и насупилось. После чего торжествующе сообщило: — Он боится! — и оскалило желтоватые клыки.

— Конечно, он боится! — сказал вдруг маленький рыжий человек, вышедший из-за нагроможденных ящиков. — И кроме того, это женщина.

Флорес растерянно переводила взгляд с монстров на человека и обратно. Рыжий отвесил ей глубокий поклон и ободряюще улыбнулся.

— Меня зовут Сарган. Привет!

— Скажи этому существу, чтобы оно немедленно отпустило меня! — накинулась Флорес на человека, слабый акцент которого выдавал в нем чужака из страны по ту сторону гор.

— Он здесь ничего не может говорить, — вмешалось в их разговор существо с лампой, которое тем временем подошло ближе. — Ему бы лучше вообще заткнуться!

Хотя оно было меньше того, что стояло прямо перед ней, но не выглядело менее опасным, когда наклонилось к Флорес, чтобы рассмотреть ее. Рыжий незнакомец пожал плечами и вымученно улыбнулся, получив в ответ мрачный взгляд Флорес. Но затем существо заговорило снова:

— Ты говоришь — *Стен* ?

— Да, так я сказала. Я хочу знать, где он, — ответила Флорес.

— Откуда ты знаешь Стена?

— Стен — мой никчемный брат! — рассерженно ответила наемница. — Я здесь, чтобы предупредить его.

— Она похожа на него, — снова вмешался Сарган, но огромный монстр с рычанием повернулся к нему, и тот снова умолк.

— Как тебя зовут? — продолжило расспрашивать существо.

— Флорес. А тебя? И кто вы вообще такие? — в замешательстве спросила она.

— Я — Друан, а это — Пард, — ответило существо, указав жестом на своего огромного

спутника. — Мы тролли.

— Тролли! — вырвалось у Флорес. — Нати рассказывал о вас. Вы нашли Стена в лесу, в клетке.

— Да, — просто ответил тролль по имени Друан.

— И он провел вас в город? — в изумлении спросила влахака.

— Мы пришли сюда вместе, по воде, — объяснил Друан. — Будешь ли ты... э-э-э... сохранять мир?

— Что? — озадаченно переспросила Флорес.

— Если мы тебя отпустим, будешь ли ты сохранять мир? — разъяснил тролль.

— А, мир, ладно, — быстро ответила Флорес.

«О духи, что же Стен натворил? — подумала она, когда ее отпустили. — И какие у него могут быть дела с этими чудовищами?»

Как только Флорес смогла свободно двигаться, она сразу повернулась так, чтобы держать в поле зрения всех троллей, а также этого, у которого из башки торчал только один рог и который держал ее.

— Скоро у нас будет полно людей! — неожиданно возмущенно воскликнул Пард и саркастически продолжил: — Ничего не скажешь, хорошее укрытие!

— Пард прав, — заявил Друан. — Сколько еще людей знают об этом месте?

— Я не знаю точно. Стен и Натиоле. Вроде все, — ответила Флорес, покачивая головой. — Но я, в принципе, и встречалась-то только с ними двумя.

Тут из тени вышли еще два мощных создания. Они попали в круг света, и Флорес поняла, что это тоже тролли. «Так, значит, это те пять троллей, о которых рассказывал Нати. Батюшки мои, в жизни они выглядят еще хуже, чем по рассказам!»

— Зачем ты пришла? — продолжил Друан.

— Чтобы предупредить Стена. Я узнала, что среди мятежников есть предатель.

— Предатель? — озадаченно переспросил Друан.

— Один из мятежников в городе, Октеиу, — сказала влахака. Но это имя троллям, казалось, ничего не говорило, и они лишь покачали своими огромными головами.

— Я была в крепости... — хотела было рассказать она, но тут взревел Пард.

— Ха! У магов солнца!

— Что? Нет, я сопровождала одного человека на аудиенцию, — объяснила воительница, но огромный тролль снова перебил ее.

— Людям нельзя доверять, Друан!

— Я тоже не знаю, что все это означает, — признался тролль, к которому обращались, и явно растерянно почесал затылок.

— Этот вот, — рявкнул Пард и показал на Саргана, — врет все время! Что с этой — непонятно! Откуда нам знать, не врет ли она тоже?

— Я не вру, — стал защищаться Сарган, но Пард гневно рыкнул на него.

— Этого я вообще не знаю! — заявила Флорес, кивнув в сторону рыжего. — Но...

— Никаких но, — почти заревел Пард, прежде чем он вновь обернулся к Друану. — Мы сидим здесь в западне. Где сейчас Стен? Опасность...

— Я знаю, Пард, — ответил тролль и снова повернулся к Флорес. — Так что с этим предателем?

— Я не представляю, как много вы знаете о Стене и его друзьях. Но один из них сегодня разговаривал с Цорпадом. Это может означать только одно, что он — предатель, который теперь сообщил маршегу о возвращении Стена в город!

Друан задумчиво поскреб свой грубый подбородок.

— Кто-то должен предупредить Стена! — продолжила Флорес. — Его жизнь в опасности. Вы знаете, где он сейчас?

В ответ Пард лишь фыркнул, а Друан пожал плечами.

— Нет. Он просто ушел.

— Один? — поинтересовалась влахака и вопросительно посмотрела на тролля, но на

этот раз ей ответил Сарган:

— Нет, он был с мужчиной, высоким, худым с темными волосами...

— Это Натиоле. Наверное, они пошли на встречу с другими мятежниками. Если Октеиу сообщит об этом солдатам, то они снова схватят Стена! И Нати, и других вместе с ними!

Флорес в отчаянии посмотрела на чужака.

— Куда они пошли?

Однако коротышка на этот раз лишь понуро покачал головой:

— Этого я не знаю. В сторону от порта. Куда дальше — я не видел.

— Проклятье, тогда я, наверное, опоздала, — решила Флорес и опустилась на колени.

— Мне жаль, — прошептал Сарган, но Флорес не обратила на него внимания.

Она взглянула на троллей, которые стояли, окружив ее, словно огромные деревья.

— А вы?

— Нет, он никогда не говорил, куда идет, — констатировал Пард, и Флорес показалось даже, что тролль удовлетворенно улыбнулся.

— Нам нужно уходить, Друан! — прошептал Пард предводителю. — Если Стена действительно схватили...

Незаконченная фраза повисла в воздухе, и все тролли уставились в ожидании на Друана, который смотрел на Флорес.

— Собирайтесь. Он сказал, что если не вернется, то мы должны уходить по воде.

Тролли засуетились, собирая свои огромные кожаные мешки.

— Может быть, мы можем... — начал было Сарган, но неожиданно Пард вышел вперед и стал между дверьми и людьми.

— А что делать с этими? — крикнул он Друану, и тот обернулся.

— Что?

— Мы не можем оставить их здесь и не можем взять с собой. Мы не знаем, врут ли они! — холодно прошипел Пард, и Друан медленно кивнул.

— Ты прав. Убейте обоих!

Флорес с ужасом прислушивалась к их словам, но Сарган отреагировал быстрее. Он мгновенно скрылся в тени между ящиками. Влахака моментально вскочила на ноги и вытащила меч, в то время как Пард приближался к ней со злой ухмылкой.

— Ну, давай, человечешко! Твой брат тоже пытался! — злобно засмеялся тролль и расставил руки.

Прежде чем Флорес смогла напасть, она наткнулась спиной на какое-то препятствие. Ее сразу же обхватили сильные руки и подняли в воздух. «Он просто отвлекал меня! Проклятье», — в отчаянии подумала Флорес, когда мощные руки, словно толстые канаты, стали сжимать ее все сильнее, выдавливая воздух из легких.

37

Стен никогда не любил ждать. Терпение не относилось к числу его достоинств, это ему самому было известно.

И хотя он разными способами пытался развить в себе это качество, но не преуспел. Так было и сейчас: он внешне оставался спокойным, но внутри все бурлило, и он не желал ничего более страстно, чем начать наконец действовать. Они засели вместе с Натиоле в одной из таверн, чтобы перекусить в ожидании известий от Линорел. Стен ел суп с черным хлебом, как вдруг заметил, что Натиоле усмехается во весь рот.

— Что? — раздраженно спросил юный воин.

— Ты выглядишь так, словно хочешь задушить бедный хлеб, — со смехом сказал Натиоле; Стен, надувшись, посмотрел на свою руку, и ему пришлось согласиться с другом, ведь он, не замечая того, раскрошил весь хлеб.

— Да я вообще не голоден, — вздохнув, ответил Стен и смахнул крошки со стола. — Не голоден совсем.

— Нервничаешь? — с сочувствием спросил Натиоле, и Стен кивнул.

— Да. У нас должно получиться, Нати, должно!

— Мы справимся, мы вытащим их, — успокоил его друг.

— Мы должны. В противном случае это будет означать для них смертельный приговор! — пылко прошептал Стен и испуганно огляделся.

К счастью, в таверне почти не было посетителей, а присутствующие, казалось, не обратили на Стена никакого внимания. Немного наклонившись вперед, влахак тихо продолжил:

— Цорпад не будет медлить. Он сразу убьет их. Таким образом попытается ослабить моральный дух войск Ионны — устроит публичную казнь заложников.

— Это довольно глупо. Думаю, он понимает, что подобное может вызвать восстание. Ведь он тихо и тайно отправил тебя в лес, помнишь? А Висинию народ тоже любит.

— Возможно, — допустил Стен, но затем попросил: — Можно больше не говорить об их смерти?

— Конечно. Если Октеиу найдет возможность пробраться в крепость, тогда мы можем осуществить задуманное, Стен. Выше голову! — подбодрил его Натиоле.

— Если мы окажемся внутри, то должны заодно прикончить и Цорпада, — сердито прошипел Стен.

— Давай не будем спешить! — рассмеялся Натиоле. — Все по порядку. Время Цорпада еще придет, не волнуйся.

— Я надеюсь, что гонец добрался до Ионны. Ей понадобится время, чтобы собрать армию. Многие работают на полях и не захотят воевать.

— Ты прав. Может, поэтому Цорпад, скорее всего, и не стал нападать раньше, хотя у него и были возможности. А может, мы ошибаемся, Стен, ведь такое промедление вообще имеет мало смысла. Может быть, он не планирует никакого нападения.

— Этот вопрос давно грызет меня. Но Цорпад хочет войны, в этом я уверен. Возможно, он надеется застать нас врасплох. Нанести один сокрушительный удар осенью. На нападение едва ли кто-то рассчитывает. Возможно, он настолько уверен в себе, что планирует быстро победить в этой войне. Тогда ему не придется ожидать ответного удара или нападения с востока в течение зимы. Не забывай, что Цорпад — враг не только наш.

— Точно. Если он разобьет мятежников в преддверии зимы, то реакция обоих марчегов последует не ранее следующей весны, что дает ему достаточно времени, чтобы подготовиться, — задумчиво согласился с ним Натиоле. — Хотя все равно это большой риск. Если он не сможет быстро сломить наше сопротивление, то военный поход закончится с первым снегом. А тогда мы тоже сможем воспользоваться зимой для подготовки.

— Значит, он должен быть очень уверен в себе. Тем более важно побольше узнать о планах тирана. Что у него в рукаве? — спросил Стен. — Мы знаем, что он не боится рисковать. Он самолично участвовал в осенней битве. Но он также и опытный стратег, который знает сильные и слабые стороны своих людей. Если он выжидает, значит, есть веская причина.

— Осенняя битва... да... тогда мы его почти... — погрузился в воспоминания Натиоле.

— Но это было под конец кампании, которая началась весной, — перебил его Стен, и его друг кивнул.

— Возможно, мы узнаем больше, когда попадем в крепость, — стал размышлять Натиоле и со смехом добавил: — Ты можешь быть проводником. Это будет уже не первое твое посещение крепости!

Воспоминание о времени, проведенном в подвалах Цорпада, заставило Стена вымученно рассмеяться.

— Нижние помещения я бы не советовал посещать. Сыро и холодно, да и люди довольно неприветливые.

Но, прежде чем Натиоле успел ответить, открылась дверь и вошла Линорел, а за ней и Октеиу. Оглядевшись, они подсели к их столу.

С дико бьющимся сердцем Стен спросил:

— Ну?...

— Хорошие новости, — сообщила им Линорел. — Подруга Октеиу откроет дверь для прислуги.

Стен с облегчением откинулся на спинку стула и послал короткую благодарственную молитву духам. Без посторонней помощи попасть в крепость Ремис было вообще невозможно.

— Она украла ключ, — явно нервничая, заявил Октеиу. — Но боится, что ее раскроют. Поэтому мы должны действовать немедленно!

Мгновение Стен озадаченно смотрел на мужчину. «Он неважно выглядит, — подумалось юному влахаку. — Какой-то затравленный... Неудивительно, ведь мы все живем в постоянном страхе». А вслух произнес:

— Как только провернем дело, то все должны исчезнуть из Теремии. Цорпад будет бушевать. Отправимся в Мардев, там мы будем в безопасности и сможем отдохнуть!

Линорел хотела запротестовать, Стен не дал ей сказать и слова.

— Никаких возражений. В Теремии станет слишком опасно.

— Посмотрим, — ответила предводительница мятежников в городе. — Но ведь кто-то должен присмотреть за Цорпадом.

— Потом. Для начала нужно выбраться живыми, — подытожил Стен, и Натиоле согласно кивнул.

— Тот, кто проникнет в крепость, должен будет покинуть город. Ты пойдешь с нами, Лино?

— Да, — вздохнув, сказала Линорел, — вероятно, ты прав, — признала она потом. — Кроме того, если будет война...

— Тогда у всех нас в Мардеве будет полно дел, — Натиоле закончил за нее фразу, и Стен оглядел присутствующих влахаков, радуясь тому, что этот пункт прояснен.

— Ну что, в путь? — спросил он, все кивнули.

Они заплатили за еду и покинули таверну. В темном переулке их обдало холодным ветром, который закрутил их плащи. Над городом повисли низкие тучи, вдалеке на севере периодически сверкали молнии, которые отражались в облаках багровыми зарницами.

— По крайней мере, ночью будет темно, — сказал Натиоле, плотнее закутываясь в плащ.

— Ни луны, ни звезд, — добавила Линорел.

А Октеиу, бледное лицо которого мелькало в свете окон таверны, глухо добавил:

— Темная ночь. Злая ночь.

Стен обеспокоенно взглянул в лицо влахака и подумал: «Октеиу, несомненно, следует отдохнуть».

Стен осторожно выглянул из-за дома. На высокой крепостной стене он разглядел силуэты стражников в мягком свете огней башен. В такую беспросветную ночь, как эта, солдатам едва ли удастся разглядеть, что творится у стен. «Спасибо духам, — подумал Стен, — смена погоды нам на пользу!»

Рядом тихо засопел Натиоле и вытер нос рукавом. Аурела ткнула его под ребро, на что Натиоле тихо зашипел, получив за это злой взгляд от Стена.

— Тихо, проклятье!

— Да, да, — прошептал влахак и мрачно глянул на Аурелу, которая, извиняясь, пожала плечами.

— Что ты видишь? — тем временем поинтересовалась Линорел, просто игнорируя Аурелу и Нати.

— Охрану. Их не больше чем обычно. Сторожевые огни. Все выглядит более-менее спокойно, — тихо докладывал Стен.

Влахаку казалось, что прямо перед собой в темной стене он видит четырехугольник, вероятно, это и была дверь, но Стен не был уверен, а гадать зря не хотелось. Дверь была

первой их целью. По словам Октеиу, она должна быть отперта.

— Значит, они ничего не заметили, — подытожила Линорел, Стен кивнул.

Маленькая группа мятежников поджидала благоприятный момент, чтобы проникнуть в крепость. Каждый был вооружен. Пришли все: Линорел, Натиоле, Костин, Аурела и Октеиу. Не было видно ни зги, и сильные порывы ветра заставляли стражников держаться ближе к огню, а не совершать обходы. Гроза еще была далеко. На горизонте сверкали молнии, но гром докатывался с большой задержкой. Когда-нибудь гроза разразится и над городом, но пока все перебивало в предвкушении буйства стихии. Дождь освежит воздух, но, согласно плану Стена, к тому времени они уже должны будут покинуть Теремию.

На мгновение он мысленно вернулся к троллям. Он мог лишь надеяться, что они не наделают глупостей в его отсутствие. План Стена выглядел так: во время бегства он должен будет отделиться от основной группы и вместе с троллями уйдет через порт. Другие воспользуются подготовленной Линорел лодкой и попытаются уплыть на ней. План был рискованный, но они знали, на какой риск идут. Если произойдет самое худшее, то Натиоле попробует добраться до троллей, в противном случае Стен мог лишь надеяться на то, что эти могучие существа смогут правильно оценить ситуацию и последуют его указанию: как только возникнут проблемы, нужно покинуть город тем же путем, каким пришли. «Если нам не удастся задуманное, то тролли должны будут заметить это, ведь тогда здесь начнется настоящий ад!» — думал он.

Стен помедлил несколько мгновений, наблюдая за поведением стражников, потом глубоко вдохнул и шепотом приказал:

— Пошли!

Он тут же побежал, пригнувшись, вдоль стены по направлению к крепости. За спиной он слышал шуршание одежды и дыхание остальных. Но юный воин не оглядывался. Достигнув угла, Стен понесся через площадь. Непосредственно вокруг крепости домов не было, предшественники Цорпада велели снести все постройки, создав зону, которая хорошо просматривалась и простреливалась.

Стен не спускал глаз с бойниц, но он удачно выбрал время, и мятежники без происшествий добрались до стены цитадели, которая кое-как скрывала их в темноте. Стражник едва ли станет перегибаться через край, чтобы взглянуть вниз, под стену. Прижавшись к шершавым камням, Стен ожидал подхода остальных. После того как все оказались под защитой стены, Стен позволил короткую передышку, а затем двинулся мимо Натиоле и Костина к двери. Над ним массивной громадой возвышались ворота. Прежде чем коснуться двери для прислуги, Стен глубоко вдохнул, так как их план полностью зависел от того, окажется ли она открыта.

Под нажимом дверь медленно отворилась, и Стен с облегчением выдохнул.

— Она открыта. Слава духам! За мной, — прохрипел влахак и протиснулся в узкую щель, так как он не хотел открывать дверь настежь — из опасения, что петли скрипнут и их обнаружат. Стен смог разглядеть почти погасший костер в большом дворе крепости. «Опрометчиво, — усмехаясь, подумал влахак, — и слишком самоуверенно». Несколько тлеющих углей давали не очень много света, лишь частично освещая двор.

Когда группа оказалась в крепости, Стен прокрался дальше, используя каждую тень и каждое укрытие. Заложники располагались в восточном крыле замка. Там точно будет охрана, было бы лучше, если бы солдаты были только внутри здания. Тогда есть шанс застать стражников врасплох и уgomонить их до того, как те поднимут тревогу. «Нести караул — дело скучное и утомительное, особенно в таком безопасном месте, как замок, — подумал Стен. — Это сыграет нам на руку».

Влахак осторожно повел мятежников вдоль стены направо, внимательно наблюдая за тем, чтобы оставаться вне маленького круга света от костра.

Юноша периодически останавливался, когда замечал приближающегося стражника. Один раз пришлось очень долго стоять неподвижно: два солдата тихо переговаривались на стене над ними. Однако удача, казалось, все еще сопутствовала мятежникам, так как их не

обнаружили.

Только когда они добрались до восточного крыла, у Стена впервые зародилось нечто похожее на настоящую надежду. Ему стало казаться, что их план сработает. «Мы уложим стражников внутри и выведем заложников. Тогда мы, считай, выбрались. Даже если нас заметят, мы выйдем через дверь, прежде чем нас смогут остановить», — порадовался про себя воин, бросив взгляд на стражников. Те наконец удалились, и он подал товарищам знак. Мятежники побежали через двор к восточному крылу. Всего несколько шагов отделяли их от ворот, и Стен уже положил руку на рукоять кинжала, готовый силой ворваться внутрь.

— Добро пожаловать назад, Стен сал Дабран! — неожиданно прогремел в ночи низкий голос, за которым последовал злорадный смех.

Стен в замешательстве пробежал еще пару шагов, прежде чем до его сознания дошло значение слов. Он оглянулся. Повсюду в бойницах, словно из-под земли, выросли солдаты. В узких окнах замка загорелся свет, и появились масридские воины. Раздались звуки труб, и ночь прорезали звуки тревоги. Позади Стен услышал громкие проклятья и мягкий шорох извлекаемого из ножен оружия, но он сам стоял, словно оглушенный, в центре медленно сжимающегося круга врагов, которые, словно жуки, выползали из всех щелей.

— Ловушка! — в ужасе прошипела Линорел, и Натиоле снова выругался.

— Не тешьте себя напрасными надеждами. Дверь, через которую вас впустили, снова заперта. Выхода из крепости нет. Спрячьте оружие, и я обещаю быструю, милосердную смерть! — произнес Цорпад откуда-то сверху.

— Это ты должен подохнуть! — крикнула Линорел, но в ответ раздался лишь язвительный смех.

«Мы пропали, — пронеслось у Стена в голове. — Висиния пропала!» Его руки и ноги как будто налились свинцом и отказывались подчиняться, а перед его внутренним взором возникло лицо Висинии, которое он больше никогда не увидит. Но затем в его сердце разгорелся гнев, и он обнажил меч.

— Тиреа! За Тиреа! — прокричал он сквозь ночь, и его друзья сделали то же самое.

Не медля ни мгновения, Стен ринулся вперед, туда, где было меньше воинов марчега. Ловко крутнувшись, он уклонился от копья масрида и на полном ходу полоснул мечом по горлу воина. Тот с хрипом упал, заливаясь кровью. Прямо в голову Стену нацелился кистень, но шаг в сторону позволил увернуться от смертельного удара, затем воин сделал выпад, проткнув мечом кожаные доспехи солдата, отчего тот взвыл от боли. Рядом Стен чувствовал Натиоле, который, орудуя двумя руками, рубил масридов налево и направо, в то время как Линорел холодно и ожесточенно обменивалась ударами с настоящим богатырем, который все дальше теснил влахаку, пока Костин не вывел масрида из равновесия ударом под колено и вонзил затем свой клинок в падающего врага.

«Нам нужно выбраться, — в отчаянии думал Стен, буквально физически ощущая спиной солдат Цорпада, — но каким путем?»

— В круг! — крикнула Линорел. — Спина к спине!

Натиоле рубил наотмашь, не давая передышки двум солдатам. Стен резко обернулся и как раз вовремя, чтобы парировать удар, который был нацелен ему в спину. Он ударил нападавшего кулаком в лицо, и тот отпрянул с разбитым носом.

Происходящее напоминало кошмарный сон: крики, звон ударов металла о металл, все в мерцающем свете факелов и костров, которые отбрасывали на стену искаженные тени. Прошло несколько мгновений, Стен просто уклонялся от ударов или парировал их, пока кто-то все-таки не ранил его в ногу.

Затем он нанес смертельный удар в глотку нападающего и добыл себе несколько мгновений передышки, так как при виде умирающего товарища остальные солдаты отпрянули на несколько шагов.

«Они просто возьмут нас количеством, — понял Стен. — Их слишком много!»

С диким криком он кинулся на врагов и на несколько шагов оттеснил их, но лишь для того, чтобы быстро развернуться и поспешить к Натиоле, у которого возникли трудности.

Юноша нырнул под руку нападавшей с мечом, ударил и вывернул ей плечо, отчего воительница потеряла равновесие. Но при этом он сам зацепился за ее ноги и тоже споткнулся. Лишь быстрый выпад Натиоле спас его от булавы второго нападающего. А воительница снова оказалась на ногах. Но в этот момент Стен ударил ее в бедро, и меч разрубил мышцы до самой кости. Затем юноша рывком выдернул оружие из плоти и развернулся, чтобы встретить врагов, нападающих сзади. При виде капающей с клинка крови солдаты замешкались и остановились на небольшом расстоянии от влахака.

— Вперед, вы, псы! — прозвучал голос Цорпада над двором. — Прикончите их!

Тут Стен краем глаза заметил светлый четырехугольник и, оглянувшись, увидел, как в восточном крыле открылась дверь. За дверью юноша заметил множество горящих свечей. В рамке двери обозначился силуэт. «Капелла, — промелькнуло у Стена в голове, — священник!»

— К капелле! — приказал он влахакам. — В капеллу!

Он с новыми силами бросился на врагов, чтобы расчистить дорогу своим товарищам.

— К Стену, к Стену! — закричал Натиоле мятежникам и подскочил ближе к другу.

Не обращая внимания на раны, Стен пробивался сквозь ряды воинов Цорпада, раздавая удары направо и налево.

Натиоле зарубил какую-то масридку, еще одному солдату отрубил кисть... Остальные мятежники пытались пробраться к Стену. Линорел и Костин, прикрывая друг друга, медленно пробивались в этом направлении. Октеиу нигде не было видно, вероятно, он был ранен или погиб. Аурелу пытался оттеснить широкоплечий сцарк, нанося удары. Но миниатюрная женщина ухитрилась остаться вне зоны его досягаемости и уклонялась от ударов. Выражение лица у Аурелы было отчаянное, но ей никак не удавалось обойти воина и присоединиться к товарищам. «Она не справится», — понял Стен и прошипел Натиоле:

— Выведи из строя остальных!

Прежде чем друг успел что-то ответить, Стен отделился от группы влахаков, наградив при этом ударом в глотку еще одного противника и уходя из-под удара другого. Не обращая внимания на крики, он помчался в сторону Аурелы. Женщина увидела его приближение и на мгновение отвлеклась. Ее враг воспользовался этим, чтобы вонзить свою секиру ей в плечо. С криком худенькая женщина рухнула, и, прежде чем Стен добрался до них, сцарк ударил секирой еще раз, прямо по лицу.

Стену показалось, будто это он получил удар, что это его череп наполнился ледяным холодом. Издав дикий древний клич, от которого враг обернулся, Стен прыгнул вперед. С невероятной ловкостью влахак уклонился от удара и, держа меч двумя руками, нанес удар сам. Клинок вонзился в горло сцарка, сокрушая сухожилия, мышцы и кости. Рослый воин зашатался и попытался руками остановить кровь, хлеставшую фонтаном, затем его ноги подкосились, и он замертво упал на землю. Стен опустился рядом с Аурелой. Но одного взгляда было достаточно, чтобы понять — слишком поздно, секира буквально разрубила череп надвое.

Не позволяя себе сейчас думать об этом, Стен вскочил и ринулся на четырех масридов, которые перекрывали ему путь к капелле. На пороге он увидел Натиоле, который, истекая кровью, прикрывал для него путь к отступлению.

— Входите! — крикнул Стен другу. — Заприте дверь!

Но Натиоле лишь покачал головой и пронзил еще одного масрида своим фирменным ударом. «Ты, проклятый дурак», — немного разозлившись, но с облегчением подумал Стен, атакуя на солдат.

Против четверых сразу даже его фехтовальное искусство было бессильно. Он смог убить одного противника, но меч масрида болезненно прошелся по его ребрам, и Стен лишь чудом избежал удара секирой, нацеленного в голову. Влахак с диким воплем набросился на масридку и оттеснил ее, но прервал свою атаку, чтобы увернуться от очередного удара секирой.

Ловко, словно кошка, Стен отскочил от нападавших и устремился к входу в капеллу,

Натиоле отбивался из последних сил. Не останавливаясь, Стен вонзил меч одному масриду в спину, а второго толкнул на землю. При этом чуть не выбили меч из его рук, но, Стен вцепился в оружие, словно утопающий за соломинку. Затем он и сам упал на землю.

Довольно неуклюже перекатившись, юный воин оказался у ног Натиоле. Вскочил, ударил очередного масрида, провернул меч и вынул его уже из тупа врага, а затем на четвереньках перелез через порог капеллы. Костин схватил его за руку и втащил внутрь.

— Нати! — скорее прохрипел, чем прокричал Стен.

Его друг сделал еще один выпад и отпрыгнул назад, в капеллу. Костин и Линорел бросились на массивную дубовую дверь капеллы и попытались закрыть. Но солдаты Цорпада тоже навалились на дверь снаружи. Из последних сил Стен присоединился к влахакам, толкая дверь плечом. Натиоле отскочил от двери и побежал вглубь помещения.

Несмотря на невероятные усилия влахаков, дверь медленно, но неумолимо открывалась. Натиоле вернулся с пылающей чашей в руке и швырнул ее в узкую щель приоткрытой двери. Еще в полете масло загорелось, и снаружи раздались ужасные крики боли. Из последних сил влахаки навалились на дверь и закрыли ее на засов. Снаружи в капеллу доносились стоны, Натиоле и Костин перевернули широкий деревянный шкаф и привалили им дверь. Стен очень хотел помочь, но единственное, на что он еще был способен, — это стоять, прислонившись к стене, и тяжело дышать, при этом каждый вдох и выдох вызывал горячую волну боли. Нати и Костин лихорадочно искали, чем бы еще заблокировать дверь, при этом Нати грубо оттолкнул священника Альбус Сунаса, которого они случайно закрыли в капелле вместе с собой.

Рядом со Стеном Линорел сползла по стене на пол и коснулась его рукой.

— Для меня было честью сражаться с вами.

— Еще не все кончено, Лино, — возразил Стен, он вытер рукой рот и замер на мгновение, уставившись на кровь на пальцах.

Линорел ничего не ответила. Стен глянул вниз и, к своему ужасу, увидел лужу темно-красной крови, которая расползлась рядом с женщиной. На стене влахака оставила широкий красный след.

Стен склонился над Линорел. Ее дыхание было едва уловимо, и она, казалось, уже ничего не видела пред собой. Плащ обмотался вокруг женщины, и когда Стен откинул его, то увидел широкую и глубокую рану с рваными краями, которая тянулась от бедра почти до самого плеча, из нее, не прекращая, текла кровь.

— Нати! Костин! Нужна помощь! — прокричал Стен и попытался прижать плащ к ужасной ране, чтобы остановить кровотечение, но, прежде чем оба мятежника успели отреагировать, веки Линорел задрожали.

— Линорел! — взмолился Стен. — Останься с нами!

Но последний, глубокий вздох был единственным ответом влахаки. Ее тело содрогнулось последний раз и замерло навсегда. На глазах Стена выступили слезы отчаяния и гнева. Юноша сложил окровавленные руки женщины на груди и закрыл ей глаза, а потом прошептал:

— Да пребудут с тобой духи в твоём путешествии, Линорел сал Долеорман.

Рядом с ним на колени опустился Костин и глухим голосом сказал:

— Удачного тебе пути, Лино.

Стен почувствовал, как Нати положил руку ему на плечо, и отвернулся от отважной воительницы. Он хотел сказать что-нибудь, но голос подвел его, или он просто не мог подобрать слов... Но в этот момент дверь сотряслась под мощным ударом, и все обернулись.

— Быстро! — крикнул Натиоле и прижался к импровизированной баррикаде.

Стен сделал то же самое. Когда он оперся спиной на шкаф, то заметил священника, о присутствии которого они совсем забыли.

Несмотря на явный страх перед залитой кровью влахакой, служитель выпрямился во весь рост и крикнул:

— Никакого кровопролития в этом месте! Это храм света и жизни!

Стен в гневе подскочил и показал на Линорел:

— Слишком поздно, форбс! В твоей святыне уже пролилась кровь!

— Вы — варвары! Вы оскверняете... — начал было священник, но Стен перебил его:

— Заткнись!

Явно испугавшись, толстяк дрогнул и отшатнулся, потом упал на колени и стал молиться.

Под ударами крепкие двери капеллы трещали, и Стен больше не мог тратить время на священника. Но неожиданно натиск прекратился так же неожиданно, как и начался. Толстые доски, очевидно, оказались слишком крепкими, чтобы просто пробить их. Двор крепости накрыла подозрительная тишина.

Стен глянул на священника, который продолжал бормотать свою молитву.

— А за что ты молишься?

— Я молюсь, чтобы погибшие нашли путь к вечному свету, — ответил тот, взглянув на Линорел.

— А не о своей собственной жизни? — съязвил Натиоле, но Стен спросил еще:

— Свет для погибших? Для всех?

— Божественный Свет не различает масридов и влахаков. Мои молитвы касаются всех, кто лишился жизни.

— А ответь мне на такой вопрос, священник, — неожиданно спросил Стен. — Знаешь ли ты лангора Просвещенного?

— Ну, лангор — этот титул того, кто является самым главным в монастыре или храме.

— Это я знаю, — сказал Стен. — Но — Просвещенный? Это звучит как почетное звание или прозвище, правда?

— Ну... Лангора из монастыря Стариг Яцек называют Просвещенным за его мудрость и смирение. Но больше я не знаю...

— Спасибо, — перебил Стен священника. — Название Стариг Яцек мне знакомо. Он находится на юге, да?

— На юг от Бака Маре, насколько я знаю, но я никогда там не был, — в замешательстве заявил священник.

— Точно, теперь я тоже вспомнил. А не называют ли монастырь также Бастионом Света? И он стоит возле Сиреу. — вспомнил Стен и, когда священник утвердительно кивнул, подумал: «Об этом обязательно должны узнать тролли. Но как?»

Его взгляд вновь обратился к заблокированной двери. «Они пробьются, это лишь вопрос времени, — мрачно подумал Стен. — Цорпада не остановит святость помещения. Скоро мы все присоединимся к Линорел на ее пути через темноту смерти». Полный безнадежного отчаяния, Стен провел рукой по лицу. «Я не справился, и теперь Висиния тоже умрет!»

38

Так тихо, как только возможно, Сарган прокрадывался между нагромождением ящиков, тролли не обращали на него внимания, сконцентрировавшись полностью на красивой влахаке, которая, несомненно, была сестрой Стена. «Мятежник был прав, — констатировал Сарган, — тролли — это непредсказуемые, злые чудовища. К сожалению, осознание этого пришло ко мне слишком поздно».

Выход через боковую дверь перекрывал Пард. Как Сарган и предполагал, тролли просто так не отпустят его, поэтому он обратил свой взгляд вверх, на крышу склада. Там был целый ряд окон, закрытых деревянными ставнями. И в настоящий момент они представляли собой единственно возможный путь к спасению. В окна, напоминавшие, скорее, щели, едва ли мог пролезть мужчина, но Сарган все же верил, что ему удастся протиснуться. Но нужно было добраться до них. К счастью, на складе высились штабеля ящиков и бочек, по которым он сможет вскарабкаться на балки крыши, а уже по ним он

подлезет к окнам.

Склад был почти погружен в темноту. Лампа у двери освещала не так много пространства вокруг себя, к тому же повсюду были наставлены ящики, поэтому уже на расстоянии нескольких шагов от лампы было абсолютно темно. Этим обстоятельством Сарган и думал воспользоваться.

Кинжал он засунул в ножны, ведь все равно он едва ли сможет причинить им вред троллям. Сарган еще помнил о кровавом побоище с гномами на ночной дороге, во время которого даже тяжелые топоры маленького народца почти не причинили этим существам вреда. «В глаз... возможно, это и даст какой-то результат, — подумал дириец, — но лучше незаметно исчезнуть!»

От входа до него донесся стон, а потом короткий крик женщины. «Мне очень жаль, но лучше ты, чем я», — холодно попрощался Сарган с влахакой и тихо полез на штабель ящиков.

— Теперь твоя очередь, — торжествовал Пард, но Друан сказал:

— Не надо игр, Пард. У нас нет времени!

В этот момент Сарган подтянулся через край самого верхнего ящика и взглянул вниз, на троллей, которые собрались вокруг Роха, схватившего Флорес и зажимавшего ей рот, чтобы девушка не кричала. Влахака изо всех сил сопротивлялась однороговому и отчаянно пыталась освободиться. Сарган, который совсем недавно ощутил на своем собственном теле чудовищную силу троллей, сочувственно скривился, но подумал: «Я должен действовать сейчас, пока чудовища заняты ею».

Дириец медленно поднялся и посмотрел вверх, балки крыши казались такими близкими. Тем не менее он увидел, что необходимо совершить хороший прыжок, чтобы достичь цели и не упасть на пол, где его ждет верная смерть в когтях чудовищ. Как раз в тот момент, когда он уже был готов прыгнуть, Пард поднял лапы и, зло улыбаясь, пошел на Флорес, которая, хоть и пыталась, но не могла остановить его. «Сейчас или никогда!» — приказал себе Сарган, однако как раз в этот момент снаружи донеслись звуки труб.

Дириец растерянно оглянулся, тролли повели себя точно так же.

— Что это? — спросил Рох.

— Люди! — ответил Пард и схватил Флорес, которая что-то яростно зарычала, но слова ее были неразборчивы.

— Звуки со стороны города, — согласилась с большим троллем Анда.

Сарган, который знал город лучше, чем тролли, понял, что сигналы тревоги доносились со стороны крепости Ремис. «Стен, — промелькнуло у него в голове. — Если правда то, что говорила его сестра, значит, предатель добился своего».

Эти мысли немного расстроили Саргана, упрямый влахак показался ему вполне симпатичным, но на сантименты у лазутчика сейчас совсем не было времени.

— Что теперь, Друан? — спросил Пард, и Друан с удивлением констатировал, что вопрос ползвучал почти беспомощно.

— Я не знаю! — рыкнул он здоровяку.

— Я тоже не знаю!

— Давай убьем ее. Затем поищем этого полугнома и заткнем и ему его лживый рот! — решил Пард, что должно было, собственно, только укрепить желание Саргана незаметно исчезнуть.

Но вместо этого он громко крикнул со штабеля ящиков:

— Стойте!

К нему сразу же обернулись все пятеро, и Пард злобно оскалил клыки. От этого зрелища Сарган невольно содрогнулся и подумал: «Наверное, бегство было бы все-таки проще и надежнее. И почему у меня такое мягкое сердце?»

— Жалкий маленький проныра! — зло взревел Пард.

Сарган проигнорировал гиганта и обратился к Друану:

— Это трубы подают сигнал тревоги в замке, Друан. Они призывают к оружию солдат

Цорпада.

— Подожди, — приказал вожак Парду, который уже направился к ящикам, на которых сидел Сарган. — И?

— Думаю, это из-за Стена. Его предали, она не врет, — объяснил дириец, кивнув на Флорес.

— Откуда ты знаешь? — резко спросил Друан, с подозрением прищурившись.

— А зачем бы еще трубили?

— Стен сражается против Цорпада? Ты это имеешь в виду? — задумчиво переспросил Друан.

— Я думаю, да. Не случайно в замке объявили тревогу. Дайте сказать Флорес, — предложил Сарган, и Друан кивнул Роху, чтобы тот убрал руку с ее рта.

— Вы, вонючие... — начала было ругаться влахака, но Сарган перебил.

— У нас на это нет времени. Почему в крепости объявили тревогу?

Она пожала плечами.

— Понятия не имею. Наверное, они обнаружили укрытие Стена или... — тут ее глаза расширились от ужаса и она чертыхнулась. — Проклятый идиот, конечно! Заложники! Он пытается освободить заложников!

Тролли озадаченно смотрели на нее, и Друан спросил:

— Что такое заложники?

— Люди, оставленные для гарантии мира. Люди, которые были переданы во власть Цорпада, — поспешила объяснить Флорес.

— И эти люди в замке? — спросил Друан, Флорес кивнула, после чего Друан явно задумался. — А почему хозяин замка просто не убьет своих врагов?

— Это заложники, — еще раз объяснила Флорес. — Пока держится мир, они в безопасности, в этом весь смысл!

— Они друзья Стена? — неожиданно поинтересовался Рох, и Флорес снова кивнула.

— Да. Висиния сал Сарес — одна из этих заложников. Стен и я давно знаем ее.

— И что это все значит? — озадаченно поинтересовалась Анда.

— Ничего, — жестко отрубил Пард. — Стен сказал, что мы должны уходить, если он не вернется. Теперь он точно не вернется, так?

— Но что с...

— Ничего! Мы убиваем их и исчезаем. Найдем мага солнца и за пределами этого города. Мы же знаем о монастыре. Любой маг солнца расскажет нам все, что нужно, не волнуйтесь!

— Я не хочу, чтобы вы убивали рисующего звуки, — возразил Рох, после чего раздался гневный рев Парда:

— Неужели? А почему нет? Ты что, поглупел?

— Он помогает нам, как и Стен! — упрямо ответил Рох и отпустил Флорес, которая сразу же отступила на два шага от Парда и подняла меч.

— Вы проклятые сволочи! — выкрикнула влахака. — Цорпад сейчас пытается убить моего брата. Выпустите меня или...

— Или что? — рявкнул Пард, клацнув зубами, отчего Флорес отступила еще дальше.

— Я должна помочь брату, — ответила она, явно пытаясь сохранить самообладание.

Но, прежде чем Пард нашел, что сказать, заговорил Друан.

— Мы поможем Стену. Наш враг — Цорпад, а не эти люди!

— Но, Друан, он же сам сказал, что мы должны уходить по воде, — почти умоляя, возразил Пард.

— Стен вместе с нами сражался против наших врагов. Ты хочешь оставить его одного в битве против людей, которые и нам угрожают? Ты хочешь сбежать? — жестко спросил Друан, на что Пард зарычал:

— Я не сбегаю! Я никогда не бегу!

— Хорошо. Тогда мы сейчас отправляемся в крепость и разобьем там головы паре

людей!

— Это звучит намного лучше, — мрачно пошутил Пард и стал быстро отдавать приказы. — Собирайте вещи, берите с собой все! Настало время для драки!

Пока тролли готовились в дорогу, Друан обратился к Флорес:

— Мы поможем Стену. Ты поведешь нас?

— К крепости? Конечно, — осторожно ответила влахака.

Она явно не доверяла намерениям троллей, и Сарган не мог упрекнуть ее в этом.

— Я с вами, — крикнул дириец и стал спускаться с ящиков вниз.

— Зачем? — спросил его Друан.

— Я так хочу! У нас общие враги, может быть, мы сможем помочь друг другу.

Тролль, смирившись, пожал плечами.

— Как хочешь. Но если что...

Друан не закончил предложения, и недвусмысленная угроза повисла в воздухе.

«Наверное, я сошел с ума, — размышлял Сарган, следуя за Флорес по темным переулкам города. — Во что я позволил себя втянуть?»

Сарган ругал себя за свое решение. Помогать Флорес, вместо того чтобы уйти, воспользовавшись всеобщей суматохой... Да... Конечно, он достиг цели — выбрался из склада живым и невредимым. «А вообще, я мог бы сейчас лежать с оторванными руками и ногами в луже собственной крови и сдыхать, какой я дурак безмозглый!»

Улицы Теремии были пусты. Очевидно, сигнал тревоги означал, что горожане должны сидеть по домам, закрыв окна и двери. Только так Сарган мог объяснить себе, почему тролли еще не собрали вокруг себя толпу.

Бежать в темноте по неровным камням, которыми был вымощен весь город, было не так-то и просто. Перед Сарганом бежала Флорес. Дириец смог рассмотреть ее красивые ноги и длинные темные волосы, которые развевались при каждом шаге. «Возможно, в этой стране не все так плохо, — подумал он. — Тут тоже есть женщины... с темпераментом».

Вдалеке уже виднелись освещенные бойницы крепости. Сарган мог разглядеть в них силуэты. Солдаты, видимо, суетились на фоне полыхающих сторожевых огней. Скоро они доберутся до стен цитадели, и тогда дальнейшие события будут зависеть от троллей. Не снижая бега, группа достигла рыночной площади.

Неожиданно Флорес громко выругалась, и Сарган быстро обнаружил причину: на площади стояли пятеро мужчин в белых одеяниях, у которых в руках были факелы и фонари, и обеспокоенно смотрели в сторону крепости. Прежде чем дириец успел что-нибудь крикнуть троллям, Пард уже свернул с улицы на площадь. Крик одного из мужчин заставил обернуться и остальных, и Сарган увидел золотые диски, которые они носили на шеях. «Этого нам как раз сейчас и не хватало! — застонал он про себя. — Альбус Сунас!»

— Духи темноты! — закричал лысый священник с крючковатым носом, и в ответ на это Пард по-звериному заревел в ночь, священники в страхе отшатнулись.

Один из служителей, увидев тролля, кажется, вообще потерял сознание, так как просто опустился на землю.

— Изыди! — закричал другой дрожащим голосом. — Возвращайся в ад, из которого ты вышел!

В этот момент на площадь вбежали остальные тролли. Они окружили Парда, который оглядывался, оскалив клыки и сжав кулаки.

— А ты заставь меня, человечешко!

Краем глаза Сарган увидел Флорес, которая стала между Пардом и священником и крикнула:

— Исчезните, форбсы! Вам здесь нечего делать!

Чтобы придать вес своим словам, она подняла меч, который грозно просвистел в воздухе.

— Это духи темноты! Их присутствие оскорбляет Божественный Свет! — стал

браниться лысый священник, но на Флорес это не произвело никакого впечатления.

Она стала приближаться к одетым в белое мужчинам с грозно поднятым мечом.

Сарган укрылся в тени какого-то подъезда и продолжил наблюдение оттуда. «Пара священников, с которыми тролли легко справятся», — решил он.

Но Друан удержал Парда, который хотел было броситься на братьев ордена, и крикнул:

— Они опасны, Пард!

Здоровяк удивленно посмотрел на него:

— Ну и что? Я тоже!

Священники отступили на ступени своего храма, и один боязливо прошмыгнул внутрь, как с улыбкой заметил Сарган. Однако их предводитель не собирался отступать и подбадривал остальных:

— Мужайтесь, братья, мужайтесь!

— Назад, в стойло! — язвительно бросила Флорес; служители дошли до нижней ступени, следуя ее приказу, но затем остановились.

Тролли вслед за Друаном тоже подошли ближе, и Сарган уже хотел оставить свое укрытие, как вдруг лысый священник прокричал, обращаясь к Флорес:

— Развратница! Потаскуха темноты!

Затем события стали развиваться стремительно: на входе храма зажегся яркий свет, влахака издала крик боли и отшатнулась, размахивая мечом.

— Вперед! — закричал Друан, и тролли побежали на служителей, но священник поднял свой диск и стал громко молиться.

Из золотого диска начали выбиваться сначала медленно, а затем все быстрее яркие лучи света, пробивая темноту. Когда один из этих лучей попадал на троллей, те ревели и отшатывались, а священник не унимался, продолжая целиться лучом в монстров.

— Свет причиняет вам боль, порождения темноты! Склонитесь перед силой и чистотой Божественного Света!

Гонимые светом, тролли отступали, в то время как священники стали медленно двигаться к ним, удерживая высоко над головой символ своей веры.

Флорес, явно вслепую, несколько в стороне сражалась с одним из священников, но тут еще один из служителей набросился на нее и толкнул. Все рухнуло на землю, но затем один из мужчин взревел от боли, так как клинок наемницы полоснул его по лицу.

Маги солнца все дальше и дальше теснили троллей, пока Пард с диким воплем не бросился прямо на луч света. Здоровяк задымился, но он игнорировал боль, защищая рукой глаза. Саргану лишь с большим трудом удавалось рассмотреть, что происходило, потому что свет был просто ослепительным.

По всей вероятности, атака Парда провалилась, так как священник заревел:

— Да, бойтесь света! Он сжигает в пепел таких чудовищ, как вы!

Тут площадь осветила невероятно мощная вспышка, и маг солнца закричал:

— Увидьте свет самого солнца!

Свет был яркий, как днем, только исходил он из золотого диска в руках священника. К счастью, у Саргана в этот момент глаза были зажмурены, он не ослеп, но некоторые жрецы, похоже, не успели защититься и закричали от боли.

Когда в глазах перестали мигать солнечные пятна, Сарган обнаружил, что священник превратил ночь в день. На несколько шагов вокруг царил полдень, да и остальная площадь была освещена. Вокруг священника возник нимб, и теперь он казался божеством, медленно плывущим по рыночной площади.

Тролли безжизненно лежали на земле, поверженные светом. «Солнечный свет, — подумал Сарган наполовину испуганно, наполовину зачарованно, — и теперь они спят, как днем!»

Флорес поднялась на ноги, но, казалось, все еще была ослеплена. Жрец, который напал на девушку, остался лежать, постанывая. Презрительно глянув в ее сторону, лысый священник бросил:

— Братья, схватите эту развратницу. На рассвете мы должны предать ее огню, так как она — любовница духов темноты!

Двое священников осторожно подступили к Флорес. Одного девушка оттолкнула, но в этот момент второй прыгнул на нее, и влаха снова оказалась на земле. Двое мужчин старались изо всех сил, но им с большим трудом удавалось удерживать Флорес, которая выронила меч, но отбивалась руками и ногами.

Однако главный жрец больше не обращал внимания на эту борьбу. Он подошел к неподвижному Парду и ткнул его ногой в бок. Тролль не отреагировал, лысый священник громко расхохотался и воскликнул:

— Они мертвы! Уничтожены Божественным Светом! Подходите, братья, давайте сожжем их тела, чтобы они вернулись в ад тьмы крошечной!

Жрецы Альбус Сунаса, которые еще плотной группой стояли на ступенях перед входом в храм слегка приободрились и направились к троллям. Двое поспешили на помощь товарищам, пытавшимся утихомирить Флорес, которая уже ничего не могла противопоставить силе четырех мужчин. Ее удерживали на земле трое священников, в то время как четвертый связывал руки, пытаясь заодно засунуть ей в рот кляп. Теперь проклятия, которыми она осыпала жрецов, звучали намного глуше.

Священники еще не обнаружили Саргана, который находился в тени подъезда. Лазутчик лихорадочно обдумывал, что теперь предпринять. «Пока сияет свет, тролли беззащитны. Если священники действительно хотят сжечь предполагаемые трупы, то дела совсем плохи. И как, о восхваляемая Агдель, мне выбраться из этого приключения целым?» — раздумывал дириец, осматривая освещенную рыночную площадь, на которой сновало полдюжины священников, отрезая Саргану любые пути к отступлению.

Наконец, двое мужчин подняли Флорес на ноги. Тем временем несколько священников побежало к храму и затем вышли оттуда с маленькой бочкой.

«Масло, — подумал Сарган. — Да, дело пахнет жареным».

Но, прежде чем жрецы начали поливать маслом безжизненные тела троллей, лысый священник отошел на несколько шагов, уступая им место. При этом маленькое укрытие Саргана оказалось полностью залито светом. И теперь обнаружение еще одного участника нападения было вопросом времени. «Скорее всего, я тоже окажусь на костре. Эти священники не выглядят достаточно разумными, чтобы соответствующим образом оценить ситуацию. Настало время для героических поступков», — вздохнул Сарган, запустил руку под рубашку и схватился за рукоятку небольшого плоского ножа, который висел в ножнах на боку.

Он быстро выскользнул из укрытия, чтобы ближе подобраться к главному жрецу. Один из служителей обнаружил его и вскрикнул, но было уже поздно. Плавным движением Сарган вонзил острый клинок в горло лысого. «Кинжал был бы лучше. Пора бы троллям проснуться», — подумал дириец, когда к нему повернулось полдюжины разъяренных мужчин.

39

Как Висиния ни пыталась, но этой ночью ей никак не удавалось уснуть. После демонстрации нового оружия и смерти Гиоргаса ее мысли постоянно крутились вокруг двух вещей. С одной стороны, нужно предупредить сестру и мятежников в Теремии, а с другой — выволить других заложников. Без сомнения, Ионна немедленно должна узнать о планах безумного марчега, а еще необходимо сообщить влахакам в городе, что среди них скрывается предатель, хотя Висиния и не знала, кто он.

А еще она не могла победить жуткую тоску по Стену. Тоска, словно серая пелена, накрывала ее душу, стоило ей вспомнить юного воина, какое-нибудь его слово или жест. Каждый раз, когда это происходило, у влахаки сжималось сердце.

Восточное крыло неусыпно охраняли. Висиния внимательно следила за каждым

движением солдат, чтобы начать действовать в подходящий момент, но такового просто не было. Вообще, все восточное крыло было превращено в тюрьму. Комната Висинии была более удобной, чем помещения остальных заложников, но и она была такой же заключенной, как и все. Крепкие двери были снаружи заперты на засов, в коридорах дежурила стража, даже во дворе днем и ночью находился как минимум один солдат. Ставни на окнах были заколочены, поэтому бесшумно покинуть комнаты было невозможно. Хозяин крепости позаботился о том, чтобы не позволить заложникам сбежать. Висиния не могла придумать какой-нибудь план их спасения.

«Мы умрем здесь, — в отчаянии думала влахака. — Возможно, мне удастся избежать смерти, если я для вида соглашусь с предложением Цорпада, но я не могу оставить товарищей на верную смерть!»

Обратиться к Миреле за помощью девушка тоже не могла, так как со вчерашнего дня у Висинии служанку забрали. Теперь еду приносили солдаты, мужчины с бесстрастными выражениями лиц, всегда по двое и все время начеку, бесполезно было даже пытаться незаметно проскользнуть мимо них.

Уже которую ночь Висиния без сна лежала на кровати, прислушиваясь к звукам в цитадели, а в уме вновь и вновь прокручивала накопившиеся проблемы, но никак не могла найти им решение. «Если не удастся уйти вместе, тогда я должна принять предложение Цорпада и оставить других на произвол судьбы. О духи, на что вы меня обрекаете?» — в отчаянии спрашивала она себя. Однако постепенно в ней росло решение, превращаясь в четкий план.

Завтра рано утром она потребует аудиенции у Цорпада и сообщит ему, что готова передать Ионне его предложение. По крайней мере, тем самым можно будет выиграть немного времени для влахаков в Мардеве и заложников в замке, пока Цорпад будет ожидать ответа. Время так необходимо Ионне и предводителям мятежников! «Мне придется предать остальных заложников и свою совесть, чтобы не предать народ. Иначе масриды отнимут у нас все: свободу, землю, семьи, честь, любовь. Оставят лишь горький привкус пепла».

После того как она приняла это мучительное решение, ее душа немного успокоилась, а тело потребовало сна, который уже давно не приходил к ней. Она погрузилась в дремоту, полную обрывков видений войны и кровопролития... Бездарные битвы и разбитые союзы... Девушку разбудил резкий сигнал тревоги, и она подскочила на постели.

«Что происходит? Война?» — в полусне подумала она, пока ее душа не стряхнула беспокойные сновидения, и она, наконец, осознала, где находится. В растерянности влахака подбежала к окну, выглянула наружу через узкую щель в заколоченных ставнях. Небо было темным, поэтому она едва смогла рассмотреть дерево во дворе, но все же девушка была уверена, что стражников там нет. Висинию охватило волнение. Может быть, это и есть тот случай, которого она ждала! Наверное, духи вняли ее немому крику о помощи.

Неожиданно прозвучал крик, отразившийся эхом от толстых стен цитадели, крик, который поразил ее в самое сердце.

— Добро пожаловать назад, Стен сал Дабран! — прогремел голос Цорпада.

Висиния лихорадочно озиралась, ее взгляд упал на сундук с платьями. Двумя руками она подняла тяжелый, обитый железом деревянный ящик, рывком взвалила его на плечо и изо всех сил швырнула в окно. С оглушительным грохотом и треском оконные ставни разлетелись. Обломки полетели во двор. Висиния уже собралась вылезти в окно, но дверь внезапно распахнулась, в ее комнату ворвались два солдата с обнаженным оружием.

— Прочь от окна! — приказал тот, что был впереди, молодой сарк с зигзагообразным шрамом от носа через всю левую щеку.

Висиния в отчаянии огляделась в поисках подходящего оружия и за неимением другого схватила обломок рамы.

Со двора доносились звуки сражения, сталь крушила сталь, и неожиданно в самом сердце столицы масридов, в цитадели Цорпада, раздался боевой клич мятежников:

— Тиреа! За Тиреа!

Что бы там ни происходило, Висиния решила во что бы то ни стало это выяснить и использовать возможность для бегства.

— Прочь от окна, — снова прокричал сцарк со шрамом, а его спутник натянул тетиву лука.

В ночной сорочке и с куском деревянной рамы у нее было мало шансов против вооруженных воинов в доспехах. Поэтому Висиния бросила свое оружие в ближайшего солдата и прыгнула на подоконник. Но, прежде чем она успела прыгнуть на дерево, оба воина подскочили к ней, схватили за подол и сорвали с подоконника. Когда они затаскивали ее внутрь, она услышала крик:

— К Стену! К Стену!

Влахака упала на твердый каменный пол, но боль затерялась в водовороте нахлынувших чувств. «Что за наваждение? Значит ли все это, что Стен жив?» — думала она, в то время как солдат грубо схватил ее за плечо, поднял и потащил к кровати. Скорее инстинктивно, чем намеренно, она ударила его в грудь.

— Проклятая ведьма! — прошипел воин. — Я научу тебя уважению!

— Оставь, — вмешался другой, старший солдат и встал между ними. — Мы только заработаем себе неприятности, если с ней что-то случится!

— Мне все равно. Эта мерзавка хотела сбежать!

Висиния быстро вскочила на ноги и оглянулась в поисках другого пути к бегству, но в двери уже появился третий воин, самый старший, со словами:

— Я не стал бы пытаться... Если вы вынудите нас, то мы можем сделать вам больно...

Три вооруженных солдата слегка уменьшили боевой дух Висинии, и девушка молча села на край кровати. Затем она подняла голову и пристально посмотрела на солдат.

— Что там происходит? — спросила она. — Кто там сражается?

— Этого мы не знаем. Нам было приказано быть особенно внимательными этой ночью, — заявил один из воинов, а стоявший в двери добавил:

— Все должны были остаться в замке, госпожа, даже те, у кого не было сегодня дежурства.

— Вы будете благоразумны? — спросил старший, Висиния уныло кивнула.

Снаружи до них еще доносились звуки сражения, но девушка могла лишь гадать, что там происходит. Однако, несмотря на то, что ее отчаянная попытка провалилась, ей угрожали вооруженные солдаты и ее положение оставалось абсолютно безвыходным, ее сердце рвалось из груди от чувства хмельной надежды. «Цорпад соврал, — подумала она с мрачной удовлетворенностью. — Стен жив. И он здесь».

С разрешения солдат она отыскала простое темное платье, то самое, которое надевала во время ночной вылазки в Тиремию, и оделась. Остальные вещи, вероятно, лежали во дворе среди обломков сундука и ставен.

Время тянулось очень медленно. Висинии никак не удавалось привести в порядок свои мысли. В какой-то момент звуки борьбы стихли, теперь она слышала лишь причитания, стоны и крики раненых. Но потом затихли и они.

Ее стражники, казалось, знали столь же мало, как и она сама. Периодически то один, то другой подходили к разбитому окну и украдкой выглядывали в темноту, но не могли разглядеть, что же там происходило.

Неожиданно в дверях возникла Скилои и вежливо поклонилась.

— Дорогая дама Висиния, я с большой неохотой вынуждена побеспокоить вас в столь поздний час, но я получила задание незамедлительно провести вас к моему господину. Вероятно, вы уже слышали о волнениях в крепости? — говорила сцарка, с язвительной улыбкой окидывая многозначительным взглядом остатки ставен, которые криво болтались в петлях.

— Совершенно невозможно уснуть, — саркастично ответила Висиния и поднялась. — В последнее время ночные аудиенции стали входить в моду у вашего господина.

— Это решать исключительно марчегу, — ответила Скилои и снова улыбнулась. —

Странные пошли времена.

С этими словами сцарка покинула комнату, и Висиния поспешила следом, в то время как солдаты по приказу Скилои двинулись за ними.

Висиния заметила, что, вопреки обычаю, подчиненная Цорпада облачена в легкие кожаные доспехи. «Доспехи, госпожа Касцон? — подумала она. — Бойтесь за свое драгоценное здоровье?»

К ее удивлению, внизу, у лестницы, к ним присоединились другие заложники, большинство были заспанные, в наспех наброшенных накидках. Сухай, худой и бледный, с растрепанными темными локонами; Киприу, старый боярин, сыновья и дочери которого все до одного полегли в осенней битве и который в одночасье поседел от горя; Михалета Аманас, юная дочь воеводы из Цальсани, одного из самых главных соратников Ионны, воеводство которого неприступной крепостью стояло среди коварных болот Мардева; Лейка сал Полеамт, рослая, гордая влахака, черные глаза которой, казалось, могли заглянуть любому в самую душу.

— Что здесь происходит, дама Висиния? — спросил Сухай и поспешил к ней, однако стражник грубо оттолкнул его.

— Я не знаю, Сухай, мне сказали не больше, чем вам, — ответила Висиния.

— Наверное, это масридское чудовище будет казнить нас! — прошептал Киприу и закашлялся, прикрыв рот запятнанным платком. — Это так похоже на ублюдка!

— Нет, нет, — возразила Висиния, заметив по испуганным взглядам Сухай и Михалеты, какой эффект возымели слова старика. — Все будет хорошо.

— Зачем они усилили охрану? Почему нам больше нельзя покидать комнаты? — спросила Михалета.

Ей было семнадцать лет, она была самой юной среди заложников. По сравнению с остальными на ее долю выпало столько ужасов... С вымученной улыбкой Висиния взяла испуганную девушку под руку и осуждающе посмотрела через плечо на старого боярина.

— Не бойтесь, Миха.

— А что вы скажете, госпожа Касцон? — спросила Лейка, бросив на сцарку мрачный взгляд.

— Мой господин не любит ждать, поэтому мы должны поторопиться! Я могу сказать, что произошло нападение на крепость, но мы знали об этом заранее, и марчег предпринял все необходимые меры.

Эта новость вызвала удивление среди влахаков.

— Нападение? Абсурд! — хмыкнула Лейка. — Откуда возьмутся войска для такого нападения?

Киприу зашелся в новом приступе кашля и не мог проронить ни слова. Скилои глянула на влахаков со смесью веселья и презрения.

— Снаружи нет никакого войска, дорогая дама Лейка, несмотря на то что вам в первую очередь пришла в голову мысль о войске, — высокомерно улыбаясь, заявила сцарка и просто отмахнулась от возможных протестов влахаки. — В крепость пробралась маленькая группа фанатичных глупцов. Наверное, для того, чтобы убить Цорпада или попытаться сделать еще какую-нибудь глупость. Но я могу успокоить вас: ситуация, естественно, находится под нашим контролем.

«Или освободить нас! — пронеслось в мыслях у Висинии. — Стен никогда не поставил бы смерть Цорпада выше наших жизней!»

— Боюсь, мы должны поторопиться. Как я уже говорила, мой господин очень нетерпелив.

— Конечно, госпожа Скилои, конечно, — ответила Висиния и бросила остальным заложникам взгляд, который означал, что лучше не раздражать хозяина крепости.

«Что бы там снаружи ни происходило, мы должны быть осторожны, если хотим выжить. Если там действительно Стен сал Дабран, то тогда я сделаю все, чтобы помочь ему».

В сопровождении полудюжины солдат, которые обычно охраняли заложников у их комнат, влахаки и Скилои перешли в главное здание. Когда сцарка открыла дверь, они услышали стоны нескольких раненых, которые лежали на полу в вестибюле. Раны солдат обрабатывали. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: ранения получены в бою. «Так уж и под контролем!» — подумала влахака при виде раненых. Но затем из большого зала вышел Цорпад, и Висиния замерла.

Доспехи на марчеге были настоящим чудом, так как он был одет в металл с головы до ног. Толстые черные металлические пластины покрывали все его тело. Его руки и ноги были полностью одеты в металл, суставы защищены хитроумными шарнирами. На плечах и бедрах проглядывала черная кольчуга, которую марчег, по всей вероятности, надел под броню. Висиния еще никогда не видела подобного. Девушка была уверена, что такие доспехи могли сделать только гномы, люди не способны на такую искусную работу. «Как он может в этом двигаться?» — пронеслось у нее в голове, но масрид, казалось, ходил в них без особых усилий и ни в коей мере не был обременен лишним грузом. На доспехи Цорпад надел красный гербовый камзол с золотым солнцем и черным орлом. За марчегом на расстоянии двух шагов следовал юный воин. Оруженосец нес господский шлем, забрало которого было выполнено в форме клюва орла, а также большой тяжелый меч.

Влахаки в полном изумлении уставились на масрида, который широко и беспечно улыбался, приветствуя их своим зычным голосом:

— А, мои гости!

Висиния склонила голову и указала жестом на раненых:

— В вашем доме, кажется, возникли какие-то трудности, марчег.

— Трудности? — переспросил со смехом Цорпад. — Отнюдь нет, Висиния, отнюдь нет.

Подняв одну бровь, Висиния смотрела на масрида.

— Всего лишь несколько одержимых, которые решили испытать свою удачу. Но они недооценили меня и теперь заплатят за это, — бросил марчег.

— Судя по количеству раненых солдат... — вмешалась Леика, — можно сказать, будто вы...

— Молчите! — перебил ее Цорпад. — Не совершайте такой же ошибки! На сегодня для влахаков мое терпение исчерпано!

— Господин, — осторожно начала Висиния, — чего вы хотите от нас?

— Я хочу, чтобы вы все проследовали со мной во двор цитадели, — ответил Цорпад, снова улыбаясь.

«Он действительно безумен, — подумала Висиния, — его настроение меняется каждый миг». Но внешне она не подала и виду. Другие заложники были и без того достаточно испуганы.

Не обращая внимания на раненых, Цорпад в окружении нескольких воинов своей личной лейб-гвардии вышел во двор, освещенный факелами. Улыбнувшись остальным влахакам, Висиния тоже покинула помещение.

Во дворе было множество солдат, солдаты также стояли на крепостной стене, выглядывали из бойниц. Висиния растерянно огляделась; прежде чем она смогла что-то сказать, в небо над Теремией неожиданно ударила вспышка. Стало светло как днем. Словно в ответ на это, грянул гром, звук которого пришел с севера, и резкий порыв ветра швырнул длинные рыжие волосы Висинии ей в лицо. Некоторые солдаты, указывая на свет, начали испуганно кричать, но Цорпад не обратил внимания на таинственное явление, а лишь властно приказал успокоиться и повел заложников через двор.

Когда они завернули за угол главного здания, Висиния увидела масштабы минувшего боя. На вымощенном брусчаткой дворе лежало еще больше павших, чем в вестибюле было раненых. Трупы оттащили к стене и просто сложили там. С того места, где стояла, влахака смогла рассмотреть, что на всех убитых доспехи солдат Цорпада, и сразу почувствовала облегчение.

Толпа солдат с факелами и обнаженным оружием замерла перед входом в маленькую замковую капеллу. Цорпад подвел к зданию заложников, и его подданные благоговейно расступились перед марчем. Повелитель остановился, широко расставив ноги и оценивающе глядя на дверь капеллы. Висиния заметила, что масриды уже совершали попытки пробить массивную дубовую дверь, но, по всей вероятности, дверь выдержала.

Неожиданно опять вспыхнул свет, затем странный луч, бьющий в низкие облака, погас. Город вновь накрыла ночная темнота. Висиния растерянно оглянулась. Похоже было, что остальные заложники тоже были обескуражены этим необычным явлением. Лишь Цорпада ничто не могло вывести из равновесия. Покосившись на Висинию, он приложил руку ко рту и прогремел:

— Вы окружены! Вы не можете ни сбежать, ни сражаться! Сдавайтесь!

Прошло несколько мгновений, а потом ответил голос, при звуке которого сердце у Висинии готово было выскочить. Голос, который она узнала бы повсюду, где бы ни услышала, который она уже и не надеялась когда-либо услышать.

— Катись в ад, Цорпад! — прокричал Стен из капеллы, и тело Висинии неожиданно онемело.

«Он жив, он действительно жив!»

— Мое последнее предложение, мятежник: сдавайтесь — и ваша смерть будет быстрой и легкой! — прокричал Цорпад.

— Ты уже однажды убил меня! — насмешливо ответил Стен масриду, на что тот покачал головой.

— Нет, Стен сал Дабран, это я, к сожалению, поручил своим подчиненным. Будь уверен, что если тебя буду убивать я, то это будет окончательно!

Не получив ответа на последние слова, Цорпад достал кинжал из ножен на ремне и быстро, словно змея, схватил Висинию за волосы. Он проигнорировал ее попытки сопротивления и подтащил на несколько шагов к капелле. Краем глаза Висиния заметила, как Сухаи бросился вперед, чтобы помочь ей, но был сбит одним из солдат ударом булавы, в то время как другие заложники были просто оттеснены в сторону. Юный Сухаи издал пронзительный крик, после чего упал.

Висиния хотела что-то сказать, но Цорпад прижал холодный клинок к горлу влахаки, а другой рукой придавил к земле, заставив опуститься на колени.

— Я передам ваше послание, — в отчаянии сказала Висиния. — Моя сестра...

— Слишком поздно, моя дорогая, слишком поздно. Вам, влахакам, нельзя доверять, — почти любезно сказал Цорпад и кивнул в сторону капеллы. — Вы даже не в состоянии смиренно лежать в могиле, когда вас убивают. И вы нападаете на мою крепость, на мой дом!

Свои последние слова он произнес в дикой ярости и дернул Висинию за волосы, заставляя запрокинуть голову. Он надавил на клинок, по горлу девушки скатилось несколько капель крови. «Он убьет меня», — подумала Висиния и неожиданно почувствовала странную легкость от этой определенности.

— Там, внутри, засел твой старый друг Стен, моя голубка, — прошептал ей на ухо Цорпад. — Хочешь поприветствовать его?

— Ты безумен, пес, — зашипела Висиния, но Цорпад лишь рассмеялся.

— Стен сал Дабран, настало время для твоего суда Божественным Светом. Таким же образом были когда-то казнены твои родители за предательство! — выкрикнул марчег, но ответа из капеллы не получил.

— Выходи, или за твои грехи сначала заплатят другие! — приказал Цорпад и дернул Висинию за волосы, отчего та невольно вскрикнула от боли, когда попыталась сохранить равновесие.

— Что ты делаешь? — раздался голос Стена.

Цорпад громко рассмеялся.

— Позови его, — шепотом приказал он Висинии, которая однако сжала зубы и промолчала.

Тогда Цорпад, зарывав, прижал острие кинжала к ямке на шее и повторил приказ:

— Позови его!

«Я умру здесь, — пронеслось у Висинии в голове, — но я не предаю свою любовь! О духи, дайте мне еще хоть раз услышать, как он произносит мое имя».

Затем она собралась с мужеством.

— Стен! — громко крикнула она, и через мгновение тишины юный воин ответил.

— Висиния?

— Стен, сражайся, не сдавайся! — воскликнула влахака. — Он...

Но удар закованного в железо кулака Цорпада заставил ее умолкнуть. Оглушенная, она упала на землю. Несмотря на боль, она все еще слышала голос Стена, который снова и снова выкрикивал ее имя.

40

Тихо напевая монотонную мелодию, Костин сидел в углу капеллы рядом с безжизненным телом Линорел и вертел в руке кинжал. Натиоле ходил взад и вперед, оставляя следы крови на белом полу. Стен, которого кое-как перевязал Натиоле, прислонился к баррикаде и лихорадочно размышлял над тем, как освободить друзей из этой смертельной ловушки. В храме было очень тепло, так как дюжины свечей не только давали свет, но и нагревали воздух. Стен несколько раз взглянул на священника ордена Альбус Сунас, который стоял на коленях с закрытыми глазами посреди зала и молился. Тихое, непрерывное бормотание периодически отвлекало влахака, пробиваясь в его мысли, раздражало, словно мелкий песок, набившийся в рот. Наконец, влахак не выдержал.

— Ты не мог бы помолчать, форбс? — ворчливо спросил он.

— Хочешь ли ты заставить меня замолчать, сын мой? Убить меня, как ты убил те бедные души там, снаружи? — спросил священник и смело посмотрел Стену в глаза.

— Какая глупость. Мне нужно подумать, а твое бормотание мешает, — объяснил Стен и отер кровь с глаз, которая то и дело набегала из небольшой раны на голове.

— Я могу убить тебя, форбс, — вмешался Натиоле, положив руку на эфес меча. — Я не столь сдержан, как Стен.

— Ты можешь насмеяться надо мной, воин, но я не боюсь тебя, — ответил маг солнца, на что Натиоле громко рассмеялся.

— Конечно, ты боишься. Я слышу запах твоего страха, — усмехаясь, сказал влахак и наклонился к толстому священнику. — Но не волнуйся: Стен не позволит свернуть тебе шею.

— Оставь его, — устало бросил Стен соратнику, а затем спросил священника: — Здесь есть еще один выход?

Даже если бы выход и был, что казалось невероятным при виде безупречных, гладких стен, Цорпад знал бы о нем и заблокировал. Или еще хуже — использовал для штурма капеллы.

— Нет, здесь есть только эти двери, — ответил жрец и добавил, подняв взгляд к потолку: — И вон те световые отверстия.

На высоте добрых десяти шагов в потолке действительно имелись окна, через которые во время молитв падал солнечный свет, но они были столь же недостижимы для мятежников, как и ворота самой крепости, да и к тому же, наверное, были слишком узки, чтобы через них можно было пролезть.

Вздыхнув, Натиоле уселся на перевернутый шкаф рядом со Стеном и усмехнулся другу, который вопросительно поднял брови.

— У меня все болит, — признался влахак. — Но это ненадолго, да?

— Мне жаль, Нати. Я не предполагал, что все закончится вот так... — печально бросил Стен.

— Ха! А я, наоборот, всегда знал, что в одном из твоих приключений я поплачусь своей

головой! — горько пошутил Натиоле. — Только место неожиданное. В капелле самого Цорпада. Неплохо, совсем неплохо!

— Я не собирался сдыхать здесь внутри, как крыса в ловушке, Нати, — прошептал Стен. — А ты?

— Нет, — ответил влахак и вновь посерьезнел.

— Костин! Нужно поговорить, — крикнул Стен, и маленький влахак с искаженным от боли лицом поднялся и подошел к ним.

Глянув на священника, Стен прошептал соратникам:

— Я не собираюсь умирать здесь, внутри, хотя мысль об осквернении своей кровью этой священной земли в целом мне нравится.

Костин и Натиоле усмехнулись, но Стен продолжил:

— Мы выйдем. Я попытаюсь расчистить вам дорогу. Возможно, вы сможете добраться до стены. На севере вокруг замка защитный ров. Отчаянный прыжок — и ты на свободе.

— А разве ты при подобном прыжке не сломал себе ногу, а? — спросил Натиоле, намекая на безумный побег Стена из крепости Дабран, но Стен отмахнулся.

— Нет, только вывихнул. Три дня похромал, и все прошло.

— Тем не менее прыгать, плыть, все это не для моих старых костей, — подмигнув, ответил Натиоле. — Кроме того, неужели ты надеешься получить все удовольствие один, в то время как я должен убежать? Никогда!

— Не говори чепухи, Нати, мы должны...

— Нет, — перебил его друг. — Это ты говоришь чепуху. Никто в одиночку никогда не сможет удержать столько солдат. Я остаюсь с тобой. А вот Костин должен бежать, он все равно быстрее нас двоих.

— Что это значит? — возмутился художник. — Я должен сбежать, в то время как вы...

— Ты должен предупредить остальных. Сообщить Ионне о планах Цорпада. И ради всего святого, найти троллей и вывести их из города! — перебил его Стен.

— Я не побегу! — твердо заявил Костин.

— Но хотя бы один из нас должен выбраться из этой ловушки. Иначе все зря. Отведи троллей из их укрытия в порту в Стариг Яцек, это цель их поисков. Затем ты должен пробиться в Дезу и рассказать княгине обо всем, что здесь произошло.

— А вы?

— Мы выиграем, постараемся выиграть время, чтобы ты смог выбраться. Один из нас должен бежать, а ты из нас самый быстрый. У меня рана на ноге, а Нати слишком старый.

— Эй!

— Разве ты сам не говорил это только что?

Натиоле рассмеялся.

— Я... у меня тоже рана на ноге.

— Я должен бежать к троллям? — спросил Костин.

— Ты окажешься за пределами города, так как ров только на севере. Прокрадись снова в город и выведи троллей. Иначе я боюсь, что они устроят здесь кровавую бойню, если решат прорываться самостоятельно. Объясни им, куда нужно идти. Помогите им. Позаботьтесь о том, чтобы они не нападали на невинных людей, — приказал Стен и грустно подумал: «Прости меня, что приходится взваливать на тебя такую обузу, Костин, я знаю, как это несправедливо».

— А они нападут, если я приду без тебя?

Стен смущенно пожал плечами.

— Будь осторожен, говори с Друаном и держись подальше от Парда. Скажи, что я тебя послал. Если что-то пойдет не так, тогда сразу исчезни.

— Очень ободряюще, — с сарказмом констатировал маленький влахак.

— Мне очень жаль, Костин. Ведь мы планировали все совсем иначе! — понуро ответил Стен.

— Ладно. Неважно. Но вы же не думаете на самом деле, что хоть одному из нас удастся

уйти, правда? — заявил Костин с печальной улыбкой.

— Нет, — признался Натиоле. — Но мы должны попытаться. Снаружи сейчас больше солдат, чем во время осенней битвы. Трое против целого войска — подходящее начало легенды!

— Нас было шестеро, Нати, шестеро, — вмешался Стен, посмотрев на окровавленное разбитое тело Линорел.

— Да, нас было шестеро. Но в сердце у Цорпада отведено совершенно особенное место для нашего ловеласа, — продолжил Натиоле, кивнув в сторону Стена. — Возможно, этого хватит, чтобы выиграть время для тебя.

— Ценой ваших жизней.

— Если будет нужно. Это было решено уже в тот момент, когда мы взяли за мечи и выступили против масридов, — лаконично ответил Натиоле, и Стен подумал: «Флорес была права. Я — ходячий мертвец, и она хорошо сделала, что отказалась от меня. На одного любимого человека, которому я могу принести несчастье, меньше!»

— Откуда, о духи темноты, Цорпад знал, что мы придем? — стал гадать Костин, но Натиоле отмахнулся.

— Сейчас это уже неважно. Возможно, об этом разболтала маленькая служанка.

— Или, возможно, нас кто-то предал! — прошипел Костин. — Плен Стена, другие аресты, теперь это. Все не случайно!

У Стена даже мороз пробежал по коже, когда ему стало вдруг ясно, что Костин прав.

— Один из нас? — в ужасе спросил влахак.

— Это все объясняет, — горько ответил Костин, — все эти совпадения в последнее время.

— Кто-нибудь видел, как погиб Октеиу? Он открыл дверь в крепость. Но вы видели, чтобы он сражался с масридами? — спросил Натиоле, нахмутив брови, и другие покачали головами.

— Еще одна причина, чтобы выбраться, — мрачно подытожил Стен. — Если нас предали, то и другие влахаки в Мардеве должны узнать об этом. Предатель ни в коем случае не должен продолжать свое черное дело!

— Ты думаешь, что Октеиу... — в ужасе спросил Костин, но Стен, защищаясь, поднял руки.

— Я не знаю. Возможно, он лежит там, снаружи, мертвый, а мы возводим на него напраслину. В конце концов, наше подозрение — это не более чем предположение. Но ты должен выбраться, Костин, ты должен!

— Ну, если я должен... — сказал маленький влахак с кривой ухмылкой и пожал плечами, — тогда я выберусь, да?

Натиоле, улыбнувшись, похлопал его рукой по плечу.

— Вот и правильно. С таким настроением ты далеко пойдешь. Надеюсь, за пределы крепостной стены...

— Хватит шуток, — спохватился Стен, бросив взгляд в сторону священника, так как их разговор становился все громче и громче. — Как ты думаешь, Нати, сколько времени они нам дадут?

— Немного. Вероятно, они придумают что-нибудь, чтобы пробить дверь. Даже если у них нет копра, они смогут просто разрубить дуб топорами. Это займет больше времени, но, как только они окажутся внутри, мы ни в коем случае отсюда не выйдем.

— Я тоже так думаю. Почему у Цорпада не было лучников?

— Слишком самоуверенный? Возможно, он думал, что мы перед лицом преобладающих сил сразу сдадимся, — размышлял Натиоле. — Хотя он должен был бы лучше тебя понимать... Да?

— Лучше я умру в сражении, чем в его проклятом подземелье! — убежденно сказал Стен.

— Он должен был бы это знать.

Пожав плечами, юный воин кивнул и усмехнулся, затем поднялся. Еще некоторое время назад он чувствовал себя так, словно вся жизнь давно покинула его тело, осталась лишь пустая оболочка. Но теперь, когда перед ним появилась цель, все изменилось. Он должен дать возможность Костину спастись. Юный воин решительно посмотрел на товарищей, которые, мрачно кивнув, ответили на его взгляд. Стен медленно вытащил меч и поднял его, внимательно изучая каждую деталь оружия, которое поведет его в последнем бою к смерти.

— За Тиреа! — хрипло прошептал он, и двое других влахаков повторили то же.

— Задумайтесь над своими деяниями! — вскричал вдруг священник. — Сдайтесь, остановите это кровопролитие!

— Сиди тихо, форбс, — воскликнул Стен, но не резко.

Влахаки принялись максимально тихо разобрать баррикаду у двери. Как раз в тот момент, когда они отодвинули в сторону шкаф, раздался голос Цорпада:

— Вы окружены! Вы не можете ни сбежать, ни бороться! Сдавайтесь!

Стен глянул на Натиоле, который провел пальцем поперек шеи.

— Катись в ад, Цорпад, — прокричал Стен, игнорируя намеки друга, который неодобрительно скривился.

Последовала короткая перепалка с Цорпадом, но затем Натиоле схватил Стена за плечо, прежде чем тот успел отреагировать на последнюю угрозу Цорпада.

— Чего ты с ним разговариваешь?

— Чем сердитее он будет на меня, тем больше своих воинов бросит, чтобы меня убить, и тем лучше перспективы Костина, — спокойно объяснил Стен. — Цорпад привык, что его слово — закон, он ненавидит возражения.

— Прекрасный план, поистине гениально, — засмеялся Натиоле.

— В принципе это уже безразлично. Мы все равно что мертвы, Нати, никаким словами мы не сделаем хуже.

— Ты всегда можешь подбодрить, — заявил Натиоле наигранно бодро, отчего Стен тоже засмеялся.

Но затем прозвучал голос, от которого оба содрогнулись.

— Стен! — крикнула Висиния сал Сарес, заложница при дворе Цорпада и сестра Львицы из Дезы.

Ее голос был громким и выдавал, в каком отчаянии пребывала молодая женщина. Словно оглушенный, Стен посмотрел на Натиоле, затем крикнул:

— Висиния?

— Стен, сражайся, не сдавайся! — пришел ответ, за которым последовал крик боли, который поразил Стена в самое сердце.

— Висиния! Висиния! — прокричал юный влахак так, словно потерял голову, но только холодный смех Цорпада ответил ему.

— Я вырву твоё черное сердце, собака! — заревел Стен и схватился за меч, но Натиоле удержал его за руку, когда тот захотел выйти.

— Ее жизнь в твоих руках, Стен сал Дабран! Сдавайтесь, сложите оружие, и я пощажу ее! Если будете бороться, я убью всех влахаков в моем замке, сам заколю их мечом!

Стен глянул на Натиоле, который все еще крепко держал его, но друг покачал головой.

— Сейчас нет никакого смысла выходить, Стен.

— Мы должны что-то сделать! Он убьет ее! — с мольбой ответил юный воин.

— Что ты хочешь сделать? Пробить себе дорогу к ней?

— Мы все равно не сможем победить в этом бою. Существует лишь один способ спасти ее жизнь!

— Ты хочешь пожертвовать собой? — спросил Натиоле. — Только...

— Я хочу разорвать глотку Цорпада и посмотреть, как он захлебнется в собственной крови! — жарко ответил Стен, затем тише сказал: — Этого я больше не переживу.

— Он убьет их так или иначе! — вмешался Костин. — Вы знаете его, если будет

война...

— Я не могу это позволить, — печально ответил Стен. — Я не могу и не хочу быть виновным в их смерти.

Натиоле понимающе кивнул и положил Стену руку на плечо:

— Тогда увидимся снова на темных путях, брат.

Стен тоже положил руку ему на плечо и немного сжал, затем посмотрел на Костина.

— Мне жаль.

Маленький влахак упрямо качнул головой:

— Ваш план все равно был обречен на провал. Я просто слишком вежлив, чтобы сказать это вслух. Лино мертва, Аурела тоже, и я скоро присоединюсь к ним. Я горд, что умираю рядом с такими товарищами.

В последний раз кивнув друзьям, Стен сжал зубы, переступил через разломанный стул и открыл дверь. После светлого помещения храма он смог разглядеть лишь какие-то силуэты в мрачном дворе. Он ждал, что его сразу пронзят стрелы и копья, но ничего такого не произошло, и его глаза постепенно привыкли к сумраку.

Почти две дюжины солдат стояли полукругом перед входом в капеллу и еще больше на крепостной стене. «Костин был прав, прорваться было бы невозможно», — устало подумал Стен. Перед собой, на расстоянии всего двадцати шагов, он увидел Цорпада. За ним стояла группа мужчин и женщин, в которых Стен узнал влахакских заложников. Но его взгляд был прикован к фигуре у ног Цорпада. Длинные рыжие волосы влахаки слабо мерцали в свете факелов.

«Висиния, — пронеслось у Стена в мыслях, — сердце мое».

— Сложите оружие, — потребовал Цорпад угрожающе тихо, и Стен оторвал взгляд от женщины, которую любил, переключившись на ненавистного марчег.

С пренебрежением он бросил меч перед собой на залитую кровью брусчатку и развел руки. Его друзья сделали то же самое, хотя Костин бросил только один из двух кинжалов.

— Ты победил, Цорпад Диммину, — спокойно констатировал влахак. — Теперь ты можешь убить меня, как обещал!

— Ты переоцениваешь свое значение, — бросил язвительно масрид. — Для меня ты не больше чем безземельный бродяга из Дабрана. Жалкий бастард такого же жалкого предателя. Ты недостойн того, чтобы я убивал тебя сам.

Взглянув на солдат, марчег приказал:

— Уничтожьте их!

— Нет! — крикнула Висиния, приподнявшись, и Стен неожиданно почувствовал неестественное спокойствие... Он посмотрел ей прямо в глаза.

«Моя жизнь за твою, сердце мое».

Полдюжины солдат быстро двигались к трем обезоруженным мятежникам, поднимая мечи, но Стен игнорировал своих убийц и смотрел лишь на Висинию, которая плакала, обхватив себя руками. Тихая улыбка скользнула по губам Стена, юноша подумал обо всех тех мгновениях, когда он украдкой смотрел на влахаку и восхищался ею. «А теперь я должен попрощаться с тобой, Висиния, Я люблю тебя. Не забывай меня».

Ее взгляд, исполненный такой печали и боли, ранил его сердце, и мгновения казались бесконечными. Вот солдаты на расстоянии пятнадцати шагов, теперь уже десяти, сейчас они подойдут и убьют его и его товарищей по оружию.

Когда им оставалось преодолеть шесть или семь шагов, внезапно мощные ворота крепости разлетелись с оглушительным грохотом и во двор ворвался... Пард, а за ним и остальные тролли. Все головы обернулись к чудовищам, которые, казалось, возникли из какого-то кошмара, из мрачной легенды в жажде крови и смерти.

На мощном, мускулистом теле Парда маслянисто блистали отблески факелов. Он схватил за руку одного из солдат, которому не удалось убежать, без особых усилий оторвал и бросил окровавленную руку в другого воина. В глазах тролля плескалась мрачная жажда убийства, а оскаленные клыки обещали ужасную смерть любому. Некоторые воины замерли

от ужаса, другие быстро отступили, а один сжался в углу, начал плакать и просить о пощаде. Но огромные создания не обращали внимания на крики, они нападали на воинов Цорпада в дикой ярости, и те не могли противостоять им.

В отличие от воинов Цорпада, Стен не медлил ни мгновения, он быстро перекатился вперед и схватил свой меч. Еще поднимаясь на ноги, он уже перерезал горло ближайшего солдата из тех, что шли на них.

Пард снова взревел, и солдаты запаниковали, пытаясь скрыться от первозданной ярости и силы бушующих монстров, которые сметали любые преграды. Стен неистово рубил направо и налево, чтобы выиграть время для своих товарищей, чтобы и те успели вооружиться. «Никогда не думал, что буду настолько рад увидеть Парда в полном неистовстве!» — позлорадствовал он, уворачиваясь от удара масрида и быстро парируя нацеленный на него клинок. Неожиданно рядом с ним оказался Натиоле, старый товарищ по бесчисленному множеству битв, вместе с которым они не раз нагоняли страх на масридов. Никто из них не наблюдал за другом, но при этом они все время были рядом, прикрывая и помогая друг другу и тесня врагов бешено мелькающими мечами.

Когда на мгновение образовалась передышка, Стен глянул в сторону Цорпада, который как раз в этот момент надевал черный шлем и сжимал в руках огромный, жуткий меч. Позади марчега Стен заметил, как заложники сражаются с охраной, одна из женщин отобрала у масрида булаву и разmozжила ею ему голову, в то время как седовласый старик упал на землю под ударами двух воинов. Вначале Стен не мог отыскать Висинию, и его сердце, казалось, остановилось, но потом он увидел, как она вскочила и побежала к нему.

Проходя мимо, Цорпад, не напрягаясь, нанес легкий удар, который распорол одну из невооруженных заложниц от плеча до бедра, отчего та безмолвно рухнула на землю. Затем полководец в своих темных доспехах помчался к входу главного здания, на ходу выкрикивая приказ:

— Ко мне! Лейб-гвардия, ко мне!

Стен сейчас с радостью последовал бы этому приказу и побежал к марчегу, чтобы вонзить клинок в его темное сердце. Но солдаты напали с новыми силами, и это вернуло его внимание к схватке. Юный влахак ловко увернулся от клинка масрида, затем замахнулся мечом, держа его двумя руками, воин быстро отскочил, но Висиния ударила его сзади по голове камнем, которыми был выложен двор. Широко улыбаясь, Стен зарезал еще одного сцарка, которого отвлекло неожиданное вступление в бой влахаки, и отогнал одного из нападавших целой серией быстрых ударов, дав Висинии время вооружиться.

— Твои друзья? — спросила влахака, кивнув в сторону троллей, которые атаковали в данный момент солдат Цорпада.

Пард просто поднял одного воина в доспехах, игнорируя его дикие удары топором, и швырнул через головы товарищей, а заодно и через крепостную стену, за которой тот и упал с тошнотворным звуком. Пожав плечами, Стен, извиняясь, ответил:

— В некотором роде.

— Ты как всегда полон неожиданностей, — улыбаясь, сказала Висиния.

Стен потерял дар речи от этой улыбки, но чей-то крик вернул его в жестокую и кровавую действительность.

— Мы должны прорываться к остальным, — настойчиво проговорила Висиния.

Тем временем Натиоле и Костин разобрались с нападавшими на них солдатами. Теперь все вчетвером устремились к заложникам, из которых на ногах оставалось лишь двое: воительница, которая при помощи отобранной булавы держала врагов на расстоянии, и Сухай, которого Стен едва знал. Правая рука юного дворянина была странно вывернута, а в левой он держал щит, которым и отбивался. Старик и девушка лежали на холодной земле; их глаза неподвижно глядели в иной мир, где они должны были обрести свой путь.

— Миха! — вскрикнула Висиния, увидев мертвых, и влахака с булавой сердито фыркнула:

— Это был Цорпад! Свинья! У нее даже не было оружия!

С новой силой мятежники устремились на врагов, но тут краем глаза Стен заметил, как Цорпад на ступенях главного здания собирает вокруг себя воинов. Сцарки и масриды в бойницах стали обстреливать троллей из арбалетов и луков. И пусть выстрелы и не имели эффекта, Стен понимал, что нужно убираться отсюда как можно быстрее. «Если Цорпад сможет собрать своих солдат, то тогда даже гнев троллей не выстоит против численного преимущества».

— Собраться вместе! Отходим к воротам! — громко крикнул он, и вдруг неожиданно позади своего противника он заметил изящный силуэт.

Двумя невероятно быстрыми и точными движениями меча Флорес сразила рослого масрида, и Стен с открытым от удивления ртом узнал свою сестру.

— Ты, глупый, сумасшедший... — крикнула она и запнулась, подбирая слово.

— Пес? — закончил Стен оскорбление за нее, и она радостно кивнула.

— Мы должны выбраться! Твои смертоносные друзья не смогут держаться вечно! — крикнула Флорес.

Стен был согласен.

Быстрый взгляд в сторону троллей... И Стен увидел, как пятерка монстров занялась сгруппировавшимися вокруг Цорпада солдатами, там завязалась дикая, безжалостная, смертельная битва. Друан, Рох и Пард сражались на левом фланге, в то время как Анду и Цдама немного оттесняли справа. Цорпад лично шел на двух троллей, а за ним и его лейб-гвардия, вся одетая в черные блестящие доспехи. Как Стен с удивлением отметил, новые щиты воинов действительно могли выдержать удары троллей, сбитый миг назад солдат снова поднимался, хотя тролли усердно и пожинали кровавый урожай в шеренгах врагов. У ног каждого гиганта валялись тела убитых и раненых. Тролли и люди в пылу сражения двигались по телам павших, раненые кричали и стонали.

С помощью Флорес мятежникам удалось сначала оттеснить противников, а затем и двинуться к воротам.

Тем временем Цорпад добрался до Цдама, которого уже зацепили несколько раз, и нанес троллю сокрушительный удар. Анду все дальше оттесняла лейб-гвардия марчега. Тролля отчаянно сопротивлялась лавине нападающих, ее мощные удары крушили щиты, сбивая воинов.

Трое солдат из лейб-гвардии окружили Цдама, который сконцентрировался на Цорпаде. Но марчег ловко увернулся и ударил по ноге тролля. Темный тяжелый меч вонзился в бедро монстра, отчего тот зашатался. На него тут же набросились гвардейцы, словно стая собак на раненого медведя. С криком Цдам упал на землю, и Цорпад стал добивать его. Тремя ударами он отрубил кисть поднятой руки, а затем ухватил свой меч двумя руками и вонзил троллю в лицо. Последняя судорога прошла по израненному телу Цдама, затем он обмяк, и Анда заревела так, что Стен подумал, будто сейчас обрушатся башни замка. «Он убил тролля! — в ужасе понял Стен. — Что может остановить этого человека?»

Однако другие тролли держались вместе, и Анда присоединилась к трем оставшимся. Теперь масриды не могли напасть на троллей из-за спины. Стен закричал:

— Друан! Мы должны выбраться! К воротам! К воротам!

Тролле не смог ничего ответить, лишь коротко кивнул, но затем и он крикнул остальным:

— Уходим! Уходим!

Натиск влахаков, пришедших на подмогу, внес беспорядок в ряды масридов, и тролли смогли вырваться из битвы, в которой увязли. Влахаки и тролли двинулись в сторону разбитых ворот. Солдаты не спешили следовать за ними, пока Цорпад, весь залитый темной кровью Цдама, не сорвал с головы шлем и прокричал:

— В атаку! Вперед!

То ли из страха перед своим полководцем, то ли преисполненные неожиданной ярости, воины марчега ринулись за ними. Но тут Пард, остановился, поднял окровавленные

когтистые руки и издал такой оглушительный рев, что эхо многократно отразилось от стен замка. Схватив криво висящие ворота, тролль сорвал их с петель. Мощные мышцы его спины напряглись, и металл, которым были обиты ворота, жалобно заныл. Еще рывок — и створка ворот разломалась пополам, а тролль, торжествуя, поднял их над головой. Стену показалось, что Пард — это сам демон войны во плоти, символ резни и смерти, покрытый своей и чужой кровью, с красными в свете факелов глазами.

Солдаты были ошеломлены, и атака рассыпалась. Прежде чем они успели рассредоточиться, Пард с каким-то звериным рыком швырнул ворота через весь двор, и они со страшной силой врезались в центр группы нападавших, похоронив под собой многих.

В кровавом угаре тролли взвыли, а затем развернулись и понеслись прочь. Стен на секунду замешкался, искал глазами Цорпада и обнаружил его на ступенях главного здания озирающим кровавое поле боя. Прежде чем последовать за троллями, Стен отсалютовал масриду мечом.

«Мы еще увидимся, Цорпад, убийца влахаков. Бойся того дня, когда мы снова встретимся!»

И только убедившись, что враг заметил его и зло кривится, Стен помчался за товарищами в темноту ночи.

41

Бегство по ночным улицам города Висиния пережила будто во сне. Темнота была почти осязаемой. Только иногда вспышка молнии освещала улицы и переулки настолько ярко, что разноцветные блики долго плясали в глазах влахаки. Перед собой она видела огромных существ, израненные тела которых выделялись в темноте, словно тени древних духов. Стен, которого считали мертвым и который оказался очень даже жив... Неожиданное появление его в крепости смущало ее так же, как и вид гигантских созданий. «Проснулась ли я на самом деле, или все это странная иллюзия? Хожу ли я уже по темным путям, сама не заметив этого?» — удивлялась про себя влахака, но боль и холод, которые она чувствовала, говорили о том, что все произошло на самом деле, что все эти чудеса реальны.

— К порту! — крикнул Стен, который взял на себя руководство их маленькой группой. — Там ждет лодка!

Все бежали так быстро, как только могли, но Стену мешала рана в ноге. Юный воин старался игнорировать боль, стиснув зубы. Висиния быстро обогнала троллей и присоединилась к юному герою. Ее волосы развевались, лицо было напряженным. В голове девушки бушевал ураган мыслей. Но Висиния была так рада снова видеть его.

— Они будут преследовать нас, — быстро сказала она, задыхаясь на бегу. Стен молча кивнул.

— Кони, — просто сказала она.

Стен скривился.

— Должны справиться, — прохрипел он, будто в ответ блеснула и ударила молния.

Последовавший за ней грохот прозвучал совсем близко.

— Давайте! Давайте! — подгоняло людей одно из существ.

Краем глаза Висиния увидела Сухаи, который прижимал к телу раздробленную руку и бежал с искаженным от боли, бледным лицом. Юный дворянин двигался все медленнее, и скоро его веки затрепетали так, словно он сейчас упадет в обморок.

— Стен! — крикнула она, и тот обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Сухаи зашатался и упал.

Стен побежал к Сухаи, который, тяжело дыша, лежал на земле.

— Я больше не могу, — застонал раненый. — Моя рука... оставьте меня.

— Мы никого не оставляем! — покачав головой, заявил Стен, потом он глянул на одно из существ, самое больше и могучее, которое бросило на врагов ворота, и сказал ему:

— Пард, понеси его!

— Что? Он не справится! Нам нужно уходить! — безжалостно прорычал монстр.

— Пард, пожалуйста, — взмолился Стен и пристально посмотрел на существо. Оно грубо подхватило Сухай с земли.

Влахах вскрикнул и потерял сознание.

— Вы еще, чего доброго, сделаете меня человеком... — мрачно пробурчало существо и помчалось дальше с Сухай на плече, а за ним последовали остальные.

— Что это за монстры? — шепотом спросила Висиния у Стена, который вел их по направлению к порту.

— Тролли! Людоеды! — ответил юный влахах, и улыбка ненадолго осветила его лицо.

— Тролли? Но я думала, что они лишь легенда! — растерянно ответила Висиния и попыталась вспомнить истории из детства, сказания о злых троллях и о героях, которые убивали их и добывали их сокровища.

— Легенды живут, — возразил Стен. — Они едят, смеются, умирают и ужасно воняют!

В это мгновение хлынул настоящий ливень, ледяной и мощный, словно кто-то перевернул кадку с водой, одежда мгновенно промокла насквозь.

— Хорошо! — крикнул Стен, чтобы перекрыть шум падающих капель. — Дождь скроет наши следы!

Натиоле тоже был рад разразившемуся дождю.

— На мокрой брусчатке кони быстро не поскачут!

— Быстрее! — крикнула Лейка, и все собрали свои силы, самые последние остатки, и понеслись дальше.

Мощные тролли гремели и грохотали по мостовой, от их шагов, казалось, содрогалась сама земля. Но для Висинии даже холодный дождь был не страшен. Она чувствовала холод, но чувствовала и сумасшедшую радость, которая наполняла ее тело. И эта радость была гораздо сильнее холода и боли. «Стен жив! Мы вырвались!»

Она бросила взгляд на спутников. Кроме троллей, бежали Лейка, Стен и Натиоле, а также Флорес и еще двое мужчин, которых Висиния не знала. Флорес, как всегда, казалась серьезной и сконцентрированной, пока она не поймала взгляд Висинии и не улыбнулась ей.

— На этот раз мы все-таки оставили Цорпада с носом! — заявила юная воительница, и Висиния согласно кивнула.

— Он будет охотиться за нашими головами, — крикнул им сдавленным голосом Стен, — так что поберегите свое дыхание, бежим!

Наконец перед ними оказался последний переулок, и они выбежали к порту. Темная вода Маги вздымалась от ветра. Стен огляделся.

— На юге, сказала она, — пробормотал он. — Пустая баржа, пришвартованная на южной стороне! Но, проклятье, где?

— Там! — крикнул маленький влахах, который был вместе со Стеном в капелле.

Он показал на плоскую баржу, которая была пришвартована к портовому молу. Стен бросился туда, быстро осмотрел ее и кивнул остальным. Тролли с грохотом залезли на судно, которое опасно закачалось под их весом, в то время как Стен отвязывал канаты.

— Нам нужны шесты, Нати! — крикнул юный воин. — Мы должны будем выйти из порта!

— Понятно, — отозвался Натиоле.

Со стороны города Висиния слышала нарастающий грохот множества копыт.

— Они идут! — воскликнула она. — Кони!

Стен, громко чертыхаясь, ударом меча перерубил последний канат, потом напрягся и оттолкнул баржу. Тем временем Натиоле нашел два длинных крепких шеста. Вместе с Костином они принялись помогать Стену. Трое влахахов очень старались, но судно двигалось ужасно медленно. Висиния удивилась, почему мощные тролли не помогают людям, но потом заметила, какими потерянными и ошеломленными они выглядят. На барже монстры были явно не в своей тарелке. «Они не знают и не понимают, что такое корабль», —

удивленно поняла влахака, но потом отвлеклась: Стен потерял равновесие и чуть не упал в темную воду, когда баржа рывком пошла в сторону реки. Громыхание копыт становилось все громче, и Натиоле крикнул Стену:

— Давай уже!

Юный воин обернулся в тот самый момент, когда позади уже маячил авангард. Всадники вырвались на освещенную пристань подобно каким-то первобытным страшилищам, а Цорпад на мощном жеребце впереди всех. В отчаянном прыжке Стен бросился вперед, натолкнулся на леер и наверняка скатился бы, если бы Флорес и Висиния не затащили его на судно. В ярком свете молнии Висиния увидела, как масриды дергают и прищипывают оскальзывающихся коней. На мокрой брусчатке несколько всадников потеряли равновесие и рухнули наземь вместе с лошадьми, но другие сумели сдержать животных и как-то остановиться. Отряд остановился и спешил.

— Лучники! — заревел Цорпад. — Оцепить порт! Не дайте им уйти!

Двое солдат помчались по набережной в направлении северной крепостной стены. На выходе из порта Висиния с трудом смогла разглядеть свет сторожевых башен. «Цепь, — пронеслось у нее в голове, — если они закроют порт, мы окажемся в ловушке!»

По всей вероятности, Стен тоже это понял, так как, оказавшись на барже, он сразу схватил шесты и крикнул:

— Нам нужно срочно выбираться! Нати!

Мятежники с удвоенной силой принялись выталкивать баржу к выходу из порта. Баржа двигалась невыносимо медленно. Неожиданно вокруг них засвистели стрелы, вонзаясь в деревянный борт баржи, плюхаясь в воду. Все бросились ничком на доски палубы, укрываясь за бортами, лишь Стен и Нати остались стоять, пригнувшись и упираясь шестами. «Сумасшедшие», — подумала Висиния, испытывая смешанные чувства страха и восхищения. Два друга, пережившие столько битв вместе, просто игнорировали стрельбу. Им обязательно нужно было успеть выбраться из порта, прежде чем солдаты Цорпада поднимут цепь, остальное их не волновало. Дождь и темнота осложняли задачу лучникам, влахаки были сложной мишенью, и Висиния уже было подумала, что они в безопасности, как вдруг Натиоле с криком развернулся и упал на дно баржи. Ругаясь, Стен ухватился за его шест и крикнул:

— Кто-нибудь, помогите!

Висиния на четвереньках подползла к Натиоле, в то время как маленький влахак стал помогать Стену.

Даже при беглом взгляде на упавшего Натиоле Висиния поняла, что мятежник серьезно ранен. Стрела с темным оперением торчала у Нати из груди. Она вонзилась в тело почти наполовину. Дыхание раненого было частым и поверхностным, а лицо в темноте казалось совсем белым.

— Они... они все-таки попали... — прохрипел старый друг, корчась от боли.

— Спокойно, молчи, — мягко прошептала Висиния и отодвинула ногу одного из троллей, оказавшуюся перед ней.

В Дезе Висиния часто помогала целителю Картареу и ухаживала за ранеными, и теперь она осторожно ощупала рану Натиоле. Из раны вытекала кровь, но холодный дождь смывал ее с груди Натиоле, которая рывками подымалась и опускалась.

— Скажи ему... скажи ему, что он должен довести дело до конца, — попросил влахак и схватил Висинию за плечо.

Его пальцы больно вонзились ей в тело, но девушка не обращала на это внимания. Слезы, смешиваясь с дождевыми каплями, текли по ее щекам.

— Ты можешь сам ему это сказать, — прошептала она Натиоле, но воин лишь тихо рассмеялся, а затем мучительно застонал.

— Как твоя... сестра могла отправить тебя на переговоры... девочка, — шепотом спросил умирающий, — если ты так отвратительно врешь?

Печальная улыбка тронула губы Висинии. Она кивнула, обхватила руками голову

влахака. Рядом на корточках опустилась Флорес и молча смотрела на раненого, неожиданно ее лицо исказилось от гнева, и она изо всех сил ударила кулаком в борт.

— Твой брат любит тебя, чертова упрямца!.. — прошептал Натиоле, и его сотряс приступ кашля, а на губах появилась кровь.

— Нати, — простонала Флорес, — Нати, не оставляй меня!

Шум и крики как-то вдруг отошли на второй план и наконец вовсе исчезли. Висиния видела лишь Натиоле, Флорес и себя, словно они очутились в холодную ночь на острове тишины.

— Он должен... продолжать бороться, — прошептал Натиоле надломленным голосом. — Пообещайте мне, что... не сдадитесь.

У Висинии сжало горло, она смогла лишь кивнуть. Ее слезы падали прямо на лицо Натиоле.

— Нельзя... чтобы все... оказалось зря, — продолжил воин, и его слова были почти неразборчивы. — Все эти страдания...

Его тело вновь сотряс приступ кашля. В темных глазах Нати отразились низко висящие тучи, взгляд его скользнул в неизвестные дали, будто он уже смотрел в другой мир, но затем он еще раз на мгновение вернулся и пристально взглянул на Флорес.

— Не надо ненавидеть его, сестра. Ты сейчас нужна ему. Ты...

На этот раз Натиоле не закончил фразу. По телу прошла последняя судорога, после чего влахак замер, потоки воды смывали кровь с его тела.

— Нет! — взывала Флорес в темноту, запрокинув голову и выкрикивая свою печаль и боль в холодную, безжалостную ночь.

Висиния сидела словно оглушенная, все еще удерживая в ладонях голову Натиоле, и гладила его мокрые волосы. «Он мертв, — оцепенело думала она, — о духи, такое чувство, словно мы потеряли частицу себя».

Заплаканными глазами она смотрела на Стена, который стоял на носу баржи и изо всех сил боролся с течением, чтобы вывести их суденышко из порта. Юный воин еще не догадывался о смерти друга, все его внимание было сосредоточено на шестах и башнях, которые прикрывали выход из порта. Троллей Висиния скорее ощущала, чем видела, но чудовища вели себя тихо, они лишь молча вглядывались в темноту.

Баржа двигалась вперед, дождь лил как из ведра. В тот момент, когда они уже были готовы вырваться между двух башен на свободу, раздался жуткий царапающий звук, и судно содрогнулось.

— Цепь! — в отчаянии закричал Стен и наклонился через леер. — Они поймали нас!

По телу Висинии пробежала дрожь. Если их заперли, то лишь вопросом времени был поиск баржи, а значит, и пленение. «Мы можем попытаться плыть, — размышляла влахака, — но при таком течении и в такую погоду это опасно, особенно для раненых. Сухай тогда обречен на смерть!»

— Поплывем по воде, — крикнул один из троллей, но Стен затряс головой.

— Мы все не сможем! — подтвердил он мысли Висинии и добавил: — У нас раненые: Сухай и Натиоле. Нам нужна лодка!

— Посторонись, человек! — приказал грубо огромный тролль и осторожно переполз ближе к носу. — Что там за цепь?

— Чудо кузнечного мастерства гномов. Вот, взгляни, — громко объяснил Стен, чтобы перекрыть гром, раскаты которого один за другим вспарывали ночь. — Прямо у поверхности воды. У нас слишком большая осадка!

— Гномы? — вопросительно проревел в ответ тролль, и Стен кивнул, откинув при этом мокрые волосы от лица.

Тем временем ливень превратился в настоящий поток с небес, и вода опасно быстро собиралась на дне баржи. Оба мужчины, рыжий и влахак, которые не были знакомы Висинии, вычерпывали руками воду за борт.

— Цдам! Иди сюда! — проревел здоровенный тролль, но затем резко замолчал и

виновато посмотрел по сторонам.

— Проклятье! — дико выкрикнул другой гигант. — Он мертв, ты, дурак...

— Тогда ты иди сюда! — мрачно пробурчал огромный тролль. Баржу немилосердно качало. Самый крупный из монстров подполз еще ближе к борту и устоялся в темную воду.

— Давай вытаскивай! — прокричал другой, прыгнул в воду и ухватился за цепь.

Второй тролль сделал то же самое, и скоро нос баржи опасно накренился, пока тролли поднимали цепь.

— Всем пригнуться! — громко приказал Стен и бросился на дно баржи, в то время как тролли медленно протаскивали над судном мощную, тяжелую цепь.

Толстые кольца цепляли леер, но тролли продолжали старательно протягивать ее к корме. При этом судно выталкивало на свободную воду. Два раза леер рвался под тяжестью металла. Но оба раза тролли снова поднимали цепь. Монстры продолжали эту поистине нечеловеческую работу и дотаскивали железяку до кормы. Наконец невероятным напряжением сил, издав дикий звериный крик, тролли пронесли цепь над кормилом, после чего она с громким плеском упала в воду.

— Дерьмо гномов! — торжествуя проревел здоровяк, осторожно взобрался на борт и устроился посередине палубы.

Объединенными усилиями Стен и Костин толкали баржу к середине реки.

Наконец судно подхватило течением, и их понесло в ночь мимо городских укреплений. Стен в изнеможении опустился на дно и крикнул:

— Костин, иди к кормилу! Держи нас посередине!

Лишь когда художник оказался на корме и схватился за кормило, Стен позволил себе подойти к Висинии. Улыбка застыла на его губах, когда он увидел выражение ее лица. Влахака печально покачала головой, и Стен перевел взгляд на Натиоле.

— Нет, — прошептал юный воин, распахнутыми от ужаса глазами глядя на безжизненное тело перед собой. — Нет, не здесь, Нати, не так.

Он вопросительно посмотрел на Висинию, но она была не в силах смягчить его боль, лишь горевала вместе с ним. Неуклюже, словно его тело вдруг сделалось деревянным, Стен подполз к другу и погладил пальцами лоб Натиоле.

— Ты оставляешь меня одного, брат? — спросил он, и голос изменил ему. — Разве ты не знаешь, что очень нужен мне?

Его тело сотрясали рыдания. Висиния осторожно положила ладонь на голову Стену, погладила волосы. Юный воин, весь в слезах, схватил безжизненную руку Нати и сжал ее, при этом он тряс головой, видимо, все еще будучи не в силах поверить... В поисках поддержки он взглянул вокруг, но лицо Флорес было суровым и отстраненным. Висиния притянула его к себе и обхватила руками, мокрого, дрожащего не то от холода, не то от плача. «Он потерял брата, — печально констатировала она. — Натиоле был его семьей, его другом даже в самые темные дни».

42

Река неудержимо несла их прочь от грозы с молниями и громами, ливень сменился монотонной моросью. Промокшие до костей, они сидели плотной группой посередине палубы, а Костин стоял у руля, удерживая лодку посередине реки, подальше от берегов.

Несмотря на холод, Стен не мерз. Он чувствовал себя так, словно его тело теперь принадлежит не ему, а какому-то чужому человеку, а он в нем лишь гость. Снова и снова влахаки смотрели на Натиоле, который мирно лежал со скрещенными на груди руками. Стен знал, что его друг мертв, но душа отказывалась признавать это. Ему казалось, что в любой момент Натиоле встанет и улыбнется. Но друг был мертв, теперь он был далеко. Со времен его с Флорес бегства из Дабрана Натиоле всегда был рядом с ним. Его старший брат. Но теперь юный воин должен был искать свой путь, и эта мысль нагоняла на него больше страха, чем все опасности и преследование Цорпада и его палачей, вместе взятые.

В какой-то момент Стен потерял чувство времени, Висиния положила ему руку на плечо и тихо спросила:

— Что нам теперь делать? Скоро наступит рассвет.

Стен отвлекся от своих мыслей и растерянно огляделся. Вначале он хотел спросить, почему ответа ждут от него, хотел отказаться от ответственности, предаться горю... но потом вздохнул и сказал:

— Костин! Подведи судно ближе к южному берегу! Как только увидишь подходящее место, причаливай! — крикнул Стен маленькому влахаку, который кивнул в подтверждение.

— Нам нужно отойти подальше от реки, — объяснил он Висинии. — Днем тролли беспомощны, а Цорпад пошлет за нами погоню. Он не позволит нам легко уйти.

— У них будут кони и собаки, — добавила Висиния, и Стен мрачно кивнул.

— Дождь нам на руку, а им придется обыскать оба берега, ведь они не знают, где именно мы высадились.

— Цорпад пошлет достаточно солдат. Он видел, что эти... эти тролли могут устроить, — возразила Висиния, бросив взгляд на грозные силуэты четырех существ, которые молча сидели посреди баржи.

— Есть подозрение, что в наших рядах орудует предатель, — вмешался Стен. — Возможно, марчег уже знает о том, что днем тролли не воины.

— Предатель есть, — спокойно заявила Флорес. — Я видела его, поэтому и разыскивала тебя.

В первый раз за долгое время Стен поднял взгляд на свою сестру. На ее бледном лице была печаль.

— Спасибо. Без вас...

— Вы все были бы мертвы... Как Нати... Октеиу был у Цорпада вчера вечером. Я надеялась, что успею найти тебя и предупредить. Вместо этого, — сказала Флорес и показала рукой на троллей, — я нашла твоих друзей.

— Октеиу? — шепотом спросила Висиния. — Гиоргас упоминал его. О духи, я послала его прямо к палачу!

Стен озадаченно наморщил лоб.

— Ты послала Гиоргаса к Октеиу? Но...

— Послушай. Цорпад угрожал. Он хотел вынудить Ионну подчиниться, иначе вольных влахаков ждет война. Марчег получает от гномов оружие и доспехи. Я должна была как-нибудь передать эти новости, поэтому я тайно выбралась из крепости и отправилась к сапожнику Гиоргасу. Он хотел отправить гонца и упоминал Октеиу.

— Натиоле тоже говорил с этим предателем, — прошипел Стен. — А это значит, что никакой гонец не был послан в Дезу и Ионна не догадывается о предстоящей войне!

— Надо поторопиться, — подытожила Висиния. — Время убегает. Я видела новые доспехи, солдаты Цорпада станут намного опаснее в них!

— У меня есть еще и другие обязательства, — извиняясь, заявил Стен и кивнул в сторону троллей. — Но вы должны как можно скорее мчаться в Дезу.

— Я — нет, — вмешалась Флорес и посмотрела на Натиоле.

— А что ты намерена делать? — осторожно спросил Стен.

— Я не знаю. Вернуться в Теремию я не могу, — призналась его сестра. — Возможно, отправлюсь на юго-восток.

Прежде чем Стен успел ответить, с кормы крикнул Костин:

— Впереди спокойное место, Стен! К шестам!

Влахаки вскочили и схватили длинный шест. Сарган последовал за ним, взяв второй. До сих пор Стен почти не обращал внимания на дирийца, который большую часть времени молчал. Но влахака очень интересовал вопрос: что рыжий здесь вообще делает? Времени на расспросы не было, так как первоочередной задачей было причалить к берегу, а течение здесь было очень сильным. Костин всем своим весом навалился на кормило, чтобы удерживать судно в нужном положении, в то время как Стен и Сарган работали шестами.

Неожиданно сопротивление течения прекратилось, и баржа спокойно поплыла в тихие воды маленькой бухты, где было гораздо легче подвести ее к берегу.

— Все на берег! — крикнул влахак и уперся шестом в дно. Первым через борт перебрался Пард. Он удерживал баржу, пока на сушу вылезали остальные. Друан наклонился к Натиоле и хотел подхватить его, но Стен гневно прошипел:

— Не касайся его, тролль!

— Я хотел его только... — начал оправдываться Друан, но Стен решительно покачал головой.

— Не касайся его!

Пожав плечами, Друан покинул баржу. Стен опустился на колени у тела Натиоле, обхватил и поднял на плечи, после чего прыгнул через леер. Выбравшись на берег, он положил тело на влажную густую траву.

— Что делать с лодкой? — спросил Пард.

Пожав плечами, Стен ответил:

— Надо вытолкнуть ее назад, в реку. Если повезет, течение отгонит ее ниже, и тогда преследователи не поймут, где мы высадились.

С этими словами он полез в воду и вместе с Пардом стал толкать баржу на стремнину. Наконец суденышко подхватило течением. С глухим рычанием Пард сильно толкнул уплывающую баржу, которая пошла вниз по Маги и через несколько мгновений исчезла во тьме ночи.

Когда Стен развернулся и побрел по грудь в воде к берегу, он с удивлением обнаружил, что дрожит всем телом. Абсолютно холодными, потерявшими чувствительность пальцами он никак не мог ухватиться за траву, чтобы вылезти на берег, пока Сарган не протянул ему руку и не вытащил.

— Мы должны найти убежище, — сказал Стен мокрым и дрожащим людям на берегу. — И нам нужен огонь.

— А солдаты? — дрожа, спросила Лейка.

— У нас нет выбора, — сказал Стен. — Среди нас раненые. Нам нужно тепло и отдых. Нужно спрятаться настолько хорошо, насколько это сейчас возможно.

Люди и тролли медленно поднялись, подбирая пожитки, хотя у большинства не было ничего, кроме той одежды, которая была на них. Сарган брел рядом с Висинией, и Стен увидел, как тот предложил женщине плащ, хотя сам отчаянно замерз. Но Висиния покачала головой. Буркнув что-то под нос, один из троллей закинул на плечо Сухаи, который все еще был без сознания. Стен же взвалил на плечи тело Натиоле и указал в сторону леса, который мрачной стеной нависал перед ними.

— Не расходитесь, держитесь друг друга, — приказал он. — Если кто-нибудь заметит что-то, пусть сразу же сообщает!

И они молча пошагали под непрекращающимся дождем к темному лесу. Тело Натиоле давило на плечи, но Стен упрямо переставлял ноги: сначала одну, затем другую, вперед и вперед. Он не мог доверить мертвого Натиоле кому-нибудь из троллей, после того как видел, что они съели своего мертвого товарища.

«Как часто ты меня поднимал, когда я уже был на земле, Нати? Ты вынес меня с поля боя, спас мне жизнь. Теперь я понесу тебя в твой последний путь... в этом мире».

Из-за дождя в лесу было очень темно, двигаться вперед было трудно. Периодически кто-нибудь спотыкался о камни или корни, едва различимые в темноте. Даже после того, как группу повели тролли, которые просто сносили препятствия, идти все равно было тяжело.

Неожиданно один из троллей прошипел:

— Огонь!

Стен не мешкая подошел к троллям и спросил:

— Где?

— Я слышу запах дыма, — объяснил Рох, и другие молча кивнули. — Он не может быть далеко, вода глотает многие запахи. В том направлении.

— Деревня? — спросил Стен, прикидывая, где они могли сейчас находиться.

Было сложно оценить расстояние, которое они проплыли вниз по течению Маги. Наконец он принял решение и осторожно опустил тело Натиоле на землю.

— Нужно разведать, выяснить, есть ли там опасность или мы сможем провести там день. Флорес, ты со мной?

Сестра молча присоединилась к брату и так же молча они побежали в направлении, которое указал Рох. Через несколько десятков шагов Стен тоже смог учуять запах дыма, а потом увидел большую поляну, на которой виднелись какие-то темные очертания, при ближайшем рассмотрении они оказались старой, покосившейся хижиной. За хижинкой они разглядели сгорбленный амбар. Под крышей, покрытой шкурами, стояли бочки, у стены аккуратными штабелями были сложены дрова. Похоже, здесь кто-то жил, из трубы поднимался дымок.

— Мы остановимся здесь, — решил Стен и спросил Флорес: — Разумно? Как думаешь, наши преследователи будут искать нас здесь?

— Если только солдаты знают об этом месте. Но мы должны отдохнуть, а тролли, ты говоришь, не смогут идти днем. Здесь сухо и тепло, и я надеюсь, что люди Цорпада на Маги потеряют наш след.

— Хорошо, — согласился он с сестрой. Когда Стен уже собирался повернуть назад, она схватила его за руку и удержала.

— Стен... — начала было она, но голос отказал ей.

— Я знаю, — сказал Стен и положил свою руку на ее. — Эта потеря тяжелее, чем можно выразить словами. Мне жаль, Флорес, я его...

— Нет, — она решительно перебила его. — Это не твоя вина. Он сам выбрал эту жизнь. Просто это так больно...

Стен молча кивнул. Когда их взгляды встретились, они снова на несколько мгновений почувствовали, что близки, как в детстве. Но мгновения прошли, и Флорес медленно убрала руку. Бросив на сестру еще один взгляд, Стен развернулся, и они пошли назад, к своим спутникам.

— Одна хижина, — рассказывал Стен. — Мы проведем там день.

— А что с этими? — спросил Костин, покосившись на троллей, которые держались в стороне от людей и молча тарачились на них.

Даже Пард притих. Такое поведение монстров озадачивало Стена, но у него не было времени поговорить с троллями о том, что с ними происходит.

— Мы идем к хижине, — предложил Стен свой план, — Успокаиваем жителей. Тролли немного выжидают и подходят чуть погодя.

Пард неодобрительно фыркнул.

— Никакого насилия! — приказал Стен, посмотрев на здоровяка.

Друан покорно кивнул.

Они быстро преодолели последний отрезок пути к хижине. Тролли остались в нескольких десятках шагов от поляны, а люди осторожно приблизились к маленькому домику. Недалеко от входа они положили Сухай и Натиоле на мягкую землю.

— Эй, вы! — громко крикнул Стен и приготовился к долгому ожиданию, но, к его удивлению, дверь тут же открылась, и на фоне света свечи в проеме двери появился темный силуэт человека.

— Кто бы вы ни были, лучше вам зайти внутрь. Плохая ночь, чтобы бродить по лесу, — сказал незнакомец, по всей вероятности старик, так как голос его слегка дребезжал. — И ваши друзья тоже!

Пожав плечами, Стен подошел ближе и склонил голову перед влахаком, спутанные волосы которого были уже совсем белы. На старике была грязно-коричневая простая одежда, а на ногах сандалии, обветренное лицо изборозжено множеством морщин, седые волосы составляли яркий контраст с темной кожей.

Подбородок и щеки хозяина хижины были тщательно выбриты. Он приветливо улыбнулся, демонстрируя щербатый рот.

— Мы не одни, — осторожно сообщил юный воин, чтобы не слишком испугать старика.

Тот лишь отмахнулся.

— Подумаешь! Жители леса попрятались от твоих друзей, мой мальчик, и птицы поют о вашем визите с крон деревьев. Неужели ты думаешь, что я глухой и глупый, потому что я стар?

— Нет, но... — растерянно возразил Стен.

Старик перебил его:

— Мой дом мал, но мы уж как-нибудь найдем место для всех. А теперь зови их, а то ветер выдует все тепло из моих костей!

Неуверенный в том, что поступает правильно, Стен уставился на старика.

Тот вздохнул и спросил:

— Может, это ты глухой и глупый?

— Нет... нет, ни в коем случае, я лишь хочу спросить, правильно ли я вас понял?

— Ты должен позвать их сюда, что тут непонятного, мой мальчик? — с любопытством поинтересовался старик.

— Хорошо, хорошо, — ответил Стен и выкрикнул имена троллей, которые вскоре показались на поляне.

Не моргнув и глазом, старик изучал троллей, которые, пригнувшись, зашли под навес.

— Позади хижины амбар, — спокойно сказал старик, обращаясь к ним. — Раньше там были животные, но сейчас он пустует. Вы можете отдохнуть там, вы слишком велики для моего дома.

Тролли озадаченно посмотрели на Стена. Когда тот кивнул, они обошли вокруг хижины, послышался скрип открывающейся двери.

Стен пропустил своих спутников, которых старик провел в хижину, последовал за ними и огляделся. Огарок свечи горел, мерцая, в маленькой бронзовой пиале, а в камине догорал огонь. Стол, два стула, кровать и несколько крючков на стене, на которых висели инструменты и одежда — вот и вся обстановка.

Сарган осторожно положил Сухай на утрамбованный глинобитный пол, и Лейка с вздохом опустилась рядом с раненым. В доме сразу стало тесно, большим троллям тут явно не хватило бы места.

Старик сел на кровать и дрожащим голосом пробурчал, указав на камин:

— Вы могли бы принести дров и снова развести огонь — согреетесь. Как рассветет, я смогу осмотреть его, — объяснил он, взглянув на мертвенно-бледного Сухай, который лежал перед камином.

Висиния последовала совету старика. Она опустилась на колени перед камином и осторожно разложила веточки, чтобы снова разжечь оставшийся жар, в то время как Костин вышел на улицу и вернулся с несколькими сухими поленьями.

— Есть ли у тебя имя, старик? И... лопата? — спросил Стен, который уже устал удивляться спокойствию хозяина хижины.

— Вангелиу, мой мальчик. А лопата за домом. Что ты хочешь делать?

— Похоронить друга, — ответил Стен и вышел.

Флорес последовала за братом. Из амбара до них донеслись приглушенные голоса троллей, но люди не поняли, о чем те говорили.

Вскоре Стен уже копал, прорубаясь через корни. Флорес расчесала волосы Натиоле, как могла привела в порядок одежду и отерла грязь с лица. Уже взошло солнце, но Стен не обращал внимания ни на что, он все еще мрачно продолжал работать, в то время как его истерзанное, обессиленное тело просто ломило от усталости. Наконец, когда он уже стоял в яме по бедра, Стен отер пот со лба грязными руками и, подняв глаза, обнаружил, что к ним подошли Висиния и Костин.

Он подхватил Натиоле под руки и осторожно опустил в могилу. Уложив тело, Стен наклонился, чтобы сложить другу руки на груди.

— Доброго пути тебе, Нати. Пусть духи охраняют тебя, — прошептал Стен сдавленным голосом, после чего попытался выбраться из ямы. Но от усталости постоянно оскальзывался на мокрой земле, пока Флорес и Костин не взяли его за руки и рывком не вытащили из могилы.

Юный воин стоял над ямой и смотрел на тело друга и неожиданно почувствовал себя бесконечно старым и усталым. «Что я буду делать без тебя?» — в отчаянии думал он. Но затем схватил лопату и вонзил ее в кучу свежевынутой земли. В последний раз взглянув на друга, он бросил в могилу горсть влажного чернозема, который с глухим стуком рассыпался по телу Натиоле. За первой лопатой последовала вторая, а потом еще и еще одна, пока бледное, спокойное лицо, а потом и все тело не скрыла земля. Стен достиг состояния за границей усталости. Он бросал и бросал землю, будто заведенный. Костин хотел отобрать у него лопату и помочь, но Стен лишь покачал головой и продолжал, пока могила не была полностью засыпана. С трудом удерживаясь на ногах, Стен оперся на лопату и поднял глаза.

Висиния сказала:

— Он был хорошим человеком и настоящим другом. Многим будет не хватать его.

Больше ничего и не нужно было говорить, чтобы выразить боль, которую все испытывали. Висиния смогла подобрать правильные слова, и Стен повторил про себя: «Тебя будет очень не хватать нам, Нати».

Потом он забросил лопату на плечо и медленно побрел к хижине. Висиния и Костин последовали за ним, а Флорес еще некоторое время оставалась стоять, неподвижно уставившись на свежий холм земли.

Люди зашли в хижину. В камине горел огонь. Перед ним на полу, рядом с бесчувственным Сухаи, лежала спящая Лейка, которая, очевидно, уже не могла бороться с усталостью. Сарган прислонился к стене и прикрыл глаза рукой.

Тепло хижины окатило Стена с ног до головы. Внезапно он почувствовал, что больше не в состоянии стоять на ногах, и опустился на пол, где и остался лежать, тяжело дыша. Висиния и Костин поспешили к нему. До Стена словно издалека доносились их обеспокоенные голоса. Ничего не соображая, юный воин устался на свою ногу. Рана вследствие напряженной работы снова начала кровоточить. Неожиданно старик присел рядом с ним и положил руку ему на грудь.

— Ты выполнил свой долг по отношению к другу. А теперь исполни его по отношению к себе.

Объединенными усилиями они отнесли Стена и уложили в более-менее удобную позу у камина. Висиния подложила ему под голову что-то мягкое.

— Давай посмотрим...

Пальцы седовласого старика, которые перед этим казались дрожащими и слабыми, прижали Стена с невероятной силой к полу и мягко ощупали его раны. Юный влахак, не протестуя, позволил себя осмотреть. Пол, казалось, шатался, а мир танцевал перед глазами. Все меньше он мог видеть, все больше наваливалась темнота, пока она полностью не поглотила его. Последнее, что он услышал, были слова старика:

— Он потерял много крови. Нужно зашить рану. Поддай мне вон тот горшок, моя дорогая.

43

Флорес устало прислонилась к стене, глядя на брата, который погрузился в глубокий сон и теперь дышал спокойно и равномерно. Старик искусно обработал раны и сейчас готовил в горшке густой душистый суп для гостей. Висиния тоже заснула, вытянувшись возле Стена и подложив под голову левую руку. Дириец свернулся калачиком рядом с Костином, а Лейка отдыхала возле Сухаи. Юный дворянин все еще не приходил в сознание,

но его раны тоже почистили и перевязали, а поломанную руку вправили и положили в лубок. Вангелиу снабдил влахаков простыми грубыми покрывалами, в которые те завернулись. Мокрая одежда сушилась на веревке у камина. Флорес сняла доспехи и разложила их перед огнем, чтобы хоть немного просушить.

После бессонной ночи тело Флорес ныло, девушке требовался сон, но разум был слишком возбужден, мысли путались, влахака не могла успокоиться. Дождь равномерно барабанил по крыше хижины, а свет, что проникал через щели в стенах, был каким-то холодным и серым. Гроза ушла на юг, оставив после себя лишь густой, беспрестанный дождь. И только иногда издалека докатывался гром.

— Нам нужно как можно скорее уходить отсюда, — неожиданно сказала Висиния, которая внезапно проснулась. — Мы в большой беде.

Она подняла голову и посмотрела на Флорес.

— И мы отплатим этой бедой нашему гостеприимному хозяину, если останемся здесь надолго, — согласилась с ней темноволосая воительница.

— Не волнуйтесь о старом Вангелиу, — возразил вдруг старик. — Со мной уже ничего не случится.

Висиния поднялась на колени и обеспокоенно склонилась над спящим Стеном. Девушка убедилась, что горячки нет и воин просто спит, затем рыжеволосая повернулась к хозяину хижины.

— А почему ты живешь здесь один, старик, — вежливо спросила она. — Разве это не опасно?

— Лес ничего не сделает мне, дитя мое, а люди обычно сюда не заходят, — с улыбкой ответил Вангелиу.

— Ты — прорицатель! — сказала Флорес, до которой наконец дошло, кто перед нею, и обе влахаки посмотрели на старика с еще большим уважением.

— Прежде всего я просто старик, — рассмеялся Вангелиу и потер нос, — но это правда, я и лес — мы понимаем друг друга.

— Мы не станем долго обременять тебя, — заверила его Висиния. — Как только сможем, сразу же уйдем.

— Вы меня не обременяете. Я впервые в жизни увидел живых троллей. Лес шептал об их приближении, и мне стало очень любопытно. Иначе я бы не развел костер... правда? — спросил он, озорно улыбнувшись.

— О! Мы несказанно благодарны за ваше гостеприимство, — серьезно ответила Висиния.

— Гостеприимство — одна из добродетелей нашего народа, украшение наших властителей и обязанность каждого, — объяснил Вангелиу. — Для меня было бы позором, если б я дал вам от ворот поворот.

— Ты не боишься масридов? — удивленно спросила Флорес.

— Конечно, я боюсь, но, как я уже говорил, я стар. Поэтому смерть уже не так сильно пугает меня.

— Нас, без сомнения, преследуют. Всадники и воины с собаками, — уточнила Флорес, и Вангелиу кивнул.

Перед камином зашевелилась Лейка. С высокой черноглазой влахакой Флорес познакомилась лишь этой ночью. Судя по виду, женщина хорошо перенесла ужасы прошлой ночи.

— Да, Цорпад будет просто в ярости, если потеряет не только Стена, но и нас, заложников, — согласилась она с Флорес. — Он перевернет ад, чтобы нас разыскать.

— Возможно, этого будет недостаточно, — таинственно прошептал Вангелиу, а когда Флорес озадаченно уставилась на него, старик не ответил, лишь с улыбкой потер нос.

Юная влахака растерянно изучала морщинистое лицо и водянистые голубые глаза, но так и не поняла, о чем говорил прорицатель.

— Нам нужно в Дезу. Цорпад ускорит подготовку войны. Наверное, он уже собирает

войска. Ионну надо предупредить! — настойчиво говорила Висиния, все кивнули, кроме Флорес, которая еще не решила, чем займется в ближайшее время.

Разговор велся шепотом, но, кажется, разбудил Костина и дирийца, так как они оба поднялись. Костин вовсю зевал и потягивался, а Сарган с подозрением смотрел на говорящих, после чего устался на Висинию.

— Стен сказал, что у него есть и другие обязательства? — поинтересовалась молодая женщина.

Костин ответил:

— Тролли ищут что-то. Цорпад помогает маленькому народцу руками ордена Альбус Сунас. Что-то происходит в монастыре Стариг Яцек, и Стен намерен отвести туда троллей, я думаю.

— А что у него вообще за дела с этими чудовищами? — поинтересовалась Лейка, и Костин рассказал все, что знал от Стена.

Затем каждый описал события последних дней, и теперь у всех сложилось приблизительное представление о происходящем. Разговор постоянно возвращался к огромным существам, которые прошлой ночью бушевали в цитадели.

— И Стен путешествует с этими крошками рука об руку? — в конце концов удивилась Лейка и покачала головой.

Но Висиния вмешалась:

— Если бы не эти *крошки*, то мы бы все были мертвы. К добру это или к худу, но тролли оказались втянутыми в нашу борьбу. Стен понимает это.

— Я думаю, что, скорее всего, у Стена не было выбора, — рассмеялся Костин. — Но самый большой из них, который называется Пардом, очень даже нужный товарищ.

— Это правда, — согласилась с ним Флорес. — Но чудовища опасны. Они хотели убить меня, когда собирались сбежать.

И вы все видели, на что они способны. Возможно, мы должны их сейчас...

Слова повисли в воздухе, и влахаки задумчиво переглядывались, но тут раздалось хриплое: «Нет!»

Все обернулись на Стена, который, приподнявшись на локте, прохрипел:

— Тролли — это моя забота. Они спасли мне жизнь. Я принял решение и не отступлю от него. Их поиски во Влахкисе скоро закончатся, и они снова исчезнут глубоко под землей. Но до тех пор моя судьба связана с ними!

Флорес с сомнением посмотрела на брата.

— Они убили бы меня, если бы не этот вот, — заявила она, указав взглядом на Саргана, который отвесил ей шуточный поклон.

— Было удовольствием для меня, — сказал он и криво усмехнулся.

Не желая, очевидно, больше участвовать в дискуссии, дириец снова свернулся под покрывалом и закрыл глаза.

— Да, они опасные, они злые, они людоеды. Но что с того? — угрюмо спросил Стен. — Они убивают, но и мы убиваем.

Повисло неловкое молчание, пока Висиния не спросила:

— И каков твой план, Стен?

— Мне нужно в Стариг Яцек. Альбус Сунас занимается опасной магией. Я подслушал разговор; то, что я узнал, звучало устрашающе. Думаю...

Но тут Вангелиу неожиданно развернулся и пристально посмотрел на Стена светлыми, прозрачными глазами. Затем он перебил его:

— Монастырь на юге? Который на холме?

— Да, думаю, да. А что?

— Это темное место, этот монастырь. Я чувствую. Он словно... да, словно гнойная рана этого мира, — объяснил прорицатель.

— Рана мира? Что это значит? — испуганно спросила Лейка.

— Духи избегают этого места, оно темно для моего взора.

— Это связано с тем, что я слышал, или духи просто боятся силы Альбус Сунаса? — спросил Стен.

— Я не знаю. Священники ордена Бога солнца не заботятся о духах. По крайней мере, до сих пор не заботились. Они идут другими путями и объявили всех духов темными, — пожав плечами, заявил Вангелиу, потом снова обернулся к горшку с супом и помешал в нем деревянной ложкой.

Ароматы варева постепенно наполняли помещение.

Сжав губы, Стен подытожил:

— Тем важнее разыскать это место и выяснить, что там происходит. Тролли хотят остановить магические атаки на их народ. Возможно, это поможет и нам, если мы хотим помешать Цорпаду выполнить его часть договора с маленьким народцем.

— Неужели ты думаешь, что гномы потребуют свое оружие назад? — недоверчиво спросила Флорес.

Стен пожал плечами.

— Скорее всего, нет. Но даже если и так... Этот союз плох для нас. И опасен. Помешать ему будет только нам на руку.

— Стен прав, — решительно заявила Висиния. — Цорпад действует как полновластный хозяин и диктует нам свои условия. Настало время изменить это. То, что от него смогли сбежать заложники, — уже хорошее начало. Стен отправится с троллями в этот монастырь и выяснит, что да как. Можно отправиться с ним...

— Нет, — перебил ее Стен. — Чем меньше людей, тем лучше. Тролли доверяют мне, и я знаю, как нужно вести себя с ними. Я пойду один.

— Хорошо, — кивнула Висиния. — А мы должны поспешить в Дезу, чтобы предупредить мою сестру. Лейка и Сухай в Мардеве будут в безопасности. А мы должны подготовиться к нападению Цорпада, которое скоро начнется.

— Он нападет и будет жестоким и беспощадным, — сказал Стен. — Я вернусь, как только смогу.

— А как ты, Флорес? — неожиданно поинтересовалась Висиния.

— Я... я пойду с вами в Дезу. Боюсь, что в Теремии теперь небезопасно, и я не знаю, что мне делать и куда идти.

— Хорошо, — спокойно ответила Висиния, и Флорес кивнула брату, который задумчиво смотрел на нее.

На мгновение брат и сестра встретились глазами, но потом Стен отвернулся.

«Он считает себя виноватым в смерти Нати, — поняла она. — Он боится, что и я виню его в этом». Воспоминание о друге вызвало в душе острую боль, но она протянула руку и положила ее на плечо Стена, который благодарно ей улыбнулся. «Как бы я хотела рассердиться на тебя... или на кого-то другого, — подумала Флорес. — Но я чувствую лишь печаль».

— Расскажи нам об этом монастыре, — попросил Костин старого прорицателя, который снова обернулся к гостям.

— Я никогда там не был, мой мальчик. Я не знаю ни стен его, ни тамошних людей. Но я знаю, что там больше нет духов.

— С каких пор? Так было всегда? — продолжал допытываться маленький влахак.

— Нет, лишь несколько месяцев.

— И ты предпринимал что-нибудь?

— Нет. Я стар. Я не воин, не герой. Мое место здесь, — тихо улыбаясь, заявил прорицатель.

Висиния, внимательно прислушиваясь к разговору, неожиданно потерла виски и сказала:

— Я как раз кое-что вспомнила. Прежде чем Цорпад отвел нас к капелле, над Теремией возникло странное сияние, которое затем неожиданно погасло. Знает ли кто-нибудь, что это было?

— Да, — ответила Флорес и продолжила: — На пути из порта к замку мы натолкнулись на нескольких форбсов. Они приняли троллей за духов темноты...

— В чем они были правы!.. — вмешался Костин, но замолчал под суровым взглядом Флорес, которая снова заговорила:

— Один из них сотворил волшебство, вызвав яркий свет, и тролли попадали на землю.

— Ложный солнечный свет, — задумчиво констатировал Стен.

— Наверное. Форбсы ослепили меня, и я утратила способность сражаться. Они хотели сжечь меня! Но вот этот дириец, — сообщила Флорес, кивнув в сторону маленького рыжего коротышки, который в этот момент мирно спал, — убил форбса кинжалом.

— Он сказал, что он писатель, — заявил Стен.

Флорес только сухо рассмеялась.

— Писарь? Да он так метнул кинжал, что тот попал форбсу точно в глотку. Если он простой писатель, то я мужчина!

— Значит... — начал было Стен, но Флорес посмотрела на него и сказала:

— Что бы он ни заявлял, никакой он не писака. После того как священник упал, свет погас и тролли проснулись. И они были довольно сердиты.

— Сердиты? — осторожно спросила Лейка. — Как сердиты?

— У этого толстого, Парда, по всему телу были ожоги, но он набросился на священников как зверь. Зрение ко мне возвращалось медленно, но крики-то я слышала! Другие тролли тоже были в ярости, я не знаю, выжил ли хоть один жрец. Тролли были залиты кровью, и я могу поклясться, что клыки Парда тоже были в крови!

— Они разрывают своих врагов клыками и когтями, — тихо сказал Стен, — я уже видел.

— И они едят людей? — в ужасе спросила Лейка.

— Да. Они едят все, а также других троллей.

— О духи! — вырвалось у Флорес. — Хочешь ли ты сказать, что они не только убили бы меня, но и еще затем закусили мною?

— Наверное, — уклончиво сказал Стен, и другие влахаки в отвращении скривились.

— Мы должны убить их. Мы сможем и без них забраться в тот монастырь, — решительно заявила Лейка.

Стен поднялся, причем его лицо на миг исказилось болью, и отчеканил:

— Нет! Я дал им слово! Если вы захотите убить их, то я встану между вами и ими!

— Это безумие, — мягко сказала Висиния. — Стен, подумай, нужны ли нам эти чудовища?

— Я не знаю, — признался юный влахак, — наверное, нет. Но у них залог — мое слово, и они были верны мне. Они спасли нас всех, уже забыли?

— Нет.

— Или таким образом мы проявим свою благодарность? — горько спросил Стен.

— Они опасны, Стен, смертоносные существа, — наседала Лейка, и Флорес увидела, как брат рассердился.

Наемница прикрыла рукой ухмылку, ведь она слишком хорошо знала упрямство близнеца. Ничего из того, что могла сказать Лейка, не доходило до него, просто не могло дойти.

— Я знаю! — прорычал Стен. — И что? Вы думаете, я не размышлял над этим? Вы считаете меня полным идиотом?

— Конечно, нет. Я хотела лишь...

— Тогда доверьтесь моему мнению! Я уже дольше путешествую с троллями, чем все вы, вместе взятые. Мое мнение остается неизменным, и если вы захотите убить троллей предательски во сне, то сначала вам придется пройти мимо меня!

— Ну ладно, — успокоила Висиния Стена, и Флорес с удивлением заметила, что ее брат действительно успокоился, у него даже плечи опустились.

— Жаль, вы не понимаете меня, — сказал он, подняв руки, — но вам придется

довериться мне.

— Мы доверяем тебе, Стен, — твердым голосом сказала Висиния. — Разговор окончен. Сегодня ночью нам нужно выступать. Тролли на совести Стена. У нас и без того достаточно проблем. И нам нужно оставаться вместе. Представляю злорадный смех Цорпада, если мы, влахаки, будет ссориться.

— Хорошо, — ответила Лейка, — я не сомневаюсь в Стене.

— Да, — сказал Стен с вымученной улыбкой, потом неожиданно подошел к двери и сказал: — Мне нужно на свежий воздух.

Когда он вышел на улицу, Висиния с Флорес обменялись удивленным взглядом, и Флорес, зевнув, сказала:

— Кажется, я тоже не сомневаюсь.

Навес давал хорошую защиту от дождя, который накрыл лес мокрой пеленой, но Стен пошел через поляну прямо к могиле Натиоле. Вышедшая вслед за братом Флорес осторожно подошла к нему и положила ему руку на плечо.

— Он был хорошим другом, — решительно сказала юная влахака и улыбнулась Стену.

— Он был лучшим другом, какого только можно было желать. Мне не хватает его.

— Мне тоже, — прошептала Флорес, затем развернулась и посмотрела на Стена. — Это не твоя вина.

— В капелле он сказал, что всегда знал, что умрет, находясь рядом со мной. Вся эта затея была безумием, я...

— Ерунда, — резко перебила она его. — Он давно боролся. Еще до того, как ты в первый раз сделал вылазку в Дабран. Он понимал, что это опасно, и осознанно пошел на риск. Не оскорбляй его память. Он не был твоей марионеткой, Стен. Он делал то, что считал нужным. До самого конца!

Ее брат молча посмотрел на свежую могилу, а потом перевел взгляд на Флорес.

— Он был героем. Он никогда не думал о себе и был лучшим из нас двоих. Но никто не напишет песен о нем, никто не будет воспевать его деяния. Проклятье! А если мы проиграем войну, то его имя вообще будет забыто, — горько сказал Стен. — При этом, когда люди говорят обо мне и моих трижды проклятых геройских поступках, на самом деле они говорят о нем.

— Нет, брат, — тихо возразила Флорес. — Он был хорошим человеком, но в этой борьбе только ты сможешь повести влахаков, — она умолкла на мгновение. — И что бы ни произошло, мы двое никогда не забудем Натиоле.

Ее брат кивнул.

— Никогда.

Они стояли и думали о своем друге, чье тело лежало перед ними в холодной земле.

— Ты будешь ждать в Дезе? — неожиданно спросил Стен, и Флорес смахнула мокрые темные пряди с лица.

— Я не знаю. Мне нужно подумать над этим.

— Дождись меня, сестра. Сейчас у нас нет времени и возможности... Но позволь нам устроить совместные поминки: ты, я и Висиния, — настойчиво попросил ее Стен.

Флорес медленно кивнула.

— Хорошо, я дождусь. И раздобуду для нас пару бочонков хорошего красного вина с южных виноградников. Но при вашей жизни...

— Да, я знаю. Спасибо, Флорес. Ты спасла нас.

— Ты мой брат, Стен. И постоянно попадаешь в неприятности.

— Понятно. Ты намного благоразумнее меня. Определенно! — подтрунил над ней Стен. — Что там было с тем кузнецом-подмастерьем? Ионна чуть до потолка не взвилась...

Флорес рассмеялась при воспоминании этой старой истории и ответила:

— У него появлялись ямочки, когда он смеялся, Стен. Ямочки...

Прежде чем брат успел ответить, Висиния позвала их из хижины:

— Идите есть, пока не остыло!

Брат и сестра вернулись в хижину, где Вангелиу выдал им по миске с густым супом. Гости жадно поглощали нехитрую, но исключительно вкусную еду.

Сарган тоже проснулся и ел с таким же аппетитом, что и остальные. Стен неожиданно спросил дирийца:

— Зачем ты пришел к троллям?

Через несколько мгновений обдумывания рыжий ответил:

— Давай подождем, пока они проснутся. Тогда мы сможем поговорить. Все вместе.

Подняв брови, Стен пристально смотрел на маленького чужестранца, но потом пожал плечами и сказал:

— Хорошо.

— Ну и как идут дела у писателя? — неприязненно спросила Флорес.

— Могло быть и лучше, — признался дириец, — хотя здесь достаточно объектов для описания.

— Кстати, спасибо, — ответила Флорес и улыбнулась коротышке, который тоже улыбнулся в ответ.

— Как там, в империи? — с любопытством поинтересовалась она, и его улыбка стала еще шире.

— Цивилизованно. Чудесно. Города размером с эту страну. На каждом углу чудеса, на рынках продается любой товар, который только можно себе представить! — красочно восхвалял он свою родину, и Флорес не удержалась от смеха.

— Это звучит многообещающе, — ответила она. Он кивнул.

— Не звучит! Так и есть! А почему ты спрашиваешь?

— Обычное любопытство? — ответила она вопросом на вопрос, но потом серьезно добавила: — Потому что я спрашиваю себя, куда податься, когда начнется война.

— Ты всегда будешь желанным гостем на моей родине. Но сейчас путь туда будет тяжелым: скоро зима, а перевалы и сейчас практически непроходимы, — вздохнув, пояснил Сарган.

— Точно. Но на следующий год можно будет попробовать.

— Если хочешь, отправляйся со мной, я не собираюсь слишком долго здесь задерживаться, — улыбнулся дириец. — И рядом со мной одно свободное место, — заявил он с двусмысленной улыбкой.

Флорес нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня только три жены, — рассмеялся Сарган и подмигнул ей. — Могу взять себе еще одну!

— Что? Ты имеешь в виду замужество? — взорвалась Флорес, и рыжий радостно кивнул.

Флорес уже хотела ответить что-то злое, но перехватила улыбку Стена и поняла: «Он просто шутит».

— У меня тяжелый характер, — громко сказала она. — Боюсь, что не потерплю присутствие других женщин!

— Это так, — вмешался ее брат. — Если ты возьмешь ее с собой, то через неделю у тебя будет только одна жена.

— А что станет с моими тремя сыновьями и четырьмя дочерьми? — спросил Сарган с наигранным отчаянием. — Кто будет заботиться о них?

— Я — нет, — твердо заявила Флорес. — Я хочу посмотреть империю, а не нянчиться с твоими шалунами.

— Тогда я не смогу взять тебя в жены, — пожав плечами, почти серьезно сказал дириец.

— У тебя действительно три жены и семь детей? — с любопытством спросил Костин, и когда Сарган, неожиданно посерьезнев, кивнул, маленький влахак заявил: — Ты, должно быть, очень богатый писатель, к тому же терпеливый... как осел!

— Я много путешествую, — просто ответил Сарган, что вызвало общий приступ веселья.

После еды и разговоров усталость все же одолела Флорес, и она поудобнее устроилась у маленького камина, где под шушуканье остальных медленно погрузилась в сон.

Ее видения были на удивление спокойными и приносящими отдых. Сны переплетались. После пробуждения она еще некоторое время не могла прийти в себя, но это не были кошмары, просто запутанные и не связанные друг с другом грезы. Выглянув наружу, Флорес увидела, что опускаются сумерки. Все еще шел дождь, и похоже было, что закончится он не скоро. Некоторые спали, зато наконец-то Сухаи пришел в себя. Он все еще был бледен, но уже мог сидеть и даже ел суп.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Флорес у юного дворянина, который мужественно улыбнулся наемнице.

— Терпимо. Рука болит, но Вангелиу говорит, что кости стоят правильно.

— Переломы всегда болезненны, — согласилась с ним Флорес. Среди ранений воительницы уже числились и переломы.

— Я мог бы быть уже мертв, — заявил Сухаи. — Мы все были бы мертвы, если бы не эти чудовища.

— Да, — согласилась Флорес. — Мы очень много... Подожди!

Она поднялась на ноги. В монотонном шелесте дождя она различила какой-то звук... Гром или что-то...

— Кони! — воскликнула юная воительница и разбудила спящих. — Стук копыт!

Стен сразу же вскочил на ноги, подбежал к двери и распахнул ее. Через несколько мгновений он обернулся и подтвердил подозрения Флорес:

— Они идут с запада. И их много! Другие тоже вскочили.

— Что с троллями? — спросила Лейка. — Предупредить их?

— Пока на небе солнце, — объяснил Стен, — они беспомощны, им нужна наша защита!

— Времени мало, — поторопил их Костин. — Нужно уходить в лес. Здесь мы в ловушке.

— Да, давайте, выбирайтесь отсюда, — приказал Стен. — Вам нужно уходить!

— Нам? — спросила Висиния. — А как же ты?

— Они слишком близко. Даже если мы сейчас побежим в лес, нас будут преследовать! Кто-то должен задержать их!

— Ты один? Ты сошел с ума!

— Нет времени на споры. Исчезните! — отрезал Стен. — Увидимся в Дезе!

Висиния бросила на юного воина долгий взгляд. «Иди, я прошу тебя», — проговорил он одними губами, и она кивнула.

Люди быстро собрались. Одежда была еще слегка влажной, но, по крайней мере, теплой. Когда влахаки вышли из хижины, на узкой тропинке, что вела к поляне, уже показались первые всадники. Дождь приглушил стук копыт, и конница смогла подойти незаметно.

— Проклятье, — прошипел Стен при виде масридов с обнаженным оружием, которые прищипорили коней, заведя влахаков.

Всадников сопровождала свора знаменитых масридских гончих. Короткая темная шерсть лоснится, языки вывалены, мощные мышцы перекатываются под шкурой... Флорес разглядела минимум десятерых всадников, но, так как масриды двигались один за другим по узкой тропинке, было непонятно, сколько воинов всего.

— Их слишком много! — прошептал Стен, нерешительно сжимая меч в руке. — Мы не сможем уйти, — воскликнул он. — Назад, в хижину!

Висиния, которая вышла вслед за Флорес, стала поспешно заталкивать всех в хижину. На открытом пространстве масриды просто затопчут их, а в лесу большой группе сложно затеряться. В хижине у них оставался какой-то шанс.

Флорес очень не нравилась мысль защищаться в хижине, в ней она чувствовала себя как в мышеловке. Но другого выхода она не видела. Поэтому, бросив последний взгляд на солдат в тяжелых доспехах, на мощных лошадях, она хотела уже последовать за остальными.

Но неожиданно первый всадник был выбит из седла и покатился по земле. Флорес и Стен стали свидетелями того, как опрокинулся куда-то назад следующий всадник. Третий склонился вперед и соскользнул по шее коня на землю, и Флорес разглядела торчащую в его спине темную стрелу.

— Лучники, — озадаченно прошептала она и лихорадочно заозиралась, но не смогла никого увидеть.

— Что за черт... — удивился Стен и поднял меч. Солдаты казались такими же озадаченными, как и влахаки.

Едва достигнув поляны, где-то в тридцати шагах от хижины, они остановили коней.

Их предводитель, здоровый как бык масрид в тяжелой кольчуге, указал копьем на холм, но, прежде чем он успел что-то сказать, из его горла уже торчала длинная стрела, и он с выпученными глазами хватался за шею. Кровь лилась сквозь пальцы, и он боком свалился наземь. Его подчиненные осматривали мрачный лес, из которого на них сыпался град смертельно точных выстрелов. Вдруг один ударил шпорами по бокам коня, развернулся и умчался прочь. В течение нескольких мгновений масридов и след простыл. И только несколько трупов и кони, стоящие над поверженными, подтверждали тот факт, что все произошло на самом деле.

Стен в полном недоумении откинул волосы с лица, вышел на поляну и осмотрелся. Из хижины вышел Вангелиу и взглянул на небо.

— Плохая погода. Но дождь будет продолжаться, я чувствую это по своим костям, — весело сообщил старик.

— Что? — спросила Флорес, озадаченно потрясла головой и потом снова уставилась на него.

— Дождь, — спокойно сказал он.

— Что, о духи, здесь только что произошло? — в ответ спросила его Флорес.

Прорицатель только улыбнулся, затем вдруг посерьезнел и сказал:

— Мы должны позаботиться о мертвых. Винаи не захотят, чтобы трупы остались здесь. И я тоже не хочу.

Прежде чем они взялись за дело, Стен подошел к нему и строго спросил:

— Ты знал о винаи, да?

— Винаи? — тихо переспросила Флорес. — А зачем эльфы должны...

— Ну, когда я сказал, что знал о вашем прибытии заранее, то был не совсем честен, — ответил Вангелиу с извиняющейся улыбкой.

— Они рассказали тебе об этом!

— Я же говорил, лес и я, мы понимаем друг друга.

— Проклятье, а Друан спит! Идите в хижину, — резко приказал Стен, и Флорес удивленно посмотрела на него.

— Что здесь происходит? — спросила она брата, который отвернулся и сказал:

— Я иду в лес. Я поговорю с ними.

— Неужели ты считаешь это хорошей идеей? Разве ты не видел, что они сделали с масридами?

— Если бы они хотели нас убить, мы бы уже давно лежали на земле со стрелой в сердце! Ты так не считаешь? — ответил Стен, и его сестра медленно кивнула.

— А он? — спросила она и показала на Вангелиу.

— Ты идешь со мной, старик? — поинтересовался Стен, и старик согласно кивнул.

— Тогда и я с вами, — вмешалась Флорес.

— Я уже один раз встречался с винаком. Тролли вроде как пользуются у них уважением, — объяснил Стен сестре. — Возможно, они узнают меня.

— Если ты думаешь, что я оставлю тебя одного, то ты еще глупее, чем я считала до сих

пор, — мрачно сказала Флорес.

Стен серьезно посмотрел на нее, взял за плечи.

— Возможно, они узнают меня, но тебя — точно нет. Оставайся в хижине, пока я не вернусь или пока не проснутся тролли. Пожалуйста.

Флорес гневно сверкала глазами на брата, но потом поуспокоилась.

— Хорошо. Будь осторожен.

— Ты же меня знаешь, — смеясь, ответил Стен.

Флорес наигранно вздохнула.

— Вот именно!

С этими словами брат развернулся и двинулся к темной линии деревьев, в то время как Флорес вернулась в хижину и сообщила последние новости соратникам. Пока они, исполненные удивления, слушали ее, Флорес пыталась расслышать сквозь барабанный дождь какие-нибудь звуки снаружи, но стук капель скрадывал любой шум.

«Тролли, эльфы, гномы... такое ощущение, будто я нахожусь в сказке или старой легенде. Только эти легенды смертельны для тех, кто в них попадает», — подумала она.

44

Сошнувшись, полководец склонился над картами системы нижних штолен. Военный совет, созванный королем, продолжался уже более трех смен, и плечи Хродгарда свело от того, что он, не разгибаясь, стоял над низким столом с картой.

— Туннели с седьмого по двенадцатый безопасны, — зачем-то брякнул Таинельм, сын Тимольда.

— Это я тоже вижу, командир, как и все остальные. Есть ли у тебя что сказать... что не так очевидно?

С перекошенным лицом военный покачал головой. Необдуманное замечание Таинельма еще больше распалило гнев, который сжигал верховного уже несколько часов кряду.

— Мы ходим по кругу! — сердито загремел он. — Тролли исчезли в глубине, наши лазутчики не смогли их отыскать. Возможно, это действие магии людей, но мы не можем быть уверенными! Мы должны отыскать следы и уничтожить выродков!

— Господин, — осторожно вмешался Анспранд, сын Антара, — многие части отозваны в верхние туннели, чтобы в случае чего отразить нападение с поверхности. Таким образом, здесь остается слишком мало отрядов, чтобы уничтожить троллей.

— Я знаю, военачальник, — ехидно ответил Хродгард. — Но спасибо, что ты напоминаешь мне об этом. Мы окружены врагами, и у нас ограниченное количество воинов, отсюда и наша проблема. Все эти грязные, недоразвитые народы бросают жадные взгляды на наше с таким трудом заработанное богатство. Наша задача защитить наш народ, и притом теми средствами, которыми располагает король под горой.

— Да, господин, — ответил Анспранд. — Нужно расставить приоритеты, решить, какая угроза страшнее, и использовать наши средства соответствующим образом. Тролли...

— Кровожадные чудовища, — перебил его полководец, — они ждут и нападут в момент нашей слабости. Мы сможем чувствовать себя в полной безопасности лишь тогда, когда они будут полностью уничтожены.

— Остаются люди и эльфы, — добавил Таинельм, и Анспранд согласно кивнул.

Хродгард взглянул на двух предводителей. «Неужели эта парочка заодно? — размышлял гном. — Может, они хотят скомпрометировать меня перед присутствующими вельможами?» Но вслух сказал следующее:

— О людях мы знаем мало, об остроухих и того меньше, но и те и другие еще не решались проникать в горы. Труссы! Раньше они были опасны, но благодаря нашей торговле с людьми нам больше не нужно идти в леса. По крайней мере, князь людей Цорпад на нашей стороне, но раса людей включает многие народы. И тот нарушитель мог быть одиночкой или

же лазутчиком целого войска!

— Вы правы, полководец, — согласился Анспранд. — Но наши союзники говорят, что продолжают уничтожать троллей при помощи своей магии. Мы видели результаты — все те раздавленные и сгоревшие тела.

— Что ты предлагаешь? — резко спросил полководец.

— Давайте забаррикадируем нижние входы и пошлем в нижние туннели только патрули. А мы будем охранять пещеры наших предков. Если один из патрулей натолкнется на троллей, тогда мы соберем войско и ударим. В остальном будем доверять магам людей.

Хродгард задумчиво кивнул. «Он претендует на мою власть, — промелькнуло у него в голове. — Он пытается завоевать благосклонность посланников короля и выставить меня в плохом свете!»

— Опасно, военачальник. Но, возможно, это единственное решение. Я буду командовать отрядами в пещерах, а ты будешь координировать защиту нижних входов и отправишься вместе с нашими лазутчиками на патрулирование.

— Я должен руководить патрулями? Разве не лучше...

— Неужели я выразился непонятно, военачальник Анспранд, сын Антара? — холодно спросил Хродгард. — Или ты боишься?

От этого ужасного упрека младший по званию побледнел и дико затряс головой.

— Никогда, полководец!

— Хорошо. Тогда у нас наконец есть план, — подытожил довольный Хродгард.

«И при небольшом везении... моем везении... проклятые тролли оторвут тебе башку, и после этого мы окончательно отправим уродов в ад», — злорадствовал он в мыслях, хищно улыбаясь. Всю свою жизнь он сражался, и тяжким трудом добытую должность не отберет такое честолобивое ничтожество, как Анспранд. Это уже многие пытались сделать и поплатились за это жизнью. «Я — единственный, кто достаточно силен, чтобы вести гномов к победе!»

45

Рана Стена болезненно пульсировала при каждом шаге, пока он медленно брел в сторону леса. Меч влахак оставил у двери хижины, ведь если эльфы захотят его убить, то убьют, с мечом он будет или без оружия. Дождь намочил его одежду до нитки, но воин не думал об этом. Он старался игнорировать зуд между лопатками, куда в любой момент ожидал получить стрелу. Но, кроме больших холодных капель, которые стекали по коже, в него ничего не попало.

Рядом шел Вангелиу, опираясь на длинную деревянную палку, которая была на целую голову выше старика.

— И что теперь? — прошептал юный влахак своему спутнику.

— Откуда мне знать? Разве не твоя идея пойти в лес?

Криво усмехнувшись, Стен ответил:

— Разве не ты друг винаи?

— Да, он действительно друг, — раздался ответ из подлеска, и Стен буквально подскочил.

Но как сильно ни напрягался, пытаясь обнаружить говорившего, все равно видел лишь листья и ветки, трепетавшие на ветру.

— Я пришел без оружия и... с миром! — Неуверенно крикнул он в лес.

В ответ раздался громкий смех, потом из тени дерева вышло небольшое существо.

Эльф был меньше Стена, но всего на несколько ладоней, у него были длинные каштановые волосы, такие же мокрые от дождя, как и волосы Стена. Черты лица винака были резко очерчены. Высокие скулы, брови вразлет, светлые глаза цвета меда сверкали иронией, как казалось Стену, а узкие губы кривились в насмешливой ухмылке.

Одежда эльфа была из гладкой темной кожи с меховой оторочкой. Но взгляд Стена был

прикован к длинному луку с наложенной стрелой, который винак пока не натянул. «Эти стрелы пробивают доспехи масридов так, как будто те из пергамента, — пронеслось у него в голове, — их выстрелы смертоносны и точны. Мы зависим от того, насколько они дружелюбны, хотя люди и эльфы никогда не были союзниками...»

— Я хочу поговорить, — сказал Стен и поднял руки. — Я уже говорил с одним из... твоего народа.

— Тогда говори, человек, пока ты не растаял от этой воды, — усмехнулся эльф и присел на корточки, не спуская при этом глаз с обоих влахаков.

— Почему вы помогли нам? — осторожно поинтересовался Сарган.

— Это показалось нам хорошим поступком, — таинственно ответил винак.

— Вы знали, что мы придем?

— Мы знаем все, что происходит в лесу. Ведь это наша родина.

— Конечно. Но зачем вы рассказали об этом Вангелиу? — спросил Стен.

Эльф молчал какое-то время, пристально глядя на Стена своими бездонными глазами, потом снова усмехнулся и ответил:

— Нам сообщили о вас. О троллях, которые путешествуют с людьми. Рувон сказал, что вы придете по реке.

— Рувон? Вы говорили с ним? — удивился влахак.

— Нет.

— Но разве ты только что не сказал... — еще больше удивился Стен.

— Рувон сказал, но мы с ним не говорили. Вы ищите тех, кто вредит троллям.

— Это так. И мы теперь знаем, где именно искать, — объяснил юный воин.

— Да. И Рувон хочет, чтобы вы добрались туда. Кроме того, — сказал винак, и его ухмылка стала еще шире, — эти железные люди нам нравятся еще меньше, чем вы.

— А почему мы должны туда добраться? — резко спросил Стен.

— Там происходит такое, что должно было оставаться тайной для людей. Железные люди будят старые тени, которым в этом мире больше нет места.

— Старые тени? — озадаченно переспросил юный влахак. — Какие еще старые тени?

— Тени боли, предательства и одиночества, человек. Тени, которые сбежали под землю и должны спать там до самого конца времен.

— Я не понимаю тебя... Хочешь ли ты сказать, что масриды... что Альбус Сунас заключил договор с духами темноты?

— Вы люди так мало знаете, — надменно сказал эльф и отвернулся.

— Спасибо за помощь, — крикнул Стен вслед удаляющемуся элфу.

Через несколько шагов винак исчез среди зелени, и Стен с Вангелиу остались одни.

— Знай, вы должны сами найти свой путь, человек, — прозвучал голос эльфа еще раз. — Мы не сможем последовать за вами...

— Да, понятно! Удачного пути, друг! — попрощался с ним Стен и повернулся к Вангелиу. — Что все это значит?

— Ты знаешь Рувона? — удивленно спросил Вангелиу.

— Что значит — знаю, мы просто однажды встречались. А что? Кто он, черт возьми?

— Рувон является чем-то вроде предводителя северных кланов, — объяснил старый прорицатель. — Король винаи, если хочешь.

— Он не показался мне особой королевских кровей. Очень опасный? Да. Король? Нет. Но что означает весь этот разговор о *старых тенях*?

Старик огляделся по сторонам и сказал:

— Сыро что-то здесь. Давай-ка вернемся в дом.

Застонав, Стен последовал за прорицателем и подумал: «О духи! Ну неужели никто не может просто сказать, что здесь происходит?»

Придя в хижину, где их радостно приветствовали остальные влахаки, Вангелиу сел так близко к огню, что от его одежды повалил пар, вздохнул и начал:

— Слова винака подтверждают мои опасения.

И замолчал, глядя в огонь. Стен переспросил:

— Опасения?

— На этой земле есть могучие существа и могучие места. Там, где сейчас возвышаются стены монастыря Стариг Яцек, раньше было священное место прорицателей нашего народа. Место, где мы раз в год летом собирались, чтобы провести ритуал. Там есть бездонный колодец, он доходит до самых глубин земли, до самых костей мира. На дне колодца спит нечто, создание, которое ищет забвения и спокойствия и сон которого мы продлевали своими ритуалами.

— Создание? Дух? — спросила Висиния, и Вангелиу кивнул. Старик склонился над огнем. Блики пламени отражались в его глазах.

— Дух, да. Когда-то мощный и сияющий, теперь больной и темный. Мы утоляли его боль, лечили его раны, но мы не могли излечить его полностью. С тех пор как масриды прогнали нас, никто больше не заботился о Духе. Мы думали, что люди Альбус Сунаса не станут обращать внимания на духов земли, надеялись, что Дух будет спать, даже если мы больше не будем проводить ритуалов. Шли годы, много прорицателей погибло на жертвенных кострах, а Альбус Сунас соорудил монастырь на святом месте, как он это сделал по всей стране. Дух спит, правда беспокойно, повсюду боль, но он спит. Теперь, однако...

— Масриды делают что-то с этим Духом! — понял Стен. — Так они воздействуют на землю и камни, чтобы навредить троллям.

— По всей вероятности, да, — ответил Вангелиу. — И я боюсь, что они даже не подозревают, с чем связались.

— Что ты имеешь в виду? — озадаченно спросила Флорес.

— Если Дух проснется, Влахкис накроет темнота, — мрачно предсказал старый. — Боль побуждает Дух совершать злые дела, его дыхание отравляет землю.

— Он такой могущественный? — спросил потрясенный Стен, и Вангелиу молча кивнул.

— И как он называется? — поинтересовалась Лейка. — Как получилось, чтобы такой могущественный Дух был известен немногим?

— Все знают одно из его имен, когда-то его называли Белым Медведем, — тихо сказал Вангелиу.

Неожиданно все заговорили разом, возник страшный шум. Неслись громкие восклицания, и прошло некоторое время, пока влахаки немного утомнились.

Висиния первой задала мучивший всех вопрос:

— Как такое может быть? Белый Медведь — дух-покровитель нашей земли! Он благоволяющий и мудрый. Почему он должен принести зло? И почему никто не знает об этом?

— Дух болен, он ранен. Его предали, и он сбежал под землю. Но, даже если он спит, его влияние очень велико, а сны беспокойны. Почему никто об этом не знает? — пожав плечами, спросил Вангелиу и сам дал ответ: — А сколько людей еще интересуется старыми легендами? Сколько посвященных погибло на жертвенных кострах ордена Бога солнца? Старые пути забываются, со смертью каждого прорицателя знаний все меньше. Ты верила в легенды о Раду Святом, дитя?

— Я не знаю, — призналась Висиния. — Но...

— Ладно, — успокоил ее старик. — Таковы законы мира. Ничто не помнится вечно.

— Моя сестра всегда будет чтить старые пути, — серьезно ответила Висиния. — Если наша борьба будет успешной, то прорицатели будут вновь советниками воевод.

— Возможно. Но до этих дней я, скорее всего, уже не доживу. Я ушел от преследований только потому, что нашел друзей, которые меня защищают. Без них... — сказал Вангелиу, оставив фразу неоконченной.

— Тем важнее остановить Цорпада, — мрачно констатировал Стен, и все были согласны.

— Там снаружи несколько трупов. Но главное — осталось несколько масридских коней. Мы должны поймать их, чтобы вы могли отправиться в путь, — предложил Стен. —

Выехать нужно как можно скорее, чтобы иметь хоть какое-то преимущество. Скачите ночью, делая отдых лишь тогда, когда совсем выдохнетесь. Вы должны обязательно добраться до Мардева.

— Ты прав, — согласилась Висиния. — Нужно торопиться. Костин и Лейка попробуйте поймать коней, нам нужно шесть.

— Пять, — вмешался Сарган. — Я не поеду с вами.

— Нет? — удивилась Висиния. А Стен спросил:

— Каковы твои планы, дириец?

— Мне нужно поговорить с троллями и с тобой тоже, Стен, — ответил рыжий. — Дальше... я не знаю, но этот Мардев... Звучит как-то неуютно. Не совсем то место, где я хотел бы провести зиму.

— Будет война, Сарган, — настойчиво напомнил ему Стен. — А тебя видели при нападении на крепость Ремис. Цорпад велит четвертовать тебя, если поймают.

— Тогда мне лучше избегать встречи с ним, да? — пошутил Сарган, но потом вдруг серьезно произнес: — Ты прав, но война дойдет и к вам в Дезу, а я не воин. Как-нибудь пробьюсь.

— Как хочешь, — сказал Стен. — Ты — свободный человек. Может быть, ты и не воин, но и не писатель.

— Нет, но об этом мы поговорим позже, — ответил дириец. Стен настороженно посмотрел на рыжего чужестранца.

Флорес сказала:

— Он спас меня, когда тролли хотели убить. Его трудно разгадать, но в некоторой степени он... на нашей стороне, да?

— В некоторой степени — да, — согласился с ней Сарган.

— Хорошо. Как бы там ни было, не думай, что перестану следить за тобой, дириец, — с вздохом сказал Стен.

— Ни в коем случае, — обезоруживающе улыбнулся Сарган, — ни в коем случае.

Прошло некоторое время, прежде чем люди поймали лошадей. Стен и Флорес отнесли трупы восьми масридов к краю леса и положили там в ряд. Стрелы чудесным образом исчезли. Но раны говорили сами за себя. У некоторых были пробиты доспехи, у других смертельные ранения зияли на лице или на шее. На каждого всадника винаи не потратили больше одной стрелы. Стен содрогнулся при мысли о смертоносной меткости эльффов.

— У них не было шансов выжить, — пробормотала Флорес.

— Да. Их не видно, но человек почему-то мертв, — качая головой, сказал Стен.

— Мы должны обыскать их, вдруг что-нибудь нам понадобится, — предложила Флорес, и Стен удивленно посмотрел на сестру.

— Ты имеешь в виду — ограбить?...

— Нет, обыскать! Батюшки мои, ты живешь в постоянных сражениях и хочешь сказать, что убить этих масридских свиней — в порядке вещей, но забрать у мертвых оружие нельзя?

— Я подумал только... Ладно, забудь.

Они забрали у погибших оружие, части доспехов и прочее полезное снаряжение, накладки, одежду и отнесли все к хижине.

— Мы не можем похоронить их, — извиняясь, сказал Стен Вангелиу. — Их слишком много.

— Не беспокойся, мой мальчик, об этом я позабочусь, — успокоил его старый прорицатель. — Вы можете просто исчезнуть отсюда, а я приберусь.

Когда совсем стемнело и мир утратил последние краски, вернулись насквозь промокшие Костин и Лейка, под уздцы они вели пять лошадей. Вскоре все было готово для дальней дороги.

— Будь молодцом, братец, — прошептала Флорес на ухо Стену, обнимая на прощание. — Удачного пути.

— И тебе доброго пути, Флорес, — серьезно ответил Стен и посмотрел на нее с печальной улыбкой.

Флорес развернулась и запрыгнула на своего коня. Костин и Лейка приветственно коснулись лба, а Сухай похлопал Стена по плечу здоровой рукой.

— Спасибо, Стен сал Дабран. Доброго пути!

— Удачного пути вам всем, — попрощался Стен и повернулся к Висинии, которая внимательно смотрела на него темными глазами.

Даже в накидке масридского воина, с мокрыми волосами и бледным, усталым лицом она казалась Стену красивее любой королевы из легенды. Она молча подошла к нему и нежно убрала мокрые пряди со лба. Он схватил ее руку и на мгновение прижал к щеке.

— Будь осторожен, — сказала она. — Пообещай мне.

— Обещаю, — поклялся Стен.

— Врешь, как всегда, — улыбнулась Висиния.

Юный воин усмехнулся.

— Только не делай такое лицо, словно ты меня больше не увидишь.

Она улыбнулась, вспомнив, что уже говорила ему такие же слова целую вечность назад. Девушка коснулась пальцами лица Стена.

— Наши пути темны и полны опасностей. Я не хочу потерять тебя вновь, Стен.

«Духи знают, как я не хочу тебя покидать!», — подумал Стен, но вслух сказал:

— Ты не потеряешь. Я приеду в Дезу так быстро, как только смогу.

Он помедлил мгновение. Затем обнял ее. Рыжеволосая влахака обвила руками шею юноши, и они замерли так на одно бесконечное мгновение.

— Удачного пути тебе, Стен сал Дабран, — прошептала Висиния.

— Удачного пути тебе, Висиния сал Сарес.

После этого она отвернулась. Стену показалось, что он заметил блеск в ее глазах. «Неужели она плачет?» — удивился воин.

Через несколько мгновений пятеро влахаков пришпорили коней. Маленькая группа тронулась в путь, не теряя драгоценного времени. По словам Вангелиу, тропинка скоро должна была вывести к тракту, двигаясь по которому на юг, они попадут в Дабран. Путники решили вначале держаться этого направления, а потом объехать город и тайными тропками достичь Мардева.

«Удачного пути», — еще раз мысленно повторил Стен. Юный воин смотрел вслед всадникам, пока они не исчезли в сумерках. Затем он обернулся к Вангелиу, который стоял рядом.

— Зайдем в хижину, старик. Скоро проснутся тролли, и нужно будет сообщить им кое-что.

Пробурчав что-то, прорицатель последовал за Стеном. В хижине был только Сарган, сидевший у теплого камина.

— Ну вот, остались только трое мужчин.

— И тролли, — сказал Вангелиу, кивнув в направлении амбара.

— Точно. Чуть не забыл о них, — усмехнулся Сарган. — Когда они спят, они такие спокойные и мирные. Словно младенцы, ростом в три шага и поедающие людей.

— Пард будет в ярости, когда проснется и обнаружит, что остальные ушли, — предсказал Стен. — Впрочем, он всегда в ярости.

Трое мужчин сидели перед камином. Они молча ожидали, пока сядет солнце и мир погрузится в темноту, тогда могучие тролли проснутся.

Тролли были на диво молчаливы, когда вошли в хижину прорицателя. Даже Пард принял новость об отъезде влахаков лишь с легким бурчанием. И только когда Стен сообщил о появлении эльфов и о короткой битве с масридами, все четверо немного оживились.

— Воины из города были здесь? — сердито спросила Анда. — Где они?

— Сбежали, — ответил Стен. — Кроме погибших. Мы взяли их коней для...

— Мертвые? Где? — властно перебила его Анда.

— На опушке. А что? — спросил Стен, но Анда уже подскочила и выбежала под дождь.

Влахак озадаченно посмотрел на Друана, который, будто извиняясь, поднял руки. Оба мужчины тоже подбежали к двери. В темноте ночи едва можно было разобрать, что там делает Анда, но потом послышался громкий чавкающий звук, от которого у Стена похолодело в ногах. «О духи! — в ужасе подумал он. — Что делает это чудовище?»

Доносящиеся звуки не оставляли никаких сомнений в очевидности ответа. Анда добралась до трупов и разрывала их тела. Стен сердито обернулся к Друану.

— Что это значит? — потребовал объяснений человек.

— Она потеряла своего спутника, — тихо сказал Друан.

— Цдама? — растерянно уточнил Стен.

— Да. Цдам был спутником Анды, — объяснил Рох, — а городские воины убили его.

Сарган втоптал Стена назад в хижину и закрыл дверь, чтобы не слышать ужасных звуков.

— Вы всегда выражаете свое горе таким образом? — осторожно спросил влахак.

— Гнев, человек, — прошипел Пард. — Она в гневе. Как и мы все!

Они молча подождали возвращения Анды. Тролла, пригнувшись, протиснулась в дверь. Хотя на улице беспрерывно лило, вода не смогла смыть кровь с ее тела. Красные струйки образовали на полу хижины маленькие лужицы. Старого Вангелиу это вроде как не беспокоило, и Стен тоже решил проигнорировать поведение Анды.

— Мне жаль, — начал он, взглянув на Анду. — Я не знал, что Цдам...

— Заткнись, человек, — закричала она. — Он мертв.

Стен беспомощно глянул на Друана, который покачал головой. Тогда влахак решил сменить тему и обратился к Саргану:

— Итак, все ушли, тролли проснулись, теперь говори.

— Ну, — сказал Сарган, улынувшись. — Как я уже рассказывал троллям, я не писатель.

— Это мы уже и так поняли, — вмешался Стен.

— Я пришел из Дирийской империи, но я здесь не случайно. Меня послали вывести тайны гномов.

— Послали? — переспросил пораженный Стен. — Кто?

— Этого я не могу тебе сказать, даже если захочу. Поверь мне.

— Поверить тебе? Ты врешь без устали, как тебе верить? — резко спросил Стен.

— Я не хотел никого втягивать в это дело, Стен. Кроме того, откуда мне было знать, могу ли я довериться тебе и троллям. Мы были незнакомы, и я не знал достаточно хорошо ни этой страны, ни троллей, чтобы...

— Ты шпион империи? Шпион? — для уверенности уточнил Стен, и Сарган кивнул.

— Какое у тебя задание? — резко спросил влахак.

— Разузнать больше о маленьком народце. Они контролируют большую часть торговли с твоей страной, и это раздражает влиятельных людей при императорском дворе. К тому же гномы диктуют цены на товары из Ардолии.

— Все дело в деньгах, — простонал Стен, и Сарган снова кивнул.

— Да, в больших деньгах. Гномы богаты, Стен, и они копят богатство в горах.

— Мы боремся за жизнь, троллям вообще больше нечего терять, а у тебя в башке только золото, — упрекнул Стен дирийца, который сердито посмотрел на него.

— Значит, так? Тогда позволь мне рассказать одну историю, Стен сал Дабран, сын циро Дабрана, опекаемый Ионной. Мои родители были бедны, действительно бедны. Мой отец был поденщиком, а мать шила и стирала для богатых граждан. Однажды мой отец умер от несчастного случая на причале, раздавленный полным приправ ящиком. Моя мать не могла одна прокормить пятерых детей, ни один мужчина не хотел взять себе в жены бедную женщину с пятью детьми, поэтому она продала меня в рабство. Мне не было и семи. Но мне повезло, так как мне давали нормальную еду, научили читать и писать и указали путь к

свободе. Я служил господам, которым принадлежал с потрохами, делал все, что мне поручали, я воровал, шпионил и убивал для них, пока они не отпустили меня на свободу. Я продолжаю делать то, чему меня научили, но теперь получаю за это золото. Так как мои услуги нужны, я теперь богат. У меня три жены, Стен, и семеро детей, и ни один из них никогда не будет страдать от голода, не будет продан! И не рассказывай мне о деньгах, Стен сал Дабран, так как я достаточно знаю об этом!

Стен с удивлением уставился на разъяренного дирийца, который, наклонившись вперед, с вызовом смотрел на него. Взгляды троллей перескакивали от одного на другого, и Стен предполагал, что мощные существа едва ли что-то поняли из истории Саргана, так как они ничего не знали об отношениях у людей. Наконец, Вангелиу подбросил полено в огонь, отчего из камина полетели искры, и вздохнул.

— Грустная история, мой мальчик.

Некоторое время каждый предавался своим мыслям, потом Друан спросил:

— Стен, ты узнал больше о месте магов солнца?

— Да, теперь мы знаем, откуда магия. По крайней мере, я надеюсь.

— Где это место?

— Монастырь Стариг Яцек, на юг отсюда, совсем недалеко. Отроги Соркат у Бака Маре.

— Ста... риг Яцек, — повторила Анда. — Там есть воины Цорпада?

— Возможно, — предположил Стен. — Я не знаю. Но если у марчега там есть интерес, то, скорее всего, да.

— Хорошо, — ответила тролля мрачно, и по спине Стена пробежал холодок, несмотря на тепло камина.

— Ты поведешь нас туда? И что с рисующим звуки? — с любопытством спросил Рох.

— Я поведу вас, — ответил Стен. — А что с этим, не знаю. Но я не стал бы брать его с собой. Он представляет опасность для нас, ему нельзя доверять.

— Ерунда, — вмешался Сарган. — Я помог троллям на рыночной площади в Теремии, и без меня ты был бы мертв, Стен. Я...

— Дириец не достоин доверия! — резко перебил его Стен.

— Но он прав, — сказал Рох. — В городе он сказал, что мы должны помочь тебе.

— Возможно, так как в этот момент это было ему выгодно, но что будет, если его цель изменится?

— Тогда мы убьем его, — мрачно ответил Пард.

— Да, — заявил Друан. — Он — враг гномов. Но если он нас предаст, то мы убьем его. Все просто...

— Возможно, тогда будет уже поздно, он очень хитер, — заметил Стен, но тролли, казалось, уже приняли решение.

Некоторое время влахак раздумывал, не должен ли он отказаться им помогать, но потом вздохнул и сдался.

— Ладно, как хотите. Но потом не жалуйтесь, если этот шпион приведет нас всех к смерти!

— Ха! — рассмеялся Рох. — Пард тоже всегда так говорит!

— Заткнись, — накинулся на него здоровяк. — Кроме того, если ты мертв, то все равно уже не пожалуешься!

От этих слов рассмеялись все монстры, кроме Анды, и Стен поморщился. Сарган, который молчал все это время, искал его взгляда.

— Мне совсем не нужно предавать вас, Стен, совсем наоборот.

— Сейчас нет, дириец, но если твои господа изменят мнение или если тебе это покажется выгодным, то ты станешь очень опасен, — констатировал юный воин.

«Он предан прежде всего деньгам и больше ничему. Мы для него простые инструменты. Если станем бесполезны, он просто избавится от нас. А мы уже и так слишком много знаем. Скорее всего, знание о его происхождении и его задании может навредить

господам в империи».

— Ну что, отправляетесь? — спросил Вангелиу и вопросительно глянул на троллей.

— Да, — согласился Друан. — И чем быстрее, тем лучше.

Пока они собирали свои нехитрые пожитки, Стен наблюдал за Сарганом, который, игнорируя его подозрительный взгляд, беседовал с Рохом о буквах. Когда гости прощались с Вангелиу, старик стал напутствовать Стена:

— Покончи со злом в этом монастыре, мальчик мой. Так будет лучше для нас всех.

— Да, Вангелиу, я знаю.

— Если Дух проснется, нам предстоят горькие дни и мрачные ночи, — с нажимом произнес прорицатель.

— Значит, мы должны помешать этому, правда? — с сарказмом спросил Стен, за что получил злой взгляд в ответ, который однако быстро угас, и в светло-голубых глазах вновь появился озорной огонек.

— Удачного пути тебе, хитрец, — усмехаясь, сказал Вангелиу.

Стен ответил:

— И тебе удачи, старик.

Тролли, Сарган и Стен вышли из хижины на дождь и направились по тропинке на юг, туда, где священники ордена Альбус Сунас занимались своими черными делами.

46

В паршивом настроении Сарган шагал за троллями. Где-то позади он чувствовал присутствие Стена, но влахак не говорил ни слова. Ночи тянулись мучительно медленно. Стен обсуждал что-либо с дирийцем только в крайних случаях, да и тролли тоже общались в основном друг с другом. К тому же дождь, казалось, и не думал утихать, все было мокрым или отсыревшим. Все привыкли к тому, что ничего не высыхает полностью, так как после небольшого отдыха в хижине Вангелиу путникам не удалось больше провести ни одного дня под каким-нибудь укрытием, не говоря уже о полноценной крыше. Развести огонь при такой погоде было настоящим искусством, но, хотя Сарган и владел им, маленького, дымящегося пламени едва хватало на то, чтобы согреть промерзшие тела.

«Какая холодная, мокрая, а главное, грязная страна, — уже, наверно, в сотый раз с отвращением подумал дириец, — полная недружелюбных людей. Хотя, конечно, есть исключения. Кто бы мог подумать, что я обнаружу даму Висинию посреди сборища этих варваров?» Сарган очень жалел, что раньше не познакомился с юной дворянкой, но у него действительно не было причины посетить ее отсталую провинцию. «Кроме того, наш Стен уже положил на нее глаз, если я не ошибаюсь. И, скорее всего, она подарит свое сердце этому немытому невеже, бедное дитя. Она и не привыкла к лучшему...» Погрузившись в мрачные мысли, дириец шагал под непрекращающимся дождем.

Во время отдыха он немного учил однорогого тролля, кажется Роха, чтению и письму, это вносило хоть какое-то разнообразие, все остальное время они неустанно продвигались через густой лес, в который вошли еще в первую ночь. К счастью, огромные, массивные тролли подминали все препятствия на своем пути, поэтому идти за ними было не так и тяжело, но, тем не менее, иногда в темноте Сарган не замечал корешка или камня и, зацепившись за них, падал, чем зарабатывал себе неприятные ушибы. Вздохнув, он потер уродливое синее пятно на бедре и в очередной раз спросил себя, был ли план путешествовать с троллями действительно хорошим, как казалось несколько дней назад. Конечно, нужно было кое-что выведать... Помешать торговым отношениям между Цорпадом и маленьким народцем — только на руку его заказчикам. С другой стороны, все это предприятие оказалось крайне утомительным.

Когда в очередной раз взошло солнце, Стен и Сарган коротко обговорили очередность дежурства. Дириец лег и попытался заснуть, несмотря на холод, пробирающий до костей. Во время дежурства Саргана Стен еще долго будет бодрствовать, не спуская с него глаз, но

Сарган не беспокоился о том, что Стен может предать его. Несмотря ни на что, влахак был честным человеком. Он не станет просто так убивать во сне безоружного противника, даже если у него и появится возможность. С одной стороны, Сарган уважал это, но с другой — честность была очевидной слабостью Стена, что сам дириец не одобрял. «В конце игры считается только тот, кто еще стоит на ногах», — подумал он уже в полусне.

Неожиданно он проснулся, почувствовав холодное лезвие на горле. «Что? — в полудреме подумал дириец. — Как же сильно можно ошибаться».

— Никаких игр, Сарган, — предупредил Стен и злобно улыбнулся.

— Чего ты хочешь? — спросил дириец и осторожно показал пустые ладони.

— Ответы. Зачем ты увязался за нами? — спросил Стен.

Сарган ответил:

— Мы идем вместе уже несколько дней, почему ты только сейчас решил приставить нож к горлу?

— Я же сказал: никаких игр, — прорычал влахак и прижал лезвие еще сильнее, так что кожа Саргана лопнула.

— Ну, ладно-ладно. Я хочу помешать Цорпаду выполнить его часть договора с гномами.

— Зачем? — недоверчиво спросил Стен.

— Это помешает планам маленького народца. А еще тролли знают о гномах то, что еще не известно никому. Я все равно не смогу покинуть эту маленькую и грязную страну до следующего лета, даже если захочу, потому что эти проклятые перевалы даже в самое лучшее время года представляют собой неухоженное, незащищенное, жалкое подобие настоящих торговых путей! Вот поэтому! — прошипел Сарган и снова улегся, стараясь просто игнорировать клинок у своего горла.

«Или он заколет меня прямо сейчас, или я правильно оценил его», — подумал дириец с бешено колотящимся сердцем. Он чуть не вздохнул с облегчением, когда Стен убрал нож.

— Хорошо, — тихо сказал влахак. — Ты понимаешь, что я не могу доверять тебе?

— Понимаю ли я, что ты меня будешь допрашивать с ножом у горла? Да, конечно, это как раз на грани того, что может выдержать мой разум, — с сарказмом заявил Сарган.

«Если он почувствует, что виноват, то станет гораздо обходительнее», — злорадствовал Сарган, заметив тусклое выражение лица Стена.

— Ты прав, — согласился с ним воин. — Прошу прощения.

Сарган еще мгновение мрачно пялился на влахака, но потом кивнул и сделал вид, что сдался, хотя внутри он уже давно это сделал.

— Извинения приняты. Можешь ли ты мне сказать, почему ты ждал столько дней, чтобы поставить мне этот вопрос?

— Я... боролся с собой, — ответил Стен и пожал плечами. — Это не в моем стиле.

— Но ты подумал, что это в моем стиле, и хотел опередить меня? — предположил дириец, и Стен кивнул, извиняясь.

— Ты — шпион, ты сам сказал, что убиваешь за деньги.

— Убивал, — поправил его Сарган, и ложь легко слетела с губ дирийца. — Эти времена прошли. И ты убиваешь тоже.

— Да, знаю. Нам скоро придется сражаться. Значит, придется друг другу хотя бы доверять.

— Правильно, — согласился с ним Сарган. — Ты считаешь, что я все делаю из-за денег, не так ли? Ну, тогда так: мои заказчики хорошо заплатят мне за то, чтобы навредить гномам и вывести побольше их тайн. Цорпад работает с гномами, ты и тролли против них. Мой выбор очевиден, правда?

— В принципе да, — признался юный влахак.

— Тогда между нами все ясно. Как нам поступить после... монастыря, разберемся потом. Но поверь мне, я не слишком горю желанием оставаться в Ардолии.

— Я тоже, — ответил Стен.

Сарган обеспокоенно посмотрел в лицо влахака, на котором отражались холод и постоянная усталость.

— Что?

— Я не хочу оставаться в Ардолии, — объяснил Стен. — Я хочу во Влахкис, домой. А это возможно только тогда, когда удастся победить Цорпада.

— Понимаю.

— Возможно. Но мы боремся не за золото, не для каких-то там господ, мы боремся за свободу. Тебе не нужно уважать это, но ты не должен быть против этого.

— Договорились, — сказал Сарган, — хотя я действительно уважаю вашу борьбу и самоотверженность. Только это не моя борьба.

Кивнув, Стен показал, что принял его слова, затем отвернулся и оставил дирийца наедине со своими мыслями. «Он не хладнокровный убийца, но опасен, — подумал Сарган. — В какой-то степени он приятнее Цорпада с его палачами и полчищами солдат. Ну да, помочь влахакам не помешает, пока это не идет вразрез с моими целями».

— Эта вода с неба такая противная! — возмутился Рох и смахнул капли с лица.

— Да, вечный дождь бьет по настроению, — ответил Сарган.

Но тролль отмахнулся.

— Совсем не слышно запахов. Вода крадет все запахи!

— О, — сказал дириец, — этого я не знал.

— Люди плохо слышат запахи, — категорично заявил Рох.

— Сарган тоже, наверное, плохо слышит запахи. Или нет? — вмешался Стен.

— Эй! — возмутился дириец и хотел ответить, но Пард опередил его.

— Говорите, говорите, говорите. Мои уши уже кровоточат от вашей болтовни!

— Сколько еще идти? — поинтересовался Рох. Стен осторожно ответил:

— Уже недолго, если я не ошибаюсь. Возможно, даже этой ночью мы доберемся до своей цели. В крайнем случае завтра. Эти холмы — уже отроги Соркат.

— Замечательно, — устало пробормотал Сарган. — Значит, скоро приключение закончится.

— Сначала еще нужно прекратить святотатство ордена Альбус Сунас, — подмигнув, возразил Стен. — Но это сделает Пард, правда?

— Конечно, — самоуверенно ответил большой тролль.

— Посмотри, Пард, я могу писать твое имя! — неожиданно вмешался Рох, но в ответ Пард лишь застонал и закатил глаза.

— Ты просто завидуешь... — начал было Рох, но тут Анда прошипела:

— Тихо!

Тролли насторожились, Друан поднял свою рогатую голову и принялся, в то время как Пард и Рох присоединились к Анде, осматривая мрачный лес.

— Что такое? — прошептал Стен, вынимая меч, в то время как Сарган схватился за свой кинжал.

— Странные запахи, — тихо ответила Анда, — я таких не знаю.

— Что ты имеешь в виду? — хотел было спросить Сарган, но тут до них донеслось тихое рычание, от которого у него волосы стали дыбом.

Шорох, казалось, вибрировал, и от этого по спине пошел мороз. Дирийца охватил смертельный страх, и его ладони неожиданно вспотели.

— О богиня, что это? — с ужасом прошептал он. Стен схватил его за плечо и подтащил к троллям.

— В чаще какое-то создание, — прошептал влахак и внимательно осмотрелся.

Он разворачивался с мечом то вправо, то влево, присматриваясь к темноте среди деревьев. Сарган тоже напрягся, стараясь хоть что-то разглядеть, но темный лес поглощал все. Тролли сгрудились между мощных деревьев, готовые принять бой. Здесь, вдали от всякой цивилизации, земля была еще более дикой, чем Сарган вообще себе представлял.

Бурелом и чащоба, полные теней и тайн. Насколько дириец знал, монастырь обеспечивали всем необходимым, доставляя грузы по тропинке в обход леса. «Земля не для людей», — промелькнуло в голове у Саргана, когда он напряженно высматривал в темноте угрожающее создание.

— Там! — прошептал Стен, и когда Сарган обернулся, то увидел огромную тень во мраке, через мгновение она исчезла среди двух поросших мхом деревьев.

— Батюшки мои! — вырвалось у Саргана. — Что это такое?

— Зраикас, — прошептал Стен, и Саргану показалось, что он услышал страх в его голосе.

Удивленно он посмотрел на влахака, и в самом деле лицо того было бледным, а губы стиснуты. «Он боится! — понял Сарган. — Несмотря на присутствие троллей!»

Затем нечто темное и лохматое вышло из тени и остановилось всего в нескольких шагах от маленькой группы. Хотя тролли были большими, это чудовище, казалось, превосходило их еще на несколько пядей. Тело создания было покрыто густым длинным мехом, который свисал мокрыми прядями. Зраикас стоял на двух ногах, но складывалось впечатление, что он может передвигаться и на четырех. Ужасные лапы, голова с большой вытянутой мордой, полной клыков, остrokонечные уши. «Зраикас, — растерянно подумал дириец, — кажется, это огромные волки, которые двигаются на двух ногах?»

Неожиданно все пришло в движение. Существо издало низкое рычание. Пард заревел в ответ. Существо бросилось на тролля, преодолев расстояние с неожиданной легкостью, и гиганты сцепились в поединке, рыча и завывая. Тут краем глаза Сарган заметил какое-то движение. Еще один монстр притаился в темноте. Вдруг зверь оказался прямо перед дирицем. Его лапы с острыми, как ножи, когтями почти коснулись головы Саргана. И тут дириец услышал крик. Молниеносно один из троллей встал между людьми и зраикасом. Рычащий клубок когтей и клыков покатился между деревьев.

— Он не один! — крикнул Стен.

Влахака ударил мечом, но, попал ли он, Сарган не понял. В дикой схватке тролль и зраикас наносили друг другу страшные раны, фыркали и ревели.

Сарган вытащил кинжал, но не представлял, как может помочь троллям. Слева Пард и одно из существ рвали друг друга в клочья, справа Рох катался по земле, сражаясь с другим. Остальные тролли защищались от еще одного зраикаса, который уже повалил Анду, и Друан со звериной дикостью наносил удар за ударом по телу зверя. Эта драка, казалось, совсем не касается людей. Сарган стоял, словно на крошечном острове, в то время как вокруг бушевала битва диких зверей. Стен бросился вперед и вонзил двумя руками меч в тело зраикаса, который прижимал Роха к земле. Монстр взревел, пытаясь дотянуться до меча, торчащего из спины. Тролль использовал эту передышку, его клыки вонзились в живот врагу и вырвали кусок мяса со шкурой. Брызнула кровь, зраикас ударил когтями тролля и распорол гиганту лицо. Стен вырвал меч из тела чудовища и занес его над головой, чтобы вонзить снова. Но, прежде чем он успел это сделать, зраикас вывернулся и атаковал. Стен с большим трудом избежал удара острыми когтями. Рох схватил зраикаса за лапу и рванул. Зверь, падая, зацепил Саргана, который, перекувыркнувшись в воздухе несколько раз, рухнул наземь. Дириец потряс головой, прогоняя боль, поднялся и огляделся. Совсем рядом Пард, сидя на спине своего врага, пытался сломать тому шею. Не обращая внимания на рваные раны, тролль не ослаблял хватки. Зраикас взвыл, извернулся и вонзил когти в тело тролля, который застонал от боли, но не отпустил жертву.

Неожиданно зарычал другой зраикас. Сарган увидел, как Стен отскочил от ярящегося зверя и атаковал мечом. По сравнению с лохматой тварью воин казался маленьким и слабым. Зверюга просто отмахнулась от клинка. Меч застрял в когтях животного. Последовал удар другой лапы, но Стен кувыркнулся, дернув оружие на себя. Этим неожиданным рывком он отрезал чудовищу кисть. С ревом оно прижало окровавленный обрубок к груди, а Стен отчаянно отползал прочь на спине.

Взгляд Саргана снова обратился к Роху и его противнику. Зверь вонзил клыки в плечо

тролля. Рох закричал. Словно в безумии, Сарган полз вперед, не понимая куда рвется. «Мое оружие, где мои кинжалы?» — растерянно думал он. Зраикас еще раз вгрызся в плоть врага и на этот раз он вырвал Роху горло; запрокинул голову, зверь торжествующе завыл.

Потрясенный, Сарган посмотрел на Парда, противник которого перестал сопротивляться и лишь слабо шевелился, прижатый к земле, пока тролль сильным движением не дернул голову зверюги к спине. Влажный хруст в ночи заледенил душу дирильца. Тело зраикаса неожиданно обмякло. С отвращением Пард оттолкнул окровавленного врага. Вывернутый под неестественным углом, тот больше не шевельнулся, скалясь в ночь. Одной рукой тролль схватил огромный сук и швырнул его в зверя, наседавшего на Стена. Сук со всего размаху угодил зраикасу в висок, и тот резко обернулся. Пард наклонился вперед, оскалив окровавленные клыки, и вызывающе заревел.

Наконец Саргану удалось нащупать рукоять одного из кинжалов; он встал и швырнул его в зраикаса, который склонился над неподвижным телом Роха, погрузив морду в развороченную грудь тролля. Бросок был четким и точным, тонкий клинок вошел в правый глаз чудовища, которое, зарывав от боли, схватилось лапой за поврежденный глаз. «Скотина!» — с мрачной удовлетворенностью подумал Сарган, но зраикас как-то вытащил кинжал из раны и повернулся к человеку. Здоровый глаз зафиксировал врага, и с угрожающе вздымающимися лапами зраикас вскочил. Темная кровь хлестала из глазницы. «Плохой план, плохой план», — лихорадочно твердил про себя Сарган, в то время как его пальцы напрасно пытались отыскать на земле второй кинжал.

В два огромных прыжка зраикас очутился рядом, но, прежде чем он смог атаковать, позади возник Стен и обеими руками вонзил меч животному в бедро. Зраикас снова взвыл и, не оборачиваясь, ударил Стена. Влахац взлетел в воздух. Потом неожиданно перед Сарганом прыгнула Анда и с дикой силой налетела на зраикаса, в то время как Друан схватил другого зверя, который уже сцепился с Пардом, и оттащил его назад. Оба тролля одновременно дернули противника, каждый в свою сторону. Волны ужаса накрывали Саргана, глядевшего во все глаза. Наконец Друан схватил башку потрепанного зраикаса и выдавил ему глаза большими пальцами. По массивному лохматому телу пробежала последняя судорога, и оба тролля повернулись к Анде и последнему хищнику, которого они втроем повалили на землю и клыками буквально разорвали на части.

Тяжело дыша, Сарган встал на ноги, но колени ослабели и отказывались держать его. Поэтому он на четвереньках подполз к Роху. Тролль выглядел ужасно, огромные рваные раны покрывали его тело, левое плечо до самых костей было ободрано клыками зраикаса, в груди зияла дыра. Лицо и глотка, представлявшие кровавое месиво сухожилий и мышц, напугали Саргана.

— Рисующий звуки, — захлебываясь, прошептал Рох.

Его дыхание было поверхностным и свистящим, тролль схватил Саргана за плечо и притянул ближе.

— Напиши обо мне, — хрипло попросил однорогий, и Сарган кивнул, не зная, что еще сказать.

Неожиданно его схватила другая мощная лапа и отбросила назад, а над улыбающимся Рохом склонился Друан.

— Рох? — спросил Друан почти с мольбой. — Малыш...

Но глаза однорогого остекленели. Он закашлялся, отчего по телу прошла судорога. Потом тролль затих. С каменным выражением лица Друан поднялся и повернулся к остальным.

— Рох мертв.

— Проклятье! — яростно закричал Пард. — Почему он был невнимательным?

— Он спас меня, — прошептал Сарган, все еще потрясенный произошедшим.

— Да! Тебя и твое проклятое дерьмо со звуками! — вмешался Пард. — Я сразу сказал, что эта дрянь делает нас людьми!

В этот момент появился Стен, он вытащил меч из тела убитого зраикаса и отер кровь с

лица. Взглянув на свою окровавленную руку, влахак сказал:

— Мне нравился Рох. Мне жаль, что он мертв.

— Дерьмо, — прорычал Пард, но Друан положил большому троллю руку на плечо, что, казалось, немного успокоило того.

— Что это за звери? — спросил Друан. — Зракис?

— Зраикас, — уточнил Стен. — Оборотни. Люди-волки. Они живут в дремучем лесу. Но я еще никогда не встречал их.

— Оборотни? — удивленно переспросила Анда.

— Да. Это значит, что они могут обращаться в людей, влезать в их кожу, когда захотят.

— Как, в сброшенную кожу?

— Нет, нет. Они могут менять свой облик.

Все задумчиво уставились на залитые кровью тела мощных существ, а потом Пард сказал с отвращением:

— Кто захочет добровольно быть человеком?

— В любом случае странно, что они здесь, — объяснил Стен. — Вообще-то они живут гораздо глубже в чаще.

— Ты имеешь в виду, что они здесь... из-за монастыря? — с любопытством поинтересовался Сарган, но Стен лишь пожал плечами.

— Я не знаю. Очень странно встретить их так близко к цивилизации.

— Как бы там ни было, — холодно сказал Друан, — теперь они мертвы. И Рох тоже.

Сарган печально взглянул на окровавленное тело Роха. На губах тролля все еще держалась легкая улыбка, или, возможно, это была лишь иллюзия, вызванная видом его мощных клыков, которые торчали изо рта. Рох казался дирицу самым приятным из всей пятерки, так как он защищал его от нападок Парда и испытывал почти детскую радость от обучения письму. Мертвый тролль уже не казался таким грозным, он был гораздо более мирным, чем при жизни.

— Сволочи! — ругался Пард, скидывая тела зраикасов в кучу.

Здоровяк схватил башку одного из зверюг и дергал до тех пор, пока не оторвал от тела. С мрачной улыбкой тролль надел свой кровавый трофей на короткий сук рядом с собой. Мертвые глаза чудовища, казалось, смотрели на Саргана.

— Что ты делаешь? — удивленно спросил Сарган.

И Пард ответил:

— Это предупреждение!

Своим темным языком Пард слизал кровь с клыков, при виде этого зрелища Саргана затошнило. Потом огромный тролль сплюнул.

— Отвратительно!

— Что случилось? — крикнул Друан.

— Эти звери такие же отвратительные на вкус, как и на запах, — ответил Пард и присоединился к другим двум троллям, которые занимались своими ранами.

У Парда тоже было несколько глубоких рваных ран на теле и один укус на руке, из которого капала густая, почти черная кровь. Друан и Анда почистили раны Парда и перевязали на первое время.

Сарган осторожно подошел к трупам лохматых чудовищ и потрогал рукой их шкуру. Даже после смерти люди-волки были не менее ужасны, чем при жизни. Окрас темный, коричнево- или темно-серый, с черными пятнами. Дождь намочил их шкуры, отчего они потемнели, к тому же они были покрыты кровью и порваны. Клыки, которые влажно блестели в ночи, длиной в палец человека, а на лапах у этих существ были длинные, острые и загнутые когти.

— Невероятно, — пробормотал дириец, который еще никогда не видел существ подобного рода.

— Да, — согласился Стен. — Я их тоже считал легендой. Но, как оказалось, мы живем во времена, когда легенды бродят по стране.

Сарган последовал за взглядом влахака и увидел, что тролли собрались вокруг Роха.

— Что они делают? — удивленно спросил дириец. — Ты знаешь, как они прощаются с мертвыми?

— О да, — ответил Стен с каким-то странным оттенком в голосе, который Сарган сразу отметил.

Но лицо юного воина ничего не выдавало. Он громко крикнул троллям:

— Нам нужно торопиться! Нет времени!

— Заткнись, — грубо ответил Пард.

Сарган озадаченно взглянул на Стена, который лишь пожал плечами и вытащил кинжал. Острием клинка Стен начал резать пасть одного из зраикасов.

— Что ты делаешь? — поинтересовался Сарган.

— Трофей, — коротко объяснил Стен. — Такое редко встречается. Возьму с собой в Мардев.

— Но ты же не убил ни одного...

— Я сражался, разве нет? Кроме того, я же не буду делать из этого ожерелье, у меня другие планы. И еще, это меня отвлекает...

— Отвлекает? От чего? — огорошенно переспросил Сарган, но тут он услышал позади ужасный звук раздираемой плоти.

Когда дириец обернулся, Стен ответил:

— От этого.

В нескольких шагах тролли стояли на коленях возле тела своего друга и отрезали кусками мясо.

Сарган с отвращением посмотрел на Стена, который невозмутимо собирал трофеи.

— Что, о боги, они там делают? — Вырвалось у дирийца, и он уставился на Стена, который хладнокровно занимался своим делом и не обращал никакого внимания на троллей.

— Стен, — снова прошептал Сарган. — Что тролли там делают?

— Когда я сказал, что тролли людоеды, я, собственно, кое о чем умолчал, дириец. Они жрут буквально все, — сдержанно ответил Стен.

— Что? — в ужасе спросил Сарган. — Даже троллей? Они каннибалы?

— Жрут все. Ну да... кроме зраикасов, наверное, которые оказались им не по вкусу.

— Зачем они это делают? У нас же вроде достаточно запасов, или нет? — скептически спросил Сарган.

— Они не хотят оставлять его здесь, чтобы он разлагался. Или что-то в этом роде. Да ты спроси у них сам, я занят.

Выбивать клыки из мощной челюсти зраикаса было нелегко. Сарган сейчас не чувствовал желания говорить с троллями, которые разделявали своего мертвого товарища, словно домашнюю скотину. Звуки вызывали тошноту, тролли снова и снова отрывали полоски мяса и клали рядом на сырую землю. Все это поливал дождь, и Саргана стала бить дрожь, но не только от холода.

— Это отвратительно! — вырвалось у дирийца, но Стен лишь сухо рассмеялся.

— Это тролли!

С холма открывался хороший вид на монастырь, который мрачно возвышался на трех небольших плато, расположенных в скалах уступами. Несколько высоких узких окон, несмотря на поздний час, были еще освещены, слабый свет очерчивал контуры сурового храма.

На каждом плато было сооружено по небольшому плоскому зданию. Только на самом верхнем красовался круглый купол, который было сложно разглядеть на фоне темной отвесной скалы. Позади строений громоздились отроги Соркат, лишь узкая тропинка вела к монастырю, так как скалы вокруг были крутыми и гладкими. Тропинка змеилась в скалах,

подводя к нижнему из трех зданий. Как попасть с одного уровня на другой, Стен не мог разглядеть в темноте. Но он предположил, что между зданиями должны быть какие-то пути.

— Это Стариг Яцек, — объяснил он троллям. — Наша цель.

— Хорошо, — пробурчал Пард, а Друан сказал:

— Маги солнца сейчас спят?

— Большинство, скорее всего, да, — предположил Стен. — Ночью нет солнца, а значит, и ритуалов тоже. Но мы ведь не знаем, что происходит в этом монастыре.

— Добраться туда будет нелегко, — констатировал Сарган. — Тропинка хорошо просматривается, а на отвесную скалу так просто не залезешь. Тем более при такой погоде и в темноте.

— Конечно, действовать нужно скрытно, — заявил Стен. — Но лезть на мокрую скалу...

— Нет, — ответил Друан на произнесенный вопрос. — Мы должны пойти по тропинке.

Хотя каждый из троллей получил раны в бою с зраикасами, сейчас, на следующую ночь после стычки, это было уже почти незаметно. Раны от клыков закрылись, и даже нехороший укус на руке Парда выглядел так, словно плоть его зажила еще несколько недель назад.

Тролли молча рассматривали монастырь, и Стен спрашивал себя, о чем эти мощные создания думают. «До вашей цели рукой подать, — размышлял он. — Скоро вы сможете вернуться на свою родину. Но там вы тоже не сможете найти мира, пока гномы будут воевать с вами. Стоила ли ваша цель утраты друзей? Или тролли думают иначе?»

— Да, тропинка. Нужно быстро пройти по ней и добраться до монастыря, прежде чем кто-нибудь заметит. Возможно, в монастыре есть охрана. Возможно, один из нас, быстрый, тихий и не такой заметный, должен пойти первым и разведать все, — объяснил Сарган спокойно и обдуманно.

— Хороший план. К сожалению, мы не знаем монастыря, а поэтому и не знаем, где находится колодец, о котором говорил Вангелиу.

— Мы найдем его, — заворчал Пард. — Мы просто спросим одного из этих проклятых магов солнца. Предоставьте это мне.

— Мы должны быть осторожны, Пард, — напомнил Друан большому троллю. — Вспомни о том, что случилось в городе. Эти маги солнца опасны.

— Да, знаю. Но на этот раз я уже представляю, чего ждать. На этот раз я ударю первым!

— Мы что, прямо сейчас и пойдем туда? — удивленно спросил Сарган. — Разве нам не стоит сначала разузнать, что да как?

— Нет! Все это время их магия убивает троллей! Теперь это прекратится! — прорычал Пард.

Друан кивнул.

— Настало время троллей!

— Хорошо, тогда вперед. Мы попытаемся быстро добраться до нижней части подъема, а Сарган потом прокрадется дальше, — приказал Стен, но дириец запротестовал:

— Я? Почему я?

— Ты же только что сам добровольно предложил себя. Или нет?

— Собственно, это было лишь предложение... ах, ну ладно, я же все-таки шпион.

Маленькая группа вместе направилась через лес к подножию холма, пробежала вдоль ручья у подножия монастыря, пока не выбралась на тропинку, которая вела через мост, а затем врезалась в отвесную скалу. Осторожно они прокрались несколько десятков шагов вперед, взбираясь по тропинке круто вверх, пока не достигли поворота, где снова открывался вид на монастырь. Здесь ширина тропинки составляла всего несколько пядей, от дождя она была мокрой и скользкой, поэтому Стен спиной прижался к скале, стараясь не смотреть вниз, в долину. Повозки здесь не могли перемещаться, поэтому, по-видимому, все, что доставляли в монастырь, переносили люди или животные, причем влахак не мог даже представить себе,

как животные перемещаются по такой узкой дорожке.

Когда они дошли до поворота тропинки, Сарган, усмехнувшись, коснулся пальцами лба и шмыгнул вперед. Стен, так же прижимаясь спиной к скале, присел на корточки и выглянул из-за поворота. Уже через несколько шагов дириец слился со скалой и исчез. Стен удовлетворенно кивнул: Сарган, очевидно, точно знал, что делает.

Через некоторое время шпион вернулся мокрый, но довольный и присел на корточки возле Стена. Тролли оставались стоять, так как тропинка была слишком узкая, чтобы они могли сесть. Гиганты просто наклонились вперед, чтобы услышать, что сообщал Сарган.

— Там стена, три шага высотой. Ею обнесено все нижнее плато, а дальше она соединяется со скалами. Ворота закрыты, но через стену легко перелезть. За ней действительно выставлена охрана — один священник, который стоит под навесом. Вернее, должен стоять, так как он сейчас спит. Есть большая дверь, которая ведет в здание. Больше никаких входов я не заметил, окна чертовски узкие, может я и пролез бы через них, но у тебя, Стен, это вряд ли получится.

— А что с охранником? — спросил влахак.

— Он будет и дальше спать, — заверил его Сарган, широко ухмыльнувшись. — Абсолютно точно!

— Хорошо, тогда пойдем, — прошипел Друан, и группа быстро двинулась по тропинке к монастырю.

Вскоре тропинка привела к небольшой площадке, всего несколько шагов, от нее вверх поднималась темная стена из грубо обработанных камней. Сарган ловко прыгнул и, подтянувшись, перебросил себя через стену. Стен сделал то же самое, в то время как тролли, благодаря своему росту и силе, просто перелезли через нее.

За стеной им открылся небольшой двор, освещенный маленьким фонарем, который стоял на земле у входа в здание. Рядом с ним под простым навесом лежал скрученный маг солнца. Стен, пригнувшись, подбежал к мужчине и быстро осмотрел его. Священник был маленький и плотненький. Его длинные волосы были заплетены в косичку в соответствии с традициями ордена, на нем была белая роба, которая уже стала совсем мокрой.

— Он еще жив, не беспокойся, — успокоил его Сарган. — Просто он проснется с шишкой и головной болью.

— Я ищу ключ, — равнодушно сказал Стен. — Как по мне, так мы можем ему перерезать глотку.

Сарган в замешательстве уставился на Стена:

— Что?

— Альбус Сунас проводит здесь мрачные ритуалы, и этот орден убивает влахакских мудрецов. В Теремии их священники хотели сжечь мою сестру на костре, а до этого так они поступили с моим отцом! — прорычал Стен.

— Хорошо, — пожав плечами, сказал Сарган и вытащил кинжал, но Стен перехватил его кисть, в то время как другой рукой вытащил связку ключей, найденную у лежащего без сознания священника.

— Просто идем дальше.

Хотя юный влахак и испытывал гнев по отношению к ордену Альбус Сунас, ему все же было не по душе убивать беззащитного. «Сарган не стал бы медлить, и тролли тоже, — подумал Стен. — Значит ли это, что я слабее, чем они?»

Но сейчас у него не было времени на раздумья, так как Сарган взял у него из рук ключи и принялся проверять один за другим, пока не нашел подходящий. Раздался щелчок открываемого замка, и Сарган открыл дверь, которая заскрипела в петлях.

— Тихо! — прошипел Стен, и Сарган, извиняясь, поднял руки, потом он поднял фонарь, тенью прошмыгнув в приоткрытую дверь, и исчез внутри монастыря.

Затем им пришлось сильнее открыть дверь, чтобы смогли пройти тролли, и Стен содрогнулся от протяжного ее скрипа.

— Мы спросим, что он знает, — мрачно пробормотал Пард и показал на распростертое

тело толстого священника, который лежал на полу, но Стен покачал головой.

— Расспрашивать лучше внутри. Сначала нужно найти надежное место, где мы можем это сделать.

Стен и тролли быстро последовали за Сарганом, который прокрался через вестибюль и быстро осмотрел разные коридоры, ведущие из него.

— Внизу полно хранилищ и кладовых, — сообщил дириец, и Стен кивнул.

— Это логично, тогда им не нужно все товары сразу тащить наверх. Это хорошо, так как внизу ночью точно никого не должно быть.

— Следуйте за мной, — прошептал Сарган и исчез в коридоре, который вел к лестнице, уходившей в глубину.

Через несколько шагов перед ними оказалась дверь, которую дириец осторожно открыл. Это был большой подвал, полный запасов.

— Подождите здесь, я принесу того маленького священника, — предложил Сарган, Друан кивнул.

Стен сел на один из ящиков и глубоко вдохнул, чтобы снять напряжение, которое овладело им. Скоро он уже не будет связан с троллями, вернется в Мардев и снова увидит Висинию. Мысль об этом пронзила Стена, словно молния, и он слегка улыбнулся. Но снова вспомнил о Цорпаде и надвигающейся войне. «Сначала им нужно добраться к Ионне. О духи, помогите ей и остальным! А потом будут битвы, — печально подумал Стен. — И кто знает, доживу ли я до конца этой войны?»

— Быстро справились! — радовался Пард, прервав ход мрачных мыслей Стена, но Друан охладил воодушевление здоровяка.

— Будем радоваться после того, как закончим дело.

— Но я уже по горло сыт людьми! Мы разорвем здесь всех на куски, уничтожим. Это будет им наукой!

— Да! — согласилась с ним Анда. — А потом мы вернемся назад, под землю.

Прежде чем Друан успел ответить, дверь открылась и вошел Сарган, шатаясь под весом мага солнца. Со стоном он опустил его на пол и потерял спину.

— Хорошо откормлен, — пожаловался он. — Разве священники не должны соблюдать воздержание?

— Неважно, — прорычал Пард и подхватил священника.

Тот был еще ниже, чем Сарган, но зато в два раза шире. Тролль дико затряс свою жертву и рывкнул:

— Просыпайся! Раскрой глаза, ты, червяк!

Косичка мужчины растрепалась, и несколько седых прядей при таком грубом обращении упали на лицо.

Но удар Саргана был нацелен на то, чтобы вывести жреца из строя надолго, поэтому Стен осмотрелся, пока не нашел в углу то, что было нужно. С бочонком, полным спирта, он вернулся назад к троллям и вытащил из него пробку. Острый запах наполнил помещение, отчего Пард жадно облизал губы и бросил священника. Но Стен наклонился над служителем, развязал его и вылил немного спирта ему в рот, что сразу же вызвало у толстяка приступ кашля. Размахивая руками, священник очнулся, кашляя и сплевывая. Дико озираясь, он пытался понять, где находится, пока его расширенные глаза не наткнулись на Парда. В слабом свете лампы гигантский тролль производил неизгладимое впечатление на человека, и с губ мага солнца слетел приглушенный крик.

— Молчать, — холодно прошипел Пард и склонился над пленником.

— О Божественный Свет, — священник, запинаясь, начал молиться, но Пард схватил его за лодыжку и поднял, толстяк оказался вверх ногами перед лицом тролля.

Злая улыбка появилась на лице Парда, и он усилил хватку, отчего священник взвыл.

— Где колодец? — властно потребовал он. — Говори, ты, червячок!

— К-колодец? — испуганно пролепетал тот в ответ. — У нас нет колодца, мы приносим воду...

Больше тот ничего не сказал, так как Пард просто отпустил его. Священник со всего размаху шлепнулся о твердый камень.

Пока толстяк качался на животе, Пард перевернул его на спину и поставил ногу ему на грудь. Очень медленно огромный тролль переносил свой вес на эту ногу, и священник закашлялся. Оскалив мощные клыки, Пард усмехнулся священнику и опасно тихо спросил:

— Ты будешь мне врать?

— Нет! — задыхаясь, пролепетал маленький масрид.

В два шага Стен встал рядом с троллем и сказал:

— Хватит, Пард, дай мне поговорить с ним.

— Поговорить! Конечно! — презрительно ответил тролль, но по сигналу Друана действительно отступил, после чего священник сразу же схватился за грудь, которая наверняка очень болела.

С дружелюбной улыбкой Стен склонился над мужчиной и сказал:

— Ты должен говорить нам правду, мой друг, иначе тролли станут очень несдержанными.

— Тр-тр-тролли? Что, ради всего святого...

— Это сейчас неважно, — перебил его Стен. — Просто отвечай на вопросы, и они тебя не съедят.

Священник схватился за свою яру, и его глаза расширились от ужаса.

Стен сочувственно кивнул и пояснил:

— Да, так они и сделают. Если, конечно, я не остановлю их. А это будет только в том случае, если ты окажешься полезен нам.

— Давай разорвем его, — как бы между прочим вмешался Сарган, и Стен нахмурился.

— Нет, я думаю, он поможет нам. Правда? Маленький толстяк быстро закивал, и Стен спросил его:

— Как тебя зовут, форбс?

— Имрег.

— Хорошо, Имрег, мы ищем колодец.

— Я не знаю, где он, — почти взвыл пленник. — Наша вода...

— Нам не нужна ваша вода, — объяснил Стен, и Пард угрожающе зарычал, отчего священник содрогнулся.

— В этом колодце нет воды. Это глубокая дыра в земле, которая доходит до самых ее недр.

— Вы имеете в виду шахту? Темные ворота? — спросил Имрег с явным облегчением от того, что нашел ответ.

Стен вопросительно посмотрел на Друана, который задумчиво кивнул.

— Скорее всего. Расскажи нам о воротах.

— Есть одна шахта на верхнем уровне. Там раньше собирались люди и проводили свои языческие ритуалы. Она была запечатана, когда Микас Несущий Свет обнаружил это место, прогнал поклонников темного духа и построил этот монастырь.

Имя основателя монастыря вызвало у Стена какие-то воспоминания, поэтому он уточнил:

— Микас Несущий Свет?

— Да. Этот святой основал более дюжины монастырей и принес свет в самые темные места страны, — гордо объяснил священник.

— Где конкретно находится эта шахта? И почему она была запечатана? — вмешался Сарган.

— Она находится в самом верхнем здании, внизу, в глубоком подвале. Только высшие по рангу могут заходить туда, сам я никогда там не был. Святой Микас запечатал шахту, так как темные силы там были очень сильны, и он возвел охранный монастырь, чтобы навсегда удержать взаперти мрачные силы.

— Правда? — с наигранным удивлением спросил Стен, но маленький священник,

казалось, принял его слова за чистую монету и прилежно кивнул.

Он старался не смотреть на присутствующих троллей. Но потом влахак спросил с мрачным выражением лица:

— А зачем тогда твои братья проводят на колодце темные ритуалы?

— Что? Мы бы никогда... — запротестовал священник, но Пард схватил бочонок со спиртом и раздавил его своими мощными руками, так что священника окатило холодным потоком остро пахнущей жидкости.

— Не лги нам! — прогремел тролль и бросил в человека остатки бочонка.

Масрид, защищаясь, поднял руки перед лицом и жалобно заскулил:

— Пожалуйста, я ничего не знаю! Я ничего не сделал! Пожалуйста! — всхлипывал пленник.

— Как мы попадем туда? Как поднимаются в верхние здания? — мрачно спросил Стен, но Имрег только молча плакал, поэтому влахак схватил его за ворот и спросил еще раз: — Как мы пройдем к шахте?

— Есть ходы, которые ведут на следующий уровень, они все на втором этаже. Пожалуйста, не...

Маленький священник обхватил руками голову, когда Стен наконец отпустил его. Но, как только Имрег успел опустить руки, влахак ударил его рукояткой кинжала по виску, отчего тот сразу повалился на бок.

— Это еще больше усилит его завтрашнюю головную боль, — пошутил Сарган, играя кинжалом. — Или мы должны...

— Да ладно, — сказал Стен. — Он же безобидный, правда?

— Вроде, — согласился дириец.

Но Пард буркнул:

— Он принадлежит к магам солнца!

— У нас соглашение, — напомнил Стен троллю, — никаких убийств, пока я помогаю вам.

— Это так, Пард, — успокоил Друан большого тролля. — Кроме того, скоро мы встретим достаточно священников.

— Точно, — согласилась Анда. — Достаточно, чтобы сразиться! И достаточно магов солнца, которых можно будет раздавить!

С этими словами тролля звонко ударила кулаком по ладони. Широко улыбаясь, Пард сделал то же самое.

— Хорошо! Тогда в путь!

Они быстро связали священника несколькими полосками ткани из его собственной рясы, затем группа поднялась из подвала на первый этаж. Сарган взял фонарь и пошел немного вперед, но в монастыре все было тихо и спокойно. Они вышли на лестницу и пошли по коридору в глубину скалы. Вскоре Сарган действительно обнаружил широкий, грубо вытесанный туннель, который вел еще дальше в скалу. Они осторожно двинулись по туннелю, пока не вышли в маленький вестибюль, выложенный отполированными досками. Из вестибюля расходились шесть коридоров. Стен обратил внимание на внутреннюю отделку монастыря, она резко отличалась от храмов ордена, где каждая стена и каждое помещение были выкрашены в белый цвет.

После быстрого осмотра они обнаружили маленькую лестницу, которая вела наверх. Тролли ждали вместе со Стеном у подножия лестницы, пока Сарган разведывал обстановку. Вскоре он вернулся и сообщил:

— Много спален. Я думаю, здесь ночует большая часть братьев. Так что тихо! Дальше — большой портал, и он закрыт. Думаю, это наша цель.

Незванные гости осторожно последовали за дирийцем, продвигаясь по коридорам монастыря. Голые стены здесь состояли из огромных темных каменных блоков, из которых было сооружено все здание. Не было ковров, почти никакой мебели. Лишь редкие высокие и узкие окна разнообразили интерьер. «Даже днем здесь должно быть мрачно, —

предположил Стен. — Едва ли подходящее место для ордена Альбус Сунас».

Хотя тролли и пригибались, чтобы не задевать головами потолок, двигались они очень тихо и осторожно. «На их родине, должно быть, полно узких ходов и туннелей», — подумал Стен.

Порталом, о котором говорил Сарган, оказалась большая двустворчатая дверь, которая была украшена переплетающимся узором из кованого железа. Дерево было выкрашено в безупречный белый цвет.

— Подержи свет, — попросил Сарган и осмотрел замок искусной работы.

Из своего мешка за спиной дириец вытащил узкий футляр и стал проверять механику несколькими искривленными металлическими крючками. Нервничая, Стен ждал, уставившись на руки Саргана, которые работали медленно и осторожно. «Неужели нельзя быстрее? — промелькнуло в голове у влахака, но потом он одернул себя: — Он знает, что делает. И этот замок наверняка сложнее, чем в двери кладовой в Дезе». При этом воспоминании на его губах промелькнула улыбка.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем раздался короткий скрип и щелчок. С торжествующей улыбкой Сарган спрятал инструменты и взял лампу у Стена, после чего театрально поклонился, указывая на открытую дверь, и сказал:

— После вас, мой господин!

Один за другим все проскользнули через портал. В слабом свете лампы Стен заметил, что в этой части монастыря стены, потолок и даже пол были выкрашены белым. Стены были украшены золотым переплетающимся орнаментом.

— Сейчас мы находимся в самой важной части монастыря, — констатировал Стен. — Здесь священные помещения и располагаются священники высоких рангов. И здесь же, где-то под ногами, — наша цель.

Друан кивнул, улыбаясь, но его лицо оставалось все таким же напряженным. Стен хорошо понимал тролля: все это напряжение и заботы последних дней и недель скоро должны были закончиться, хорошо или плохо... Если тролли найдут способ ликвидировать угрозу для своего народа, они смогут покинуть чуждую для них поверхность и вернуться на родину. «А если нам это не удастся, мы все будем мертвы», — подумал Стен и обнажил меч.

— Поищем подвал, — предложила Анда и вопросительно посмотрела на Саргана, который сразу двинулся вперед.

«Дириец в своей стихии», — подумалось Стену, пока они медленно шли следом. Коридор скоро расширился, образуя широкий вестибюль. Скоро путь преградил еще один огромный, богато украшенный портал. И здесь белые створки дверей были отделаны вычурным орнаментом, на этот раз золотым. Сарган тихо скользнул вперед и прижал ухо к двери. Довольный результатом, он открыл одну створку и пригласил своих спутников следовать за ним.

Пораженные тролли вошли в большую молельню монастыря, высота куполообразной крыши составляла несколько шагов. Маленькая лампа не смогла осветить такое просторное помещение. Стен обратил внимание, что повсюду сверкает золото и стены безупречно белы. «Это церемониальное помещение еще больше, чем в Теремии», — подумал влахак. Но особенно были впечатлены тролли, так как это был первый храм, внутри которого они оказались, и Друан тихо сказал:

— Наши враги могущественны.

— Да, — согласился с ним Стен, — но не непобедимы!

— Соорудить такое... — начал было тролль, но Пард, выражение лица которого снова быстро ожесточилось, перебил его:

— Такие места сметаются и уничтожаются! Кто выступит против нас, тот будет уничтожен!

— Тихо! — прошипел Сарган, который игнорировал все богатство и роскошь и деловито обследовал стены молельни.

— Здесь! — прошептал дириец. — Дверь!

Этими словами он оторвал остальных от благоговейного созерцания, и все бесшумно побежали к двери.

— Прямое попадание! — раздалось из следующей комнаты, и когда они вошли в нее, то поняли, что Сарган имел в виду.

Помещение, стены которого были обычной, лишь слегка обтесанной скалой, имело столь же простые ступени, которые вели вглубь горы. «Кажется, скоро я избавлюсь от этой обузы, — пронеслось у Стена в голове. — Скоро я буду свободен от троллей!»

Но потом ледяная рука сжала его сердце и у него перехватило дыхание.

48

Солнце все еще скрывалось за густыми облаками, которые поливали землю непрекращающимся дождем. Маленькая группа устало поникла в седлах, все, кроме Сухай, у которого ночью начался жар, и спутники сделали ему носилки из крупных веток, на которых его тащили лошади.

Висиния понимала, что самая худшая часть пути уже позади. Подъем по узким тропинкам в Мардев она знала как свои пять пальцев. Сегодня же они доберутся до Дезы, где их ожидают тепло и уют. Но у влахаки болела каждая косточка, каждая мышца, а пронизывающая сырость, казалось, больше никогда не позволит ее телу согреться. Перед рыжеволосой ехала Флорес, подняв плечи и втянув голову. Даже кони казались утомленными и потерявшими надежду, они трусили с понурыми головами.

«Как там дела у Стена? — уже не в первый раз задавалась вопросом Висиния. — Добрался ли он до монастыря?»

Из страха перед преследователями они взяли быстрый темп и избегали усадеб и поселений. Но потом были вынуждены разыскать расположенный обособленно крестьянский двор, так как у них попросту закончились припасы, а Сухай совсем ослабел. Уже скоро после этого юный дворянин потерял сознание и в конце концов свалился с лошади. Его состояние внушало Висинии большие опасения, раненая рука Сухай была красной и горячей, а жар волнами сотрясал его тело. По ночам он бредил о крови и смерти. Если в ближайшее время он не попадет в руки целителя, то умрет от горячки. «И даже если доживет до Дезы, то, скорее всего, он все равно умрет», — подавленно подумала Висиния.

— Я уже и забыла, как мне нравится погода в Мардеве, — неожиданно сообщила Флорес, и, несмотря на свое мрачное настроение, Висиния не удержалась от усмешки.

Она прищипорила коня и направила его к наемнице.

— Но здесь погода гораздо мягче, чем в Теремии.

— И более сырая, — добавила Флорес, и Висиния рассмеялась.

— Дождь все-таки лучше. Лучше, чем снег!

— Снег так рано осенью! Это было бы уже последней каплей, — фыркнула Флорес. — Хотя действительно стало очень холодно.

— Да. В последние недели погода была очень необычной, сначала ужасная гроза, затем жара, потом снова этот непрекращающийся дождь и холод, — согласилась с ней Висиния.

— В Дезе хотя бы имеются теплые ванны и большие камины, — ответила темноволосая влахака. — А ты еще помнишь, как мы пролезали через камин? — спросила она с улыбкой.

— А Нати полез за нами? — в ответ спросила Висиния, и Флорес рассмеялась еще громче.

— Он застрял! Батюшки мои, за тот вечер я выучила столько ругательств! Я знаю бурлаков, которые краснели, когда я повторяла парочку из них!

— Хотя неделя чистки каминов была не такая веселая, — вспомнила Висиния.

— Твоя сестра всегда умела найти соответствующее наказание. Но это был хороший опыт, — заявила Флорес и подмигнула ей.

— Нам всем будет не хватать его, — внезапно сказала Висиния, вспомнив о Натиоле и его смерти.

— Да, — хрипло отозвалась Флорес, — так и будет, проклятье.

— Что ты планируешь в ближайшее время? — неожиданно спросила Висиния. — Ты останешься в Дезе? Будешь ли ты...

— Бороться? — закончила Флорес фразу и посмотрела вдаль, где могучие Соркаты терялись в серых облаках. — Нет. Но я подожду своего никчемного братца. Как только мы проведем прощальный вечер, я соберу свои вещи и исчезну.

— Куда?

— Не знаю, — призналась Флорес. — Может быть, отправлюсь в Брацац. Зима должна быть там довольно мягкой, и там у масридов не будет повышенного желания увидеть меня мертвой.

— Пока что... — пошутила Висиния, и Флорес скривилась, но потом юная дворянка серьезно продолжила: — Мне жаль, что ты уходишь. Мы так долго не виделись. И Стену будет не хватать тебя.

— Я бы не сказала, что ему не хватало меня, когда он отправился спасать мир, — горько ответила Флорес.

Висиния покачала головой.

— Но ему действительно не хватало...

— Возможно, — помедлив, ответила Флорес, помолчала немного, а затем добавила: — Нам нужно поспешить. Сухай слабеет.

— Да. Если он и дальше будет на таком холоде и в сырости... Фразу Висиния так и не закончила, но обе знали, что она имеет в виду. За последние дни рана Сухай изменила цвет. Хоть Вангелиу и вправил кости и кровь остановилась, но появилось воспаление. Лейка попыталась открыть рану, чтобы удались гной, но она не была целителем, поэтому смогла помочь лишь немного. С мыслями о раненом Висиния начала подгонять коня, торопя всю группу.

Беглецы ехали в долине Дезы, это значило, что они скоро будут дома. Слева и справа вздымались горы, и на высоте во много десятков шагов уже были видны обе башни-близнецы, которые стояли в вечном карауле над узкой тропинкой в отвесных скалах. В бойницах мерцал свет, это доказывало, что влахаки всегда настороже. Так и должно было быть. Сверху их уже сопровождали любопытные взгляды, а гонцы, вероятно, доложили о прибытии неизвестных, которые скачут на усталых конях под дождем. Снизу было практически невозможно попасть к башням, так как отвесные скалы долины Дезы были здесь слишком круты.

Оставалось совсем чуть-чуть, и они предполагали, что уже до наступления темноты доберутся до города и крепости Дезы. «Это хорошо, — радостно подумала Висиния. — Еще одна ночь на холоде — и для Сухай уже не будет надежды».

Влахака спрашивала себя, знают ли об их прибытии? Перед самым городом они увидели, как к ним навстречу галопом выехал отряд всадников. Когда вооруженные солдаты подъехали ближе, Висиния, к своей радости, узнала Неагаса, старого героя, который возглавлял конницу влахаков в осеннюю битву. На низкорослом стройном воине не было шлема, и его темные с проседью волосы развевались на ветру, когда он несся к ним во весь опор во главе своего маленького отряда, но за несколько шагов он остановил коня и привстал в седле.

— Госпожа Висиния! — удивленно воскликнул он. — Какая радость видеть вас!

— Это мы очень рады, Неагас, — ответила влахака с радостной улыбкой. — Но мы должны поторопиться. У нас раненый, которому срочно нужна помощь целителя.

— Конечно, — ответил воин и приказал подчиненным: — Сопроводите их в город и проводите в крепость. Кто-нибудь скачите вперед и сообщите о прибытии госпожи и не забудьте найти целителя!

— Спроси про Картареу! — крикнула Висиния вслед юной воительнице, которая поскакала в город, но Неагас печально ответил:

— Картареу ходит другими путями, госпожа, он покинул нас этим летом.

— О, — тихо сказала Висиния и смахнула мокрые пряди с лица. — Большая потеря.

— И не единственная, госпожа, не единственная. Но поторопимся. Ваша сестра будет очень рада вашему прибытию.

Они помчались так быстро, как только могли усталые лошади. Скоро они добрались до Дезы, единственного города в Мардеве, который вырос в конце долины между двух гор. Позади города на скалистом плато возвышалась крепость, последняя твердыня для отхода при нападении и резиденция семьи Висинии с момента завоевания страны масридами. Сам город был обнесен высокой стеной, которая соединялась со скалами. Вторая стена отделяла город от крепости, и нападающему врагу нужно было преодолеть сначала два вала, прежде чем он сможет подступить к самой крепости. С течением времени город сильно разросся, так как многие влахаки нашли здесь вторую родину после изгнания. Перед стеной стояло несколько домов, все из темного камня, который люди Мардева много столетий добывали в скалах Соркат.

Никто не обратил на маленькую группу особого внимания, когда они пронеслись по узким улицам, но во дворе крепости уже царила суэта. Подъем к замку был крутым и узким, а стены высокими и удобными для обороны. Был только один вход. Отвесная скала была в этом месте высотой почти в тридцать шагов. Стены, из-за которых защитники контролировали пространство между городом и крепостью, делали замок практически неприступным. Ионна поддерживала их в прекрасном состоянии, а перед осенней битвой даже велела еще больше укрепить.

Когда Висиния въехала во двор замка, ее сердце бешено колотилось. «Дома», — с облегчением думала она.

Солдаты суетились, слуги забрали коней и сразу же захлопотали вокруг Сухай, но Висиния смотрела только на высокую женщину, которая распахнула двери замка так сильно, что они ударились о стену, и пошла к ней широкими шагами. Ионна была уже взрослой, когда Висиния еще оставалась маленькой девочкой. Но и позже, когда Висиния выросла, то оставалась ниже рослой сестры. Свои длинные темно-русые волосы, заплетенные в косу, Ионна обычно высоко закалывала. С тех пор как Висиния видела княгиню в последний раз, в локонах Львицы появилось больше седых прядей. Лицо Ионны при взгляде на Висинию просветлело, серые глаза прояснились. Как дождевое небо, когда через облака пробивается солнце.

— Висиния, — воскликнула властительница вольных влахаков с неподдельной радостью в голосе и прижала сестру себе.

— Ионна, — прошептала младшая сестра, наслаждаясь защищенностью, которую она всегда ощущала рядом с Ионной.

Но потом она отступила на шаг и внимательно посмотрела на сестру. Сложная жизнь и тяжелая ответственность прорезали несколько морщин на лице Ионны, но от искренней радости тридцатисемилетняя княгиня выглядела моложе. Она разделяла суровую жизнь своих солдат, тело ее было натренированным и мускулистым, и двигалась она с ловкостью опытной воительницы. На ней был простой светло-серый камзол и более темные брюки для верховой езды, а на бедре висел старый, прошедший сотни сражений наследный меч их семьи, который люди называли *клыком льва*.

— Так чудесно снова видеть тебя, — от всего сердца сказала Висиния, и Ионна улыбнулась.

— Да... Ты плохо выглядишь, сестра.

— Были тяжелые дни, Ионна. Но еще худшие ожидаются впереди. Я принесла вести из Термии, — объяснила Висиния.

— И они не слишком радостные, — предположила княгиня. — Но для начала вам всем нужно привести себя в порядок и отдохнуть.

— Да, — согласилась Висиния и повернулась к своим спутникам.

Слуги уже подымали на носилках Сухай, он все еще был без сознания, и Висиния крикнула:

— Позаботьтесь о нем.

— Не волнуйся, Ливиан сделает все, что будет в человеческих силах, — успокоила ее Ионна.

— Ливиан? Дочка Картареу?

— Да. Она заняла на его место после смерти целителя.

— Хорошо, — с облегчением сказала Висиния.

— Флорес сал Дабран, — обратилась Ионна к темноволосой влахаке. — Для нас радость вновь принимать вас под своей крышей как гостью.

— Большое спасибо, госпожа, — ответила Флорес и склонила голову.

Затем они с Ионной прошли внутрь замка. Висиния, голодная как волк, набросилась на наспех приготовленную еду, а затем забралась в горячую ванну. Ее комнаты были точно такими, какими она их оставила, и от этого у рыжеволосой на глаза навернулись слезы радости.

Вскоре она оказалась в совещательной комнате. Ионна с самыми близкими и доверенными лицами уже ждала ее. После холода и сырости в дороге было так хорошо снова оказаться в отапливаемом помещении, хотя от тепла и усталости у Висинии немного кружилась голова. С бокаломпряного вина она уселась за овальный стол и кратко рассказала о своем пребывании заложницей в Теремии и о побеге. Когда она дошла до описания троллей и связи Стена с ними, пораженные советники несколько раз прерывали ее вопросами. Княгиня же молча слушала, задумчиво потирая нижнюю губу, пока Висиния не закончила.

— Это означает войну, — спокойно констатировала Ионна, на что Висиния только кивнула.

Как всегда, Ионна вначале выслушивала мнения своих советников, пока те дискутировали. Висиния знала эту привычку сестры: в ходе обсуждения она обычно молчала, но зато к ее заключительным словам было больше внимания.

— Этот трижды проклятый пес! — гневно сказал Неагас. — Это чертовски опасный план. Перед самым началом зимы!

— Цорпад рассчитывает на скорую победу. Но он должен знать, что мы можем пересидеть здесь его нападение, пока зима не вытолкнет его отсюда, — сказала Висиния.

— Может быть, он переоценивает свои силы? — размышлял Истран Оханеску, молодой человек, умело руководящий организационными работами и финансами.

Он задумчиво гладил свою узкую черную бороду, затем покачал головой и сам дал ответ:

— Нет. Этого не может быть. Цорпад опытный стратег, как он уже однажды доказал нам. Мы не можем недооценивать его. Он не допустит такой грубой ошибки.

— Мы должны исходить из того, что у Цорпада есть план. Возможно, он хочет просто опустошить нашу землю и вынудить нас затянуть пояса. Но этим нападением он откроет свой восточный фланг, — заявил Неагас и потер лоб. — Другие противники не станут медлить. Госпожа, вы говорите, что его солдаты облачены в доспехи от гномов?

— Да, — ответила Висиния, — толстые и при этом легкие панцири. И их оружие по всей вероятности того же происхождения. В открытой битве его солдаты будут обладать значительным преимуществом.

— Возможно, марчег еще получит поддержку в виде частей вооруженных гномов. Маленький народец известен своими великими мастерами-строителями. А кто знает лучше, как разрушить крепость, чем тот, кто ее построил? — вмешалась Леанна сал Паскаль, которая от имени Ионны правила городом в должности бургомистра.

Висиния обеспокоенно глянула на миниатюрную женщину с большими темными глазами.

— Такие рассуждения ничего не принесут нам, — решительно сказала Ионна. Как всегда, когда говорила воевода, все замолкали и прислушивались к ее словам. — Нужно направить лазутчиков, чтобы те больше узнали. Нужно также собрать воинов, а их господа

должны явиться на военный совет. Как только мы точно узнаем, что планирует Цорпад, наши крепости обретут наилучшие перспективы выстоять при его нападении.

Присутствующие молча кивнули, и Ионна поднялась.

— Неагас, посылай всадников к союзникам, созывай их. Они должны быть предупреждены и готовы. Я напишу письмо, с него нужно снять копии и отправить с гонцами.

— Да, госпожа. В горы тоже? — осторожно спросил воин.

Ионна кивнула.

— И к горным кланам. Настало время потребовать их дружины. Отправь дюжину лазутчиков в Садат, но прежде всего в окрестности Теремии. Но только самых лучших, Неагас.

Ветеран снова кивнул, и Ионна продолжила:

— Леанна, мы должны собрать запасы в крепости. Составь списки, что у нас есть и что нам нужно. Мы должны знать, как долго сможем продержаться при крайней необходимости.

— Да, госпожа.

— Мы должны предупредить крестьян и горожан. Если Цорпад придет, то каждая деревня и каждый двор должны быть пусты, а люди в безопасности.

— Что я могу сделать, госпожа? — спросил Истран.

— Нам потребуется оружие и доспехи. Собери все железо, какое только сможешь, и позаботься о том, чтобы народ был вооружен!

— Обязательно, госпожа, — ответил Истран с поклоном.

— Пока все, — решительно заявила княгиня и тем самым распустила маленький совет.

Когда Висиния собралась покинуть помещение, Ионна задержала ее.

— Сестра, нужно поговорить.

Когда влахака снова села, Ионна с нетерпением посмотрела на нее.

— Как у тебя дела? — спросила она, и Висиния пожалала плечами.

— Уже лучше. Только я очень устала.

— Хорошо, хорошо. Тебе это зачтется, — пошутила сестра, и Висиния шутливо ответила:

— Спасибо, госпожа, вы слишком добры.

— Эти истории... я не сомневаюсь в твоих словах, но тролли и винаи...

— Мы все были удивлены и не могли поверить своим глазам, — медленно ответила Висиния, так как теплое пряное вино уже немного разморило ее, а камин наполнял приятным теплом комнату.

— Мне было больно услышать о смерти Натиоле. Он был хорошим другом и верным соратником, — сказала Ионна и положила руку на плечо сестры.

— Да. Но я думаю, что хуже всего было Стену. Нати всегда был ему старшим братом.

— Расскажи мне о связи Стена с этими троллями, — попросила Ионна.

Немного помедлив, Висиния начала:

— Они спасли его, когда Цорпад в клетке оставил на милость леса. Тогда они заключили союз. Стен помогает этим чудовищам, а они слушают его. Как только их поиски на поверхности будут закончены, они вернутся к себе, под землю, а Стен приедет в Дезу.

— Он всегда был слишком отчаянным. Однажды его везение закончится.

— Он еще жив, — вмешалась Висиния.

— Да, он еще жив. И это хорошо, так как он будет нужен нам. Если будет война, будут лишения, большие лишения. Будет нелегко, а Стен дает людям надежду.

— Ты тоже даешь людям надежду, Ионна.

— Я управляю ими и вселяю уверенность. Но я не могу быть везде. И к простому народу Стен гораздо ближе, чем я, — объяснила воевода.

Висиния напряженно посмотрела на нее. Что-то волновало Львицу, хотя она и не говорила об этом вслух.

— О чем ты хотела поговорить со мной? — неожиданно спросила она.

Ионна задумчиво склонила голову на бок и посмотрела на младшую сестру.

— Осенняя битва показала, что у нас одних недостаточно сил, чтобы разбить Цорпада. Возможно, всегда будет недостаточно, — медленно начала она. — Я уже долго раздумываю над тем, не нужны ли нам новые союзники.

— Новые союзники? И кого ты хочешь заполучить для борьбы против Цорпада? — растерянно спросила Висиния.

— Других масридов. Противников марчега.

— Ты хочешь заключить союз с властителями Валеодары и Сиревы?

— Если так нужно будет.

— Но они — масриды! Даже если они ненавидят Цорпада, нас они ненавидят еще сильнее! Чего будет стоить такой союз, даже если мы победим? Они сразу же нападут на нас, как только Теремия окажется в наших руках.

— Тогда нужно найти способ укрепить подобный союз и на будущее, — сказала княгиня необычно спокойным голосом.

— Способ? Какой способ ты имеешь в виду?

— Свадьбу. Ласцлар Сцилас, властитель Валеодары, еще достаточно молодой мужчина. Он более расположен к союзу с Мардевом и...

— И меня ты можешь подарить, словно ящик дешевых бус, чтобы задобрить дракона, — перебила ее Висиния ледяным голосом, до которой наконец дошло, чего от нее хотела сестра.

Ионна посмотрела ей прямо в глаза. На ее лице не дрогнул ни один мускул.

— Я думала предложить эту роль Йолеа, сестре Сухаи. Но брак с тобой был бы гораздо лучшей гарантией продолжительного мира. Ты не должна забывать, что это был бы скорее символический акт. Я сомневаюсь, что Сцилас будет настаивать на том, чтобы ты жила в Брачаце.

Мысли в голове Висинии сплелись в один клубок. Ее сестра планировала объединиться с масридами? И она должна выйти замуж за одного из них?

Перед ее мысленным взором предстал размытый образ человека в доспехах, на щите которого был изображен дракон, но неожиданно рядом с масридом появилось худое лицо Стена сал Дабрана.

— Я не могу выйти замуж за Ласцлара Сциласа, — залепетала она, и сама услышала, как слабо прозвучали ее слова. — Я люблю другого. Я люблю Стена.

На мгновение улыбка исчезла с лица Ионны, затем черты ее лица ожесточились, и она сказала:

— Это вздор.

— Нет. Я люблю его, — жарко возразила Висиния.

— Он вне закона и всегда ищет неприятностей, Висиния. Однажды его везение оставит его, тогда...

— Что тогда? — сердито спросила Висиния. — Что ж, тогда у тебя будет возможность перепродать меня подороже!

— Я не хочу, чтобы ты сама сделала себя несчастной! Политический брак будет стоить тебе лишь немного гордости, но смерть Стена разобьет тебе сердце! И когда-нибудь с ним рядом не будет никого, кто спасет его. Ни троллей, ни Натиоле Таргузи, ни Флорес сал Дабран — никого!

— Но мы тоже рискуем жизнью! — возразила Висиния, но Ионна покачала головой.

— Не так как он. Ты знаешь, что я права. Сестра, я хочу лучшего для тебя.

— Лучшего? Ты хочешь передать меня соперникам Цорпада и называешь это лучшим?

Ионна подняла голос, в котором послышалась едва скрываемая ярость:

— Я — глава семьи. Не забывай об этом. Если так будет нужно, то ты выйдешь замуж за того, кто принесет нашему народу мир. Ты объединишь наш дом с другим, могущественным именем. Как велит твой долг, — жестко ответила княгиня.

— Мой долг, да, — холодно ответила Висиния. — Как пожелаете, госпожа. Я могу

вернуться к себе, воевода? Мне нужно многое обдумать.

Ионна склонила голову, и Висиния размеренным шагом покинула совещательную комнату, тщательно следя за тем, чтобы не выказывать никаких чувств. Придя к себе, она что есть силы ударила кулаком по стене и фыркнула:

— Мой долг! А что, как она думает, так я и сделаю? Как она могла осмелиться...

Стук в дверь прервал ее гневный взрыв, и она властным жестом отбросила волосы с лица.

— Входите!

Дверь осторожно открылась, и Флорес заглянула в щелку. С вопросительным выражением лица она зашла в комнату и посмотрела на Висинию. Не говоря ничего, она опустилась на диван и стала рассматривать свои руки.

— Ионна! — возмутилась Висиния. — Она хочет выдать меня замуж, чтобы заключить союз!

— Что? За кого? — спросила Флорес, но Висиния пожала плечами.

— За властителя Валеодары. За Ласцлара Сциласа.

Флорес присвистнула.

— Династический брак? И ты согласишься? Или Ионна продает шкуру неубитого зверя? — поинтересовалась Флорес.

Висиния озадаченно посмотрела на воительницу:

— Что?

— Так говорят в Сиреве. Ты не знаешь этого выражения? — спросила Флорес. Когда Висиния покачала головой, она объяснила: — Пообещать что-то, чего еще не имеешь. Например, шкуру медведя, который еще гуляет.

— Я понимаю, ладно, — сердито ответила Висиния. — Что мне делать? Ты знаешь так же хорошо, как и я, что нам нужны союзники.

— Возможно. Но всегда есть другие варианты.

— И какие?

— Я, например, ухожу. Никакой войны, никакой земли, никаких обязательств, — спокойно объяснила Флорес.

На пару мгновений Висиния представила себе, как они просто сбегут со Стеном, оставив все за плечами и начав новую жизнь. Но потом она снова вернулась в реальность. «И у меня, и у него есть долг и ответственность. Никто из нас не подведет друзей и семью. Нет, такого никогда не будет», — печально призналась себе влахака.

— Нет, ты не уйдешь, — Флорес озвучила ее мысли. — Я вижу по твоим глазам.

— Так не пойдет. Слишком многое зависит от нас, — тихо ответила Висиния.

— Возможно. Все равно, Висиния. Ты живешь своей жизнью, а я своей.

— Да, — ответила влахака и спросила: — А ты знаешь, что там с Сухаи? Как у него дела?

Флорес печально покачала головой:

— Выглядит нехорошо. Ливиан ампутирует руку, но даже так... Она не знает, выкарабкается ли он.

— Он пытался помочь мне, когда Цорпад хотел убить меня.

— Я знаю. Целители делают все, что в их силах. Мы можем лишь ждать.

С этими словами Флорес встала и пошла к двери. Висиния обеспокоено посмотрела ей вслед, но наемница, прежде чем выйти из комнаты, еще раз обернулась и подмигнула ей.

— Не печалься. Кто знает, что принесет будущее? Может произойти так много... всякого. И возможно, Ионна передумает.

— Ионна... передумает?

— Точно. Скорее Цорпад отречется от своих званий и станет нищенствующим священником, — пошутила Флорес, и Висиния рассмеялась.

— Спасибо за поддержку, — прошептала юная дворянка.

Затем Флорес покинула комнату и закрыла за собой дверь.

На своем лице Стен ощутил ледяной сквозняк. Его знобило. Влахака охватили темные предчувствия, и его сердце бешено заколотилось. Стены зашатались, а туннель показался ему открытой пастью чудовища, готового проглотить его. Его руки ослабели, и он чуть не выронил меч из вспотевших ладоней.

— Я... лучше, я останусь здесь, — прохрипел Сарган и отер пот со лба.

— Темное место, — сдавленным голосом прошептал Стен, и его взгляд упал на троллей, которые странно смотрели на него.

«Чего вы хотите? Вы хотите меня съесть?» — чуть не закричал он. Но с его губ не сорвалось ни звука.

— Что с тобой? — обеспокоенно спросил Друан и вгляделся внимательно в лицо Стена, который больше не мог переносить вида темных глаз тролля и отвернулся.

— Что такое? — озадаченно спросил Пард, увидев, как Сарган отшатнулся на несколько шагов назад, не спуская при этом глаз со входа в туннель, словно дириец ожидал, будто оттуда в любое мгновение выскочит чудовище.

— Разве вы не чувствуете этого? — простонал Стен и потряс головой, ощутив, будто кто-то наложил ему на лоб тесные железные оковы.

Невероятным усилием воли воин выпрямился и поднял меч.

— Что чувствуем? О чем ты говоришь, человек? — спросил Пард, переводя взгляд с Друана на Стена.

Со стиснутыми зубами Стен ответил:

— От этого места поднимается злое дыхание.

— Люди слабые, — язвительно произнес Пард и двинулся в туннель, больше не оглядываясь.

Друан в нерешительности посмотрел на Стена и сказал:

— Нам нужно вниз.

— Я знаю, — выдавил Стен и попытался сдвинуться с места.

Но его ноги больше не слушались, словно отказываясь нести своего хозяина в эту мрачную дыру. По всему телу влахака выступил пот, но при этом оно наполнилось ледяным холодом, а руки и ноги онемели. «Я должен идти, — мысленно твердил Стен, — должен!»

Медленно, шаг за шагом, с дрожащими коленями и задыхаясь следовал он за Пардом в темноту, которая, как ему казалось, вытягивала из его тела саму душу. Сарган тоже пытался преодолеть свой страх или, по крайней мере, подавить его и последовал за Стеном и троллями.

Каждый шаг отдавался глухим ударом сердца, предвещающим влахаку его близкую смерть. Но он двигался дальше и думал о тех, кто ему доверяет и полагается на него и кого он не хотел бы разочаровывать. Свет слабого маленького фонаря терялся в глубокой темноте, которая трепетала вокруг как живая. Краем глаз Стен отмечал какие-то движения, но каждый раз, как он оборачивался, все прекращалось. На темных стенах танцевал отблеск лампы, тени изменялись, сливались и будто тихо шептали на своем языке, которого Стен не знал, но который жутким образом был ему знаком.

Туннель тянулся бесконечно долго, но затем во мраке перед ними замерцал свет, увидев его Стен вздохнул с облегчением. Теперь он шагал вперед, сконцентрировавшись на далеком сиянии, и постепенно приходил в себя. Страх, болезненно сжавший все внутри, отступал. Тролли опередили людей, и неожиданно Стен услышал их крики.

Затем один из троллей страшно заревел и раздался еще один крик. Это заставило Стена побежать вперед. У подножия туннеля, там, где в нишах в стене справа и слева сияли две чаши с огнем, освещая маленькую, но крепкую дубовую дверь, стояло двое воинов в доспехах, которые отпрянули от троллей и схватились за оружие. Прежде чем Стен успел добежать, Пард уже схватил воина слева и с презрительным выражением швырнул о стену.

Масрид стукнулся о камень с глухим звуком. Анда набросилась на второго, небрежно отвела его меч голой рукой и прижала всем своим весом к полу. Ее клыки вгрызлись в горло человека. Его крик перешел в хрипкое бульканье, а потом и вовсе затих, когда Анда схватила его голову двумя руками и резким рывком оторвала от тела. Свой ужасный трофей она с отвращением бросила на пол, кровь брызнула во все стороны, потом она встала и огляделась с жестокой улыбкой.

— Железные люди из города, — холодно прошептала она и облизала окровавленные губы. — Мясо.

— Да, — тоже усмехнулся Пард и опустил свой мощный кулак на неподвижного противника.

— За Цдама, — прорычала Анда и тыльной стороной ладони вытерла со рта кровь масрида.

— Вперед, — поторопив их, приказал Друан, и два других тролля кивнули.

«Они — свирепые звери», — подумал Стен при виде трупов солдат, но все же последовал за троллями в ярко освещенное помещение за дверью, которую Пард просто снял с петель.

— Не много воинов для охраны такой тайны, — неодобрительно прокомментировал Сарган, переступая остатки двери, но потом их глаза привыкли к яркому свету, и они замолкли.

Перед ними раскрылась огромная естественная пещера, в которой сталактиты и сталагмиты росли из пола и потолка самым удивительным и странным образом. Повсюду между этими причудливыми природными образованиями были чаши, освещавшие все беловатым огнем. На большой ровной площадке внизу, к которой вела простая, вырубленная в скале лестница, стояло несколько мужчин в белых рясах Альбус Сунаса, которые удивленно смотрели на вошедших, в то время как тролли со звериным ревом побежали прямо по наклонной стене скалы.

Чертыхаясь, Стен последовал за чудовищами, которые грозно ревели и фыркали, спускаясь вниз по скользкой стене. Чтобы не упасть, Стену пришлось фактически полностью сконцентрироваться только на беге. Он услышал, как закричал один из магов. Стен добежал наконец до дна пещеры, где и остановился с колотящимся сердцем. Оглядевшись, он оценил происходящее. Тролли набросились на шестерых жрецов, которые в ужасе отпрянули. Неожиданно вспыхнул яркий свет, от которого тролли разъяренно заревели. Стен помчался им на помощь.

— Во имя Божественного Света изыди! — низкий голос раздался под сводом пещеры и отразился от стен многократным эхом.

В ответ Пард громко и грозно рассмеялся, что прозвучало в пещере так, словно смех из глоток тысяч духов темноты.

— Назад! — прокричал человек не терпящим возражений тоном, и снова ударил ослепительный луч света.

Когда в глазах Стена исчезли яркие пятна, он увидел, что Друан лежит на земле и не двигается, а Пард и Анда разделились и по-звериному крались к тесно сбившейся группе священников, держась в стороне от яркого света, шедшего из ладони одного из магов. Однако Стена свет заботил меньше, чем троллей, поэтому он выскочил к священникам, те удивленно обернулись. С закрытыми глазами Стен накинута на группу, и кто-то упал. Яркий свет взорвался перед его закрытыми веками, но юный воин ожидал этого. От болезненного удара о твердую скалу у Стена из легких вышел весь воздух, но он быстро снова вскочил на ноги и ударил в бок проползающего мимо на четвереньках жреца, отчего тот завалился на спину. Другие удивленно уставились на Стена, но один поднял руки и показал на него, прежде чем влахак успел отреагировать. Тут из-за сталагмита вышел Пард и схватил масрида. В гневе мощный тролль казался мрачным древним духом мщения. Он схватил человека с поднятыми руками за кисти и с дикой силой оторвал руки. Кровавый фонтан и крик боли и ужаса вознаградили тролля за его старания. Затем монстр отшвырнул

тело священника, раскрутив его в воздухе. Остальные жрецы отшатнулись, забормотали молитвы, но Анда, приблизившись сзади, не позволила свершиться волшебству. Оба тролля напали на невооруженных людей. Мощные удары крушили черепа и ломали кости, когти впивались в кожу и плоть, а клыки оставляли кровавые борозды в телах. Хотя это зрелище и вызывало тошноту, Стен осознавал, что не сможет остановить стихию, и лишь думал: «Вы платите за свои мрачные ритуалы. Вы хотели убить троллей, но теперь они убивают вас». Он не сочувствовал ни одному умирающему священнику, пусть даже смерть вызывала тошноту.

Вместо того чтобы смотреть на кровавое побоище, он подошел к Друану, который медленно поднимался.

— Все в порядке?

— Да, — ответил тролль. — Только этот проклятый свет!

— Пард и Анда уже... заканчивают.

— Да. Оба многого лишились из-за этих магов. Это правильно. Думаешь, все кончено? — осторожно спросил Друан.

— Мы должны выяснить. Вы поймали всех жрецов, которые проводили ритуалы?

— Да. А потом? Они оставят нас в покое?

— Да, на некоторое время. Но на долгий срок... сомневаюсь. Многое зависит от того, как на это отреагирует маленький народец. Продержится ли союз между Цорпадом и гномами. Сможем ли мы удержаться против масридов.

— Если Цорпаду потребуется больше оружия, тогда он будет продолжать помогать маленьким сволочам, — размышлял Друан.

— Возможно, только люди ордена знают об этом месте и владеют тайной ритуала, — предположил Стен, но Друан с сомнением посмотрел на него.

— Ты в это веришь?

— Нет, — удрученно ответил Стен. — Всегда найдется достаточно тех, кто готов продать свои души за власть, как вот эти здесь. Мне как раз подумалось... где Сарган?

— Здесь, — раздался голос прямо позади Стена, который подскочил от такой неожиданности. — Я спустился по лестнице.

— О духи! Не надо больше так подкрадываться!

— Прости, — улыбаясь, ответил дириец и показал на подходивших к ним залитым кровью Парда и Анду. — Я думаю, уже все. Была настоящая резня, да?

— Там впереди дырка в земле, — прокричал им Пард и указал пальцем за плечо. — Прямо рядом с башками этих задниц солнца!

— На совесть поработали! — Похвалил Парда Друан и огляделся. — Один из них, еще живой, приземлился где-то здесь.

Они вместе принялись искать мага солнца, которого Пард отшвырнул, и наконец нашли его позади сталагмита. Конечности жреца были вывернуты под странными углами, дыхание было чуть заметным. Сарган опустился на колени рядом с ним. Без целителя было ясно, что у мужчины переломано все, что может сломаться.

— Как тебя зовут? — мягко спросил Сарган, умирающий поднял на него глаза.

— Тамлос, — прохрипел мужчина.

На его губах появилась кровь, забрызгав белое одеяние.

— Все вы совершали ритуалы? Есть ли еще священники, которые могут проводить ритуалы на этом месте, Тамлос? — дружелюбно спросил Сарган, и священник озадаченно заморгал, после чего, кашляя, ответил:

— Мы... старейшины монастыря... мы служим здесь Божественному Свету.

— Семеро?

— Да, семеро старейшин.

— И что вы здесь делали?

— Мы связываем дух темноты и изгоняем его силу в землю. Наш лангор руководит нами.

— Он один из семи?

— Да, — болезненно закашлялся маг солнца.

Обращаясь к Друану, Сарган сказал:

— В целом это хорошо для вас. Вот этот здесь седьмой, а другие шестеро там, хотя точное их количество теперь установить сложно.

— Кто ты? — удивился смертельно раненный священник, и Сарган вонзил ему в грудь свой тонкий кинжал.

— Для тебя — милость, — прошептал дириец, в то время как священник еще раз дернулся и потом безжизненно обмяк.

Сарган отер клинок о белое одеяние мертвеца и поднялся. Заметив вопросительный взгляд Стена, пожал плечами и отвернулся.

— Быстрая смерть.

— Это больше, чем он заслуживает, — рявкнула Анда, схватила труп и потащила его, оставляя кровавый след, к остальным телам, где бросила рядом с дырой в полу шириной в три шага.

Рядом с этим почти круглым отверстием была деревянная пластина, украшенная золотыми рунами. Там, где погибли священники, опрокинулось несколько золотых кубков и огненных чаш. Кровь залила темную скалу, собравшись большими лужами. При более близком рассмотрении Стен увидел, что в кубках тоже, по-видимому, раньше была кровь, так как внутри виднелась темно-красная пленка. Он с отвращением рассматривал все это, пока его взгляд не упал на обезглавленный труп одного из жрецов.

— У него солнечный диск на груди. Значит, это их настоятель, лангор, — сказал он всем о своем открытии.

— Пусть гниет, — мрачно ответил Друан, склонился над шахтой и, проверяя, принялся.

Троль задумчиво наморщил лоб, в то время как Стен обошел вокруг колодца, старательно следя за тем, чтобы не вступить в лужу крови. Простая дыра опускалась вглубь вертикально и терялась в темноте, так что влахак не мог оценить, насколько глубокой она была. Где-то там, внизу, по словам Вангелиу, пребывал Дух темноты, а когда-то дух — покровитель влахак, который помог Раду объединить их. «Легенды и истории, — удивленно подумал Стен, — неожиданно вошли в мою жизнь. Словно у меня было недостаточно проблем и без этого!»

— Впечатляюще, — констатировал Сарган и показал на колодец.

— Выглядит очень глубоким, — согласился Стен и посмотрел на дирийца. — Каковы теперь твои дальнейшие планы?

— Пока не представляю, — ответил Сарган. — Я не могу вернуться в Теремию, а перевалы закрыты. Возможно, я останусь и понаблюдаю, как гномы отреагируют на это небольшое поражение.

— Может, ты справишься с нами в Мардев, — предложил влахак, — дождешься войны, а затем продолжишь свой путь. Я не могу говорить за Ионну, но думаю, что она охотно окажет тебе гостеприимство. Все-таки ты помог спасти ее сестру.

— Это стоит обдумать, — признал Сарган. — Немного отдыха и, в первую очередь, ванна пойдут мне на пользу.

— Тогда считай это приглашением.

Во время их короткого разговора тролли собрались вокруг колодца. Неожиданно Друан сказал:

— Я знаю это место!

— Что? Ты знаешь эту пещеру? — недоверчиво переспросил Стен, но Друан покачал головой.

— Нет, я знаю эту шахту.

— Но... откуда?

— Пард, ты тоже ее знаешь, мы уже были здесь. Понюхай и подумай, где мы сейчас находимся. Этот запах серы, — объяснил Друан, и Стен попытался распознать запах, но он

ощущал лишь запах крови. Пард тоже казался озадаченным и пожал плечами.

— Я не знаю. Наверху я не ориентируюсь, я не знаю, где мы находимся.

— Высокая шахта! Понюхай, где-то внизу дымящиеся источники!

— Ты имеешь в виду эти вонючие облака? Мы находимся над ними? — удивленно спросила Анда.

— Да. По поверхности мы шли все время только на юг. Под нами область племени Турка. Это здесь! Высокая шахта! — сказал Друан.

Стен озадаченно спросил:

— И что это означает?

— Шахта ведет вниз, в самые недра земли. Я знаю ее. Внизу много пещер, которые она пересекает.

— И что?

— Теперь мы можем снова вернуться на родину. Через шахту. Больше никакого солнца, никаких людей! — воодушевленно сказал Друан, и Пард всплеснул руками.

— Наконец-то!

— Это хорошо, — заявил Стен. — Тогда дуйте домой, и мы тоже можем исчезнуть. Это очень хорошо!

— Вы хотите спуститься вниз? — скептически спросил Сарган и заглянул в колодец, но быстро отшатнулся.

Неожиданно Стен тоже ощутил легкое движение воздуха, которое поднималось из дыры и качало пламя чаш. На мгновение ему показалось, будто он слышит какой-то голос в голове, который что-то тихо шептал, но потом все стихло, мгновение прошло.

— Да, — сказал Пард. — Мы умеем хорошо лазить. А когда нет солнца, у нас достаточно времени.

— Тогда наши пути расходятся здесь, — подытожил Стен, и Пард угрюмо кивнул.

— Настало время убить тебя, человек!

Стен в ужасе отшатнулся и схватился за меч, но Пард разразился громогласным хохотом и ударил себя по бедрам.

— Шутка, Стен! — еще громче гоготал тролль, и оба других присоединились к нему.

Стену пришлось пару раз глубоко вдохнуть и выдохнуть, пока его сердце не перестало танцевать в груди. «Он в первый раз произнес мое имя, — заметил влахак, — но это не значит, что он не нападет, если что...»

— Очень смешно, — кисло ответил он, и Пард снова рассмеялся.

— Люди! Слабые, маленькие и без юмора!

Влахак негодуяше покачал головой. Но тут Пард добавил:

— Ты сдержал свое слово, Стен. Спасибо.

— Не за что, — изумленно ответил Стен. — Вы спасли мне жизнь.

— Правильно, человек! — усмехаясь, подтвердил Пард. — Но теперь мы исчезаем! Наконец мы идем домой!

— Тогда собирайтесь, — приказал Друан и посмотрел на Стена. Он немного помедлил, но затем отвел Стена в сторону.

— Спасибо, Стен, — степенно сказал Друан.

— Как я уже сказал, не за что. Я...

— Нет, мы должны поблагодарить тебя, — перебил его Друан. — Но это еще не конец...

— Что ты имеешь в виду?

— Эта война еще не закончилась. Твой народ будет бороться против Цорпада?

— Да, — подтвердил Стен. — Так мы и поступим. Мы должны.

— Возможно, атаки этих магов на мой народ закончатся навсегда, но, возможно, только на короткое время. Мы никогда не можем быть уверены в безопасности, пока гномы и Цорпад сотрудничают.

— Возможно, теперь этот союз распадется, — предположил Стен. — Маленький

народец не будет рад тому, что Цорпад не держит слово.

— Ты в это веришь? — спросил Друан, и Стен отрицательно покачал головой.

— Я тоже нет. Пока Цорпад борется, ему будет нужно оружие, а пока гномы ведут против нас войну, они будут требовать от него помощи.

Стен думал: «Хочет ли тролль сейчас сказать мне что-то, что у него уже давно на уме?»

— Но если бы вы и мы боролись вместе... — начал юный воин осторожно.

И Друан продолжил:

— Тогда мы были бы сильнее. Достаточно сильны!

— Но захотят ли другие тролли сражаться вместе с нами?

— Я не знаю, пока не знаю. Но гномы уже слишком долго теснят нас. Настало время противостоять им.

— Каков твой план?

— Я не могу сказать, насколько быстро мы обнаружим своих. Но мы должны обезопасить себя от этих магов солнца раз и навсегда. Я попытаюсь убедить других в том, что надо подняться на поверхность.

Стен задумчиво кивнул. Все это время он считал, что тролли исчезнут из его жизни, как только достигнут своей цели, но, по всей вероятности, это было поспешным выводом. «Они — мощные воины и могут стать решающим фактором в битве. Но согласятся ли на это вольные влахаки? Да еще не известно, что решат тролли. Может быть, они съедят Друана, вместо того чтобы согласиться с его предложением».

Тем временем Парда и Анда обезглавили последнего священника и положили его тело к остальным. Краем глаза Стен видел, как они занимались телами, поэтому отошел немного в сторону и поискал Саргана, который устроился позади одного сталагмита.

— Весьма неприятное зрелище, — приветствовал его дириец, Стен был согласен.

— Тролли сейчас исчезнут. Нам тоже нужно уходить, убираться, — сказал он.

— У меня от этого места мороз по коже, — признался Сарган, после чего Стен удивленно посмотрел на него. — Я не знаю почему.

— Возможно, это влияние Духа темноты, — предположил влахак. — Но ты прав, я тоже это чувствую. Как будто за мной наблюдают, как будто мрачный дух наблюдает.

— Да. Скорее бы... прочь отсюда. Возможно, мы должны эту пластину вновь положить на дыру, как только тролли уйдут. Это святое... нечто наверняка не просто так было там закреплено, — предположил Сарган.

— Хорошая идея. Но лучше было бы изгнать масридов и снова проводить старые ритуалы. Но пока это остается лишь мечтой.

— Почему? Если вы выиграете войну... — начал было Сарган, но Стен покачал головой.

— Эту войну нам не выиграть, в лучшем случае мы сможем пережить первую атаку. Мы не подготовлены, а у Цорпада мощное войско. Его удар будет разрушительным. Мы сделаем все, чтобы он увяз в сражениях до зимы, чтобы у нас было немного времени для восстановления. Тогда мы подержимся подольше, так как другие враги Цорпада не преминут воспользоваться слабостью с его стороны.

— Так вы что, не будете бороться? — удивленно спросил Сарган.

Стен поднял плечи.

— Конечно, будем... Нашим лучшим союзником является сам Мардев. Он непроходимый и дикий. Если Цорпад захочет морить нас голодом, ему придется снабжать целое войско, которое растянется вокруг этих мест, а это нелегко сделать зимой.

— Ты видишь все в мрачном свете, — констатировал дириец.

— Нет, я вижу реальные вещи. Ионна — великолепный воевода и гениальный стратег. Но у Цорпада все преимущества, и он знает, как вести войну. Слишком хорошо знает, к сожалению, — объяснил Стен, но потом улыбнулся и заявил: — Но давай сначала обождем. Не так все страшно, как кажется.

После этого они сидели некоторое время молча, каждый занятый своими собственными

мыслями. Только после того, как затихли неприятные звуки раздираемой плоти и хруста со стороны троллей, они поднялись и вернулись к огромным существам, причем Стен старался избегать смотреть в сторону трупов священников.

— Мы спускаемся, — заявил Пард.

— Да, мы тоже уходим, — ответил Стен и посмотрел на троллей. — Удачного пути.

— Удачного пути, — ответил Друан и улыбнулся Саргану. — И тебе тоже, рисующий звуки.

— Доброго пути, — засмеялся Сарган. — Посердите там пару гномов... для меня...

— Естественно! Я уже предвкушаю, — прогремел Пард, прежде чем опустился ногами в дыру.

Другие последовали за ним, и люди наблюдали за этими удивительными созданиями, пока те не исчезли во мраке. Затем влахак и дириец передвинули тяжелую деревянную крышку на вход в шахту и направились к лестнице, ведущей из все еще освещенной пещеры. Они медленно поднимались, пока не добрались до двери. Здесь Стен еще раз обернулся и посмотрел на кровавое побоище, которое здесь устроили тролли. «Мои обязательства по отношению к ним выполнены, настало время заняться своими делами». С этими мыслями он повернулся и вошел вместе с Сарганом в темноту туннеля. Каждый шаг, казалось, приближал его к свободе, и он шагал с выпрямленной спиной, так как уже чувствовал себя освобожденным от груза, каким для него все это время были тролли.

Они быстро добрались до конца туннеля, пересекли молельню, не обращая внимания на ее красоты. На этот раз Сарган не крался впереди, а шел рядом со Стеном, почти полностью закрыв фонарь и следя за тем, чтобы производить как можно меньше шума. Они быстро пересекли верхний уровень, а затем и средний, потом проскользнули к лестнице, которая вела в вестибюль. «Сейчас все закончится», — промелькнуло у Стена в голове, но потом он услышал голоса и притаился.

Из вестибюля раздавался голос Имрега, который громко протестовал:

— Я не спал! И я не крал запасы! На меня напали и похитили!

— Это правда, — согласился с ним другой мужской голос. — Когда я его нашел, он был связан, а рот заткнут кляпом.

— А что ты делал в кладовой, брат Пайос? — мрачно поинтересовался третий голос.

— Я... я... были какие-то звуки, — залепетал Пайос.

— Мы еще поговорим об этом. Но сейчас нужно всех будить! Бейте в гонги, предупредите братьев, что в нашем монастыре духи темноты и их любовники. Поторопитесь!

— Ты слышал? Ты — темный любовник, — пошутил Сарган, но Стен лишь зло сверкнул на него глазами.

— Валим отсюда. В этом монастыре слишком много форбсов.

— В тот боковой коридор, — предложил Сарган и двинулся в указанную сторону. — Спальные комнаты на уровень выше. Мы просто выйдем...

Стен скептически глянул на дирийца, но все же последовал за ним. И действительно, скоро мимо них по переходу на средний уровень пронеслось несколько человек. После того как их шаги затихли, оба мужчины осторожно двинулись дальше и выглянули украдкой в вестибюль. Там болтались еще два священника Альбус Сунаса. Они боязливо оглядывались по сторонам. Стен вопросительно посмотрел на Саргана, который прошептал:

— Просто пробежим. Как только окажемся снаружи, мы будем в безопасности. Думаешь, священники смогут разыскать нас в лесу?

После того как Стен отрицательно покачал головой, Сарган полез дальше к верхней площадке лестницы, потом оба вскочили и побежали. Священники удивленно обернулись, но Стен уже был возле и ударил одного из них кулаком в лицо, в то время как Сарган ударом в ногу повалил другого на пол. Не обращая больше внимания на служителей, они промчались через дверь наружу. Их встретило мрачное, серое утро, и дождь промочил их одежду за считанные мгновения, но им было все равно, так как они спешили к стене, где

Стен подтолкнул дирийца, а потом подтянулся сам и перелез, поддерживаемый рыжим. Позади них раздавались громкие крики, но оба сконцентрировались лишь на том, чтобы как можно дальше пробежать по узкой скалистой тропинке. Оставалось всего несколько шагов до поворота, после которого они могли почувствовать себя в относительной безопасности...

Неожиданно ударил яркий свет. Стен закрыл руками глаза и оступился, потом услышал крик Саргана, который, однако, резко оборвался. С бешено колотящимся сердцем Стен упал на землю и в отчаянии хотел поползти по узкой тропинке. Но тут она неожиданно кончилась, и его ноги зависли над пустотой. Ему, наконец, удалось зацепиться за край скалы и подтянуться, затем он, тяжело дыша, лег на живот. Разноцветные огоньки мелькали перед глазами, и он отчаянно закричал: — Сарган! Где ты?

Но ему никто не ответил. Позади кричали братья ордена Альбус Сунас, и их крики звучали все ближе, поэтому он поднялся, заморгал, нащупывая отвесную скалу рядом. Каждый неверный шаг означал верную смерть, на любом маленьком камне он мог поскользнуться и сорваться в пропасть. Наконец к Стену вернулось зрение, и он огляделся в поисках дирийца. Но тропинка перед ним была пуста, словно Саргана никогда и не было. В отчаянии Стен заглянул вниз, в пропасть. Густой туман мешал что-либо разглядеть. Из серых клочьев торчали темные деревья. Одного взгляда назад хватило, чтобы понять, что священники ордена уже близко, и Стен помчался дальше. «Падение вниз с отвесной скалы должно быть смертельным, — подумал Стен, — наверное, Сарган лежит с разmozженной головой где-то внизу, в тумане не видно. Проклятье, мы же почти выбрались».

Но у него не было времени скорбеть, крики магов солнца подгоняли, и он бежал, уходя от преследователей, так быстро, как только мог.

50

Для Флорес дни тянулись медленно и спокойно, хотя вокруг развернулась бурная деятельность. Гонцы развозили послания по всем направлениям и снова возвращались. Ионна принимала послов, собирала своих соратников. Происходили непрерывные совещания. Почти каждый день Деза принимала новые отряды воинов, но каждый раз это было небольшое количество легковооруженных влахаков. Очень мало кавалерии, очень мало запасов и очень мало оружия. Хотя Ионна, как и Висиния, непрерывно подбадривали людей и обращались к ним с речами, в городе и крепости воцарилось мрачное настроение. Да и отношения между двумя сестрами усложнились. Несмотря на то что они соблюдали вежливый тон в общении друг с другом, из разговоров с Висинией Флорес знала, что рыжеволосая больше не разговаривает с сестрой на личные темы.

Постепенно распространились слухи о новом оружии масридов, ветераны рассказывали истории о свирепости и жестокости отрядов Цорпада, и каждый день количество мрачных, серьезных лиц увеличивалось.

Дождь в конце концов закончился, хоть один плюс. Но ночью разразилась ужасная буря, которая, однако, затихла ранним утром. Флорес встретил ослепительный рассвет. Солнце светило сквозь облака, и наемница наконец вспомнила, почему она когда-то и вправду так любила Мардев. Юная влахака все реже возвращалась в мыслях к годам, проведенным на севере. Конечно, это могло быть следствием того, что для нее Мардев всегда был связан с мятежом и войнами. Но сам этот край — дикая, неукротенная земля — трогал Флорес до самой глубины души. И хотя жизнь здесь была гораздо суровее, чем в долинах Влахкиса, но эта местность, с широкими лугами и величественными Соркатами, вершины которых терялись в облаках, поражала первозданной красотой. Рядом с этим величием природы любые человеческие устремления казались маленькими и незначительными.

Сейчас, осенью, Мардев был прекрасен. На лугах все еще цвели поздние цветы, солнце прогоняло холод с гор, который скоро опустится и обоснуется здесь до весны, накрыв долины глубокими снегами.

Флорес была предоставлена самой себе и часто выезжала за городские стены, чтобы не видеть приготовлений к войне, не чувствовать ее приближения. Но все же ей не удалось полностью избежать напоминаний о ней, хотя бы в разговорах. Первые сообщения лазутчиков были удручающими. Цорпад начал открыто собирать войска под Теремией, и его армия множилась с каждым днем. Ядро основных ударных сил составляла тяжелая кавалерия. Но ее должна была поддерживать пехота, вооруженная широкими щитами и тяжелым оружием, большей частью секирами и булавами. По всей вероятности, это и было описанное Висинией снаряжение от гномов. Лазутчики возвращались потрясенными и подавленными, что еще сильнее подтачивало дух жителей Мардева.

Хотя Флорес и не участвовала в войнах, а лишь в небольших сражениях и стычках, она прекрасно понимала, перед какой дилеммой находится сейчас Ионна. Единственным преимуществом влахаков были лучники, которые превосходили масридов в точности и скорости стрельбы. Поэтому Ионна надеялась противопоставить тяжелым пехотинцам врага свои смертоносные отряды лучников. Но масриды располагали большим количеством всадников в прекрасных доспехах. Кавалерия представляла для лучников серьезную угрозу. Против атаки конных масридов линии влахакских пехотинцев вряд ли выстоят. К тому же не следовало упускать из виду сцарков, мастеров дальнего боя на конях, которые, благодаря своему ужасному «сцарскому удару» — выстрелу из лука назад на полном скаку, были превосходными воинами. Хотя Флорес знала, что все меньше сцарков, по сравнению с временами Тиреа и Аркаса, владеют таким приемом, но все равно сцарки представляли собой опасность, которую не стоило недооценивать.

Таким образом, у влахаков не оставалось других вариантов, кроме как укреплять свои защитные сооружения. Против крепких стен кавалерия была бессильна, а тяжелые пехотинцы не так опасны, как на открытом поле. Однако это означало покинуть окрестные земли, деревни и дворы и предоставить их на милость Цорпада и масридов. Никто в Дезе не сомневался в том, что Цорпад оставит за собой руины и уничтоженные поля. Поэтому Флорес радовалась любому мгновению, которое могла провести за пределами города. Она совершала вылазки ко всем тем местам, которые они разведывали в юности вместе со Стеном, Висинией и Натиоле. Вот и сегодня она устроила небольшой привал у маленького, поросшего мхом храма, наслаждаясь слабыми лучами осеннего солнца. Пока ее конь пощипывал траву, она улеглась в высокую траву, прислушиваясь к пению птиц и предаваясь размышлениям. Но как только ее конь забеспокоился и затанцевал на месте, она настороженно огляделась.

— Легкомысленно, — из-за скрюченной сосны прозвучал голос брата. — Совсем одна. И в такое беспокойное время!

— С таким нерасторопным парнем, как ты, я бы справилась, — возразила она, но потом все же не удержалась от смеха. — Даже конь занервничал.

— Боюсь, потому, что я все еще не избавился от вони троллей, хотя после нашего расставания уже несколько раз искупался, — ответил Стен и подошел к ней.

— Плохо выглядишь, — заметила Флорес: от Стеновой одежды остались одни лохмотья, и он был в грязи по самые уши.

Его худое лицо было бледным от усталости, под глазами залегли темные круги. Но глаза блестели, а на тонких губах светилась улыбка. Стен подошел к сестре и обнял ее за плечи.

— Добро пожаловать домой, братец, — прошептала Флорес и прижала его к себе, но затем отстранилась и простионала: — Ты воняешь!

— Я ничего не имею против ванны и чистой одежды, — признал Стен. — Жизнь свободного, но загнанного человека быстро теряет свои прелести.

— Как все прошло? — спросила Флорес, пытаясь поймать своего строптивого коня.

Они вместе пешком двинулись в сторону Дезы, Флорес предложила брату коня, но тот не позволил Стену на себя сесть, он вообще, судя по всему, не хотел, чтобы влахак находился рядом.

— Мы добрались до цели. Тролли убили людей Альбус Сунаса, и на какое-то время чудовища в безопасности. Друан и остальные вернулись в недра земли, — коротко сообщил Стен.

— А дириец? Куда он пошел?

— Он на темных путях, — сказал Стен и устало потер лоб. — Когда мы уже были снаружи, форбсы разбудили свою магию. Сарган сорвался в пропасть. А мне удалось уйти... С большим трудом...

— Жаль, — тихо сказала Флорес, и Стен посмотрел на нее.

— Я не приношу счастья своим спутникам. Кто связывается со мной — умирает, — горько сказал он и немного закашлялся. — Даже тролли! Цдам и Рох — оба мертвы.

— Это не твоя вина, — успокоила его Флорес.

Стен уныло повесил голову и вздохнул, потом снова посмотрел на нее.

— Как дела у Сухаи?

— Он тоже на темных тропах. Его рана воспалилась, и он умер от жара, — тихо сказала Флорес. — Ему ампутировали руку, но было уже слишком поздно, он сильно ослаб.

— Проклятье, — с горечью отреагировал Стен.

— Выше голову, Стен. Остальные добрались в Дезу живыми и невредимыми. Это было тяжелое путешествие, но мы справились. Ионна собирает войска.

— Как дела у Висинии? — с надеждой спросил Стен.

Флорес засмеялась.

— Довольно хорошо, особенно если учесть, что скоро ей придется выйти замуж. Она взвалила на себя много работы, встречается с вождями племен, беседует с послами, утихомиривает споры — ты ее знаешь.

Все еще улыбаясь, Флорес обернулась к брату и обнаружила, что тот замер на месте и ошарашенно смотрит на нее. Наемница озадаченно подняла брови и спросила:

— Все в порядке?

— Что ты сказала? — хриплым голосом переспросил Стен. — Висиния выходит замуж? Но за кого?

— За князя Валеодары. По-видимому, Ионна хочет заключить с ним династический союз и укрепить дом. Висинии это совсем не нравится, — объяснила Флорес и пристально посмотрела на Стена, который выглядел так, словно увидел Цорпада танцующим на столе в кабаке за деньги.

— Политический брак?

— Вроде да. Но еще ничего не решено; думаю, война имеет первостепенную важность.

Брат устало потер глаза, потом вздохнул и сдвинулся с места.

— Нам нужно спешить, Флорес.

Остаток пути они прошагали молча, каждый был погружен в свои мысли. Но даже вид Дезы, его второй родины, не вызвал улыбку Стена, и он вошел в город в мрачном настроении.

Стук в дверь остался без ответа, и Флорес принялась колотить кулаком, пока изнутри не донесся крик, который она истолковала как «да». Когда она вошла, Стен сильно ругался.

— Проклятье! Я же сказал: нет!

— А я поняла как «да», — улыбаясь, возразила влахака и с любопытством огляделась по сторонам.

Стен чаще бывал в Дезе, чем она, и в крепости он до сих пор жил в своих собственных комнатах. Из обстановки здесь практически ничего не было. Никаких украшений, сувениров — ничего, что могло бы что-то сказать посетителю о личности их владельца. В соседней комнате стоял большой деревянный чан, в котором Стен как раз отмокал. Разбрызгивая воду, он поднялся и захлопнул дверь.

— Приходи позже! — приглушенно прозвучало из-за двери.

— Нет! Я просто подожду, пока ты закончишь!

Стен снова выругался, но скоро дверь открылась, и он вошел в комнату, все еще наполовину мокрый и в одних штанах. Вытираясь грубым полотенцем, он сердито поглядывал на сестру. На его мускулистом теле виднелось много шрамов; на одном только правом боку она увидела два длинных тонких рубца, которые тянулись от груди к спине.

— Что тебе? — рявкнул он, а она упала на его кровать и обезоруживающе улыбнулась.

— Я спасла несколько бутылок от жадных воинов. Я думаю, что мы сегодня устроим совместный прощальный вечер.

— Сначала мне нужно увидеть Ионну, — объяснил Стен. — Кроме того, я чертовски устал.

— Что ты можешь такого сказать Ионне, что не подождет до завтра? И потом... устал... Стен, это самая плохая отговорка, которую ты когда-либо мог придумать!

— Но...

— Никаких но, — перебила она его, — Висиния присоединится к нам. И возможно, кое-кто еще.

— Висиния, — прошептал он, и его взгляд устремился вдаль.

— Да. Что между вами? — спросила Флорес, наемница уже довольно долго размышляла об этих двоих, после того как увидела реакцию брата на новость о предполагаемом замужестве Висинии.

— Ничего, — ответил Стен и отмахнулся рукой.

— Братик, для разыскиваемого мошенника ты очень плохой лгун!

Стен свирепо посмотрел на нее, потом вздохнул и опустил плечи.

— Я не знаю. Я надеялся... я думал...

— Да? — спросила Флорес, когда он умолк.

— Я хотел спросить ее, то есть Ионну, не будет ли... — промямлил он и смущенно почесал шею.

— Что? Ты и Висиния? — вырвалось у Флорес, которая, несмотря на догадки, была удивлена признанием. — Она знает об этом?

— Кто, Ионна?

— Нет, Висиния, ты, остопоп.

— Нет, еще нет. Я хотел сказать ей, но потом ей пришлось после осенней битвы отправиться в Теремию. А сейчас у нас не было возможности поговорить — были тролли, и Нати, и...

— Ты боишься! — удивленно поняла Флорес и засмеялась. — Ты дружишь с людоедами, нападаешь на Цорпада в его собственной крепости, но ты не решаешься признаться Висинии в своих чувствах!

— Нет! — возразил брат. — Это не так! Я просто не хотел еще больше взваливать на нее!

— Конечно, — с иронией подтвердила Флорес и подмигнула ему. — А что она? Думаешь ли ты...

— Я не знаю, — с сомнением ответил Стен, — мы не виделись почти год. Когда я был тяжело ранен после осенней битвы, она сидела у моего ложа. Я думал, что, возможно, она что-то чувствует по отношению ко мне.

Покачивая головой, он добавил:

— Но, наверное, это были мои фантазии, мне просто хотелось, чтобы это оказалось правдой. Она видит во мне друга юности, не более того!

— Стен, ты действительно большой остопоп! — заявила Флорес.

— Ты уже говорила, — отмахнулся Стен. — Может, назовешь причину?

— Да ты просто спроси ее. Что такого может произойти?

— Я не знаю, — угрюмо ответил Стен. — Ее пообещали другому. Что я теперь должен сказать ей? Зачем делать ей жизнь еще тяжелее? Но в одном ты права: сначала будет война. Кто знает, выживем ли мы вообще.

— Если она любит тебя, брат, то, как ты думаешь, когда она будет счастливее, если

будет знать о твоих чувствах или никогда о них не узнает? — мягко спросила Флорес.

Стен в отчаянии прислонился к стене и уставился в потолок.

— Не представляю. Давай просто выпьем, хорошо? Я слишком устал, чтобы думать об этом.

Пожав плечами, Флорес встала и потянулась. Стен натянул темную рубашу, повязал пояс, обулся и последовал за сестрой. Они направились в западное крыло, где находились гостевые комнаты и где ждало вино.

Смеясь, Флорес плеснула из глиняного кувшина еще немного терпкого белого вина в свой кубок. Брат все еще стоял посередине комнаты и рассказывал:

— ...он сказал мне: стой! Потом вытащил стрелу. О духи, вы даже не можете представить, как фонтанировала кровь! Я подумал, что той ночью из меня вытечет вся кровь и я умру!

— И как вы перевязали рану? — спросил Костин.

— Ну, через это место, — заявил Стен и схватился между ног, — потом сзади снова наверх и через бедро. Я еще не видел шрама, но мне говорят, что он очень украшает!

— Покажи! — крикнула Флорес и рассмеялась, когда брат покраснел.

Защищаясь, он поднял руки и ответил:

— Вам всем стоит поберечь свои нервы, а мне лучше оставить свои штаны на месте!

Смеясь, Флорес кивнула и бросила взгляд на Висинию, которая сидела на кровати и кашляла. Судя по всему, юная дворянка поперхнулась. Сейчас она смотрела на Стена, который тяжело упал на подушки рядом с Костином и схватился за бутылку с вином. Взгляд влахаки следил за движениями юного воина. «Что же ты чувствуешь к нему, Висиния? — задалась вопросом Флорес и задумчиво отпила глоток вина. — Отвечаешь ли ты на его чувства?»

— Еще одну историю, — попросил Костин. — Расскажите нам больше про Нати Таргузи!

— Ну хорошо, — ответила Флорес уже слегка тяжелым языком и с трудом поднялась. — История про Нати!

Под звуки аплодисментов она неуклюже поклонилась и начала рассказывать:

— Однажды двое детей пришли в Дезу, одни, затравленные и испуганные. Все было чужое, и плохие люди отобрали у них семью и родину!

Смех влахаков умолк, и они принялись слушать. Глотнув вина, Флорес продолжила:

— Эти дети потеряли все, и они опасались всех незнакомых на чужбине. Им дали комнату и еду и успокоили, но ночью они обнялись и плакали — оплакивали все, что потеряли. Утром один человек пришел к ним, он рассказывал разные истории, и он смеялся, слушал детей. Так он завоевал их сердца и смог утешить их. Это был Натиоле, настоящий друг. Тот, кто поддержит в беде. Друг!

Когда она села, воцарилось молчание, молчали почти две дюжины влахаков, которые пришли попрощаться с Натиоле. Некоторые из них уже рассказали смешные и печальные, героические и нелепые — разные истории, чтобы вспомнить... Это был старый влахакский обычай, которому они следовали и которым почтили память Натиоле. Пережитое с ним никогда не забудется, и его всегда будут помнить.

— За Натиоле! — крикнул Стен.

Все подняли кубки и ответили ему:

— За Натиоле!

— Пусть он смотрит на нас со своих темных троп и наша борьба закончится успехом!

Все присоединились к тосту, Флорес промолчала, потихоньку попивая вино. «Мне жаль, Нати, но это все еще не моя борьба».

— За Нати! — снова раздался крик, и на этот раз Флорес присоединилась к остальным.

Потом Стен, слегка пошатываясь, перешел к ней и сел рядом.

— У тебя талант к речам, которого у меня нет, — прошептал он ей на ухо. — Он был

хорошим другом.

С вымученной улыбкой он поднял деревянный кубок, и Флорес стукнула по его кубку своим... Они отпили немного вина.

— Ты помнишь, как Нати называл это пойло? — смеясь спросила она.

Стен усмехнулся:

— Кошачьей мочой. Потому что оно такое же на вкус, а утром похмелье!

— Точно! — весело засмеялась она, вспомнив их последнюю попойку с Натиоле в Теремии. — Ему нравилось сладкое вино с юга.

— Это не мешало ему пить все, до чего он мог дотянуться, — заметил Стен. — Однажды мы перехватили грузовую баржу, которая пришла с востока, наверное из Турдуя. Там были четыре большие пузатые бочки, полные крепкого вина из Керсакии.

— Керсакии? — наморщив лоб, спросила Флорес. — Это не в Дирии?

— Точно! Мы проделали дыры в бочках. Они, кстати, предназначались для Цорпада, — рассказывал Стен дальше и захихикал. — Но перед этим мы наполнили свои мешки этим вином. А потом приехали всадники, и нам нужно было спрятаться в лесу. У нас не было ничего, кроме этого вина. Позор, нас тогда чуть не поймали, так как мы слишком рано напились.

— Но вы ушли, — заметила Флорес, вино уже ударило ей в голову, и мысли стали тяжелыми, как и язык.

— Да. Нати сбил одного стрелой с коня, и потом они отстали. После этого он называл вино прицельной жидкостью и говорил, что с вином из империи выстрел всегда более точный.

Они вместе посмеялись над шутками старого друга. Стен тоже много выпил. Вскоре он потребовал музыки, и потом, под грохот трехструнной фидели и ведра, служившего барабаном, они стали напевать старые мелодии. Они спели о горах и долинах их родины, о дремучих лесах и бурлящих водах, о заколдованных прудах и магических пещерах. Висиния исполнила балладу о Раду Святом и его борьбе за единство влахаков, которая тронула даже Флорес. Потом последовала пара грубых застольных песенок, которые наверняка понравились бы Натиоле и под которые некоторые стали танцевать, припрыгивая, по кругу. Даже Флорес почувствовала подергивание в ногах, Но она была еще достаточно трезвой и воздержалась от танцев. Но не Стен, который вместе с Костином пустился в дикий пляс. Под конец оба влахака, смеясь, завалились возле стола, опрокинув две глиняные кружки, наполовину наполненные вином. К этому моменту большинство были уже настолько пьяны, что едва ли могли следить за происходящим, и только Висиния, которая выпила меньше остальных, смеялась при виде Стена и Костина, которые пытались понять, где чьи конечности, и подняться на ноги. Спотыкаясь, поднялась Флорес и выкрикнула тост:

— За Нати!

— За Нати, Флорес, и за его друзей!

— Да. Он точно был бы горд, увидев, как Стен танцует, — пошутила Висиния.

— Непременно, — смеясь, подтвердила Флорес. — Это особенное зрелище. Он такой опытный воин, и я спрашиваю себя, почему он так плохо танцует.

— Отсутствие практики. И пара кубков вина...

— Вообще-то он умеет танцевать, нас учили в детстве. Но в его состоянии ему лучше сидеть.

— Я никогда не видела, чтобы он танцевал, — тихо сказала Висиния. — Видела только, как он срывается.

— Такова его жизнь, — заявила Флорес. — У него никогда не остается времени.

— Для чего?

— Для жизни, Висиния. С тех пор как он научился держать оружие, он носит по Влахкису и машет мечом. За твою сестру, за влахаков, за свободу, за черт его знает что.

— Твои слова звучат горько, — тихо сказала Висиния и посмотрела на Флорес, которая в этот момент выпила большой глоток вина, но затем отставила кубок с отвращением.

— Эта штука ужасна на вкус, — констатировала наемница и посмотрела на Стена, который вместе с Костиным смеялся над какой-то шуткой, которую она пропустила.

— Когда ты уходишь? — неожиданно заинтересовалась Висиния.

Флорес быстро собралась с мыслями и ответила:

— Завтра. Меня здесь больше ничего не держит. Или война придет сюда, или вы двинетесь ей навстречу.

— Скорее всего, мы попытаемся отсидеться за стенами и пережить атаку.

— Это ему не понравится, — пошутила Флорес, кивнув в сторону брата.

— Наверное, нет. Но это единственно возможный способ. Куда отправишься?

— Не знаю. На восток. Или вообще прочь отсюда. Прочь из страны, в которой каждая пядь земли пропитана кровью.

— Ты хочешь покинуть родину? Друзей, семью? — ошеломленно спросила Висиния.

— А кто из присутствующих здесь выживет в ваших битвах? — горько спросила Флорес. — Каждый второй? Каждый третий? Стен? Костин? Ты? И что мне делать? Ждать и хоронить мертвых?

— Борись с нами, — почти с мольбой ответила Висиния. — Нам нужны такие, как ты.

— И как Нати? — холодно спросила Флорес.

— Он боролся за свои убеждения.

— Да, так оно и было. Благодарен ли ему народ? Сколько влахаков будет бороться против Цорпада? Сколько спрячется и будет выжидать? Кто выйдет победителем?

— Люди боятся, Флорес.

— Оставь меня в покое, Висиния. Я приняла решение. Я похоронила Нати. Меня не будет здесь, когда кто-то будет рыть могилы для вас.

— Ты боишься, — подытожила Висиния и удивленно посмотрела на Флорес. — Ты боишься потерять друзей. Поэтому ты покидаешь их, чтобы не видеть их смерть. Чтобы боль...

— Я сказала, оставь меня! — яростно крикнула Флорес и, покачиваясь, встала. — Что ты знаешь? Мои родители...

Не в состоянии продолжать, она отвернулась и вышла из комнаты. «Здесь чертовски душно», — подумала она, вытирая со лба пот. В поисках свежего воздуха она побежала по коридорам мимо стен, которые были увешаны дорогими гобеленами, и наконец отыскала дверь, которая вела во внутренний двор. Там она смогла глубоко вздохнуть. «Она не понимает меня, — подумала Флорес, — и никогда не понимала».

Ночи стали холоднее, тонкая одежда не защищала Флорес. Над ней в ясном небе сверкали тысячи звезд, и большая, яркая луна освещала маленький сад с несколькими деревьями и кустами. До нее доносились пьяные песни прощального вечера, но в остальном крепость в Дезе была погружена в тишину. Уже давно перевалило за полночь. Во время пения, пьянства и разговоров Флорес утратила чувство времени. Но желание пить и есть уже прошло, и она пожалела о том, что предоставила свою комнату для праздника. «Ничего, я найду где-нибудь себе кровать, — подумала она и обхватила себя руками. — А завтра я встану на рассвете, и все останется в прошлом».

— Там стало слишком жарко, — неожиданно прозвучал голос Стена, и она обернулась.

Ее брат выглядел помятым, на худое лицо упало несколько прядей, а на рубашке виднелись пятна от вина, но в целом он казался значительно трезвее, чем был в помещении.

— Да, — коротко ответила Флорес и опустила взгляд.

— Ты вернешься? — спросил он и положил руку ей на плечо.

— Думаю, нет. Я устала, и мне больше не нравится вкус вина и крови, — объяснила Флорес брату-близнецу.

— Будешь прощаться? — неожиданно спросил Стен и пристально посмотрел на нее.

— Что? Конечно, я хотела попрощаться, — солгала Флорес и вывернулась из объятий брата. — Я уезжаю завтра.

— Понимаю. Куда?

— Не знаю... Из Мардева... Наверное, на восток, на север не тянет. А что ты будешь делать?

— Как это что? — удивленно переспросил Стен. — Останусь здесь и буду сражаться.

— Я имею в виду Висинию, — уточнила Флорес.

Стен вздрогнул.

— Я не могу что-то... делать, — помедлив, ответил он.

— Ерунда. Поговори с ней.

— Ну хорошо, — сказал он. — Поговорю. Мы увидимся завтра?

— Я выезжаю рано, — ответила Флорес, на этот раз правду. — Возможно, будет даже лучше, если мы попрощаемся сейчас.

Стен молча заглянул в ее глаза, и Флорес смогла увидеть в них бездонную печаль. Но она улыбнулась и сказала:

— Удачного пути тебе, Стен.

— И тебе удачного пути, Флорес, — ответил Стен хрипло. Казалось, он хотел еще что-то добавить, но потом резко развернулся и твердым шагом двинулся назад, в крепость.

Флорес осталась одна под огромным звездным небом, дрожа от холода, и подумала: «Удачного пути тебе, Стен. Будь осторожен». Затем пошла следом за братом и поняла, что уже очень скоро их жизненные дороги разойдутся и, возможно, больше никогда не пересекутся.

51

— Как такое могло произойти? — гремел Хродгард, сын Хальдигиса, в неукротимом гневе. — Это непостижимо!

Гномы-воины, стоявшие перед ним на коленях, с невозмутимыми лицами молчали, позволяя верховному полководцу обрушиваться на них с гневными тирадами. Ни один из них не остался невредим, а военачальнику Анспранду с трудом удавалось стоять прямо. У ног воина медленно натекала темная лужа крови, что Хродгард с удовольствием отметил. «Он сражался в первых рядах, чтобы отместить любые подозрения в трусости. Он повел воинов в бой, как и подобает военачальнику».

— Докладывай, Анспранд, — потребовал он от подчиненного, который, кривясь от боли, сообщил следующее:

— Мы были в патруле в нижних шахтах. Наши лазутчики сообщили о следах троллей. Мы были внимательны и готовы к битве.

Неопределенным бурчанием Хродгард дал понять, что его это обрадовало. По всей вероятности, Анспранду было трудно говорить, но он продолжил:

— Действительно, мы встретили троллей, где-то на северо-запад от наших лесов. Я сразу же послал гонцов за подкреплением, и мы напали на врага, не давая ему уйти.

— Очень хорошо, очень хорошо, — ответил полководец. — Сколько выродков там было?

— Сначала не было и дюжины, господин. Мы оттеснили их назад и убили одного, но потом появилось очень много троллей, и мы вынуждены были отступить. Их было несколько дюжин. Они преследовали нас, и мы понесли потери. Когда стало очевидно, что подкрепление не прибудет вовремя, я собрал отряд добровольцев, которые преградили путь троллям. Остальных собрал, и мы вернулись сюда.

— Добровольцев? — опасно тихо спросил Хродгард.

— Да, господин. Семнадцать, хорошее число. Они выиграли время, которое было нужно, чтобы доставить вам сообщение.

— И ты сбежал вместе с остальными?

— Сбежал? Нет, господин, я... — в отчаянии начал было Анспранд.

Но Хродгард перебил его:

— Никаких отговорок, военачальник! Ты сбежал с поля боя!

— Да, господин, — ответил Анспранд и повесил голову.

Тем самым он перед своими воинами и многими свидетелями признал, что подвел своих солдат. «Его мечты о моей должности погибли вместе с семнадцатью героями, которых он оставил, чтобы спасти собственную шкуру. Какой настоящий гном последует за командиром, который не готов отдать свою жизнь за соратников? Он должен был умереть, но для этого он слишком честолюбив!»

— Это все, военачальник. Можешь идти лечить свои раны и заботиться о солдатах, — великодушно приказал Хродгард и повернулся к лазутчикам, которые молча следили за разговором. — Что вы знаете об этих троллях?

— Господин, они шли на северо-восток, сначала в глубоких шахтах, потом ближе к поверхности. Наши соратники преследуют их, но пройдет время, пока мы снова получим сообщения.

— Очень хорошо. Сообщайте мне сразу же, как только появятся новости, — приказал полководец, — неважно, когда и где.

Когда оба с поклоном удалились, Хродгард попытался сложить картину о планах троллей. «На северо-западе пещер гномов нет, но там редко встречается вода. Если они долго не смогут найти новых источников, то не выживут. Что они там ищут? Да еще в таком количестве!»

Прежде чем он пришел к какому-либо выводу, без доклада вошел Реккард и коротко сказал:

— Король под горой желает вашего присутствия, полководец.

— В чем дело? — резко спросил Хродгард, но затем добавил более миролюбивым тоном. — Произошла стычка с троллями. Это тоже требует моего внимания.

— Есть происшествия и на поверхности. Очевидно, нужно избрать новую тактику, для чего потребуются войска.

— Новую тактику?

— То, как все выглядит... — начал объяснять Реккард, — мы должны будем помочь нашим союзникам на поверхности. Там тоже объявились тролли!

Не в состоянии ответить на такую невероятную новость, полководец лишь кивнул и двинулся за посланником. «Тролли на поверхности? Происшествия? Это не случайно! — пронеслось у него в голове. — У этих монстров есть план, и они хотят уничтожить нас! Мы со всех сторон окружены врагами!»

Но потом он немного успокоился, и к нему вернулась убежденность. «Я перечеркну их планы и вывешу их черепа на каждом дереве на поверхности в качестве предупреждения!»

52

Как Стен ни старался, ему не удавалось проследить за бесконечным докладом Истрана Оханеску о снабжении влахаков в Дезе и вообще в Мардеве. Хотя ему обязательно нужно было узнать, какие приготовления уже предприняты, но головная боль мешала сконцентрироваться, а тошнота сильно усложняла жизнь.

Он снова и снова смотрел на Висинию, которая, хоть и была немного бледна и маленькими глоточками пила воду, в то время как остальные участники военного совета пили разбавленное вино, в остальном выглядела свежей и отдохнувшей. «Это несправедливо, — с завистью подумал Стен. — Вчера она выпила столько же, сколько все остальные. Разве она не пела вместе с нами и не танцевала?» Но он не знал ответа на последний вопрос, так как завершающая часть вечера расплывалась перед его внутренним взором, и на каком-то моменте его воспоминания о вчерашнем вечере просто резко обрывались. Память включилась только сегодня утром, с криком, призывающим явиться на совет. Быстрый взгляд в комнаты Флорес подтвердил опасения: его сестра выехала рано, она уже покинула Дезу. Когда он направлялся на совет, у него не было достаточно времени, чтобы привести себя в порядок. Стен, конечно, знал, что даже приблизительно не выглядит

столь же достойно, как, например, Висиния. На влахаке была измятая и не очень чистая одежда, он зарос щетиной и лишь наспех умылся, а по его лицу можно было сразу понять, что у него жестокое похмелье. Ионна вежливо и даже дружелюбно поприветствовала его и поблагодарила за помощь и участие, но лица других присутствующих давали понять, что вид у него был неподобающий.

В военный совет входили высочайшие особы. Многие могущественные вольные влахаки последовали за призывом Ионны и прибыли в Дезу. Это были мужчины и женщины, у которых было много воинов и которые присягнули на верность Львице. Среди них были дворяне из таких семей, чьи линии можно было проследить до тех самых предков, которых еще сам Раду Святой призвал к себе. Ионна и Висиния тоже обладали длинным и славным генеалогическим древом. Стен рассматривал лица собравшихся дворян, от Ионны с Висинией и Истрана до Эрегиу Аманаса, воеводы из Цальсани, который потерял дочь Михалету при освобождении заложников из лап Цорпада. Седовласый воевода сидел, сжав губы, и слушал речь Истрана с невозмутимым лицом. Еще одно мгновение Стен смотрел на этого мужчину преклонных лет, затем попытался сесть поудобнее и снова прислушался к словам Истрана, а тот в этот момент говорил следующее:

— ...я думаю, что в данных обстоятельствах мы сможем выдержать осаду до следующей весны.

— Осаду? — вырвалось у Стена, и все присутствующие посмотрели на него.

— Осаду, — подтвердил Истран и с улыбкой кивнул Стену.

— Таков план? — ошеломленно спросил Стен и поискал взгляд Ионны.

Ее серые глаза были абсолютно спокойны, когда она ответила ему:

— Таков план, Стен сал Дабран. Мы позволим Цорпаду подойти, заставим его растянуть армию линии снабжения и перезимуем под защитой крепких стен.

— Мы должны прятаться?

— Что ты предлагаешь, Стен? — вмешался Неагас и пристально посмотрел на него.

— Мы выступим против Цорпада во время его продвижения на Мардев в удобном для нас месте, — заявил Стен.

Истран покачал головой и отмахнулся.

— Отряды Цорпада собираются в Теремии. Его войско намного превосходит наше. К тому же сражение в открытом поле против масридов с их кавалерии безрассудно. Надо дать ему добраться до крепости, говорю я! Пусть Цорпад попробует ее на зуб! При помощи маленьких отрядов мы будем препятствовать их снабжению, отбивая у солдат охоту прислушиваться к нашим веселым песням в холодную зиму!

— Цорпад не станет просто осаждать наши замки, — возразил Стен, из-за головной боли он говорил резче, чем ему хотелось. — Он будет опустошать земли, сжигать деревни, опустошать поля. Насколько хватит припасов, говорите вы, благородный Истран?

— До самой весны. Весной мы сможем снова возделывать поля и...

— В то время как Цорпад будет держать в осаде наши крепости? — перебил его Стен. — Кто же будет их возделывать? Наши солдаты, которые будут отражать атаки?

— Время будет тяжелое, Стен, — угрюмо ответил Неагас. — Но враги Цорпада тоже не будут бездействовать. Если они узнают, что он бросил все силы против нас, то, по-видимому, нанесут удар, так как они точно знают, что будут следующей целью марчега, как только он уничтожит мятеж.

— Так что, мы должны положиться на то, что к нам на помощь поспешат масриды? — презрительно спросил Стен и покачал головой. — Хотелось бы верить. Мы получили от кого-нибудь согласие?

Никто не ответил, и Стен продолжил:

— Откуда мы знаем, что они уже не договорились с Цорпадом, вместо того чтобы противостоять ему?

— Они претендуют на трон точно так же, как и он, — ответила Висиния, не поднимая на него глаз. — Они еще не отказались от этой мечты.

— Насколько это точные сведения? — спросил Стен. — Настолько, чтобы рискнуть жизнью нашего народа? Сделать его заложником наших предположений?

— Жизнь нашего народа, только, пожалуйста, Стен, это же... — возмутился Истран, но юный воин мрачно посмотрел на него, заставив умолкнуть.

— Жизнь нашего народа. Если нам не удастся вынудить Цорпада убраться из Мардева до весны, будь-то с помощью масридских союзников или нет, тогда он выморит нас голодом. Весной не будет посева, если Цорпад все еще будет держать здесь свои отряды, и не будет урожая. Придут голод и смерть. А когда закончатся запасы, мы будем вынуждены сдаться или смотреть, как умирают влахаки, за которых мы боролись, — мрачно предсказал Стен и посмотрел на присутствующих с вызовом.

— Мы помешаем осаде Цорпада атаками на его линии снабжения, а здесь он не сможет кормить свою армию зимой, — констатировал Неагас.

— Вы не считаете, что марчег, планируя военный поход, учел и такой вариант? Возможно, кто-то будет снабжать его войско, и гораздо лучше, чем мы себе представляем, — сказал Стен. — За его спиной целый Садат, и его подданные не будут прятаться за стенами. Насколько тяжелыми должны быть наши атаки на его линии снабжения, чтобы принудить его отступить?

— Самое позднее весной, когда оба других марчегата нападут на Цорпада, ему придется отступить! — прошипел Истран.

Стен снова покачал головой:

— Я повторю, мы не можем полагаться на масридов, чтобы защититься от масридов!

— Но у нас нет другого выбора!

— Почему же? Есть! Подумайте: Цорпад знает наши сильные и слабые стороны так же хорошо, как и мы его. Он знает, что осада Мардева будет долгой и трудной. У него наверняка есть план, как ускорить войну. Мы сыграем ему только на руку, если будем вести себя так, как он ожидает! Вспомните Барсаи! В той крепости защитники тоже чувствовали себя в безопасности!

— Это было предательство, — с презрением отверг доводы Истран. — Здесь такого наверняка не произойдет.

— Я слышал другое. Вся конструкция ворот... — начал было Стен, но Истран перебил:

— Предательство в своих же рядах. Остальное — слухи.

— Цорпад знает наши крепости, у него, очевидно, есть план штурма!

— И твое предложение?... — Неагас оставил предложение незаконченным.

Стен потер рукой пульсирующие виски и ответил:

— Мы выступим против Цорпада и проведем решающую битву. Или мы победим марчегата и тем самым завершим войну до того, как она начнется, или проиграем, — он сделал паузу, осмотрев всех присутствующих. — Если мы выигрываем, тогда Мардев в безопасности, так как демонстрация слабости армии масридов заставит Цорпада отступить и защищать свое, — продолжил он. — Если проиграем, тогда наше сопротивление закончится, но, по крайней мере, влахаки не вымрут с голоду.

— Если мы будем побеждены, Цорпад устроит кровавую бойню в Мардеве, — вмешался Истран. — Он нападет на страну, как зраикас на жертву.

— Нет, он воспользуется этим победным прорывом, чтобы завоевать трон. А это он сможет только в том случае, если покорит двух других претендентов. А после этого Мардев будет не более чем провинцией его империи, которая дает власть и ресурсы. Перспективы избежать его гнева выглядят лучше, чем если мы пригласим его до самой двери своего дома.

В поисках поддержки Стен огляделся, но на многих лицах увидел сомнения. Ионна откинулась, прислушиваясь к предложениям. Она по привычке потирала нижнюю губу, на лбу обозначились складки.

— Возможно, Стен сал Дабран прав, — задумчиво прошепелявил Эрегиу сал Цальсани, который плохо говорил после давнего удара в лицо. — Мне тоже не дает покоя тот факт, чтобы мы должны спрятаться от этой сволочи, словно собака, которая боится ударов!

— Битва в открытом поле будет безумием! — горячился Истран. — Масриды превосходят нас численностью. Вы же сами видели, какое преимущество им дает новое оружие и доспехи, Стен, или вы хотите противоречить описанию госпожи Висинии?

— Ни в коей мере, — возразил Стен и улыбнулся Висинии. — И я не считаю, что победа дастся легко. Но Цорпад не рассчитывает на ответный удар. Если мы хоть раз разбили его, то мы сможем сделать это снова!

— Возможно, — пробормотал Неагас и продолжил чуть громче: — Но Истран прав. В битве на открытой местности все преимущества на стороне марчега.

Загибая пальцы, ветеран стал перечислять их по пунктам:

— Его войско больше нашего и имеет лучшее снаряжение. Это касается даже простых солдат, я уже молчу о новом оружии от кузнецов маленького народца. Его кавалерия во много раз превосходит нашу и — как мне ни больно говорить это — гораздо сокрушительнее. У нас нет воинов, которые смогут выдержать атаку лейб-гвардии Цорпада.

«Тролли смогли бы, — с тоской подумал Стен. — Я сам видел, как Друан сорвал всадника с коня!»

— Тогда мы должны принудить Цорпада бороться там, где его преимущества не будут такими подавляющими. Я полагаюсь на то, что Львица из Дезы сможет во второй раз ловким маневром победить Цорпада Диммину!

Он, улыбаясь, посмотрел на Ионну, которая все еще задумчиво рассматривала его. Властительница вольных влахаков помолчала несколько мгновений, потом встала и сказала:

— Вы все хорошо говорили и подробно изложили свои позиции. Каждый из этих вариантов имеет свои преимущества. Но я остаюсь при своем решении: мы укрепим замок и переживем нападение здесь. Одновременно мы пошлем гонцов во дворы Ласцлара Сциласа и Гиулы Бекезара и тем самым побудим их выступить против Цорпада, так как уверены в их побуждениях. За это предложение я благодарна тебе, Стен сал Дабран. Я благодарна вам всем за ваше время и внимание.

С этими словами она развернулась и вышла из совещательной комнаты, прямо за ней направилась Висиния, в то время как Стен, словно оглушенный, остался сидеть с другими предводителями. «Это ошибка, — пронеслось у него в голове, и он впервые в жизни засомневался в правильности решения Ионны. — Цорпад знает Мардев, он знает, что ожидает его, и он не глупец. Он хорошо подготовлен и будет суров и беспощаден!»

— Спасибо вам за вашу попытку спасти мою дочь, — оторвал его от мыслей Эрегиу.

Старший воевода подошел к Стену и смотрел на него своими темными, печальными глазами.

— Дама Висиния рассказала мне о вашей героической смелости и об ужасном, коварном убийстве моего ребенка этим Цорпадом. Моя бедная, маленькая Миха... — прошамкал дворянин.

Казалось, что он заплачет, но старик собрался с духом и посмотрел Стену прямо в глаза.

— Вы правы, мы не должны отсиживаться в норе. Надо заколоть Цорпада, словно дикое животное, так как он таковым и является!

— Да, наверное, — помедлив, ответил Стен. — Но госпожа Ионна решила иначе. А значит, мы должны всеми силами поддержать ее.

— Это правда, — подтвердил Эрегиу. — Я старый человек, и мне мало что терять. Мой единственный ребенок мертв, и мною движет желание мести. Ионна пытается защитить наш народ.

— Да, — ответил Стен и сам удивился тому, что защищает Львицу из Дезы, которая только что отвергла его предложение.

Прежде чем он смог обдумать это, открылась дверь, и Висиния махнула рукой Стену.

— Ты можешь зайти, Стен? Моя сестра хотела бы поговорить.

Попрощавшись кивком с Эрегиу, юный влахак последовал за Висинией. Он озадаченно изучал профиль юной влахаки, которая с бесстрастным лицом шла на шаг впереди. «Она

выглядит несчастной, — понял Стен. — Что тебя гложет, Висиния, и как я могу помочь тебе?»

Они вместе добрались до небольшого кабинета. Ионна сидела за письменным столом и изучала документ. Когда Стен с Висинией вошли, Ионна подняла глаза и дружелюбно улыбнулась.

— Стен! Как хорошо снова увидеть тебя! У меня еще совсем не было времени лично поблагодарить тебя за то, что ты рисковал своей жизнью ради Висинии и других заложников. Без тебя мы бы еще, возможно, пребывали в ложном спокойствии и ничего не смогли бы противопоставить Цорпаду.

— Я делал только то, что считал правильным, — объяснил Стен. — К тому же мне везло. В последнее время мои пути так чертовски запутались. Простите мои слова.

— Нет, нет, ничего страшного, — рассмеялась Ионна. — Эта история с троллями действительно странная и звучит скорее как рассказ у вечернего костра, чем как реальное происшествие.

Стен смущенно пожал плечами. Ему не хотелось сообщать другим о своих приключениях с кровожадными троллями.

— По твоему мнению, мы должны выступить против Цорпада в открытой битве? Я могу понять твои основания. Но понимаешь ли ты мои? — спросила Ионна.

— Да, госпожа. Вы хотите пощадить влахаков, надеясь, что на следующий год наступят изменения, которые перечеркнут планы Цорпада относительно нас. Это было бы хорошим решением, если бы это соответствовало имеющимся обстоятельствам.

— Но ты в это не веришь?

— Я не знаю, — признался Стен. — Но одно я знаю абсолютно точно: Цорпад — тертый калач. Он долго планировал это нападение и знает, что зимой на вражеской территории ему придется несладко. Поэтому я исхожу из того, что он видит возможности победить нас.

— Это уже моя забота. Только я не могу действовать на основании предположений. Мне нужна конкретная причина, чтобы покинуть надежные стены. Крепость дает людям надежду, Стен. Они боятся Цорпада и его войска и надеются на мощь наших укреплений. Если нам придется их покинуть, это будет страшным ударом по моральному духу.

— Для меня было бы хуже быть запертым, — с улыбкой признался Стен. — Вы говорите, вам нужно больше знаний о планах Цорпада?

— И о его войске. Я выслала лазутчиков, но... Нам нужны сведения!

— Я должен отправиться в Теремию? — высказал догадку Стен, и Ионна кивнула.

— Возьми пятерых, которым доверяешь. Скачи быстро и разведай положение нашего врага. Возможно, это изменит наши планы...

— Конечно, госпожа, — ответил Стен и усмехнулся. — Как я уже сказал, мне лучше под открытым небом, чем здесь, взаперти!

— Хорошо. Спасибо, Стен. Ты окажешь мне большую услугу, как всегда. Удачного пути.

— Спасибо госпожа, и вам всего доброго, — попрощался юный влахак и бросил взгляд на Висинию, которая задумчиво смотрела на него.

«Мы снова разлучаемся, — мрачно подумал Стен. — Война отнимает у нас все: время, друзей, жизнь, любовь!»

Влахак тихо постучал в дверь и прислушался. После короткого ожидания он услышал: «Войдите» — и зашел в комнаты Висинии. Обстановка здесь была такой же, какой он ее помнил. Простая, но красивая деревянная мебель: широкая кровать, тяжелый стол, на котором лежало несколько личных вещей, толстый теплый гобелен. Висиния стояла у окна и смотрела на долину Дезы. Из-за открытой двери возник небольшой сквозняк, и ее рыжие волосы слегка затрепетали у лица, когда она обернулась. Красота девушки, когда она посмотрела на него и улыбнулась, заставила его сердце чуть не выпрыгивать из груди.

— Стен, как хорошо что ты пришел. Ты попрощаться?
— Да, — хрипло ответил он и откашлялся. — Мы отправляемся уже сегодня.
— У тебя достаточно людей? — спросила она, и он рассмеялся.
— Более чем достаточно. Можно подумать, что я хочу совершить прогулку, а не провести разведку во вражеском лагере!
— Люди доверяют тебе, — констатировала Висиния. — Ты вселяешь смелость, и они следуют за тобой даже к темным пещерам.
Стен смущенно пожал плечами. Его взгляд пробежал по ее темно-зеленому платью, и сердце забилося часто-часто, но он снова вспомнил, зачем пришел. «Она выйдет замуж за другого, — подумал влахак. — Скорее всего, она ничего не чувствует ко мне».
— Я хотел также поздравить тебя с будущей свадьбой. Флорес рассказала мне об этом. На мгновение влахака, казалось, лишилась дара речи, потом она прищурилась.
— Это идея Ионны.
— Разумно, — заявил Стен, но в душе все кричало от печали. — Лучшая возможность для продолжительного союза с востоком.
— Союза! — фыркнула Висиния. — Ты считаешь, это хорошо?
— Да, конечно, — в отчаянии соврал Стен. — Нам нужен любой союзник в борьбе.
— В борьбе, — эхом повторила влахака. — Само собой разумеется, борьба — прежде всего.

— Да, — твердо ответил Стен. — Так и есть.
— А как же я? Мои желания? — спросила Висиния, но, прежде чем ошеломленный Стен смог ответить, она отвернулась, снова уставилась в окно и холодно сказала: — Как глупо с моей стороны, ведь мои желания на порядок ниже благоденствия Влахкиса. Было замечательно еще раз увидеть вас, Стен сал Дабран. Удачного пути.

Не в состоянии ответить что-либо, Стен уставился ей в спину. Когда он так и не нашелся, она повернулась к нему:

— У вас есть что-то еще, господин Стен?

Гнев переполнял юную влахаку, гнев и печаль. А он стиснул зубы и выдавил:

— Нет, ничего. Спасибо за приветливые слова, благородная Висиния. Всего хорошего!

Затем резко развернулся и выскочил. Во дворе замка его уже ждали остальные. Он быстро шел по коридорам крепости и думал: «Так будет лучше. Я отправлюсь на войну, она выйдет замуж за другого. Но если это лучшее для нас двоих, то почему мое сердце словно умерло?»

53

Боль стала его постоянными спутником и постоянно являла его, когда он не спал и не грезил. Он привык к постоянной боли, принял ее как часть своего существа и почти приветствовал ее глухой гул в своем теле, который убеждал его в том, что он еще жив.

Он воспринимал мир вокруг себя словно через много слоев плотной ткани, приглушенно, отдаленно, как будто этот мир не имел никакого отношения к нему и его судьбе. Только он и его боль казались ему значимыми. Иногда он спрашивал себя, кто он, как его зовут, но вопросы каждый раз бледнели и исчезали в его снах.

Без чувства времени он витал в полузабытьи, без перехода соскальзывая в запутанные сновидения, в которых огромные чудовища ели людей и проливались потоки крови. Даже когда он просыпался и открывал глаза, мир оставался темным и черным. «Я слеп?» — сонно спрашивал он себя, но даже возможная потеря зрения не могла пробудить в нем чувства.

Иногда он ощущал вокруг себя присутствие других существ, воспринимал их голоса, но не мог понять смысла их слов. В него вливали что-то холодное, горькое, иногда теплое, пряное, он равнодушно проглатывал все. Его мир часто дрожал, какой-то грохот доносился до его ушей, и он чувствовал прохладный воздух на своем лице или нежные, согревающие пальчики. Потом какая-то часть его разума отзывалась: «Ты не в помещении, это ветер и

солнце». Эта мысль не взволновала его, и уже скоро он снова грезил темнотой. Он плыл в темном бесцветном море равнодушия, глубоко под поверхностью, далеко от всего.

Но со временем его разум начал подниматься, приближаться к свету, и боль резко вонзилась в его сознание, а из горла вырвался стон. Он поднимался все выше и выше, и к нему вернулись воспоминания. «Сарган, мое имя Сарган», — внезапно вспыхнуло в его сознании, потом его вынесло на поверхность, и свет залил его — яркий, сияющий, причиняющий боль. Он слабо попытался прикрыть глаза руками, но руки не слушались. В отчаянии он склонил голову на бок и застонал. Словно в ответ, ему на глаза положили полоску легкой ткани, которая приглушила свет.

— Спокойно, мой друг. Ты долго спал. — В его ушах раздался низкий, приятный женский голос.

Сарган в замешательстве пытался понять, что же с ним происходит и где он сейчас. Но его последние воспоминания кружили вокруг троллей и мятежника, внезапного, жестоко яркого света и последовавшей темноты. Он хотел задать вопросы, но его горло и рот совсем пересохли. С большим напряжением ему удалось выдать: «Воды!»

По его губам побежала прохладная жидкость, заливая горло. Он стал жадно пить, но в спешке поперхнулся. Кашель разжег огненные волны боли в его теле, а грудь скорчилась в судорогах, и он уже испугался, что захлебнулся.

Сильная рука подняла его голову и грудь и держала, пока кашель не прошел. Потом его мягко положили на ложе. Тяжело дыша, Сарган лежал на спине и мигал. Перед ним проступали предметы. Там, где он перед этим видел лишь яркий свет, теперь двигались тени и темные пятна.

— Еще? — спросил голос, и Сарган слабо кивнул.

На этот раз он пил осторожнее, маленькими глотками, и с каждым глотком к нему возвращалось все больше жизненных сил.

— Хватит, хватит, — мелодично засмеялся голос. — А то застудишь себе желудок.

Все еще неуверенный в том, что с ним случилось, Сарган сдался. Сначала ему нужно выяснить, что происходит.

— Кто вы? — хрипло спросил Сарган. — Какой бог послал мне вестника?

Женщина снова рассмеялась, но затем ответила серьезно:

— Я не посланница бога, а простая женщина. Меня зовут Ссарбед.

— Ссарбед? — слабо переспросил Сарган. — Я благодарю вас за вашу доброту, Ссарбед.

— Повремени с благодарностью, друг, — загадочно ответила женщина, и Сарган озадаченно нахмурился.

— Где я? — спросил он.

— На постоялом дворе. Мы примчались сюда перед началом ночи, а завтра поедем дальше.

— Поедем? В карете или на корабле?

— В повозке, друг! А баржа будет позже.

«Баржа, — подумал Сарган. — Мы переправляемся через реку? Где Стен? Я в Мардеве?» А вслух он спросил:

— Куда мы едем?

— В Теремию, мой друг, — прозвучал тихий ответ, и ужас пронзил тело Саргана.

«В Теремию? О богиня, значит я в руках масридов? Или влахаки уже покорили этот город? Как долго я был без сознания?»

— Как тебя зовут? — женщина вывела его от тяжелых размышлений.

— Сарган. Сарган Вульпон.

— Ну тогда, Сарган Вульпон, еще воды? — спросила Ссарбед, и Сарган кивнул.

На этот раз он пил большими глотками, пока у него снова не отняли воду.

— Как твои глаза? Можно уже убрать платок?

— Да, пожалуйста, — ответил Сарган и прикрыл веки. Миг — и платок исчез. Сарган

осторожно заморгал. Сквозь слезы, которые сразу выступили на глазах, он смог разглядеть размытые очертания, светлые прямоугольники и темный силуэт над ним — кто-то махал перед глазами рукой.

— Ну как? Что-нибудь видишь?

— Размыто, — в отчаянии заявил Сарган, но женщина успокаивающе положила ему руку на плечо.

— Причин для беспокойства нет, я уже боялась, что ты совсем ослеп. Но, скорее всего, твое зрение будет медленно возвращаться.

— Что со мной произошло? — обеспокоенно спросил Сарган, так как не мог найти ничего в своих воспоминаниях.

— Ты упал с горы. Кроме того, братья ордена Альбус Сунас наложили на тебя заклятье, которое повредило глаза.

— И как долго я был...

— Без сознания? Пятнадцать дней. Я давала тебе много сонного молока, чтобы смягчить твою боль. Оно помогает при лечении и препятствует тому, чтобы человек двигался.

— Насколько все плохо? — тихо спросил Сарган.

— У тебя несколько переломов, а синяков больше, чем я могу сосчитать. Как мне рассказали, ты провалился сквозь крону дерева, а потом упал в кусты. И хотя у тебя довольно много ранений, все равно могло быть намного хуже.

— А почему ты помогаешь мне?

— Это моя профессия, я целительница.

— В монастыре? — озадаченно спросил Сарган, но Сцарбед снова рассмеялась. — О Божественный Свет, нет! Тогда братья не смогли бы избавиться от заикания!

— Но...

— Я родом из Бака Маре. Братья попросили меня о помощи. Как говорят... — промолвила она, но затем неожиданно оборвала предложение.

— Что говорят? — переспросил Сарган.

— Они сказали, что господин хочет видеть тебя живым. Поэтому я перестала давать тебе сонное молоко, чтобы твой разум был ясен, когда мы прибудем в Теремию, — смущенно сказала она, и мысли Саргана лихорадочно заработали.

Он спросил:

— Господин? Цорпад?

— Да, — тихо сказала она. — Поэтому я сказала, что ты не должен благодарить меня. Возможно, было бы лучше, если бы ты не пережил падения!

Дириец в отчаянии откинулся назад. Он услышал шаги Сцарбед по деревянным доскам, потом послышался звук открывающейся двери, и все затихло. «Река, которую мы должны переплыть, это Маги. А в Теремии меня ждет Цорпад, и, конечно же, очень сердитый из-за моего вмешательства в его дела. Проклятье, почему я просто не исчез? Я позволил Стену и этим проклятым влахакам вовлечь себя в такое, что принесет мне смерть. Медленную смерть, если я правильно оцениваю Цорпада», — угрюмо подумал Сарган и решил, что ему нужно сбежать как можно скорее.

Переправа через Маги прошла спокойно. Всю дорогу Сцарбед находилась рядом с Сарганом и заботилась о его ранах. Как оказалось, она была сцаркой, которая при дворе Бака Маре служила тамошнему циро. Ее смех часто заставлял Саргана забыть о боли, которую причиняли разбитые кости, но по ее глазам он мог понять: она считала его уже все равно что мертвым. Может быть, она была права, так как даже если рядом не было трех братьев ордена Альбус Сунас, которые молча сопровождали их и охраняли, то все равно побегу Саргана мешали раны. Зрение медленно возвращалось, и он снова мог видеть все в мелочах, но его левая нога была поломана, и Сцарбед искусно положила ее в лубок, из-за чего ему сложно было проковылять даже несколько шагов. К тому же поломанные ребра, многократный

перелом левой руки и ушибы и ссадины по всему телу... В общем, он должен был быть рад, что этим все ограничилось. Однако перспектива скоро оказаться в руках Цорпада была не из приятных. Так считала и сцарка.

— А это правда, что рассказали братья? — неожиданно спросила она во время переправы на барже, когда священники собрались на носу, вне пределов слышимости, и молились.

— А что же они рассказали? — уточнил Сарган.

— Что ты связан с духами темноты. Что ты вместе с ними убил старейшин монастыря. Что не просто убил, а прямо разорвал их и ел их тела. Ты вранолак? Или стряк?

— Что? — рассмеялся Сарган. — Стриг?

— Стряк. Живой мертвец, который ест плоть людей! — объяснила сцарка и посмотрела на Саргана большими зелеными глазами.

— А другое?

— Вранолак выпивает кровь и оставляет лишь высохшее тело.

— Боюсь, что вынужден разочаровать тебя, Сцарбед, — усмехаясь, ответил Сарган. — Я ни то ни другое. Я просто человек.

— Но твои волосы такие рыжие, я еще никогда таких не видела!

— Там, откуда я родом, это не редкость.

— Ты хочешь сказать, что братья солгали? И ты никого не убил?

— Нет, не убил. Но я был там, когда они умирали! — сказал Сарган. — Они вызывали темные силы, чтобы услужить Цорпаду. Но на их призыв ответили ужасные монстры — тролли!

— Тролли? Людоеды? — в ужасе прошептала Сцарбед.

— Да. Мощные первобытные существа, которые боятся света и любят покушать человеческого мяса, — немного преувеличил Сарган. — Священники ошибочно вызвали их, и это стало погибелью!

— Но что... — хотела еще спросить целительница, но короткий приказ возвращающихся братьев заставил ее умолкнуть и поспешно отойти.

— Держись от него подальше, дитя, — предостерег один их священников и бросил на Саргана злой взгляд. — Это язычник, и он будет передан огню!

Закатив глаза, Сарган снова лег и попытался отыскать удобное положение, чтобы немного поспать, но, как бы он ни ложился, в его истерзанном теле постоянно что-то где-то болело.

После переправы священники больше не оставляли Саргана наедине с Сцарбед, и юная сцарка молча выполняла работу, необходимую для его лечения. Мысленно Сарган проклинал священников и их веру. За полдня пути они добрались до Теремии, и уже на причале Сарган заметил, что под городскими стенами разбит целый лагерь. Их повозка грохотала по грязной дороге между палаток, чтобы добраться до ворот; дириец видел, что здесь расположились солдаты. Повсюду он видел орла Цорпада Диммину на щитах и гербовых камзолах, на знаменах и штандартах. «Стен был прав: Цорпад запланировал войну», — понял Сарган.

Они проехали через ворота, затем через несколько переулков и добрались наконец до крепости Ремис, которую Сарган уже несколько раз посещал, пусть даже и в качестве непрошеного гостя. «Хоть меня на этот раз и ждут, я бы с радостью отказался от такой чести», — с сарказмом подумал он, когда повозка остановилась во дворе замка и грубые люди стащили его с носилок.

— Вы знаете традиции этой страны? — спросил его широкоплечий, мускулистый мужчина с дружелюбной улыбкой и показал на глубокие ямы у их ног.

— Только приблизительно, — ответил Сарган и перенес свой вес на правую ногу, чтобы немного смягчить огненную боль в левой, при этом его лицо исказилось.

— Медвежьи бои — замечательное зрелище, Сарган, — заверил марчег. — Но иногда

здесь сражаются друг против друга и воины. Или против других существ, леса здесь полны всякой всячиной. Это богатая, хоть и дикая страна.

— Наверное, — признал Сарган. — Но недоступное богатство стоит мало. Яблоко в руке лучше двух на дереве. Особенно, если дерево охраняют зраикасы.

— Ха! — воскликнул Цорпад и рассмеялся.

На марчеге были темные кожаные штаны и такая же рубаха, а сверху накинута темно-красная накидка с черным орлом на спине. Рядом с повелителем молчаливой тенью стояла черноволосая женщина, имени которой Сарган не знал, но с первого взгляда оценил как очень опасную противницу.

— Вы правы, Сарган, — продолжил Цорпад и кивнул дирийцу. — Все эти войны и мятежи истощают землю и мешают использовать ее богатства. Ей нужна сильная рука.

— Ваша рука? — спросил Сарган, и марчег самодовольно кивнул.

— Да, — сказал он, сопровождая слова взглядом, который, казалось, проникал сквозь стены подвала замка и простирался ввысь и вширь.

Потом его светлые глаза остановились на Саргане, и он широко улыбнулся.

— Но довольно обо мне. Давайте лучше спросим вас, что вы здесь делаете, Сарган. Почему вы в Ардолии?

— Как я предполагаю, вы хотите услышать правду? — спросил Сарган и обезоруживающе улыбнулся.

Цорпад махнул левой рукой в перчатке.

— Так и будет, абсолютно точно. Единственный вопрос: когда?

Короткий взгляд марчеге, и его подчиненная, по-видимому сцарка, подошла к Саргану. Она двигалась уверенно и грациозно, каждое ее движение было точным, экономным. Неосознанно рука Саргана скользнула туда, где обычно у него были спрятаны кинжалы, но, естественно, там было пусто. «Эта женщина приносит смерть», — с уважением подумал дириец и кивнул ей.

Едва заметная улыбка коснулась уголка ее рта, когда она ответила на его приветствие.

— Это Скилои Касцон. Если мне не понравятся ваши ответы, Сарган, я передам вас ей. Удивительно, сколько силы у такого маленького человека, как она. Итак, зачем вы в Ардолии?

— Я приехал из Колхаса и нахожусь здесь по заданию Золотого Триумvirата, — сказал дириец, на этот раз он говорил правду. — Я должен разведать тайны маленького народца и найти возможность для прямой торговли с Ардолией.

Признание произвело большой эффект. Цорпад, который стоял отвернувшись, резко повернулся и пристально уставился на Саргана, в то время как Скилои достала длинный тонкий кинжал и холодно улыбнулась.

— Что? Ты насмехаешься надо мной, пес, но это ты делаешь только себе во вред! — фыркнул марчег и махнул сцарке, которая, словно змея, быстро оказалась рядом с Сарганом и прижала острие кинжала к кости под левым глазом.

Клинок был смертоносно острым, и дириец почувствовал, как капля крови побежала по его щеке.

— Вот уже несколько десятилетий гномы владеют торговлей с Ардолией. Даже зимой, когда все перевалы закрыты, их негодянты привозят товары в империю по ценам, ниже которых наши торговые дома уже не могут предложить. Для многих это словно бельмо на глазу. Было решено выяснить, как маленький народец осуществляет это чудо, — продолжил Сарган, не обращая внимания на угрожающий клинок под глазом.

«Только правда спасет меня, — подумал он в тысячный раз. — Я должен приобрести вес в глазах Цорпада, иначе он не остановится перед тем, чтобы замучить до смерти».

— Так, — опасно тихо спросил Цорпад, — Золотой Триумvirат лично послал тебя?

— Не лично, конечно, но приказы, которые я получаю, исходят от властителя золота, — уточнил Сарган.

На самом деле он только предполагал это, хотя никогда не проверял, так как такое

знание могло быть опасным, а он не собирался навредить себе и расшатать свое положение в иерархии империи слишком большими знаниями. Должность властителя золота, казначея, одна из самых могущественных во всей империи, наряду с властителем оружия, который приказывал войскам и флотам, и властителем порядка, который стоял во главе мощной бюрократии империи. Этих трех самых близких советников и доверенных императора называли Золотым Триумвиратом, и некоторые шептали даже, будто это они на самом деле вершили судьбу империи.

— Не лги мне, дириец, — прошипел Цорпад. — Я могу сделать твою смерть еще хуже, чем ты можешь себе представить!

— Я это знаю, господин, — правдиво ответил Сарган. — Но я не лгу. Я уже узнал, как маленький народец проводит транспортировку из Ардолии и в Ардолию, а присоединился к троллям только потому, что они враги гномов и таким образом я надеялся узнать от них еще больше.

— А что с этими троллями? И что со Стеном сал Дабраном?

— Случайная встреча. Он путешествовал с троллями, которые спасли его из какой-то клетки. Меня интересовали только тайны, которые тролли знают о гномах.

— И ты узнал достаточно? — спросил Цорпад.

— Я узнал много, но еще больше предстояло узнать, — ответил дириец.

— Тогда ты можешь умереть с миром, — язвительно ухмыльнулся Цорпад, и Скилои убрала кинжал, чтобы занести его для смертельного удара.

— Вы хотите стать королем Ардолии? — быстро спросил Сарган, что побудило Цорпада остановить сцарку коротким движением головы.

Затем мощный масрид повернулся и сказал:

— Я воспользуюсь этим правом и стану королем, да.

— Я знаю, что вы ведете торговлю с гномами и заключили с ними соглашение, — спокойно заявил Сарган. — Но я могу заверить вас, что в империи есть много могущественных мужей, в интересах которых было бы вести торговлю с вами. Наш флот постоянно нуждается в лесе.

— Ты думаешь, я разорву свое соглашение с гномами ради твоих пустых обещаний, при помощи которых ты пытаешься выкулить себе жизнь?

— Конечно, нет. Но для властителя интересно получать доход из нескольких источников. Ардолия отрезана от внешнего мира, но так не будет продолжаться вечно, — заявил Сарган, надеясь, что Цорпад придаст значение его мнению.

— Возможно, — допустил марчег, развернулся и пристально посмотрел на Саргана. — Что ты предлагаешь?

— Вы пощадите меня. Моя смерть не принесет вам пользы. Как только следующим летом перевалы откроются, вы вышлете группу послов в империю, которые будут сопровождать меня.

— А потом?

— Если я соврал и у меня нет никаких контактов, то ваши подчиненные смогут без труда убить меня и сами попытаются получить аудиенцию при дворе. Если же я сказал правду, то вы сразу приобретете мощных друзей в империи, — Сарган преувеличил свое влияние.

— Ты считаешь меня дураком. Ты хочешь выиграть время, не более того, — рявкнул марчег со злым блеском в глазах.

— Даже если так, что вам терять?

— Мало чего, — задумчиво признал Цорпад, а потом приказал: — Скилои, последи за этим имперским шпионом!

С этими словами Цорпад вышел через низкую дверь и оставил их наедине.

— Хорошо сыграно, — улыбнулась Скилои, и Сарган снова склонил голову перед ней.

— Спасибо.

— Скорее всего, он снимет с вас кожу и бросит вас в кипящее масло, — беззаботно

сказала сцарка.

Сарган серьезно ответил:

— Такую возможность я тоже вполне учитываю.

Она прохладно кивнула ему, все это время не спуская с него глаз, что он воспринял как комплимент, учитывая его ранения. Через некоторое время вернулся Цорпад в сопровождении двух воинов, которые тащили еще одного пленника. По его приказу солдаты швырнули наголо обритого мужчину на пол. Когда тот в отчаянии поднял голову, Сарган с ужасом заметил, что у того выколоты глаза. Белые шрамы от ожогов окружали черные глазницы, словно звезды, нос тоже был изрезанный.

— Это один из мятежников, — объяснил Цорпад и указал на изувеченного. — Он пережил свою полезность.

Услышав голос, ослепленный повернулся к ним и что-то хотел сказать, но с его губ сорвалось лишь непонятное лепетание. «Они отрезали бедняге язык, — с отвращением подумал Сарган. — Наверное, хорошо, что этот Натиоле просто умер и его не схватили!»

— Этот человек здесь говорил мне много лжи, — продолжил Цорпад и добавил, обращаясь к ползающему на полу: — Правда, Октеу?

При упоминании своего имени мужчина дико замотал головой, так что пена изо рта разлетелась по сторонам. В конце концов он начал всхлипывать. «Октеу... Так звали предателя, — вспомнил Сарган. — Это он заманил Стена в ловушку. И такова благодарность марчегала!»

— Убей его, — просто сказал Цорпад и кивнул Скилои, которая после этих слов протянула Саргану кинжал рукояткой вперед.

— Что? — растерянно переспросил дириец. Цорпад нахмурился и резко повторил:

— Убей его. Или сам умри на месте. Твой выбор.

Ошарашенно глядя на Скилои, выражение лица которой оставалось невозмутимым, Сарган взял кинжал и посмотрел на Цорпада.

— Если ты шпион из империи, то у тебя не будет угрызений совести при убийстве этой развалины. Или?... — поинтересовался Цорпад с наигранным удивлением.

— Нет, господин, — ответил дириец и подошел к изуродованному влахаку, который в отчаянии полз на четвереньках по холодному полу.

Голова Октеу дергалась то влево, то вправо, словно он хотел разглядеть своего убийцу пустыми глазницами, но Сарган уже стал на колени перед ним, и перевязанная нога отозвалась сильной болью. «Или ты, или я, друг», — подумал Сарган и вонзил незащитному кинжал в горло. Длинный тонкий клинок предательски легко скользнул сквозь кожу и плоть и прошел по грудной клетке, где и вонзился в сердце.

Судорога прошла по изуродованному телу. Пленник громко застонал, что-то пролепетал и потом тихо обмяк, рухнув на пол. Мгновение Сарган еще оставался возле жертвы, затем извлек кинжал из раны и отступил на шаг, в то время как кровь широкой струей выстрелила из разреза и ручейком потекла по камням пола.

— Прекрасно! — воскликнул Цорпад. — Хороший удар, не правда ли, Скилои?

— Да, господин, — ответила сцарка, подошла к Саргану и протянула руку, чтобы дириец вернул кинжал.

В ее глазах на мгновение он разглядел волнение: то ли сочувствие, то ли признание, но, прежде чем он понял это, она овладела собой, и он молча протянул ей окровавленное лезвие.

— Теперь вы желанный гость при моем дворе, Сарган, — заявил Цорпад, явно пребывая в хорошем настроении. — Будете мне верны, и я вознагражу вас. Если предадите меня, то сами пожелаете, чтобы ваша судьба была так же милостива к вам, как к этому созданию.

С этими словами марчег развернулся и оставил озадаченного Саргана. Но тут Скилои коснулась его руки.

— Следуйте за мной, я покажу вашу комнату.

«Какое безумие, — с отвращением подумал Сарган. — Ардолия — страна безумия и

крови!»

54

— Как это выглядит? — шепотом спросил Стен, и оба лазутчика придвинулись ближе друг к другу.

— Они разбили лагерь под Дабраном, — сообщила Данаэ. — В темноте мы не смогли понять количества людей, но там много костров и палаток.

— Проклятье! — вырвалось у Стена. — Уже у Дабрана? Они взяли быстрый темп. У нас мало времени.

— Да, — согласился Костин. — Если Цорпад будет продвигаться так быстро, то он окажется перед Дезой еще до того, как будет принято какое-то решение!

Стен быстро обдумал создавшееся положение, затем поделился планами с другими лазутчиками:

— Мы разделяемся: Тамос и Данаэ, вы обходите город на востоке и приближаетесь с севера, Костин и я с юга. Мы заходим, вы наблюдаете днем и считаете.

— Кони? — спросил Костин.

— Давай спрячем наших здесь. А вы возьмите своих с собой.

— Хорошо, — подтвердила Данаэ, длинные темные локоны которой были собраны сзади в хвост, и проверила свое оружие.

Тамос тоже кивнул. Это был молчаливый мужчина с ужасным шрамом на лице, который шел от лба через нос до подбородка. Обоих Стен выбрал потому, что у них был большой опыт: они служили лазутчиками Ионны еще во время осенней битвы, и Стен был уверен в их умениях. Они были сыгранной командой, поэтому Стен именно так и разделил их маленькую группу.

— Вы знаете, на что должны обращать внимание. Важны осадные машины. Лучше всего, если удастся поймать и расспросить солдата, а еще лучше командира, — продолжил Стен и посмотрел на лица друзей, исполненных мрачной решимости.

— Не рискуйте понапрасну, Ионне нужна информация о силе и составе войска Цорпада. Ей мало поможет, если вас поймают и убьют!

— Без ненужного риска? — лукаво спросил Костин. — Звучит великолепно. Как будто задание прокрасться в лагерь масридов может быть неопасным?

— Вы знаете, что я имею в виду, — ответил Стен и ткнул маленького влахака в плечо.

— Да, Стен. Мы не первый раз занимаемся этим, — вмешалась Данаэ, и ее спутник молча кивнул.

— Прекрасно, — заявил Стен. — Тогда в путь. Встретимся завтра ночью у хижины на севере, где мы уже перед этим останавливались. Если возникнут неприятности, то каждая группа по отдельности пробивается назад, к Дезе. Удачного пути!

С этими словами он развернулся и забросил походный мешок за плечо. Другие тоже подняли снаряжение. Кивнув, Данаэ и Тамос исчезли в темноте ночи, ведя коней под уздцы.

«Они знают, что делают, — подумал Стен. — Это лучшие лазутчики, которые у нас есть. Мне, скорее, нужно больше беспокоиться о себе и Костине».

— У меня болит зад, — заявил маленький влахак. — Я не привык так долго скакать на лошади.

— У нас нет другого выбора, — спокойно ответил Стен и двинулся в путь. — Время имеет решающее значение в войне. И привыкай, потому что скоро мы проскачем такое же расстояние назад, в Мардев.

— Я уже предвкушаю, — заявил Костин с вымученной ухмылкой.

— Знаешь, что помогает против таких болей? — спросил воин и, когда Костин отрицательно покачал головой, сказал: — Движение! Поэтому давай, двигай!

Маленький влахак, постанывая, приноровился к шагу Стена, который повел их тайной тропинкой, которую знал с детства. «Возможно, Цорпад уже сидит в замке Рабенштайн,

наслаждаясь гостеприимством Хази, — промелькнуло у Стена в голове, и он гневно закрипел зубами. — Возможно, они уже празднуют на могиле моей семьи!»

Легким бегом оба влаха добрались до края леса и стали оглядывать низину, где лежал город. Слова лазутчиков подтвердились: перед стенами Дабрана расположилась армия, догорающие костры светились, словно звезды на небосводе.

— Сколько же их? — тихо спросил Костин, оторвав тем самым Стена от тяжелых мыслей.

— Трудно сказать ночью, — отозвался Стен. — Наверное, несколько тысяч.

— А сколько последовало за призывом Ионны? Две или три тысячи мечей максимум, — мрачно пробормотал маленький влахак.

— Подожди, друг Костин, еще не все потеряно, — успокоил его Стен.

«Наш моральный дух разбит еще до того, как мы скрестили мечи, — неожиданно понял Стен. — Если так пойдет дальше, то Цорпад победит нас уже в наших головах, и тогда нам не выиграть войну».

— Пойдем посмотрим, что там у них, — весело предложил Стен. — Я думаю, настало время подразнить Цорпада!

— Работать, работать, — простонал Костин, смеясь, и присоединился к Стену, который осторожно спускался по холму.

Они очутились внизу и повернули в сторону лагеря и города. Максимально осторожно оба влахака приближались к линии часовых. Не зная, когда сменяется караул, было слишком рискованно напасть на одного из часовых, могло просто не хватить времени для длительных наблюдений. Поэтому Стен попытался найти возможность проскользнуть между двух постов, что, естественно, было рискованно. На животе они пробирались вперед пядь за пядью, нервы были напряжены до предела. По обе стороны от себя они видели костры, а справа силуэт. Кто-то ходил взад-вперед. Но взгляды солдата были устремлены на мрачный край леса. Максимально тихо они поползли дальше, пока костры не остались позади.

В небольшом углублении Стен остановился и отер пот со лба.

— Все чисто? — спросил он Костина, и тот молча кивнул. Теперь нужно было пробраться в лагерь и разведать как можно больше о силе и составе войска Цорпада. После короткого отдыха они пригнулись, побежали к первым палаткам и присели за одной из них. В лагере стояла тишина, большинство воинов спали, что было неудивительно, если учесть, как сильно Цорпад гнал своих подчиненных, заставляя двигаться в таком темпе. Махнув рукой, Костин указал Стену направление и сам двинулся дальше. Без особых проблем они прошли мимо первых рядов палаток, постоянно следя за тем, чтобы обходить еще тлеющие костры. Более важные предводители масридов, конечно, должны ночевать в Дабране, в мягкой постели и с крышей над головой, чтобы тем самым обезопасить себя от нападения лазутчиков. Но и здесь, перед воротами города, должны были быть какие-нибудь указания на планы Цорпада. Полагаясь на свое чутье, Стен скользил между палаток, пытаясь проникнуть в самое сердце лагеря. Про себя он считал количество палаток и приблизительное количество расположившихся в них воинов; с каждым рядом палаток, мимо которых он проходил, его настроение резко ухудшалось. «Слишком много, — подумалось ему. — Марчег наскреб чертову уйму людей!»

Наконец им пришлось остановиться. Перед ними появилась узкая полоса земли без палаток, за которой тоже горели костры и ходил караул. Земля, вероятно когда-то сочный луг, сейчас была изрыта копытами коней и сапогами солдат, оба влахака присели и укрылись за последней палаткой.

— Караул, — прошептал Костин, и Стен кивнул.

За этим постом были еще палатки, но больше и роскошнее, чем у простых солдат. Юный воин заметил темные тени, вроде телеги. Несколько солдат собрались у одного костра и тихо переговаривались. Конечно, они были не слишком внимательны, ведь они находились почти в центре лагеря.

— Подожди здесь, — прошипел Стен. — Я скоро вернусь. Если нет, то исчезай.

Не дожидаясь ответа, он поднялся и шмыгнул вдоль задней стенки палатки, а добравшись до ее края, перебежал через свободное пространство. Он пробрался к большой темной палатке, в тени которой и пригнулся. Переждав несколько мгновений, пока дыхание не восстановилось, он украдкой выглянул. По левую сторону он услышал тихий скрип, хотя повозки стояли на расстоянии всего одного — двух десятков шагов. Стен осторожно прошмыгнул дальше и приблизился к повозкам, которые были выстроены в ряд. «Посмотрим, что там у Цорпада с обеспечением», — усмехнувшись, подумал он. Повозки были полностью загружены и накрыты парусиной для защиты от дождя. Стен осторожно приподнял плотную ткань и обнаружил на первой же повозке добрую дюжину бочек. Слегка тронув их, он понял, что они наполнены, так что он шмыгнул к следующей повозке, на ней тоже были бочки. «Ничего особенного», — подумал влахак. Затем его взгляд упал на мощные трехосные повозки, которые были накрыты темной тканью.

Бросив взгляд через плечо, Стен прокрался к ним и хотел заглянуть внутрь. Но парусина была закреплена очень надежно, поэтому ему пришлось достать кинжал, перерезать две толстые веревки и поднять тяжелую ткань. В темноте было почти невозможно разглядеть детали, но он увидел толстые и тяжелые бревна с огромными металлическими крюками и креплениями. «Осадные устройства» — понял Стен и увидел позади такие же повозки и, вероятно, с подобным грузом. Затем его взгляд упал на один из костров, в его слабом свете стояла маленькая, плоская палатка, перед ней на земле был начерчен знак войны. В ужасе влахак обнаружил, что на воткнутую в землю палку надет череп тролля, в нем отсвечивался огонь костра.

«Цдам?» — спросил себя Стен, но он не был уверен. Да и знак войны, два скрещенных топора, ничего не говорил ему. Но, прежде чем он смог разгадать эту загадку, из палатки вышел незнакомец и настороженно огляделся. Стен пригнулся позади повозок, но все же успел разглядеть воина в железных доспехах, густая борода которого свисала до самой груди.

«Гномы! — промелькнуло в голове у Стена. — В отрядах у Цорпада есть воины маленького народа! Ионна должна узнать об этом, это изменит все!»

Скрываясь за повозкой, Стен поспешил обратно, в то время как его мысли были заняты только что увиденным. Размышления отвлекли его, поэтому он чуть не выскочил из тени палаток и повозок, но потом одернул себя: «Все будет бесполезно, если ты сейчас попадешься, дурак!»

Караул все еще стоял у костра, и Стен воспользовался этим, чтобы перебежать открытое место и вернуться к Костину, который вздрогнул от неожиданности, когда Стен опустился рядом с ним.

— О духи, не пугай меня так, — вздохнул маленький влахак.

Стен схватил его за плечо и прошептал:

— Гномы. Здесь, в лагере. Мы должны сообщить Ионне!

Они вместе стали, пригибаясь, по возможности в тени, двигаться к краю лагеря. Взглянув на Костина, Стен кивнул и пополз через темный участок меж двух сторожевых огней. Позади себя он слышал Костина, который тихо следовал за ним, но взглядом влахак фиксировал оба светлых пятна костров. Осторожно они приблизились пока не оказались на одной линии с ними. Потом быстро проползли мимо костров, и Стен с облегчением выдохнул. Но тут крик заставил его замереть.

— Кто там? — раздался голос от огня слева, отчего и Стен и Костин прижались к земле и замерли неподвижно.

— Что случилось? — громко спросил другой постовой. Первый голос ответил:

— Там впереди что-то двигалось!

Последовала тишина, потом раздался голос второго постового.

— Я ничего не вижу. Наверное, барсук или что-то в этом роде. «Барсук, мой друг, всего лишь барсук. Сядь и успокойся», — думал Стен.

Вместо этого постовой крикнул:

— Пойду посмотрю.

Яростно сжав зубы, Стен оглянулся на Костина, который вопросительно смотрел на него. Юный воин увидел, как солдат взял из костра горящую ветку и с мечом двинулся в их направлении.

— К коням! — приказал Стен своему соратнику, и они резко вскочили.

Высоко вскинув руки, он громко закричал, и масриды от такой неожиданности отпрянули на несколько шагов назад, тогда Стен развернулся и побежал за Костином, который последовал его приказу и устремился к подножию холма. Позади них раздавались крики и звуки тревоги, но они не обращали внимания, а просто бежали вперед. Небольшой подъем они преодолели с ходу, быстро добрались до края леса и шмыгнули в подлесок. Какое-то время Стен не мог сообразить, где они оставили лошадей, но Костин сориентировался в темноте, и скоро они обнаружили их. С трудом дыша, Стен снял поводья и повел своего коня к тропинке, по которой они сюда добирались. О езде верхом в лесу нечего было и помышлять: слишком неровной здесь была земля. Когда они наконец вышли на широкую дорогу, то запрыгнули на спины своих коней.

— За Тиреа! — громко крикнул Стен и погнал коня.

— У тебя действительно есть дар обхождения с людьми! — прокричал Костин позади него, и Стен усмехнулся.

Но затем внизу, в долине, сквозь остальные звуки он разобрал стук копыт и громкий вой и лай. Смех застрял у него в горле.

«Проклятые враси, — подумал воин. — Эти псины найдут нас по следу!»

— Они сзади! — крикнул он Костину. — Надо спешить!

Говорить дважды маленькому влахаку было не нужно, так как вскоре он уже обогнал Стена на узкой лесной дороге. Ночью погоне будет нелегко следовать за ними по пятам, так как из-за препятствий и ям следы можно будет потерять. Но Стен был уверен, что масриды наверстают упущенное днем. Поэтому они гнали лошадей как сумасшедшие, пока на востоке не посерело, предвещая новый день. Время от времени им приходилось переходить на рысь и давать отдых животным, но потом они снова брали прежний темп.

С первыми лучами солнца ехать стало менее рискованно, но, с другой стороны, теперь было легче выследить их, а большинство масридов были отличными наездниками, и лошади их были быстры и выносливы. Когда оба влахака в очередной раз замедлили своих скакунов, Стен подъехал к Костину и сказал:

— Скачи вперед. Ионна должна узнать о гномах и осадных машинах. Ты легче, чем я, и твой конь продержится дольше.

— А ты? — удивленно спросил маленький влахак.

— Я приеду позже. Я, в крайнем случае, попытаюсь отвлечь их и заверну в лес.

— Но...

— Не беспокойся, я не раз уходил из лап Цорпада. А до Мардева уже рукой подать.

— А ты не наделаешь глупостей, чтобы они следовали только за тобой, или еще что-нибудь еще в этом же духе? — с подозрением поинтересовался Костин.

Стен с улыбкой отмахнулся.

— Только если не будет другого выхода. Я ценю свою голову и не хочу потерять ее. Я уже молчу о других частях тела, которые Цорпад точно отрежет!

Маленький влахак содрогнулся всем телом, но храбро улыбнулся и сказал:

— Удачного пути тебе, Стен.

— И тебе удачного пути, Костин! Вперед, вперед! — подогнал его Стен, и Костин поскакал прочь.

«Он более быстрый всадник, — признал Стен, но потом подумал с коварной улыбкой: — Зато я лучше передвигаюсь по лесу!»

Преследователей еще не было слышно, поэтому он решил пощадить своего коня и позволил ему бежать медленнее. Стен знал окрестности Дабрана и тайные тропинки Мардева как свои пять пальцев. Тропинка, которой он и Костин еще будут держаться некоторое

время, ведет прямо к нагорью. Но есть и другие пути, которые ведут по менее обжитым местам, и Стен планировал свернуть туда. В чаще ему будет легче обвести масридов вокруг пальца, при небольшом везении он сможет отвлечь их от Костина.

Когда солнце уже достигло зенита, по левую руку он заметил прогалину, которую, собственно, и искал. Отсюда старая тропа лесорубов вела в глубину леса. Стен спешился и повел коня под уздцы, стараясь задевать при этом как можно больше веток, чтобы псы могли взять его след. Вскоре он остановился, оторвал кусок ткани от своей накидки и нацепил на колючий кустарник. «Надеюсь, они заметят это», — подумал воин и вынул лук из кожаного колчана в седле. Красивый лук, из лучшей части тиса, у влахаков, в отличие от масридов и сцарков, луки были не длинными, но хорошо сгибались. Тетиву он повесил на пояс, чтобы быстро натянуть ее в случае чего, а колчан забросил на плечо. «Уже чертовски давно я не пользовался луком, — неожиданно подумал влахак. — В последнее время только мечом...» Но, тем не менее, он был уверен в своих способностях и улыбнулся, уводя коня все дальше в лес по почти полностью заросшей тропинке.

Незадолго перед заходом солнца Стен услышал стук копыт. Преследователи, несмотря на сложность езды по лесной тропинке, скакали крупной рысью. Он уже сошел с тропы лесорубов на более старую, скрытую тропинку, постоянно следя за тем, чтобы оставлять отчетливые следы. Юный воин вскочил в седло и понесся прочь, удерживая ненатянутый лук в правой руке, а поводья в левой. «Надеюсь, они преследуют только меня, а Костин ушел», — пронеслось у Стена в голове, пока он пригибался, чтобы низкий сук не сбросил его с коня.

Тропа взбиралась вверх, в гору, чтобы затем по склону повернуть на Мардев. Она плутала через густой лес, сучья и неровная почва делали быструю езду опасной. «Они догнали меня быстрее, чем я думал, — констатировал влахак. — Они, без сомнения, беспощадно стегали лошадей». Его конь уже достаточно отдохнул, но все равно в сгущающихся сумерках на опасной тропе Стен не мог гнать его слишком быстро, а шум от преследователей все приближался. Бросив взгляд через плечо, Стен убедился, что он еще был вне зоны видимости, потянул за поводья и остановил коня, быстро соскочил с него и снял мешок. Животное дико фыркало, Стен снял и седло, отбросив его в кусты. Потом потрепал мокрую от пота шею животного и прошептал:

— Спокойно, Данза. Ты нес меня, но теперь мне нужно дальше одному... Беги домой!

С этими словами он ударил вороного, и тот поскакал прочь. Не оборачиваясь, Стен закинул мешок на плечо и зашел в подлесок. Здесь, на небольшой возвышенности, лес был достаточно густым и мешал передвижению коней, пеший человек получал ощутимое преимущество. Теперь юный воин старался поменьше оставлять следов, чтобы его преследователям было труднее отыскать его. «Но благодаря своим псам они все равно будут сидеть у меня на хвосте, — сердито подумал Стен. — Если бы не псы, уйти было бы гораздо проще».

Быстро и тихо Стен пробирался через лес. Он постоянно слышал лай, а значит, ему не удалось сбить преследователей со следа. Потому он бежал и бежал, солнце уже медленно садилось за горы, над Влахкисом наступала ночь. К счастью, было ясно, и луна освещала лес. Два раза Стен падал, зацепившись за корни и камни, но вроде не поранился. Однако лай и крики все приближались, и вот он услышал хруст и треск сучьев. «Проклятье, они слишком быстры, — промелькнула у него мысль. — Эти проклятые собаки!»

Он пробежал еще несколько десятков шагов, но потом резко остановился и дрожащими от изнеможения руками натянул тетиву, которая поначалу все выскальзывала из его пальцев. Плавными движениями он вытащил стрелу из колчана, вложил ее, его взгляд, выискивая цель, осматривал мрачный лес, пока дыхание не выровнялось. Потом он заметил темные тени, приближающиеся к нему через подлесок, и услышал тяжелое дыхание зверей. В мгновение ока Стен отпустил тетиву, послав стрелу навстречу враге. Не проверяя результата выстрела, он схватил следующую стрелу и натянул тетиву. Жалобный скулеж подтвердил,

что выстрел достиг цели, но на влаха уже неслись большие короткошерстные собаки с мощными челюстями, не оставляя ему времени порадоваться успеху. Две следующие стрелы тоже нашли свою жертву, затем Стен отбросил лук и схватил меч, как раз вовремя, чтобы удерживая оружие двумя руками, ударить в бок одно из животных, которое прыгнуло на него. Под весом враги воин повалился на землю и больно ударился плечом о камень. Пальцы лихорадочно шарили в поисках меча, который выскользнул при падении, но сильные клыки вонзились в руку, и Стен закричал от боли. Воин схватился за шкуру на голове собаки и стал тянуть, но враг не отпускала. Наоборот, она мотнула головой так, словно сознательно хотела поломать человеку руку. Стен развернулся и схватил псину за мокрый нос, собака заскулила от боли, но не разжала челюсти. Одновременно Стен почувствовал еще одну собаку слева, но та не успела прыгнуть на него, а внезапно отпрыгнула в сторону, боязливо взвизгнула и убежала прочь. Враг, с которым боролся Стен, совершенно неожиданно отпустила его и умчалась с поджатым хвостом, жалобно скуля на ходу.

Стен лежал на спине, тяжело дыша. Рука пульсировала при каждом ударе сердца, а кровь окрасила камзол в красный цвет. Наконец воин поднялся на ноги и схватил меч. Что бы ни прогнало собак, Стен был уверен, что оно будет столь же опасно и для человека.

И тут раздался голос, от которого Стен подпрыгнул на месте.

— Вы, люди, снова перенесли войну в лес.

Стен растерянно огляделся и осмотрел тени между деревьями в поисках говорившего, потом неуверенно спросил:

— Рувон?

Но из темноты вышли не стройные эльфы. Здоровенные существа ломились через кусты. «Тролли, — изумленно понял он. — Дюжины троллей!»

— Стен, — радостно крикнул один из троллей, и, к своему бесконечному удивлению, влах узнал Друана, который устремился к нему.

— Друан? Что, о духи темноты, ты здесь делаешь? — вырвалось у юного воина, когда тролль встал перед ним, широко улыбаясь.

— Мы идем на войну! — заявил Пард, появившийся позади Друана, и удовлетворенно потер руки. — Где железные люди из города?

Все еще огорошенный, Стен указал большим пальцем за плечо:

— Там, сзади, есть несколько.

— О, прекрасно, прекрасно, — обрадовался Пард и громко крикнул: — За мной!

— Нет! — закричал другой, почти такой же здоровенный как и Пард. — За мной!

Мимо Стена с Друаном с ревом пронеслись дюжины троллей. От их тяжелых шагов, казалось, сотрясалась сама земля, и они с шумом исчезли в чаще.

Стен пытался понять происходящее.

— Кто... зачем? — залепетал он, и Друан снова широко усмехнулся.

— Это Турк, он предводитель своего племени во время войны.

— Твоего племени?

— Нет, мы следуем за Пардом, — объяснил Друан.

— Пардом? Пард — ваш предводитель? — не веря своим ушам, переспросил Стен.

— Во время войны — да.

— Войны? — переспросил Стен Друана.

— Войны, — подтвердил тот. — Мы, тролли, не можем чувствовать себя в безопасности, пока эти маленькие сволочи ведут общие дела с Цорпадом.

— Это так, но... — начал было Стен.

Друан перебил его:

— Пока Цорпад властвует здесь, на поверхности, маги солнца могут снова вызвать волшебство против нас.

— Верно. Поэтому вы хотите бороться против него?

— Ты говоришь, будет война. Между твоим народом и Цорпадом. Я убедил троллей, что мы должны вам помочь. Ведь если вы снова будете властвовать в своей стране, то нас вы

не будете трогать, правильно?

— Я не знаю, вероятно, — согласился Стен с троллем. — Прости, я немного сбит с толку, я уже и не рассчитывал увидеть вас когда-либо вновь. Сам Пард...

— Пард радуется тому, что предстоит разбить пару человеческих черепов, — усмехаясь, объяснил Друан.

— Охотно верю, — мрачно ответил Стен. — Но другие? Их так много! Сколько вас?

— Достаточно, Стен, почти все воины из двух племен. Те, по крайней мере, кто выжил. Многие погибли в темных туннелях и штольнях, сраженные топорами гномов и магией людей. Но оставшиеся здесь, Маркок, Чук, Норрт, Эксина, Трок, Драк, Тран, Ферс, Кас, Шляйхер...

Стен, у которого от звучных имен троллей закружилось в голове, перебил его:

— Хватит, хватит.

— Это самые злые, жестокие тролли, которых я смог отыскать, и каждый горит желанием бороться с людьми!

— Вы хотите мести, — констатировал Стен, и Друан мрачно кивнул.

— Мести людям, магия которых убила наших воинов, а также наших детей, когда те спали!

Пораженный такой новостью, Стен подумал, что эти события могут означать для влахаков, но его утомленный разум не в силах был представить, что произойдет. С одной стороны, он надеялся, что Ионна примет помощь троллей и они выступят против Цорпада, но, с другой стороны, мысль о том, чтобы выходить на поле боя бок о бок с людоедами, была такой странной, что Стен сомневался, может ли вообще такое произойти.

Но, вместо того чтобы беспокоиться об этих вещах, Стен улыбнулся Друану и сказал:

— Я еще даже не поблагодарил за свое спасение.

— Этому нет причин. Рувон привел нас сюда.

— Рувон? Значит, я все-таки слышал его голос! А какое отношение ко всему этому имеет эльф? — с любопытством поинтересовался Стен.

— Мои братья и сестры увидели, как из пещер поднимаются большие вонючие тролли и позвали меня, так как знали, что я уже с ними беседовал, — прозвучал ответ из леса. — Так что я пришел и поговорил с Друаном. Он рассказал мне о ваших приключениях, и я решил помочь. Ведь днем тролли так же беспомощны, как только что вылупившиеся птенцы.

— Ага. Именно так и сказал. Слово в слово! Ты бы видел лицо Парда! — прошептал Друан Стену, который тоже не удержался от усмешки.

— Почему? Зачем винаи помогают троллям? — вопросительно крикнул Стен.

— Будет война, прольется много вашей, человеческой, крови. Ты понимаешь, что происходит с землей, Стен, а железные люди — нет. И кроме того, я так хочу, — прозвучал загадочный ответ.

— Вы тоже поможете нам? — спросил Стен винака.

— Нет, Стен, это ваша война, не наша.

— Куда вы собрались? — Стен снова обратился к Друану.

Но эльф ответил вместо него:

— К вам, людям. Но я знал, что ты на севере, на высоких равнинах без деревьев. Поэтому выслал лазутчиков, чтобы разыскать тебя.

— Ты знал, что я не в Мардеве... откуда?

— Ты ехал через лес, Стен, и мало что такого происходит в лесу, о чем бы я не узнал!

— Я был у лагеря войска Цорпада, — объяснил Стен. — Там солдаты гномов!

— Здесь? На поверхности? — удивленно переспросил Друан, и Стен кивнул в подтверждение.

— Мы должны сражаться. Эти маленькие сволочи перегородили нам все пути. Возможно, они преследовали нас, — задумчиво объяснил Друан.

В это мгновение к ним вернулся Пард, хохоча во все горло.

— Они бежали словно зайцы! Некоторые были слишком медленны, но двое на конях

ушли! Но сегодня вечером у нас будет вкусное мясо!

Сначала Стен испугался, но потом увидел, что Пард держит за хвосты две собачьи тушки. «Это не люди, — с облегчением подумал он. — Но как я буду объяснять все Ионне и остальным? С троллями у нас есть возможность разбить Цорпада, но не слишком ли высока будет цена?»

55

Заседание военного совета затянулось. По всей видимости, сегодня оно тоже продлится до поздней ночи. Висиния устало подавила зевоту и огляделась. Новости Костина, который как безумный ворвался во двор крепости несколько дней назад, окончательно раскололи совет, в котором и без того не было единства. Некоторые из присутствующих дворян высказывались за решающее открытое сражение против Цорпада. Другие же предпочитали отсидеться в безопасности крепости и готовиться к осаде. Ионна пока не изменила своего решения, но предпочитала прислушиваться к высказываниям с обеих сторон, даже несмотря на то, что дискуссии в последние дни крутились на одном месте.

Постоянные повторения выматывали нервы Висинии и сильно утомляли. «Ионна должна высказаться, — размышляла влахака, — но она еще не готова окончательно определиться. Почему?» — гадала Висиния, рассматривая сестру, но ее словно заледеневшее лицо ничего не выдавало.

— Гномы — мастера строительства и в состоянии разбить наши стены, какими прочными они бы не были! — уже в который раз пытался убедить всех Эрегиу Аманас.

Истран Оханеску отмахнулся.

— Тогда мы должны подготовиться и исключить эту угрозу неожиданным нападением или как-то иначе. Я уверен, что воины могут это спланировать и исполнить.

— Это несколько сотен гномов, как нам сообщила Данаэ, — перебил его старший мужчина. — И их поддерживают тысячи солдат марчега!

— Тем большим вздором мне кажется атака на такое войско за пределами обороноспособных стен нашей крепости, — раздраженно ответил Истран.

— Вы хотите упрекнуть меня в том, что я говорю вздор? — возмутился воевода из Цальсани и подскочил.

Его глаза сверкали от гнева, но Истран встал против него и уставился на него с вызовом.

Прежде чем более молодой мужчина успел что-нибудь сказать или сделать, что могло бы окончательно вывести спор из-под контроля, поднялась Висиния и сказала твердым голосом:

— Он и не думал ничего такого, воевода. Мы все устали, и положение тяжелое. Но мы должны держаться вместе и не допускать, чтобы слова разрывали наше братство. Мы все ищем путь, чтобы защитить и освободить народ. Не правда ли, Истран?

С поклоном по всем правилам и тихой улыбкой на губах молодой человек согласился с ней.

— Конечно, госпожа, — а потом, повернувшись к Эрегиу, который дрожащими пальцами провел по волосам, добавил: — Мне жаль, что мои неправильно подобранные слова рассердили вас, воевода. Я знаю, что ваша самая главная забота — это забота о нашем народе, как и моя.

— Ладно, — пробурчал воевода. — Мне стоит быть более толстокожим, ведь я в своей жизни уже так много повидал.

— Большое спасибо за ваше понимание, — сказала Висиния и склонила голову.

Быстрый взгляд на сестру показал, что та посылает ей короткую благодарную улыбку, почти как раньше, до того как спор о замужестве разделил их. «Как мне хотелось бы поговорить с кем-то, — промелькнуло у Висинии в голове, — но все, кому я доверяю, уехали или мертвы, а между мной и Ионной сейчас пропасть, такая же широкая, как сама Маги».

Бесконечные споры на военном совете были показателем того, что происходило в Дезе. Край охватила безнадежность. С тех пор как вернулись лазутчики — все, кроме Стена, — информация распространилась среди влахаков, словно огонь. Войско Цорпада огромно и сильно, и он везет тяжелые осадные машины. Но новость о воинах маленького народца оказалась просто губительной для морального духа солдат, собравшихся под знаменами Ионны. Слухи о договоре марчега ползли от дома к дому, а легенды, в которых говорилось о гномах, окончательно нагоняли страх на воинов.

Конечно, Ионна старалась изо всех сил противодействовать этому, и ее обращение к народу предотвратило панику. Висиния тоже старалась придать влахакам мужества, говорила с солдатами и даже устраивала вечера с музыкой и танцами. Но, с тех пор как Костин вернулся и рассказал о преследователях Стена, ей самой нужно было крепиться, чтобы страх за него не овладел ею.

— Нас слишком мало, воевода, — неожиданно сказал Истран и устало потер глаза.

Это было в первый раз с начала войны, чтобы Висиния видела молодого человека в таком состоянии, и его унылый вид потряс ее. Пусть он отстаивал оборонительную стратегию, но всегда казался уверенным в победе. Молодой дворянин указал левой рукой на узкое окно совещательной комнаты.

— Посмотрите на улицу. Наше войско дрожит даже за стенами крепости Дезы! Так как я должен заниматься запасами и снабжением, по долгу службы я каждый день говорю с солдатами и их командирами. Они боятся, Эрегиу. Если мы заставим их выйти, мы погасим их моральный дух, и довольно многие покинут войско.

— Никогда! — возразил воевода. — Это влахаки...

— Которые боятся, господин, — перебил его молодой мужчина. — Влахаки, которые держатся на постах только благодаря вере в силу предводительницы. Теперь, когда мы еще и Стена потеряли...

— Что? Откуда вам знать, что Стен мертв? — гневно вмешалась Висиния.

— Мертв, схвачен, пропал без вести — какая разница? Он должен уже давно быть здесь, если бы ушел от преследователей. Мы должны рассматривать его как потерянного. Еще один удар для простых солдат, так как многие отряды держатся благодаря его авторитету.

— И это вполне оправданно! — вмешался Эрегиу, и Висиния горячо кивнула, чувствуя на себе взгляд сестры.

«Ты можешь приказать мне, чьей женой стать, но не сможешь приказать, кого любить», — пылко подумала влахака и ответила Ионне исполненным гнева взглядом. Мгновение сестра выдерживала ее взгляд, но затем глянула на Истрана, который продолжил:

— Этого я не отрицаю, воевода. Только теперь он исчез, и это усиливает наше беспокойство. Многие из нас хотели бы... просто мира.

— Истран прав, — неожиданно заговорила Ионна, и все головы обернулись к княгине. — Я сама вижу, что с каждым днем моральный дух слабеет. Он еще горит, но в любой момент может остаться лишь слабый фитилек.

— Но, госпожа, — вступил в разговор Эрегиу, — возможно, его подтачивает то, что мы сидим здесь подобно крысам, в ловушке и только и делаем, что ждем палача.

— Может быть, воевода, но я больше верю в то, что стены наших крепостей — единственное, что еще вселяет веру в наших воинов.

— Вы недооцениваете свое влияние, — возразил тот. — Ваши солдаты последуют за вами даже сквозь темные пещеры!

Улыбаясь и наклонив голову, Ионна приняла этот комплимент, но Висиния знала сестру слишком хорошо, и она могла прочесть в ее глазах, что та думала. «Цорпад не побрезгует ничем, чтобы выиграть эту войну раз и навсегда. Ионна боится за влахаков, боится того, что они исчезнут как народ!» — поняла Висиния.

— Я все еще считаю ранее выбранный путь правильным, воевода, даже если ваши слова льстят мне. Я... — начала Ионна, но крик со двора перебил ее.

Неожиданно в крепости раздался адский грохот, люди закричали, послышался нечеловеческий рев, и все озадаченно посмотрели на узкие высокие окна, которые были закрыты ставнями.

— Что, о духи, там происходит? — спросил Эрегиу и подошел к одному из окон.

Другие последовали за ним, открыли ставни и выглянули во двор, который был освещен факелами. В центре вымощенного двора стоял конь с всадником, в котором Висиния с замиранием сердца узнала Стена.

«Он жив!» — внутренне возликовала она, но потом ее взгляд упал на спутника Стена.

Там с высоко поднятой головой и оскаленными зубами стоял один из... огромных троллей.

— Что здесь происходит? — через весь двор прогремел голос Ионны, все крики сразу затихли, а взгляды устремились на Стена, который, усмехаясь, поднял руку в знак приветствия.

— Я принес хорошую весть, госпожа Ионна! Народ влахаков теперь не один перед лицом своих врагов!

— Что ты говоришь, Стен сал Дабран? — прокричала княгиня.

Стен показал на своего спутника.

— Если мы захотим, то тролли будут сражаться на нашей стороне!

На мгновение Ионна замолчала, и Висиния была уверена, что сейчас в голове сестры смешались все мысли. Потом княгиня ответила:

— Нам нужно обсудить это, Стен.

В ответ Стен поднял меч, описал сияющий круг над головой и крикнул:

— Тиреа! За Тиреа! Боритесь за Тиреа и Ионну!

Конь юного влахака поднялся на дыбы, и сотни глоток ответили на его клич, воины влахаков во все горло стали выкрикивать имя Ионны. Еще несколько мгновений княгиня оставалась у окна, потом повернулась и кивнула Висинии, чтобы та следовала за ней.

Когда та уже хотела повиноваться приказу, Истран крикнул вниз:

— Что за дурачество, Стен? Как это чудовище сможет помочь нам?

Тихое рычание из глотки тролля заставило умолкнуть молодого дворянина, но Стен только рассмеялся и прыгнул со спины своего коня. Потом он подошел к троллю и обменялся с тем несколькими короткими словами. Неожиданно монстр вышел вперед и схватил коня. Висиния уже подумала, что тролль хочет вонзить клыки в шею животного, но тот напряг мышцы и поднял коня вверх, так что копыта того болтались в воздухе. Торжествуя Стен посмотрел на Истрана и указал на тролля.

— Вот так!

Снова раздались ликующие крики, которые долго звучали в ушах Висинии, пока она спешила за Ионной, чтобы встретить Стена. Он уже шел к ним навстречу по вестибюлю крепости, ведя тролля, в котором Висиния узнала Друана.

— Госпожа, — начал говорить Стен и склонился в глубоком поклоне перед Ионной, — позвольте мне представить вам Друана, тролля.

Как всегда, Ионна контролировала свои чувства, и у нее не дрогнул ни один мускул на лице, когда она кивнула этому мощному, нагоняющему страх существу. Тролль тоже едва заметно кивнул, в то время как Ионна пристально смотрела на Стена.

— Следуй за мной, Стен сал Дабран, нам нужно, по всей вероятности, о многом поговорить.

— А что Друан? — спросил воин.

— Я думаю, будет лучше, если и он последует за нами, не так ли?

— Как желаете, госпожа.

Так вместе с мощным троллем трое влахаков и тролль вошли в большой зал, и охрана закрыла за ними двери. Как только они остались одни, Ионна резко обернулась к ним и пристально уставилась на Стена мрачным взглядом.

— Ты сошел с ума, Стен?

— Что? Но я...

— Такая сцена! И что, думаешь, я теперь должна сделать? — сердито спросила Ионна и подняла руки.

— Принять предложение троллей, госпожа. Они помогут нам в борьбе и...

— И что? Будут сражаться на нашей стороне? Людоеды? Что ты себе думал, Стен? Очевидно, юный влахак не знал, что ответить, но тролль пришел ему на помощь.

— Мы будем бороться, это наш долг. С вами или без вас.

— Друан? Не так ли? — спросила Ионна, и тролль кивнул.

— Для начала я хочу поблагодарить тебя за твою помощь при освобождении моей сестры и ее спутников.

— Стену нужна была помощь, мы сражались на его стороне, — отмахнулся тролль, и Ионна вздохнула.

— Я охотно верю, что у вас были самые лучшие намерения, — объяснила княгиня. — Только от этого толку мало. Среди людей у вас не самая лучшая слава. Вас боятся, и никто не захочет сражаться вместе с вами.

— Но во дворе это прозвучало иначе, — вмешалась Висиния, заработав сердитый взгляд сестры.

— Люди ликовали из-за Стена, а не из-за тролля.

— Нет! — решительно сказал Стен. — Они ликовали потому, что не одни. Потому, что не все потеряно. И теперь не у одного Цорпада на руках козыри!

— Возможно, — признала княгиня. — Но как долго продержится ликование? Когда вернется страх? Сколько людей посчитает, что лучше убежать, чем бороться бок о бок с троллями?

— Тролли — наша единственная надежда, Ионна, — пылко ответил Стен, но потом вновь овладел собой и добавил, извиняясь: — Простите, госпожа, но я верю в это. С ними у нас получится разбить Цорпада.

— Стен... — начала было Ионна, но Друан перебил ее.

— Мы хотим победить только гномов и железных людей. После этого мы вернемся назад, на нашу родину. До тех пор у нас общие враги. В недрах земли тоже некоторые говорили, что мы не должны вам помогать, так как вы слабые и мягкие. Но я в это не верю. Наши враги объединились, и мы должны тоже так поступить.

— Вы знаете, что гномы идут вместе с Цорпадом? Костин добрался до Дезы? — спросил Стен.

— Да, добрался. А также Данаэ и Тамос. Эта новость поистине взбудоражила всех, — призналась Ионна, — и проливает новый свет на все маневры Цорпада! Он должен был многое пообещать маленькому народцу, раз те борются за него!

— С ним гномы, с нами тролли! — торжествующе заявил Стен.

Но Ионна лишь печально посмотрела на него.

— У него гномы и устройства для осады, и его войско намного превосходит наше по численности. Ты знаешь меня, Стен, ты знаешь, что я в принципе не считала положение безнадежным. Но на этот раз...

Ее голос умолк. Стен и Висиния посмотрели на нее удивленно. «Такой я ее еще никогда не видела, — подумала Висиния, — удрученной и подавленной».

— Но он еще не победил! — возразил Стен. — Мы еще боремся.

— Возможно, уже недолго, — ответила княгиня и отвернулась. — Вот уже некоторое время я спрашиваю себя, не будет ли лучше склонить колени и...

— Никогда! — почти закричал Стен и потом с мольбой продолжил: — Вольные влахаки верят в вас, госпожа. Они последуют за вами, и неважно, куда вы их поведете. Но вы должны тоже верить в них. Верить в их силу и их веру!

— Ионна, — Висиния тоже обратилась к сестре. — Он прав. Мы не имеем права сдаваться! Не после всех этих жертв. Подумай, что будет значить для всех нас господство Цорпада!

Ионна с сомнением посмотрела на них двоих, но тут заговорил Друан:

— Тролли будут бороться. С людьми или без. Мы не собираемся и дальше просто наблюдать, как гномы и железные люди преследуют нас и убивают!

На этот раз княгиня устала на могучего Друана, после чего ее лицо приняло решительное выражение, и она ударила кулаком по открытой ладони.

— Так тому и быть! Мы выступим против Цорпада и вынудим его к битве. Марчег посеял ветер — пожнет бурю!

— Да! — заликовал Стен и обнял Висинию, сердце которой неожиданно подскочило к самому горлу.

Но юный влахак поспешно отстранился и нерешительно улыбнулся.

— Прости, я не хотел... я... мне жаль.

— Ладно, Стен, я тоже рада!

— Воины моего народа ждут в пещерах на север отсюда, — объяснил Друан.

— Сколько?

— Почти шесть дюжин, — сообщил Стен. — И каждый такой же большой и сильный, как Друан.

— Всего семьдесят? — спросила Ионна. — По сведениям от Данаэ, одних только гномов там триста секир.

— Триста? — рассмеялся Друан. — Ха! Даже три тысячи не остановят нас!

— Ты говоришь очень уверенно, — заметила Ионна, подняв одну бровь.

— Я говорю так потому, что я уверен, — прогреготал Друан и оскалил клыки. — Они не зря боятся нас.

— Они убили зраикасов, госпожа, — вмешался Стен, — голыми руками!

— С гномами будут и солдаты Цорпада, тысячи опытных воинов.

— Но ведь мы тоже будем не одни, так? — ответил Друан, и Ионна, улыбаясь, покачала головой.

— Да, — ответил вместо нее Стен. — Мы тоже зададим Цорпаду перцу!

Счастливая Висиния посмотрела на широко улыбающегося воина, который подмигнул ей. На мгновение она забыла все другое и улыбнулась ему. Сначала он ответил на ее улыбку, но затем неожиданно отвернулся, в то время как Ионна вышла в зал вестибюля и стала раздавать приказы, чтобы влахаки готовились к выходу войска.

— Пойдем на улицу, к кузнецу, Друан, — сказал Стен, не глядя больше на Висинию. — У меня есть идея.

Тролле и человек покинули зал, а рыжеволосая дворянка задумчиво смотрела им вслед.

56

Разочарованно Хродгард смотрел на людей, которые собрались вокруг него и языка которых он не понимал. Собственно, Реккард, сын Ротальда, должен был переводить, но советник вел оживленный разговор с этим королем людей. «Он делает это нарочно, чтобы унижить меня», — понял полководец.

— Реккард! — крикнул он, чтобы продемонстрировать свою власть, и, как и ожидалось, советник Короля под горой немедленно повернулся к нему.

— Спроси... *марчегу*, что сообщили его лазутчики.

— Да, полководец, — покорно, что обрадовало Хродгарда, ответил Реккард и заговорил с большим человеком на его грубом языке.

Пока Цорпад отвечал, полководец осмотрелся в шатре, который был сооружен для совещаний предводителей войска. Здесь присутствовали также длинноволосые мужчины, которые почитали Бога солнца, а также солдаты марчегу и два командира Хродгарда. Его взгляд упал на маленького рыжеволосого человека, который был все время рядом с советницей марчегу, и его лицо омрачилось. «Этот человек из империи словно фальшивое золото, — подумал полководец, — его присутствие нежелательно и неудобно». Гном

сердито заметил, что человек дружелюбно кивнул, а потом еще и улыбнулся, что окончательно разозлило Хродгарда.

Неожиданно он понял, что Реккард говорит с ним.

— Полководец?

— Что? — рявкнул Хродгард и зло посмотрел на советника.

— Доклад лазутчиков.

— Да?

— Войско врага стоит на расстоянии почти дня пути отсюда. Их количество не изменилось, все еще не больше четырех тысяч копий. Ночью они предположительно продолжат продвижение вперед и незадолго до рассвета встретятся с нами, именно так, как предсказывали вы и марчег Цорпад, — сообщил Реккард и широко улынулся.

— Что с троллями? — поинтересовался полководец и подумал: «Они чума, которую мы должны искоренить. Поэтому Король под горой и послал меня на поверхность!»

— Лазутчики насчитали менее семидесяти.

— Всего четыре тысячи и семьдесят троллей, — презрительно кинул Хродгард. — Против семи тысяч людей и трех наших рот? Смешно!

Из чувства долга его подчиненные присоединились к его громогласному смеху, и люди тоже вежливо улыбнулись.

— Реккард, скажи марчегу, что это будет великая победа.

— Слушаюсь, полководец, — ответил советник и снова повернулся к человеку, светлые, пронизывающие глаза которого до этого буравили Хродгарда.

«Этот марчег — опасный человек, — подумал полководец, когда внимание того снова сконцентрировалось на Реккарде. — Он покорит эту страну, в этом я не сомневаюсь. Цорпад — хороший союзник, сильный союзник».

— Марчег говорит, что мы будем пить за победу на телах наших врагов! — торжествующе перевел Реккард, и присутствующие гномы ликующе подняли кулаки в воздух.

— Мы позаботимся о троллях, — мрачно сказал полководец, — и обо всех, кто будет загроживать нам путь.

Прошло несколько мгновений, пока Реккард переводил его слова, потом заговорил один из священников ордена, широко разводя руки, отчего его белоснежное одеяние заколыхалось, словно от ветра.

— Он говорит, что тролли почувствуют гнев Божественного Света. Они будут подавлены светом солнца, и на этот раз никто не поможет им.

— Мы уничтожим троллей, всех до одного, будут они защищаться или нет. Мы искореним опасность для двух наших народов и оповестим о начале новой эры! — страстно провозгласил Хродгард, сын Хальдигиса.

Неожиданно предводитель Таинельм закричал:

— Хродгард! За Хродгарда, полководца, который уничтожит троллей!

Гномы и даже некоторые люди присоединились к их кличу, хотя их попытки говорить на кхераке были, скорее, жалкими. «Я в шаге от окончательной победы над этими проклятыми троллями, — размышлял Хродгард. — Когда их воины будут уничтожены, остальные быстро погибнут и станут кормом для червей. Уже завтра мой топор попробует кровь этих троллей и вынесет им приговор!»

57

Голос Ионны пробился сквозь приглушенное бормотание ее советников, которые собрались в большом, роскошном шатре княгини:

— Докладывайте. Стен?

Стен встал и склонился перед Ионной, а затем и перед всеми остальными присутствующими. Марши последних дней были достаточно напряженными для всех, и

усталость ясно читалась на их лицах. При этом юному влахаку все еще казалось чудом то, как воины его народа, исполненные надежды, покинули Дезу, чтобы выступить против войска Цорпада.

— Лазутчики сообщают, что Цорпад стоит на расстоянии полдня пути. Он выбрал как раз то место, что вы и предсказывали.

— Это не колдовство, а простой здравый смысл. Позиция, которую он занял, хорошо подходит для этого. Неагас?

— Госпожа, наши воины готовы. Как было приказано, эти... э-э-э... наши союзники отправились на повозки, и мы можем сейчас разбить лагерь. Кони нервничают, но мы держим это под контролем.

— Очень хорошо. Истран? — обратилась княгиня к человеку, который занимался снабжением войска.

— Госпожа, — начал юный офицер и встал с небольшим поклоном. — Повозки из Дезы прибыли в лагерь вчера вечером, и мы использовали ночь, чтобы все подготовить. Повозки обоза были освобождены для троллей, мы выложили наши запасы здесь и взяли с собой только самое необходимое.

— Это означает, что после битвы наши солдаты останутся без запасов, — заметил Эрегиу, и Ионна кивнула.

— Да. Что лишь подчеркивает необходимость победы, — сказала она и повернулась к Стену. — Ты разведал путь?

— Да, госпожа, тропа старая, но еще проходима. Я не обнаружил следов лазутчиков Цорпада. Если мы будем действовать быстро и решительно, то сможем воспользоваться преимуществом неожиданности!

— Так что? Разорвем Цорпаду задницу до самого пупка? — неожиданно взял слово Крон, бородатый предводитель кланов с высоких лугов Мардева.

Как всегда, все затихли, когда говорил покрытый шрамами седовласый воин. Одетый лишь в шкуры, с мощным топором за поясом, Крон впечатлял, покоряя своей дикостью. То, что кланы пришли из своих затерянных и хорошо обороняемых высокогорий, чтобы помочь своим братьям и сестрам, Стен оценивал как большую победу Ионны.

«Они хорошо смотрятся рядом с Пардом», — мелькнула мысль у Стена, и он не удержался от улыбки.

— Хорошо, тогда не будем медлить. Отдавайте приказ для выступления. Высылайте вперед лазутчиков, — приказала Ионна. — Завтра в это время наша судьба уже будет решена!

Ей ответили старинным боевым кличем, затем собравшиеся командиры устремились из шатра, чтобы выполнить приказ. Стен остался и вопросительно посмотрел на княгиню, которая задумчиво смотрела на пламя чаши, которое разгоняло серость утра в шатре и согревало.

— Как вы оцениваете наши перспективы, госпожа?

— Что? — переспросила погруженная в мысли Ионна, но потом ее пронизательный взгляд остановился на юном влахаке.

— Ты хочешь услышать правду, Стен? Позиция Цорпада хороша, даже если мы обойдем его и нападём на фланги. Мы не сможем полностью застать его врасплох, он будет передвигать свои войска и бросать их на подавление наших атак. У него большая численность, лучшая кавалерия и гномы.

— Все это верно, но у нас тролли, — добавил Стен.

— Только если мы сможем помешать тому, чтобы Альбус Сунас отключил их своим светом.

— Я заверяю вас...

— Да, я знаю. Ты сделаешь все возможное. Но очень многое зависит от удачи твоего плана. И даже если все пойдет так, как мы хотим, у Цорпада остаются преимущества. Я охотно верю в бахвальство троллей, что каждый из них стоит десяти, а то и больше людей,

но даже в этом случае Цорпад превосходит нас.

— В осенней битве он тоже превосходил нас, госпожа, но мы победили.

— Да, только на этот раз Цорпад лучше подготовился. Стен, ты хороший человек и верный соратник. Твое присутствие вселяет в наших воинов мужество и веру. Ты один уже был большой помощью, без тебя у нас, наверное, не было бы ни малейших шансов на успех. Но мы оба знаем, что нам предстоит жестокая битва и что арифметика против нас.

— Что значит арифметика? — возразил Стен, которого удивило мрачное настроение княгини.

— В войне? Много, — заявила Ионна. — Я не говорю, что мы проиграем в любом случае. Но если наш план рухнет, если мы не сможем защитить троллей, то скоро орел Цорпада будет развеваться над бойницами Дезы.

— Значит, наш план обязан сработать, — с ударением сказал Стен.

Ионна, улынувшись, кивнула.

— Так и есть.

Юный воин хотел уже выйти, но Ионна еще раз позвала его.

— Стен... если увидишь Висинию, отправь ее, пожалуйста, ко мне. Я хочу поговорить с ней.

С этими словами княгиня отпустила его, юный воин склонился в поклоне и вышел из шатра. Тем временем солнце взошло и прогнало ночной туман. На палатках и на траве блестела роса. Несмотря на утреннюю прохладу, солдаты уже занялись сворачиванием лагеря и укладкой снаряжения. Куда бы Стен ни взглянул, везде видел на лицах мрачную решимость. Ожидание сражения, казалось, придавало солдатам новые силы, в то время как ожидание за мрачными стенами Дезы отбирало у них надежду. «Они верят в Ионну, они верят в победительницу осенней битвы», — промелькнуло у него в голове.

В последнее время почти никто не спал, так как из-за троллей армия двигалась только ночью, это подтачивало силы людей. Воспоминания о последних днях и ночах расплылись, и Стен едва различал их. Он почти не отдыхал с тех пор, как Ионна отдала приказ к выступлению. Юный воин отправлялся на разведку, позволяя себе лишь короткий отдых, а потом снова пускался в путь. Он уже перешагнул крайние границы усталости, делая все, чтобы удостовериться, что им не угрожает засада. Люди и тролли двигались маршем каждую ночь, от заката до рассвета. Днем влахаки разбивали лагерь и могли немного отдохнуть.

Каждый старался как мог. Цорпад, очевидно, рассчитывает, что их войско будет двигаться лишь по ночам и, таким образом, не будет ожидать нападения так скоро. Благодаря идее Стена опустошить повозки снабжения и транспортировать на них троллей войско продвигает быстро, что будет большой неожиданностью для марчега.

Вдруг Стен увидел Висинию, которая стояла под навесом одной из палаток и разговаривала с Неагасом. Влахака тоже очень устала, ее лицо было бледно, под глазами обозначились темные круги. Но взгляд был полон жизни, так же как и жесты. Она что-то объясняла Неагасу.

Улыбаясь, Висиния глянула на Стена, и у него потеплело на сердце. Обязанности постоянно разделяли их на марше, но те немногие слова, которыми они обменивались, были, как всегда, наполнены добротой.

— Висиния, — крикнул Стен и подошел. — Твоя сестра хочет с тобой поговорить.

При этих словах ее лицо омрачилось.

— Хорошо, — кратко ответила она и отбросила несколько прядей с лица. — Вы извините меня, Неагас?

— Конечно, госпожа, — ответил ветеран и склонился, после чего браво развернулся и пошагал к своим всадникам, которые как раз седлали коней.

— Ты готов выступать сейчас, Стен? — спросила Висиния.

— Я поеду вперед и осмотрюсь. Мы должны быть уверены, что тропа не обнаружена и что нас не ожидают.

— Когда ты вернешься?

— Во второй половине дня. Мне еще нужно снарядить и подготовить своих воинов, — объяснил Стен. — Остальное должны выполнить другие лазутчики, потом у меня будут еще другие задачи.

— Хорошо, я буду ждать, — пообещала Висиния и улыбнулась ему, после чего отправилась к Ионне.

Стен задумчиво посмотрел вслед влахаке. «Она будет ждать меня? Что, о духи, это может означать?» — спросил он себя, но тут перед ним возникла Данаэ и хлопнула его по плечу.

— Ну, что, натер уже себе мозоль на заднице?

Стен со смехом отмахнулся.

— Еще нет.

— Тогда садись на своего конька. Для нас есть работа!

— Конька? Данза — благородный рысак, а не рабочая лошадь! — сказал Стен с наигранным возмущением.

— Данза, уши б мои не слышали, — съязвила лазутчица. — Что за имя для боевого коня!

— Лучше молчи, он очень чувствительный, — предупредил Стен и закатил глаза.

Смеясь, оба влахака побежали к огороженному загону с лошадьми, им предстояла новая вылазка.

Время уже перевалило далеко за полдень, но осеннее солнце еще достаточно высоко стояло на небе, когда Стен вернулся в лагерь влахаков в хорошем настроении. Ни один из лазутчиков не нашел указаний на то, что Цорпад догадывается об их приближении. Конечно, полностью застать врасплох маршега не удастся, так как место его лагеря давало хороший обзор, но под защитой наступающей темноты и леса влахаки, скорее всего, смогут достаточно близко подобраться к масридам, чем и перечеркнуть их планы.

Без сомнения, Цорпад попытается принудить их драться днем, в то время как Ионна своим непредсказуемо быстрым продвижением как раз собиралась добиться противоположного. До сих пор расчеты княгини оправдывались, и Стен от души надеялся, что это не изменится. Даже ночью победа над Цорпадом достанется с большим трудом, а днем это было бы безнадежно.

Стен медленно подвел Данзу к своей палатке и с трудом спрыгнул. Давали о себе знать лишения последних дней, но так или иначе завтра утром уже все закончится, к добру или к худу.

Из палатки вышел Костин, который, как всегда, выглядел свежим и бодрым и в этот момент с наслаждением грыз яблоко.

— Привет, Стен. Вернулся? Обнаружил что-то? — спросил маленький влахак и с любопытством посмотрел на Стена.

— Нет, все спокойно. Мы подоברались к лагерю Цорпада. Все тихо, никаких волнений. Что бы ни происходило, Цорпад все равно не сможет помешать тому, чтобы битва произошла в темноте. Сегодня ночью будет война, Костин, — сообщил Стен и потянулся, чтобы расслабить напряженные мышцы.

— Я позабочусь о твоём коне. Ты должен отдохнуть. Уверен, что приказ к выступлению не заставит себя ждать, стоит только троллям проснуться.

— Это было бы замечательно. Спасибо, — ответил юный воин, улыбаясь, и похлопал Костина по плечу. — Мне осталось немного времени, да?

— Немного, — согласился с ним бывший художник и взял Данзу за поводья, а Стен вошел в палатку, которая поддерживалась средней штангой, поэтому в центре можно было стоять во весь рост.

Стен знал, что он и его отряд должны составлять авангард, чтобы основные силы успели занять позиции. И так как первый удар имел огромное значение, то для осуществления их плана других вариантов не было. «Нет времени спать», — подумал Стен и посмотрел на миску с водой, которая стояла у входа. Несколько холодных брызг в лицо

оживили его настолько, что он снял рубашку и, недолго думая, облил себя холодной водой. С глубоким вздохом Стен наслаждался прохладой, а потом поднял миску и вылил воду на голову.

Как только Стен обсох и надел рубашку, он вышел из палатки и направился бесцельно бродить по лагерю, так как был слишком взволнован, чтобы отдыхать по-настоящему.

На пути он прошел мимо нескольких костров, у которых пели воины. Как в старые времена, накануне битвы дюжины воинов пели старые песни. Некоторые даже танцевали, здесь и там он видел обнявшиеся пары. «Кто из нас может знать, переживет ли он следующий рассвет? — подумал юный влахак, наблюдая за всем этим. — Отпразднуем этот день». Слышались тихие и громкие песни о битвах и войне. Стен видел, как некоторые воины рассказывали о героях, королях и печальной любви. Неожиданно послышались голоса солдат, просивших кого-то спеть еще одну песню.

Стен задержался у костра, где здоровенный мужик неожиданно чистым голосом пел балладу о Леан, королеве, которая вышла на бой, чтобы спасти своего любимого из темного леса. Некоторые воины, стоявшие возле поющего, узнали Стена и уступили место в центре группы слушателей. С улыбкой он присоединился к ним.

Внезапно он почувствовал, что на него кто-то пристально смотрит. Когда он огляделся, то прямо напротив себя увидел Висинию, которая глядела на него с противоположной стороны костра. Их взгляды встретились, и она улыбнулась.

Стен подошел к ней. Ее улыбка стала шире, когда он остановился рядом.

— Я искала тебя, — просто сказала она.

— Ты искала меня? А что случилось?

Она показала рукой в сторону от костра.

— Давай немного пройдемся.

Стен согласно кивнул, и они молча пошли рядом, пока не достигли места, куда не доставал свет костра. Стен остановился и вопросительно посмотрел на Висинию. Она кивнула, и они пошли дальше, дошли до его палатки. Стен отбросил полотно, прикрывавшее вход в нее. Оказавшись внутри, Висиния замерла в центре. Стен пытался понять, чего же хочет рыжеволосая влахака. Неожиданно он понял, насколько близко она стоит. «Мне нужно лишь протянуть руку, чтобы до нее дотронуться», — промелькнуло у него в голове.

— Итак, ты хотела поговорить? — сказал он, внезапно рассердившись, так как вспомнил, что Висиния теперь навсегда недостижима для него. В последние дни он почти забыл об этом, так как все время был занят. И одной из причин того, почему он так часто ходил в разведку, как он с удивлением понял, было то, что он не хотел встреч с Висинией. «Раньше мы часто виделись, говорили друг с другом, — подумал Стен. — Я не хочу потерять ее!»

— Да, я хотела поговорить, — мягко ответила она, — из-за планов Ионны на мое будущее. Если, конечно, это будущее состоится.

— Да, я знаю, — гневно выдавил Стен. — Ты выйдешь замуж за Ласцлара Сциласа, так как это самое лучшее для нашего народа. Не так ли? Так что я желаю тебе всего хорошего!

Он как раз хотел развернуться и выйти в сумерки, как услышал ее тихие слова:

— Но я не буду. Я не буду выходить замуж.

Стен удивленно остановился.

— А как же намерения Ионны заключить этот союз? — спросил он.

— Она сдалась. Поэтому она и хотела поговорить со мной. Чтобы сказать мне, что я свободна. Будет эта война означать наш конец или нет, это отныне не зависит от династического брака, считает она. И...

Хотя Стен и слышал ее слова, но он все еще не мог понять, что она ему говорит. «Она свободна!» — пронеслось у него в голове. Наконец он вышел из оцепенения и схватил ее за руку.

— Висиния, я... я...

— Ш-ш-ш... — она приложила к его губам палец. — Хочу, чтобы ты знал: даже если

бы Ионна не изменила своего мнения, я все равно пришла бы к тебе сегодня.

Мир, казалось, потерял все цвета, и неожиданно крики и песни лагеря стали доноситься словно издалека. Ее близость и запах дурманили юного воина, заставив просто позабыть обо всех волнениях и вопросах, и он обнял ее. Его губы нашли ее губы, и все его существо ощущало только ее прикосновения, его тело прижалось к ней, ее губы раскрылись под натиском его губ. Опыянный, Стен зарылся рукой в ее волосы, наслаждаясь ощущением ее тела под своими пальцами. Он хотел, чтобы она оставалась в его объятиях вечно, чтобы вечно длился поцелуй. Но покашливание у входа в палатку заставило обоих обернуться.

— Вы что, живете тут во грехе? — усмехаясь, спросила Флорес и вошла.

Стен удивленно спросил:

— Что ты тут делаешь?

— Какое милое приветствие, братец. И я рада тебя видеть. И конечно, тебя, Висиния, тоже, — смеясь, ответила сестра Стена.

Сконфуженно Стен посмотрел сначала на нее, потом на Висинию, та улыбалась.

— Прекрасно, что ты здесь. Но, может, ты не знаешь?... Ночью будет битва.

— Да, да, — отмахнулась Флорес. — Знаю. Кстати, мне понадобится кое-какое снаряжение.

— Ты будешь сражаться с нами? Ты изменила мнение? — вырвалось у Стена, и он подошел и взял сестру за руку.

— Ну ладно, — отозвалась она. — Только не надо сантиментов, хотя, вероятно, завтра в это время мы уже будем все мертвы!

— Почему ты передумала? — спросил Стен, который почти лишился дара речи.

— Вы же все время уговаривали меня... Вы все. Можно одуреть с вами, — с усмешкой объяснила Флорес, а потом серьезно добавила: — Смерть Нати не должна быть напрасной.

— Спасибо, Флорес, — тихо сказал Стен, но сестра отмахнулась.

— Не благодари. Сегодня ночью столкнутся друг с другом тысячи воинов, я уже молчу о твоих больших уродливых друзьях!

— Конечно. Но... — начал было Стен, но тут его прервал Костин, который, насвистывая, вошел в палатку и резко остановился, увидев маленькое собрание.

Взглянув на Висинию, в глазах которой стояли слезы, он быстро спросил:

— Все в порядке?

— Конечно, дружище Костин, — ответила Флорес и положила маленькому влахаку руку на плечо. — Пойдем, снаружи песни и танцы!

— Но я пришел как раз... — озадаченно начал Костин, но Флорес энергично перебила его:

— Пойдем!

Бросив последний взгляд на Стена, Костин все понял.

— Конечно, снаружи поют и танцуют, ясно!

Смеясь, Флорес вытащила его из палатки, и Стен с Висинией снова остались одни. Стен смущенно посмотрел на нее, потом сердце заставило его притянуть девушку в свои объятия. Ее пальцы скользили под рубашкой по его голой спине, в то время как он целовал ее шею.

— Я люблю тебя, Висиния, я люблю тебя, — шептал Стен, и ее волосы касались его лица. — Я дурак, что так долго не говорил тебе об этом, — пробормотал он, покрывая ее лицо поцелуями.

— Ты не дурак, ты мне уже все сказал, только по-своему. После этого она опустила на его ложе, и он последовал за ней.

Темноту и тишину ночи разорвал свет множества факелов, звуки труб. Когда влахаки покинули лес и двинулись на холм, в лагере Цорпада началась лихорадочная деятельность.

«Удивлены? — злобно подумала Флорес. — И это лишь начало!»

Но предстояло пройти еще большой открытый участок, а это давало масридам достаточно времени, чтобы развернуть позиции. Вместо того чтобы подойти с юга, где, собственно, и ожидалось их появление, влахаки подошли к лагерю Цорпада с востока, где местность не давала преимущества маршегу. Обманный маневр — продвижение войска Ионны днем по тайным дорогам, подсказанным Стеном, — позволил обойти позиции Цорпада и большую часть постов, которые охраняли подступы к его лагерю.

Где-то позади Флорес мужской голос завел балладу о Раду Святом, и уже скоро ее стали подхватывать остальные, пока песня не зазвучала так, словно целое войско пело как единая глотка. По спине Флорес пробежал мороз, когда сила слов дошла до нее и пронзила всю, от макушки до пят.

Все ближе и ближе они подбирались к масридам, сигнальные трубы которых все еще тревожно гремели, но потом приказ остановиться дошел до тех рядов, в которых находилась Флорес. Только сто — сто пятьдесят шагов разделяли сейчас оба войска. Множество факелов ярко освещали передние ряды, хотя само поле битвы было окутано тьмой. Воины схлестнутся в плоской ложбине меж двух холмов.

В первых рядах противника, в центре, там, где борьба обычно разгорается сильнее всего, Флорес разглядела воинов маленького народца в сверкающих металлических доспехах, с широкими щитами, на которых был выгравирован переплетающийся орнамент. На флангах стояли масриды в полном облачении, с копьями и щитами.

Позади них она увидела кавалерию, которая заняла место на косогоре, за пределами досягаемости лучников. На вершине холма были палатки, на одной из них развевалось знамя Цорпада. «Ты, сволочь, — пронеслось в голове у Флорес. — Сегодня ты ответишь за все!»

Но сначала нужно было выиграть битву, а ряды их врагов были крепки. Юный воин возле Флорес выразил ее собственные мысли:

— Так много...

— Войско всегда кажется больше, чем оно есть на самом деле, — успокоил его стоящий рядом ветеран. — Во время осенней битвы войско выглядело точно так же, а под конец масриды улепетывали как зайцы!

Грубый смех последовал за его словами, но Флорес чувствовала страх мужчин. Она сама отерла лоб рукой в перчатке и поправила шлем.

Неожиданно справа раздался стук копыт, и Флорес увидела Ионну, которая вместе с другими командирами двигалась вдоль линий влахаков. Когда она достигла центра, то обнажила меч и подняла его высоко над головой.

— Сегодня все мы едины, так как сегодня мы сразимся за свободу! Мы будем убивать за свободу, а кто-то умрет за свободу, но завтра солнце взойдет над другим Влахкисом, над новым Влахкисом — страной влахаков!

Ее голос звучал ясно и мощно, и Флорес почувствовала, как сила слов воеводы возвысила ее дух. И вместе с другими влахаками она подняла оружие и закричала:

— Тиреа! Ионна! Влахкис!

Под эти крики княгиня проскакала вдоль рядов с обнаженным мечом. Потом она и ее спутники поднялись выше на холм, с которого они будут руководить сражением. Тяжело дыша, Флорес стиснула зубы и посмотрела на вражеских солдат.

— Гномы... А правда, что о них рассказывают? — снова спросил юный воин, но, до того как Флорес ответила, позади них раздался ужасный рев.

Тяжело ступая, отчего содрогалась сама земля, тролли пробирались через ряды вперед. «Я, наверное, потом отвечу, что рассказывают о гномах», — весело подумала Флорес. Ее взгляд упал на троллей, и удивление отогнало все другие мысли.

На первых пяти троллях, которые пробирались сквозь ряды влахаков, были железные шлемы и металлические пластины на бедрах и голених. Тела некоторых покрывали толстые полосы кожи с металлическими заклепками. В своих огромных ручищах они сжимали мощные дубины, окованные железными кольцами, на которых были грубо закреплены

шпы. У одного был топор на длинном шесте, который он легко держал одной рукой, а другой закинул себе на плечо боевую палицу, усеянное шипами навершие которой было крупнее головы Флорес. Свет факелов мерцал на темном железе их доспехов, придавая троллям вид, словно они были существами из другого мира. «Они дали им доспехи и оружие, — с удивлением подумала Флорес. — Да эти чудовища могут и без того одним ударом сбить воина в латах и размоzzжить ему все кости. Что же они натворят теперь?»

Один из троллей остановился возле Флорес и воздел ручищи. Его рев был подобен удару в грудь; когда к нему присоединились другие, влахаки прижали руки к ушам, чтобы не оглохнуть.

Когда шум затих, гномы начали ритмично стучать оружием по щитам, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, пока их удары не слились в один длинный звук, который затем резко оборвался, словно по команде. Усмехаясь, тролль возле Флорес поставил дубину на землю и захлопал в ладони.

— Они боятся! — засмеялось чудовище.

— Друан? — колеблясь, спросила Флорес, так как не была уверена, что правильно угадала.

— Сестра Стена, — подтвердил Друан ее предположение и усмехнулся, обнажив свои мощные клыки. — Сегодня хорошая ночь. Война, кровь и смерть нашим врагам!

— Подожди, — прошептала Флорес и посмотрела на линии врагов, которые не особенно испугались при появлении троллей.

«На меня такое количество чудовищ-людоедов ростом в три шага нагнали бы больше страха», — подумала влахака. Где-то посреди вражеских рядов Флорес смогла рассмотреть маленькую группу людей, одетых в белое, которые стояли у подножия холма рядом с палаткой Цорпада. Она внимательно осмотрела край леса слева, но в темноте не смогла ничего разобрать, кроме темных очертаний деревьев и кустов.

— Мы доверяем Стену, — неожиданно пробасил Друан, и Флорес смущенно посмотрела на тролля, но потом она поняла.

— Я тоже, — ответила воительница, и Друан кивнул ей. Затем он поднял дубину и проверил хватку, после чего снова оглушительно заревел. Снова другие тролли присоединились к нему, и шум перекрыл остальные звуки. Но на этот раз враги отреагировали иначе, так как неожиданно из массы солдат вырвалась вперед маленькая группа всадников и помчалась на влахаков. На всадниках были легкие доспехи, но все они были вооружены луками. «Сцарки», — распознала Флорес и схватила щит крепче.

— Щиты! — как и ожидалось, последовал приказ, и Флорес подняла свой круглый деревянный щит.

Когда группа оказалась на расстоянии менее пятидесяти шагов, всадники внезапно резко развернули коней и послали назад град стрел, который был нацелен на троллей. Многие из выстрелов попали в цель, одна глухо вонзилась в щит Флорес, а две другие — в толстую кожу Друана, отчего тролль застонал. Но ни один из великанов не упал, не показал слабости, напротив, тролли громко расхохотались, посылая сцаркам язвительные замечания. А один из троллей повернулся к ним спиной и показал врагам свой голый зад, что вызвало еще больше смеха.

Сцарки снова повернули коней и поскакали к линиям влахаков. Друан ударил кулаком по шлему, фыркнул и прорычал:

— Вперед!

Вокруг него тролли крепче схватили оружие и приготовились.

— Что вы делаете? — спросила Флорес. — Еще не было приказа!

— Наплевать, — прорычал один из троллей, огромное чудовище ринулось вперед.

Было похоже, словно первый камень покатился, а за ним пошла лавина. Все тролли с ревом побежали, поднимая оружие. Флорес в отчаянии посмотрела на своих предводителей, которые заняли позицию на возвышенности холма. Она увидела гонцов, жестикулирующих людей, а затем раздался сигнал трубы: «В атаку!»

Воины сразу же двинулись вперед, но они видели, что тролли опередили их уже на много шагов. «Они быстрые», — еще успела подумать Флорес, потом самый первый тролль уже поймал скачущего стрелка, который недостаточно быстро развернулся, и небрежно выбил его дубинкой из седла, отчего воин, махая руками и ногами, взлетел в воздух. Другие сцарки погибли от ударов троллей, но некоторые успели отреагировать быстрее и ушли.

Линии противника тоже пришли в движение. Воины маленького народца, пригнувшись за своими щитами, медленно, но уверенно продвигались вперед. Позади Флорес раздался еще один сигнал, и неожиданно над их головами взвились стрелы. Раздались крики, когда некоторые из смертоносных выстрелов, несмотря на поднятые щиты и доспехи, попали в незащищенную плоть, но, прежде чем влахаки смогли возликовать, в лагере врагов неожиданно взошло солнце.

Ослепленной Флорес пришлось отвернуться и прикрыть глаза рукой, но зрение быстро вернулось. Позади нее раздался еще один длинный сигнал, которого уже ждали, и все устремились вперед, где тролли беззащитно лежали на земле. Стрелы летели во всех направлениях, лучники Цорпада тоже приготовились. Стрелы вгрызались в щиты, доспехи, плоть. Некоторые угодили в неподвижных троллей, но большинство свистели среди штурмующих влахаков. «Хорошо, что Ионна предугадала и это, — промелькнуло у Флорес в голове, пока она бежала вперед с поднятым щитом. — Иначе сейчас в рядах возникла бы паника и... все бы пропало!»

Словно пораженные молнией, тролли лежали на земле, не в состоянии пошевелиться или защититься от гномов-воинов, которые устремились на них. Но влахаки оказались первыми рядом с троллями, они пробежали мимо, перескакивая через неподвижные тела и кидаясь с отчаянным мужеством на закованные в панцири ряды врагов. Со всего размаху Флорес налетела на щит одного гнома и ударила мечом его владельца, гном зашатался под ее натиском. Вокруг нее воздух наполнился криками, металл звенел о металл, мечи вонзались в плоть, кости ломались и брызгала кровь.

Воительница защитилась от удара мечом по ногам и в свою очередь ударила гнома-воина в затылок острым краем железной окантовки своего щита, отчего тот упал. Не медля ни мгновения, Флорес ринулась на следующего; не думая, парировала его удар и сама ударила гнома по щиту. Потом резко развернулась и подняла щит, отбивая атаку другого гнома, который попал бы в незащищенный бок юного воина рядом с ней.

— Спасибо, — прохрипел тот, но копье неожиданно вонзилось ему в горло, и он с широко раскрытыми от ужаса глазами, захлебываясь, упал на землю.

Не трата времени на жалость, Флорес оттолкнула щитом окровавленное острие копья в сторону и ударила по руке масрида. Ее меч отрезал пальцы солдата, сжимавшие древко, а следующий удар прервал его крик боли, когда она рассекла ему голову.

Несмотря на все усилия, ее теснили, два гнома-воина стали напирать на нее. С большим трудом ей удавалось парировать удары их топоров, и она отступала шаг за шагом. Просто подавляя своим количеством, враги сминали всю линию влахаков, как сильно воины Ионны ни сопротивлялись. Несмотря на их численное преимущество, Флорес все же атаковала гномов; уклоняясь от их топоров, она вонзила одному из них меч в незащищенное лицо. Ее торжество продлилось недолго, так как через труп своего товарища уже перескочил другой солдат и напал на девушку. Гномы уже образовали длинный ряд щитов, которым эффективно тормозили нападение влахаков.

В суеде боя, хаосе и шуме Флорес не удавалось разглядеть, смог ли ее брат осуществить план, но чувствовала, что влахаки не выстоят долго в таких условиях. Вокруг нее падали воины Ионны, поверженные рукой гнома или человека. Снова и снова Флорес приходилось уклоняться, чтобы не быть заколотой.

«Где же ты застрял, Стен? Почему так долго?...» — в отчаянии спрашивала себя влахака и закричала от боли, когда копье вонзилось ей в бок.

Благодаря доспехам острие не зацепило легкие, и ее гневный молниеносный ответный выпад отнял у масрида жизнь, но она почувствовала, как кровь побежала по телу. Серией

быстрых ударов против одного из своих противников она выиграла немного времени, увернулась от удара гнома и отпрыгнула на два шага назад, при этом чуть не зацепилась о труп влахака, который мертвыми глазами смотрел в ночное небо.

Внезапно в ее поле зрения появился масрид с тяжелой булавой и ударил. Флорес уклонилась, но ей пришлось отпрыгнуть, когда масрид двинул ей в грудь щитом. У воина, очевидно ветерана многих сражений, один глаз закрывала повязка, и он зло усмехался ей.

— Умри, влахакская потаскушка! — прошипел он и снова атаковал.

С большим трудом Флорес удавалось защищаться от его быстрых атак. Ее рана пульсировала, но потом она заметила брешь в обороне масрида и сделала выпад. Клинок лишь царапнул толстые доспехи масрида. Его ответный удар угодил ей в плечо, и, хотя она выкрутилась, немного погасив импульс, ее левая рука словно онемела. С гневным криком она бросилась на масрида, рубя наотмашь. Противник мог парировать лишь булавой. Она симитировала нападение слева, но повела клинок направо — маневр, который удивлял многих воинов. Хотя ветеран и заподозрил подвох, но уклонился слишком медленно, и меч Флорес вырезал кровавый зигзаг на его лице, лишив и второго глаза. Его ужасный вопль резко оборвался, когда она вонзила ему острие в оголенное горло.

Она поспешно смахнула пот с глаз и огляделась. Всего в нескольких шагах сзади неподвижно лежали на холодной земле беззащитные тролли, влахаков отовсюду теснили. Из лагеря масридов все еще били вспышки света, делая троллей беспомощными. Возможно, крики, которые доносились оттуда, были шумом боя, но она не была уверена.

«Стен, Стен, где же ты?» — в отчаянии думала она, глубоко вдохнула и бросилась с криком вперед.

— Тиреа! Ионна! — кричала она.

Этот боевой клич подхватило множество глоток, и снова влахаки стали напирать, теснить противника с удвоенной силой, рубя и убивая. «Последняя атака, еще немного», — подумала Флорес, которая знала, что солдаты долго не продержатся.

Затем ей в бедро угодил удар топора, который она пропустила. Станным образом она не почувствовала боли, хотя клин вонзился ей до самой кости. Она удивлялась лишь мелькающим лицам: мрачным лицам гномов, почти полностью скрытым за густыми бородами, бледным лицам влахаков вокруг нее, которые сражались и умирали. Потом она упала, и ей показалось, что из легких вылетел весь воздух. Оглушенная, она перекатилась на спину, когда неожиданно над ней возникла тень и закрыла искусственное солнце Альбус Сунаса. Высоко поднятый топор блестел в ярком свете. Флорес завороченно смотрела, как от лезвия отделяются капли крови. «Подожди меня, Нати, — без страха подумала она. — Скоро я последую за тобой темными тропами».

59

Стен оценивающе глянул на небо, на котором висели гряды облаков, окрашенные заходящим солнцем в темно-красный цвет. Прошло немного времени, и последние лучи исчезли за горами, ночь опустилась на Влахкис. «Решающая ночь», — подумал Стен, но потом сам рассмеялся пафосу своих слов. Но это была правда, так как сегодняшняя битва была решающей для судьбы влахаков.

«Жизнь под гнетом Цорпада... Покоренные, гонимые и преследуемые, — размышлял юный воин, — или свобода... впервые за столько лет». В любом случае одно было ясно: Стен отдаст все, чтобы добыть свободу влахакам. «И не только я», — гордо подумал он и посмотрел на группу воинов, которые его сопровождали.

— Приготовьтесь, — тихо приказал он и указал на темно-красное небо. — Скоро начнутся танцы.

— Танцы? — переспросил Костин. — Разве я что-то пропустил? Битва прошла, и мы уже на пути к победному костру?

Смеясь, Стен стукнул маленького влахака по плечу.

— Терпение, друг Костин, терпение, скоро и там потанцуем, — потом он обернулся к остальным. — Возможно, для кого-то завтра солнце уже не встанет, но не бойтесь, вы уже бродите по темным тропам!

Грубый смех раздался в ответ на его шутку, потом юная воительница подошла к Стену и сказала:

— Для нас честь сражаться с тобой, Стен. Каждый из нас всегда надеялся, что встанет в битве рядом с тобой!

— Спасибо, — ответил Стен, которого тронули такие слова. — Но что-то слишком много чести.

— Нет, — вмешалась женщина, которая как раз проверяла ремни доспехов и затягивала их покрепче. — Каждый, кто слышал о твоих деяниях, знал, что ты приведешь нас к победе над Цорпадом!

— Я делал только то, что каждый сделал бы на моем месте, — заявил Стен. — Многие другие сделали гораздо больше, чем я, но погибли.

Увидев скептические лица своих соратников, Стен добавил:

— Забудьте истории! Завтра уже будут слагать песни обо всех вас, даже через сто лет будут рассказывать о ваших героических поступках!

Ушедший свет оставил тусклый и серый мир, но на мрачных лицах воинов Стен увидел надежду и решимость. В ответ на его взгляд, обращенный к ним, воины кивнули. «Нет, не вы должны гордиться тем, что сражаетесь рядом со мной, — промелькнуло у влахака в голове. — Это я должен быть горд, что могу драться рядом с вами».

Прежде чем он успел что-то сказать, Костин спросил:

— Думаешь, наш план сработает?

— А иначе я стоял бы здесь? — спросил Стен. — Уже сейчас войско продвигается вперед, и, как только станет темно, тролли проснутся. Вскоре наши воины выйдут на поле боя. Даже если незадолго до этого Цорпад будет предупрежден лазутчиками, ему уже не удастся избежать ночного сражения.

— А тут как раз и мы... — усмехаясь, сказал Костин.

— Как только ночь полностью вступит в свои права, мы выступаем, — сказал воин, бросив еще раз взгляд на небо, которое заметно потемнело. — Скоро...

Напряженно Стен выглянул из укрытия на краю леса. Между холмами собрались войска, Стен не мог разглядеть больше, он видел только точки огней и темные массы воинов, но представил себе, что где-то там внизу стоят Висиния и Флорес и, возможно, смотрят в его сторону.

«Будьте осторожны», — подумал Стен.

Как раз в этот момент ночь разорвал первобытный рев.

— Это тролли, — прошептал влахак, и Костин рядом с ним захихикал.

— Ты видишь белые фигуры вон там, за линией масридов? — спросил маленький влахак, и Стен кивнул.

— Наверное, это они. Сейчас начнется. Передай приказ дальше: подготовиться и не шуметь. Когда я побегу — за мной, только без криков.

Кивнув, Костин прошептал приказ своему соседу. Не то чтобы это было очень нужно, так как Стен подробно рассказал план всем... Но он чувствовал себя лучше, если еще раз объяснит, что они должны ударить быстро и тихо.

Под ними в небольшой ложбине завязалась битва. Всадники отделились от позиции масридов, полетели стрелы, зазвучали трубы, и влахаки двинулись вперед. Стен в ожидании вытащил меч и напрягся. А потом произошло то, чего они ждали: в одно мгновение поле битвы осветил яркий свет, который шел из-за спины рядов масридов и гномов.

— Вперед! — прошипел Стен и побежал.

Не оборачиваясь, Стен был уверен, что одетые в темное его воины следуют за ним. Молча он выбежал из леса и устремился вниз по мягкому косоугору холма. В лагере масридов, казалось, пока еще никто не заметил новой опасности, все ближе и ближе Стен

подбирался к священникам ордена Альбус Сунас, которые стояли в центре магического света.

Но потом раздались сигнальные трубы, и один отряд масридов стал двигаться из лагеря на холм, к месту ритуала, чтобы отрезать дорогу Стену и его солдатам. Стен понесся быстрее, он почти летел над землей, но все равно масриды добрались первыми и стеной выстроились перед священниками Альбус Сунаса. «Мы должны пробиться, мы должны!» — яростно подумал Стен и крикнул:

— Тиреа! За Тиреа!

Позади него влахаки подхватили этот старый боевой клич, в то время как масриды ответили громким: «Цорпад!» Предводитель отряда масридов восседал на могучем коне и выкрикивал приказы своим подчиненным. Его знамя развевалось рядом с ним, и Стена словно пронзило молнией, когда он на развевающейся ткани увидел голову черного дикого кабана. «Циро Хази!» — еще успел подумать он, но потом уже оказался в гуще масридов, пригнулся под копьём и двумя руками вонзил меч кому-то в бок.

В течение нескольких мгновений ярко освещенная ночь превратилась в хаос криков и ударов, когда влахаки с яростью налетели на масридов. Стен неистово рубил направо и налево, оттесняя противников, и кричал, сам того не замечая. Одного масрида он сбил на землю, второму рассек шит пополам. Его воины вели себя так же, и сила их первой атаки была неистова и нескрушима. К своему ужасу, Стен заметил, что на противниках были новые прочные латы, сделанные гномами. Влахаки были в легких доспехах, и их атака могла стать победоносной только благодаря скорости и внезапности.

После первого успеха влахаков масридам удалось разбить их линию и отбросить назад, хотя атакующие неустанно напирала. Посреди суматохи Стен пытался отыскать хоть маленький просвет. Он подгонял своих воинов, нападал смертельным вихрем на врагов, но пробиться не удавалось. Слишком сплоченными были ряды масридов, слишком много солдат защищали священников и их проклятое колдовство. И хотя он теснил масридов шаг за шагом назад, но продвижение было слишком медленным. «Мы должны пробиться, — снова в отчаянии подумал Стен. — Иначе все потеряно. Как долго еще Флорес и другие смогут защищать троллей?»

Несмотря на все его усилия, казалось, что Хази удастся довольно долго удерживать влахаков и тем самым вынести приговор их судьбе. «Я не справлюсь! — в отчаянии понял Стен. — Это конец!»

60

На холме царило спокойствие, в то время как всего в нескольких сотнях шагов битва набирала обороты. Яркий свет привлек внимание Висинии к тому месту поля боя, где тролли мгновенно безжизненно опустились на землю.

— Сейчас, — прошептала Висиния, и Ионна посмотрела на нее взглядом, значение которого было сложно понять.

Потом оба войска налетели друг на друга с первобытной силой, и мрачный шум наполнил ночь. «Где же ты?» — спрашивала себя Висиния, но потом она увидела темные тени. Влахаки устремились на луг, освещенный ярким ложным солнцем, и она вздохнула.

Когда Ионна рядом с ней произнесла проклятие, она последовала за ее взглядом. От лагеря Цорпада отделились солдаты и устремились на холм, чтобы защищать священников Альбус Сунаса.

— Тролли из-за своей преждевременной атаки находятся слишком близко к вражеским рядам, — сообщила Ионна. — У Стена мало времени!

Висиния напряженно следила за тем, как Стен и его воины напирала на защитников. Яркий свет Альбус Сунаса заливал поле битвы, обе сестры прекрасно видели, как влахаки и масриды сражаются друг с другом. Висиния забыла о главном сражении, все ее внимание было направлено на ожесточенную схватку вокруг священников. «Ты справишься, Стен, —

думала молодая женщина. — Ты справишься!»

Но Ионна сказала:

— Мы не сможем продержаться. Сейчас гномы доберутся до троллей!

И действительно, когда взгляд Висинии вернулся к центру сражения, она увидела, что ее сестра права. Медленно, но неумолимо влахаки отступали под неумолимым натиском гномов и масридов. Задние ряды уже достигли места, где лежали тролли. А свет Альбус Сунаса все еще сиял... А самая большая надежда влахаков тускнела на глазах...

— Мы должны предпринять что-нибудь! — торопила Висиния сестру. — Пошли кавалерию, выиграй Стену еще немного времени!

— Сестра, — спокойно сказала княгиня, — за линиями Цорпада находится тяжелая конница, которую марчег тоже бросит в бой. Если мы сейчас включим в бой свои резервы, Цорпад переживет эту атаку, а потом ударит в самое слабое место.

— Но тогда убьют троллей! Вмешательство Стена будет напрасным, и масриды сотрут в порошок наши ряды, — с мольбой ответила Висиния.

— Доверься мне, Висиния, доверься нашим воинам. Мы подождем.

— Наши фланги гнутся, осталось недолго!

Висиния в отчаянии посмотрела в ложбину, где медленно разбивались линии влахаков, в то время как у воинов Стена, казалось, больше не был сил пробиться к магам солнца.

61

Крича во все горло, Хродгард, сын Хальдигиса, построил вокруг себя свою лейб-гвардию. Одним рывком ряды сомкнулись, образовав вал щитов, о который поток слабых людей просто разбивался. Первый натиск был жесток, но теперь стойкость и боевой дух его воинов позволяли им просто сметать все вокруг.

— Щиты вперед! — заорал полководец, и его воины продвинулись на один шаг вперед, отжав тем самым людей назад, и ударили топорами.

Ответные удары сыпались на щит Хродгарда, но не могли пробить его. Ветеран ударил по опорной ноге противника, который с криком упал на землю. Быстрым ударом Хродгард раскроил противнику череп и снова стал на свое место в ряду щитов.

— Оставаться вместе! — донесся до него приказ предводителя Таинельма, и его левый фланг, как один воин, решительно и неудержимо продвинулся на шаг вперед.

Справа от него слышались приказы Гольдульфа, там тоже линии укрепились в непробиваемую стену из щитов и оружия. «Люди отступят или умрут, — торжествующе подумал Хродгард, — и тогда мы уничтожим троллей».

Марчег не обещал им слишком многого. Вначале полководец не поверил утверждениям, что тролли не важны, и тайно готовился к тому, что им придется сражаться с монстрами. Но свет, который маги солнца вызвали на поле битвы, подействовал так, словно это свет самого солнца, и отобрал у троллей жизнь и сознание.

— Щиты вперед! — приказал он снова, и гномы стройными рядами продвинулись вперед, оттесняя людей.

«Скоро мы уничтожим этих проклятых троллей раз и навсегда!»

Люди — их союзники — наступали на флангах, оказывая постоянное давление на врагов, вынуждая мятежников двигаться крылообразно назад, к центру. «Нужно служить своему господину, — презрительно подумал полководец. — Кто восстает против своего господина, не заслуживает ничего, кроме смерти».

Снова и снова его топор находил цель, отделял ноги и руки, врбался в щиты и доспехи, разбрызгивая кровь и убивая.

Враги отступали от их равномерного продвижения вперед, и Хродгард чуть ли не хохотал, настолько радовала его предстоящая победа.

— Смерть всем врагам гномов! — закричал он, и его воины ответили:

— Смерть всем врагам!

«Собственно, во время военного похода было бы достаточно легко исчезнуть, — кисло подумал Сарган и улыбнулся Скилои, которая снова присоединилась к нему. — Только у меня поломана нога и имеется слишком внимательная надзирательница».

— Говорят, что на вашей родине есть дворцы с золотыми крышами, — сказала сцарка и улыбнулась. — Это как же они должны выглядеть!

— Действительно. Я видел такие дворцы и храмы, — заявил Сарган. — Иногда кажется, что они конкурируют с самим солнцем своим сиянием!

Широко раскрыв глаза, Скилои прошептала:

— Это должно быть прекрасно!

— Воистину впечатляюще, — согласился с ней дириец. — Достойный богов вид.

Солнце уже село, и Сарган настроился на очередную ночь без происшествий. Хотя мятежники находились на расстоянии всего дня пути, дириец не мог себе представить, чтобы они напали на позиции Цорпада сегодня ночью. Даже при самом быстром темпе передвижения они должны достичь цели незадолго до рассвета и тем самым потеряют свое незначительное преимущество — троллей. Так что битва точно продлится и днем. Сарган поставил под навесом роскошной палатки стул и пил вино, которое делали на юго-востоке этой страны. «А этот виноградный сок не так уж и плох, — скучая, подумал дириец. — Но чего еще желать от такого гостеприимства. По крайней мере, я хоть в относительной безопасности, пока Цорпад считает меня полезным».

Но неожиданно в самый центр расположения примчался всадник.

— Влахаки ушли! — взволнованно прокричал парень и спрыгнул с коня.

Офицеры сразу же выбежали из палаток и окружили тяжело дышащего воина, который докладывал:

— Сегодня во второй половине дня мы обнаружили лагерь влахаков пустым, от них не осталось и следа!

Эта новость вызвала всеобщее замешательство, но затем раздался низкий голос:

— Значит, все начинается! Высылайте лазутчиков по всем направлениям, сволочи планируют...

Прежде чем марчег успел договорить, с восточной стороны прозвучали сигналы тревоги, и все глаза устремились на темный край леса, из которого неожиданно появилось море огней. С проклятиями масриды бросились врассыпную, но Цорпад лишь холодно улыбнулся, наблюдая подход противника. Потом суматоху перекрыл привыкший к приказам голос марчеге, придавая своим подчиненным спокойствия и веры:

— Трубите сбор! Выстраивайте линии так, как обсуждали, только в направлении востока!

Офицеры сразу же последовали его приказам, и множество труб разорвали ночь. Сарган улыбнулся, наблюдая за влахаками, те маршировали через вершину холма и приближались к позиции масридов, которые быстро формировали боевую линию. «На этой стороне лагеря местность имеет гораздо меньше преимуществ для Цорпада, и ночью с ними будут сражаться тролли, — с похвалой заметил дириец. — Эта воевода — хитрая лиса, или за всем скрывается Стен? Я бы совсем не удивился».

— Наконец! — крикнул Цорпад со злым смехом, наблюдая, как гномы заняли свою позицию посреди линий масридов.

Он повернулся к мужчине с белыми волосами в рясе священников Альбус Сунаса.

— Вы знаете, что нужно делать.

— Да, господин. Мы изгоним порождение темноты туда, откуда оно пришло!

— Хорошо, — ответил Цорпад и благосклонно махнул рукой, когда маг солнца с поклоном попятился назад.

Обернувшись к Саргану, широкоплечий масрид сказал:

— Вы извините меня, дириец? Мне только нужно выиграть битву и разбить мятеж!

С деланной улыбкой Сарган склонил голову, в то время как Цорпад, широко ухмыляясь, вернулся в свою палатку.

— Ваш господин в хорошем настроении, — сухо констатировал шпион.

Скилои кивнула.

— Вольные влахаки всегда были ему бельмом на глазу. К тому же он воин и радуется сражению.

— В это я охотно верю, — пробормотал Сарган, который внезапно снова вспомнил о том, как Цорпад собственноручно убил тролля во дворе крепости Ремис.

— Простите, я не поняла, — ответила сцарка, но Сарган затряс головой.

— Неважно, дорогая Скилои, неважно.

— Давайте отойдем немного в сторону, — предложила женщина. — Оттуда перед нами будет раскрываться лучший вид.

Кивком Сарган согласился с ее предложением, отставил кубок и осторожно поднялся. Его ранения после падения со скалы все еще причиняли ему боль, но целители обнадеживали, что переломы срастаются без больших последствий. «Но убежать я не могу, — сердито подумал Сарган. — Во всяком случае не под бдительным взглядом сцарки». С сахарно-сладкой улыбкой Сарган предложил ей руку, на которую она благосклонно оперлась.

— Собственно, это я должна поддерживать вас, — сухо заметила она, и Сарган кисло скривил лицо.

— Мне уже лучше, спасибо, — вежливо ответил он.

— Возможно, я смогу сопровождать вас, когда вы вернетесь в империю, — сцарка неожиданно сменила тему. — Я бы с удовольствием посмотрела на чудеса мира своими глазами.

— Это возможно, — ответил Сарган. — Но это зависит от вашего господина. И я все еще не более чем пленник.

— Когда марчег будет коронован, он будет очень заинтересован в налаживании отношений с империей, особенно хороших торговых отношений.

— Это звучит очень дальновидно. А вы кажетесь очень уверенной в том, что ваш господин станет королем.

— Он сожжет всю землю, если понадобится, чтобы стать королем, — мрачно сказала Скилои, и Сарган насторожился.

— Это действительно так? — переспросил дириец.

— Но до этого не дойдет, — отмахнулась Скилои. — Сегодня ночью влахаки падут, и другие марчегии преклонят колени, Цорпад не встретит никакого сопротивления.

— Вероятно, — согласился с ней Сарган и посмотрел на поле боя, где собрались войска.

В центре влахаков стояли тролли и производили ужасный рев.

— А это правда, что тролли... — начала было Скилои, но приближающийся стук копыт заставил ее умолкнуть.

На своем мощном, черном как ночь боевом коне к ним приблизился Цорпад, его темно-красная накидка развевалась, словно знамя, а губы скривились в жестокую улыбку, полную предвкушения битвы. В глазах Саргана марчег казался мрачным посланником самого бога войны.

— Скилои! Ко мне! — рявкнул марчег и развернул коня, бока которого тоже были защищены металлом.

С извиняющейся улыбкой сцарка попрощалась с Сарганом:

— Наслаждайтесь зрелищем, Сарган, такое увидишь не каждый день!

Глядя вслед воительнице, которая бежала к центру лагеря, Сарган спросил себя, что она имела в виду, битву или марчегу Цорпада в полном военном облачении.

Затем тролли заревели снова, и внимание Саргана обратилось к жестокому побоищу,

которое разворачивалась на его глазах. Всадники помчались вперед, полетели стрелы, тролли устремились по открытому полю, за ними, слегка помедлив, пошли влахаки, как вдруг внезапно лангор Лайос, преемник убитого троллями лангора в Стариг Яцке, вызвал ложное солнце.

Почти сразу же тролли повалились на землю, но влахаки, казалось, рассчитывали на это, так как их солдаты сразу же устремились вперед, защищая неподвижных гигантов. Сарган напряженно смотрел в ложбину, пытаясь понять, что там происходит. Но как сильно он ни напрягался, все же не смог разглядеть ни одного знакомого лица.

«Сражаешься ли ты там внизу, Стен, — спросил себя дириец, — за свободу? Или ты уже убит, как и многие другие сегодня ночью?»

Но потом движение справа привлекло его внимание, он увидел группу одетых в темное людей, несущихся на священников Альбус Сунаса. «Нет, ты там, правда? Всегда там, где опаснее всего».

Прежде чем влахаки успели добраться до священников, из лагеря отделились масридские воины и встретили их. «Значит, Цорпад все это запланировал, поэтому эти пехотинцы в новых доспехах стояли в резерве, — понял Сарган. — А от меня он держал это в секрете, так как не доверяет. Еще бы. И в принципе я не могу упрекнуть его в этом».

Его взгляды переходили с одного места боя на другое, он наблюдал, как влахаков теснят, в то время как Стен медленно пробивался к Альбус Сунасу. Уже скоро для дирийца стало очевидно, что Стен справляется недостаточно быстро. Систематическое продвижение гномов вперед все больше приближало их к троллям, и последний натиск влахаков затухал у стены щитов, в то время как Стен застрял в смертельном поединке с пехотинцами масридов в новых доспехах. «И ты все еще думаешь, что все эти жертвы чего-то стоят? — удивился Сарган. — Ты сомневаешься? Все твои идеи не помогают тебе сейчас, Стен. Цорпад победит, твой народ потеряет все, а я из этого еще и выгоду получу. Я боролся бы за свою семью, но за чужих?»

Угрызения совести мучили Саргана, когда он вспомнил о своем споре с влахаком и о том, как рассказал Стену о своем задании. «Я не соврал, я помогал вам, пока это вредило гномам, но в моем теперешнем положении я смогу больше пользы принести своим хозяевам, — размышлял Сарган, в то время как внизу умирали люди и гномы, а ход битвы все больше поворачивал в пользу Цорпада. — Ты знал это, а я и не скрывал! И почему я вообще оправдываюсь? — сердито подумал Сарган. — Я никого не вел на безнадежную битву. А ты держал клинок у моего горла!»

Но другой, тихий голос сказал: «Но он не заколол тебя».

«Проклятье! — ругался Сарган про себя. — Проклятье!»

Пока он, нервничая, ходил туда-сюда, то случайно приблизился к какой-то повозке. Юный солдат, сцарк, преградил ему дорогу:

— Остановитесь, господин, вам нельзя...

Не думая, Сарган ударил согнутыми пальцами правой руки в горло воина, тот с удивленным лицом осел на землю. Стен вырвал из руки воина булаву и поковылял к самой крайней повозке. «Что я здесь делаю?» — в отчаянии подумал дириец, но его удар уже попал по первому тормозному клину и вышиб его. Позади себя он услышал хрипы сцарка:

— Тре-е-евога!

В два шага Сарган оказался с другой стороны повозки, и еще один удар выбил последний клин. Повозка неудержимо покатила вниз по склону. «Если я переживу это, то ты мне будешь невероятно обязан!»

Потом он бросил оружие и поковылял между повозок, даже не проверяя результатов своего поступка и не обращая внимания на крики позади себя. «Я должен добраться до западного края; возможно, я смогу украсть коня. Битва будет отвлекать их, — размышлял дириец, пробираясь между палаток. — Возможно, это сработает, возможно...»

Удар стрелы в плечо отшвырнул его и повалил на землю. Боль пронзила все его тело, оставив в мозгу огненные следы. Оглушенный шпион перекатился на живот. Когда стрела

чиркнула по земле и завибрировала в теле, то подкатила тошнота. К нему приблизился грохот; ничего не понимая, Сарган взглянул вверх и увидел лишь чей-то черный, мощный силуэт.

— Проклятье! Полководец был прав, я не должен был доверять тебе.

Сарган озадаченно пытался понять смысл слов, но неожиданно темнота накрыла этот мир. «Свет, — подумал дириец. — Свет исчез!»

Кто-то снова гневно изрыгнул проклятье, и теперь Сарган узнал его и смог вспомнить ему имя: Цорпад.

— Отнеси его в мою палатку и позаботься о том, чтобы он еще жил, когда я вернусь! — приказал марчег кому-то.

Потом он надел темный шлем и закричал:

— Приготовьтесь к атаке! Теперь выступаем мы!

Цорпад исчез из его поля зрения так же быстро, как и появился, а вместо него возникла Скилои Касцон, которая, качая головой, встала на колени возле него и положила лук на изрытую копытами землю.

— Это было не очень умно, Сарган. Ваша смерть будет долгой и мучительной, — объяснила она, подхватив дирийца под руки и поставив на ноги.

— Но теперь я все-таки буду знать, за что умираю, — прохрипел Сарган, содрогнувшись от короткого приступа кашля.

Двое других солдат присоединились к Скилои и больше несли Саргана, чем он шел сам. В палатке они положили его животом на пол, а Скилои потянула стрелу, отчего у Саргана потемнело в глазах. Он изо всех сил боролся с подступающим обмороком и даже кричал от боли, когда Скилои ножом вырезала стрелу.

Возможно, он все-таки потерял сознание, так как, когда он снова открыл глаза, рана была перевязана, а его руки связаны, и он был в палатке один. Он быстро огляделся, но не нашел никакой возможности освободиться от пут. Неожиданно на него упала тень, и он увидел Скилои, которая стояла над ним. Выражение ее лица было мрачным, а в правой руке у нее был один из локонов Саргана. «Все же моя смерть могла выглядеть и хуже, — пронеслось у Саргана в голове. — Она сделает все быстро, в отличие от своего хозяина».

С решительным выражением лица Скилои опустилась на колени возле дирийца и подняла оружие.

— Расскажи мне больше о золотых куполах дворцов, — попросила она, разрезав путы Саргана.

— Обязательно! — улыбнувшись, пообещал Сарган и заковылял за ней в темную ночь.

63

— Вперед! Вперед! — кричал Стен, и его голос заглушал шум самой битвы.

Вокруг него влахаки с отчаянным мужеством бросались на масридов, своей отвагой отесняя их назад, во вражеских рядах оставался кровавый след. Но даже этих почти нечеловеческих усилий не хватало; маги солнца замерли на расстоянии дюжины шагов в безопасности, защищаемые солдатами циро Хази. Рядом с ним упал на землю Костин, тяжелораненый, мертвый или еще живой, и исчез из поля зрения Стена. «Нет! — мысленно закричал Стен. — Так не должно все закончиться, так не может все закончиться!»

Но все их усилия, все их жертвы казались напрасными. Масриды хотя и отступали, но их оборона держалась, несмотря на неистовую атаку влахаков.

Стен устало смахнул с лица несколько капель крови. Он не мог сказать, была ли это его кровь или врага. Краем глаза он заметил какое-то движение на холме. Быстрый взгляд в ту сторону — и юный воин увидел, как одна из тяжелых повозок отделилась от остальных и медленно покатила вниз по холму. Кто-то маленький, сторбленный поковылял прочь. Стену показалось даже, что в свете ритуального огня мелькнули рыжие волосы. «Сарган?» — удивленно спросил он себя, но потом заметил, что повозка направлена прямо на них.

— Назад! — приказал он, в то время как новая надежда вспыхнула в нем ярким пламенем, вылившись в громкий возглас.

Озадаченные воины выполнили приказ, собрались вокруг него и под натиском масридов отступили.

— Стен сал Дабран! — прозвучал язвительный голос Хази сквозь шум битвы. — Ты, шелудивый пес! Беги, трус, моли о пощаде, как это делала твоя мать!

Звериный крик вырвался из горла Стена, но ряды масридов мешали ему наброситься на циро, который всего в нескольких шагах восседал на своем жеребце.

— Грязный мятежник, — издевался сцарк. — Сегодня ночью я завершу то, что начал в осеннюю битву. Ты подохнешь, как крыса!

Стен парировал удар одного масрида ударом по горлу, бросил еще один взгляд на холм и увидел с грохотом несущуюся повозку. Неожиданно масриды с правого фланга тоже увидели опасность и с криками стали отпрыгивать, но для многих было уже слишком поздно. Тяжелая повозка неудержимо прошла по рядам врагов, дробя их кости и мышцы, разбивая щиты и копыя.

— Вперед! — крикнул Стен. — Тиреа! Ионна!

От удара повозки ряды масридов пришли в беспорядок, и влахаки воспользовались этими просветами, прорвались вперед, с дикой силой раздавая удары, пронеслись бурей по рядам противника. Стен неумолимо атаковал, пригнулся от одного удара, ударил противника под колено, второго ударил эфесом меча в лицо. Только затем, чтобы броситься на щит третьего и оттолкнуть его на грязную землю. В лицах масридов Стен прочитал страх, некоторые оглядывались в поисках спасения. Их моральный дух надломился, а уверенность в победе исчезла под мечами влахаков.

Посреди суматохи Хази созывал воинов, пытаясь собрать их вокруг себя, чтобы не позволить противнику сомкнуть линию обороны, но Стен уже оказался возле него и ударил своего заклятого врага мечом по ноге. Ругаясь, тот развернул жеребца и блокировал удар щитом, но Стен схватился за край щита и вырвал его. Сцарк в исступлении наносил удары, нацеленные на Стена, но юный воин упал на землю, при этом продолжая крепко удерживать щит с головой кабана. С криком Хази вывалился из седла и рухнул на Стена, конь шарахнулся. Одно мощное копыто ударило в землю рядом с головой Стена, второе попало ему в плечо, но опаснее был циро Хази, который вскочил на ноги и пошел на Стена.

Вначале Стен мог лишь отступать, откатываясь по земле, чтобы уйти от яростных атак. Он пропустил удар в ногу, затем в руку, но поднялся и сумел вовремя парировать очередной сильный удар Хази.

В одно мгновение Стен получил преимущество. Весь его гнев и ярость из-за потери родителей, весь страх и отчаяние он вложил в удары, которыми осыпал циро Хази. Стен дрался быстрее и жестче, чем когда-либо, а меч звенел, налетая на щит врага снова и снова, пока очертания головы кабана не исчезли среди трещин и зазубрин. Затем он пробил оборону Хази и вонзил клинок через доспех в бедро врага. С криком Стен вырвал оружие и направил его в грудь сцарка. Вялая попытка врага поднять щит была слишком медленной, и меч Стена вонзился в горло циро, разрывая сухожилия и мышцы, и дошел до самых костей. С удивленными глазами Хази упал на колени, в то время как кровь текла струей из ужасной раны. Но Стен снова нанес удар, снес голову сцарка и ударил тело ногой, так что оно упало в кровавую грязь.

Тяжело дыша, юный воин огляделся. Его мысли путались, но вокруг него ожесточенно сражались влахаки, в то время как масриды отступали и бежали. «Дальше, — промелькнуло у него в голове, — нам нужно дальше!» Размахивая над головой кровавым мечом, Стен перепрыгнул труп Хази и крикнул:

— Ко мне! Вперед!

С неподдельным ужасом в глазах какой-то масрид стоял на пути у Стена, но тот почти небрежно откинул его копьё в сторону и ударил солдата кулаком в лицо, а потом помчался к священникам, которые замерли, поглощенные ритуалом. Мужчины ордена Альбус Сунас

были настолько поглощены своими молитвами, что никто даже не заметил, как Стен возник перед ними и повалил первого же сокрушительным ударом. Мимо юного воина промчались остальные влахаки и напали на беспомощных магов, как волки на белых овечек. В одно мгновение воцарилась тьма, и ночь вернулась.

Стен в изнеможении упал на колени, прижавшись лбом к эфесу меча. «О духи, — усердно стал молиться он. — Пусть будет еще не поздно! Защити тех, кого я люблю!»

64

В центре сумятицы боя Хродгард изо всех сил пробивался вперед, окруженный верными солдатами. Победа была уже так близка! Позади рядов людей он уже мог разглядеть массивные тела троллей, лежащие на холодной земле. Он должен покончить с ними раз и навсегда.

— Вперед! — крикнул он, и его воины все как один двинулись вперед.

«Ничто не может сдержать нас! — торжествовал он. — Наши топоры царствуют в этой битве!»

Неожиданно его враги снова выстроились, собрались вокруг одной женщины и с удвоенной силой стали напирать на гномов, которые были всего в нескольких шагах от неподвижных троллей.

— Оттесните ее назад! — заревел Хродгард. — Убейте предводительницу!

Гномы снова противостояли атакам, снова их прочные щиты и крепкие доспехи сдерживали удары, и снова люди были подобны буре, которая носится по горам, может быть, и мощная, но неспособная нанести вред... камням.

«Мы — гномы, — сказал себе Хродгард. — Мы — сама скала!»

Его воины противостояли атаке. Они наносили удары и убивали, и крики разносились в ночи. Перед собой Хродгард видел воительницу людей, на нее нападали со всех сторон, потом она упала. С торжествующим криком он встал над ней и занес топор своих предков.

В течение одного удара сердца над полем боя погас свет, и темнота накрыла его. «Нет! — пронеслось в голове у Хродгарда. — Предательство?»

В одно мгновение за беспорядочными линиями людей выросли массивные силуэты троллей. Их рев сотряс землю, они стали продираться вперед, устремившись на ряды гномов. Все мысли о людях были забыты, когда Хродгард увидел устремившихся на них испоконвечных врагов.

— Стена щитов! — прокричал полководец, и предводители на флангах повторили его приказ.

«Пусть будет так, — мрачно подумал Хродгард и пригнулся за своим щитом. — Идите, идите!»

С первобытной силой тролли налетели на линию обороны гномов. По щиту полководца ударила дубинка; к своему ужасу, гном почувствовал, как щит разломился и локтевая кость треснула. Боль пронзила руку, и он отшатнулся. Вокруг себя он увидел других, которые падали на землю под могучими ударами троллей, увидел, как некоторые удары крошили шлемы и черепа и дробили доспехи. «Кошмар, это, должно быть, кошмарный сон», — онемев, подумал полководец.

Потом он пропустил еще один удар в грудь, и его отшвырнуло. Хродгарду показалось, словно он парит в безвременье, словно шум, крики и смерть его воинов не имеют никакого значения. Потом он упал на землю, и его поломанные ребра отозвались сильной болью во всем теле. Задышавшись он лежал на спине, каждый вдох стоил невероятных усилий, потом перед ним возникла тень, и Хродгард увидел тролля, который замахивался боевой палицей. «Нет, это невозможно, — обескураженно подумал полководец, — это...»

Затем тяжелое оружие опустилось на его череп, и мир Хродгарда померк.

В отчаянии Висиния наблюдала за полем брани, влахаки сражались, но уже явно проигрывали. Затем снова разразился бой перед местом ритуала. Оно находилось слишком далеко, чтобы можно было разглядеть подробности, но она хорошо представляла, как Стен подгоняет воинов, придает им мужества и сам сражается изо всех сил. «Ты справишься, Стен, — подумала влахака. — Не сдавайся!»

Рядом с ней Ионна успокаивающе похлопала своего коня по шее. Как всегда, она казалась хозяйкой положения, но Висиния догадывалась, что чувства княгини были в таком же смятении, как и ее собственные.

— Доверяй ему, — неожиданно сказала Ионна и оторвала Висинию от мыслей. — Он знает, что делает. Если кто-то и может справиться, то только Стен. Воины нашего народа последуют за ним куда угодно.

— Как и за тобой, — ответила Висиния и посмотрела на сестру. — Влахаки рады и горды тем, что ты ведешь нас.

— Это досталось мне по наследству, и я все время пытаюсь быть достойной этой чести. Но... — голос Ионны потерялся среди шума вездесущей битвы.

— Ты достойна, Ионна, ты управляешь нами в темные времена, и наш народ доверяет тебе.

Сестра улыбнулась, но потом ее лицо ожесточилось, с него исчезли неуверенность и беспокойство.

— Цорпад не понимает, что сделал, — сказала она. — Он уже считает себя победителем битвы и видит себя королем. Он думает, что это его право, и не понимает, что корону надо заслужить!

Висиния удивленно посмотрела на Ионну.

— Наш народ всегда будет бороться против тирана, — продолжила Ионна. — Он преследовал нас, убивал, обращался как с животными, но не сломил нашу волю. На огне костров, которыми он покрыл нашу землю, мы выковали мечи, а воины, подобные Стену и другим героям, проливают здесь кровь за нашу мечту о свободе. Как только Цорпад мог подумать, что сможет окончательно сломить этот народ и его волю?

— Ты действительно так думаешь? — спросила Висиния.

— Да. Мы все лишь свечи, которые недолго горят в темноте. Цорпад уверен, что его свет важнее, чем сияние всех остальных, что он должен погасить каждую свечу, чтобы горела его собственная. Но все дело только в том, сколько жизней других людей ты осветил. Через сто лет Цорпада забудут, и его имя будет записано лишь в пыльных, старых книгах. Но о Стене люди будут помнить, его имя будут воспевать в песнях! Он хороший человек, сестра. Я была бы рада, если бы мы стали одной семьей.

Пораженная Висиния смотрела на сестру. Та излучала поразительную уверенность, которая глубоко тронула Висинию. Там, где до этого были отчаяние и страх, теперь жили вера и надежда.

«Она права», — подумала Висиния, и в это мгновение погас свет Альбус Сунаса.

Все вдруг услышали гневный рев проснувшихся и поднявшихся с земли троллей. Темные силуэты на фоне все еще освещенной факелами светлой массы влахаков, огромные, первобытные чудовища, крики которых сообщали о жажде мести. У многих кровь застыла в жилах.

Они лавиной набросились на гномов, и даже в суматохе боя Висиния заметила, как линии маленького народца рассыпались при первой же атаке. Влахаки устремились в образовавшиеся бреши и ударили с новой силой, и крики раненых говорили о кровавой дани, которую они сейчас собирали.

С холма, на котором располагался лагерь Цорпада, раздались звуки труб, и Висиния увидела кавалерию марчега, которая на полном скаку спускалась по косоугору.

— Неагас! — неожиданно закричала Ионна. — Наш выход! Обратившись к сестре,

княгиня тихо сказала:

— Настало время. Цорпад выводит последние резервы, чтобы добиться прорыва, и мы ударим в его слабое место.

— Удачи тебе, сестра, — сдавленным голосом ответила Висиния.

— И тебе удачи. Я горжусь тобой и всегда гордилась.

С этими словами Ионна развернула своего коня и схватила пику, которую ей подал воин. Быстрым движением она надела шлем и пришпорила коня, в то время как всадники влахаков, ведомые Неагасом, выстроились и последовали за ней. Знамя с вороном гордо развевалось на ветру, и на мгновение у Висинии возникло чувство, будто она никогда больше не увидит сестру. Но потом она стиснула зубы и снова глянула в ложбину, где тяжелая кавалерия Цорпада беспощадно пробивалась сквозь бегущие ряды своего собственного войска и направлялась к троллям. Задержав дыхание, Висиния следила за масридами, которые с опущенными пиками промчались по жалким остаткам частей гномов и налетели на троллей. Это было похоже на приливную волну, неукротимую бурю, широкую реку смерти, которая накатила на чудовищ. «Остановитесь, — с мольбой подумала она. — Остановитесь!»

Даже с такого расстояния Висиния слышала удары, она увидела пики, пробивающие тела троллей или разлетающиеся в щепки, она увидела, как кто-то из гигантов зашатался и упал наземь. Но она видела также поваленных на землю коней, дубинки, которые уничтожали животных и всадников, троллей, которые хватали масридов и разрывали их тела в воздухе. Исполненные болью крики, паническое ржание, адский рев — все слилось в одну ужасную какофонию звуков.

Тролли выстояли, они сдержали штурм масридов и вынудили их к ближнему бою. В битву влилась кавалерия Ионны, впереди всех княгиня, в белой накидке, с опущенной пикой и древним кличем влахаков на устах:

— Тиреа!

И фланг масридов распался, воины побежали прочь, спасаясь от мелькающих мечей влахаков и смертоносных дубинок троллей. Все дальше и дальше Ионна продвигалась в своей атаке, пробивая ряд за рядом, отбрасывая солдат на землю, топча их копытами, накалывая на пику. В какой-то момент Ионна потеряла пику, но она достала из ножен Клык льва — легендарный меч — и направила коня в самую гущу боя, где кавалерия масридов ожесточенно билась с троллями. Потом Ионну заслонили нападающие, и Висиния потеряла ее из виду. В отчаянии она высматривала сестру. В гуще боя появилась какая-то светлая фигура, конник. Возможно, это была Ионна. Блистающий меч мелькал вверх и вниз, отгоняя врагов, вонзаясь в доспехи и плоть, нанося раны и убивая.

Позади линий масридов, которые находились в полном беспорядке, появились оставшиеся в живых воины из группы Стена, они бросались на тех немногих масридов, которые еще держались, и тем самым положили конец остаткам сопротивления.

— Тиреа! Ионна! — раздались ликующие крики из ложбины, и к ним присоединился звериный рев троллей.

На командном холме Висиния отпустила поводья своего коня, которые она до этого судорожно сжимала в руках. Словно оглушенная, молодая женщина подумала: «Поле боя наше, мы победили!»

Земля все еще была покрыта снегом, хотя уже дул теплый ветер с востока, дни становились все теплее. На крутых крышах, которые выдерживали на себе снежные массы, таяли ледяные сосульки, то тут, то там с крыш срывалось немного подтаявшего снега, с громким хлюпаньем падая на улицы. Ночи, как и раньше, были холодными, отчего снег и талая вода снова замерзали, но весна возвращалась во Влаккис.

Стен бежал по переулкам Теремии, в то время как солнце опускалось за горы. Но как

бы он ни спешил, все равно неизбежно опоздает и абсолютно точно заслужит гнев Висинии. Подбегая к воротам крепости, он увидел Флорес, которая дула на свои руки, чтобы согреть их. Когда сестра увидела его, то широко улыбнулась и прокричала:

— Эй, Стен! Поспеш, сейчас начнется!

— Я знаю, знаю, — ответил юный воин и обнял ее. — Как у тебя дела?

— Хорошо, — со смехом ответила она. — Это были первые в моей жизни швы.

— Ну и как тебе понравилась зима в Дезе?

— Реца, управляющий Ионны, хорошо заботился обо мне и часто составлял мне компанию, — подмигнув, ответила Флорес. — Все были очень приветливы со мной, за исключением Ливиан, которая постоянно читала мне нотации на тему, что моему здоровью полезно, а что вредно.

— Теперь ты понимаешь, как я после осенней битвы чувствовал себя в руках Картареу!

— Ну да, только тогда были и другие руки, которые нежно заботились о тебе, — пошутила Флорес.

Она засмеялась, увидев, как ее брат покраснел.

— Да ладно тебе, брат. На поле боя, может, ты и герой, но в любви...

— Что ты знаешь об этом? — пробормотал Стен, а затем, бросив взгляд на темнеющее небо, добавил: — Нужно идти.

Все еще усмехаясь, Флорес последовала за ним в вестибюль цитадели Ремис, который был празднично украшен. В нишах застыли воины, на гербовых камзолах которых гордо красовался ворон Ионны.

Все гобелены масридов исчезли, и теперь взору снова предстали скрывавшиеся за ними древние мозаики. Во время господства Цорпада большинство из них были разрушены, изуродованы, но мастера уже начали их восстанавливать. Создавалась новая фреска, на которой, пока еще контурно, Ионна сидела на своем коне, высоко поднимая Клык льва над головой, а поверженный Цорпад лежал у ее ног. Юный воин мрачно посмотрел на фигуру марчега, еще без лица. «По крайней мере, у тебя хватило достоинства умереть в битве», — подумал он.

— Выглядит довольно хорошо, правда? — Флорес оторвала его от размышлений. — «Ионна торжествует над Цорпадом» — это история нашего народа.

— Да, — согласился Стен. — Аркас победил Тиреа, а Ионна победила Цорпада. Через двести лет влахаки снова свободны!

— Частично. Масриды еще властвуют на востоке, — напомнила ему сестра.

— Да, — согласился с ней Стен, а потом осторожно спросил: — А ты знаешь, были ли еще беспорядки?

— В Теремии? — уточнила Флорес и, когда Стен кивнул, продолжила: — Были нападения на масридов и сцарков. Но Ионна быстро навела порядок и с тех пор все относительно мирно.

— Мы живем в беспокойное время, — констатировал Стен, а потом усмехнулся. — Но сегодня праздничный день!

Брат и сестра вместе вошли в большой зал, в котором уже были сотни людей. Здесь царило праздничное настроение, гул голосов висел в воздухе, и казалось, будто все присутствующие надели свои лучшие одежды.

Стен быстро глядел себя. На нем тоже была льняная рубашка и такие же штаны, его накидка была из серой шерсти, отороченной мехом. Позади, недалеко от трона, он обнаружил Висинию, которая беседовала с маленькой группой влахаков.

Сердце Стена подпрыгнуло, как только он ее увидел. Для праздника она надела темно-зеленое платье, что чудесно подходило к ее длинным рыжим волосам. Когда она увидела Стена и его сестру, то приветливо улыбнулась, прервала беседу и направилась к ним. Мгновение Стен стоял не двигаясь, рассматривая ее и вбирая в себя все: ее улыбку, глаза, походку — каждую мелочь. Она оказалась перед ним, и он обнял ее. Кружил голову ее запах, и близость отнимала дыхание.

— Любимый, — прошептала она ему на ухо. — Как хорошо, что ты снова со мной!

— Сердце мое, — ответил Стен и нежно поцеловал ее в лоб.

Он еще раз прижал ее к себе, затем Висиния отступила на шаг, смерила его взглядом и сказала с улыбкой:

— Вы хорошо выглядите, барон Стен! Как дела в Дабране?

— Я оставил там Костина, чтобы он обо всем позаботился. Крепость Рабенштайн будет подготовлена в лучшем виде к нашему прибытию. И люди в городе уже радуются новой боярине, — сияя, ответил он.

Прежде чем Висиния успела что-то ответить, распахнулась дверь, и в зал вошел Друан. Ему пришлось немного пригнуться, проходя через дверь, но затем он выпрямился во весь свой впечатляющий рост, и разговоры в зале умолкли, так как все взгляды были обращены к нему. Невзирая на внимание со стороны окружающих и страх, который отразился на многих лицах, Друан пересек зал и подошел к Стену, Флорес и Висинии.

— Стен, — радостно сказал тролль. — Когда ты прибыл?

— Только что, паводком смыло паром, пришлось ждать второго.

— На твоей родине все в порядке?

— В Дабране очень много дел, но это подождет. В остальном все мирно.

— Это было очень мудро со стороны Ионны предоставить эскорт и обеспечить отход на восток, — вмешалась Флорес. — Это многих избавило от дополнительных сражений.

— Да, — согласился с ней Стен и бросил взгляд на Висинию, которая чуть улыбалась.

Предложение предоставить масридам в Теремии и других городах и деревнях в Садате свободный отход на восток после битвы исходило от нее и оказалось очень дальновидным планом.

После смерти Цорпада и разгрома его войска среди масридов и сцарков царила паника. Хотя многие еще сидели в своих домах и крепостях, но солдаты рассеялись, слишком многие погибли, поэтому почти не было надежды на то, что их бастионы смогут долго продержаться. Когда Ионна указала им выход, многие приняли предложение. Таким образом, в течение зимы вся бывшая территория Цорпада без боя перешла к Ионне, за исключением некоторых очагов сопротивления.

— Как дела под землей? — поинтересовался Стен, так как не видел Друана с тех пор, как сам отправился в Дабран, а тролль назад, в недра.

— Идет война, — лаконично ответил Друан. — Но теперь против нас уже не борются сами камни. А гномов можно убить.

— Это точно, — согласилась с ним Флорес и потерла бедро, в которое она была тяжело ранена. — Хотя они чертовски твердые, эти маленькие сволочи.

— Пард другого мнения, — ответил Друан. — Он говорит, что они становятся все мягче!

Стен, улыбаясь, кивнул, он хорошо представлял себе выражение лица Парда, с презрительно поднятой верхней губой, сдвинутыми бровями, злым блеском в глазах. «О духи, как я рад, что этот тролль снова под землей, там, где ему и место», — с облегчением подумал Стен.

— Воевода Ионна! — громким криком возвестил Истран о прибытии властительницы.

Княгиня в светлом одеянии прошла через маленькую дверь позади трона и вышла перед собравшимися.

Несколько мгновений ее глаза обводили лица присутствующих, а потом она заговорила:

— Я знаю, что многие из вас ожидают, что я займу место на троне. Многие хотят, чтобы я объявила себя королевой и наследовала Тиреа.

По залу пронесся благосклонный шум, но Ионна остановила его, резко подняв руку.

— Но я не сделаю этого! Этот трон — трон страны наших предков! На этом троне сидел Раду Святой, который объединил наш народ! С этого трона он правил. Так хотел объединенный народ влахаков!

Стен с удивлением посмотрел на Висинию, которая сделала серьезное лицо и кивнула ему. Как и все другие, Стен тоже предполагал, что Ионна после победы над Цорпадом объявит себя кралем. И не было никакого сомнения в том, что все вольные влахаки ее поддержат. Никто бы не оспаривал ее притязания. Этот неожиданный поворот озадачил юного воина, но он понял по глазам Висинии, что она знала об этом.

— Когда Влахкис снова станет единой страной, когда больше ни один влахак не будет жить под гнетом, только тогда мы созовем собрание и выберем краля! Так, как когда-то народ выбрал Раду!

После этих слов зал взорвался громом аплодисментов, некоторые выкрикивали имя Ионны, другие Тиреа, но княгиня не повела и бровью, пока шум снова не стих и не вернулась тишина.

— Поэтому мы собрались не праздновать победу. Мы должны почтить память тех, кто отдал свою жизнь, чтобы мы сегодня могли здесь находиться. Мы должны отдать почести тем, кто принес огромные жертвы ради этого! Вспомним этих мужчин и женщин, таких как Натиоле Таргузи и Линорел сал Долеорман, и многих других, которые всегда боролись за свободу и погибли за нее!

«Ты слышишь это, Нати? — подумал Стен. — Ты справился, у нас есть снова надежда и земля, на которой влахаки могут жить свободно. Где бы ты сейчас ни был, мы думаем о тебе!»

— Мне все еще не хватает его, — прошептала Флорес рядом со Стеном, и юный воин пожал ее руку.

— Мы очень благодарны нашим союзникам, которые в час большой беды встали на нашу сторону. Пусть в будущем появятся новые истории о троллях, справедливые истории!

Все взгляды обратились на Друана, который невозмутимо смотрел на Ионну. Мощный тролль сжал кулаки и кивнул княгине, которая продолжала:

— Наши враги должны знать, что мы и в будущем будем готовы к борьбе за свободу! Каждый должен знать, что влахаки снова хозяева своей земли, что мы никогда не преклоним колен!

На этот раз восторг был оглушительным. По знаку Ионны Истран вынес стул, украшенный резьбой, который поставил у ног трона, и Ионна, исполненная достоинства, заняла это место. Теперь началась вторая часть собрания: все желающие могли поговорить с Ионной о беспокойствах и бедах народа, а она принимала решения. Стен посмотрел на сестру княгини, которая с улыбкой спросила:

— Что?

— Неожиданно, — ответил влахак. — Но это в натуре Ионны. Все предполагали, что она займет место краля.

— Она чувствовала, что это не будет правильно. Кроме того, это укрепляет наши переговорные позиции с обоими марчегами.

— Насколько?

— Если бы Ионна огласила себя королевой всего Влахкиса, они должны отреагировать, или в глазах масридов они потеряли бы свои притязания. А так они могут принять господство Ионны над Мардевом и Садатом, — объяснила Висиния. — По крайней мере, на первое время.

— Кроме того, все еще есть угроза того, что Ионне придется начать военный поход, — добавил Стен.

— Да. После победы над Цорпадом соотношение сил неожиданно изменилось, и хрупкий мир с Гиулой и Ласцларом ненадежен. Должны ли они бояться нас, так как мы сильны и располагаем помощью троллей? Или мы обессилили в войне? Они не могут этого оценить, и это делает в их глазах нас опасными.

— Я так предполагаю, что вы провели достаточно переговоров?

— О да! Есть много посланий, как тайных, так и официальных, которыми нужно заняться. В настоящее время с этим хорошо справляются бурлаки. Кстати, я думаю, Флорес

нужно снова заняться своей профессией. Я уверена, что сейчас большой спрос на наемников, ведь из-за большого количества солдат на дорогах очень опасно, — сказала Висиния.

Флорес покачала головой.

— Нет, спасибо. Пока я остаюсь в Теремии, я уверена, что Ионне понадобится любой здравомыслящий человек. Мой братец станет боярином Дабрана, а мне нравится Теремия.

— Конечно, — согласилась Висиния. — Давайте-ка пройдем вперед, я уверена, что Ионна хочет поблагодарить тебя лично. Ты с нами, Друан? Думаю, тебя она тоже будет благодарить.

Согласно пробурчав что-то, тролль последовал за женщинами, оставив Стена одного.

— Ваша свадьба — дело решенное? — неожиданно прошептал ему на ухо знакомый голос, и Стен подскочил, пролив вино на руку и рукав рубашки.

Ругаясь, влахак обернулся.

— Не надо подкрадываться!

— Прости, — лукаво улыбаясь, извинился Сарган. — Ну и?...

— Что, и?...

— Свадьба?

— Да, конечно. Как только наступит весна, Висиния и я поженимся. А что? — спросил Стен с подозрением.

— О, я сейчас снова обратил внимание, какая она милая. Вот я и подумал, что если ты еще не решился спросить ее, то, может, я...

— Попробуй только! — накинулся Стен на дирийца, но потом увидел его хитрую улыбку и успокоился.

— Я не знаю, буду ли я еще здесь до времени вашей свадьбы. Собственно, я хочу вернуться в империю, как только позволят перевалы.

— Не волнуйся, ты сможешь перейти их только летом, — заявил Стен. — До тех пор еще долго ждать.

— Да, — уныло сказал Сарган. — Так что я еще смогу некоторое время наслаждаться гостеприимством этой страны. Отсюда и вопрос, ведь я не хочу проводить ночи при таком холоде в полном одиночестве!

Стен, смеясь, согласился с дирийцем:

— Это правда. Но разве ты не?...

Он оставил вопрос незаконченным.

— Что? — переспросил Сарган.

— Скажи мне, Скилои Касцон в последний раз видели с тобой, а ее труп так никто и не нашел...

— Мне жаль, — серьезно ответил Сарган. — Я не знаю, что с ней случилось. Наверное, ее съел тролль или она сбежала.

— Наверное, — задумчиво сказал Стен и посмотрел на дирийца, выражение лица которого изображало полную невинность.

«Он спас нас. Без него Цорпад одержал бы победу, — подумал вдруг Стен. — Как я могу упрекать его в чем-либо?»

— Если захочешь... Двери Дабрана всегда открыты, — пригласил он Саргана.

— Скорее всего, я воспользуюсь твоим великодушным предложением, — заявил дириец с легким поклоном.

— Ты будешь в Дирии защищать наши интересы? — неожиданно серьезно спросил Стен.

— Моих хозяев не интересует, чья здесь власть — масридов или влахаков. Я уверен, что они охотно будут вести с вами торговлю.

— Это хорошо, так как гномы...

— У гномов теперь свои заботы. Я предполагаю, что мои хозяева также и в отношении гномов что-то предпримут. Все-таки это и было причиной моего путешествия.

Сарган посмотрел на Стена, потом задумчиво сказал:

— Может быть, для нас есть еще и другие, не только деловые, возможности стать друзьями, какими бы разными мы ни были.

Стен похлопал дирийца по плечу.

— Это хорошо. Тогда, возможно, я однажды отправлюсь в путешествие в ваши золотые города и навещу тебя.

Сарган сказал с улыбкой:

— Свадьба состоится в Теремии?

— Да, так запланировано.

— Тогда там, скорее всего, и увидимся. Ты извинишь меня? — спросил Сарган. — Я хочу попрощаться с Друаном.

Сарган все еще слегка хромал, хотя Стен был почти уверен, что дириец слегка лукавит, чтобы получить побольше сочувствия и признания. Когда Стен подумал об этом, то его сразу же начали мучить угрызения совести, так как Сарган был ранен, когда помогал влахакам. «Я недостойный человек, — размышлял Стен, — почему-то, когда дело касается Саргана, я всегда предполагаю худшее!»

Пока все присутствующие собрались вокруг Ионны, Стен бросил еще один взгляд на мозаики, а потом вышел в ночь, освещенную несколькими факелами. Он глубоко вдохнул чистый и прохладный воздух и посмотрел через открытые двери крепости на улицы Теремии. «Мы достигли того, чего хотели, и даже большего, чем могли надеяться, — промелькнуло у него в голове. — Пусть не всю страну освободили, большинство влахаков все же может снова жить свободно. Рядом Висиния, и вместе мы отстроим Дабран. Мы снова сделаем его таким, каким он когда-то был». Стен задумчиво смотрел на сверкающие звезды на черном небосводе. «Мы много обрели и много потеряли. Настало время заглянуть в будущее».

Тут, тяжело ступая, к влахаку сзади подошел Друан.

— Ты доволен, Стен сал Дабран? — спросил тролль и снова удивил воина своей проницательностью.

— Я не знаю. Я счастлив по многим причинам, но и печаль наполняет мое сердце, — признался он троллю.

— Никогда нельзя закончить все дела, — попытожил Друан. — Пути ведут дальше.

— Да. И мой путь теперь ясен, — согласился с ним Стен.

— Для тебя война закончилась. У тебя есть земля и семья.

— Да, у нас теперь другие задачи. Мы должны не сражаться, а создавать мир, и нам нужно многое отстроить. Много работы, — заявил Стен, и Друан согласно что-то пробурчал.

Некоторое время оба молча смотрели в темное небо.

— Ты покидаешь нас? — спросил влахак тролля.

— Здесь не место для троллей, — объяснил Друан. — Мы принадлежим недрам. Наши поиски закончились, моя родина ждет.

— И мы никогда больше не увидимся?

— Наверное, нет, — ответил Друан. — Но это хорошо. Люди и тролли не могут быть одним целым.

— Да, у нас есть свои миры и свои дороги, по которым мы должны идти, — понял Стен. — Какое-то время это была одна дорога, но теперь они снова разделяются.

— Точно. Удачного пути тебе, Стен.

— И тебе доброго пути, Друан, — ответил воин и смотрел вслед троллю, который медленно уходил.

Когда тот почти дошел до ворот, Стен крикнул:

— Что с вашей войной? Что с гномами?

С широкой, злой ухмылкой тролль повернулся и крикнул в ответ:

— Мы убьем своих врагов, Стен! Мы — тролли!

Эпилог

Сердце в глубинах земли билось все медленнее и медленнее, это биение, которое проникало сквозь вечность, успокаивалось, но не затихло полностью. Обжигающие прикосновения исчезли, и раны, которые они оставили, превратились в шрамы, они потерялись среди более старых ран. Дух темноты наслаждался тишиной и одиночеством, и его сны стали спокойнее и светлее, не нарушаемые больше извне и только обеспокоенные некоторыми мучительными воспоминаниями.

Над ним последний снег зимы покрыл землю, растения, и звери постепенно просыпались от долгого сна, и люди тоже повыходили из своих маленьких домов. С возвратившимся спокойствием его дыхание стало тише, грозы и бури больше не мучили землю. И хотя зима было долгой и холодной, но это не было чем-то необычным для страны меж гор. Кровь пролилась от рук людей, троллей и гномов, но сейчас оружие отдыхало, и крики умирающих больше не проникали в сны Духа темноты. Или это его сны больше не проникали в крики умирающих?

Когда на небе стояла полная луна, холодный свет которой он чувствовал через скалы и землю, раздались звуки. И его сердце сжалось от страха, так как он ожидал боль, которая заставит его кричать земле о своем страдании и сотрясать ее.

Но эти песни были другими. Их старые слова успокоили его мысли, мягко скользнули по ранам, как старым, так и новым, лаская его израненное тело, и на время он снова стал един с этим миром. Все глубже и глубже Дух темноты погружался в свои сны, отдавшись смягчающим боль звукам, и вспомнил о прежних днях, когда древние люди почитали его, а он защищал их.

Затем песни умолкли, и тени вернулись к краю его сознания, мрачные и угрожающие, тени воспоминаний о предательстве, боли, невыносимых мучениях и его бегстве в безопасные глубины. Но, несмотря на угрожающие тени, он снова погрузился в вечный сон, подарив земле спокойствие.

Благодарности

Разумеется, такое произведение, как «Месть троллей», не могло быть создано самостоятельно. Много людей сопровождали автора в работе и помогали ему, и всем им я теперь хотел бы выразить свою благодарность. В первую очередь я хочу назвать своих агентов — Наталью Шмидт и Юлию Абрахамс. Без их непоколебимой веры в мои способности я, наверное, никогда бы не осмелился поставить перед собой такую задачу.

Мне помогли некоторые друзья, особенно в начале работы, которые критически комментировали мои первые наброски. Особую благодарность выражаю Андреасу, Даниелю, Уве и семье Ойлер. Еще я хочу поблагодарить команду из издательства «Neune»: Мартину Фогль, Сашу Мамчак, Бернда Кронсбайна и Ангелу Кюппер. Они своей критикой и вопросами помогли мне написать эту книгу.

Кристоф Хардебуш